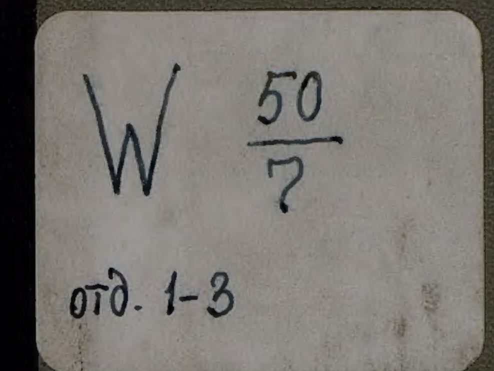

W 50/7
отд. 1-3

ДРЕВНОСТИ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,

ИЗДАННЫЯ

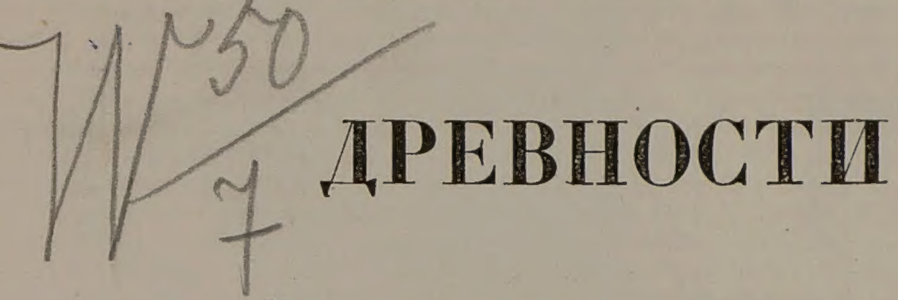
ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ОТДѢЛЕНІЕ 1.

ДРЕВНОСТИ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ I. — 3



ДРЕВНОСТИ РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,

ИЗДАННЫЯ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.-3

СВ. ИКОНЫ, КРЕСТЫ, УТВАРЬ ХРАМОВАЯ И ОБЛАЧЕНІЕ САНА ДУХОВНАГО.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СЕМЕНА.
1849.

Печатано по опредѣленію ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета для изданія Древностей Россійскаго Государства.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

СВ. ИКОНЫ.

Печатано по опредѣленію ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета для изданія Древностей Россійскаго Государства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

СВ. ИКОНЫ.

КРЕСТЫ.

УТВАРЬ ХРАМОВАЯ.

ОБЛАЧЕНІЕ САНА ДУХОВНАГО.

Сохраненіе памяти о временахъ прошедшихъ проявляется искони въ обычаѣ Русскихъ Святителей, Великихъ князей, Бояръ и всего народа полагать въ храмы, на вѣчную память себѣ, иконы, одежды, утварь и различные взносы на украшеніе церквей. Въ лѣтописи, въ годъ нашествія Монголовъ на Владиміръ, упоминается объ одеждахъ первыхъ Великихъ Князей «еже бяху повѣшали въ Церквахъ на память собѣ.» Храмы и были первыя хранилища сокровищь Русской древности.

Гражданская Археологія, какъ наука, образовалась въ Россіи вмѣстѣ съ водвореніемъ понятія объ отечествѣ, со временъ Петра Великаго, какъ основателя существеннаго единства Царства и единства духа народнаго. При Императрицѣ Екатеринѣ положено начало своду лѣтописей; но Археологія, въ то время, занималась еще изученіемъ памятниковъ Греціи и Рима. Мысль объ образованіи отечественнаго хранилища древностей принадлежитъ Императору Александру; по его повелѣнію, основана Оружейная Палата, для помѣщенія и охраненія остатковъ древней Царской Большой Казны, которая нѣкогда приводила въ изумленіе пословъ Европейскихъ, горами золота, жемчугу и драгоцѣнныхъ камней въ одеждахъ и утваряхъ царскихъ.

Но кромѣ этого богатства, сокровища древности разсѣяны были по всей Россіи, въ ризницахъ храмовъ и монастырей, въ развалинахъ, въ забвеніи, подъ спудомъ новой жизни, истребляясь, истлѣвая и постепенно теряя свое

значеніе въ преданіяхъ. Время охраненія памятниковъ Россіи настало со вступленіемъ на престолъ и всеобъемлющею заботливостію благополучно Царствующаго Государя Императора Николая Павловича.

Повелѣвая свято хранить памятники и остатки древностей Русскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Государь Императоръ соизволилъ, чтобъ все, что заслуживаетъ вниманіе и составляетъ матеріалъ Исторіи или предметъ археологической любознательности ученыхъ и художниковъ, было срисовано со всею отчетливостію, описано и издано въ свѣтъ. Исполненіе этого Высочайше возложено было на Г. Президента Императорской Академіи Художествъ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Оленина, а изображеніе памятниковъ Русской старины поручено Г. Академику Солнцеву.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, совершая ежегодныя поѣздки по Россіи, Г. Солнцевъ срисовалъ значительное количество Русскихъ древностей — храмовыхъ, великокняжескихъ и царскихъ, ратныхъ и вообще напоминающихъ старину быта Русскаго и древняго Русскаго искусства.

Начатые многотрудные опыты изданія этихъ рисунковъ посредствомъ раскрашиванія гравированныхъ и литографическихъ очерковъ, были прерваны смертію ученаго и трудолюбиваго руководителя этого археографическаго изданія, Г. Президента Оленина. Государь Императоръ, съ благотворною попечительностію, соблаговолилъ принять подъ личную заботу собраніе драгоцѣнныхъ рисунковъ древностей и непрерывную дѣятельность по этому предмету, и повелѣлъ учредить въ Москвѣ Комитетъ изданія Древностей Россійскаго Государства.

Предположенія и начала изданія Древностей Россійскаго Государства А. Н. Оленина, составляли личный его трудъ и опыты этнографическаго описанія Славяно-Руссовъ со временъ историческихъ. « Главная цѣль со-
« чиненія Древностей Россійскаго Государства, говоритъ Г. Оленинъ въ
« очеркѣ предисловія, будетъ состоять въ точнѣйшемъ изслѣдованіи нра-
« вовъ, обычаевъ и одежды или костюма Русскаго народа отъ VI до XVIII
« вѣка по Р. Х., особенно для художниковъ.... Въ этомъ собраніи самыхъ
« отчетливыхъ рисунковъ показаны будутъ настоящіе виды одѣяній, оружія,
« первобытныхъ жилищъ, храмовъ, зданій, скарба, однимъ словомъ, всѣхъ
« предметовъ, которые могутъ входить въ составъ этнографическихъ описа-
« ній племенъ Славянскихъ и особенно Русскаго народа. Къ сему своду
« историческихъ доказательствъ въ лицахъ, присовокуплено будетъ все, что

« у насъ въ Россіи имѣется изъ числа произведеній другихъ народовъ и все, « что можетъ служить яснымъ доводомъ къ подтвержденію сказаннаго о « многолюдныхъ племенахъ Славянъ въ письменныхъ преданіяхъ древнихъ « и новѣйшихъ авторовъ. »

Обширность этого предположенія и сравнительная метода описанія, имѣя свое великое значеніе для науки, какъ плодъ долговременнаго труда изыскателя, не могли быть приняты Комитетомъ въ основаніе; ибо главной, предназначенной цѣлью его было собственно изданіе собранныхъ рисунковъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древности Русской, съ соотвѣтственнымъ описаніемъ; но не ученыя изысканія и не сравнительный, чисто этнографическій сводъ древностей Славянскихъ племенъ въ соприкосновеніи съ прочими народами.

Основываясь на этомъ, и приступая къ исполненію Высочайшей воли, Комитетъ распорядился о составленіи новаго проэкта изданія и опыта о возможности печатанія акварельныхъ рисунковъ Г. Академика Солнцева посредствомъ литохроміи или печатанія масляными красками, въ Москвѣ.

Получивъ Высочайшее утвержденіе на проэктъ изданія, а равно дарованныя щедротами Государя Императора средства къ безотлагательному и успѣшному исполненію, Комитетъ приступилъ къ изданію.

Первый отдѣлъ огромнаго и великолѣпнаго изданія « Древностей Россійскаго Государства » состоитъ изъ 500 большаго формата рисунковъ, распредѣленныхъ, по содержанію своему, на 6 отдѣленій, съ соотвѣтственнымъ описаніемъ.

Первое отдѣленіе Древностей Россійскаго Государства заключаетъ въ себѣ священные памятники: а) Образа и кресты, замѣчательные какъ по историческому значенію въ отношеніи отечественныхъ событій, такъ и въ художественномъ отношеніи разныхъ родовъ и школъ священной живописи. б) Утварь храмовую разныхъ временъ, избранную по древности, красотѣ формъ, драгоцѣнности, или сродству съ священными преданіями. в) Облаченіе сана духовнаго — одежды древнихъ Всероссійскихъ Митрополитовъ, Патріарховъ и Святыхъ Отцовъ — сакосы, фелони, митры и проч.

Второе отдѣленіе заключаетъ въ себѣ древній Царскій чинъ, или священное облаченіе Русскихъ Великихъ Князей и Царей при поставленіи на царство: наслѣдственный вѣнецъ Россіи, св. бармы, скипетръ, державу, наперсный крестъ, присланные въ даръ Греческимъ Императоромъ, и из-

вѣстные подъ названіемъ Мономаховыхъ. Царскія шапки большаго и меньшаго наряда, шапки алмазныя, короны, державы, бармы, скипетры, жезлы и посохи, цѣпи, становые кафтаны и троны.

Третье отдѣленіе заключаетъ въ себѣ древнюю броню, и оружіе: шлемы, шишаки, или ерихонскія шапки, между которыми первое мѣсто занимаютъ шлемы Ярослава Всеволодовича и Александра Невскаго; мисюрки, или оглавія съ кольчужными полами, бахтерцы, зерцалы, кольчуги, наручи, бутурлики, юшманы; древнія знамена, щиты, торчи, шестоперы, перпаты и булавы; сабли, палаши, кончары, мечи, кинжалы, сѣкиры, чеканы, рогатины, протазаны, пищали, самострѣлы, налучи и колчаны; древніе экипажи и конскую сбрую.

Четвертое отдѣленіе составляютъ древнія Великокняжескія, Царскія, Боярскія и мѣстныя народныя одежды въ изображеніяхъ и портретахъ, въ числѣ которыхъ изображеніе семейства Святослава Ярославича, портреты Филарета Никитича, Царя Ѳеодора Алексѣевича и проч и проч.

Пятое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ древнюю Царскую столовую утварь: блюды, братины, кубки, чаши, ковши, кружки, рога, чарки, стопы, сулеи, воронки, кроппи, рукомойники и лохани, серебряныя бочки и ведры, росольники, стоянцы и проч.

Шестое отдѣленіе состоитъ изъ памятниковъ древняго Русскаго Зодчества.

Предсѣдатель Комитета Генералъ Адъютантъ Графъ Сергій Строгановъ.

Членъ Комитета Д. С. С. Михаилъ Загоскинъ.

Членъ Комитета С. С. Иванъ Снегиревъ.

Членъ Комитета Н. С. Александръ Вельтманъ.

Москва.
Декабря 1848 года.

ВВЕДЕНІЕ

КЪ

ОПИСАНІЮ ХУДОЖНИЧЕСКИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ

ЦЕРКОВНОЙ ДРЕВНОСТИ

ВЪ РОССІИ.

Представляя въ этомъ отдѣлѣ описаніе разныхъ предметовъ церковной Археологіи, преимущественно Агіографіи т. е. описанія сосудовъ, и иконографіи, (1) почитаемъ за необходимое представить въ краткомъ очеркѣ художническую дѣятельность старобытной Руси. Въ ней древнѣйшіе и драгоцѣннѣйшіе памятники иконописи и торевтики, или чеканной работы обязаны своимъ происхожденіемъ Религіи, которая, давая имъ направленіе, сообразно духу своему и цѣли, опредѣляла не только ихъ форму и назначеніе, но и самое вещество. Освященныя ею художества сдѣлались служебными для Церкви, а произведенія ихъ были столько же памятниками благочестія, сколько искусства.

(1) Памятники церковнаго зодчества не вошли въ составъ сего изданія.

И такъ однимъ изъ главныхъ проводниковъ искусства на Русь, единственнымъ его началомъ и средоточіемъ была Христіанская Вѣра. Оживотворяя явленія художествъ, развивая художественную силу въ народѣ, она употребила зодчество для сооруженія святолѣпныхъ храмовъ, торевтику и живопись для украшенія ихъ св. утварями и образами. Хотя, согласно съ правилами своими, Церковь отвергла ваяніе, какъ изконное и обычное орудіе идолопоклонства; но допускала рѣзьбу, изображавшую обронно (рельефно) на деревѣ, кости и камнѣ, кресты, панагіи и св. иконы, дозволяла изваянія на внѣшности храмовъ, каковы во Владимирѣ Клуземскомъ и Юрьевѣ Польскомъ.

Какъ первымъ разсадникомъ Христіанства, такъ и церковныхъ художествъ, былъ Кіевъ, потомъ Новгородъ, откуда онѣ проникли на сѣверовостокъ Руси. Въ стольномъ городѣ Византійскіе Греки сооружали церкви, украшали ихъ иконописью, стѣнописью и Цареградскою мусіею, произведеніями чеканной работы и литейнаго искусства. Перенесенный ими Византійскій церковный стиль усвоенъ былъ подражавшими имъ Русскими художниками. Отъ него произошелъ стиль *Корсунскій*, въ какомъ производили художники и ремесленники Корсуни Таврической и Корсуни Кіевской. (2) Въ послѣдствіи, слова *Греческій* и *Корсунскій* обратились въ нарицательныя, въ значеніи *отличный* и *превосходный;* онѣ даже придавались и произведеніямъ Русскихъ художниковъ, подражавшихъ этому стилю. Лѣтописи наши не рѣдко упоминаютъ о *Корсунскихъ колоколахъ, иконахъ и утваряхъ*. Художники въ Россіи, такъ какъ въ Греціи, Италіи, Германіи и Англіи, составляли товарищества или братства; почему лѣтописи наши, упоминая объ ихъ произведеніяхъ, прибавляютъ, что такой-то работалъ съ *други*, съ *братіею*, съ *товарищи*, съ *ученики*. Такъ какъ нерѣдко художество съ его тайнами передавалось отъ отца къ сыновьямъ и внучатамъ: то и у Русскихъ, встрѣчаемъ нѣчто подобное такъ называемымъ у Нѣмцевъ Künstlerfamilien.

(2) Гор. Корсунь въ Кіевской гб. въ Богуславскомъ уѣздѣ при рѣкѣ Росѣ, вѣроятно, заселенный въ древности выходцами изъ Херсона Таврическаго. см. *Книга, глаголемая Большой Чертежъ*, М. 1846, въ 8.

Не соединяя съ художествомъ высокаго понятія о творчествѣ, а съ ремесломъ или *ремествомъ* унизительнаго, Русскіе въ древности еще не различали свободнаго художества отъ служебнаго, раболѣпнаго ремесла (3); но въ смыслѣ, отчасти близкомъ къ тому какой нынѣ даемъ художнику, они называли его *хитрецомъ*, *мастеромъ*, а художественность—*хитростію*. Вся хитрость состояла не столько въ изобрѣтеніи, сколько въ исполненіи, отдѣлкѣ.

Послѣ столькихъ разгромовъ, уцѣлѣвшіе остатки памятниковъ искусства видимъ въ открытыхъ недавно фрескахъ и мозаическихъ образахъ Софійскаго Кіевскаго собора и Десятинной церкви. Сохранившіяся въ церквахъ Кіева и время отъ времени выкапываемыя изъ земли разныя древнія утвари и узорочья свидѣтельствуютъ намъ о состояніи иконописи и торевтики до–Монгольскаго періода. (3) Золото и серебро, добываемое войною и торговлею, посвящалось на украшеніе св. иконъ и на устроеніе св. утварей. Торевтика выдѣлывала изъ серебра и золота рѣзные, чеканные и сканные вѣнцы, ризы, оплечья, гривны и дробницы на св. иконы, къ коимъ присоединялись украшенія изъ мусіи, финифти и черни. По видимому, съ особенною роскошью убранства *испещряемъ* былъ образъ Богоматери, которую псалмопѣвецъ такъ предъизображаетъ: « рясны златыми одѣяну и преиспещрену. » (4) На ея иконахъ, прославленныхъ чудесами, были въ числѣ привѣсокъ рясны, серги, ожерелья, цаты, гривны. Такъ изъ описанія образа Владимирскія Богоматери мы уже видѣли, сколько золота, серебра, жемчугу и дорогихъ камней употребилъ на ея убранство В. К. Андрей Боголюбскій. Какъ одно изъ главныхъ украшеній не только въ церквахъ, но и въ теремахъ, гридняхъ, хоромахъ и палатахъ составляли св. иконы; то благоговѣйное усердіе Князей, бояръ и богатыхъ купцовъ облекало ихъ драгоцѣнными окладами.

Издревле также главнымъ предметомъ художнической дѣятельности на Руси были и *утвари* (utensilia) церковныя, кои не только значатъ сосуды и орудія, но и самыя одежды. По правиламъ Церкви, утвари сіи должны быть, сколько

(3) Въ Русской Правдѣ за голову ремественника взималось 12 гривенъ, вдвое противъ холопа.
(4) Очеркъ исторіи города Кіева, *Н. Закревскаго*. Ревель, 1836, въ 8.
(5) *Псал*. XLIV. 14.

возможно, « правильнаго устройства и лучшаго вещества. » (6) Всѣ сосуды и орудія, употребительныя при Богослуженіи, въ юридическомъ языкѣ res sacræ, вещи священныя, для церковнаго употребленія были благословенныя и освященныя. (7) Между ними первое мѣсто занимаютъ, какъ въ высшей степени священныя: *потиръ съ дискосомъ, звѣздицею и лжицею, ковчегъ* или кивотъ для храненія божественныхъ даровъ, потомъ *напрестольные крестъ и Евангеліе, рипиды, митры, наперсные кресты* и *панагіи* артосныя, трапезныя и столовыя, и прочая утварь, необходимая при богослуженіи, *водосвятныя чаши, укропники,* или *ковши* для теплоты, *сосуды виноводные,* (кукумы) *достоканы, анафорныя блюда* и пр. Наконецъ священныя облаченія, покровы, сударі, (8) убрусы и пелены, кои торевтика нерѣдко украшала чеканными, сканными и рѣзными дробницами и плащами. Въ нашей церковной древности встрѣчаются утвари, нынѣ или мало употребительныя, или уже вышедшія изъ употребленія. Таковы: *Іерусалимы,* или *Сіоны, кацеи,* или ручныя кадильницы, *артосныя панагіи, чаши Пречистыя, кратиры, фелони,* коихъ знаменованіе объяснено нами въ отдѣльныхъ статьяхъ. Утвари сіи составляютъ предметъ священной Ангіографіи.

Сколь важно историческое и догматико-символическое ихъ значеніе, столь занимательно ихъ отношеніе къ художествамъ, къ вѣку и мѣстности художниковъ. Проявляя въ нихъ свое *замышленіе, преизмечтанность* и искусство, они нерѣдко присоединяли свое имя къ имени доброохотнаго дателя въ подписи на утвари. Иногда въ этихъ памятникахъ церковной древности поражаетъ насъ переходъ отъ скудости и простоты къ богатству и великолѣпію матеріаловъ, отъ деревянныхъ сосудовъ Препод. Сергія и Никона къ золотымъ потирамъ Патріарховъ Филарета и Никона. Бывали случаи, что древнія сіи утвари представлялись на отечественныхъ соборахъ въ утвержденіе православія и въ улику раскола. Такъ въ Москвѣ 1682 г. Патріархъ Іоа-

(6) Записки по церковному Законовѣдѣнію. Кіевъ, 1848, въ 8.

(7) Требникъ М. Петра Могилы, ч. II, о различныхъ освященіяхъ о благословеніяхъ церковныхъ.

(8) Такъ читаемъ о сударяхъ (sudaria) въ описи Московск. Усп. собора, въ началѣ XVII вѣка. « Сударь, на немъ шиты святые золотомъ и серебромъ по зеленой камкѣ, подложенъ тафтою « красною. »

кимъ на соборѣ предложилъ въ свидѣтельство четвероконечнаго креста Корсунскій крестъ и Антоніевъ потиръ.

Такъ какъ св. иконы и утвари составляли необходимую принадлежность и святыню церквей: то Греческіе, Корсунскіе и вмѣстѣ съ ними Русскіе художники и ремесленники трудились надъ украшеніемъ первыхъ и надъ выдѣлкою послѣднихъ. Сего требовало множество церквей въ Кіевѣ, особенное усердіе Князей и сановниковъ къ ихъ благолѣпію. Если справедливо сказаніе Епископа Мерзебургскаго Дитмара: то около 1018 г. въ Кіевѣ было болѣе 400 церквей; а Лаврентьевская и Новгородская лѣтописи свидѣтельствуютъ, что 1124 года, тамъ сгорѣло однѣхъ церквей до шести сотъ. (9)

На сооруженіе великолѣпнѣйшей Софійской церкви Ярославъ I призвалъ почти всѣ образовательныя художества, зодчество, ваяніе, торевтику, также мозаику и живопись, коихъ остатки пережили до нашего времени всѣ опустошенія и расхищенія. Кромѣ Греческихъ художниковъ, украшавшихъ своими произведеніями, какъ этотъ, такъ и другіе храмы Кіевскіе, были и Русскіе, замѣчательнѣйшій изъ нихъ св. Алимпій Печерскій, мозаистъ и иконописецъ, о которомъ скажемъ еще въ своемъ мѣстѣ. (10) Внутренность святилищъ блистала серебромъ и золотомъ, искусно отработаннымъ, красовалась мозаикой и мраморомъ, которые покрывали стѣны и помостъ: здѣсь соединялись хитрости Іерусалимскія и мудрости Цареградскія; а инокъ Θеодоръ видѣлъ въ Варяжской пещерѣ множество сосудовъ Латинскихъ. Батый послѣ себя оставилъ въ Кіевѣ однѣ пожарища и развалины, гдѣ уцѣлѣли скудные остатки древняго великолѣпія. Но, кажется, неистощимы были церковныя сокровища Русскаго Іерусалима, какими надѣляло его святилища благочестивое усердіе богомольцевъ, стекавшихся туда изо всей Россіи на поклоненіе; ибо св. Фотій Митрополитъ вывезъ оттуда въ Москву «все узорочіе церковное и сосуды» а Менгли-Гирей въ 1482 году, по взятіи сего священнаго града, прислалъ къ союзнику своему Іоанну III, похищенный тамъ золотой сосудъ съ дискосомъ.

(9) Очеркъ Исторіи города Кіева, сост. *Н. Закревскимъ*. Ревель, 1836, въ 8.—Обозрѣніе Кіева, въ отношеніи къ древностямъ. Кіевъ. 1831 г. въ 4.

(10) *Патерикъ Печер.* л. 153.

Художественная сила, проявлявшаяся въ матери градовъ Русскихъ, подъ вліяніемъ Византійцевъ, разпространилась и на сѣверѣ Россіи, когда уже Кіевъ утратилъ прежнее свое значеніе. Такъ лѣтописецъ передаетъ намъ о святолѣпности Владимірскаго собора, обогащеннаго В. К. Андреемъ Боголюбскимъ; онъ говоритъ о погибшихъ въ пожарѣ драгоцѣнныхъ его узорочьяхъ, серебряныхъ паникадилахъ, золотыхъ сосудахъ, чудныхъ иконахъ, кованыхъ золотомъ съ каменіемъ драгимъ и жемчугомъ великимъ, объ одеждахъ, шитыхъ золотомъ.» Боголюбскую церковь Рождества Богородицы, которую сравниваетъ лѣтописецъ съ храмомъ Соломоновымъ, сынъ Юрія Долгорукаго «устрои различными цатами, украси ю и златомъ и финиф-«томъ и всякою добродѣтелью.» По комарамъ храма поставлены были золотыя птицы (потки), кубки и вѣтрила. (11) Этотъ же ревнитель церковнаго благолѣпія устроилъ въ соборную церковь три золотыхъ двери, такой же амвонъ, освѣтилъ ее золотыми и серебряными паникадилами, принесъ ей въ даръ изъ чистаго золота сосуды служебные, три Іерусалима и рипиды, усѣянныя драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Пожары и Батый лишили Владиміръ этихъ памятниковъ древняго художества. Соборныя церкви въ Новгородѣ, Суздалѣ и Ростовѣ славились драгоцѣнными утварями; въ двухъ послѣднихъ помостъ былъ изъ разноцвѣтнаго краснаго мрамора. Волынскій лѣтописецъ разсказываетъ намъ о великолѣпіи церкви св. Іоанна, которую украсилъ Кн. Даніилъ Галицкій, призвавшій «кузнецовъ желѣзу, мѣди и серебру изъ Нѣмцовъ, Ляховъ и Татаръ.» На этомъ храмѣ изваяны были головы человѣческія «нѣкіимъ хитрецомъ; окна украшены Римскими стеклами, верхъ звѣздами золотыми по лазури, внутренній помостъ слитъ изъ мѣди и олова, блестящь яко зерцало.» Двои двери изъ Галицкаго и Холмскаго камени «изрыты нѣкіимъ хитрецомъ Авдеемъ.» (12) Также Владиміръ Васильковичь Волынскій надѣлялъ церкви коваными изъ серебра сосудами, иконами золотыми съ финифтью, слилъ мѣдныя двери. Все это не доказываетъ ли ревности державцевъ Русской земли къ благолѣпію храмовъ Божіихъ!

(11) *Карамз.* И. Г. Р. III, пр. 27. въ Кіевской лѣтоп.
(12) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, II. 112.

Подобныя украшенія требовали дѣятельности художниковъ, которыхъ доставляла Россіи не одна Византія, но и Германія: уже въ Суздалѣ появляются и Русскіе мастера, которые замѣняли Нѣмцевъ. Для возобновленія тамъ соборной церкви 1193 г. Епископъ Іоаннъ искалъ художниковъ отъ Нѣмецъ, «и обрѣте ихъ отъ работныхъ людей своей Епископьи.» (13) Торговыя сношенія Новгорода съ Ганзейскими городами привлекали изъ Германіи художниковъ въ Россію, гдѣ они находили себѣ обширное поприще для дѣятельности. Нельзя не предполагать сочувствія имъ въ народѣ и художественной силы у Русскихъ, которая время отъ времени обнаруживалась въ произведеніяхъ отечественнаго искусства, даже среди разгромовъ Монголо-татарскаго періода. Были и Русскіе мастера, которые славились своимъ мастерствомъ даже въ Ордѣ, обильной сокровищами. Въ XIII вѣкѣ Плано-Карпини встрѣтилъ при Ханскомъ дворѣ любимаго Ханомъ Русскаго золотыхъ дѣлъ мастера Козьму, который устроилъ для Куине Царскій престолъ и печать. (14)

Въ то время, какъ самосудный Новгородъ цвѣлъ торговлею, изобиловалъ дорогими металлами, когда его храмы красовались богатыми утварями, искусно сдѣланными, тогда Великокняжескій и Святительскій престолы начали привлекать художниковъ въ юную Москву для сооруженія въ ней теремовъ Княжескихъ и храмовъ Божіихъ, для украшенія ихъ утварями подъ вліяніемъ Византійскаго завѣтнаго стиля. Вмѣстѣ съ зодчествомъ, литейнымъ и живописнымъ художествомъ появляются въ Московскомъ мірѣ и золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, славившіеся въ XIV вѣкѣ своими издѣліями. Таковы Парамша, Шышка и Макаръ, упоминаемые духовными грамотами Московскихъ Великихъ Князей. (15) Начиная отъ сына Калиты Іоанна, всѣ Великіе Князья благословляли дѣтей своихъ иконами и крестами Парамшина дѣла; В. К. Димитрій Донской завѣщевалъ своимъ наслѣдникамъ золотые пояса Макарова и Шышкина дѣла. Оклады Евангелій, устроенныхъ при В. К. Симеонѣ Гордомъ

(13) Никон. лѣтоп. II, 258.
(14) Собраніе путешествій къ Татарамъ. изд. *Д. Языковымъ*. Спб. 1828, въ 4.
(15) Собраніе Государствен. грамотъ, I, N 25 и 34.

и Василій Димитріевичѣ, показываютъ, на какой степени была у Москвичей торевтика. Между тѣмъ какъ Москва славилась произведеніями искусствъ, по выраженію лѣтописца, *кипѣла богатствомъ*, нашествіе Тохтамыша обнажило ея храмы отъ драгоцѣнныхъ утварей, чудныхъ памятниковъ отечественнаго, Византійскаго и Корсунскаго художествъ. Хотя Столица потерпѣла невознаградимыя утраты, хотя въ этотъ разгромъ лишилась многихъ св. драгоцѣнностей; но она скоро вознаграждена была новыми пріобрѣтеніями. Въ началѣ XV вѣка, когда Москва еще боролась съ Ордою и Литвой, была жертвою междоусобій Княжескихъ , тогда союзникъ Ганзы, Новгородъ славился богатствами, питавшими художественность ; Нѣмецкіе и отечественные мастера посвящали свое искусство на благолѣпіе многочисленныхъ храмовъ добровольнаго города, гдѣ духовные Владыки были первыми покровителями художествъ. Съ освобожденіемъ Россіи отъ Монголо-татарскаго ярма и съ утвержденіемъ единодержавія въ Москвѣ, настала новая эпоха для художниковъ, когда дѣло Греческое замѣнилось Фряжскимъ, когда свезенныя изъ Новгорода въ Москву сокровища давали средства къ художнической дѣятельности. Выѣхавшіе съ Греческою Царевной Софіею Греческіе и Римскіе художники, вызванные изъ Италіи, Германіи , и Далмаціи, Фряжскіе мастера съ дружинами и учениками, не только воздвигли Кремлевскія стѣны, палаты и храмы, но украшали послѣднія стѣнописью и драгоцѣнными св. утварями. Венеціанскій посолъ Контарини 1476 года видѣлъ въ Москвѣ золотыхъ дѣлъ мастера изъ Катаро, который дѣлалъ для Великаго Князя много прекрасныхъ сосудовъ. (16)

Собиратель отечества, дальновидный Іоаннъ III заботился о пріобрѣтеніи мастеровъ, которые умѣли бы « раздѣлять золото и серебро, » чеканить его. Фряжскіе и Русскіе художники употреблены были имъ для произведенія драгоцѣнныхъ утварей, изъ коихъ не многія здѣсь описаны. Въ духовной грамотѣ Іоанна III упомянуты сосуды или суды разнаго рода, кои имѣли въ домашнемъ обиходѣ свое особенное назначеніе.

(16) Библіотека иностранныхъ писателей въ Россіи, отд. I. Спб. 1836, въ 8.

Набожность внука его, Іоанна IV, доставляла занятіе серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастерамъ, которые выковывали и чеканили изъ серебра и золота священныя утвари, украшая ихъ сканью, финифтью, мусіею и черныо, жемчугами и драгоцѣнными камнями. При немъ и при сынѣ его Ѳеодорѣ, сколько сдѣлано богатыхъ окладовъ серебряныхъ и золотыхъ на св. иконы и Евангелія, сколько гробницъ и ковчеговъ для св. мощей! Въ этихъ памятникахъ мусія, чернь, финифть и драгоцѣнные камни соединены были съ обронною, рѣзною и сканною работой, такъ что искусство мастера, по видимому, соперничало съ драгоцѣнностью матеріала. Расходная книга Оружейной Палаты 1584 г. сохранила намъ самыя имена мастеровъ серебрянаго и золотаго дѣла, которые трудились для Двора и Церкви. Между ими, какъ видно, были и Русскіе и чужеземцы: Клеусъ Савостьяновъ, Борисъ Томосовъ, Булгакъ Лисицынъ, Третьякъ Остафьевъ, Григоръ Романовъ, Никита Макаровъ, Василій Бѣлой, Иванъ Лисицынъ, Романъ Степановъ, Нечай Ильинъ, Лашукъ и Иванъ Лопухины, Гость Дмитрій, Некрасъ Михайловъ. (17) Венеціанскій ювелиръ Асцентини въ Москвѣ выгранилъ Борису Годунову большой изумрудъ для Царскаго перстня и вырѣзалъ Распятіе на агатѣ.

Чужестранные путешественники, съ удивленіемъ описывая намъ богатство и красоту Царской посуды, коей, по вкусу того времени, художники давали форму разныхъ птицъ и звѣрей, прославляютъ великолѣпіе церковныхъ утварей и образовъ, блиставшихъ золотомъ и драгоцѣнными камнями. Во дворцѣ Годунова Арсеній Архіепископъ Елассонскій видѣлъ мозаическіе образа отличнаго искусства. Если вѣрить Пясецкому, то Поляки 1611 г. нашли въ Москвѣ изваяніе І. Христа изъ чистаго золота въ мѣру возраста совершеннаго человѣка, вѣсомъ въ 350 фунтовъ. (18)

Василій Шуйскій, по недостатку въ деньгахъ, обратилъ въ монету изображенія вылитыхъ изъ золота XII Апостоловъ. Маржеретъ, описавшій намъ драгоцѣнные и огромные сосуды изъ серебра и золота въ Царскомъ дво-

(17) Книга расходн. маст. Оруж. Палаты, 1584 и 85 г. N 1236, въ 4.
(18) *Pauli Piasecii* chronica gestorum in Europa memorabilium. Cracoviæ, 1645, in-f.

рѣ, утверждаетъ, что « все было дѣлано руками Русскихъ. » (19) Это свидѣтельствуетъ намъ объ успѣхахъ ваянія и литейнаго искусства въ Московскомъ мірѣ и вмѣстѣ о чрезвычайномъ обиліи благородныхъ металловъ.

Такая дѣятельность художествъ болѣе ограничивалась Церковью и Царскимъ дворомъ; но еще мало проникала въ народъ, хотя и находила въ немъ нѣкоторое сочувствіе; ибо, по свидѣтельству Принца Буххавскаго, « у бояръ на столахъ, по большой части, ставились блюда и бокалы деревянные, искусно сдѣланные монахами въ нѣкоторыхъ обителяхъ; одни « заздравные кубки были серебряные. » Еслижъ они и позволяли себѣ роскошь и великолѣпіе, то преимущественно въ однѣхъ иконахъ (Божіемъ милосердіи), которыя, какъ мы замѣтили выше, составляли главное украшеніе ихъ хоромъ и теремовъ.

Въ началѣ XVII вѣка Россія утратила многіе памятники древняго искусства; нѣкоторые изъ нихъ сохранились только въ Сергіевой лаврѣ. Подобно Псковопечерскому монастырю, св. обитель не поддалась врагамъ и поддержала святую Русь.

По освобожденіи отъ Поляковъ и возобновленіи Москвы, начали въ нее стекаться отечественные и чужестранные художники, которые тамъ нашли себѣ обильную жатву для дѣятельности; Государи дома Романовыхъ призывая изъ Голландіи и Англіи рудокоповъ для отысканія мѣдной, серебряной и золотой руды въ Россіи, также поощряли художества, необходимыя для снабженія разграбленныхъ церквей св. иконами и утварями. Въ вѣдомствѣ Царскаго и Патріаршаго дворовъ тогда были мастера серебрянаго, золотаго и сканнаго дѣлъ, басемщики, которые посвящали свое досужество на Государевы и церковныя потребы: въ дѣлахъ Патріаршаго приказа 1668 г. они называются: *Государевы серебряныя палаты чеканнаго серебрянаго дѣла мастера.* Для Государевыхъ рабочихъ устроены были мѣста вверху Кремлевскихъ палатъ. (20) Царскіе мастера подвѣдомы были Приказу золотаго и серебрянаго дѣла, который бралъ въ вѣчную службу добрыхъ мастеровъ

(19) Estat de l'Empire de Russie. Paris, 1607, p. 20.
(20) Истор. акты археогр. Комм. II, N 355.

изъ другихъ городовъ съ назначеніемъ имъ погоднаго жалованья: «а дѣ-«лаютъ они, по свидѣтельству Кошихина, про Царскій обиходъ суды вся-«кіе и церковныя утвари; а на заводъ того дѣла серебро и золото емлютъ «изъ Приказу Большія Казны.» Суды, или ковши, стопы, блюда и т. п. не только имѣли значеніе въ дворцовомъ обиходѣ, какъ домашняя столовая утварь, но какъ знаки отличія, кои жалуемы были Государемъ за вѣрную и усердную службу. Кромѣ иногородныхъ и Московскихъ мастеровъ, вызываемы были искусные изъ Швеціи, Германіи и Англіи. Въ книгахъ Оружейной Палаты XVII столѣтія упомянуты: сканнаго дѣла мастеръ Англичанинъ Фридрихъ Маружинъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ Яковъ Сифретъ, серебряники Яковъ Рамздесъ и Андрей Тирманъ, два брата Киселн, Шемяка Васильевъ, Гаврила Евдокимовъ, Кириллъ Пестриковъ, Иванъ Поповъ, Өедоръ Исаковъ, Кириллъ Өедуловъ, Иванъ Юрьевъ. Не только изъ западной Европы, но даже изъ Индіи и Персіи чрезъ Испаганскую торговую компанію Цари Михаилъ, Алексій и Өеодоръ выписывали золотописцевъ, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ и гранильщиковъ. (21) Въ выѣздахъ иностранцевъ въ Россію встрѣчаются 1642 г. изъ Англіи золотыхъ дѣлъ мастеръ Томасъ Адвудъ, 1690 г. Гансъ Келлеръ съ ученикомъ своимъ Дитмеромъ, золотари Цесарецъ Францъ Карникъ и Гамбурчанинъ Ефимъ Копертъ. (22) Мастера сіи, способствовавшіе къ усовершенію торевтики въ Московскомъ мірѣ, оставили намъ памятники своего искусства, кои принадлежатъ къ драгоцѣнностямъ Оружейной Палаты и церквей Московскихъ и иногородныхъ. Не останавливаясь на изученіи этихъ произведеній, не можемъ здѣсь не указать на превосходный въ своемъ родѣ памятникъ литейнаго и чеканнаго художества XVII вѣка—огромнѣйшее серебряное паникадило боярина Морозова, во 113 пудъ, которое до 1812 года украшало Московскій Успенскій соборъ. Для убранства и освѣщенія церквей паникадилами и лампадами были въ Москвѣ паникадильные мастера, изъ которыхъ особенно извѣстны по дѣ-

(21) Историч. описаніе древняго Росс. музея. ч I. М. 1807, въ л.

(22) Реестръ дѣламъ, содержащимъ въ себѣ выѣзды въ Россію разнаго званія иностранныхъ людей съ 1600 по 1765 г. N 61. Въ Главн. Московск. Арх. М. И. Д.

ламъ Патріаршаго Приказа и мастерской Палаты: Дмитрій Сверчковъ, Иванъ Госомъ, Иванъ Григорьевъ съ товарищи. Замѣчательные памятники перваго уцѣлѣли до нашего времени: мѣдные шатеръ на ризу Господню и сѣнь надъ престоломъ въ Успенскомъ соборѣ. Въ дѣлахъ Патріаршаго Приказа 1644 году упоминаются Патріаршіе серебряные мастера: Богданъ Максимовъ, Өеодоръ Тимоөеевъ, Өеодоръ Евсигнѣевъ, Богданъ Бовыкинъ. По указу Никона Патріарха, 1658 г. устроена на чудотворный образъ Владимирскія Богоматери золотая риза золотыхъ дѣлъ мастеромъ Петромъ Ивановымъ. (23) На форму, типъ, исправность и доброту устройства священныхъ утварей обращали вниманіе не только духовенство, но и свѣтская власть. Примѣры тому видимъ въ дѣлахъ Патріаршаго Приказа и Оружейной Палаты. Указомъ 1751 года, Сентября 20, « предоставляется право купцу Кукину дѣлать сосуды, изображенія Евангелистовъ, кресты и оклады изъ золота и серебра самаго лучшаго и исправнаго въ изображеніи св. лицъ и прочаго благолѣпія работою. » (24)

Вообще въ произведеніяхъ древней нашей торевтики замѣчательна техническая часть, какъ по самому механизму, такъ и по вѣрности глазомѣра. Не многими, простыми, еще тогда неусовершенствованными орудіями, ловко и отчетливо художники работали многосложныя вещи отъ руки безъ помощи машинъ: въ дѣлѣ своемъ умѣли соединять прочность и удобство съ мелкою узорочностью. Узоры чеканились на самомъ корпусѣ сосуда. Въ исполненіи рисунка обнаруживается у нихъ вкусъ и симметричность, съ какою они располагали разнообразныя части цѣлаго, размѣщая въ приличныхъ мѣстахъ орнаменты, то припаянные, то привинченные, то накладные на корпусѣ, поддонѣ, вѣнчикахъ, переймахъ, веревочкахъ, огибахъ, личинахъ, дугахъ, проводкахъ, мишеняхъ, клеймахъ и т. д.

Механическая у нихъ техника не менѣе достойна вниманія, какъ и оптическая. Для той и другой у нихъ были особенные пріемы, смѣтливость, ловкость и бойкой ударъ чекана.

(23) Книга Патріарш. казеннаго приказа 7166 г. N 64.
(24) Полное собр. Законовъ, XIII, ст. 9885.

Такъ все кованое, чеканное и обронное называлось въ древней Руси *кузнею*, а *кузнецъ*, ковачь (cusor) тоже почти значилъ, что серебренникъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ. Въ лѣтописяхъ *кузнею церковною* именуется церковная казна, сокровище, состоящее преимущественно изъ утварей золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ. Всякая ковань представляется въ разныхъ видахъ: *чеканная*, производившаяся на бляхахъ обронно посредствомъ чекановъ, рѣзцовъ или бородковъ разнаго рода, или *басменная*, *басебная*, *басмою* отъ Татарскаго слова *басма*, выбойка, когда на самыхъ тонкихъ плющеныхъ листахъ изъ золота, серебра и мѣди выбивались разные узоры. Изъ такой басмы дѣлали оклады и вѣнцы на св. иконы, также панагіи, кресты, цаты, гривны, дробницы, плащи, коими украшались образа и св. утвари. Фигуры были *вальяшныя*, или литыя, массивныя и *тощія*, или выбивныя; что теперь называемъ рельефами, то прежде извѣстно было подъ именемъ *обронной работы*, которая дѣлалась *прорѣзная*, *чешуйчатая*, *ячейчетая*, *грановитая*, *дорожчатая*, *ложчатая*. Поверхность или *земля* сосуда наводилась *чернью* и *финифтью*, или украшалась сканью, или была *канфаренная*. (25)

Чернь, черный финифтъ, *черневая работа* (niello), извѣстная Византійцамъ, весьма была употребительна въ орнаментахъ торевтики; ею наводили травы, цвѣтки, личины и письмена. Великій Устюгъ издревле славится черневою работою.

Финифть, въ старину называемая вообще *ценинною*, наводилась на золотѣ, серебрѣ и мѣди. (26) Посредствомъ ея изображали на посудѣ травы, цвѣты, разные узоры, личины и надписи.

Чтожъ касается до *сканнаго* дѣла, *скани* или *филиграни*, (opera venetica ad filum) она извѣстна была Венеціянцамъ уже въ XIII столѣтіи; но употреблялась едва ли не прежде Византійскими и Русскими художниками болѣе

(25) Канфаркою называется переводъ съ рисунка на металлъ.
(26) Выходы Государей Царей Михаила, Алексія и Θеодора съ 1632 по 1682 г. изд *П. Строева*. М. 1844, въ 4.

въ мелкихъ, чѣмъ въ крупныхъ утваряхъ. Скапныя сѣти дѣлались изъ выжиги, на подобіе кружевъ; наложенныя на корпусъ, или *пузо* сосуда, назывались *кожухами*.

Кромѣ этого, мастера украшали св. утвари самоцвѣтными и драгоцѣнными камнями и разнаго рода жемчугомъ скатнымъ, гурмыцкимъ или бурмицкимъ (ормуздскимъ), кафимскимъ, цѣлымъ и половинчатымъ. Изъ первыхъ наиболѣе употребительны были въ древности: виписы, или бечеты, рубины, хризопразы, лалы, достоканы, лазоревые и зеленые яхонты, перелифты, или ониксы, бирюзы и пр. кои вставлялись на спняхъ и въ гнѣздахъ; на древнѣйшихъ утваряхъ они были неграненые, на позднѣйшихъ граненые. На этихъ утваряхъ встрѣчаемъ иногда камеи, геммы и жуковины съ изображеніями лицъ Святыхъ, или аллегорическихъ фигуръ. Но бывали служебные потиры, высѣченные изъ сосюрита, яшмы, сердолика и горнаго хрусталя съ золотыми и серебряными переймами, вѣнчиками и огибами, какъ напр: Новгородскіе въ Москов. Успенскомъ соборѣ.

Употребляя всѣ доступныя средства на то, чтобы придать своему издѣлію болѣе достоинства и лѣпоты, художники строго держались своего Византійскаго первообраза въ служебныхъ сосудахъ и другихъ св. утваряхъ. Если и позволяли они себѣ нѣкоторыя отступленія въ этихъ святыхъ и посвященныхъ утваряхъ, то болѣе въ частяхъ и подробностяхъ, не нарушавшихъ формы цѣлаго, напр: чаши у потировъ устроивались, то цилиндрическія, то съ разваломъ на подобіе лиліи, въ большемъ и меньшемъ размѣрѣ, смотря по надобности. Художники, проникнутые религіознымъ чувствомъ, старались самыми формами пластическихъ произведеній выразить ихъ церковное значеніе. Такъ напр: Сіоны, кадилы, кацеи, ладонницы и ковчеги устроивали въ видѣ одноглаваго и пятиглаваго храма. Ковчегъ для храненія св. даровъ дѣлаемъ былъ иногда на подобіе голубя, который у Грековъ также назывался περιπτερεῶν и просто περιπτερά, голубь. Слѣды такихъ золотыхъ и серебряныхъ голубей открываются въ Христіанскихъ церквахъ V и VI столѣтій. Св. Андрей Боголюбскій принесъ въ даръ Владимірской церкви золотаго голубя; въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ до 1812 года висѣлъ надъ престоломъ золо-

той голубь. (27) Кресты на главахъ церковныхъ украшалъ также золотой голубь въ Кіевѣ, Черниговѣ, Владимірѣ. Рисунокъ (форма) крестовъ воздвизальныхъ, запрестольныхъ былъ не одинаковъ: они дѣлались безъ различія четвероконечные, шестиконечные и осмиконечные, съ литымъ, рѣзнымъ, черневымъ, финифтянымъ, или чеканнымъ Распятіемъ.

По образу Византійскихъ и западныхъ художниковъ, и отечественные наши заимствовали орнаменты изъ области символики не только церковной, но и придуманной, завѣщанной художниками. Такъ на Ярославовой гробницѣ въ Кіевѣ находимъ древніе церковные символы, кои встрѣчаются на гробницахъ въ Римскихъ катакомбахъ: рыба, означающая I. Христа (ἰχθύς, Iesus Christus Dei filius salvator) и пальмы, знаменующія побѣду надъ смертію. (28) На нѣкоторыхъ священныхъ утваряхъ и церковныхъ вратахъ изображены крылатые центавры, единороги, драконы, напр: на Новгородской лампадѣ, Корсунскихъ и Васильевскихъ воротахъ, подобно какъ на бронзовыхъ дверяхъ Аугсбурскаго собора, XI вѣка, на орнаментахъ Мюнстера въ Фрейбургѣ. (29)

Хотя этотъ символизмъ въ Русскомъ художествѣ, по видимому, былъ заимственный и употреблялся не всегда съ яснымъ сознаніемъ подлиннаго значенія символовъ; но достоинъ точнѣйшаго изслѣдованія касательно его источниковъ и знаменованія. Такъ напр. изображеніе центавра на утваряхъ и вратахъ, вѣроятно, основано на явленіи въ пустыни св. Антонію сего чудовища, которое указало ему путь къ св. Павлу Өивейскому; (30) также въ представленіи единорога опирались на сказаніе Варлаама Индійскаго. (31) Не рѣдко символичес-

(27) Дюканжъ такъ объясняетъ сію утварь: Vas in columbæ speciem effectum, in quo pyxis ubi Domicum corpus ad infirmorum viaticum asservare solet, includitur « Въ Тріодіонѣ 1668 г. такъ значится: Ключари снявъ золотой голубь, съ тѣломъ Христовымъ и относятъ на жертвенникъ для того, чтобы послѣ литургіи отпустить въ потиръ къ потребленію. » *Древняя Росс. Вивліоѳика.* XI, 181.

(28) Roma subterranea novissima, op. *P. Aringhi*, t. II, 1659. Lutet. Par. in-f.

(29) Mythologie u. Symbolik der christlichen Kunst, von F. Piper, I. B. Weimar. 1847, in-12.

(30) *Четии Минеи* Январь 15. Житіе св. Павла Өивейскаго. « Узрѣ человѣка коню подобна, его же стихотворцы Іппокентавромъ нарицаютъ. »

(31) Исторія, или повѣсть о житіи Препод. Варлаама пустынножителя и о Асафѣ Царевичѣ Индійскомъ, напис. *Іоанномъ Дамаскинымъ.* Москва, 1681, въ л.

кимъ фигурамъ художникъ давалъ различное значеніе согласно съ Св. Писаніемъ и отеческими книгами.

Исторія свидѣтельствуетъ намъ, что въ средневѣковое художество вмѣстѣ съ религіознымъ направленіемъ проникалъ и языческій элементъ древняго міра, не болѣе, какъ мертвая форма, служившая орнаментомъ.

Хотя въ древнемъ Русскомъ языкѣ нѣтъ слова, соотвѣтственнаго техническому въ художествѣ названію *стиль* и *типъ;* но отчасти сходенъ съ значеніемъ ихъ въ иконописи *пошибъ*, а въ пластическихъ искусствахъ *дѣло*, или работа, которая заимствовала свое названіе или отъ мѣстности или отъ лица, какъ то: *дѣло Цареградское, Греческое, Корсунское, Фряжское, Турское, Кизилбашское* или *Персидское, Нѣмецкое, Московское;* (32) *дѣло Шишкино, Парамшино, Макарово.*

Положимъ, что въ этихъ памятникахъ не преобладаетъ и не выказывается сила творчества, дающаго высокое значеніе произведеніямъ искусства; но они не чужды того живаго начала художественности, которое простой механизмъ технической работы сочетало съ важностью и значеніемъ, церковнаго искусства. Самое множество и богатство св. утварей служитъ доказательствомъ обилія драгоцѣнныхъ металловъ и камней въ древней Руси, свидѣтельствомъ благочестивой ревности къ украшенію храмовъ Божіихъ. О нѣкоторой степени развитія художественной силы и сознаніи ея въ народѣ даетъ намъ понятіе и техническій языкъ и тотъ восторгъ, съ какимъ говорятъ намъ лѣтописцы о превосходныхъ произведеніяхъ искусства, называя ихъ *дивными, чудными, преизмечтанными*. Искусное мастерство цѣнилось выше драгоцѣннаго вещества. *Не то дорого*, говоритъ старая народная пословица, *что краснаго золота; но то дорого, что добраго мастера.* Съ одной стороны доброхотные датели жертвовали своими сокровищами на устроеніе благолѣпныхъ утварей храмовыхъ и на украшеніе св. иконъ, съ другой художники посвящали Церкви свое искусство, какъ усердный вкладъ. Въ добросовѣстномъ ихъ трудѣ одушевляла ихъ благоговѣйная мысль, что они работаютъ для дома Божія.

(32) Выходы Государей Царей Михаила, Алексія и Θеодора, съ 1632 по 1682 годъ, изд. *П. Строева.* М. 1844, въ 4.

Съ памятниками иконописи связана не только ея исторія, но и ученіе о вѣрѣ и благочестіи, словомъ, вся религіозная жизнь народа, который издревле признавалъ это художество священнымъ, неотъемлемымъ достояніемъ Церкви православной; въ ней оно получило неоспоримое право гражданства. Какъ благословенное орудіе вѣры и благочестія, какъ необходимая принадлежность богослуженія, церковная живопись олицетворяла важнѣйшіе догматы, завѣтныя преданія Церкви, ея символы и событія; потому что возстановленіе и утвержденіе иконопочитанія VII вселенскимъ соборомъ прямо выходило изъ понятія о Церкви, изъ необходимости для человѣка внѣшняго богослуженія, основывалось на писаніи, преданіи и чудесахъ отъ св. иконъ. (33) Цѣлью церковной иконописи было содѣйствовать живому проповѣданію предметовъ вѣрованія и возбуждать благоговѣйныя чувствованія изображеніемъ Святыхъ. (34)

Среди мрака невѣжества, объявшаго Европу, Византійское иконописное художество, сохранивъ свои преданія, завѣщало ихъ въ наслѣдіе Западу и Сѣверу. Тамъ оно при развитіи своемъ подверглось измѣненіямъ, здѣсь Церковь охраняла неподвижность древняго его типа и характера.

И такъ въ отечественной Церкви оно водворено съ его догматическимъ значеніемъ, съ его узаконенными формами, кои не подчинялись прихотливымъ требованіямъ измѣнчиваго быта человѣческаго.

Коренною основой иконописанія была исторія и преданіе; основателемъ его—Евангелистъ Лука. Византійская школа, образованная подъ непосредственнымъ вліяніемъ и въ духѣ Восточной Церкви, усвоила себѣ столь самобытныя и исконныя черты Спасителя, Богоматери, Предтечи и Апостоловъ, что ихъ легко отличить и въ неискусномъ рисункѣ. Каждому лицу дана своя *опись* и свой характеръ, напр: Господу Саваоѳу святолѣпное и строгое величіе Ветхаго деньми, І. Христу въ крестныхъ страданіяхъ смиреніе и *божественное истощаніе*, (35) а на престолѣ славы богоначальная сановитость

(33) Начертаніе церков. Исторіи (Преосв. Иннокентія Смирнова), отд. I, изд. 3. Спб. 1823, въ 8
(34) О иконописаніи (Преосв. Анатолія). М. 1845, въ 8.
(35) Чудесный образъ Эдесскій. въ *Вѣдом. Моск. Город. Пол.* 1848, N 84.

Судіи, Богоматери умиленіе, Святымъ таже глубина смиренія, какое превознесло Ходатая Бога и человѣковъ предъ очами человѣчества и Отца небеснаго. Просвѣтлѣнные лики Ангеловъ являютъ небесное ихъ происхожденіе.

Отличительными чертами этой школы было строгое приличіе, условное положеніе фигуръ, спокойствіе сочиненія, согласнаго съ преданіемъ и библейскою обрисовкою лицъ. (36) Казалось, она мало обращала вниманія на складъ стана, на пропорцію головъ и лицъ, на положеніе (позу), на раздѣленіе плановъ, на перспективу; вся *опись* тѣла человѣческаго, выказываясь у ней только въ общихъ, *рѣдкихъ*, но не *частыхъ чертахъ*, мало способствуетъ къ выраженію плотской жизни. Не смотря на грубость фигуръ, писанныхъ въ такихъ чертахъ, онѣ запечатлѣны какимъ-то духовнымъ величіемъ и сановитостью, внушающими невольное благоговѣніе. Устраняя отъ взора прелесть чувственнаго, скромность ея до того простиралась, что, кромѣ лица, рукъ и ногъ, она не представляла наготы тѣла, развѣ только въ изображеніи Распятаго Христа и страданій Мучениковъ. Драпировка, или *доличное*, проста, соотвѣтственна и не выискана. При этомъ надобно замѣтить, что вообще иконопись носитъ на себѣ отпечатокъ сознаннаго символическаго характера, согласнаго съ направленіемъ древле-христіанскаго искусства, которое соединяло въ себѣ историческое съ символическимъ. Въ этой школѣ, получившей свое бытіе въ нѣдрахъ первенствующей Церкви, искусство принято не за цѣль, а за средство; ибо оно въ произведеніяхъ своихъ стремилось выразить преобладаніе безсмертнаго духа надъ тлѣнною плотію. Представляя существа не земныя, не плотскія, но небесныя, *премірныя*, она давала имъ подобіе видѣній или мощей, облекала ихъ какимъ-то полумракомъ. Отъ сего и въ колоритѣ ея, подчиняемомъ высшимъ цѣлямъ, свѣтъ уступаетъ тѣни: эта раскраска суха и темна, но тверда, рѣзка и не лишена теплоты. Подобно формамъ, въ Византійской школѣ узаконены немногіе и основные колера, или цвѣта, соотвѣтствующіе ея типу.

(36) Въ Московскомъ Сборникѣ 1847, ст. Г. Чижова

Представленные здѣсь образцы древняго Византійскаго, Корсунскаго и Русскаго иконописанія, изъ разныхъ вѣковъ, сближаютъ насъ съ исторіей его въ Россіи, гдѣ оно, отъ самаго появленія своего, шло рука объ руку съ православною вѣрой, гдѣ было всегда служебнымъ орудіемъ Церкви. Возобновляя въ памяти нашей постепенное его развитіе, то упадокъ, то возрожденіе, памятники сіи указываютъ намъ на самыхъ дѣятелей, на мѣсто и время ихъ дѣятельности, также на побужденіе къ распространенію этого художества въ южной, западной и сѣверовосточной Россіи.

Тамъ вмѣстѣ съ первыми проповѣдниками Евангелія явилось и это священное художество, возникшее еще во времена Апостольскія и завѣщанное Христіанскому міру первенствующею Церковью. Византійскіе зоографы передали намъ не только самое искусство и его произведенія, но и типы лицъ, принятые и утвержденные Отцами Церкви. Колыбелью Христіанства и церковной живописи на Руси былъ Кіевъ, гдѣ, еще до обращенія Владимира I, были церкви, слѣдственно и образа, и гдѣ въ XII столѣтіи, по свидѣтельству Епископа Симона, сохранились въ Печерскомъ монастырѣ *свитки* и *книги* Византійскихъ зоографовъ. (37) Если принять *свитки* за хартіи, на коихъ изображались ескизы и прориси Святыхъ, то онѣ были основаніемъ Подлинниковъ, такъ какъ самые Византійскіе художники, писавшіе въ Печерской лаврѣ, основателями иконописанія въ Россіи. Но въ рукописномъ Патерикѣ, откуда взято Карамзинымъ это свѣдѣніе, вмѣсто *свитки*, поставлено *свиты*, т. е. нижняя одежда, « блюдомы на полатяхъ въ память таковаго чудесе,» т. е. явленія имъ св. Антонія и Өеодосія въ Царьградѣ и найма для работы въ Кіевѣ. (38) Остается вѣроятность предполагать, что упомянутыя въ Патерикѣ *Греческія книги* Цареградскихъ зоографовъ могли содержать въ себѣ начатки Подлинника, т. е. правила или указанія, какъ писать лики Святыхъ и какъ составлять краски; потому что *книги* въ древности значили свитки, хартіи, письмена и письма. Притомъ въ предисловіи къ Подлинникамъ XVII вѣка сказано, что во дни Великихъ и Благовѣрныхъ Князей Росс. преписывались (мѣсячныя иконы)

(37) *Карамз.* И. Г. Р. II, пр. 158.

(38) *тамъ же* III, пр. 109. «и книги и порты Блажен. Князей, еже бяху повѣшани въ церквахъ на память собѣ.»

древними Греческими и Россскими изографы.» (39) Византійскіе лицевые Подлинники извѣстны съ X вѣка. Императоръ Василій Булгароктонъ украсилъ Греческій мѣсяцословъ изображеніями, а Папа Венедиктъ XIII издалъ его на Греческомъ съ Латинскимъ переводомъ: Menologion Græcorum, jussu Basilii Imperatoris olim editum, magnificentia et liberalitate sc. dni nostri Benedicti XIII, in III partes divisum, nunc primum græce et latine Annibalis T. S. Clementis presbyteri card. Albani S. R. E. camerarii et Basilicæ Vaticanæ Archipræsbyteri. P. I. Urbini, 1727, in f. Левъ Аллацій упоминаетъ о другомъ Менологіи X вѣка, съ изображеніями, о коемъ Маттей говоритъ: hic codex multorum sanctorum imaginibus insignis est, т. е. этотъ кодексъ замѣчателенъ изображеніями многихъ Святыхъ; потомъ между Типографскими рукописями есть подъ N I, въ л. съ 24 живописными изображеніями къ 24 икосамъ и кондакамъ Акаѳиста Божіей Матери, X вѣка, (*κοντάκιον μετὰ τῶν εἰκοσιτεσσάρον οἴκων τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου*). Извѣстные намъ такіе рукописные Подлинники указываютъ не на *свитки* и *книги* Византійскихъ иконописцевъ въ Кіевѣ, но на Аѳонъ, какъ замѣчаетъ Профессоръ Горскій. Въ святогорскихъ монастыряхъ Г. Дидронъ нашелъ рукопись: *Ἑρμηνεῖα τῆς Ζωγραφικῆς*, т. е. руководство къ живописи, которое онъ относитъ къ XI или XII вѣку, между тѣмъ какъ упомянуты тамъ Святые XIV вѣка: св. Григорій Палама и Патріархъ Филоѳей, и приведено составленіе красокъ Московскими художниками. Образцомъ и руководствомъ иконописанія поставляется Мануилъ Панселинъ. (40) Въ Московской Патріаршей библіотекѣ, подъ N CI, хранится рукопись X вѣка, съ миніатюрными изображеніями: *περὶ χαρακτήρων θεοφόρων πατέρων*, о изображеніяхъ богоносныхъ отцевъ. (41)

По сему болѣе опредѣлительныя руководства къ изображенію Святыхъ можно находить въ древнихъ рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ житія, или сочиненія съ миніатюрами. Такъ какъ Греческіе иконописцы съ товарищами своими вре-

(39) Книга Минологіумъ, или рещи Мартирологіумъ, еже есть вылнченье. рукоп. 1658, въ 12.

(40) Accurata codicum Græcorum mss. bibliothecarum Mosquensium sanct. Synodi notitia et recensio ed. a C. F. de *Matthaei*. t. 1. Lipsiæ, 1805, in-8.

(41) Manuel d'Iconographie chrétienne grecque et latine, trad. de manuscrit byzantin par le D. P. *Durand*, avec une introduction et des notes, par *Didron*. à Paris. 1845, in-8. Nachricht über ein neugriechisches Mahlerbuch, въ Kunstblatt, 1832, N 1—5.

мя отъ времени вызываемы были въ Кіевъ, Новгородъ и Владиміръ: то, безъ сомнѣнія, они передали Русскимъ ученикамъ своимъ Подлинники свои, кои переведены были на Русскій языкъ съ дополненіями. Болѣе или менѣе полные списки ихъ распространились изъ Кіева и Новгорода по всей Россіи.

Такой Подлинникъ, иначе Образникъ и Персональникъ, издревле въ Россіи служилъ и донынѣ служитъ для иконописцевъ руководствомъ въ писаніи св. иконъ: изъ него они заимствуютъ не только типы лицъ и костюмъ или доличное, но даже цвѣтъ верхней и нижней одежды, самыя подписи на хартіяхъ и свиткахъ изъ библейскихъ и отеческихъ книгъ, также изъ писаній Еллинскихъ мудрецовъ. Нѣкоторые изъ Подлинниковъ встрѣчаются *лицевые*, т. е. съ прорисями, или снимками образо́въ. Въ одномъ изъ нихъ опредѣлена и мѣра человѣческому тѣлу: «семь главъ его высота, а лактей «его отъ плечь до пяты три, а лакоть полтретьи пяди, а пяди длина длань, «а длань мѣра лицу его, отъ бороды до власъ равно со лбомъ, длины ступени «равны с главною длиною, в лакоть ступени два, носъ на лице не высту-«пенъ вдоль, равенъ с ушми, ширина в платье человѣку в плечехъ лакоть, «уши длина болшой мизинецъ равно с суставомъ ступеней шести человѣкъ.»

Это типическое сочиненіе дошло до насъ только въ спискахъ не старѣе XVI столѣтія; первоначальный его составъ неизвѣстенъ; изъ него сохранился одинъ *Мѣсячный Подлинникъ*. (42) Самое названіе его, по видимому, есть переводъ Греч. слова: ὑπογραφή, подпись, очеркъ, образецъ. Въ рукописи Царскаго 1658 г. Подлинникъ этотъ называется «Менологіумъ и «мартирологіонъ, еже есть выличенье на кійждый день святыхъ. Восточный «Цесарь Василій Македонянинъ (?) повелѣ писмеными образы описать и «паки пространнѣ той менологіумъ изображенъ древле Греческими мудры-«ми и трудолюбивѣйшими живописцы во дни Іустиніана Царя Великаго, «егда созиждая премудрость Слова Божія, великую церковь, земное небо, «и ту 360 престоловъ, глаголютъ, создани быша, на кійждо день во имя «святаго храмъ, тамо и образъ.» Остатки такихъ *выличеній*, говоритъ «Предисловіе, сохранились въ Аѳонской горѣ, и отъ тѣхъ преводовъ, еще

(42) см. Изслѣдованія о Русскомъ иконописаніи, г. *Сахарова*, кн. I. Спб. 1849, въ 8.

«во дни Великихъ и Благовѣрныхъ Князей Роскихъ, преписывалися древ-«ними Греческими и Росскими изографы, прежде въ Кіевѣ, потомъ въ «Новѣгородѣ. — Съ тѣхъ же Греческихъ мѣсячныхъ иконъ въ Кіевѣ и «Новгородѣ древними иконописцы списанъ Подлинникъ словесно на «хартіяхъ.» (43)

Византійская церковная живопись въ Россіи представляется намъ подъ тремя видами: *иконописи*, *стѣнописи* и *миніатюрной живописи*. Одна изображала лики Святыхъ по левкасу на доскахъ, или особенной, намъ неизвѣстной подготовкѣ; другая украшала штукатурку внутреннихъ стѣнъ и сводовъ храмовъ фресками; послѣдняя писала болѣе корпусными, чѣмъ соковыми, красками, на пергаменѣ, бомбицинѣ и тряпичной бумагѣ. Къ храмовымъ художествамъ Византіи присоединить должно *вышиваніе* шелками съ серебромъ и золотомъ волоченымъ и *мозаику*. Одно изображало лики Святыхъ на пеленахъ, плащаницахъ и покровахъ; другая украшала своими произведеніями стѣны, своды и даже помосты въ храмахъ. Изъ квадратныхъ кусочковъ разнообразнаго стекла, нерѣдко съ исподи подложенныхъ листовымъ золотомъ, она составляла образа большаго размѣра; матеріалы ея отличались особенною прочностью своей и блескомъ красокъ. (44) Таковы мозаическія изображенія въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, произведенныя Византійскими художниками съ Русскимъ Алипіемъ.

Стиль и направленіе какъ въ стѣнописи и миніатюрной живописи, такъ равно въ вышиваньѣ и мозаикѣ, одинаковы съ пошибомъ иконописи.

Такой пошибъ Византійской иконописи вездѣ нашелъ себѣ доступъ, гдѣ только принято было ученіе Греческой православной Церкви, какъ-то: у Болгаръ, Чеховъ, Сербовъ и Русскихъ. Большая часть изображеній въ рукописяхъ суть противни или списки съ Византійскихъ, Болгарскихъ и Сербскихъ. Хотя завѣтный стиль служилъ образцемъ для Русскихъ зоографовъ; однако онъ не могъ не подвергнуться мѣстнымъ измѣненіямъ, когда подлинникъ повторялся въ спискахъ мастеровъ болѣе, или менѣе искусныхъ, болѣе, или

(43) N 314 и 315 въ Библіотекѣ г. Царскаго. См. Рукописи Славянскія и Россійскія, разобр. и опис. *П. Строевымъ*. М. 1848, въ 8.

(44) Handbuch der Kunstgeschichte von Dr. F. *Kugler*. 2 Aufl. 2 Lief. Stutdg. 1848. in-8.

менѣе грамотныхъ, такъ что списокъ мало походилъ на свой первообразъ; съ другой стороны, при первоначальной раздѣленности Россіи на особыя Княженія, легко могла такая разность укорениться въ разныхъ областяхъ и развиваться по вкусу мѣстности. Отъ сего произошли разныя направленія въ иконописи, собственно *бытейское*, *историческое*, потомъ *олицетворительное* и *символическое*. Основанное на преданіи, одно изображало лица и событія, досточтимыя для православнаго. *Олицетворительное* воплощало мысль извѣстнаго стиха библейскаго, пѣсни церковной, молитвы, какъ-то: Бытіе, Единородный, Достойно есть, Символъ вѣры. *Символическое* передавало мысль художника въ какихъ нибудь произвольно взятыхъ ὁбразахъ, притчахъ. Въ олицетвореніи мысль его представлялась наглядною, ощутительною, въ символахъ *прикровенною*, гадательною, какъ напр: въ иконахъ Софіи Премудрости Божіей, Неопалимой Купины и т. д. Такіе образа называются у иконописцевъ *та̀инственными*. Разность направленій, развившихся отдѣльно въ разныхъ школахъ, выразилась и въ пошибахъ, какъ увидимъ далѣе.

Первые опыты иконописи, какъ мы замѣтили, являются въ Кіевѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Византійскаго стиля; дѣятельность ея обнаружилась въ украшеніи церквей св. иконами, изъ коихъ весьма немногія уцѣлѣли до нашего времени.

Иконы сіи разныхъ размѣровъ (локотницы, семи-пядей и пр.), разнаго вида: во весь ростъ человѣческой, уменьшенныя или преувеличенныя, *оплечныя*, *поясныя, грудныя, колѣнчатыя*, были мѣстныя, помѣщаемыя въ алтарномъ иконостасѣ на поклонѣ, Деисусъ, преимущественно Спаситель, Богоматерь и Предтеча, а по объясненію Могилина Требника, «всѣ иконы въ церкви на сво- « емъ мѣстѣ поставленныя,» т. е. на тяблахъ, или поясахъ полнаго иконостаса, кои суть Праздники, пояса Апостольскій, Пророческій и Праотеческій, наконецъ иконы запрестольныя. Сверхъ того, требовались иконы для чествованія въ домахъ. Такъ какъ особеннымъ предметомъ церковнаго благоговѣнія была Божія Матерь, Заступница рода Христіанскаго: то ея многія иконы различныхъ явленій, напр. Византійскія, Корсунскія, Пирогощія, распространены въ Русскомъ мірѣ Греческими и отечественными зоографами. Когда монахи

и священники Латинскіе, слѣдовавшіе за крестоносцами и преимущественно путешественники на Востокъ, послѣ взятія Константинополя Латинами, 1204 года, принесли оттуда изображенія Богоматери, подъ именемъ писанныхъ Св. Лукою Евангелистомъ: тогда списки съ нихъ и самые подлинники появились въ южной и западной Россіи. (45)

Отъ Византійскаго стиля въ иконописи произошелъ *Корсунскій*, такъ названный отъ мѣстопребыванія Греческихъ художниковъ въ Корсуни Таврической и Корсуни Кіевской. Сколько отъ характера иконописи, а вѣроятно, болѣе потому, что такія иконы принесены Св. Владиміромъ изъ Корсуни и потому, что смѣшиваемы были съ Цареградскими, произведенія иконописнаго художества носятъ названіе Корсунскихъ. Изъ лѣтописей видно, что образцовые сіи пошибы столь славились, что даже и писанныя Русскими зоографами въ этомъ родѣ иконы именовались *Греческими* и *Корсунскими*. Художество сіе процвѣтало въ Кіевѣ до совершеннаго разоренія его Батыемъ, когда погибли многіе драгоцѣнные памятники Византійско-Корсунскаго и Русскаго художества. Изъ точнаго сличенія памятниковъ Византійской и Корсунской иконописи можно вывести существенное отличіе пошиба одной отъ другой. Таковы чисто Византійскій образъ Св. Петра и Павла, четырехлистовой, хранящійся въ Московской Патріаршей ризницѣ, и Корсунская мѣстная икона сихъ Апостоловъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Корсунское письмо, какъ вѣтвь Византійскаго, не составляло особой школы, но разнилось отъ послѣдняго нѣкоторыми особенностями описи и колорита, или раскраски. Сколько можно замѣтить изъ рисунка, фигуры Византійскаго стиля болѣе осьми головъ, лица продолговатѣе, глаза челночками, носъ тонѣе и горбоватѣе, уста малыя и тонкія, *черты рѣдкія*, похожія на штрихи гравера; между тѣмъ какъ въ Корсунскомъ пошибѣ лица и глаза круглѣе, носъ прямѣе и въ ноздряхъ шире, уста больше и толще, *черты чаще*, а въ раскраскѣ замѣтно болѣе плавкости и бѣловатости.

(45) L'histoire de l'art par les monuments, par *Seroux d'Agincourt* VI t. à Paris, 1823, in-f.

Особенную тщательность оказывали художники въ отдѣлкѣ лицъ, кои они по нѣскольку разъ плавили; отъ этого онѣ были плотны и не выпадали. Въ древности у Русскихъ иконы писаны были по левкасу на яичномъ желткѣ, и другихъ забытыхъ уже составахъ, а не на масляной грунтовкѣ. Какъ церковная живопись перешла къ намъ съ опредѣленнымъ пошибомъ, съ узаконенными принадлежностями и условіями: то и вапы, или краски употреблялись освященныя преданіемъ: темная и санкирная изъ вохры и другихъ составовъ, красная изъ жженой вохры, бѣлая изъ бѣлилъ, черная изъ сажи и жженой кости, зелень и празелень изъ лазури съ вохрой и чернилами, и т. д. Образныя доски были съ выемкою, липовыя, грушевыя, чинаровыя и даже сосновыя, потомъ кипарисныя. Мастичнымъ лакомъ иконы въ древности не покрывались.

Вмѣстѣ съ иконописью и стѣнопись трудилась надъ украшеніемъ церквей фресками, коихъ остатки теперь открываются и воспроизводятся Академикомъ Солнцевымъ въ Софійскомъ соборѣ и другихъ Кіевскихъ церквахъ. Строгость и отчетливость рисунка и плотность раскраски составляетъ важное достоинство сихъ древнѣйшихъ фресковъ, какіе находятся и въ Староладожской церкви св. Георгія.

Миніатюры Святославова Изборника 1073 года служатъ доказательствомъ употребленія миніатюрной живописи въ Кіевѣ. Въ изображеніи В. К. Святослава Ярославича съ его семействомъ намъ являются опыты портретнаго искусства; о существованіи его въ XI вѣкѣ находимъ въ Патерикѣ Печерскомъ. Греческіе мастера, чудесно нанятые св. Антоніемъ и Ѳеодосіемъ въ Царьградѣ, прибывъ въ Кіевъ, требовали отъ Печерскаго игумена Никона, чтобы онъ представилъ имъ тѣхъ, которые съ ними договорились объ украшеніи св. иконами Печерской церкви. Игуменъ наконецъ, послѣ долгаго увѣренія, что нѣтъ уже такихъ людей въ обители, « изнесе предъ всѣми икону пре- « подобныхъ отецъ Антонія и Ѳеодосія. Видѣвше же Грецы образъ ихъ, « поклонишася, глаголюще: яко сіи еста воистину. » Наконецъ въ лѣтописяхъ изображеніе личныхъ примѣровъ Князей обнаруживаетъ въ лѣтописателѣ знаніе портретнаго искусства. Такъ напр: Ипатьевскій, Хлѣбниковскій

и Воскресенскій представляютъ намъ примѣты сына Владимірова Бориса: « Тѣломъ бяше красенъ и высокъ, лицемъ круглъ, плеча высоцѣ, въ чрес- « лѣхъ тонокъ, очима добръ и веселъ, брада мала и усъ, младъ бо бѣ « еще. » (46) Князь Владимірко-Іоаннъ Васильевичь, философъ, ум. 1289 г. такъ описанъ Волынскимъ лѣтописцемъ: « возрастомъ бѣ высокъ, плечима « великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стригый, « руки красны и ноги, уста исподняя дебела. » (47) Если вѣрить Татищеву, то продолжатель Несторовой лѣтописи XII вѣка, « былъ искусенъ въ « живописи, что едва не всѣхъ въ его время бывшихъ Князей лица и воз- « растъ описалъ. » (48)

Когда вмѣстѣ съ Христіанскимъ ученіемъ и грамотностію изъ Кіева перенесена Греками и церковная живопись въ Новгородъ, тогда она нашла тамъ себѣ поприще для дѣятельности и получила особенное развитіе въ такъ называемомъ Новгородскомъ пошибѣ. Этотъ пошибъ образовался подъ вліяніемъ Византійскаго стиля. Но какъ Кіевскій, такъ и Новгородскій пошибы не образовали особенной школы, а разнились только *помѣтями* и пріемами, раскраскою, или колоритомъ; основа, направленіе и образцы ихъ были Византійскіе. Лѣтопись упоминаетъ о Гречинѣ Петровичѣ, который въ 1195 г. расписывалъ въ Новгородѣ церкви, объ Игнатіѣ Грекѣ, который въ 1338 г. со други т. е. съ товарищами писалъ иконы; потомъ о Вячеславѣ, внукѣ Малышева, 1227 г. украсившемъ фресками церковь Сорока мучениковъ въ Новгородѣ, о церковномъ росписникѣ Иванѣ, сгорѣвшемъ въ 1386 году, наконецъ о томъ, какъ Нѣмцы наняли Новгородскихъ иконниковъ, и « по- « велѣша имъ написати образъ Спасовъ на ропатномъ углу. » (49)

Вывезенные изъ Византіи и Корсуни образа прославили Софійскій соборъ. Новгородскіе златописцы оставили намъ въ наслѣдіе драгоцѣнный памятникъ художества XIV вѣка — Васильевскія церковныя врата, здѣсь описанныя. Когда же тамъ иконописцы познакомились съ Фряжскимъ стилемъ,

(46) *Карамз.* И. Г. Р. II, пр. 4.
(47) *тамъ же*, IV, пр. 175.
(48) Россійская Исторія. I, 57.
(49) т. е. на углу кирки. *Карамз.* И. Г. Р. III, пр. 244 и 369.

тогда рисунокъ ихъ получилъ болѣе живости, а раскраска разнообразія и яркости, особливо въ многолюдныхъ образахъ, съ тѣмъ вмѣстѣ они позволяли себѣ нѣкоторыя уклоненія отъ неподвижныхъ формъ Византійской школы и отъ преданія: разнились ихъ произведенія самымъ сочиненіемъ. За иконописью тамъ неуклонно слѣдовала и миніатюрная живопись на пергаминѣ. Харатейныя Евангелія въ Остромировомъ спискѣ XI вѣка и въ Алексиномъ XII вѣка, украшенныя миніатюрными изображеніями, показываютъ намъ ея дѣятельность въ Новгородѣ.

Съ перенесеніемъ столицы изъ Кіева въ Суздальскую область, во Владиміръ, туда перенесено и художество, необходимое для Церкви, въ послѣдствіи обратившееся въ ремесло и промыслъ поселянъ и доселѣ извѣстное подъ названіемъ *Суздальскаго письма,* которое представляетъ искаженіе Византійскаго и Корсунскаго стиля.

Между тѣмъ какъ опустошенный Кіевъ былъ во власти Гедемина, Владиміръ Клязьмскій, послѣ Батыева нашествія, представлялъ пепелище; вѣра и народность, съ нею вмѣстѣ и церковная живопись, нашли себѣ надежный пріютъ въ Москвѣ, гдѣ Первосвятитель Петръ самъ былъ иконописцемъ. Когда надъ святою Русью тяготѣло Монгольское ярмо, тогда въ глуши Московскаго бора зародилась жизнь народная, государственная и религіозная; на помощь къ ней пришло художество, завѣщанное христіанскою Византіей: оно оживотворило первые Московскіе храмы св. образами, олицетворило стѣны ихъ бытейскимъ письмомъ, которое служило для неграмотныхъ назидательною грамотой, проводникомъ вѣры и благочестія. Художникамъ покровительствовала духовная и свѣтская власть. Уже при дворѣ Московскаго Князя Симеона Гордаго и Всероссійскаго Митрополита Θеогноста находились Греческіе и Русскіе зоографы: Гойтанъ, старѣйшина иконниковъ, Захарія, Іосифъ и Николай. Между ними были учители и ученики. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли произведенія ихъ кисти, образа и фрески, по коимъ можно бы судить объ успѣхахъ иконописи на Москвѣ; они погибли отъ губительныхъ пожаровъ и неискусныхъ поновленій. Отъ того вѣка сохранились: *храмовая* икона Святителя Петра въ Моск. Усп. Соборѣ,

мѣстная Спасителя въ Благовѣщенскомъ соборѣ, писанная 1339 г. какимъ-то Михаиломъ многогрѣшнымъ, и *путевая* икона св. Алексѣя Митрополита, во имя Спаса, въ Андрониковомъ м. Но, безъ сомнѣнія, всѣ произведенія иконописи въ XIV вѣкѣ были ознаменованы вліяніемъ Византійской, или Корсунской школы. Все достоинство ихъ заключалось въ искусномъ и отчетливомъ воспроизведеніи завѣтныхъ образцевъ, какъ подтверждаютъ слова грамоты 1554 г. « старинное « иконописаніе было Греческое и Корсунское, которое писали иконники все со « старыхъ образцовъ. » (50) Такого пошиба держались въ томъ и слѣдующемъ вѣкѣ пресловутые зоографы: Андрей Рублевъ, Даніилъ Черный, Игнатій иконникъ, сподвижникъ св. Іоны Митрополита, Симеонъ Черный, Діонисій, Кнашъ, Прохоръ Городецкій, Ѳеофанъ съ учениками, наконецъ Всероссійскіе Митрополиты Симонъ и Варлаамъ, св. Ѳеодоръ Архіепископъ Ростовскій, племянникъ Преп. Сергія, который, по словамъ Подлинника, когда былъ Симоновскимъ Архимандритомъ, писалъ многія св. иконы на Москвѣ, образъ дяди своего и Деисусы въ церковь св. Николая на Болвановкѣ. (51)

Какъ Аѳонская школа признала своимъ начальникомъ Панселина, жившаго въ XI или XII вѣкѣ, такъ и Московская—Рублева. По свидѣтельству Строгановскаго Подлинника, (52) Андрей Радонежскій, прозваніемъ Рублевъ писалъ иконы все чудотворныя. Пребывая въ послушаніи у Препод. Никона, онъ въ его присутствіи изобразилъ ликъ Пресвятой Троицы въ похвалу св. Отцу Сергію. (53) Лѣтописи называютъ иконы Діонисіева письма *чудными*, т. е. превосходными, а Стоглавъ призналъ произведенія Рублева образцовыми, какъ увидимъ далѣе. Пошибъ письма его въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка составилъ школу, такъ что образа, не только писанные имъ самимъ, но и учениками его и подражателями, извѣстны подъ именемъ *Рублевыхъ*. Этотъ художникъ вмѣстѣ съ Даніиломъ Чернымъ производилъ иконное, и стѣнное письмо, какимъ украсилъ не одни Московскіе соборы, но и Владимирскій, Тро-

(50) Акты Археогр. Экспедиціи, т. I.

(51) Клинцовской Подлинникъ, списанный съ древняго, въ концѣ XVIII вѣка, рукоп. въ 4, въ библіот. Графа Строганова.

(52) *тамъ же*.

(53) Этотъ образъ мѣстный стоитъ на правой сторонѣ у царскихъ вратъ въ Троицкомъ соборѣ.

ицкій въ Сергіевой обители, Спасовъ въ Андрониковѣ монастырѣ, гдѣ нашелъ себѣ послѣдній пріютъ. По сказанію Іосифа Волоколамскаго, онъ такъ любилъ священное художество, что «въ праздничные дни «разсматривалъ св. иконы и переносился мыслію отъ видимаго къ «невидимому.» (54) Извѣстныя подъ его именемъ иконы, отмѣченныя позднѣйшими надписями, высоко цѣнятся любителями. Рисунокъ въ нихъ строгій и отчетливый, раскраска, хотя твердая и бойкая, но плавкая и тонкая, или, какъ говорятъ иконники, *облачная;* темною она кажется, сколько отъ преобладанія вохры и санкиря, (55) столько и отъ олифы. На сильныхъ мѣстахъ лицъ вохра не нанесена бѣлилами, но пущена въ тонкую тѣнь. По своему стилю, Рублевъ былъ вѣрнымъ Византійской школѣ. Замѣчательно уваженіе современниковъ его къ нему съ сотрудниками; они признали его *пресловутымъ*, а отечественная Церковь *Преподобнымъ*. (56) Тогда упражненіе въ иконописи церковной почиталось дѣломъ священнымъ, какимъ занимались сами Первосвятители, а иконописцы наравнѣ съ служителями Церкви; расписаніе церквей не рѣдко было предметомъ совѣщанія соборовъ, поводомъ къ установленію праздниковъ въ Церкви, и лѣтописи упоминаютъ объ этомъ, какъ объ исторической достопамятности. Отъ художниковъ, посвятившихъ себя на этотъ подвигъ, требовалось строгое благочестіе и чистота нравовъ; приступая къ нему, они напутствовали себя постомъ и молитвою. Но, какъ увидимъ далѣе, школа Рублева во многомъ измѣнила началамъ мастера.

Освобожденію Россіи отъ Монгольскаго ярма предшествовали два событія, имѣвшія вліяніе на отечественную Церковь и на ея художества — взятіе Турками, Царяграда и Херсона, откуда Россія заимствовала художниковъ. Когда Іоаннъ III положилъ въ Москвѣ краеугольный камень во главу угла единодержавію: тогда въ ней открылъ пріютъ разнымъ художникамъ изъ порабощенной Византіи и державнаго Рима. Тамъ они нашли себѣ обширное поприще для художнической дѣятельности. Вызванные изъ

(54) Духовное завѣщаніе Препод. Іосифа, гл. X.
(55) *Санкирь* состоялъ изъ трехъ красокъ: вохры жженой, лазури и чернилъ.
(56) Въ рукоп. Словарѣ Русскихъ Святыхъ Андрей и Даніилъ поставлены между Святыми.

южной и западной Европы художники слыли у насъ *Фрязами* и *Фрязинами*, а произведенія ихъ—*дѣломъ Фряжскимъ*, хотя они болѣе или менѣе и сообразовались съ Русскимъ типомъ. Между ими могли быть и живописцы. Лѣтописи наши въ числѣ мастеровъ упоминаютъ о какомъ-то капланѣ изъ бѣлыхъ черцовъ Августинова ордена, Иванѣ Спасителѣ, который принялъ православное исповѣданіе. (57) Вѣроятнѣе кажется, что, по ошибкѣ, вмѣсто *Списателя*, т. е. церковнаго росписника, написали *Спасителя*, и что это слово не составляетъ прозвища Salvator въ переводѣ. Если это такъ, то не сей ли самый Иванъ расписывалъ тогда сооруженный Фіоравенти-Аристотелемъ Успенскій соборъ въ Москвѣ, и не онъ ли внесъ къ намъ начатки Фряжскаго стиля въ иконописи, который потомъ привился къ Византійско-Русскому пошибу? Въ Стоглавѣ уже упоминается о Латинскихъ образахъ, хотя Русскіе чуждались св. иконъ, писанныхъ иновѣрцами, и хотя, по свидѣтельству Краковскаго Каноника І. Сакраріа 1500 г. « они только чествовали образа, поставленные въ ихъ церквахъ, или писанные ихъ мастерами.» (58)

Въ началѣ XVI вѣка, когда въ Италіи живопись достигла своего апогея, когда въ Германіи реформація нанесла ей ударъ, тогда въ Россіи съ отступленіемъ отъ Рублевой школы церковная живопись потерпѣла измѣненія не въ пользу искусства; ибо Царь Иванъ Васильевичь въ грамотѣ своей къ Римскому Императору Карлу V жаловался на дурную живопись въ отечественныхъ церквахъ, изъявляя желаніе украсить ихъ произведеніями искусныхъ художниковъ. (59)

Доселѣ иконописцы наши ограничивались раболѣпнымъ подражаніемъ Византійско-Корсунскому стилю и воспроизведеніемъ образцевъ его; но Стоглавный соборъ уже возстаетъ противъ тѣхъ мастеровъ, которые начали « писать божество отъ самосмышленія и своими догадками.» При переходѣ отъ подражанія къ изобрѣтенію (самосмышленію), иконописцы внесли въ художество народность и личность.

(57) *Карамз.* И. Г. Р. VI. 364. пр. 104.

(58) De Russorum Moscovitarum religione etc. В. Д. 1582, in-4. Здѣсь Каноникъ называетъ Христіанскія наши церкви *синагогами*.

(59) *Schmidt Phiseldeck* Materiale zur russ Geschichte Riga, 1777, in-8.

Въ Новгородѣ, союзникѣ Ганзы и Литвы, подобно какъ и въ другихъ областяхъ раздробленной Россіи, мало по малу образовались свои типы и направленія въ иконописи и въ жизни. Когда же Россія подъ властію единодержавнаго Царя стала ближе и тѣснѣе соединяться, тогда скоро должны были обнаружиться и разности въ священномъ художествѣ. Они и обнаружились въ протестѣ Висковатаго противъ нововведеній, перенесенныхъ изъ Новгорода въ Москву Макаріемъ и Сильвестромъ. Тогда стали размножаться образа *многолюдные*, многосложные, символическіе, болѣе извѣстные въ Новгородѣ и Псковѣ, чѣмъ на Москвѣ; явились попытки изображать посредствомъ иконописи смыслъ догматовъ, молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній, каковы напр: *Совѣтъ превѣчный*, *Покой субботній Творца твари*, изображающій Господа Саваоѳа опочивающимъ на ложѣ, *Троицкое дѣяніе*, *Поклоненіе Трїгпостасному Божеству*, *Молитва Господня*, *Бытія изъ Апокалипсиса*, *Символъ вѣры*, *о Тебѣ радуется Благодатная*, *Достойно есть* и пр. Къ числу такихъ образовъ принадлежитъ *Страшный судъ*, послужившій къ обращенію В. К. Владимира I, и въ 1399 году присланный изъ Царьграда же Патріархомъ къ В. К. Тверскому Михаилу Ярославичу. (60) По окончаніи пасхальнаго разчисленія, сдѣланнаго на седьмую тысячу, въ 1492 году, мысль, овладѣвшая народомъ о наступленіи страшнаго суда, вѣроятно, дала поводъ къ распространенію такого образа. Къ тому же времени относится изображеніе *осмïугольнаго вѣнца* у Господа Саваоѳа, въ ознаменованіе «седми вѣ- «комъ Творца и будущаго вѣка Отца.» (61) Не рѣдко особенные случаи давали поводъ къ размноженію нѣкоторыхъ иконъ. Такъ напр. взятіе Казани Царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ праздникъ Покрова Божіей Матери служило побужденіемъ къ распространенію списковъ сего явленія и церквей въ честь его на Москвѣ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ въ иконопись тогда вкрались символы, чуждые Православной Церкви и дотолѣ ей неизвѣстные, даже *знаменія* (атрибуты) Западной Церкви.

(60) Софійской Временникъ. I, 421.
(61) Подлинникъ Клинцовскій въ библ. Графа С. Г. Строганова.

Такъ напр. Иконники стали изображать I. Христа съ колчаномъ и лукомъ, или вопреки запрещенію на Трулльскомъ соборѣ, въ подобіи Агнца, Троицу съ IX чинами въ вѣнцахъ, иногда въ одномъ лицѣ съ принадлежностями трехъ лицъ, Евангелистовъ Іоанна съ орломъ, а Марка со львомъ. Максимъ Грекъ въ сочиненіяхъ своихъ, касаясь иконописи, приводитъ образъ Спасовъ, называемый по Римски Pietas. (62) Около того времени съ Запада вошли въ область нашей иконописи изображенія XII Сивиллъ, коихъ стали писать съ Еллинскими мудрецами на церковныхъ вратахъ, на стѣнахъ паперти, или притвора и даже на крилосахъ, какъ доказательства истины откровенной религіи. (63)

При такихъ нововведеніяхъ и при своевольномъ уклоненіи отъ завѣтныхъ Византійскихъ первообразовъ, возникли распри, нарушавшія спокойствіе Церкви. Отечественная Церковь вступилась въ свои права, взяла свои мѣры противъ самовольныхъ и соблазнительныхъ нововведеній и на Стоглавномъ соборѣ запретила « описывать Божество отъ самосмышленія и своими догадками, повелѣвъ держаться съ превеликимъ тщаніемъ образцевъ инока Андрея Рублева и « прочихъ пресловутыхъ иконописцевъ. » Соборнымъ опредѣленіемъ надъ всѣми иконниками уставлены четыре старосты, которымъ велѣно смотрѣть, чтобы первые писали по образу и по подобію, неправо пишущихъ отставлять и новыхъ иконниковъ отдавать учиться добрымъ мастерамъ. (64) Замѣчательно, что постановленія такъ называемаго Стоглавнаго собора, требуя отъ иконописцевъ духовнаго образованія и нравственной чистоты, поставляютъ

(62) Вотъ что онъ говоритъ объ немъ: «Священное образованіе священныя и покланяемыя иконы Господа и Бога и Спаса нашего I. Христа, глаголемое по Римски *піетасъ*, еже есть по Русски милосердіе, или благочестіе, а не унывіе, нѣсть се человѣческія премудрости замышленіе, но самъ Спасъ такова показа себе списателю душеполезныхъ бесѣдъ, яже къ Петру своему діакону, во время священныя литургіи священнодѣйствующу страшную и безкровную жертву святѣйшему Григорію, внегда влагати въ потиръ четвертую часть св. и покланяемаго Агнца. Сицево нерукотворіе (икос) божественное образованіе видовъ св. Григоріи, стояще противу св. потира, умилися яко же лѣпо бѣ и въ слезы духовныя снесенъ бысть. Преудивився Спасову неизреченному схожденію, и якоже видѣ очима въ Дусѣ Святѣ, тако сказа иконописцемъ писати прочее таково Спасово священное образованіе и оттолѣ начатъ сицево священное образованіе Спасово во св. Божіихъ храмѣхъ писатися. Сице азъ пріяхъ отъ достовѣрныхъ мужей Италіянѣхъ, у нихъ живый время довольно »

(63) Mythologie und Symbolik der christlichen Kunst, von *F. Piper*. I. B. Weimar, 1847, in-12.

(64) Исторія Русской Церкви, періодъ III, отъ 1410 по 1588. М. 1847, въ 12.

въ обязанность Святителямъ «беречи ихъ и почитати паче простыхъ человѣкъ.» Въ дѣяніяхъ собора противъ Башкина 1554 г. между прочимъ подтверждено, чтобы «святыя и честныя иконы и бытейское письмо были «не на соблазнъ міру, но во утвержденіе православію и въ просвѣщеніе «и умиленіе.» Взятые Іоанномъ изъ Новгорода, Пскова и Устюга древніе образа, украсивъ соборы Московскіе, представили образцы для Московскаго иконописанія.

Въ эту эпоху возвращенія иконописи къ Рублевой школѣ и появленія иконоборцевъ въ лицѣ Ѳеодосія Косова, Башкина и другихъ, Всероссійскимъ Митрополитомъ былъ знаменитый Макарій, ревнитель православія, составитель Великихъ Четп-Миней, самъ иконописецъ, поновлявшій чудотворные и явленные образа.

Такъ по тѣсной, членовной связи сего художества съ православіемъ, и духовныя особы посвящали ему свой трудъ и бдѣніе. Всеросс. Митрополитъ Аѳанасій, духовникъ Царя Ивана Васильевича, былъ преемникомъ Архипастырскаго жезла Макарія и его художнической палитры и кисти, которую онъ обрекъ на украшеніе Церкви св. иконами. Въ XVI столѣтіи славились своимъ искусствомъ въ Великомъ Новгородѣ монахъ Антоніева монастыря Препод. Ананія, въ Нижнемъ Новгородѣ Перетрутовы, Староверовъ, Останя, Яковъ, Михайло и Семенъ Высокій Глаголъ съ товарищи, а на Москвѣ Ѳедоръ Еликѣевъ, Михайло Медоварцевъ, Ѳедоръ Ухтомскій, Баженъ Ѳедоровъ Сафатовъ, діаконъ Никифоръ Грабленой, старецъ Сергій, Ѳеодосій, сынъ Діонисія зоографа. Послѣ пожара въ Москвѣ 1547 г., лишившаго ее многихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ иконописанія, собраны были въ нее древнѣйшія иконы изъ Владимира, Звенигорода, Новгорода, Ржева и Пскова, а за недостаткомъ Московскихъ, вызваны иногородные зоографы для списанія этихъ иконъ, по опредѣленію собора. (65) Нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени памятниковъ иконописи XVI вѣка свидѣтельствуютъ намъ объ успѣхахъ ея въ Московскомъ мірѣ. Довольно указать на мѣстный образъ св. Троицы въ Троицкомъ соборѣ Троицко-Сергі-

(65) Акты Археограф. Экспедиціи, III, 238.

своей лавры, писанный Никифоромъ Грабленымъ и стоящій тамъ на лѣвой сторонѣ подлѣ царскихъ вратъ. Тогда въ Москвѣ образовался подъ вліяніемъ Византійской школы *Московскій пошибъ.* Отъ Корсунскаго онъ разнился не столь длинными фигурами, частыми чертами, описью въ лицахъ свободною; въ раскраскѣ его болѣе цвѣтности, теплоты и разнообразія, чѣмъ въ Византійско-Корсунской; высокія мѣста отличаемы были костоватостію, доличное золотыми и красочными пробѣлами. Умильность въ лицахъ составляла противоположность съ строгостью и суровостію ихъ въ образахъ Новгородскаго пошиба, гдѣ преобладала вохра и празелень. Мѣстность и личность клали на нихъ свои типы.

Сильнѣйшимъ двигателемъ этого священнаго художества была вѣра и благочестіе народа, равно и требованія искусства.

Такова была дѣятельность иконописанія въ столицѣ Іоанна IV. Между тѣмъ какъ въ порабощенной Греціи, это коренное ея художество пришло въ упадокъ, уже Москва надѣляла ее образами. Іоаннъ Комнинъ съ похвалою отзывается о Московскихъ образахъ въ серебряныхъ окладахъ, присланныхъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Аѳонскіе монастыри; онъ говоритъ, что образа сіи искусно и совершенно отдѣланы. Даже въ старинномъ Аѳонскомъ Подлинникѣ мы находимъ статью о томъ «какъ Мо-«сковскіе зоографы пишутъ образа, какія и какъ употребляютъ краски, «какимъ способомъ накладываютъ на нихъ золото и пр.» (66)

Но въ матери градовъ Русскихъ, подвѣдомой области Константинопольскаго Патріаршества, подъ гнетомъ Польскаго ига, среди утѣсненій отъ Латинства и Уніи, могла ли процвѣтать церковная живопись? Петръ Могила въ книгѣ *Камень*, говоритъ о Супрасльскомъ монастырѣ: «спроси «кого нибудь въ томъ монастырѣ, гдѣ тѣ древнія иконы, которыя укра-«шены были серебряными позлащенными ризами? и узнаешь, что онѣ «обращены Уніатами на свои надобности; вмѣсто же серебряныхъ иконъ, «поставлены въ церкви полотняныя Италіянскія. Хорошо мѣняются съ Бо-«гомъ; ему полотно писанное, а себѣ серебро вызолоченное.»

(66) Manuel d'Iconographie, p. 51.

Въ концѣ XVI вѣка, въ глубокомъ сѣверѣ Россіи возникла Строгановская школа, отдѣлившаяся отъ старой Устюжской, сперва подъ строгимъ вліяніемъ Византійско-Русскаго, а потомъ Фряжскаго стиля. Колыбелью ея былъ Сольвычегодскъ, отчина знаменитыхъ въ нашей Исторіи Строгановыхъ.

Первыхъ временъ Строгановское письмо отличалось строгостію и отчетливостію *описи*, отборкою въ лицахъ, плавкостью и плотностью раскраски, тонкою костоватостью на высокихъ мѣстахъ красочными пробѣлами, наконецъ тщательною отдѣлкою доличнаго. Фигуры писались болѣе осми головъ. Краски у нихъ были выписныя, отмѣнной доброты, между коими для пробѣловъ иногда употреблялся, какъ и у царскихъ изографовъ, тертый жемчугъ, никогда не вымиравшій; на сильныхъ мѣстахъ обыкновенно наводились отливныя краски. Представителями этой школы, въ первую эпоху, были въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка: Максимъ и Никита Строгановы, Никифоръ и Прокопій Чирины, Постникъ Дербинъ, Мочаловъ, Емельянъ, Семенъ Бороздинъ Истоминъ, Никифоровъ, которые, большею частію, подписывали свои имена на иконахъ. Отъ Строгановской школы вышли два пошиба: *Сибирскій* и *Бароновскій*, относящіеся ко второй его эпохѣ, когда рисунокъ уже является правильнѣе и вольнѣе, когда лицамъ давалось болѣе разнообразія и выразительности, когда въ раскраскѣ теплота, такъ сказать, оживляла тонкую плавкость. Доличное тогда роскошно украшалось золотомъ въ проскребку и инокопотью и золотыми пробѣлами. Такъ какъ образа писались не только на кипарисныхъ и липовыхъ, но и на мѣдныхъ доскахъ, на красках и на золотѣ; то по числу наложенныхъ на образную дску листовъ опредѣляема была ихъ величина: отсюда *четырехлистовые, пятилистовые*, или *пятиицы* и *семилистовые*.

Такимъ образомъ Строгановская школа, сперва вѣрная Византійскому стилю, потомъ заимствовала отъ Фряжскаго стиля его пріемы, его типъ и дебелость раскраски. Представителемъ послѣдней эпохи былъ Стефанъ Нарыковъ. Вмѣстѣ съ школою царскихъ живописцевъ она служила переходомъ къ искусству, которое въ послѣдствіи развилось въ нашемъ отечествѣ.

Кромѣ нѣкоторыхъ церквей и монастырей, иконы Строгановскаго письма украшаютъ часовни на Рогожскомъ и Преображенскомъ кладбищахъ, коллекціи Графа С. Г. Строганова, Погодина, Лобкова, Царскаго, Молошникова, А. и Ѳ. Рахмановыхъ, Никифора Гаврилова, Стрѣлкова и пр.

Между тѣмъ подъ вліяніемъ Греко-Корсунской школы писали въ Москвѣ Патріаршіе и Царскіе зоографы, которые составляли общества или товарищества, родъ Академіи художествъ, гдѣ занимались иконописью и живописью и гдѣ обучали сему искусству. Первые вели свое начало отъ прежнихъ Митрополичьихъ, другіе отъ Великокняжескихъ иконниковъ. Первые отличались отъ послѣднихъ строжайшимъ соблюденіемъ Византійско-Корсунскаго пошиба въ своихъ произведеніяхъ. Въ дѣлахъ Патріаршаго Приказа съ 1632 по 1672 г. упомянуты: Назаръ Истоминъ, Леонтій Черный, Степанъ Зубчаниновъ, Степанъ Панкратьевъ, Янъ Степановъ, Янъ Микулинъ, Степанъ Іевлевъ, Ѳедоръ Козловъ, старецъ Агаѳоникъ, златописецъ Пансій, Гаврила Кондратьевъ, Дмитрій Львовъ и пр. Какъ между царскими были иностранные живописцы, то мало по малу они распространили между ими Фряжскій стиль, коему болѣе или менѣе сталъ подчиняться Византійско-Корсунскій пошибъ въ это переходное время. По свидѣтельству Алеппскаго Архидіакона Павла, « въ Москвѣ многіе иконописцы переняли « живописать образа на манеръ Франковъ и Поляковъ, а вельможи покупали такіе образа.» (67) Оные обыкновенно назывались *Латинскими*, какъ видно изъ дѣла Князя Хворостинина. Тщетно вооружался противъ этого Патріархъ Никонъ. У нѣкоторыхъ бояръ Итальянскіе и Нѣмецкіе мастера расписывали церкви. Съ Фряжскимъ стилемъ, внесшимъ въ церковную живопись дебелость лицъ, яркость красокъ и недостатокъ спокойнаго согласія цвѣтовъ, вошла личность художника, между тѣмъ, какъ въ образахъ Византійской школы она подчинена велѣнію Церкви. Направленіе Фряжскаго западнаго стиля въ церковной живописи отдѣлялось отъ Византій-

(67) см. Странствованіе Арабскаго Патріарха Макарія изъ Алеппо въ Москву, П. С. *Савельева*, въ Библ. для чтенія, 1836 г. т. XV, отд. III, 110.

скаго рѣзкою чертою; одинъ, близкій къ антикамъ языческаго міра, старался выразить силы природы, сосредоточенныя въ совершеннѣйшемъ образѣ человѣка и тѣмъ дѣйствовать на естетическое чувство; другой привести въ явленіе то, что надъ силами природы существуетъ высшая сила, которая ихъ проникаетъ, сообщая свѣтъ душѣ человѣческой. Основа одного внѣшній міръ, другаго — внутренній, духовный.

Изъ царскихъ иконописцевъ въ XVII вѣкѣ славились своимъ искусствомъ Аѳинянинъ Апостолъ Юрьевъ, Арменинъ Богданъ Салтановъ, Иванъ и Борисъ Паисеины, Назаръ Истоминъ, Симонъ Ушаковъ, Егоръ Зиновьевъ. Много другихъ именъ попадается въ дѣлахъ Придворн. Архива о царскихъ иконописцахъ, въ книгахъ Патріаршаго Приказа и другихъ письменныхъ памятникахъ; но особенно замѣчательны между ими три имени, потому что онѣ написаны на Каппоніановыхъ святцахъ въ Римѣ, кои относимы были Европейскими учеными то къ X, то къ XIII вѣку, (68) приписывались то Греческимъ, то Болгарскимъ и Сербскимъ художникамъ. Но сіи Русскія имена находимъ въ числѣ жалованныхъ царскихъ зоографовъ: *Андрей Ильинъ* (1668), *Сергѣй Васильевъ* (1667) и *Никита Ивановъ Пикторовъ*. Святцы сіи должны быть спискомъ съ древнихъ Греческихъ; потому что на нихъ нѣтъ Русскихъ Святыхъ. Болландіанскія картины, соборъ Святыхъ, писанныя 1628 года и пріобрѣтенныя въ Москвѣ 1673 г. Езуитомъ Паперброхіемъ, безъ сомнѣнія, есть произведеніе Патріаршихъ или Царскихъ иконописцевъ, которое теперь украшаетъ Лейденскую картинную галлерею. Замѣчательно, что въ числѣ послѣднихъ былъ безрукій зоографъ Полѵевктъ Никифоровъ, который писалъ иконы, держа кисть губами. Въ расх. книгѣ Оруж. Палаты 1687 г: упомянутъ осмилистовый образъ письма Полѵевкта безрукаго: Коронованіе Богородицы. Въ церкви при Московской Екатерининской богадѣльнѣ и въ Коллекціи Н. Г. Головина хранятся его образа Спасителя и Богоматери съ подписью « лѣта 7191, Септемврія въ 3 день писалъ сей образъ изографъ Полѵевктъ

(68) De antiquissima pictura Russica, inprimis de tabulis pictis Capponianis, hodie Romae in bibliotheca Vaticana asservatis, auct. *I. Th. Bulhe.* Mosquæ. 1807, in-4.

«Никифоровъ, отъ рожденія рукъ не имѣлъ и писалъ устами.» Письмо сдѣлало бы честь искусной рукѣ зографа.

Государевы зографы, состоя въ вѣдомствѣ Оружейной Палаты иконнаго терема, раздѣлялись на *жалованныхъ* и *кормовыхъ*, большой, средней и меньшей статьи, на *знаменщиковъ*, *лицевщиковъ*, *доличныхъ*, *златописцевъ*, *левкащиковъ* и *терщиковъ*. Они населяли въ Китаѣ и Земляномъ городѣ улицы, кои слыли *иконными;* работали также въ Иконномъ теремѣ и «въ пещерахъ «отъ Краснаго крыльца.» (69) Работа производилась ими, по Государеву указу, подъ завѣдываніемъ боярина съ дьякомъ. Такъ при поновленіи большаго Успенскаго собора стѣннымъ и иконнымъ письмомъ 1643 г. указалъ Государь быть тремъ бояринамъ съ Княземъ Б. А. Репнинымъ, да дьяку Степану Угоцкому. (70) Царь жаловалъ мастеровъ серебряными ковшами, камчатными кафтанами и собольими шапками. Царь Алексій Михайловичь, даровавшій имъ особенныя преимущества, въ грамотѣ своей 1669 г. ставитъ ихъ «выше всѣхъ прочихъ художниковъ, именуя тщаливыхъ и честныхъ «иконописцевъ, истинными церковниками, художниками церковнаго бла-«голѣпія.»

Техническая часть художества у Царскихъ зографовъ обнаруживаетъ смѣтливость, ловкость и удивительное терпѣніе въ отдѣлкѣ. Писавши по левкасу и болѣе на краскахъ, разведенныхъ на яичномъ желткѣ, чѣмъ на маслѣ, они умѣли соединять плотность съ плавкостью и нѣжностію, лицамъ давать разнообразное и строго-приличное выраженіе. Костоватость на высокихъ мѣстахъ они уже замѣняли едва замѣтною отживкою и подпробѣлами, потомъ румянцемъ. Глаза писались не челночками, какъ прежде, но правильнѣе и круглѣе, съ лузгами или слезниками. Въ отдѣлахъ волосъ тонко проводимы были подрусники и просѣдники. Доличное у нихъ отличалось богатствомъ золотой инокопти. На образахъ ихъ кисти появляется болѣе околичностей, чѣмъ прежде; нѣкоторые замѣчательны уже оригинальностію сочи-

(69) Приходо-расходная книга Оружейной Палаты денежной казны, 7188 г. N 248.

(70) Книга расходная деньгамъ, употребленнымъ на расписаніе стѣнное соборной церкви Успенія, 7150 г. N 975.

пенія. Это показываетъ, что изографы уже не ограничивали своей дѣятельности однимъ раболѣпнымъ воспроизведеніемъ завѣтныхъ образцевъ Византіи и Корсуни. Къ сочиненію давали имъ поводъ изображеніе дѣяній и чудесъ Святыхъ отечественной Церкви. Въ искусство они вносили личность и народность. Но не взирая на такое усовершенствованіе технической части, на попытки къ изобрѣтенію и сочиненію, въ ихъ произведеніяхъ еще оставались недостатки ихъ предшественниковъ—отсутствіе перспективы и единства тона или мотива.

Кромѣ исчисленныхъ нами здѣсь пошибовъ въ иконописи, былъ еще *монастырскій*, который образовался въ разныхъ отечественныхъ монастыряхъ, гдѣ иноки посвящали досужество свое на священное дѣло иконописанія. Иконы этого письма болѣе различествуютъ между собою раскраскою, чѣмъ рисункомъ: у однихъ преобладаетъ вохра, въ другихъ красный колеръ; въ тѣхъ раздѣлъ сильнѣе или слабѣе. Такія иконы, поднесенныя Царямъ отъ монастырей, мы видимъ на западной и южной стѣнахъ Московскаго Успенскаго собора. Въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, въ началѣ XVII столѣтія, уже были и зоографы, которые списывали портреты, см. ниже стр. 143. Фіорилло, судившій строго и поверхностно объ искусствѣ въ иконахъ, признаетъ впрочемъ, что « онѣ, какъ антики, весьма важны и заслуживаютъ быть болѣе « извѣстными. » (71) Такъ судили о нашемъ иконописаніи и другіе иностранные ученые, удивлявшіеся Каппоніановымъ святцамъ и ограничившіе свой взглядъ одной внѣшностью художества! По нѣкоторымъ только, неискуснымъ и даже уродливымъ изображеніямъ Святыхъ въ Греческомъ стилѣ, они заключали о грубости и неподвижности художества, между тѣмъ искусныя произведенія лучшихъ мастеровъ свидѣтельствуютъ намъ о возможности совершенствованія этого церковнаго художества, а богатый техническій языкъ о сознательности, съ какою оно развивалось.

Но не въ одной Москвѣ процвѣтала церковная живопись въ XVII столѣтіи; ею тогда славились Нижній Новгородъ, Кострома, Ярославль и Ро-

(71) см. Опытъ Исторіи начертательныхъ художествъ въ Россіи, соч. *Фіорилло*, въ Худож. Газетѣ. Спб. 1838, N 17.

стовъ. При поновленіи Успенскаго собора стѣннымъ письмомъ въ 1642 г. расписывали его иконники, вызванные изъ этихъ городовъ. При такомъ дѣлѣ всѣхъ иконописцевъ и знаменщиковъ городовыхъ и Московскихъ было 91 человѣкъ. Въ 1660 году, по указу Государеву, вызваны были для Государева и церковнаго дѣла изъ Нижняго Новгорода 4, изъ Костромы 5, изъ Ярославля и Ростова 8. Но какъ видно изъ жалобъ Царю Алексѣю Михайловичу, «по заглушнымъ деревнямъ плохіе мастера непстово писали иконы и продавали ихъ прасоламъ и щепетильникамъ, которые развозили ихъ по селамъ и городамъ.» (72)

Мѣстному различію въ сочиненіи давали поводъ многочисленныя явленія Богоматери, изображенія Святителя Николая Зарайскаго, Можайскаго, Великорѣцкаго и Явленскаго и пр. Не исчисляя ихъ, укажемъ только на иконы Софіи Премудрости Божіей, Кіевской и Новгородской; одна изображала Софію подъ видомъ Богоматери, стоящей подъ сѣнью седмистолпнаго храма, другая въ подобіи огнезрачнаго Царя, съ благословляющимъ его сверху Спасителемъ и съ предстоящими ему Богоматерью и Предтечею.

Миніатюрная живопись продолжала украшать своими произведеніями не только церковныя книги, но и лѣтописи и хронографы; а искусство вышиванія разноцвѣтными шелками, волоченымъ золотомъ и серебромъ, оличать Святыхъ и дѣянія на пеленахъ, покровахъ и плащаницахъ, изъ коихъ древнѣйшій и драгоцѣннѣйшій памятникъ сохранился въ ризницѣ Троицко-Сергіевой лавры: сударь, или покровъ съ слѣд. надписью, вышитою серебромъ: «лѣта 7007 создана сія пелена.... замышленіемъ и повелѣніемъ Царевны «Царегородскою, Великою Княгинею Московскою Софіею Великаго Князя Московскаго.»

Нельзя при этомъ обозрѣніи состоянія иконописи въ Россіи выпустить изъ виду символики *библейской, церковной* и *условной* т. е. придуманной художниками въ иконописаніи, о коей мы упоминали въ статьѣ о Торевтикѣ. Какъ древлецерковное художество начинается символическимъ изображеніемъ отношеній земной жизни къ небесной, высшей, то его символика проявляетъ стремленіе

(72) *Востоковъ* Опис. Румянцовскаго Музея, стр. 354 и 375.

духа восполнить древнія формы новымъ, глубокимъ содержаніемъ. Въ памятникахъ иконописи образный языкъ ея представляетъ намъ много такихъ символовъ, усвоенныхъ ею себѣ, напр: Всевидящее Око въ треугольникѣ знаменуетъ всевѣдѣніе Божіе; благословляющая рука въ облакахъ—Его благоволеніе; голубь—Духа Святаго; агнецъ—Искупителя; крестъ—орудіе вольной Его жертвы и нашего спасенія; левъ, орелъ и телецъ—трехъ Евангелистовъ; вѣнецъ—славу небесную; три звѣзды на челѣ и персяхъ Богоматери—нетлѣнное Ея дѣвство до рождества, въ рождествѣ и по рождествѣ и т. п. Замѣчательно также значеніе служебныхъ Умныхъ Силъ, выражаемое ихъ символами; на головѣ у нихъ обыкновенно изображается въ видѣ перевязки *маніе*, или покоище Св. Духа, изъ ушей вьются *торо̀цы*, или слухи. Кадило въ рукѣ у Ангела выражаетъ молитву, крипъ—благовѣстіе, жезлъ—путеводство, труба—зовъ на страшный судъ, мечь—кару грѣшныхъ; а мечь духовный—глаголъ Божій и т. п.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ Подлинника находится *сказаніе по буквамъ о птицахъ и звѣряхъ*, большею частію, входящихъ въ область церковной символики. (73) Не оставимъ безъ замѣчанія болѣе или менѣе извѣстныя монограммы, какъ–то: у Спасителя въ вѣнцѣ О Ѡ Н, Сый, (74) у Богородицы МР ѲУ, Божія матерь, у креста І. Н. Ц. І. Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій, М. Л. Р. Б. Г. А, Мѣсто Лобное, Распятъ бысть, или Рай Бысть, Глава Адамова и пр.

Таково было значеніе и судьбы иконописанія въ Россіи съ его начала до конца XVII вѣка, служившаго переходомъ къ преобразованію его при Петрѣ I и къ Академіи художествъ. Не взирая на нѣкоторыя частныя, мѣстныя уклоненія отъ Византійскаго первообраза, оно крѣпко держалось кореннаго своего начала, которое заключалось въ православіи восточной Церкви, неизмѣненной у насъ ни въ основахъ своихъ, ни въ отдѣльныхъ частяхъ Богослуженія. Ограниченное завѣтнымъ преданіемъ, Византійскимъ первообра-

(73) Подлинникъ рукоп. 1658 г. N. 315, въ библіот. Царскаго.

(74) Невѣдущіе придумали это Греческое ветхозавѣтное слово объяснить Русскими: «Отеческій умъ непостижимъ Сый,» такъ какъ *Μητήρ Θεου* (МР ѲУ) «Марія роди Фарисеямъ учителя.»

зомъ и символическимъ направленіемъ, конечно, оно не могло свободно развиваться; за то и не могло вдаваться въ своевольное изображеніе лицъ Святыхъ по *своему самосмышленію* и, вмѣсто божественной натуры, представлять чувственную природу человѣческую. Но такія условія не мѣшали церковной живописи восходить къ совершенству въ своемъ родѣ, какъ видимъ изъ нѣкоторыхъ ея образцевъ, гдѣ типическая строгость рисунка соединена съ святолѣпностію изображенія, нравственно-духовное приличіе съ отчетливостію и изяществомъ исполненія. Если Церковь должна отличаться отъ мірскаго, свѣтскаго, своимъ языкомъ и своими формами: то и ея живописи необходимо имѣть свой типъ священный, гдѣ искусство подчинено религіознымъ идеямъ.

Постигая всю важность сего дѣла, Петръ I, по примѣру Патріарховъ, учредилъ Ценсуру для иконописанія, которая помѣщена была въ палатахъ, построенныхъ изъ казны Патріарха близь Покровскаго собора и Василія блаженнаго, что на рвѣ. Тамъ сидѣлъ, т. е. завѣдывалъ изуграфіевъ исправленія Иванъ Зарудный. Указомъ 1707 г. Апрѣля 27, повелѣно, « дабы лучшаго ради исправленія и чести св. иконъ въ искусствѣ иконнаго и живописнаго изображенія, которые пишутъ иконы Московскихъ, градскихъ и иностранныхъ пріѣзжихъ людей во Всероссійской державѣ, велѣно надзирать и вѣдать ихъ, кромѣ всѣхъ приказовъ, Суперъ-Интенденту Ивану Петрову Зарудневу.» Изуграфская Палата состояла въ вѣдомствѣ Оружейной Палаты. (75)

Наконецъ, поставляя вѣкъ Петра Великаго предѣломъ Русской старины, мы ограничимъ этою эпохой свое обозрѣніе исторіи иконописи въ Россіи; но не можемъ не присовокупить къ тому, что какъ церковное это художество равно и многіе его священные памятники, ознаменованные чудесами, предметы церковнаго благолѣпія и народнаго благоговѣнія, вошли въ неразрывный союзъ съ внутреннею жизнію народа, получили высокое значеніе

(75) Полное собраніе Росс. Законовъ т. IV. съ 1700 по 1712 г. Zustand der Künste in Russland zu Ende des XVII Jahrhunderts, v. I. Snegireff. въ Archiv für wissenschaftlichen Kunde von Russland, 1842, II. H. Berlin.

въ отечественной исторіи; они составляютъ въ Русскомъ мірѣ не только церковную, но и государственную святыню; съ ними связаны судьбы земли Русской, областей, городовъ. Такъ нѣкогда Софія была представительницей Великаго Новгорода, Троица—Пскова до тѣхъ поръ, пока Московскій домъ Пресвятой Богородицы не сосредоточилъ въ нѣдрахъ своихъ святынь изъ вольныхъ городовъ и удѣльныхъ Княженій. Владимирская чудотворная икона, свидѣтельница обѣтовъ Русскихъ Святителей и Государей, двигнута была изъ Москвы въ Кострому для призванія Михаила Романова на осиротѣвшій престолъ; Тихвинская Богоматерь дана была порукою на Столбовскомъ мирѣ; а Смоленская въ 1812 году сопутствовала Россійскому воинству. Кому не извѣстно, какое значеніе имѣютъ въ семейной жизни иконы, данныя родителями дѣтямъ въ благословеніе, писанныя по обѣщанію и въ ознаменованіе достопамятныхъ событій!

ДРЕВНОСТИ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СВ. ИКОНЫ, КРЕСТЫ, УТВАРЬ ХРАМОВАЯ И ОБЛАЧЕНІЕ САНА ДУХОВНАГО.

СВ. ИКОНЫ.

ИКОНА ВЛАДИМИРСКІЯ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 1.)

Прославленная чудотвореніями икона Владимирскія Богоматери, по древнему преданію, (1) изображена еще при жизни Богоматери, списателемъ Дѣяній Апостольскихъ, Евангелистомъ Лукою, въ честь котораго основана была, XIV вѣка, въ Италіи живописная школа, или братство, занимавшееся преимущественно изображеніемъ лика Пресвятой Дѣвы и передавшее намъ нѣсколько ея иконъ. (2)

Изъ Царьграда святыня сія привезена въ Кіевъ вмѣстѣ съ Пирогощею, (3) а оттуда 1154 года во Владимиръ на Клязьмѣ, Вел. Кн. Андреемъ Боголюбскимъ, который, по сказанію Русскаго временника: « вкова в ню болѣ 30 гривенъ « золота, кромѣ серебра и дорогого каменія и женчюга, и постави ю въ церкви « своей въ Володимери. » Отъ пребыванія своего въ этой столицѣ Великихъ Князей икона получила названіе *Владимирской*. Перенесеніе ея въ Москву при В. К. Василіѣ Димитріевичѣ въ 1395 году, Августа 26, ознаменовано спасеніемъ престольнаго града отъ нашествія Тамерлана. Ханъ Монгольскій, устрашенный дивнымъ видѣніемъ, внезапно обратился въ бѣгство, въ тотъ

(1) Подтвержденному и слѣдующею надписью на камнѣ въ Римѣ: Oratorium quond. S. Pauli Apost. Lucæ Evangelistæ et Martialis martyrum, in quo et imago B. Mariæ virginis reperta sistebat una ex VII a B. Luca depictis. Roma subterranea novissima, opera et studio *Pauli Aringhi*. 2 t. 1658, Lutetiæ Paris. in f.

(2) *D'Agincourt*. Storia dell'arte dimonstrata coi monumenti, Prato, 1826, m. I. p. 373.

(3) Въ рукоп. дополненіи къ Кенигсбергскому списку.

самый день, какъ жители Московскіе встрѣтили на Кучковомѣ полѣ эту завѣтную святыню съ восклицаніями: « Матерь Божія! спаси землю Русскую!» Съ водвореніемъ въ Москвѣ святой представительницы Владимирскаго Великаго Княженія, Московскіе державцы уже возводимы были на престолъ не во Владимирскомъ, но въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ у златыхъ вратъ. Какъ сіе достопамятное и чудесное событіе, такъ равно избавленіе Москвы предстательствомъ Богоматери отъ нашествія Ахметова въ 1480 году, отечественная Церковь празднуетъ крестными ходами Августа 26 и Іюня 23. (4) Самое поновленіе ея иконы Всероссійскимъ Митрополитомъ Симономъ, въ 1514 году, торжествуется Церковію Мая 21.

Съ XVI вѣка икона Владимирскія Богоматери почиталась въ Москвѣ главною, иногда называема была *Одигитріею* т. е. путеводительницею; (5) по водвореніи ея въ Успенскомъ Соборѣ, первопрестольный храмъ сталъ именоваться *Домомъ Пресвятыя Богородицы*. Во время 19 мѣсячнаго пребыванія въ Московскомъ Кремлѣ Поляковъ, не щадившихъ святыни, она чудесно сохранена Архіепископомъ Галасунскимъ Арсеніемъ, и, по очищеніи города отъ враговъ, вынесена была въ срѣтеніе русскимъ дружинамъ, которыя не чаяли ее увидѣть. Такъ судьбы Москвы связаны съ чудотворнымъ образомъ Богоматери, который былъ залогомъ спасенія и благоденствія Россіи, свидѣтелемъ обѣтовъ Царей, Святителей и народа! Для убѣжденія Бориса Годунова принять хоругви царства, эта земская святыня принесена была къ нему въ Новодѣвичій монастырь Патріархомъ Іовомъ; предъ нею павши ницъ, Борисъ воскликнулъ со слезами: « о матерь Божія! что виною тво« его подвига? Сохрани, сохрани меня подъ сѣнію крова твоего! » Предъ нею Святитель благословилъ его на государство Московское и всея Россіи. При избраніи Святителей, въ кіотъ ея на пелену полагаемы были въ панагіи запечатанные жребіи и, послѣ молебна, вынятые распечатывались Царемъ, который объявлялъ освященному собору и народу имя избраннаго. По сверженіи Годуновыхъ, когда клевреты Отрепьева въ Успенскомъ соборѣ дерзновенно сорвали святительское облаченіе съ Патріарха Іова, тогда Іерархъ, снявъ самъ съ себя панагію, положилъ у образа Владимирскія Богоматери, гдѣ она была на него возложена при посвященіи. Никонъ Патрі-

(4) *Карамз.* И. Г. Р. III, 31, 39. V, 149, 151, 342. VI, 160. XI, 7, 123.—Разсужденіе о крестныхъ ходахъ православной Церкви, соч. *И. Аничкова-Платонова.* М. 1842, въ 8.

(5) Выходы Государей Царей Михаила, Алексія и Θеодора, изд. *П. Строева.* М. 1844. въ 4.

архъ у кіота ея поставилъ свой архипастырскій жезлъ, когда доброволь-но отрекся отъ своего престола.

Этотъ памятникъ Апостольскихъ временъ пребываетъ въ первопрестоль-номъ храмѣ Москвы пятое уже столѣтіе и только, при нашествіи Наполеона, въ 1812 году, увозимъ былъ во Владимиръ, какъ бы для того, чтобы по-сѣтить и охранить прежнюю свою обитель.

Художественное значеніе иконы не менѣе важно, какъ и историческое, по самому художнику—Евангелисту, которому приписываетъ ее древнее преда-ніе, такъ и по стилю и искусству украшеній, состоящихъ изъ предметовъ ваянія, сканной и чеканной работы.

Сочинитель Степенной книги, Всероссійскій Митрополитъ Аѳанасій, поновлявшій св. икону 1566 года, сообщаетъ намъ ея описаніе въ слѣдующихъ словахъ: «Апостолъ Лука изящне видѣніе тоя и прочая подобія начерта «во образъ возраста средніа мѣры: святое и благодатное лице ея мало «окружіа, продолжающійся носъ достосладостнѣ лежащь на десно, при близь «пречестнаго лица превѣчнаго ея младенца; персты же Богопріемныхъ «ея рукъ тонкостію истончены.»

Какъ доличное, или драпировка на образѣ закрыта окладомъ, а лицевое письмо слодою: то, не касаясь рисунка и колорита, мы представимъ здѣсь для сличенія съ настоящимъ ея видомъ древнее, замѣчательное, по содер-жанію и техническому языку, описаніе украшеній, сдѣланное въ 1627 году, по указу Патріарха Филарета Никитича:

«Образъ Пречистыя Богородицы Владимірскія, писмо Евангелиста Луки, «въ киотѣ, киотъ обложенъ серебромъ 3 затворы, а на затворехъ образъ «Благовѣщеніе Пресвятые Богородицы, да Евангелисты серебрены тощіе, «да на киоте крестъ серебренъ волачной въ яблоке, да у пречистые Бого-«родицы другой серебренъ киотъ обложенъ серебромъ, окладъ басменной, «двѣ шамейки да два пробоя серебрены литые, вверху киота шесть горо-«довъ золоты, а въ нихъ тридцать пять яхонтовъ лазоревыхъ, два изумру-«да, да шесть лаловъ, около лаловъ низано жемчюгомъ въ одну прядь два «камени зелены плохіе, семь венисъ и червцовъ, камень хрусталь, всѣ въ «золотыхъ гнѣздахъ, около городовъ низано жемчугомъ въ одну прядь, на «городѣхъ же на закрѣпкахъ двадцать жемчуги. Образъ Пречистые Богоро-«дицы оплечье и вѣнецъ и коруна и по полямъ двѣнадцать праздниковъ зо-«лотыхъ, и межъ праздниковъ по полямъ обложено золотомъ же сканью с

« финифтомъ, а около вѣнцовъ и образа Пречистые Богородицы и праздни-
« ковъ низано крупнымъ жемчугомъ въ одну прядь, а въ прежней росписи
« окладъ и вѣнцы и репьи написаны серебрены. В вѣнце надъ главою
« яхонтъ лазоревъ большой, да шесть яхонтовъ лазоревыхъ, три обнизаны
« жемчугомъ в одну прядь, лалъ большой да лалъ невеликъ обнизанъ жем-
« чугомъ в одну прядь, три изумруда обнизаны жемчугомъ в одну прядь,
« всѣ в золотыхъ гнѣздехъ; да три репья большихъ золотыхъ, а въ нихъ
« середи репьевъ три лала большихъ: середней лалъ обнизанъ жемчугомъ
« в одну прядь, да два лала малые, девять яхонтовъ лазоревыхъ въ золо-
« тыхъ гнѣздехъ, да на тѣхъ же репьяхъ сорокъ четыре зерна гурмискихъ
« большихъ и середнихъ на спняхъ репей золотъ, въ немъ камень юга око-
« ло гнѣзда в обнизи пятнадцать зеренъ гурмискихъ да на спняхъ четыре
« зерна гурмискихъ да въ корунѣ двадцать одинъ яхонтъ лазоревы, два
« изумруда, лалъ тунпас, двадцать пять раковинъ, да промежъ городовъ ко-
« рунныхъ двадцать четыре лалика маленькихъ и тѣ всѣ каменья и раковп-
« ны въ золотыхъ гнѣздехъ, а около городовъ и около вѣнца по обѣ сторо-
« ны обнизано жемчугомъ крупнымъ в одну прядь. Поднизь у Пречистые
« Богородицы низано большимъ жемчугомъ, а в ней двадцать семь яхонтовъ
« лазоревыхъ, да четыре лала, да тридцать три зерна гурмискихъ, вися-
« чихъ на нитяхъ. На правомъ оплечье яхонтъ лазоревъ большой въ гнѣздѣ
« в золотомъ, надъ нимъ репей золотъ, въ репье яхонтъ лазоревъ, около его
« въ обнизи девятнадцать зеренъ гурмискихъ, да четыре лала, да четыре
« зерна гурмискихъ на спняхъ, пониже подписи гнѣздо сканное золото, а
« в немъ изумрудъ, да тридцать три зерна гурмыскихъ на спняхъ. На под-
« писяхъ на закрѣпкахъ восемь зеренъ гурмискихъ на спняхъ. На лѣвомъ
« оплечье репей золотъ, а в немъ яхонтъ лазоревъ, да четыре лала около
« яхонта в обнизи, осмнадцать зеренъ гурмискихъ, да четыре зерна на
« спняхъ. По ниже репья гнѣздо золотое сканное, а въ немъ изумрудъ, да
« четыре зерна на спняхъ. »

Въ числѣ прикладовъ и привѣсокъ къ образу, вѣроятно, большею частію, обѣтныхъ, въ описи значатся: 1) ожерелье прикладу Царя Михаила Ѳеодоровича, низанное крупнымъ жемчугомъ съ 5 яхонтами, 11 изумрудами и 11 лалами в золотыхъ гнѣздахъ, 2) золотыхъ цатъ 6, панагіи 4, крестовъ 16, съ жемчугами и драгоцѣнными каменьями, сверхъ того, рясы и серьги, сто пятьдесятъ два золотыхъ Угорскихъ и Московскихъ, четыре золотыхъ

двойныхъ Угорскихъ, Новгородка золотая и серебрена золочена. Все сіе составляло богатое и разнообразное украшеніе св. иконы; но когда Петръ I указомъ 1722 г. Апрѣля 24 повелѣлъ снять съ иконъ привѣски и доставить ихъ въ Св. Сѵнодъ для разбора, « что въ нихъ старое и куріозное: » тогда она лишилась бо́льшей части своихъ узорочій. Золотая риза на Богоматери устроена, по указу Патріарха Никона, 1658 года, золотыхъ дѣлъ мастеромъ Петромъ Ивановымъ; (6) но на поляхъ остался древній сканный окладъ. Между двумя дробницами въ кругѣ изображены сканью греческія слова *ΙΤΑ ῾ΡΩΣΙΑΙ*, кои свидѣтельствуютъ, что дѣло это греческое.

Точный снимокъ съ этого образа въ золотомъ окладѣ, сдѣланный Всеросс. Митрополитомъ Симономъ, хранится въ придѣлѣ Св. Апостолъ Петра и Павла въ Успенскомъ Соборѣ. Изъ устава Московъ. Патріарховъ видно, что въ ненастное время сію икону носили въ крестномъ ходу, вмѣсто подлинной, какъ-то случилось въ 1687 году. (7)

(6) Книга Патріарш. Казен. Приказа 7166 г. N. 64.
(7) Древняя Росс. Вивліоѳика, X, 323.

ОБРАЗЪ ІОАСАФОВСКОЙ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Отд. I. N. 2.)

Подъ именемъ Іоасафовской Богоматери извѣстенъ въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ налоіиный осмилистовый образъ Богоматери, писанный греческимъ пошибомъ (1) на липовой дскѣ съ выемкою. Судя по рисунку и колориту, онъ писанъ въ Россіи и твердостію одного и плавкостію другаго близко подходитъ къ стилю школы Рублева. Лице Богоматери болѣе круглое, чѣмъ продолговатое, безъ костоватости (2), но съ отживкою (3); выраженіе его болѣе мрачное, чѣмъ умильное; носъ маленькій, тонкій, глаза безъ слезниковъ, кои появляются на иконахъ съ XVI вѣка. Доличное вохрянаго цвѣта, безъ иконопи (4), между тѣмъ какъ доличное у Спасителя съ золотыми гвентами. (5) На челѣ и на персяхъ у Богоматери три звѣзды, знаменующія ея дѣвство до рождества, въ рождествѣ и по рождествѣ.

Украшенія иконы замѣчательны искусствомъ и богатствомъ. Поля ея, или свѣты, покрыты золотымъ сканнымъ съ финифтью окладомъ; вѣнецъ на Богоматери золотой съ городками, гривною и тремя цатами, къ ней привѣшенными. Тѣ и другія усѣяны драгоцѣнными каменьями, по большей части, негранеными. На Спасителѣ такой же вѣнецъ съ городками.

(1) т. е. стилемъ. (2) или подпробѣлки. (3) или блесками, движками, оттѣнками. (4) *иконопь*, или *иконопоть*, наводъ растворенныма золотомъ. (5) *гвенты*, черты, складки на одеждѣ, коеі откинутыя полы назыв. *картушекъ*.

На золотыхъ дробницахъ по полямъ о́браза наведены черныю лики: Пресвятой Троицы, Св. Іоанна Предтечи, Архангела Гавріила, Николая Чудотворца, Св. Василія Парійскаго, Θеодора Стратилата, Іоанна Лѣствичника, Препод. Сергія и Анастасіи Римляныны.

Такъ какъ, по древнему обычаю на Руси, на св. иконахъ нерѣдко изображались Святые, тезоименитые членамъ какой нибудь фамиліи; то и въ Святыхъ на иконѣ Іоасафовской Богоматери, вѣроятно, увѣковѣчены имена семейства владѣтеля ея; ибо здѣсь находимъ святыхъ Іоанна Предтечу, Θеодора Стратилата и Анастасію Римляныну, соименныхъ Царю Іоанну Васильевичу, Царицѣ Анастасіи Романовнѣ и Царевичу Θеодору. Еслибъ икона устроена была Царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ, которому присвоивается описью этотъ образъ, то навѣрное на дробницахъ изображены были бы Святые, тезоименитые его родителю и одной изъ его супругъ, Агаѳіи или Марѳѣ. Вѣроятнѣе же, эта икона была молебная, комнатная, и перешла ему въ благословеніе отъ родителя, а въ Соборъ поступила, можетъ быть, по смерти его, какъ надгробная, выносная.

Чтожъ касается до названія иконы Іоасафовскою: то въ числѣ явленій отъ иконъ Богоматери такой не встрѣчается. А какъ Патріархи Московскіе, при вступленіи своемъ на Святительскій престолъ, имѣли обыкновеніе подносить Царю св. иконы въ благословеніе: то или Іоасафъ I поднесъ ее Царю Михаилу Θеодоровичу, или Іоасафъ II Царю Алексѣю Михайловичу, отъ котораго она могла поступить въ наслѣдіе сыну его и преемнику Θеодору подъ именемъ Іоасафовской.

СВ. ИКОНА

ОДИГИТРІИ СМОЛЕНСКІЯ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Отд. I. N. 3)

Икона Богоматери Одигитріи мѣстная въ верхнемъ придѣлѣ Благовѣщенскаго Собора, въ честь собора Архистратига Гавріила; вышиною она 1 ар., шириною 13 вершк. Судя по рисунку и колориту, пошибъ ея Московскихъ царскихъ иконописцевъ. Умильное лице Богоматери продолговатѣе и юнѣе, чѣмъ на другихъ иконахъ, здѣсь изображенныхъ; на челѣ и на правомъ плечѣ ея двѣ звѣзды, третья закрыта Спасителемъ, котораго она держитъ на рукахъ. У Предвѣчнаго Младенца одна рука благословляющая, въ другой книжный свитокъ. Поля и свѣты иконы обложены серебрянымъ басменнымъ окладомъ, какой уцѣлѣлъ на всемъ иконостасѣ отъ хищенія непріятелей въ 1812 году. Вѣнцы на Богоматери и Спасителѣ чеканные серебряные золоченые съ самоцвѣтными каменьями. Въ описи Благовѣщенскаго Собора, сдѣланной, по указу Царя Ѳеодора Алексѣевича, 1680 года, эта икона значится въ числѣ мѣстныхъ главнаго престола; съ нея тамъ находятся два списка, одинъ съ чудесами позади лѣваго столпа. По указанію описи, она была въ серебряномъ вызолоченомъ окладѣ съ чеканными цатами, съ убрусомъ и ожерельемъ жемчужнымъ; сверхъ того, украшена лазоревыми яхонтами, суровиками и бирюзами въ вѣнцахъ и гнѣздахъ. Около образа были написаны двадцать четыре праздника Господскихъ и Богородичныхъ. (1)

(1) Опись церквамъ Благовѣщ. Собора 7188 и 89 въ л. N 119, въ Архивѣ Оруж. Палаты.

Эта икона есть точный списокъ съ Смоленскаго чудотворнаго образа Богоматери Одигитріи, который, по преданію, есть первонаписанный Евангелистомъ Лукою. Въ 1404 году принесенный въ Москву послѣднимъ Княземъ Смоленскимъ Юріемъ Святославичемъ, (2) онъ поставленъ былъ въ Благовѣщенскомъ Соборѣ на правой сторонѣ отъ царскихъ вратъ на поклонѣ. Черезъ полвѣка, святыня сія ходатайствомъ Епископа Мисаила и гражданъ Смоленскихъ возвращена была въ свою отчизну. Великій Князь Василій Темный съ святителемъ Іоною провожалъ ее до самаго Дорогомилова и въ память сего событія учрежденъ 28 Іюля крестный ходъ въ основанный имъ Новодѣвичій монастырь. По отпускѣ сего образа, Великій Князь, какъ гласитъ лѣтопись, « повелѣ ину въ тоя мѣсто писати, снемъ « мѣру съ нея и образъ назнаменова. » Съ того времени начали распространяться въ Московскомъ государствѣ списки съ Одигитріи.

Когда ужасный пожаръ 1547 года истребилъ въ соборахъ и церквахъ кремлевскихъ множество св. иконъ, тогда вѣроятно не сохранился и древнѣйшій списокъ съ образа Смоленскія Богоматери; но судьба его подлинника связана была съ судьбами Москвы и Смоленска. По присоединеніи послѣдняго къ первой, чудотворная икона Одигитріи снова принесена была Архіепископомъ Варсонофіемъ Еропкинымъ въ столицу Россіи, для поновленія, 1669 года. По всему вѣроятію, при этомъ случаѣ сдѣланъ былъ описываемый нами снимокъ. Когда Смоленскъ взятъ былъ Наполеономъ, тогда завѣтная святыня, сопутствовавшая Русскому воинству, снова посѣтила Москву, обреченную въ то время на жертву за Россію.

(2) *Карамз.* И. Г. Р. V. пр. 386. и Выходы Царей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, изд. П. Строева. М. 1844, въ 4.

НОВГОРОДСКІЕ РѢЗНЫЕ ОБРАЗА.

(Рисунокъ Отд. I. № 4.)

Въ то самое время, когда Петръ I указами своими повелѣлъ отбирать изъ церквей и часовенъ рѣзные образа и хранить ихъ въ ризницахъ при соборахъ и монастыряхъ: въ Новгородскій Софійскій Соборъ поступило много подобныхъ иконъ разной величины, изъ коихъ здѣсь изображены:

1) Св. Параскева Пятница, съ распростертыми въ моленіи руками.

2) Неизвѣстная фигура въ царскомъ облаченіи, въ зубчатой коронѣ на головѣ и съ скипетромъ въ рукѣ.

3) Другая, подобная первой, съ вѣнцомъ вокругъ головы.

4) Неизвѣстная фигура съ распростертыми руками, въ мантіи, застегнутой на груди тремя застежками.

5) Всадникъ въ бронѣ.

Всѣ эти фигуры, вырѣзанныя изъ липоваго дерева, расписаны красками. Въ рисункѣ ихъ недостаетъ правильности, а въ отдѣлкѣ изящества. Это составляетъ едва ли не общій недостатокъ въ произведеніяхъ сего образовательнаго искусства, столь свычнаго Русскому народу.

Не останавливаясь на трехъ неизвѣстныхъ намъ изваяніяхъ, разсмотримъ первое, какъ болѣе замѣчательное по своей древности и значенію въ Русскомъ мірѣ, гдѣ къ христіанскому понятію о святой Великомученицѣ народъ примѣшалъ древнія свои повѣрья языческаго происхожденія.

Самое названіе св. Прасковіи Пятницею есть ничто иное, какъ переводъ греческаго слова παρασκευή т. е. приготовленіе къ субботѣ и дано Великомученицѣ, пострадавшей за Христа въ III вѣкѣ, при Императорѣ Діоклетіанѣ, по случаю рожденія ея въ пятокъ, который благочестивые ея родители проводили въ постѣ, молитвахъ и въ воспоминаніи о крестной смерти Спасителя. (1) Отечественная Церковь наша, согласно съ отвѣтомъ страстотерпицы на вопросъ ея мучителей, соединила Греческое имя съ Русскимъ его переводомъ, а простой народъ, по невѣжеству, принималъ ихъ за два различныя слова, давая имъ различное значеніе.

Простолюдины, благоговѣя предъ св. Пятницею, во многихъ мѣстахъ Россіи пятничаютъ, т. е. держатъ строгій постъ, считаютъ за грѣхъ работать въ пятый день недѣли, называемый у нихъ *обѣтнымъ, завѣтнымъ*. Въ особенномъ у нихъ уваженіи пятницы предъ праздниками, какъ-то: *Благовѣщенская, Троицкая, Спасовская, Успенская, Ильинская.*

Въ Стоглавѣ упоминается о вымышленныхъ явленіяхъ св. Параскевіи, будто «заповѣдавшей въ пятокъ ручнаго дѣла не дѣлати и женамъ не прясти и платье не мыти и пламени не разжигати.» Мало того: простолюдины въ Польшѣ, въ этотъ день даже не смѣются, вѣря, что кто въ пятницу смѣется, тотъ въ Воскресенье будетъ плакать. (2)

Многія мѣстныя ярмарки и торги въ Россіи слывутъ *Пятницами*, какъ-то: двѣнадцать въ году *временныхъ, девятая, десятая, Берендѣева, обжорная* и т. д. Въ Москвѣ было урочище *Старыя Пятницы*, на красной площади, гдѣ производился торгъ. И въ Новгородѣ заморскіе купцы поставили въ 1156 году церковь св. Пятницы на торговой площади. (3)

Рѣзныя и иконописныя изображенія св. Пятницы выставлялись на перекресткахъ въ часовняхъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Пятницъ*, и на дупловатыхъ деревьяхъ въ лѣсу, занимали мѣсто въ домашней божницѣ въ переднемъ углу, или покутѣ. Святую Пятницу представляли даже женщины. Въ Духовномъ Регламентѣ сказано, что «въ Малой Россіи, въ Стародубскомъ полку, въ пятокъ водятъ женку простовласу подъ именемъ Пятницы и водятъ въ ходѣ церковномъ и при церквѣ честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія пользы.» Въ Булгаріи Пятницѣ приносятъ въ жертву

(1) Дни Богослуженія православной восточной Церкви, Спб. 1846 г. въ 8.
(2) Lude. Polski p. L. Golbiowskiego. Warsch. 1830.
(3) *Карамз.* И. Г. Р. III. пр 381.

агнца; прилѣпивъ къ рогамъ по свѣчкѣ и окуривъ ладаномъ, рѣжутъ его надъ сосудомъ такъ, чтобъ не пропало ни капли крови, коею крестообразно мажутъ дѣтямъ на лбу, щекахъ и подбородкѣ; потомъ зажаривъ его, съ молитвою съѣдаютъ, а кости зарываютъ въ землю. Тоже самое дѣлается въ Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ. На Руси, при изгнаніи зимы, при встрѣчѣ весны, въ дожинки, обжинки и при опахиваньи, избранныя отъ міра лица представляютъ собою Пятницу. Народное суевѣріе придало ей тоже значеніе, какое имѣло у Римлянъ Венера или Suada, (4) у Славянъ Лада, устроивавшая свадьбы; посему и невѣсты особенно молятся Пятницѣ о своемъ суженомъ; она же была покровительницей торговли. По той же причинѣ и пятый день недѣли посвященъ у Римлянъ, Французовъ, Скандинавовъ и Нѣмцевъ Венерѣ или Свадѣ и Фреѣ: dies Veneris, Vendredi, Freitag, Friatac, Freyjudagr.

Такія суевѣрія, соединенныя съ изваяніями св. Великомученицы и запрещеніе правилами Св. Отецъ употребленія рѣзныхъ иконъ, дали поводъ Петру I къ повелѣнію: отбирать изъ церквей и часовенъ ея изваянія. Чтожъ касается до всадника въ бронѣ, то онъ долженъ быть или св. Георгій побѣдоносецъ или св. Димитрій Селунскій, которыхъ изображеніями ваяніе и рѣзьба нерѣдко украшали церкви, часовни и моленныя.

(4) Sane Veneri multa nomina dicuntur, imposita; nam alii Suadam appellant, quod ipsa conciliatio Suada sit. *Servius.* ad Aen. I, 724.

НОВГОРОДСКІЙ ОБРАЗЪ

ЗНАМЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

(Рисунки Отд. I. № 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13.)

Названіе Новгородскаго образа Богоматери *Знаменіемъ* т. е. чудомъ, явленіемъ, происходитъ отъ дивнаго событія въ XII вѣкѣ, внесеннаго въ отечественныя лѣтописи. Въ княженіе Романа Мстиславича 1169 года ополчилась на Великій Новгородъ вся *Просторусь:* Суздальцы и Смольяне съ Рязанцами, Торопчанами, Переславцами, Ростовцами, Муромцами и Полочанами. Тогда въ Новгородѣ Архіепископомъ былъ Св. Іоаннъ; въ часы молитвъ его о спасеніи паствы чудный гласъ повелѣлъ ему взять изъ церкви Спаса на Ильиной улицѣ образъ Богоматери и поставить его на острогѣ противъ супостатовъ. Святитель съ крестнымъ ходомъ вынесъ икону сію, какъ оборону, и поставилъ на внѣшнемъ укрѣпленіи, или острогѣ Новгорода. (1) Стрѣла, пущенная однимъ Суздальцемъ, ударилась въ нее; икона обратилась тыломъ къ врагамъ, а лицемъ къ городу и, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, слезы капали съ нея на фелонь Архіепископа. Въ это самое мгновеніе Суздальцы предались бѣгству, а по сказанію Новгородской лѣтописи, « ослѣпоша и побѣждени быша. » Новгородцы рубили ихъ мечами, брали въ плѣнъ и продавали Суздальца по двѣ ногаты. Битва Новгородцевъ со всею *Просторусью* была Февраля 25, по Супрасльской рукописи, Февраля 18. Въ память чудеснаго заступленія Богоматери Новгородцы св. икону ея наименовали *Знаменіемъ* и въ честь ея, 27 Ноября, установи-

(1) Псковская Лѣтопись, изд. *М. Погодинымъ.* М. 1837, въ 4. « Новгородци — устроиша острогъ около города. Полное Собраніе Русск. Лѣтоп. т. III. Новгородск. Лѣт. I. и III.

ли праздникъ, который потомъ сдѣлался общимъ въ отечественной Церкви.

Въ 1354 году Новгородцы поставили на Ильинѣ улицѣ каменную церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы, куда и перенесена была чудотворная икона изъ Спасопреображенской церкви. (2) Когда же св. икона въ Новгородѣ « отъ многъ лѣтъ, » какъ сообщаетъ намъ лѣтопись, « обветшала зѣло: » тогда Архіепископъ Макарій ее « поновилъ и украсилъ кузнею и монистами; потомъ 1528 г. Октября 30, съ крестнымъ ходомъ « проводилъ ее на Ильину улицу въ возобновленную и освященную имъ « церковь въ честь Знаменія Богородицы. » По опредѣленію Московскаго собора, въ 1547 году, установлено праздновать Св. Іоанну Архіепископу Новгородскому Чудотворцу Сентября 7; въ службѣ сему Святителю между прочимъ упоминается и чудо отъ иконы Богоматери: « по истиннѣ великимъ даромъ отъ Бога почтенъ бысть, Святителю Іоанне, яко сподобися послужити чюдеси Святѣй Богородицы предивному Знаменію. » (3) Весьма вѣроятно, что съ того времени, когда Святитель Макарій изъ Новгорода переведенъ былъ въ Москву на Іераршескій престолъ, распространились списки съ Новгородской иконы въ Московскомъ государствѣ и сооружены многія церкви въ честь сего явленія Богоматери; отъ образа ея, донынѣ стоящаго на Троицкихъ воротахъ Кремля, въ XVII вѣкѣ онѣ назывались *Знаменскими* и улица, идущая отъ Боровицкихъ воротъ въ Бѣломъ городѣ, и рѣшетка на Стрѣлкахъ именовалась еще въ концѣ XVI вѣка *Знаменскою* отъ церкви Знаменія, вновь сооруженной Бояриномъ Иваномъ Никитичемъ Романовымъ противъ его двора (4).

Въ Китаѣ городѣ, на Варваркѣ, у двора бояръ Романовыхъ стояла церковь Знаменія Богородицы; тамъ въ 1630 году Царь Михаилъ Ѳеодоровичь основалъ Знаменскій монастырь, *что на Государевѣ старомъ дворѣ.* Надъ гробами Романовыхъ, четырехъ братьевъ Патріарха Филарета, пострадавшихъ отъ Бориса Годунова, сооружена была потомками ихъ въ Новоспасскомъ монастырѣ церковь Знаменія Богородицы. Изъ сего и другихъ случаевъ видно, что царственный родъ Романовыхъ признавалъ сіе явленіе Богоматери своею заступницей и покровительницей.

(2) Супрасльская рукопись, изд. К. М. А. Оболенскимъ. М. 1836, въ 4.

(3) Послѣдованіе церковнаго пѣнія, или собранія вселѣтнаго. Рукоп. уставн. XVI вѣка, въ 4.

(4) По Патріаршему Казен. Приказу приходная книга 7150 г. (1642), N. 27 (515). « Церковь Знаменія П. Б. что у воротъ Боярина Ивана Никитича Романова. »

Подобное изображеніе Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ персяхъ встрѣчается на монетахъ Византійскихъ Императоровъ Іоанна Цимисхія, Василія и Константина Порфиророднаго, въ X вѣкѣ, Михаила Дуки въ XI вѣкѣ. (5) Ликъ Богоматери поясной; руки не распростертыя въ моленіи, а прижатыя къ персямъ, какъ на иконѣ Новгородской и на одномъ экземплярѣ Черниговской гривны. Но на печатяхъ Владыкъ Великаго Новгорода, въ началѣ XIV вѣка, Пресвятая Дѣва изображена во весь ростъ съ младенцемъ въ персяхъ ея и съ распростертыми руками въ моленіи. Изъ сего видно, что икона Знаменія Богоматери, перешедшая на Русь изъ Византіи, въ Новгородѣ написана съ нѣкоторыми отмѣнами; но сущность и характеръ первообраза удержались въ сочиненіи рисунка: символъ вѣчности и подобіе неприступнаго свѣта Божества выражены кругомъ, въ коемъ вмѣщается Ликъ Предвѣчнаго Младенца. Какъ прижатыя къ персямъ руки Богоматери знаменуютъ ея высокое смиреніе, на которое призрѣлъ Вышній, такъ простертыя въ моленіи — предстательство ея о всемъ Христіанскомъ жительствѣ и о благоденствіи Новгорода; ибо, по свидѣтельству лѣтописи «и до сего «дни та Св. Богородицына икона чудодѣйствуетъ и цѣльбы даруетъ.« (6) На челѣ и персяхъ Богоматери три звѣзды, о коихъ мы прежде сказали. Замѣчательно, что *благословляющая* рука Спасителя сложена согласно съ ученіемъ Православной Восточной Церкви; въ другой рукѣ у него свитокъ. Въ вѣнцѣ вокругъ главы, раздѣленномъ крестообразно чертами, извѣстное слово ѾОН сый, а по сторонамъ І͞С Х͞Р.

Вокругъ св. иконы изображено въ лицахъ самое чудо, или дѣянье. Это изображеніе замѣчательно сколько въ историческомъ, столько и въ археологическомъ отношеніи; ибо оно, напоминая намъ явленіе св. иконы, предшествовавшее возстанію союзныхъ Русскихъ Князей на самосудный Великій Новгородъ, представляетъ памятники древняго зодчества въ Новгородѣ: церкви, звонницу, зданія и укрѣпленія города, потомъ облаченія Святителя и священнослужителей, одежду горожанъ, доспѣхи воиновъ Суздальскихъ и Новгородскихъ: брони съ короткими рукавами и съ набедренниками, желѣзные шишаки съ бармицами, сердцеобразные щиты, стяги, знамена, копья и стрѣлы. На Князьяхъ, воеводахъ и послахъ шапки. Надписи надъ дѣяніями дополняютъ то, чего не могла выразить кисть.

(5) Essai de classification des suites monétaires Byzantines, par *de Saulcy*, Metz, 1836, in-4.
(6) III Новгородская Лѣтопись въ Полномъ Собраніи Русск. Лѣтописей т. III.

Спишемъ ихъ:

« 6675 лето сотворися знаменіе в Великомъ Новегороде от той иконы Пресвятыя Богородицы иже на Ильине улицы; сице живущимъ Новгородцемъ своею областию, якоже ими Богъ поручи, Князя держаху себе по своея воли, в тоже время Двиняне не хотяху дани датіи Новугороду и отдаша Князю Андрею Суздальскому. Новгородцы же послаша на Двину данника и с нимъ отъ є҃-ти концевъ по сту мужей. Послыша Князь Суздальскій, посла воины, числомъ ҂а҃ ѕ҃ сотъ и сретоша на Бели озери и начаша битися и поможе Богъ Новгородцемъ и побиша мужей, ини побегоша и тако Князь Андрей разгнева и начаша копити воинство, самъ же разболеся и посла сына своего Романа къ Новугороду. »

« Пріиде Князь Романъ Суздальскій со множествомъ воинъства к Великому Новугороду и испустиша стрелы. »

« Послы Новогородцки. Послы Суздальски. »

« И молитвами Пресвятыя Богородицы окаянны ослепоша и потомъ сами себѣ начаша посекати. »

Софійскій временникъ и Супрасльская лѣтопись, обвиняя Новгородцевъ въ нарушеніи крестнаго цѣлованія къ Князьямъ, говорятъ только, что « они « наказаны за грѣхи рукою Благовѣрнаго Князя Андрея и спасены силою « крестною и милостію Богородицы, » которой иконы предъ нашествіемъ Суздальцевъ всплакали въ трехъ церквахъ Новгородскихъ; чудо же описано Степенною книгой и Прологомъ согласно съ словами надписи. Здѣсь сказано о пришествіи на Великій Новгородъ Суздальскаго Князя Романа, который въ Софійскомъ временникѣ, называется Мстиславомъ, а Смоленскій Князь Романомъ. Псковская лѣтопись подтверждаетъ свидѣтельство надписи объ ослѣпленіи Суздальцевъ, о чемъ другія умалчиваютъ.

Подъ образомъ на дскѣ представленъ Новгородъ, осажденный Суздальскимъ и другими Князьями Русскими, въ 1169 или 1170 г. Объ этомъ памятникѣ ничего не говорятъ ни М. Евгеній, ни Н. Муравьевъ, обозрѣвавшіе древности Новгорода и сравнивавшіе прежнее его положеніе съ настоящимъ (7). Вельтманъ первый сообщилъ намъ свѣдѣніе и списокъ съ этого вида, который, судя по обычному, преимущесвенно въ XVI вѣкѣ, перспективному (au vol d'oiseau) изображенію городовъ, а равно и по иконописному

(7) Разговоры о Древностяхъ Великаго Новгорода, М. 1808, и Описаніе древней Новгородской серебряной гривны съ планомъ 1756, М. 1826, въ 4.

стилю, относится, какъ должно полагать, къ тому времени, когда Архіепископъ Макарій, ревнитель живописнаго искусства, при поновленіи иконы, желалъ увѣковѣчить и совершенное ею чудо въ Новгородѣ олицетвореніемъ его на дскѣ, которая замѣняетъ пелену. Это изображеніе представляетъ намъ на третьемъ и четвертомъ планѣ городъ, раздѣленный Волховомъ на двѣ стороны, Софійскую и Торговую, а на первомъ и второмъ планѣ союзную Русскую рать, осаждающую городъ съ Торговой стороны и битву ея воиновъ съ Новгородскими.

Тройныя стѣны, какъ три пояса Торговой стороны, составляютъ три крѣпости — подобіе Московскаго Кремля, Китая и Бѣлаго города. Эти стѣны и острогъ, тогда устроенный Новгородцами, деревянные съ лучными боями и осадными стоками; башни круглыя и четвероугольныя съ шатровыми кровлями, однѣ глухія, другія воротныя съ рѣшетками; кругомъ стѣнъ валъ и ровъ. Торговая сторона соединяется съ Софійскою великимъ мостомъ черезъ Волховъ. Въ стѣнахъ, или въ *забороль*, съ 19 башнями, представляется множество зданій: церквей, монастырей, хоромъ съ вышками, избъ и теремовъ, между коими пестрѣютъ огороды и сады. Это уже великій городъ, распространенный Княземъ Мстиславомъ Владимировичемъ.

Предъ стѣнами Торговой стороны, осаждающая Новгородъ рать, конная и пѣшая; позади ея поле битвы, гдѣ одни сражаются, другіе грабятъ убитыхъ; одинъ изъ всадниковъ стрѣляетъ изъ лука въ св. икону, на стѣнѣ городской, водруженную на древкѣ. Изъ наступательныхъ оружій у воиновъ видны копья, луки, мечи, бердыши, или сѣкиры; изъ оборонительныхъ щиты, байданы, шлемы съ яловцами, наручи и наколѣнники. Вмѣсто сѣдла и чапрака, на лошадяхъ попона съ выпусками; ноги у всадниковъ въ стремянахъ. На битву вызываютъ сурны, въ кои трубятъ воины. Отдѣльные отряды всадниковъ имѣютъ хоругви, стяги или знамена, и прапоры, то съ четвероконечными, то съ осмиконечными крестами. На стѣнахъ городскихъ, кромѣ духовенства съ св. иконами и крестами, не видно воиновъ; но съ лѣвой стороны изъ воротъ выступаетъ рать Новгородская. При сравненіи этого вида Новгородскаго съ дѣяньемъ, открывается разница въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ, напр: церкви и зданія городскія не одинаковы на томъ и другомъ: въ первомъ на персяхъ (зубцахъ) стѣны видны только священнослужители съ двумя образами, а на другомъ — воины;

вооруженіе воиновъ на томъ и другомъ несходно: одни въ шишакахъ съ бармицами, другіе въ шлемахъ съ яловцами и т. д. Изъ чего слѣдуетъ, что чертежъ Новгорода и дѣянья писаны не въ одно время; послѣднія, по видимому, древнѣе перваго.

Если этотъ планъ Новгорода снятъ и не съ древнѣйшаго, современнаго самому событію; но изображенъ, спустя нѣсколько вѣковъ, послѣ явленія св. иконы: и тогда онъ, по содержанію своему, какъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ, достоинъ вниманія; ибо, напоминая чудесное избавленіе Новгорода, возсозидаетъ намъ древній его бытъ и въ тоже время сообщаетъ свѣдѣніе о вооруженіи воинства и осадѣ городовъ. Можетъ быть, въ изображеніи этой осады намъ представляется ближайшій къ художнику приступъ къ Великому Новгороду Іоанна IV.

СТѢННОЙ ОБРАЗЪ

СПАСА СМОЛЕНСКАГО.

(Рисунокъ Отд. I. № 14.)

Образъ Спасителя, написанный по сырой штукатуркѣ, на городской стѣнѣ Смоленска, вообще извѣстенъ подъ именемъ *Спаса Смоленскаго*, въ честь котораго, по присоединеніи Смоленска къ Московскому Государству 1667 года, сооружена въ Москвѣ у Москворѣцкихъ воротъ церковь Спаса Смоленскаго, упраздненная въ концѣ XVIII столѣтія. Намъ неизвѣстно, тогда ли написанъ сей образъ, когда Цари Θеодоръ Іоанновичь и Борисъ Годуновъ построили каменныя стѣны Смоленска, вмѣсто земляныхъ валовъ, или когда Царь Алексій Михайловичь завоевалъ это *ожерелье Россіи*. Въ числѣ воротъ крѣпости находились и Флоровскія, названныя, безъ сомнѣнія, въ подражаніе сименнымъ въ Московскомъ Кремлѣ, которыя въ 1658 году, по Царскому указу, переименованы Спасскими. Какъ на Московскихъ Спасскихъ воротахъ, такъ и на стѣнѣ Смоленска одинаково изображеніе Спасителя, кромѣ того, что на послѣднемъ къ припадшимъ въ моленіи святымъ Сергію и Варлааму присоединены предстоящіе два Святые, одинъ въ монашеской одеждѣ, а другой въ воинскихъ доспѣхахъ съ крестомъ въ рукѣ. Въ надписяхъ имена ихъ изгладились. Но, вѣроятно, это особенно чтимые Смольянами отечественные ихъ Святые: преподобный Аврамій и мученикъ Меркурій. Фигура Спасителя болѣе восьми головъ; на лицѣ его художникъ не безъ успѣха старался выразить спокойное величіе и святолѣпность; одна рука благословляющая, а другая, дер-

жащая раскрытое Евангеліе. Доличное замѣчательно своею отдѣлкой; хитонъ красноватаго цвѣта, а зеленая иматисма, обвивая тѣло Спасителя, однимъ концемъ лежитъ на рукѣ его, а другимъ спущена долу. Вообще рисунокъ твердъ и отчетливъ, а раскраска отличается легкостью и плавкостію. Мѣстами образъ подновленъ.

ОБРАЗЪ

СВЯТЫХЪ МАКАРІЕВЪ ЕГИПЕТСКАГО И АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

(Рисунокъ Отд. I. № 15.)

Образъ Святыхъ Макаріевъ Египетскаго и Александрійскаго, по преуспѣянію ихъ въ преподобіи истины, названныхъ *Преподобными*, замѣчателенъ древностью и особенностью своего пошиба, или стиля. Наслѣдственное преданіе выдаетъ сію икону за произведеніе кисти знаменитаго въ свое время Андрея Рублева; теперь она принадлежитъ Московскому мѣщанину Данилѣ Андрееву.

Рисунокъ и колоритъ, или лучше сказать, раскраска сходны съ Византійскими первообразами и отчасти съ подлинниками разныхъ редакцій, (1) изъ коихъ въ Поморскомъ такъ описываются примѣты сихъ Египетскихъ пустынниковъ IV вѣка: « подобіемъ сѣдъ, брада долѣ Богословля, в клобукѣ, или въ патрахили, въ шуей руцѣ свитокъ. Макарій Египтянинъ презвитеръ бысть Александрійскій, сѣдъ, брада долѣ Іоанна Богослова, въ клобукѣ, ризы преподобничи, исподъ дичь санкиръ, въ лѣвой рукѣ свитокъ, а правая проста. Макарій Александрійскій образъ имѣя на крутехъ, космы рѣдки, точію на устнахъ имѣя къ концу о брадѣ, кожеи его яко слонова подобитися отъ студени и зноя. А подлинникъ пишетъ о немъ: сѣдъ, весь нагъ, обросъ власы, власы главныя до плечь, косами лежатъ по плечамъ, брада долга по колѣни, а отъ колѣнъ, два косма повилися до земля, руки держитъ къ сердцу. »

Руководствуясь такими подлинниками, которые заимствованы отъ Грековъ

(1) Griechisches Mahlerbuch въ Kunstblatt, 1831 и 32 г.

и дополнялись Русскими статьями, иконописцы наши писали образа; между отечественными зоографами въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка славился Андрей Рублевъ. Стоглавъ, признавъ иконы Рублева образцовыми, указываетъ зоографамъ: « Писати живописцомъ иконы съ древнихъ образцовъ, « какъ Греческіе иконописцы писали и какъ писалъ Андрей Рублевъ и « прочіи пресловутыи живописцы. » У него были ученики и подражатели. Отъ сего многіе образа, писанные въ подражаніе ему, слывутъ Рублевыми и высоко цѣнятся любителями древностей.

Предшественниками Рублева на поприщѣ иконописнаго художества были Первосвятитель Московскій Петръ, Гойтанъ и многіе другіе, а современниками и сотрудниками Ѳеофанъ Гречинъ, Симеонъ Черный, старецъ Прохоръ съ Городца, Игнатій, Кнашъ и Даніилъ Черный. Рублевъ занимался не только иконнымъ, но и стѣннымъ письмомъ. Въ 1405 году онъ росписывалъ церковь Благовѣщенія на Государевомъ дворѣ, въ 1408 г. Успенскій Соборъ во Владимірѣ, Троицкій Соборъ въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ 1423 г.; но фрески сіи не сохранились до нашихъ временъ. На одной изъ миніатюръ рукописнаго житія Препод. Сергія, хранящагося въ Троицкой Лаврѣ, видѣнъ Рублевъ, пишущій икону. Степенная книга упоминаетъ о чудной иконѣ Деисусъ Рублева письма въ Благовѣщенскомъ Соборѣ, сгорѣвшей 1547 года. Какъ въ Троицкой лаврѣ, такъ и въ Саввинскомъ Сторожевскомъ монастырѣ нѣкоторыя иконы слывутъ Рублевыми. На присвоиваемыхъ сему зоографу иконахъ нѣтъ современныхъ ему надписей, но позднѣйшія, основанныя на изустномъ преданіи. Къ этому числу относится и описываемая нами древняя икона двухъ св. Макаріевъ.

Андрей Рублевъ, предъ кончиною своей облекшійся въ монашескій образъ съ сотрудникомъ и спостникомъ Даніиломъ, погребенъ въ той самой церкви Андроникова монастыря, которую онъ расписывалъ. Старинныя рукописныя Святцы именуютъ ихъ *Преподобными отцами и славными иконописцами.* Званіе и родина Рублева неизвѣстны; но можно предполагать, что онъ Псковичь; а какъ ето храмовое художество считалось почетнымъ и художники на равнѣ съ царскимъ спиклитомъ и прочими благородными пользовались уваженіемъ, (1) то, можетъ статься, и Рублевъ былъ боярскимъ сыномъ; ибо въ числѣ пословъ изъ Пскова къ Іоанну III, 1486 года

(1) Акты Археогр. Експед. IV. N. 174.

былъ бояринъ Андрей Семеновичь Рублевъ. (2) Кромѣ того, Москва заимствовала изъ Пскова зодчихъ, строившихъ Соборы: Благовѣщенскій въ Москвѣ и Троицкій въ Сергіевской обители. Рублевъ украсилъ сіи зданія стѣнописью.

Какъ изъ этого образа, такъ равно изъ другихъ, извѣстныхъ подъ именемъ Рублевыхъ, можно судить о рисункѣ и раскраскѣ въ школѣ его, запечатлѣнной характеромъ Византійскаго и Корсунскаго стиля. При своей неправильности, сильный и твердый его рисунокъ высказывается въ рѣдкихъ чертахъ; колоритъ же вообще единообразенъ и мраченъ, но плàвокъ и плотенъ: тотъ и другой строго подчинены идеѣ. Отчетливость, тонкость и чистота отдѣлки свидѣтельствуютъ объ искусствѣ и ловкости пріемовъ, а точное согласованіе изображаемыхъ лицъ съ преданіями православной Церкви, обнаруживаетъ въ художникѣ основательное знаніе ея ученія и древностей. « Св. Іосифъ Волоколамскій говоритъ, что А. Рублевъ такъ « преуспѣлъ въ божественной любви, что умъ его всегда обращенъ былъ « къ небесному и отъ видимаго изображенія Христа Владыки и Его Пре- « чистой Матери возводилъ умъ свой къ небесному. »

(2) Псковская лѣтоп. 168.

ОБРАЗЪ СВИРСКОЙ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 16.)

Икона Свирской Богоматери находится въ Смоленской церкви св. Архангела Михаила, основанной Смоленскимъ Княземъ Давидомъ Ростиславичемъ около 1196 года. Свирскою она называется, какъ полагаютъ, отъ бывшаго тамъ придѣльнаго храма во имя св. Александра Свирскаго, (1) Новгородскаго игумена, которому установлено праздновать соборомъ 1547 года; придѣлъ въ честь его устроенъ въ Смоленскѣ, вѣроятно, гораздо позднѣе. Еслибъ намъ извѣстно было, какое отношеніе имѣла эта икона къ роду Князей Свирскихъ, нѣкогда знаменитыхъ въ Бѣлоруссіи: тогда мы могли бы съ бо̀льшею достовѣрностію приписать ее потомкамъ Довмонта. Впрочемъ сего имени иконы нѣтъ въ описаніи явленій чудотворныхъ иконъ Богоматери. М. 1838.

Кромѣ величины своего размѣра и стиля иконописнаго, этотъ образъ любопытенъ по криптографической надписи на краяхъ одежды Богоматери. Подобныя письмена, достойныя изслѣдованія, находятся и на другихъ иконахъ и между прочимъ на образѣ Іерусалимской Богоматери, по древнему преданію, писанномъ св. Апостолами въ 15 лѣто, по вознесеніи Спасителя, въ Гевсиманіи. Точный противень съ него хранится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. (2)

(1) Чтеніе въ И. О. И. и Д. Р. 1846 г. N. 2.
(2) Памятники Московс. Древности, *И. Снегирева.*

ОБРАЗЪ ДОНСКІЯ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 17, 18, 19.)

Мѣстный образъ Донскія Богоматери въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ достопамятенъ не одною древностью письма, но и знаменитъ въ отечественной Исторіи воспоминаніями и чудесами.

Вышиною онъ 1 аршинъ и 3 съ ½ вершка, шириной 15 вершковъ. На одной сторонѣ его изображенъ ликъ Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, на другой—Успеніе Пречистыя Дѣвы. Изъ сего можно заключить, что эта икона, утвержденная на древкѣ, была или запрестольною, или служила воинскою хоругвію.

Такъ какъ обратная сторона иконы закрыта, то мы осмотримъ только главную, открытую. Образъ Богоматери писанъ подъ вліяніемъ Византійскаго стиля; рисунокъ, ограниченный рѣдкими чертами, строгъ, отчетливъ и вѣренъ преданію; колоритъ отъ преобладанія санкира темный, но плавкій; въ лицахъ замѣтна отживка, или блики на высокихъ мѣстахъ, а въ доличномъ подводы подъ краску и гвенты. Разительную противоположность въ стилѣ составляютъ написанныя вокругъ образа на дскахъ, миніатюрно, поясныя изображенія осьмнадцати праматерей съ соотвѣтствующими имъ изреченіями изъ Св. Писанія: Евы, Сарры, Ревекки, Ліи, Рахили, Раввы, Девворы, Іаили, Анны, Руѳи, Есѳири, Іудиѳы, Ависаппы, Суматяннны, Сусанны, Тареѳтанины, Авигеи, Маріамны. Такія произведенія Фламандской школы относятся къ началу XVIII вѣка, когда западный стиль вошелъ

въ употребленіе на Москвѣ и нерѣдко замѣнялъ Византійскій, усвоенный себѣ Православною Церковію и освященный многовѣковою давностію.

Благоговѣніе Русскихъ Государей къ этому чудотворному образу издревле украшало его разными драгоцѣнностями, которыя сдѣлались добычею Поляковъ, при нашествіи ихъ на Москву въ началѣ XVII вѣка; потомъ онъ вновь облеченъ былъ въ прежнюю лѣпоту усердіемъ Царственнаго Дома Романовыхъ. Изъ переписныхъ Благовѣщенскаго собора книгъ 1680 и 81 годовъ видно, что икона Донскія Богоматери украшена была золотымъ окладомъ съ золотыми на немъ плащами, на которыхъ наведены черною двѣнадцать господскихъ праздниковъ; сверхъ того, на ней были: жемчужное ожерелье, древніе золотые кресты, панагіи, серьги и цаты, вѣроятно, приклады царскіе, отобранные въ Святѣйшій Сѵнодъ по указу Петра I, 1722 года, Апрѣля 20. Она стояла тогда въ затворномъ кіотѣ у Царскихъ дверей. По описи 1792 года, золотой окладъ на ней вѣсилъ 26 фунтовъ; одного жемчугу было 2 ф. 75 золот. Въ 1812 году похищены непріятелями золотая риза и большая часть драгоцѣнностей иконы; но уцѣлѣла отъ нихъ на поляхъ ея золотая рама въ 12 фун., которую они почли за мѣдную. Слѣды неудачнаго испытанія металла видны еще на этой рамѣ. Прежняя риза замѣнена теперь новою съ вѣнцемъ, убраннымъ изумрудами, алмазами и розами.

Наименованіе иконы Богородичной *Донскою* производится преданіемъ отъ того, что Донцы поднесли ее Великому Князю Димитрію Донскому, когда онъ шелъ ратью на Мамая; она была его спутницею на Куликовской битвѣ. Донской, послѣ побѣды своей, поставилъ въ Коломенскомъ Успенскомъ соборѣ этотъ образъ, предъ которымъ Царь Іоаннъ Васильевичь тамъ молился во время похода своего на Казань. Вѣроятно, не прежде, какъ по завоеваніи Царства Казанскаго, сія завѣтная святыня перенесена въ Благовѣщенскій соборъ, вновь сооруженный 1483 г. и обгорѣвшій снаружи и внутри 1547 года. Предъ нею Іовъ Патріархъ нарекъ на царство Бориса Годунова. При нашествіи на Москву Крымскаго Хана Казы-Гирея она стояла въ обозѣ на Воробьевомъ полѣ, гдѣ, въ память побѣды, приписанной ходатайству Богоматери, основанъ былъ Донскій монастырь, и учрежденъ 19 Августа крестный ходъ, въ коемъ прежде носили икону Донскія Богоматери изъ Благовѣщенскаго собора въ Донскій монастырь. Точный съ нея списокъ оставленъ въ монастырѣ, а подлинникъ въ ряду мѣстныхъ образовъ Царскаго храма.

ОБРАЗЪ

ПОЛОЖЕНІЯ РИЗЫ ГОСПОДНЕЙ.

(Рисунокъ Отд. I. № 20.)

Сходный по стилю своему съ Каппоніевыми святцами и съ иконами, писанными въ XVII вѣкѣ обществомъ Строгановскихъ зоографовъ, этотъ образъ достопримѣчателенъ и по своему содержанію.

Персидскій Шахъ-Аббасъ, въ удостовѣреніе дружественнаго расположенія своего къ Царю Михаилу Θеодоровичу, прислалъ къ нему между прочими дарами съ Грузиномъ Урусамбекомъ, 1625 года, Марта 11, часть ризы Господней въ золотомъ ковчегѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями. Въ грамотѣ своей Шахъ извѣщалъ, что, по завоеваніи Грузіи, святыню сію нашелъ въ Митрополичьей ризницѣ.

Хотя Патріархъ Филаретъ и принялъ съ радостію это священное сокровище; но какъ оно шло отъ невѣрнаго царя, то и совѣщался съ державнымъ своимъ сыномъ о томъ, можно ли слово невѣрныхъ принять безъ истиннаго свидѣтельства. Потомъ Филаретъ съ освященнымъ соборомъ приступилъ къ освидѣтельствованію. Въ ковчегѣ найдена, какъ значится въ окружной грамотѣ, «часть ризы въ длину и поперегъ пяди, полотняна, кабы краснова-«та, походила на мѣли, или будетъ въ давныхъ лѣтѣхъ лице измѣнила, «а ткана во льцу.» (1) Въ Москвѣ тогда пребывали Іерусалимскій Патріархъ Θеофанъ, поставившій Филарета въ Патріархи, а съ нимъ Греческіе старцы Нектарій и Іоаникій: Московскій Первосвятитель и об-

(1) Акты Археограф. Експедиціи, III, N. 168.

ратился къ нимъ съ вопросами о ризѣ Господней. Нектарій отвѣчалъ, что онъ видѣлъ самъ эту святыню въ Грузіи въ церкви, называемой Илета и отъ тамошняго духовенства слышалъ, что она нѣкогда принесена туда воиномъ, бывшимъ въ Іерусалимѣ при распятіи І. Христа, и ознаменована многими чудесами. Слова Нектарія подтвердилъ Іоаннікій, и другіе жители Востока удостовѣрили въ истинѣ преданія Палестинскихъ и Греческихъ христіанъ о ризѣ Господней. На человѣческомъ свидѣтельствѣ, сколь бы оно ни казалось достовѣрнымъ, не остановился разсудительный Филаретъ; но употребилъ духовное средство. По совѣщаніи его съ Архіереями и духовными властями, установленъ былъ семидневный постъ и молебствіе, а для узнанія воли Божіей и для открытія истины, повелѣно возлагать сію святыню на больныхъ и недужныхъ. Многія чудеса оправдали подлинность святыни и вѣру принявшихъ ее.

Послѣ того, риза Господня торжественно положена въ большомъ Успенскомъ Соборѣ и установленъ ежегодный праздникъ Положенія ризы Господней, который и донынѣ совершается 10 Іюля. Для храненія святыни устроенъ Патріархомъ 7133 г. Сентября 30, величественный мѣдный шатеръ, занимающій мѣсто близъ Филаретовой гробницы въ югозападномъ углу Собора.

На образѣ, по видимому, современномъ событію, во внутренности этого шатра видѣнъ Царь съ тремя Святителями, предстоящій въ моленіи престолу, на коемъ положена честная и многоцѣлебная риза Господня. Шатеръ окруженъ духовными властями, иноками, боярами и народомъ. На первомъ планѣ Михаилъ Ѳеодоровичь, бывшій тогда 20 лѣтъ, изображенъ безбрадымъ, во всей царской утвари; по другую сторону Патріархъ, вѣроятно, Іерусалимскій, а позади его Московскій Патріархъ и Архіерей въ митрахъ. Пятиглавый соборъ, гдѣ происходитъ все это дѣйствіе, представленъ въ разрѣзѣ.

Въ разстановкѣ или сочиненіи лицъ замѣтна симметрія, такъ что на первомъ планѣ фигуры ярче и рельефнѣе; но, по недостатку знанія въ перспективѣ, лица у него на второмъ и третьемъ планѣ одинакой величины, какъ и на первомъ. Впрочемъ въ нихъ нѣтъ того единообразія, какое находимъ на многихъ старинныхъ иконахъ; ибо повороты головъ и лица разнообразны. Для отечественной Археологіи важно доличное, или костюмы духовныхъ властей, чернорізцевъ, мірянъ разныхъ сословій — мущинъ и

женщинъ Въ цѣломъ и частяхъ строго соблюдено приличіе, такъ что, если въ этомъ изображеніи нѣтъ изящества, за то нѣтъ и уродливости.

Колоритъ, если только колоритомъ можно назвать раскраску, отличается твердостью, яркостью, костоватостью на высокихъ мѣстахъ и плавкостію, которымъ по справедливости удивляются иностранные художники въ Капоніановыхъ Святцахъ, гдѣ встрѣчаемъ имена царскихъ иконописцевъ въ Москвѣ XVII вѣка.

На серебряной дощечкѣ верхняго поля образа читаемъ слѣдующую надпись: **Положеніе честныя и славныя и многоцѣлебныя ризы Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, еже есть хітонъ, в славнемъ преименитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ.**

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно имя зоографа, который написалъ этотъ образъ, достопамятный въ историческомъ, археологическомъ и художественномъ отношеніи; но, по сличенію его съ произведеніями Царскихъ и Патріаршихъ иконописцевъ, составлявшихъ при дворахъ Государя и Святителя родъ Академіи художествъ, можно съ достовѣрностью заключить, что онъ произведеніе ихъ кисти

Списокъ съ этой иконы, большаго размѣра, находится въ числѣ мѣстныхъ образовъ Успенскаго Собора Троицко-Сергіевой лавры.

БАРЕЛЬЕФЪ,

ИЗВѢСТНЫЙ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ОБРАЗА СВ. ГЕОРГІЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 21.)

Въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ надъ гробницею Святителя Ѳеогноста находится барельефъ, извѣстный подъ названіемъ образа св. Великомуч. Георгія; онъ состоитъ изъ каменной плиты, имѣющей видъ усѣченнаго эллипсиса, шириною 13 вершковъ и $\frac{2}{4}$, толщиною $\frac{6}{8}$, а вышиною 1 аршинъ и $4\frac{1}{2}$ вершка.

Плита вставлена въ деревянныя рамы, на которыхъ написаны Деисусъ, Благовѣрные Князья Борисъ и Глѣбъ, святые Прокопій и Іоаннъ, Устюжскіе чудотворцы.

Барельефъ представляетъ намъ группу, состоящую изъ всадника, дѣвы и крылатаго дракона; надъ главою всадника лавровое дерево, при подножіи на землѣ, кости человѣческія между цвѣтами и листьями. На вершинѣ дерева досчечка съ слѣдующею надписью: (1) IMP. CAES. CONSTANTINO MAXIMO P. P. AVGVSTO S. P. Q. R. QVOD INSTINCTV DIVINITATIS, MENTIS MAGNITVDINE CVM EXERCITV SVO TAM DE TIRANNO, QVAM DE OMNI FACTIONE VNO TENORE (2) JVSTIS REMPVBLICAM VLTVS (3) EST ARMIS, ARCVM TRIVMPHIS INSIGNEM DICAVIT, т. е. Императору, Цесарю Константину Великому, Отцу Отечества, Августу, Сенатъ и народъ Римскій посвятили сіи тріумфальныя

(1) см. ее въ *Graevii* Antiqq. Roman. t. III

(2) У Августина Тарр. Нибби и Гревія: tempore.

(3) У Гревія нѣтъ сл. rempublicam; у Ироити multus est, вѣроятно, сокращенно, вмѣсто multatus est.

врата за то, что онъ, по внушенію божества и по своему велєдушію, освободилъ Государство праведнымъ оружіемъ отъ тирана и его скопища.» Этой надписи въ старинномъ русскомъ переводѣ данъ такой смыслъ, какъ значится въ Октоихѣ Устюжской Георгіевской церкви:» на той же св. иконѣ вверху есть надпись Греческимъ языкомъ, а по переводу съ Греческаго языка бывшаго на Устюгѣ въ лѣто 7151 воеводы Петра Степановича Потоцкаго, на Россійстемъ написано тако: «Великій Царь Константинъ Греческій, молясь Великомученику и побѣдоносцу Георгію за «побѣду на враги вся, султаны и сармяны и въ вѣчную память, въ боль-«шей церкви постави отъ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа «въ 333 году.» (4)

Въ описаніи Успенскаго Собора Протоіереемъ А. Левшинымъ 1783 г. сказано, что «сей образъ привезенъ изъ Рима, въ которое жъ время и кѣмъ, «того не значится.» Къ этому послѣ того другіе гадательно прибавили: «Софіею Ѳоминичною.» Но изображенные на рамахъ Великоустюжскіе святые Іоаннъ и Прокопій (изъ которыхъ послѣдній былъ Нѣмецъ) и повѣсть, внесенная въ Октоихъ Устюжской церкви св. Великомученика Георгія, свидѣтельствуютъ намъ, что это изваяніе принесено въ Москву изъ Великаго Устюга.

«Въ этой церкви,» говоритъ Устюжское сказаніе, «стоявшій мѣстный много-«цѣлебный образъ Великомученика Георгія, вырѣзанъ на трехъ камняхъ, «драгимъ мастерствомъ, точію рѣзь не сквозная, и чудесъ ради, бываемыхъ «отъ тоя св. иконы, по указу Царя Алексія Михайловича, взята бысть съ «великою честію изъ града Устюга въ богоспасаемый градъ Москву во св. «Соборную и Апостольскую церковь Успенія Пресв. Богородицы и по-«ставлена бысть въ той же соборной церкви, въ придѣлѣ Святителя «Петра.»

Въ Уставѣ Патріаршемъ для Успенскаго собора (5), значится, что въ 1721 году, Декабря 20, «по словесному приказу Сѵнодальныхъ Архіереевъ «Новгородскаго Ѳеодосія и Псковскаго Ѳеофана, образъ Георгія Велико-«мученика, что стоялъ на гробѣ Митрополита Ѳеогноста, спрятанъ въ риз-«ницу.» Такое распоряженіе Сѵнодальныхъ Членовъ, безъ сомнѣнія, сдѣлано, въ слѣдствіе указа Петра I, который повелѣвалъ: «рѣзныхъ иконъ и

(4) Москвитянинъ, 1842, N 12.
(5) Древняя Росс. Вивліоѳика, изд. 2, ч. X, 119.

отлитыхъ не дѣлать и въ церквахъ не употреблять. » (6) Но въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны, этотъ барельефъ, изъ ризницы опять поставленный на прежнемъ мѣстѣ, былъ росписанъ красками, вѣроятно, для того, чтобы онъ подходилъ ближе къ иконѣ.

На первомъ планѣ барельефа всадникъ въ крылатомъ шлемѣ съ затыльникомъ и гребнемъ (crista), въ досчатой съ тыла и чешуйчатой (squamosa) съ лица бронѣ, изъ подъ коей простирается до колѣнъ узорчатый набедренникъ; на раменахъ его развѣвается приволока или хламида; колѣна его защищены наколѣнниками, а ноги обуты въ полусапожки съ острогами или шпорами, какія видны на подобной картинѣ Джіотто въ XIV в. Витязь сидитъ на сѣдлѣ съ стременами. На конѣ сбруя, украшенная крестовидными бляхами. Намъ представляется воинъ въ полныхъ доспѣхахъ; но изъ наступательныхъ оружій у него одно только копье, вонзенное обѣими руками въ отверстую пасть дракона, въ котораго рьяный конь ударяетъ передними ногами. Въ бронѣ видно смѣшеніе Грекоримскаго съ Франкскимъ; ибо остроги сдѣлались извѣстными со времени Константина Великаго, а стремена съ перваго нашествія Франковъ. Ликъ юнаго ратоборца, еще безбрадаго, сходствуетъ съ изображеніями Константина Великаго на медаляхъ.

Вообще стиль рельефа, относится къ эпохѣ упадка искусствъ; ибо фигуры несоразмѣрны и грубы, въ движеніи ихъ видна вялость, въ драпировкѣ тяжелость, хотя въ сочиненіи группы замѣтно подражаніе классическимъ образцамъ цвѣтущаго вѣка. (7)

На второмъ планѣ фигура дѣвы, какъ будто послѣ приставленная къ группѣ, по видимому, произведеніе другаго рѣзца. Фигура эта слишкомъ сокращена, тяжела и неправильна; на лицѣ ея художникъ хотѣлъ изобразить ужасъ, который также выражается воздѣтыми къ небу руками. Одежда ея, доходящая почти до самыхъ пятъ, перепоясана по чресламъ; на шеѣ у ней ожерелье; длинные распущенные ея волосы перехвачены лентою.

Къ этой группѣ, вѣроятно, не безъ намѣренія, художникъ присоединилъ лавровое дерево, цвѣты и человѣческія кости, крестообразно лежащія; первое

(6) Ученыя Записки Моск. Универс. М. 1834. IV. N 6, ст. О стилѣ Византійскаго художества. *И. Снегирева.*

(7) Особенно рельефовъ и статуй Беллерофона и Химеры, Персея и Андромеды, Поссейдона, прозваннаго γεωργός, кои, будучи далеки своимъ знаменованіемъ отъ нашего рельефа, близки къ нему своимъ сочиненіемъ или формою.

знаменуетъ побѣду, другія жизнь и смерть: что соотвѣтствуетъ и значенію самаго изображенія. Изъ всѣхъ подобныхъ атрибутовъ группы открывается подлинное ея значеніе. Разсмотримъ отношеніе ихъ къ лицамъ, времени и мѣсту.

Въ старыхъ описяхъ собора и въ Октоихѣ Устюжской церкви, этотъ барельефъ названъ *образомъ св. Георгія.*

Чудо, совершенное Великомученикомъ, долго спустя послѣ страдальческой его кончины, описано въ Макаріевской и Димитріевской Минеяхъ. Первая передаетъ намъ объ этомъ чудотвореніи слѣдующимъ образомъ: « Въ палестин-« скомъ городѣ Гевалѣ поселился въ озерѣ великій змѣй, которому жители « давали на снѣдѣніе дѣтей своихъ ; очередь дошла до Царской дочери. Св. « Георгій явился ей при озерѣ и велѣлъ, обвязавъ поясомъ своимъ голову « усмиреннаго имъ змія, влечь его къ городу. Царевна исполнила это ; и « когда она притащила чудовище въ городъ, тамъ Св. Георгій отрубилъ « ему мечемъ своимъ голову и такимъ образомъ обратилъ идолопоклонни-« ковъ въ Христіанскую вѣру. »

Тоже происшествіе повторено въ Димитріевской Минеи. Но въ греческихъ Минеяхъ только упомянуто, что Св. Георгій являлся на конѣ для спасенія одного невольника. (8) Повѣсть же о спасеніи Св. Георгіемъ царевны отъ дракона встрѣчается и въ Западныхъ легендахъ, изъ коихъ Св. Димитрій Ростовскій почерпалъ свѣдѣнія для Четій-Минеи, гдѣ сказано, что « и на « изображеніяхъ различныхъ издревле, паче же описателми землѣ палестин-« скія достовѣрными составленныхъ, то чудо воспоминаемо видѣти есть.»

Подобныя Георгіеву чудотворенія приписываются Западными Четьями (легендами) и другимъ св. мужамъ, какъ-то : въ IV вѣкѣ, Сильвестру, Папѣ Римскому, освободившему Римъ отъ дракона, (9) св. Марцелу, спасшему Парижъ отъ чудовищнаго змія, въ VII вѣкѣ, св. Роману, избавившему Руанъ отъ такого же дракона и т. д. (10) Наконецъ въ другихъ странахъ приписывается подобный подвигъ Св. Георгію. Такъ близъ Свенбурга въ Фіоніи преданіе указываетъ мѣсто, гдѣ Св. Великомученикъ поразилъ дракона и гдѣ земля, облитая кровію чудовища, не раститъ травы. (11) О подоб-

(8) *Βίων ἁγίων, π. Μαξίμου ταπεινοῦ Επισκόπου Κυθήρου.* Venet. 1785, in-4. *Μιναίων τοῦ Απριλλίου.* Venet. 1777, in-f.

(9) Дѣяній церковныхъ и гражданскихъ отъ Р. Х. до половины XV столѣтія, собр. *Георгіемъ Кедринымъ*, Москва, 1793, 2 т. въ л.

(10) Histoire de la ville de Rouen, par. *Servin*, 1775, 2. v. t. II, p. 147.

(11) Edda Saemundina, t. II.

номъ событіи напоминаетъ въ Германіи Drachenfels, драконова гора. Къ востоку отъ города Бабадага, близъ озера Разельмъ, на горѣ видны древнія развалины, извѣстныя подъ именемъ *Свято-Георгіевскихъ.* По свидѣтельству мѣстнаго преданія, здѣсь нѣкогда явился огромный змѣй или драконъ, опустошавшій окрестности и наводившій ужасъ на жителей. Св. Георгій сражался съ нимъ и убилъ его. (12) Макарьевская Минея указываетъ на чудо Св. Георгія въ палестинскомъ городѣ Гевалѣ; Димитріева Минея близъ Сирофиникійскаго города Вірита. Хотя различны мѣста этого подвига и время его не опредѣлено; но только истина событія неоспоримо подтверждена разнообразными сказаніями на Западѣ и Востокѣ.

Когда Христіанство ознаменовало себя распространеніемъ сказаній о подвигахъ св. мучениковъ за вѣру, о чудесахъ отъ св. мощей и образовъ, особеннымъ къ нимъ благоговѣніемъ: тогда разнеслась во всемъ Христіанскомъ мірѣ повѣсть о чудесной побѣдѣ Св. Георгія надъ дракономъ; тогда имя его, прославленное чудесами, благоговѣйно чтимо было на Западѣ и Востокѣ, ликъ его изображался на иконахъ, знаменахъ, гербахъ, орденахъ, щитахъ, печатяхъ и монетахъ въ Даніи, Швеціи, Англіи, Франціи, Генуѣ, Польшѣ, Россіи и Грузіи (Georgia). Чудесный подвигъ Великомученика сдѣлался любимымъ предметомъ художественныхъ изображеній въ разныхъ странахъ Христіанскаго міра.

Византійскій историкъ XV вѣка, Георгій Кодинъ свидѣтельствуетъ, что въ Константинополѣ на праздникъ Рождества Христова, приносили съ прочими иконами въ палаты къ Императору *образъ Св. Георгія на конѣ съ дракономъ* (*τον ἅγιον Γεωργιον ἔφιππον ἄλλο δρακόντεων*). (13) Подобныя изваянія древняго художества встрѣчаются намъ въ Крыму, на фонтанѣ противъ воротъ Генуезской крѣпости Солдая, (14) въ придѣльной церкви св. Михаила Малеина въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, на южной стѣнѣ собора въ у. г. Дмитровѣ. Въ Староладожской церкви Св. Георгія древнѣйшій фрескъ на стѣнѣ представляетъ побѣдоносца на конѣ съ мечемъ въ рукѣ, съ вѣнцемъ вокругъ головы, а дѣву, (15) влекущую дракона на поясѣ.

(12) Журналъ Минист. нар. просв. 1837. Мартъ: Поѣздка въ Крымъ *Н. Мурзакевича.*

(13) *Georgius Codinus curopolata* de officiis magnæ ecclesiæ et aulæ Constantinop. cura P. S. Goar, Paris. MDCXLVIII, f.

(14) Журналъ Минист. нар. просв. 1837, Мартъ.

(15) Которую Г. Оленинъ несправедливо называетъ Царицею Александрою, супругою Діоклетіана. *Литографическіе рисунки*, къ Опыту о Словенахъ отъ временъ Траяна и Русскихъ до нашествія Татаръ. Спб. 1833, въ л.

Описываемый нами барельефъ, любопытный, сколько въ художественномъ, а болѣе важный въ историческомъ отношеніи, по видимому, сходствуетъ съ изображеніемъ чуда Св. Георгія и потому выдается подъ его именемъ. Здѣсь представляется намъ побѣдоносецъ, драконъ имъ пораженный и освобожденная дѣва, какъ и на образахъ Великомученика, гдѣ нерѣдко пишется Царевна, влекущая на поясѣ своемъ змія, согласно съ Макар. великою Минеею. Но вокругъ главы св. ратоборца нѣтъ вѣнца, съ какимъ онъ изображается не только на иконахъ, но даже и на барельефахъ, какъ напр. Солдайскомъ; нѣтъ въ облакахъ благословляющаго Спасителя и парящихъ Ангеловъ съ вѣнцами, какъ на Дмитровскомъ и Царскомъ (16) барельефахъ; наконецъ не видно надписи его имени. Вмѣсто такихъ священныхъ атрибутовъ, на Московскомъ барельефѣ представляется вамъ лавровое дерево, какъ символъ побѣды, и на немъ латинская надпись, что « Сенатъ « и народъ Римскій посвящаютъ тріумфальныя врата *Цесарю Констан-* « *тину*, за побѣду его надъ тираномъ » т. е. Максенціемъ « въ 312 г. по Р. Х. » Прибытіе Константина въ Римъ было празднуемо играми, кои возобновлялись каждый годъ 29 Октября: IV. Kal. Nov. Adventus Divi CMXIIII. Достопамятное это событіе измѣнило лице *вселенной;* водрузивъ крестъ Христовъ надъ престоломъ Цесарей, оно предшествовало крещенію Константина Великаго. (17) Максенція, этого поборника язычества и гонителя Христіанской вѣры, Евсевій въ посланіи своемъ къ Константину Великому называетъ *дракономъ*. Nunc vero, пишетъ сей историкъ, cum libertas restituta sit et *Draco* ille providentia quidem Dei Optimi Maximi submotus est. Попраніе дракона напоминаютъ слова псалмопѣвца: *попереши змія*. (18) Хотя, по свидѣтельству исторіи, дѣйствительно были чудовищные драконы, родъ удавовъ (python neurosum), производившіе опустошеніе въ разныхъ странахъ; но въ священной символикѣ драконъ знаменовалъ древняго врага первобытной Церкви, сатану, язычество и ересь. Изображеніемъ дракона украсили знамена своего воинства Траянъ и Авреліанъ, гонители Христі-

(16) См. Очерки, *К. Тромонина.*—Въ Устюжскомъ подлинникѣ конца XVI, или начала XVII вѣка, такъ изображается Св. Георгій — «стоитъ въ броняхъ, приволока червчата, доспѣхъ златъ клѣтчатъ, исподъ лазоревъ, ногавки багоръ, въ правой рукѣ копіе, въ лѣвой щитъ, у лѣваго плеча мечъ въ ножнахъ.» Въ библіотекѣ И. И. Царскаго.

(17) Histoire de l'Académie des inscriptions et belles lettres. t. XLV, à Paris, 1793, art. Sur le nombre de jours consacrés chez les Romains aux jeux du Cirque, par *Brotier*.

(18) *Псал.* XC. 13.

анъ. (19) Когда Константинъ Великій даровалъ первенствующей Церкви свободу: тогда, вѣроятно, по образцу Михаила Архангела, поразившаго сатану въ видѣ дракона, представленъ равноапостольный Царь, низложившій язычество, или, какъ сказалъ современный ему Евсевій, draco ille submotus est. Слова же надписи instinctu divinitatis, намѣкаютъ на явленіе Константину креста на небѣ, прообразовавшаго побѣду. Объ этой надписи на Константиновыхъ тріумфальныхъ вратахъ упоминаетъ и Евсевій Памфиловъ въ своей Церковной исторіи, говоря, «о поставленномъ на нихъ изваяніи Цесаря съ копьемъ въ рукѣ, и съ надписью, что Римъ освобожденъ отъ тирана знаменіемъ спасительнаго креста.» Ее передаетъ намъ точно въ такомъ видѣ, какъ она изображена на Московскомъ барельефѣ, Антоній Августинъ Архіепископъ Тарраконскій, потомъ Гревій и Проспи въ Римскихъ Древностяхъ. На нѣкоторыхъ медаляхъ Константинъ Великій изображенъ въ шлемѣ, на конѣ; иногда украшаетъ ихъ лавровое или пальмовое дерево и пронзенный древкомъ знамени драконъ. (20)

Такія данныя ведутъ къ заключенію, что витязь на барельефѣ ни кто иной какъ Константинъ Великій, драконъ — попранное язычество, а дѣва—освобожденная Церковь, или Римъ (urbs aeterna), который, какъ извѣстно, олицетворенъ былъ въ образѣ богини (Roma dea).

Мудрено ли, что, по сходству аллегорическаго изображенія подвига Константина Великаго, ревнителя вѣры Христіанской, съ чудомъ Св. Георгія, избавившаго Царевну отъ дракона, одно лице приняли за другое. Св. Георгій великій въ мученикахъ и Константинъ великій въ Царяхъ были современниками, оба служили подъ знаменами Діоклетіана, одинъ стяжалъ мученическій вѣнецъ, другой къ Царскому вѣнцу приобщилъ небесный, тотъ и другой именовались *побѣдоносцами* (*τροπαιοφόρου*) Церковью и Государствомъ. По свидѣтельству же Западныхъ Четій, Константинъ Великій въ Римѣ соорудилъ первую Христіанскую церковь во имя Св. Георгія побѣдоносца.

Но историческое взяло верхъ надъ символическимъ; ибо чудо, совершенное Св. Георгіемъ, было ближе къ понятію народа, чѣмъ символическое изображеніе великаго подвига равноапостольнаго Константина. Посему-то побѣдитель дракона названъ Св. Георгіемъ, который также, освобожденіемъ страны Палестинской отъ чудовища, попралъ тамъ язычество, олицетворен-

(19) Ammian. Marc. XVI, 2: XX, 4.
(20) Imperatorum Romanorum numismata, ab *Ad. Occone* congesta. Mediol. 1730, f.

ное, какъ мы замѣтили, въ образѣ дракона. Такъ точно всадникъ, поражающій дракона на древнихъ Русскихъ печатяхъ и монетахъ выдается за Св. Георгія, между тѣмъ, какъ въ Софійскомъ временникѣ сказано подъ 1536 г.: «бысть знамя на деньгахъ копейныхъ: Великій Князь на конѣ, имѣя мечъ въ руцѣ»; даже на монетахъ Царя Бориса Ѳеодоровича надъ всадникомъ съ дракономъ подъ ногами подписано: Ц. Б. Ѳ. т. е. Царь Борисъ Ѳеодоровичь.

Этотъ драгоцѣнный памятникъ торжества Вѣры Христіанской и низложенія язычества, не безъ основанія названъ въ описяхъ собора *Римскимъ;* ибо изображеніе и надпись взяты съ Константиновыхъ воротъ въ Римѣ на Священной дорогѣ (via sacra) между Колизеемъ и церковью Св. Григорія.

Вѣроятно, этотъ снимокъ составлялъ украшеніе фронтона или фриза какого либо храма или воротъ; ибо драконы, во время владычества Лонгобардскаго, изображались на фасадѣ или внѣшней орѳографіи храмовъ. Въ церкви Св. Михаила, въ Павіи, представленъ воинъ, прободающій копьемъ дракона.

ДРЕВНІЕ СКЛАДНИ,

ТѢЛЬНИКЪ И БЛЯХА СЪ ГЕРБОМЪ.

(Рисунокъ Отд. I. № 22.)

На эстампѣ подъ N 22 изображены въ натуральную величину: 1) Древніе складни, 2) Тѣльной золотой крестъ, или тѣльникъ и 3) Двухглавый орелъ на золотой бляхѣ, богато украшенной финифтью. Всѣ сіи драгоцѣнности хранятся у Графа Мусина-Пушкина и, по преданію, принадлежали Димитрію Самозванцу.

На складняхъ, обдѣланныхъ въ золото съ прекрасною финифтью, изображены искусною кистью въ Византійскомъ стилѣ: Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и Святитель Николай, не въ сакосѣ, (какъ написанъ онъ на древней иконѣ въ Барѣ), но въ кресчатой фелони и омофорѣ, одною рукою благословляющій, а другою держащій Евангеліе. Створчатые складни съ ушками, по видимому, назначены были для ношенія на персяхъ.

На тѣльникѣ четверочастномъ изображенъ осмичастный крестъ безъ распятаго на немъ Спасителя и безъ гривны или цаты, какая видна на средокрестіи у подобныхъ крестовъ XVII вѣка. Надъ крестомъ надписано: Царь Славы, у концевъ его: Іс. Хр. Ника, у подножія: М. Л. Р. Б. т. е. мѣсто лобное — рай бысть. Какъ на лицевой, такъ и на обратной сторонѣ вырѣзаны мѣлкою вязью слова, вѣроятно, молитвы. Если дѣйствительно этотъ

крестъ принадлежалъ Лжедимитрію, то можнобъ его признать за тотъ самый, который онъ показалъ въ Брагинѣ Адаму Вишневецкому, какъ будто данный ему крестнымъ его отцемъ Иваномъ Мстиславскимъ.

Чтожъ касается до бляхи съ двухглавымъ орломъ, увѣнчаннымъ тремя коронами, безъ ѣздеца, или всадника на груди, вѣроятно, она составляла украшеніе Царской утвари.

ДРЕВНІЯ ГРИВНЫ И ОБРАЗКИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 23.)

На эстампѣ подъ N 23 представляются намъ: A, B, и C. мѣдный образокъ, найденный въ Рязани и принадлежащій г. Татаринову; G. H. I. K. L. M. N. такіе же образки, вырытые изъ земли въ Новгородѣ и хранившіеся у купца Лаптева, наконецъ такъ называемыя гривны: O, P. древній рѣзной камень, вырисованный изъ книги: Ioannis Macarii Canonici Ariensis Abraxas, Antverpiæ, MDCL, VII, in-4; Q, R, S. Черниговская гривна, хранящаяся въ Императорскомъ Минцъ-Кабинетѣ Эрмитажа; T. V. Гривна, или образокъ изъ металлической композиціи, не принимающій ни какой позолоты. Онъ принадлежитъ Черниговскому помѣщику, артиллеріи Капитану Өедору Пекрицкому, который получилъ его въ подарокъ отъ одного офицера, во время Польской кампаніи, ему же онъ достался отъ больнаго солдата изъ Тульской Губерніи, который, предъ смертію своей, отдалъ ему этотъ образокъ съ слѣд. словами: « Сею святынею благословила меня мать, « а найдена она однимъ изъ моихъ предковъ на Куликовскомъ полѣ.» W, X. Золотой образокъ обронной работы въ натуральную величину, находящійся въ Минцъ-Кабинетѣ Императорскаго Казанскаго Университета.

На всѣхъ этихъ образкахъ и гривнахъ общее то, что изображены змѣи въ разныхъ видахъ. На первыхъ св. Никита Великомученикъ поражаетъ діавола, а св. Өеодоръ Тиронъ змія. Судя по придѣланнымъ къ нимъ уш-

камъ, они были носимы на персяхъ, подобно тѣльнымъ крестамъ и ладонкамъ.

Чтожъ касается до такъ называемыхъ гривенъ, кои составляютъ родъ амулетовъ или абраксовъ, то на одной ихъ сторонѣ изображены Богоматерь или Архангелъ Михаилъ, а на другой похожая на человѣческую голова, отъ коей простираются въ разныхъ направленіяхъ то семь, то девять, то двѣнадцать змѣй, переплетенныхъ въ видѣ узловъ, или вытянутыхъ лучеобразно. Такое изображеніе, по видимому, сходствуетъ съ Медузиною головой; но въ сущности своей, оно различно отъ нея.

Приведемъ здѣсь греческія надписи, надъ изъясненіемъ коихъ трудились многіе ученые мужи. Вокругъ лика Богоматери и Архангела, W, V, X, читаемъ слова, заимствованныя изъ VI гл. 3 ст. Пророка Исаіи и повторяемыя обыкновенно простымъ народомъ при сильныхъ ударахъ грома, какъ предохранительное средство: *Ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος κ̃ς Σαβαώθ, πλήρης ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ*, т. е. Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля. S. Гн помозн рабоу своіему Васнлнгж. Амин. ✠ (1) На образкахъ E. T. читаемъ вокругъ лика Богоматери: ✠ *ΘΕΟΤΩΚΕ ΣΚΕΠΕ ΚΕ ΘΟΗΘΗΤΩ Ν ΕΧΩΝΤΑ ΣΕΑ* ✠ Ч.

На образкахъ D. P. S. X. сходны греческія надписи, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, не вполнѣ разобранныхъ. Одна изъ нихъ S. такъ читается у Кеппена: *ΤΣΣΕΡΑΝΕΛΑ ΜΗΕΛΑΝΟΝΕΝΙΟΙΣ ΙΝ ΔΙΕΤΕΟΣ ΔΡΑΧΟΝΟΤ ΡΤΖΗΣ ΚΕ ΟΣ ΑΡΝΙΟΝ ΤΗΝΙΝΤ*, т. е. *Η. ΣΕΡΑΝΕΛΑ ΜΙΕΛΑΝΟΝΕΝΙΟΣ ΙΝ ΔΙΕΒΕΟΣ ΔΡΑΚΟΝΟΤ ΡΤΖΗΕ ΚΑΙ ΩΣ ΑΡΝΙΟΝ ΑΜΗΙΤΟΝ. Η σερανέλα μιελανονένιος ἰν διεβέος δράκονου ῥύζης καὶ ὡς ἀρνίον ἀμίητον* или *ἀμίηντον*: т. е. гривна златая. Глава попираетъ дракона корни, какъ агнецъ непорочный.

Подобное изображеніе змѣй и подобная надпись находится на медали въ Венеціи у г. Вебера; ее такъ читаетъ Дерптскій Профессоръ Франкъ:

✠ *ΤΟ . . . . . ΜΕΛΑΝΗΜΕ ΔΑΙΝΟΜΕΝΗΟΣ ΟΦΗΣ Η ΔΗΕΣΕΚ ΕΟΣ. ΔΕΟΝΒΡΤ ΧΕΙ ΣΕΚΕΟΣΑΡΝ ΟΣΚΤΜΕΙΣΕ.*

Ὑσέροι, μέλαν ἦμ μιαινόμενος ὁ ὄφις, ἦδε ἔση, καὶ ὡς λέων βρυχήση, καὶ ὡς

(1) На Оршинскомъ камнѣ читаемъ подобную надпись: Въ лѣто ЗХОѲ года мц҃а Маіа въ 3 день доспенъ кръ сіи. Гн помози рабу своіему Василию въ крщеніи именемъ Рахволоду сн҃у Борисову. Можетъ быть, гривна сія принадлежала Полоцкому Князю.

ἄρνιον κυλλοῦ, т. е. «Исчезни, черный! или ты теперь будешь, оскверняющій змій, какъ левъ рыкать, и преклонишься, какъ агнецъ.» (2)

Г. Кеппенъ съ К. Калайдовичемъ полагаютъ, что Черниговскую медаль признать можно за древнюю золотую гривну, какая для украшенія носима была Князьями и вельможами на шеѣ. (3)

Но названіе *гривна* есть условное; ибо оно употреблялось для означенія 1) вѣса, какъ напр. въ Печер. Патерикѣ упомянуты пояса въ 50 и въ 20 гривенъ золота, 2) извѣстной монеты, 3) украшенія или знака отличія, какъ видно изъ лѣтописей и Св. Писанія, напр. въ Несторовой лѣтописи по Кенигсб. сп. подъ 1147 годомъ: «Михаила же быоче, отторгоша на немъ «крестъ и чепи и гривну злату. «*Кн. Бытія* XLI, 41—43.» Фараонъ воз«ложи на Іосифа гривну злату на выю его.» *Притч. Солом.* 119. «Вѣ«нецъ бо благодатей пріимеши на твоемъ версѣ и гривну злату о выи «твоей.» *Прор. Даніила* IV, 7. «И гривна златая на выи его.» Въ значеніи ошейника встрѣчается она въ рукописномъ *Прологѣ*, XIV вѣка, Мартъ, «и по«велѣ гривны велики возложити на выяхъ.» Гривною, или цатою называется также металлическое ожерелье, привѣшенное къ вѣнцу на персяхъ св. иконъ Спасителя, Богоматери и другихъ Святыхъ. Такъ въ переписи Московск. Успенскаго Собора 1627 г. «На образѣ Одигитріи двѣ гривны серебряныя «басменныя, золоченыя.» Слѣдств. гривна была не медаль, но ожерелье, ошейникъ, кольцо, тоже, что у Грековъ *στρέπτον χρίσεον*, у Римлянъ collare, о коемъ не рѣдко упоминается въ надписяхъ на мраморахъ Ольвіи и другихъ колоній на берегахъ Понта.

Но самыя изображенія змѣй и надписи въ родѣ заклинаній заставляютъ думать согласно съ г. Каченовскимъ, что это были амулеты, или обраксы, кои носили на себѣ, такъ какъ и теперь носятъ ладонки для предохраненія отъ напастей, околдованія и порчи. Между абраксами въ Европейскихъ кабинетахъ находятся многіе, на коихъ изображены змѣи съ человѣческими лицами. Такія изображенія змѣй намѣкаютъ на ученіе Офитовъ: слѣд. въ женской головѣ съ семью змѣями можно признать Офитскую Софію и осмеричное число Еоновъ, которое составляла она съ сыномъ своимъ Jaldabadth и шестью остальными духами, отъ него происшедшими.

(2) Sinnbilder u. Kunstvorstellungen der alten Christen von Dr. F. *Münter*, I. II. Altona, 1825, in 4.

(3) Списокъ Русскимъ памятникамъ М. 1822, въ 8.

Софія же, по ученію Офитовъ, родилась отъ третьяго Еона, котораго они называли первою женою, матерью всѣхъ живыхъ. Она безъ мужескаго участія произвела на свѣтъ сына Jaldabadth, родоначальника новаго поколѣнія. Осмеричное число головъ на амулетѣ согласовалось бы съ ученіемъ Офитовъ, еслибъ не было ихъ на другихъ по двѣнадцати. Но какъ Еоны и планетные князья приняли образъ змѣй: то Св. Климентъ Александрійскій объясняетъ намъ, что « Египтяне выражали косное теченіе планетъ змѣями.» (4) Изъ Египетской Гіероглифики потомъ этотъ символъ перешелъ въ Офитскую и даже въ гностическую. Русскіе же, заимствовавъ подобные амулеты отъ Грековъ и Болгаръ, какъ священныя средства, предохраняющія отъ напастей, употребляли и подражали имъ безъ сознанія, иногда замѣняя однѣ изображенія другими и соединяя въ нихъ символическіе образы съ ликами Святыхъ, отечественное съ чужеземнымъ.

(4) Sinnbilder u Kunstverstellungen etc.

НОВГОРОДСКІЕ НАПЕРСНЫЕ КРЕСТЫ.

(Рисунокъ Отд. I. № 24.)

Изображенныя здѣсь подъ N 24, два наперсные креста въ натуральную величину, различные своею формою, находятся въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора. Одинъ изъ нихъ A. B. серебряный вызолоченый, съ филогранью. На лицевой сторонѣ изображенъ, вмѣсто Распятія, Господь Вседержитель, сѣдящій на престолѣ; четыре большихъ яхонта розоваго цвѣта въ гнѣздахъ служатъ украшеніемъ. На обратной сторонѣ вырѣзаны имена тѣхъ Святыхъ, которыхъ мощи заключаются въ этомъ крестѣ. Другой изъ нихъ D. E. серебряный вызолоченый съ финифтью на лицевой сторонѣ и Распятіемъ; въ гнѣздахъ вставлены пять драгоцѣнныхъ камней. На обратной сторонѣ его надпись показываетъ, какихъ Святыхъ мощи вложены во внутренности его. Оба сіи креста служили отличіемъ сана святительскаго. Судя по стилю, первый изъ нихъ древнѣе послѣдняго; но надписи не опредѣляютъ ни вѣка ихъ, ни мѣста, ни соорудителя.

АНТОНІЕВЪ КРЕСТЪ ВОЗДВИЗАЛЬНЫЙ.

(Рисунокъ Отд. I. № 25, 26.)

Изображенный на эстампѣ подъ № 25 крестъ, въ половину уменьшенный противъ натуральной своей величины, принадлежитъ къ числу воздвизальныхъ, кои возносимы были въ соборахъ и нѣкоторыхъ монастыряхъ на праздникъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста. Различаясь мѣстомъ и назначеніемъ своимъ отъ престольныхъ, благословящихъ, возлагаемыхъ на престолѣ, онъ хранился, или въ ризницѣ, или поставляемъ былъ въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ.

Антоніевъ крестъ, хранящійся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, сходенъ съ Полоцкимъ св. Евфросиніи и съ Ростовскимъ Авраміевымъ; онъ шестиконечный, деревянный, обложенный басменнымъ золоченымъ серебромъ. Въ шести клеймахъ на лицевой сторонѣ вычеканены изображенія Знаменія Богородицы, Господа Вседержителя, двухъ Херувимовъ и св. Іоанна Богослова. Между ними два креста: одинъ мусійный, осмиконечный, съ распятымъ Христомъ, окруженный ликами Богоматери и св. Іоанна Богослова, или Предтечи, а другой съ частицею Животворящаго Древа. На бокахъ креста вычеканены: о агиос Петрос, о агиос Павлос, о агиос Іо... о агиос Семьонъ, и слѣд. надпись: « Господи помози рабоꙋ своіемꙋ Антонꙋ Архіепископꙋ Новгородьскꙋмꙋ давшюмꙋ кръстъ Свѧтой Софии.

Великій Новгородъ избралъ Антонія въ 1211 году Архіепископомъ, но чрезъ 8 лѣтъ изгналъ его; потомъ вмѣстѣ съ Митрофаномъ, его предшественникомъ, представилъ на судъ Митрополиту Всероссійскому, который,

утвердивъ Митрофана въ Новгородѣ на Владычнемъ престолѣ, далъ Антонію каѳедру въ Перемышлѣ. Послѣ Арсенія, Новгородъ опять вызвалъ Антонія на Архіепископію, съ коей онъ потомъ сошелъ въ Хутынь монастырь, гдѣ и кончилъ жизнь свою.

Ни изъ Исторіи, ни изъ надписи не видно, когда и по какому случаю сооруженъ Владыкою Новгородскимъ этотъ крестъ; но, по древности, болѣе, чѣмъ пятивѣковой, по мѣсту сооруженія и по лицу соорудителя, этотъ надписанный памятникъ начала XIII вѣка принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ нашимъ древностямъ.

Вмѣстѣ съ нимъ въ ризницѣ Софійскаго собора, находятся три панагіи, двѣ — Архіепископовъ Новгородскихъ и одна Папская.

В. С. Серебряная, складная, съ изображеніемъ распятія I. X., а на другой — Спасителя.

E. F. Серебряная украшенная финифтью, съ образомъ Святителя Николая.

H. I. Крестъ золотой съ тремя продолговатыми сквозными яхонтами, на конхъ вырѣзано рельефомъ Распятіе I. Христа съ предстоящими Ему Богоматерью и Іоанномъ Богословомъ. На трехъ концахъ креста изображены три пчелы, по видимому, намѣкающія на слова Псалма CXVII, 12, « Обыдоша мя яко пчелы сотъ.» На средокрестіи обратной стороны солнце, коего троиственные лучи выступаютъ и на другую сторону. При подножіи креста, по спимку г. Солнцева, читаемъ надпись Urb. VIII. P. M. т. е. Urbanus VIII, Pontifex Maximus. Но Истор. описаніе Святыни Новгородской, Спб. 1848 г. и Новгородскія Губерн. Вѣдомости 1848 г. N 9, ошибочно присвоиваютъ этотъ крестъ Урбану IX, и Урбану XI.

Императрицею Екатериною II это св. украшеніе пожаловано было Митрополиту Новгородскому и С. Петербургскому Гавріилу Петрову, а отъ него поступило въ ризницу Софійскаго Собора.

КОРСУНСКІЕ КРЕСТЫ.

(Рисунокъ Отд. I. № 27, 28.)

Корсунскими крестами называются запрестольные три креста въ алтарѣ Московскаго Успенскаго Собора. Одинъ изъ нихъ, четвероконечный, обитый позолочеными серебряными листами; лицевая его сторона усѣяна самоцвѣтными каменьями и клеймами съ обронными изображеніями разныхъ Святыхъ; на срединѣ и по концамъ въ кругахъ наведены финифтью: Распятіе, Деисусъ, Благовѣщеніе и Воскресеніе. На обратной сторонѣ поле украшено звѣздами изъ хрусталей; на срединѣ и на концахъ въ клеймахъ чеканныя изображенія господскихъ праздниковъ. Въ переписныхъ книгахъ Московскаго Успенскаго собора, скрѣпленныхъ 1627 г. Симоновскимъ Архимандритомъ Іосифомъ, въ послѣдствіи Патріархомъ, объ этомъ памятникѣ благочестія сказано: « за престоломъ же крестъ большой Корсунскій обложенъ « серебромъ, въ пяти мѣстехъ писаны господскіе праздники мусіею на зо- « лотыхъ цкахъ; въ немъ же въ гнѣздехъ сто семь хрусталей. »

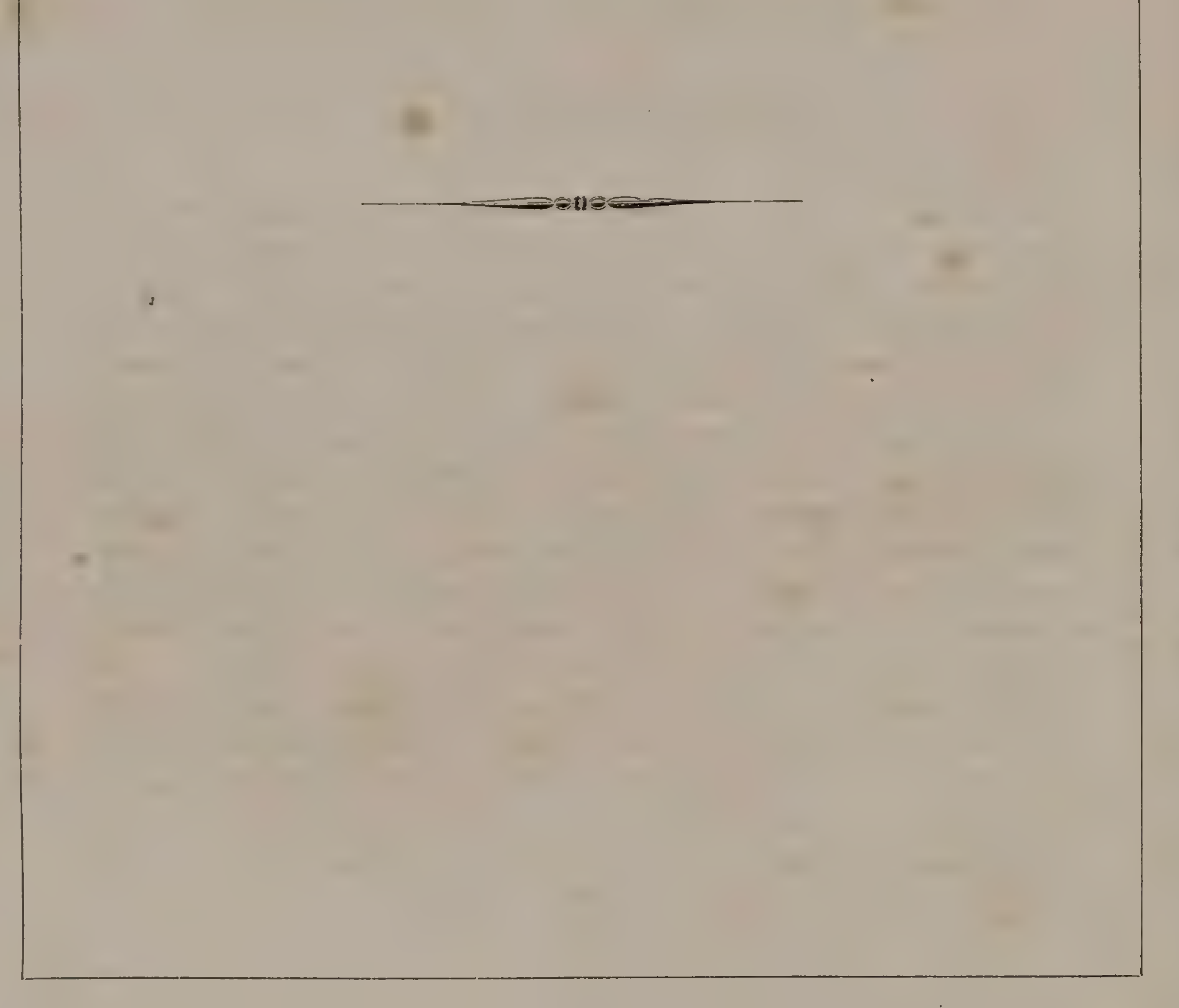
Другіе два креста, четвероконечные, изъ горнаго хрусталя, скрѣпленные серебромъ; они утверждены на древкахъ, для ношенія въ крестныхъ ходахъ.

На этихъ священныхъ памятникахъ нѣтъ надписей, кои бы свидѣтельствовали намъ объ ихъ мѣстности и древности; но преданіе гласитъ, что они перенесены просвѣтителемъ Россіи Владиміромъ I въ столичный градъ Кіевъ изъ покоренной имъ Корсуни, оттуда перешли во Владиміръ и по-

томъ въ Москву. О первомъ крестѣ свидѣтельствуетъ книга *Жезлъ* 1655 г. что онъ «предрагоцѣнный окладомъ, неоцѣненный образомъ, древностію «пречестный, именуемый Корсунскій, олтарь Господень яко солнце про-«свѣщаетъ въ соборномъ храмѣ, въ матери всѣхъ церквей.»

Въ 1812 г. святыни сіи не были вывозимы изъ Москвы.

Примѣч. О звѣздицѣ св. Антонія Римлянина сказано въ статьѣ объ его сосудахъ.



НАПРЕСТОЛЬНЫЙ КРЕСТЪ

ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА.

(Рисунокъ Отд. I. № 29, 30, 31, 32.)

Сей крестъ въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ, изъ чеканнаго вызолоченнаго серебра съ литыми изъ того же метала накладными распятіемъ и образами Богоматери, Іоанна Богослова и другихъ Святыхъ; длиною онъ 2 четверти $\frac{1}{4}$ вершка, по мѣстамъ украшенъ крупнымъ угловатымъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. На подножіи его слѣдующая надпись означаетъ вкладчика, время и мѣсто сооруженія: „Въ лѣто ҂зѯи (҂афѯ) Апрѣля въ ка день, повелѣнїемъ Благовѣрнаго Царя Ивана Васильевича всеа Русїи, здѣланъ сїй крестъ в кз лѣто государства его в пренменїтый храмъ и соборъ Архїстратїга Михаила, въ Богоспасаемомъ градѣ Москвѣ.» На оборотной сторонѣ креста другая надпись вязью, узловатая, въ нѣсколькихъ кружкахъ, какъ сказано въ старинной описи соборной ризницы, изображена «*большими фряжскими буквами*; она содержитъ въ себѣ имена тѣхъ Святыхъ, которыхъ мощи вложены въ этотъ крестъ. Славянскія буквы названы *фряжскими* по ихъ почерку или пошибу, извѣстному также подъ именемъ Фряжской азбуки, которая состояла изъ связанныхъ между собою узловатыхъ буквъ и употреблялась въ надписяхъ и въ красныхъ строкахъ.

Какъ драгоцѣнныя св. утвари, большею частію, устроиваемы были Государями по обѣщанію и въ ознаменованіе счастливыхъ событій: то,

вѣроятно, и сей крестъ сдѣланъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ возблагодареніе Богу за побѣды его въ Ливоніи, гдѣ, въ 1560 году, Русскіе взяли 11 городовъ, и за успѣхи оружія его въ Крыму.

Другой крестъ напрестольный въ ризницѣ Архангельскаго Собора золотой чеканный, почти одинакой величины съ первымъ; онъ украшенъ драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ. Работа его отличается чистотою. Изъ надписи на немъ видно, что онъ пожалованъ въ Соборъ Царемъ Θеодоромъ Алексіевичемъ 1677 года, въ вѣчное поминовеніе родителя своего.

РѢЗНЫЕ КРЕСТЫ.

(Рисунокъ Отд. I. № 33, 34.)

Изображенные на эстампахъ N 33 и 34 рѣзные на деревѣ кресты, хранящіеся въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Московской Оружейной Палатѣ, представляютъ намъ памятники рѣзнаго искусства (ἀναγλυπτική, caelatura, toreutice), коимъ издревле славились Византійцы и давно занимались Славяне. Разсмотримъ эти произведенія въ связи съ самимъ художествомъ и его исторіею.

Особеннымъ предметомъ досужества Аѳонскихъ монаховъ было это искусство. По свидѣтельству Ассемани, « они вырѣзывали съ превосходною « обронною работой иконы и кресты изъ бука, кедра и другихъ деревъ, на « коихъ изображали распятаго Спасителя, Богоматерь, двунадесятые празд- « ники и разныхъ Святыхъ Восточной Православной Церкви. Такимъ издѣ- « ліемъ украшая свой досугъ, иноки снискивали себѣ пропитаніе. » (1) Къ этому свидѣтельству присоединимъ другое, не менѣе важное, которое сообщаетъ намъ Греческій врачь XVII вѣка, Іоаннъ Комнинъ, обозрѣвавшій Святую гору; (2) онъ говоритъ, что « Болгары и Русскіе издревле любили « упражняться въ иконописи и рѣзьбѣ, что искусство ихъ отличалось осо- « беннымъ пошибомъ, заимствованнымъ отъ духа и нравовъ отечества.»

(1) *Assemani* Calendaria ecclesiæ Græcæ.

(2) *I. Comneni* descriptio montis Atho, въ *Monfaucon* Palæographia Græca, p. 459—486.

Какъ пошибъ или стиль этотъ былъ иконный, основанный на древнихъ образцахъ и подлинникахъ: то и рѣзьба запечатлѣна тѣмъ же характеромъ, какимъ иконопись Болгарская и Русская. Кромѣ письменныхъ свидѣтельствъ, въ Россіи еще уцѣлѣло много разныхъ памятниковъ Греческой рѣзьбы, которые проявляютъ духъ и характеръ сего искусства, посвященнаго св. Вѣрѣ.

Это искусство, бывшее подъ вліяніемъ Церкви, подчинялось ея завѣтнымъ преданіямъ и уставамъ. Какъ Восточная Православная Церковь отвергала всякое *изваяніе* и *сліяніе* (истуканы, горельефы) согласно съ заповѣдью во Второзаконіи XXVII, 15, гдѣ предается проклятію « сотворившій изваяніе и сліяніе; » то она допускала однѣ только изображенія половинчатыя, или въ полтѣла, т. е. рельефы. Между тѣмъ, какъ Западная Церковь ввела въ обычай изваянія Святыхъ въ натуральную величину, изъ дерева и камня (горельефы, alto relievo, облыя, круглыя фигуры), которыми украшала не только костелы и капеллы, но и площади и перекрестки. (3)

Рѣзное художество, искони любимое Русскимъ народомъ, сперва было орудіемъ идолопоклонства, а потомъ съ насажденіемъ на Руси Христіанской Вѣры, обращено на изображеніе досточтимыхъ ея предметовъ, и украшало вычурными и затѣйливыми орнаментами внѣшность и внутренность храмовъ Божіихъ, которые въ древности были, по большей части, деревянные. На самыхъ избахъ крестьянскихъ видимъ разныя узорныя порѣзки, обличающія досужество, ловкость и замысловатость мастеровъ.

Отъ Византійскихъ художниковъ Кіевъ получилъ первые образцы рѣзныхъ на деревѣ, кости и камняхъ, иконъ, панагій и крестовъ, коимъ подражали Русскіе. Тамъ и донынѣ существуетъ это художество, доставляющее богомольцамъ рѣзные на кипарисѣ кресты и образа. Оно проникло и въ Новгородъ, славившійся въ XVI вѣкѣ своими *рѣзцами* или рѣзными мастерами, которые *налагали лице на камнь*, т. е. покрывали рѣзьбою и полировали; оттуда иногда вызывались они въ Москву для украшенія церквей и Государевыхъ Палатъ. На эстампѣ N 4 представлены древнія произведенія рѣзьбы, сохранившіяся въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго Собора. Архангельскъ также славится съ давнихъ временъ рѣзьбою на кости.

(3) Handbuch der christlichen Archaeologie von D. S. W *Augusti*, 3 B. Leipz. 1836. въ 8.

Въ самой Москвѣ, въ числѣ Царскихъ художниковъ и ремесленниковъ Мастерской Палаты, находились и рѣзчики на деревѣ; изъ нихъ извѣстны своими произведеніями въ XVII вѣкѣ Кондратій Ивановъ и Петръ Ремезовъ. По Государеву указу, они вырѣзывали не только кресты и образа, но и сѣни надъ престолами въ церквахъ, царскія врата, алтарные иконостасы и т. д. Рейтенфельсъ, бывшій въ Москвѣ 1670 г., говоритъ, что «Русскіе выдѣлываютъ весьма искусно изъ дерева разныя вещи.» Рѣзанныя Петромъ Великимъ на кости и на деревѣ разныя изображенія служатъ доказательствомъ, что онъ усвоилъ себѣ это древнее Русское искусство.

Въ XVII вѣкѣ, сблизившемъ Россію съ Западомъ Европы, появились въ ней изваянія Святыхъ изъ дерева и камня, по большей части, отживленныя подъ натуру, т. е. раскрашенныя; онѣ ставились въ церквахъ и часовняхъ на поклонѣ. По словамъ указа Петра I, въ 1722 году, Апрѣля 12, этотъ «обы-«чай устроять неумѣренныя рѣзныя иконы вошелъ въ Россію отъ иновѣр-«ныхъ, а наипаче отъ Римлянъ и порубежныхъ намъ Поляковъ.» На основаніи правилъ церковныхъ, указомъ того же года Октября 11 запрещено было «употреблять въ церквахъ рѣзныя и отливныя иконы, кромѣ Распятій, искусною рѣзьбою устроенныхъ, а въ домахъ, кромѣ малыхъ крестовъ и панагій.»

Изъ сего видно, что рѣзьба и ваяніе вошли въ Россію двумя путями, съ Востока и Запада, что отъ одного заимствовала она рельефныя изображенія Святыхъ, а другому иногда подражала въ изваяніи облыхъ, круглыхъ фигуръ, кои выдалбливались, или высѣкались въ ростъ человѣческій, подобно древнимъ *ξόανα*.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ рѣзьбы былъ крестъ, орудіе и знаменіе спасенія. Какъ І. Христосъ распятъ былъ на крестномъ древѣ, то для малыхъ и большихъ крестовъ преимущественно выбиралось дерево, способное для рѣзьбы по своей мягкости, плотности и цвѣту. Таковы были: липа, кипарисъ, букъ, кедръ, чинаръ. Работа производилась долотцами разнаго рода; для окончательной отдѣлки фигуръ употребляли пемзу и хвощь. Рѣзьба была *половинчатая* на полѣ, или фонѣ, и *сквозная*, болѣе или менѣе крупная и мелкая. Иногда фигуры, особо вырѣзанныя, набирались и наклеивались на фонѣ. Нѣкоторые памятники этого художества, находившаго себѣ пріютъ въ монастыряхъ, отличаются твердостью и отчетливостію рисунка, искусствомъ, чистотою и тонкостію отдѣлки, требу-

ющей необыкновеннаго терпѣнія и ловкости; не рѣдко встрѣчаемъ образа въ $1\frac{1}{2}$ вершка, на коихъ вырѣзаны изъ кости или камня всѣ двунадесятые праздники съ надписями; также на дощечкахъ, величиною отъ 1 до 3 четвертей, оборонное изображеніе всей прославленной Церкви въ видѣ алтарнаго иконостаса.

Но въ этихъ произведеніяхъ рѣзьбы находимъ тѣже недостатки, какіе и въ иконописи, касательно группированія, перспективы и вообще тона.

Чтожъ касается до рѣзныхъ на деревѣ крестовъ, то они были *тѣльники*, или *тѣлесные*, *наперсные*, *напрестольные*, *воздвизальные*, *водружательные* и *благословящіе;* одни носимы были на персяхъ, какъ залогъ св. крещенія, или какъ отличіе духовенства, другіе возлагались на престолахъ въ алтарѣ, въ воспоминаніе крестной жертвы І. Христа, третьи воздвизаемы были въ праздникъ Воздвиженія Животворящаго Креста и служили иногда запрестольными, четвертые ставропигіальные, даваемые Патріархомъ церквамъ и монастырямъ съ особымъ преимуществомъ, (4) а послѣдніе ставились въ кіотахъ на поклонѣ, какъ св. иконы, и, по большей части, были четвероконечные, согласно съ украшеніемъ св. Григорія Нисскаго, который учитъ, что крестъ четырьмя частями, или краями знаменуетъ высоту, глубину, широту и долготу содержащимся Божіею силою. (5) Сверхъ того, встрѣчаются древніе кресты съ рѣзьбою — *памятные, закладные* и *надгробные;* одни сооружались въ память какого либо событія, другіе закладываемы были въ церковныхъ стѣнахъ, третьи ставились на могилахъ.

Къ числу напрестольныхъ и благословящихъ принадлежатъ изображенные на эстампѣ четвероконечные кресты; они вырѣзаны на кипарисѣ и отличаются отъ древнихъ особенностію своего вида. У креста подъ N 33, отъ подножія къ рогамъ простираются двѣ вѣтви, на коихъ вырѣзаны поясныя изображенія Пророковъ, а на поверхности его въ клеймахъ двунадесятъ праздниковъ съ греческими надписями. На концахъ Евангелисты съ ихъ символами. Подобные орнаменты въ образѣ вѣтвей, происшедшихъ отъ креста, проявляютъ христіанскій символическій взглядъ на природу. По видимому, и художникъ Византійской школы хотѣлъ выразить, что крестъ Господень есть древо жизни, коего вѣтви осѣняютъ и питаютъ всѣхъ прибѣгающихъ подъ спасительную его сѣнь. На бокахъ описываемаго креста изображена слѣдующая монограмма, вѣроятно, означающая имя художника:

(4) Новая скрижаль, изд. 4. М. 1816, въ 4.
(5) *Жезлъ*, М. 1655, въ л.

А П М S. Т В П Г. Отчетливость рисунка, тщательность и чистота отдѣлки обличаютъ въ немъ остроту и вѣрность глаза, ловкость руки.

Тѣже предметы, тотъ же почеркъ и тѣ же письмена находимъ на другомъ крестѣ подъ N 34. Изъ чего съ достовѣрностію можно заключить, что они произведеніе одного художника, судя по надписямъ—Грека, а по сличеніи съ подобными издѣліями Аѳонскихъ иноковъ—Святогорца; ибо послѣдніе не рѣдко присылали Царямъ въ Москву рѣзные кресты, панагіи и образа въ благословеніе. Вѣра, художество и наука сближали Аѳонъ съ Кіевомъ и Москвою.

Начиная съ XI по XVIII вѣкъ, Аѳонъ доставлялъ южной и сѣверовосточной Руси не только образцы иконописнаго и рѣзнаго художества, но и правила для иноческой жизни, Болгарскіе и Сербскіе переводы Твореній Св. Отцевъ, драгоцѣнныя Греческія рукописи для исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ и наконецъ ученыхъ иноковъ, насадившихъ семена просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

ИЗМАЙЛОВСКІЕ

КРЕСТЪ И БРАТИНА.

(Рисунокъ Отд. I. № 35.)

На рисункѣ представляются два памятника изъ подмосковнаго села Измайлова, гдѣ живали лѣтомъ Цари Михаилъ Ѳеодоровичь, сынъ его Алексій и внукъ Ѳеодоръ съ семействомъ своимъ, гдѣ проводилъ свои дѣтскія лѣта Петръ I, отъискавшій тамъ ботикъ, *дѣдушку Россійскаго флота.* Сіи памятники, не многоцѣнные, но важные по своему значенію въ народной жизни: рѣзной изъ дерева, позолоченный и разцвѣченный крестъ и братина, окрашенная по левкасу. Онѣ срисованы на мѣстѣ въ 1837 г. Г. Солнцевымъ. По всему вѣроятію, что эта святыня и домашняя утварь принадлежали къ дворцовому обиходу, отъ коего остатки хранятся въ собраніяхъ отечественныхъ древностей Оружейной Палаты, Кн. М. А. Оболенскаго, П. Ѳ. Корабанова и М. П. Погодина. Четвероконечный крестъ этотъ ни запрестольный, ни напрестольный; но, по видимому, онъ осѣнялъ какой нибудь кивотъ въ дворцовой церкви.

Братины, напоминающія своимъ названіемъ и значеніемъ братство и круговыя чаши, въ старину составляли не только необходимую столовую утварь, но даже извѣстную мѣру жидкостей. Обыкновенная форма ихъ была круглая, кубовастая, на подобіе горшечка. Дѣлались онѣ изъ золота, серебра, мѣди и олова, чеканныя, гладкія, чешуйчатыя, грановитыя, дорожчатыя, ложчатыя съ травами, проводками, личинами, мишенями, плащами, съ чернью, фи-

нифтью, иногда съ драгоцѣнными камнями; не рѣдко ихъ ободокъ или вѣнчикъ украшался надписью, означающею имя владѣльца, или какое нибудь нравоучительное изрѣченіе. Въ крестьянскомъ быту онѣ устроивались, большею частію, изъ дерева. Измайловская братина простотою вещества соотвѣтствовала простотѣ жизни нашихъ Государей въ сельскомъ родовомъ пріютѣ, гдѣ у нихъ столовая посуда была деревянная и оловянная.

ЦАРСКІЕ БРАЧНЫЕ ВѢНЦЫ

и

МИТРОПОЛИЧЬЯ ПАНАГІЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 36, 37.)

Въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора сохранились древніе, серебряные съ позолотою, брачные вѣнцы, мужскій и женскій, какіе при вѣнчаніи возлагались на Царей и Царицъ. Они устроены въ видѣ обруча, выдавшагося на челѣ коронкою, съ городками по краямъ; на одномъ изъ нихъ вырѣзанъ Деисусъ, а на другомъ Знаменіе Богородицы, Богоотцы Іоакимъ и Анна.

Судя по стилю работы, вѣнцы сіи принадлежатъ XVII вѣку; фигурою своей сходствуютъ съ древними изъ серебра, мѣди, желѣза и дерева, какіе употреблялись при вѣнчаніи.

Вѣнецъ вообще какъ символъ вѣчности, въ особенности вѣнецъ брачный (*νυμφίκος στέφανος*) какъ знакъ таинственнаго союза, награды за цѣломудріе и благословеній небесныхъ, извѣстенъ былъ у Іудеевъ, что видно изъ словъ *Исаіи Пророка* LXI, 10. « яко на жениха возложи вѣнецъ.»(1) Въ *Пѣсняхъ Пѣсней* III, 11, божественный Женихъ представляется, въ вѣнцѣ « имже вѣнча его мати его, и въ день обрученія его и въ день веселія сердца его.» Восточная православная Церковь ввела въ употребленіе при бракосочетаніи вѣнцы, означав-

(1) Новая Скрижаль Преосв. Веніамина. Handbuch der christlichen Archaeologie, III. B. von D. I. C. W. *Augusti*. Leipz. 1837, in-8.

шіе, по толкованію Св. Іоанна Златоуста, « побѣду надъ соблазнами и сочетаніе двухъ въ плоть едину.» Отъ нихъ и самое бракосочетаніе называется *вѣнчаніемъ* (*στεφάνωμα*) т. е. благословеніемъ церковнымъ, которое преподается новоневѣстнымъ съ возложеніемъ на главы ихъ вѣнцовъ.

Вѣнчанію предшествовало обрученіе перстнями, какъ приготовительная часть брака, въ знаменіе «обрученія Господу Богу церкви честной;» перстень у мужа былъ золотой, у жены—желѣзной или серебряной, (2) знаки преимущества и владычества одного, подчиненности и покорности другой. Въ древнихъ требникахъ встрѣчается еще чинъ *постриганія*, совершавшагося крестообразно на главѣ вѣнчаемыхъ, предъ возложеніемъ вѣнцовъ, дотолѣ лежавшихъ въ алтарѣ на престолѣ. Послѣ вѣнчанія, въ эктеніи новобрачные нарекались *княземъ* и *княгинею*. (3) Можетъ статься, сіи названія даны имъ отъ того, что въ первые вѣка христіанства на Руси вѣнчались только князья и бояре; ибо современникъ Нестора, Іаковъ черноризецъ представлялъ Митрополиту Іоанну, что « не бываютъ на простыхъ людяхъ благословеніе вѣнчанія; но бояре токмо и « Князья вѣнчаются.» Въ продолженіи семи дней вѣнцы съ новобрачныхъ не снимались; на восьмый день было *разрѣшеніе вѣнцовъ* (*λύσις τῶν στεφάνων*). Сей чинъ церковный совершался съ молитвой, положенною въ Требникѣ, въ возблагодареніе Богу за соблюденіе новобрачныхъ въ цѣломудріи.

Въ послѣдствіи эти обряды сокращены и вѣнцамъ брачнымъ дана форма короны.

На эстампѣ подъ N 36, вмѣстѣ съ брачнымъ вѣнцомъ изображена святительская панагія, золотая; на лицевой сторонѣ ея вставленъ древній камей, представляющій Пророка Даніила (*προφῆτις Δανιηλς*) съ двумя львами при подножіи; вокругъ камея четыре самоцвѣтные камня въ гнѣздахъ, размѣщенные крестообразно. На обратной сторонѣ вырѣзанъ крестъ на Голгоѳѣ съ вѣнцомъ на междукрестіи, съ копіемъ и тростію; на поляхъ слѣдующая надпись: « в сей иконѣ мощи святаго Апостола Андрея Первозваннаго « и святаго Апостола Варнавы, святаго Великомученика Георгія, святаго « мученика Анѳеногена, да мощи Царя Константина.»

Хотя въ надписи на эстампѣ и означено, что панагія сія принадлежала « Іосифу, Митрополиту Вологодскому;» но между Іерархами Вологодской

(2) Потребникъ мірской. М. 1639, въ л.

(3) Требникъ уставный, на бумагѣ, въ 4, конца XVI, или начала XVII вѣка. Изъ библіот. Кн. М. А. Оболенскаго.

Епархіи не было Митрополитовъ, а Епископы и Архіепископы, въ числѣ которыхъ встрѣчаются Архіепископъ Іосифъ I, хиротонис. 1708 г. и Іосифъ II, хиротон. 1761 г. По описи же соборной, панагія сія извѣстна подъ именемъ *Іосифовской* отъ того, что взята изъ Іосифовскаго Волоколамскаго монастыря, гдѣ окончилъ жизнь свою Всероссійскій Митрополитъ Даніилъ, лишенный святительскаго сана, 1539 года. По всему вѣроятію, эта панагія ему принадлежала; въ чемъ удостовѣряетъ изображеніе на ней тезоименитаго ему Пророка Даніила. Послѣ кончины сего Святителя, извѣстнаго въ гражданской Исторіи распрями своими съ боярами, а въ церковной Словесности своими полемическими сочиненіями, сіе знаменіе святительства его, вѣроятно, по завѣщанію, поступило въ Успенскій соборъ, гдѣ онъ поставленъ въ Всероссійскіе Митрополиты 1522 года, Февраля 27, изъ игуменовъ Іосифова Волоколамскаго монастыря.

ЗОЛОТОЕ КАДИЛО

ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ.

(Рисунокъ Отд. I. № 38.)

Кадило это, драгоцѣнное по металлу и по камнямъ, его украшающимъ, равно и по искусной работѣ, вѣсомъ 4 фунта, $33\frac{1}{2}$ золотника. Чашкѣ его съ крышкою дано художникомъ подобіе одноглавой церкви съ рѣшетчатыми окнами и съ осмиконечнымъ на главѣ крестомъ. На внѣшнихъ ея стѣнкахъ между арабесками наведены чернью Соборъ Архангела Михаила и лики Святыхъ, въ числѣ которыхъ видны тезоименитые Царю Θеодору Іоанновичу и Царицѣ Иринѣ св. Θеодоръ Стратилатъ и св. мученица Ирина. Въ гнѣздахъ по мѣстамъ вставлены изумруды и яхонты, граненые и неграненые. Четыре кольчатыя цѣпи, къ коимъ прикрѣплено кадило, имѣютъ въ срединѣ четыре креста съ яхонтами; самая ерданка, или рукоять изъ чистаго золота, богато украшена чернью и драгоцѣнными каменьями. Казалось, мастеръ истощилъ свое искусство, чтобы сдѣлать утварь сію, сколь можно, великолѣпнѣе, согласно съ желаніемъ усердствовавшей особы.

Хотя въ надписи на рисункѣ и сказано, что кадило сіе Царя Θеодора Алексѣевича; но на поддонѣ изъ узловатой надписи, наведенной по золоту чернью, узнаете, что « кадило сіе сдѣлано повелѣніемъ Благовѣрныя Великія Государыни, Царицы и Великія Княгини Ирины, во иноцѣхъ Александры по Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ къ его Царскому гробу, 1598 году.

ДРЕВНІЯ КАДИЛА.

(Рисунокъ Отд. I. № 39.)

То высокое значеніе, какое Православная Церковь даетъ кадилу, употребляемому при богослуженіи, побуждаетъ насъ присоединить къ историческо-археологическому описанію двухъ изображенныхъ здѣсь кадилъ XVII вѣка, замѣчанія о происхожденіи, употребленіи и знаменованіи куренія ладаномъ и кадилъ.

Всѣ восточные, греческіе и латинскіе Требники и Служебники почитаютъ куреніе ѳиміама однию изъ существенныхъ принадлежностей богослуженія. Начало этому находимъ въ ветхозавѣтныхъ обрядахъ. (1) Самъ Богъ чрезъ Моѵсея повелѣлъ Аарону « кадить надъ Кивотомъ ѳѵміамомъ сложенымъ бла« говоннымъ рано по утру и съ вечера, когда вжигаются свѣтила.» *Исход.* XXX, 7 и 8. Апокалѵпсисъ изображаетъ намъ кажденіе Ангела предъ алтаремъ, да « вознесетъ молитвы Святыхъ къ Богу.» *Апокал.* VIII. 3.

Древнѣйшее свидѣтельство объ употребленіи ѳѵміама въ Церкви новозавѣтной находимъ въ III правилѣ св. Апостолъ : « Не лѣть приносити что « въ жертвенникъ, развѣ елей въ святый свѣтильникъ и ѳѵміамъ во время « божественнаго возношенія.» Это свидѣтельство дополняется св. Діонисіемъ Ареопагитомъ, который въ церкови. Іерархіи, гл. 3. говоритъ, что « священнодѣйствіе начиналось куреніемъ ѳѵміама предъ алтаремъ и во всемъ

(1) Handbuch der christlichen Archaeologie von Dr. C. W. *Augusti.* III B. Leipzig, 1836, in-8.

святилищѣ.» Первый примѣръ кадильницы золотой (*θυμιαστήριον*, thuribulum) встрѣчаемъ у Евагрія Hist. eccles. VI, 21; но историкъ говоритъ объ ней, какъ уже объ извѣстной вещи. А Григорій Великій подтверждаетъ, что ни одинъ церковный обрядъ не обходится безъ куренія ладана и ѳуміама. По сему не справедливо сказаніе Платины въ жизни Сикста I и Полидора Виргилія, будто Левъ III первый ввелъ въ литургію куреніе ладаномъ.

По ученію Церкви, куреніе ѳуміама означаетъ не только восхожденіе усердныхъ молитвъ къ Богу, но и нисхожденіе благодати Духа Святаго, таинственно услаждающей души вѣрующихъ. « Кажденіемъ, говоритъ св. Симеонъ Солун. « святыя мѣста и вещи чествуются, а предстоящіе освящаются.»

Нерѣдко этотъ сосудъ представляетъ подобіе одноглавой церкви, каково напр. кадило Препод. Никона въ Троицкой лаврѣ. Кадила, имѣющія видъ пятиглавой церкви, называются *Патріаршими*, потому что онѣ употреблялись при Патріаршихъ служеніяхъ.

Въ Никоновской Скрижали объяснено символическое значеніе всѣхъ частей кадила. Родъ ручныхъ кадильницъ въ нѣкоторыхъ пустыняхъ и скитахъ извѣстенъ подъ именемъ *кацей*. (2)

Изображенныя же здѣсь кадила, серебряныя съ позолотою, состоятъ изъ двухъ полусферическихъ чашекъ, накрывающихъ одна другую. Верхъ ихъ увѣнчанъ церковною главой, на одной съ четвероконечнымъ, а на другой съ осмичастнымъ крестами. По ободку надпись вязью показываетъ, что онѣ устроены въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича 1644 года.

Сіи кадила, такъ равно и серебряное блюдо, замѣчательное по изяществу работы и по старинѣ, принадлежатъ Московскому купцу Лаврову.

(2) « Каціи, или кадильницы съ рукоятками введены въ употребленіе ради воспоминанія явленія въ нѣкоемъ общежитіи Ангела.» См. Истор. описаніе Глинской Богородицкой пустыни, сост. *И. Самойловымъ.* 2 ч. Спб. 1836, 8. Но Е. Р. Ф. въ Исторіи Русской Церкви съ 988—1237 г. стр. 96, пр. 146, объясняетъ *кацею* кропильною чашею отъ чешск. сл. *кацати*, брызгать водою. Карамзинъ слова Кіев. Лѣтоп. « и кадильницы двѣ и *каца* » читаетъ неправильно *какое*. *Карамз.* И. Г. Р. 11, пр. 296.

АЛАВАСТРЪ.

(Рисунокъ Отд. I. № 40.)

Это узкогорлый металлическій сосудъ, покрытый перламутровою чешуей, съ крестомъ на верху изъ драгоцѣнныхъ камней; алавастромъ онъ названъ отъ ἀλβάστρον, алебастръ и сосудъ изъ него для храненія ароматъ. По преданію, онъ представляетъ подобіе того самаго алавастра, изъ коего Марія Магдалина изліла драгоцѣнное мνро на ноги Іисусовы, какъ свидѣтельствуетъ св. Евангелистъ Марко XIV, 3. Въ первые вѣка Русскаго Христіанства алавастръ съ мνромъ присланъ изъ Греціи въ Кіевъ, откуда взятъ въ Москву. По древнему обычаю, при таинственномъ освященіи мνра въ Успенскомъ соборѣ, въ память общенія нашей отечественной Церкви съ Восточною, прибавляется изъ алавастра въ составъ мνра нѣсколько капель и пополняется новымъ, чтобы никогда не изсякалъ сей священный источникъ.

КОРОНКА НА ГВОЗДЬ ГОСПОДЕНЬ.

(Рисунокъ Отд. I. № 41.)

Среди святынь Московскаго Успенскаго собора находится гвоздь Господень въ серебряномъ чеканномъ ковчегѣ. Верхъ этого ковчега украшенъ золотою коронкой съ четвероконечнымъ крестомъ, усѣянною драгоцѣнными камнями. На корпусѣ ея наведены эмалью четыре Херувима, а по ободку вычеканена надпись изъ церковныхъ Грузинскихъ письменъ, которую здѣсь передадимъ по объясненію Академика Броссе: « Царь всея Грузіи Давидъ, сынъ Русуданы, соорудилъ влагалище для святаго гвоздя. » (1) Г. Броссе почитаетъ сего Давида за Нарина-Давита, царствовавшаго въ Грузіи съ 1237 по 1272 годъ. Но стиль самой коронки и письменъ, по видимому, относятся къ позднѣйшему времени, такъ какъ и ковчегъ, устроенный въ концѣ XVII вѣка Имеретинскимъ царемъ Арчиломъ сыномъ Вактанга IV.

Сей государь, нашедшій себѣ покровительство и пристанище у Русскаго Царя, привезъ въ Москву въ 1686 г. сію святыню, которая, по преданію, дарована была Грузіи первымъ ея христіанскимъ государемъ Миріаномъ, современникомъ Константина Великаго. До 1715 года гвоздь Господень хранился въ домовой его церкви. Когда же, по просьбѣ брата сво-

(1) Monographie georgienne de Moscou, par M. Brosset. 1838, à S. P. in-8.

его Георгія, Арчилъ послалъ его въ Грузію, гдѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе: тогда губернаторъ, остановивъ ковчегъ съ св. гвоздемъ въ Казани, донесъ объ этомъ Императору Петру I. Государь повелѣлъ препроводить сію святыню въ Москву для храненія въ Большомъ Успенскомъ соборѣ. (2)

(2) Заволжскій Муравей, Казань. 1833.

ЯШМОВЫЙ СОСУДЪ

ДЛЯ ЦАРСКАГО МѴРОПОМАЗАНІЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 42, 43.)

Въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора хранится яшмовый (сосюритовый) сосудъ съ поддономъ и крышкою изъ того же камня съ золотымъ вѣнцемъ и ободками, покрытыми прекрасною эмалью. На крышкѣ припаяна изъ золота съ эмалью змѣя, свившаяся кольцомъ, какъ сѵмволъ мудрости и здравія.

Повидимому, стиль и работа сосуда принадлежатъ новѣйшей эпохѣ художествъ.

Сколько замѣчательна эта утварь по цѣнности матеріала и по изяществу отдѣлки, столько почтенна по употребленію ея при вѣнчаніи на царство Государей Россійскихъ; ибо въ нее тогда вливаютъ священное мѵро, для ихъ помазанія.

Нѣкоторые изъ нашихъ любителей отечественной старины, особенно г. Свиньинъ въ Картинахъ Россіи 1838 г. (1) выдавали яшмовый сосудъ за « крабійцу Августа Кесаря, » которую, по свидѣтельству Русскихъ лѣтописей, прислалъ 1113 г. Греческій Императоръ Алексій Комнинъ къ Великому Князю Владиміру Мономаху съ царскою утварью. Сосудъ этотъ тѣмъ болѣе казался драгоцѣннымъ для державцевъ Русскія земли, что принадлежалъ Августу Кесарю Римскому, котораго они признавали родоначальникомъ

(1) Прежде его издатель Историч. Путеводителя по Москвѣ, 1827 г. 1.

Рюрика. (2) Въ духовныхъ же грамотахъ Великихъ Князей, начиная отъ сына Калиты Іоанна I до Василья II, (3) упомянута *сердоничная* и *сердоличная коробка, кованая золотомъ*, которая переходила въ наслѣдство къ старшему сыну. Вѣроятно, это была таже самая сердоликовая крабія, изъ коей, по словамъ нашихъ лѣтописей, « веселяшеся Августъ Кесарь. » При этомъ надобно замѣтить, что нѣкоторые изъ Византійскихъ Императоровъ присвоивали себѣ титло Августовъ и Кесарей. Чтожъ касается до слова *крабія, крабица*, то оно встрѣчается намъ и въ Чешскомъ языкѣ : krabice, krabia отъ krabaty, вогнутый, выдолбленный, scrinium, скрынка, коробочка, ковчежецъ. (4) Подобное названіе могло быть дано въ древности сосуду, высѣченному изъ драгоцѣннаго камня. Въ описяхъ Оружейной Палаты XVII вѣка между посудою или судами упоминается и *крабійца*.

Посмотримъ теперь, съ какого времени она появляется при мѵропомазаніи Государей Россійскихъ.

Послѣ перваго торжественнаго вѣнчанія на царство юнаго Димитрія, въ 1498 году, державный его дѣдъ Іоаннъ III подарилъ ему на пиршествѣ *сердоликовую крабію Августа Кесаря.* Изъ словъ Ростовскаго лѣтописца не видно, чтобы Димитрій принялъ помазаніе мѵромъ при вѣнчаніи и чтобы Августовъ сосудъ употребленъ былъ при этомъ св. обрядѣ, хотя въ рѣчи своей къ вѣнчанному на царство отроку Всероссійскій Митрополитъ Симонъ сказалъ : « да сподобитъ его Богъ помазатися елеемъ радости. » При вѣнчаніи на царство Василія III и Іоанна IV современные имъ лѣтописцы не упоминаютъ ни объ Августовой крабіи, ни о мѵропомазаніи, о коемъ свидѣтельствуетъ только новая рукописная Степенная книга. (5) Но вѣроятно, чинъ сего священнодѣйствія показался недостаточнымъ; потому что Царь Іоаннъ Васильевичь, по свидѣтельству Курбскаго, посылалъ къ Цареградскому Патріарху Соловецкаго инока Ѳеодора просить чина Царскаго вѣнчанія. Первый изъ Царей Русскихъ, сколько намъ извѣстно, Ѳеодоръ I удостоенъ сего освященія; но въ чинѣ его вѣнчанія не сказано, изъ какого именно сосуда онъ былъ помазанъ св. мѵромъ, хотя всѣ принадлежности сего обряда, по обыкновенію, исчислены подробно.

(2) Русская Лѣтопись съ Воскресенскаго списка. Спб. 1793. — Собраніе Госуд. грам. I 303 и 599.

(3) Древн. Росс. Вивліоѳика, I, 423.

(4) Slownic česko.-německyj. *Jungmanna.* w Praze, 1836.

(5) *Карамз.* И. Г. Р. VIII, пр. 161.

Пересмотримъ чины вѣнчанія послѣдующихъ Царей, не встрѣтится ли эта крабія при ихъ муропомазаніи. Для помазанія Царей: Михаила Θеодоровича въ 1613 г. принесли Архіепископы и Епископы великое и святое муро на *златомъ блюдѣ;* (6) а для Алексія Михаиловича въ 1645 г. *скляничный Венецейскій драгій сосудъ.* (7) Изъ дѣлъ придворнаго Архива узнаемъ, что въ 1682 году къ коронаціи Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей велѣно было передать изъ мастерской Оружейной Палаты въ Успенскій соборъ для муропомазанія *розсольникъ,* а въ самомъ описаніи ихъ вѣнчанія на царство сказано, что: « великое, святое и пречистое муро принесено Архіереями « на златомъ блюдѣ *въ хрустальномъ драгомъ сосудѣ:»* слѣдовательно этотъ розсольникъ былъ хрустальный, а не сердоликовой и не яшмовой. (8) Изъ чина коронованія Императрицы Екатерины I, въ 1724 г., видимъ только, что св. муро подано на блюдѣ въ *собственномъ сосудѣ,* т. е. назначенномъ для сего священнаго дѣйствія. Наконецъ въ описаніи коронаціи Императрицы Анны Іоанновны 1731 г. является описываемый нами яшмовый сосудъ, коего и рисунокъ приложенъ къ книгѣ, гдѣ онъ названъ *нарочнымъ къ тому дѣлу драгимъ сосудомъ,* а въ церемоніалѣ коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны 1742 г. *нарочно къ тому приготовленнымъ драгимъ яшмовымъ, пребогато золотомъ и преизрядно финифтью* съ *рѣзною работою украшеннымъ,* и даже въ чинѣ дѣйствія коронованія Императора Александра I, 1801 г.—*драгоцѣннымъ сосудомъ, для сего великаго дѣла нарочно устроеннымъ.* Слова: *собственный, нарочный* и *нарочно приготовленный къ тому*—не значатъ ли, что этотъ сосудъ былъ въ началѣ XVIII вѣка устроенъ и назначенъ для муропомазанія? Потомъ въ обозрѣніи достопамятностей Успенскаго собора, Протоіерея его А. Левшина, 1783 г., читаемъ: « Сосудъ яшмовый и съ покрышкою, изъ котораго благо- « честивѣйшихъ Государей помазаютъ муромъ; по верхъ той крышки змѣйка « золотая съ финифтомъ высокой работы.»

Нигдѣ доселѣ въ оффиціальныхъ извѣстіяхъ не сказано, чтобы это была *Августова крабійца,* которую лѣтописи и грамоты называютъ *сердоничною, сердоличною, сердоликовою,* и нигдѣ не встрѣчается подтвержденій мнѣнію, что яшмовый сосудъ, съ начала XVIII вѣка, употребляющійся при муро-

(6) Рукопись: Вѣнчаніе на царство Ц. и В. К. Михаила Θеодоровича 7121 г. N 82, въ 4 въ Главн. Архивѣ М. И. Д.
(7) Древн. Росс. Вивліоѳика, VII. 463.
(8) тамъ же.

помазаніи Государей, была Августова утварь. За подлинно также неизвѣстно, куда дѣлась Августова крабійца сердоничная. Не утратилась ли она въ нашествіе Поляковъ, или не перешла ли, по завѣщанію или сдѣлкамъ Московскихъ державцевъ, къ Рязанскимъ Князьямъ?

При этомъ не льзя оставить безъ вниманія одной сердоликовой чаши въ собраніи антиковъ Графа С. Г. Строганова; она получена изъ Рязанской губерніи, гдѣ, еще 1822 года, въ старой Рязани найдены древнія Княжескія утвари, теперь хранящіяся въ Оружейной Палатѣ и сходныя съ означенною чашей (9). Можетъ статься, и она принадлежала къ числу этихъ утварей.

Сосудъ этотъ изъ цѣльнаго сердолика, оправленъ въ золото; его золотый поддонъ, украшенный скапью и венисами въ гнѣздахъ, или оправахъ, походитъ фигурою своей на Мономахову шапку. На *пузѣ* (корпусѣ) его наведены посредствомъ инкрустаціи золотыя полосы, однѣ пересѣкаемыя другими; по мѣстамъ насажены рубиновыя искорки въ золотыхъ репьяхъ. Подъ вѣнчикомъ наведены золотомъ слѣдующія слова, дающія поводъ къ разнымъ догадкамъ, болѣе или менѣе вѣроятнымъ: ✠ *В В П Δ К Θ Т Ξ Н.*

Основываясь на предположеніи Графа Строганова, подтвержденномъ г-мъ Газе, предлагаемъ объясненіе сихъ монограммъ:

В. В: Βασιλεὺς βασιλέων, Царь Царей. Это титло Византійскихъ Императоровъ часто встрѣчается на легендахъ, такъ какъ *П Δ πορφυρογέννητος Δεσπότης*, Порфирородный Владыка.

К. Θ. Κωνσταντῖνος Θεοφίλου, или *Θέκλα*.

Этотъ Константинъ, по мнѣнію однихъ, былъ сынъ, а по другимъ, внукъ Θеофила иконоборца и Θеодоры, поборницы иконопоклоненія. На монетахъ 856 года онъ изображается вмѣстѣ съ Михаиломъ III, который, по свидѣтельству Льва Грамматика, имѣлъ его отъ Евдоксіи Пафлагонянки. Въ числѣ Византійскихъ монетъ одна представляетъ Михаила и Константина на обратной сторонѣ, а Θеофила на лицевой, тогда когда уже сего послѣдняго не было въ живыхъ. И такъ, ежели *Θ* читать *Θεοφίλου*: то выдетъ, что Константинъ былъ Θеофиловъ сынъ или внукъ (*ἔγγονος, ἀπόγονος* или *υἱός*), или въ буквальномъ переводѣ: боголюбезный и благочестивый—титло Государей. Но какъ у Θеофила была дочь Θекла, которая, и по заключеніи ея матери св. Θеодоры и сестръ въ монастырь, признана была Августою и участвовала

(9) Письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи К. *Калайдовича*. М. 1823. въ 8.

въ правленіи: то могло статься, что Θ начальная буква означала ея имя. Смутная эпоха этого правленія продолжалась отъ 859 до 866 года (10) т. е. до начала царствованія Василія I Македонянина, современника нашему Варяго-Руссу Рюрику. (11) Потомъ, ежели принять, согласно съ мнѣніемъ Графа Строганова, остальныя три буквы (съ черточкой вверху) надписи ΤΞΗ за цыфры 368: то, подразумѣвая 6000, выдетъ, что утварь сія относится къ 860 году, когда жили Θеодора, Константинъ и Θекла.

Соображая всѣ сіи обстоятельства, приходишь къ догадкѣ, не есть ли этотъ сердоликовый сосудъ та самая сердоликовая Августова крабія, или сердоличная коробка, о коей упоминаютъ наши лѣтописи и грамоты.

(10) Essai de classification des suites monétaires Byzantines, par F. de *Sauley*. Metz. 1836, in-8.
(11) Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinichen Chronologie, von *P. Krug*, S. P. 1810, in-8.

НОВГОРОДСКАЯ БРАТИНА.

(Рисунокъ Отд. I. № 44, 45.)

Братиной названъ въ надписи на эстампѣ, у Кеппена кратиромъ (*κρατὴρ*) (1) этотъ серебряный вызолоченный сосудъ съ двумя ручками, болѣе похожій на стопу, или достоканъ, какіе употреблялись для почерпанія Богоявленской воды ; (2) потому что братина собственно была круглый, кубовастый сосудъ, сходный съ горшкомъ. Иногда принимался онъ за извѣстную мѣру жидкихъ тѣлъ, (которая была менѣе стопы), ставился на монастырскихъ и святительскихъ трапезахъ, служилъ тамъ чашей. Общія, братскія, круговыя чаши, подъ именемъ *богородичныхъ*, или *Пречистыя*, *трапезныхъ*, *тропарныхъ*, *заздравныхъ* и т. д. предлагались присутствовавшимъ по очередно и переходили изъ рукъ въ руки. Чаша Пречистыя съ виномъ или медомъ подаваема была на царскихъ, святительскихъ и монастырскихъ столахъ въ честь и славу Пречистыя Богородицы, преимущественно въ праздники Богородичныя ; *тропарною* она именовалась отъ пѣнія тропарей въ продолженіи сего дѣйствія. Св. Θеодосій Печерскій дозволялъ въ монастырѣ своемъ три чаши тропарныя, одну во славу І. Христа, другую въ честь Пречистыя Богородицы, а третью за здравіе Князя. Послѣднюю Византійскіе историки называютъ *Σδράβιτζα*, *здравицею*, заздравною чашею. (3) За Царскими столами, въ Москвѣ,

(1) Списокъ Русскимъ памятникамъ. М. 1822, въ 8.

(2) Въ Уставѣ Москов. Патр.; « Въ навечеріи Богоявленія изъ кратира самъ Патріархъ трижды причастился воды и Государю подавалъ.» *Древн. Росс. Вивліоѳ.* VI, 159.

(3) Scyphus mero plenus. *Manuel. Matal.* in Chron. M. S. p. 629.

Патріархъ, при чтеніи канонарха, дѣйствовалъ надъ чашею Пречистыя. (4) И такъ Новгородскій кратиръ, вѣроятно, служилъ такою чашею или употребляемъ былъ для почерпанія св. воды.

Литохромированный здѣсь кратиръ, въ половину натуральной величины, замѣчателенъ по искусству, особенной замысловатости и красивости обронной работы. Въ первомъ мѣстѣ, на внѣшнихъ разграненыхъ стѣнкахъ, представляются изображенія І. Христа, одною рукой благословляющаго, а въ другой держащаго Евангеліе, потомъ Богоматери съ простертыми въ моленіи дланями, далѣе ѡ агиосъ Петръ съ жезломъ и свиткомъ въ рукѣ, и агиа Варвара и и агиа Настасіа съ крестами въ рукахъ. Величина фигуръ не превышаетъ шесть головъ. Вокругъ ихъ размѣщены чеканные узоры въ Византійскомъ вкусѣ, состоящіе изъ птицъ и переплетенныхъ между собою листьевъ и цвѣтовъ. Верхъ поддона обнимаетъ бафтъ изъ чеканныхъ костей. По ободку, или вѣнчику простирается надпись, которую мы предлагаемъ по спиику г. Солнцева: піите из неа всі, се їесть кръвь моа новго завѣта; потомъ на поддонѣ: ✠ съ съсудъ Петрова.

Судя по первой надписи, сосудъ этотъ долженъ быть служебнымъ потиромъ (*ποτήριον ἅγιον, μυστικὸν*); но самая его форма и названіе показываютъ другое его назначеніе въ священнодѣйствіи, именно то, какое имѣли кратиры. Вѣроятно, малограмотный художникъ снялъ надпись съ какого нибудь древняго потира, на коихъ обыкновенно она изображается; но не забылъ начертать свое имя на днѣ сосуда въ слѣдующей употребительной формулѣ: Гн҃ помози рабоу своемоу Константіноу. Когда дѣлалъ. аминь.

Чтожъ касается до вкладчика Петрова, то намъ не извѣстно его историческое значеніе: о соименномъ же и современномъ ему гостѣ Петровѣ упоминаетъ Нижегородская лѣтопись, въ XV вѣкѣ, что «не было больше «его изъ гостей, что онъ своею казною откупилъ множество плѣнныхъ, «пріобрѣлъ себѣ покупкою вотчины у В. Князя за Кудмою рѣкою, на «рѣчкѣ на Сундованѣ шесть селъ; потомъ переселился въ Москву.» (5) Одно ли это лице, или разныя, рѣшить не можемъ. Изображенные на кратирѣ Святые, безъ сомнѣнія, имѣютъ отношеніе къ семейству соорудителя

(4) Древняя Росс. Вивліоѳика, XI, 183 и 85.
(5) *Карамз.* И. Г. Р. V, пр. 45.

сей утвари; потому что вкладчики не рѣдко на утваряхъ церковныхъ и иконахъ изображали лики тезоименитыхъ себѣ Святыхъ. Хотя въ соборной описи и сказано, что кратиръ сдѣланъ тщаніемъ Архіепископа Евѳимія; но неизвѣстно, котораго: Евѳимія ли, по прозванію *брадатаго*, съ 1423 по 1429 г. или Евѳимія *святаго*, съ 1429 по 1458 годъ; самая на сосудѣ надпись ничего объ этомъ не говоритъ. Другой подобный сему кратиръ пожертвованъ Петриловымъ и женою его Варварою, а дѣланъ Ѳъроломъ Братиловымъ, какъ значится въ самой надписи. И такъ два еще доселѣ неизвѣстныя имени Константина и Флора должны быть внесены въ списокъ Русскихъ художниковъ, гдѣ занимаютъ почетное мѣсто Козьма, Парамша, Шишка, Макаръ и проч.

Письмена на обоихъ сосудахъ сходны между собою, но на послѣднемъ нѣтъ уже буквы ІЕ, встрѣчающейся на первомъ; вмѣсто буквы О и Е, употребленъ Ѣ.

НОВГОРОДСКАЯ ЛАМПАДА.

(Рисунокъ Отд. I. № 46, 47.)

Такъ называемая *лампада Великаго Князя Владиміра*, или *свѣчка Великаго Новгорода* хранится въ ризницѣ Софійскаго Новгородскаго собора; въ описи его сказано: «лампада большая, мѣдная, Греческая, сквозная, на верхнемъ обручѣ и вокругъ образа рѣзные Херсонскіе.» Объ ней мимоходомъ упоминаютъ Кеппенъ въ спискѣ Русскихъ Памятниковъ и Аделунгъ въ сочиненіи о Корсунскихъ вратахъ.

Внѣшность ея заслуживаетъ вниманіе по художническимъ орнаментамъ и лицамъ историческимъ.

Обручи или ободы съ поддонами двухъ ярусовъ этого паникадила украшены искусною сквозною рѣзьбой, которая изображаетъ, между лиліями и узорами, Деисуса съ предстоящими ему двумя Архангелами, Апостолами Петромъ и Павломъ, и другими Святыми; въ числѣ ихъ находятся св. Петръ (Петра), св. Василій, два Саввы и Сергій, какъ можно видѣть изъ Славянскихъ надписей у Святыхъ на хартіяхъ, разобранныхъ Г. Солнцевымъ. На верхнемъ и нижнемъ обручахъ вычеканены, въ коймахъ, крылатые центавры съ такими жъ скипетрами и державами, какіе у Архангеловъ; на поддонахъ шестокрылые Херувимы и также центавры.

Подобное смѣшеніе предметовъ христіанскихъ съ языческими, какъ прежде замѣтили мы, допускалось на многихъ памятникахъ не только за-

падной, но и восточной Церкви. Чтожъ касается до стиля сего паникадила, то онъ ближе къ готическому и ломбардскому хотя и слыветъ, подобно другимъ древнимъ памятникамъ искусства въ Россіи, *Корсунскимъ*; можетъ быть, это паникадило сдѣлано подъ вліяніемъ Ганзейскихъ художниковъ.

Кромѣ церковной описи 1804 года, въ письменныхъ памятникахъ не находится свидѣтельствъ, а самая лампада не представляетъ достовѣрныхъ признаковъ, по коимъ можно бы отнести ее ко времени св. Владиміра. По недостатку данныхъ, обратимся къ именамъ Святыхъ, здѣсь изображенныхъ, которыя не рѣдко способствуютъ къ приблизительному опредѣленію вѣка и значенія художественныхъ памятниковъ. Между ними замѣтили мы св. Петра въ святительскомъ облаченіи, а Сергія въ одеждѣ преподобнической. Ежели первый не Епископъ Севастійскій, братъ св. Василія Великаго и Григорія Нисскаго, ежели не одинъ изъ Епископовъ Никійскихъ, или Александрійскихъ III вѣка, то долженъ быть св. Петръ Митрополитъ Всероссійскій, прославленный отечественною Церковію въ XIV вѣкѣ. Въ мѣсяцословѣ также не одинъ Преподобный Сергій; ибо Марта 20 празднуется память Преподобнаго Сергія, убіеннаго въ обители св. Саввы отъ Сарацынъ въ VIII вѣкѣ; Іюня 28 Препод. Сергія Валаамскаго XV вѣка; Іюля 5 Препод. Сергія Радонежскаго, котораго св. мощи открыты въ 1427 году. Принявъ святителя за Севастійскаго или Никійскаго Епископа мы поставимъ преданіе на нѣкоторую степень вѣроятности; признавъ же за Преподоб. Сергія одного изъ двухъ послѣднихъ, изображенныхъ на лампадѣ, находимъ преданіе не основательнымъ и должны отнести этотъ памятникъ не ко времени св. Владиміра, но къ началу или половинѣ XV вѣка. Тогда уже Великій Новгородъ чествовалъ новоявленныхъ Святыхъ отечественной Церкви, Петра Митрополита и Преподобныхъ Сергія Радонежскаго и Валаамскаго; въ 1414 году во имя перваго сооружена была каменная церковь на вратахъ у святой Софіи. (1)

Самое же названіе Софійской лампады *свѣчкою Великаго Новгорода* даетъ поводъ предполагать, что она была обѣтнымъ его приношеніемъ дому святой Софіи въ память какого либо важнаго событія. Священнымъ же именемъ Владиміра преданіе запечатлѣло какъ этотъ, такъ и другіе памятники храмоваго художества, въ знакъ народнаго благоговѣнія къ Равноапо-

(1) Новгородская III лѣтопись.

стольному Князю. Могло случиться, что лампадѣ присвоено названіе Владимировой потому, что она посвящена была Новгородомъ гробу св. благовѣрнаго Князя Владимира Ярославича, въ Софійскомъ соборѣ; ибо самыя граматы, лѣтописи и преданія не рѣдко смѣшиваютъ имена сего Владимира и Владимира Мономаха съ Равноапостольнымъ Владимиромъ.

ЖЕЛѢЗНОЕ НОВГОРОДСКОЕ ПАНИКАДИЛО.

(Рисунокъ Отд. I. № 48.)

Когда, по прибытіи въ Новгородъ Архіепископа Пимена, въ 1558 году, открыты были св. мощи Епископа Новгородскаго Никиты, которыя скрывала могила 450 лѣтъ: тогда Новгородцы, благоговѣйные къ его памяти, устроили къ гробу его желѣзную лампаду, или такъ названную свѣчу. По формѣ своей и знаменованію тверди, она сходствуетъ съ древними хоросами, (coronæ, circuli), (2) какіе употреблялись въ церквахъ и вѣшаемы были предъ св. иконами и мощами ; также называется *кандиломъ* (*κανδῆλα,* candela, candelabrum), а отъ многихъ свѣчь — *поликандиломъ,* или *паникадиломъ,* которое вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 12 свѣчь, и тѣмъ разнится отъ перваго. Въ круговой прорѣзной надписи на ней изображено узловатыми вызолоченными словами: Свѣча Великаго Новгорода всѣхъ православныхъ хрестьянъ поставлена ноко-мꙋ чꙋдотворцꙋ Никитѣ а лѣто ҂зѯѕ Апрѣля к҃ а день, при Архіепіскопѣ Пименѣ.

(1) Новгородскія Губерн. Вѣдомости, 1848, N 9.
(2) *Григоровича Барскаго* путешествіе ко св. мѣстамъ, стр. 521.

СЕРЕБРЯНАЯ ДАРОХРАНИТЕЛЬНИЦА.

(Рисунокъ Отд. I. № 49, 50, 51, 52.)

О значеніи дарохранительницъ, или правильнѣе сказать, Сіоновъ и Іерусалимовъ, упомянуто въ предыдущихъ статьяхъ о подобныхъ утваряхъ въ соборныхъ церквахъ Новгорода и Москвы. Чтожъ касается до древности этого Новгородскаго Сіона, то, кромѣ стиля чеканной и рѣзной работы, ни надписи, ни мѣстныя описи, ни преданія ничего о немъ не сообщаютъ. На кровлѣ его вычеканены поясныя изображенія Деисуса: т. е. Спасителя, съ девятью чинами, въ вѣнцѣ, одною рукой благословляющаго двуперстнымъ сложеніемъ, а въ другой держащаго Евангеліе; Богоматери и Предтечи въ моленіи; Архангеловъ Михаила и Гавріила съ жезлами въ рукѣ и ,, ο ΑΓΪω ΒΛΛΗΪ,, (Василія) въ фелони и омофорѣ. Если это дѣйствительно св. Василій Великій: то онъ помѣщенъ здѣсь, какъ составитель Литургіи, или какъ тезоименитый св. Василію Архіепископу Новгородскому, который устроилъ въ Софійскомъ соборѣ мѣдныя, вызолоченыя двери и въ 1338 г. велѣлъ Гречину Исаакію росписать каменную церковь Входъ во Іерусалимъ. На корпусѣ этого Іерусалима вычеканены во весь ростъ св. Евангелисты Лука, Іоаннъ, Матѳѣй и Марко въ одинакихъ одеждахъ, съ Евангеліями въ рукахъ, а другіе семь Апостоловъ съ свитками, только Петръ съ тремя ключами въ одной рукѣ, а въ другой съ жезломъ, который увѣнчанъ крестомъ, утвержденнымъ на полумѣсяцѣ. Очевидно, что художникъ въ изображеніи лицъ подражалъ Византійскимъ образцамъ; самыя надписи, начертанныя от-

вѣсно, состоятъ изъ смѣси греческихъ буквъ съ славянскими, напр. о Агиос Петрос о Агиос Павлъ, *Iω̃ προδρο* т. е. *Iωάννης προδρόμος*, Іоаннъ Предтеча. При нѣкоторыхъ поставлены въ концѣ четыре точки, крестообразно расположенныя, и змѣевидная фигура. Столбики, или правильнѣе, полуколонки, служащія опорами полукруглымъ теремкамъ, такъ равно и другія вычурныя украшенія носятъ на себѣ печать Византійскаго стиля и сходствуютъ съ подобными памятниками XV и XVI вѣковъ. Четвероконечный крестъ, осѣняющій верхъ этого Сіона, имѣетъ на концахъ репьи и шесть яблокъ; онъ утверждается на стояпцѣ, или подсвѣчникѣ съ Херувимами.

ДАРОХРАНИТЕЛЬНИЦА.

(Рисунокъ Отд. I. № 53.)

Дарохранительница сія серебряная, вызолоченная, формою своей сходствуетъ съ подобною утварью, описанною подъ N 49; но разнится тѣмъ, что на верху ея, образа замѣняются репейками изъ самоцвѣтныхъ каменьевъ. Между столбиками нѣтъ перегородокъ и дверцы, какія находятся на первой. На исподней части купола вырѣзанъ четвероконечный крестъ съ изображеніемъ Спасителя на средокрестіи; на концахъ его четыре репейка; на полѣ означенъ вѣсъ: 15 *гривенокъ*. Хотя утварь сія, находящаяся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, попорчена и мѣстами передѣлана; но еще сохраняетъ типъ своей древности, по видимому, восходящей до XV столѣтія.

ПАНАГІЯ АРТОСНАЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 54, 55, 56, 57, 58.)

Утварь сія названа въ надписи на рисункѣ и въ соборной описи, какъ увидимъ, *артосною*. Артосъ (ἄρτος, квасной хлѣбъ), особенною молитвой освященный въ день св. Пасхи, раздается народу въ субботу на свѣтлой седмицѣ; (1) но хлѣбъ, влагаемый въ панагію, есть богородичный. Чтожъ касается до *Панагіи*, *παναγία*, или всесвятой, пресвятой, т. е. Богородицы, то подъ ея названіемъ разумѣется не только троеугольная частица благословеннаго хлѣба, посвященная имени Пречистыя и Пресвятыя Богородицы, но и складный раковинообразный ковчежецъ, вмѣщавшій въ себѣ сію частицу (*παναγιάριον*, ciborium), какой здѣсь изображенъ. За столомъ она возносилась съ молитвословіемъ и, по раздробленіи ея, вкушаема была присутствовавшими. Для такого дѣйствія въ Уставѣ церковномъ положенъ особенный чинъ, (2) донынѣ исполняемый въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и пустыняхъ. При Византійскомъ дворѣ, какъ свидѣтельствуетъ намъ Кодинъ, этотъ обрядъ былъ торжественнѣйшій. « По снятіи кушанья со стола, » говоритъ онъ, « когда Доместикъ приноситъ хлѣбъ въ панагіарѣ (на блюдѣ, покрытомъ « пеленою, съ изображеніемъ Пресвят. Богородицы), тогда Императоръ

(1) см. Послѣдованіе Артоса въ Пентикостаріи въ Тріодѣ цвѣтной, л. 15 и 16.
(2) Чинъ возношенія Панагіи въ Слѣдованной Псалтыри.

« встаетъ ; потомъ первѣйшій изъ сидящихъ за столомъ, принявъ панагіаръ, ставитъ его на трапезу, и возвысивъ хлѣбъ, подаетъ его чрезъ Доместика Императору. Какъ только Императоръ приложитъ къ устамъ « этотъ хлѣбъ, всѣ возглашаютъ ему *многая лѣта.* » (3) Подражаніе этому обряду встрѣчаемъ и при Россійскомъ дворѣ въ XVII столѣтіи. Такъ на родильные Царскіе столы несли предъ Патріархомъ панагіаръ, на коемъ онъ возносилъ богородичный хлѣбъ по уставу. (4) Хлѣбъ сей возвышаемъ былъ не только за трапезою, какъ значится изъ толкованія Сvмеона Солунскаго, но и во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ жизни, если кто « хочетъ отъити на службу, или въ путь шествовати, или по водамъ плавати, « во всѣхъ нашихъ требахъ и обстояніяхъ помощницу тую и хранительницу сущую твердѣйшую призываемъ и множайшую получаемъ отъ возношенія хлѣба сего помощь. » (5) О значеніи, данномъ въ послѣдствіи панагіи, какъ высокому отличію Духовенства, сказано въ своемъ мѣстѣ. (4) Панагія же, вмѣщавшая богородичный хлѣбъ, для различія отъ наперсной, именовалась *столовою, трапезною*, иногда *артосною*, *ἀρτοφορίον*, принимая Артосъ въ общемъ его знаменованіи. Изображенная здѣсь на рисункѣ въ церковной описи Новгородскаго Софійскаго собора 1804 года такъ обозначена : « Подъ N 875 панагія артосная, серебряная, золоченая, « внутри вырѣзана Троица съ Воплощеніемъ, на верху крышки въ кругѣ « Вознесеніе вольящатое, т. е. литое. По краямъ скань золочена, а подъ « панагіею четыре Ангела литые, золоченые, поддонъ на литыхъ львахъ « поддѣланъ мѣдью, мѣстами поломано ; вѣсу въ ней съ мѣдью одиннадцать фунтовъ. » Воплощеніемъ въ описи названъ образъ Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, обыкновенно именуемый Знаменіемъ Пресвятыя Богородицы ; вокругъ ея по краямъ вырѣзанъ ирмосъ : Честнѣйшꙋю херꙋвимъ и славнѣйшꙋю во истиннꙋ серафимъ, безъ истлѣнїѧ Бога слова рождшꙋю, сꙋщꙋю Бцꙋ тѧ величаемъ. Складной ковчегъ влагается сверху въ стоянецъ, поддерживаемый съ четырехъ сторонъ четырьмя литыми Ангелами; они попираютъ львовъ, которые, одинъ у другаго держа въ зубахъ хвостъ, такимъ образомъ соединяются. Изъ этой купы фигуръ слагается цѣлое—сто-

(3) *Codinus* de officiis Curiæ et Ecclesiæ Constantinop. VII, 23.
(4) см. ниже о панагіяхъ Патріаршихъ.
(5) Древняя Росс. Вивліоѳика, XI, 185 и 87
(6) Новая Скрижаль. изд. 4, М. 1816, въ 4.

янецъ для панагіи. Круглый поддонъ по верхнему ободку увѣнчанъ фризомъ изъ цвѣтовъ.

О времени и мѣстѣ сооруженія этой панагіи, равно и о соорудителѣ свидѣтельствуетъ намъ самая на ней надпись:

✠ Въ лѣто ѕ ное. д҃. сотное. лі де (7) индикта ді мца семтбря ді днь на вздвиженье чтнагѡ крта створена бысть понагия си. повелѣньемь пресвщнго Архиепкпа великогѡ Новагорода влцы Еѳудмия при великомъ кнзѣ Васильѣ Васильевичѣ всея Руси. при кнзѣ Юрьѣ Лугвеньевичѣ. при посадникѣ великог Новагород Борисѣ Юрьевичѣ. при тысяцкомъ Дмитреѣ Васильевичѣ. А мастеръ Иванъ Арипъ.

Здѣсь намъ представляются власти духовная и гражданская великаго Новгорода: Великій Князь, Новгородскій Князь, Посадникъ, Тысяцкой и, сверхъ того, самый мастеръ.

Не касаясь В. К. Василія Темнаго, довольно извѣстнаго изъ отечественной Исторіи, скажемъ о прочихъ лицахъ, по ближайшему ихъ отношенію къ Исторіи Великаго Новгорода и къ одному изъ памятниковъ его художества.

Литовскій Князь Юрій Семеновичь, Лугвеньевичь, или Лугвеньевъ съ женою своей переѣхалъ въ Новгородъ 1433 года. Пробывъ тамъ около семи лѣтъ, онъ отправился въ Литву, гдѣ Великій Князь Казиміръ Ягайловичь далъ ему свою отчину: Мстиславль, Кричевъ и другія волости. «Онъ же «возгордясь, засяде Смоленскъ и Полотескъ и Витепскъ, и бяше ему не «полезно, и людемъ мятежъ велій и брань;» по сему онъ того же лѣта удалился въ Москву. (8)

Въ Исторіи Новгорода Евфимій II достопамятенъ не только архипастырскими подвигами, но и сооруженіемъ многихъ каменныхъ церквей и палатъ, поставленіемъ звонящихъ часовъ. По свидѣтельству I Софійскаго лѣтописца, «онъ устрои сосуды церковные служебные и иные сосуды на потребу «церквей.» Къ этому числу отнести можно и описываемую нами панагію, которая показываетъ, на какой степени стояло художество въ добровольномъ Новгородѣ подъ вліяніемъ Ганзейскихъ мастеровъ. Этотъ Архіепископъ, причтенный къ лику Святыхъ, правилъ Епархіей Новгородской съ 1429 по 1458 годъ.

(7) (6944 — 1436)
(8) *Татищева* Истор. Росс. Спб. 1784, IV, 510, 540 и 41.

Новгородскій Посадникъ Борисъ Юрьевичь встрѣчается и въ Новгородскомъ лѣтописцѣ. (9) Имя его на панагіи служитъ къ опредѣленію времени, когда онъ занималъ эту должность.

Дмитрій Васильевичь, какъ Тысяцкой, т. е. военачальникъ въ городѣ, занималъ второе мѣсто послѣ Посадника, какъ Намѣстника.

Наконецъ мастеръ Иванъ Арипъ, дотолѣ нигдѣ не попадавшійся намъ въ письменныхъ памятникахъ, долженъ быть иностранецъ, одинъ изъ Ганзеійскихъ мастеровъ. У Дюканжа въ Словарѣ среднелатин. Aripus значитъ сабля. Но имя это встрѣчается намъ и въ половинѣ XVIII столѣтія. Такъ называемая Запорожская Библія въ 1743 году обдѣлана и украшена золотыхъ дѣлъ мастеромъ Арипомъ. Если онъ былъ потомокъ Новгородскаго «Арипа, жившаго предъ нимъ за три вѣка, какъ замѣчаетъ Академикъ Кеппенъ, то можетъ статься, что, въ продолженіе всего этого времени, мастерство переходило отъ отца къ сыну и тогда у насъ встрѣчаемъ мы нѣкоторымъ образомъ тоже, что иностранцы называютъ Künstlerfamilien.» Какъ I Новгородская лѣтопись упоминаетъ о Нѣмецкихъ и Новгородскихъ мастерахъ, которые приводили въ исполненіе благочестивыя желанія Владыки Новгородскаго: то къ числу первыхъ принадлежалъ и Арипъ, современникъ Флора Братилова и Константина, золотыхъ дѣлъ мастеровъ.

(9) Списокъ Русскимъ памятникамъ. М, 1822, въ 8.

СТАРИННЫЯ ЛАМПАДЫ,

КАЛИТА И ТРУБА ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА.

(Рисунокъ Отд. I. № 59.)

Первыя хранятся въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ уѣзднаго города Александрова, а остальныя въ Печерскомъ монастырѣ близъ Пскова.

Лампады сіи изъ мѣди и серебра, разной формы, какъ значится на рисункѣ; кромѣ стиля и преданія, ничто не опредѣляетъ ихъ древности.

Калита, давшая прозваніе Великому Князю Московскому Іоанну I, есть слово татарское, значущее суму, кошелекъ на поясѣ; оно встрѣчается въ духовныхъ грамотахъ Великихъ Князей. (1) Калита Іоанна IV устроена изъ красной камки съ серебряными вызолочеными бляшками. Сходный съ нею кошелекъ находится въ собраніи древностей у П. Ѳ. Карабанова. По видимому, набожный Царь оставилъ эту калиту на память въ любимой имъ Псково-Печерской обители, которой не могъ взять Стефанъ Баторій и которая многократно и доблественно выдерживала сильныя нападенія и осады Лифляндскихъ рыцарей. (2)

Мѣдная вызолоченая труба, безъ сомнѣнія, есть одинъ изъ трофеевъ войны Русскихъ съ Лифляндцами и Поляками. На краяхъ ея вырѣзана слѣд. надпись: HANNS HUPSCMAN NURMKEK. 16. V. T. 45.

(1) см. Собраніе Государств. грамотъ, 1, N 34 «поясъ золотъ съ калитою.»
(2) Исторія Княжества Псковскаго, соч. *М. Евгенія.* ч. 1, Кіевъ, 1831, въ 12.

СІОНЫ.

(Рисунокъ Отд. I. № 60.)

Сіонами, или церковными Іерусалимами назывались ковчеги, имѣющіе подобіе церкви. Происхожденіе и подлинное ихъ значеніе въ богослуженіи намъ мало извѣстно. Въ лѣтописи читаемъ, что въ 1160 году Суздальскій Князь Андрей Боголюбскій во Владимірскій соборъ устроилъ церковный златый Іерусалимъ, украшенный драгоцѣнными камнями. (1) Въ соборныхъ церквахъ Кіева, Новгорода, Пскова, Владиміра и Москвы такіе Іерусалимы выносимы были во время Архіерейскаго служенія, на маломъ выходѣ предъ Евангеліемъ и на великомъ выходѣ, вмѣсто митры, (2) также въ крестныхъ ходахъ, и ставились на престолѣ въ алтарѣ. (3) Наконецъ въ древнихъ требникахъ Римско-Католической Церкви, между прочими утварями упоминается Сіонъ (Sion, Sium), который носилъ Епископъ, вмѣсто знамени. (4) Въ пѣснопѣніяхъ Восточной православной Церкви Сіонъ иногда принимается въ смыслѣ Іерусалимской Церкви, какъ напр. въ стихирахъ 8 гласа: « Радуйся, Сіоне святый. » По сему такой ковчегъ называется въ старыхъ описяхъ то *Сіономъ,* то *Іерусалимомъ.* Самая Церковь

(1) *Карамз.* И. Г. Р. III, пр. 27.
(2) Описаніе Новгор. Соф. собора въ *Новгор. Губ. Вѣдом.* 1848, N. 9.
(3) Древн. Росс. Вивліоѳика. т. X, 169.
(4) *Ducangii* Glossarium med. et inf. Latinitatis, v. *Sion.*

12

Христова въ книгахъ Новаго Завѣта именуется *высшимъ* и *новымъ Іерусалимомъ*, а подъ названіемъ горы Сіонъ разумѣется Церковь торжествующая. По сказанію г. Муравьева, Соборнымъ храмамъ Успенія Богоматери въ Грузіи дается названіе *Сіоновъ* потому, что Владычица міра преставилась на горѣ Сіонѣ (5). (6) Два Сіона, хранящіеся въ ризницѣ Московскаго Успенскаго Собора, внѣшностію своей представляютъ модель церквей круглыхъ и квадратныхъ, одноглавыхъ и пятиглавыхъ, какія сооружались тогда въ Россіи согласно съ Византійскими первообразами.

Утвари сіи серебряныя, вызолоченыя, съ чернью. Названная въ описи 1616 года, *большимъ Сіономъ*, вышиною 1 арш. и $3\frac{1}{2}$ вершка, шириною 11 вершковъ, вѣсомъ 1 пудъ 11 ф. и 7 зол.; она имѣетъ видъ круглой пятиглавой церкви, обставленной вычеканенными рельефно изображеніями XII Апостоловъ съ надписаніемъ ихъ именъ; та половинка между столбиками, на коей изображенъ св. Апостолъ Петръ съ ключемъ въ рукѣ, служитъ дверцою во внутренность, гдѣ только желѣзный стержень по срединѣ утверждается вверху на желѣзныхъ связяхъ. Верхъ этого храма состоитъ изъ тройныхъ теремковъ, выступающихъ одни изъ другихъ и, какъ подобіе Голгоѳы, служащихъ подножіемъ шейкѣ съ главою, которая увѣнчана четвероконечнымъ крестомъ. На теремкахъ, или закомарахъ вычеканены четыре Пророка, окруженные крылатыми звѣрями; рѣшетки въ окнахъ шейки или трибуна состоятъ изъ свившихся змѣй. На чешуйчатой главѣ наведены чернью личики людей, птицъ, звѣрей. Двухъ малыхъ главъ недостаетъ въ соотвѣтственность двумъ другимъ.

О времени и мѣстѣ устроенія этой утвари свидѣтельствуетъ намъ слѣдующая надпись, начертанная на обратной сторонѣ дверцы: в лѣто ҂ѕцчд сдѣланъ бысть си Ӏ҃русалимъ повелѣнїемъ благовѣрнаго ї Христолюбивого великаго Княза Ӥвана Василъевича Господаря всеа Руси въ к҃е лѣто господарьства. въ церковь Успенїа Пречистыа ї ко гробу Чудотворца Петра на Москвѣ.

Къ желѣзному поддону этого ковчега придѣланы ручки для ношенія.

Другой Іерусалимъ, по описи *малый Сіонъ*, изображаетъ подобіе одноглавой квадратной церкви, вышиною 12 вершковъ, а шириною 5 верш-

(5) Грузія и Арменія, ч. I, 50. Спб. 1848, въ 12.
(6) *Галат. Посл.* IV, 26. *Апокалипс.* XXI, 2 и 3.

ковъ; вѣсу въ немъ 11 ф. 67 зол. Четыре стороны этой церкви украшены чеканными ликами I. Христа съ Богоматерью и Предтечею, четырехъ Евангелистовъ и Апостоловъ Петра, Павла, Іакова, Сімона и Андрея, по большей части, съ книгами въ рукахъ, какъ знаменіями ихъ посланія.

Верхъ храма состоитъ изъ тройныхъ теремковъ, въ коихъ вычеканены поясныя изображенія 36 Ангеловъ. Надъ теремками еще видны четыре головы съ вѣнцами, вѣроятно, Евангелистовъ. На шейкѣ съ рѣшетчатыми окнами возвышается чешуйчатая глава, осѣненная осмиконечнымъ крестомъ. Дверцы во внутренность этого Сіона нѣтъ. Надъ карнизомъ идетъ слѣдующая подпись: в лѣто ҂зцчд сдѣлан бысть си Ерусалим повелѣнїемъ благовѣрнаго ї Христолюбивого великаго Князя Ивана Васильевича Господаря всея Руси в ке лѣто господарства его. в црковь Успенїя Пречтыя и ко гробу чудътворца Петра на Москвѣ.

Сооруженіе сихъ Іерусалимовъ относится къ 1486 году, ознаменованному покореніемъ Тверскаго Княжества Московскому Государству и возвращеніемъ Всероссійскаго Митрополита Геронтія на свой престолъ. Судя по стилю памятника и надписямъ это дѣло Московское.

КОВЧЕГЪ СЕРЕБРЯНЫЙ

ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ.

(Рисунокъ Отд. I. № 61.)

Дарохранительница сія, или ковчегъ замѣчателенъ не столько вычурностію и затѣйливостію работы, драгоцѣнностію украшеній, какою отличаются древнія утвари, сколько простотою стиля и знаменитостію вѣнценоснаго вкладчика, если только можно заключить объ этомъ изъ словъ самой надписи: « Сия святая скиния содѣлана въ Архангельскій соборъ, что в царствующемъ великомъ градѣ, при державѣ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра. » Хотя скинія эта имѣетъ видъ гробницы съ крышкой; однако она, подобно церкви, увѣнчана тремя главами. На лицевой сторонѣ вырѣзана Тайная Вечеря, надъ коею читаемъ: Вечери Твоея Тайныя, а на обратной Херувимъ.

СТАРИННАЯ ЛАДАННИЦА.

(Рисунокъ Отд. I. № 62, 63.)

Мѣдное ладанохранилище сіе, подобно другимъ ладанницамъ и св. утварямъ, представляетъ пятиглавую церковь, увѣнчанную осмиконечными крестами; на одномъ изъ нихъ литое распятіе. На нижней ея части, въ узорочной каймѣ изображены левики; съ двухъ сторонъ карнизъ замѣненъ слѣдующею надписью, снятою нами съ рисунка г. Солнцева: Преѡбраженїѧ Г҃да Б҃га и҆ Сп҃са нашегѡ І҆и҃са Хр҃ста въ Старицкой соборъ въ монастырѣ і҆нокъ Ѳеѡгностъ І҆ѡсифова монастырѧ. Въ соборномъ служеніи такая ладанница, подобно Сіонамъ, или Іерусалимамъ, выносима была на маломъ и великомъ выходахъ.

ЛАДАННИЦА.

(Рисунокъ Отд. I. № 64, 65.)

Принадлежностью къ кадилу была изображенная здѣсь ладанница (arcula thuraria), которую носилъ діаконъ и архидіаконъ на маломъ и великомъ выходѣ, какъ видно на старинныхъ образахъ. Св. Архидіаконы Стефанъ, Лаврентій и Евплъ иногда изображаются на алтарныхъ дверяхъ церкви, съ ладанницею въ лѣвой рукѣ и съ кадиломъ въ правой, какъ знаменіями своего служенія.

Представленная здѣсь на эстампѣ серебряная ладанница имѣетъ подобіе шатроваго храма, утвержденнаго на подножіи; внѣшнія ея стѣнки украшены изображеніями разныхъ Святыхъ съ ихъ утварями. Узорочность орнаментовъ и отдѣлка обнаруживаютъ замысловатость и ловкость художника, а стиль вообще сего памятника свидѣтельствуетъ о древности его. На краю вырѣзано: д̃ гривньнги лк̃ спол. Сходная съ нею ладанница XVII вѣка въ Новоспасскомъ монастырѣ содержитъ въ себѣ два помѣщенія, одно для ладана, другое для темьяна, или ѳиміана, который въ чинѣ освященія церквей также называется *воскомастикою* отъ соединенія воска съ мастикою и ладаномъ. (1)

(1) см. Акты Археограф. Экспедиціи, III, 191.

ЗОЛОТОЙ ПОТИРЪ

ЦАРЯ ѲЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

(Рисунокъ Отд. I. № 66.)

Потиръ этотъ, вышиною 8 вершковъ $\frac{3}{4}$, съ дискосомъ, лжицею и копіемъ, изъ чистаго золота, украшенъ крупными изумрудами и яхонтами; на чашѣ, кромѣ надписанія словъ Спасителя у *Матѳ.* XXVI, 27, *Марка* XIV, 23 и *Луки* XXII, 20, наведены финифтью поясныя изображенія Деисуса, замѣчательныя искусствомъ работы, такъ какъ и въ шести клеймахъ на поддонѣ изображенія страстей Христовыхъ.

Вѣсомъ потиръ сей съ приборомъ 30 фунтовъ, 58 золотниковъ.

О времени устроенія сей драгоцѣнной утвари свидѣтельствуетъ слѣд. на ней надпись: Повелѣніемъ Великого Гсдаря Цря и Великогω Князя Ѳеωдора Алексѣевича всея великія и малыя Россіи и бѣлыя Самодержца сіи сосуды златыя построены въ соборную Церковь Успенія Пресвятыя Бцы в лѣто ҂зрпи (1680)

ЗВѢЗДИЦА И ТАРЕЛОЧКА ЗОЛОТЫЯ И ЛОЖКА КОСТЯНАЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 67.)

Въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора Звѣздица (ἀστέρισκος) покрывающая дискосъ, богата по металлу и по украшеніямъ финифтью и драгоцѣнными камнями. Состоя изъ четырехъ луковъ, между коими четыре луча, она образуетъ осмиконечную звѣзду, подобіе небеснаго свѣтила, путеводившаго Волхвовъ въ Виѳлеемъ. (1) На ней читаемъ слѣд. надпись: « лѣта ҂зч҃г (1585) мѣсяца іюлія въ и҃ день сдѣлана бысть сія звѣзда къ соборнꙋю и апостольскꙋю церковь Пречистыя Богородицы честнагѡ и славнагѡ ея Успенія, при благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, повелѣніемъ Господина Преосвященнаго Діонисія, Митрополита всея Росіи. »

Къ ней принадлежатъ два золотыя блюдца, которыя называются у Грековъ λόχαι, у Римлянъ patinæ, patenæ. На одномъ наведенъ финифтью осмиконечный крестъ на Голгоѳѣ, съ терновымъ вѣнцемъ на средокрестіи и съ надписью по краямъ: « Крестꙋ твоемꙋ покланяемся Владыко » и пр. а на другомъ — Воплощеніе въ видѣ Знаменія Богоматери и съ надписью вокругъ: « Все оуповані́е мое къ Тебѣ возлагаю, Мати Божія, сохрани мя во Своемъ си кровѣ. »

Края обоихъ блюдцевъ усажены изумрудами и яхонтами въ гнѣздахъ.

(1) Истор. догмат. и таинств. изъясненія на Литургію, изд. 2. М. 1818, въ 4.

Наконецъ на этомъ же рисункѣ представлена ложка изъ рыбьей кости, принадлежавшая, по преданію, Первосвятителю Московскому Петру; но въ соборной описи 1628 г. она названа лжицею св. Іоны Митрополита. Въ соборной же описи 1627 года упомянута: « ложка костяная, на кольцѣ, обложена серебромъ лжичка и ворворка низана жемчугомъ. » По видимому, лжица сія принадлежитъ къ келейной, а не къ церковной утвари.

АНТОНІЕВЫ СОСУДЫ.

(Рисунокъ Отд. I. № 68.)

У этого потира чаша, рукоятіе и поддонъ изъ празеленой яшмы; вся поверхность его усѣяна гранеными изумрудами, лазоревыми и червчатыми яхонтами въ гнѣздахъ съ золотыми листочками, врѣзанными въ яшму, подобно яшмовой братинѣ, съ такою же нарѣзкой, въ Московской Оружейной Палатѣ. Съ обѣихъ сторонъ чаши, на золотыхъ плащахъ финифтяныя изображенія Пресвятой Троицы и четверочастный крестъ съ копіемъ, тростію и слѣдующими монограммами: IC. XP. NK. ФП. ФП. TK. ПР., а по вѣнцу чаши наведены золотомъ слова I. Христа: ✠ *ΠΙΕΤΕ ΕΞ ΑΥΤΟΥ ΠΑΝΤΕΣ* ✠ т. е. «Піите изъ нея вси.» Какъ граненые камни и золотая нарѣзка, такъ равно и плащи съ финифтью положены въ послѣдствіи на этотъ потиръ, который въ Россіи находится уже болѣе семи вѣковъ.

По описи соборной 1627 г. назначена цѣна сему потиру 451 рубль, 6 алтынъ и 4 деньги.

Къ нему принадлежатъ лжица изъ агата съ серебрянымъ стеблемъ, дискосъ изъ празеленой яшмы въ золотой оправѣ, на подобіе блюдца съ мусіинымъ изображеніемъ Предвѣчнаго Младенца подъ звѣздою на дискосѣ, между четырьмя четвероконечными крестами. На двухъ дугахъ или лукахъ золотой звѣздицы вырѣзаны слѣдующія слова побѣдной пѣсни Тріипостасному Богу, возносимой на Литургіи: ✠ *ΤΟΝ ΕΠΙΝΙΚΙΟΝ ΥΜΝΟΝ ΙΑΔΟΝΤΑ ΒΟΩΝΤΑ ΚΕΚΡΑΓΟΤΑ ΚΑΙ ΛΕΓΟΝΤΑ: ΑΓΙΟΣ, ΑΓΙΟΣ, ΑΓΙΟΣ.* т. е. *τον ἐπινίκιον ὕμνον: ᾄδοντα, βοῶντα,*

κεκραγότα καὶ λέγοντα: ἅγιον и пр. поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще: Святъ, святъ, святъ.

Подобныя надписи Греческія и Славянскія обыкновенно встрѣчаются на потирахъ (*ποτήρια*, calices eucharistici), кои означаютъ не только такую чашу, но даже другіе сосуды, изъ коихъ вкушали пречистую кровь причастники Тайной Вечери. На древнихъ иконахъ Іисусъ Христосъ изображенъ причащающимъ Апостоловъ изъ узкогорлаго сосуда, похожаго на алавастръ. Въ отличіе потира отъ обыкновенной посуды называютъ его *святымъ*, (*ἅγιον*) *царственнымъ*, (*βασιλικὸν*) *спасительнымъ* (*σωτήριον*) и т. д.

Такіе потиры дѣлаемы были, по принятой Церковію формѣ и изъ опредѣленнаго къ тому вещества, особенно изъ хрусталя или дерева, (1) также изъ благородныхъ металловъ, золота и серебра. Древній хрустальный потиръ хранится въ ризницѣ Успенскаго собора, а деревянные сосуды Преп. Сергія и Никона въ ризницѣ Троицко-Сергіевой Лавры. (2) Св. Іоаннъ Златоустъ въ 51 Бес. на Матѳея упоминаетъ о *ποτήριον χρυσοῦν καὶ λιθοκόλλητον*. Самоцвѣтные камни агатъ и яшма употребляемы были въ Христіанской Церкви на служебные сосуды, къ которымъ относятся и описываемые нами, извѣстные подъ именемъ *Антоніевыхъ*. Въ запискахъ Новгородскаго Антоніева монастыря означено, что « сосуды его были яшмовые, сердоликовые и хрустальные.» Всѣ эти три сосуда донынѣ хранятся въ ризницѣ М. Успенскаго собора. (3)

Названіе свое получили они отъ св. Антонія Римлянина, игумена одного изъ первыхъ монастырей въ Новгородѣ. По сказанію Пролога, положивъ эту драгоцѣнную утварь въ бочку, онъ пустилъ ее въ море, откуда она приплыла въ Волховъ; тамъ рыбаки вытащили ее сѣтью близъ того мѣста, гдѣ нынѣ Антоніевъ монастырь; а самъ Антоній приплылъ чудеснымъ образомъ на камнѣ, который вдѣланъ въ стѣну паперти монастырскаго собора. (4) Въ княженіе Мстислава Владиміровича Мономаха, Римскій выходецъ Антоній поселился въ Новгородѣ, гдѣ основалъ и монастырь 1106 г. Великій Новгородъ чтилъ эти сосуды, какъ святыню отечественную; но Царь Иванъ Васильевичь, по приведеніи его на всю свою волю, взялъ ихъ въ Москву

(1) Handbuch der christlichen Archæologie von D. S C. *Augusti*, III, Leipz. 1837.
(2) и въ другихъ церквахъ. См. Русская старина, сост. *И. Снегиревымъ*, т. IV, V и VI.
(3) Исторія Росс. Іерархіи. III, 126.
(4) *Карамз.* И. Г. Р. II, пр. 210.

и посвятилъ Дому Пресвятой Богородицы вмѣстѣ съ другими Новгородскими святынями.

Сперва Антоніевы сосуды хранились въ Патріаршей ризницѣ, а теперь украшаютъ ризницу Успенскаго собора.

Они употреблялись при торжественнѣйшихъ служеніяхъ. Такъ при вѣнчаніи на царство Ѳеодора Алексіевича 1676 года, Патріархъ Іоакимъ изъ большаго Антоніева потира положа въ кристальный Пречистой крови Христовой, подалъ вкусить Государю. (5) На соборѣ противъ раскольниковъ 1682 г. въ Грановитой Палатѣ подъ предсѣдательствомъ Царевны Софіи, сей же Патріархъ представлялъ имъ Антоніевы сосуды въ доказательство древности четверочастнаго креста, на нихъ изображеннаго. (6)

(5) Древняя Росс. Вивліоѳика, XI, 191.
(6) Описаніе Стрѣлецк. бунта очевидцемъ, современ. рукопись въ библіот. И. И. Царскаго, въ 12.

СТАРИННОЕ ПАНИКАДИЛО

ТЕРЕМНОЙ ЦЕРКВИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 69.)

Это мѣдное и вызолоченое паникадило въ три яруса; его перья съ шандалами обвиваютъ матицу на подобіе цвѣтовъ. Верхъ ея увѣнчанъ осмиконечнымъ крестомъ, а низъ оканчивается мѣднымъ глобусомъ; къ нему прежде привѣшено было строфокамиловое яице, коему Максимъ Грекъ въ своихъ сочиненіяхъ даетъ символическое значеніе. Соразмѣрное въ частяхъ и красивое въ цѣломъ паникадило это виситъ предъ алтаремъ въ кремлевской церкви Словущаго Воскресенія. По сравненіи его съ другими паникадилами XVII столѣтія, украшающими Московскія церкви, можно заключать, что оно имъ современно.

СТАРИННОЕ МѢДНОЕ ПАНИКАДИЛО.

(Рисунокъ Отд. I. № 70.)

Паникадило это виситъ предъ древнимъ алтарнымъ иконостасомъ въ верхнемъ придѣлѣ Московскаго Благовѣщенскаго собора, не во имя св. Іоанна Богослова, какъ сказано въ надписи на рисункѣ, но въ честь Входа во Іерусалимъ.

Оно изъ желтой мѣди, прежде позолоченой. Главныя части его литыя, а прочія кованыя и чеканныя. На матицѣ его утвержденъ осмиконечный крестъ, а глобусъ оканчивается звѣриною головой, съ отверстою пастью : по видимому, это, голова дельфина ; потому что дельфинъ, по сказанію Григорія Великаго, служилъ употребительнѣйшимъ символомъ въ Церкви, какъ намѣкъ на плавателей и на корабль ; посему даже и свѣтильники церковные назывались delphini. (1) Прекрасно выдѣланные шандалы утверждены на перьяхъ, перевитыхъ виноградными листьями. Осмиконечный крестъ, вѣнчающій верхъ матицы, кажется, послѣ придѣланъ, соотвѣтственно назначенію сего многосвѣтильника въ Православной Церкви. Легкость и красивость рисунка, чистота и ловкость работы, отличая это паникадило отъ прочихъ XVII вѣка, дѣланныхъ Дмитріемъ Сверчковымъ и Иваномъ Григорьевымъ съ товарищи, даютъ поводъ предполагать, что оно произведено иностранными мастерами, каковъ былъ Голландецъ Госсомъ, (2) украсившій паникадилами

(1) *Gregori magni* Epist. I, 66.

(2) Расходная книга по Патріарш. приказу, 7162 (1644 г.) N 32. « Иноземецъ Голландскія земли Нѣмецъ Иванъ Госсомъ дѣлалъ восемь паникадилъ. »

нѣкоторые кремлевскіе храмы при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, или вывезено сыномъ его Алексіемъ изъ Литвы въ числѣ военной добычи.

Въ Восточной и Западной Церквахъ издревле находились такія паникадила, извѣстныя подъ именемъ: coronæ, Kronleuchter, phara, cabatæ, canthara, pharacanthara, *λύχνοι*. (3) Такъ какъ онѣ служили украшеніемъ и вмѣстѣ освѣщеніемъ храма, то Россійскіе Государи давали ихъ вкладомъ въ разныя церкви, ознаменовывая даръ этотъ гербомъ, который короновалъ ихъ матицу. Устроенныя же доброохотными дателями и Святителями въ XVII вѣкѣ, были съ осмиконечнымъ крестомъ на верху матицы. Одно изъ огромнѣйшихъ и богатѣйшихъ паникадилъ пожертвовано въ М. Успенскій соборъ бояриномъ Морозовымъ, въ 1660 году; оно было о шести ярусахъ со многими шандалами, во 113 пудъ и 1 фунтъ. На позолоту его употреблено 2000 червонцевъ и столько же заплачено за работу иностранному мастеру. Въ 1812 году оно похищено непріятелями.

(3) Handbuch der christlichen Archæologie, von *D. I. C. Augusti,* III B. Leipz. 1837, in-8.

ТРИ СТАРИННЫЕ ПОДСВѢЧНИКА.

(Рисунокъ Отд. I. № 71.)

Два изъ нихъ мѣдные, находятся въ кремлевской церкви Рождества Богородицы, что на сѣняхъ. Одинъ поставной предъ мѣстными иконами, а другой — выносной. Въ рисункѣ ихъ обнаруживается красивость фигуры, а въ стилѣ — сходство съ подобными произведеніями XVII столѣтія; но ни художникъ, ни вкладчикъ не ознаменовали этихъ памятниковъ надписями. Малоцѣнность вещества и затѣйливость формы отличаютъ другой запрестольный желѣзный подсвѣчникъ въ церкви св. Іоасафа Царевича, въ подмосковномъ Государевомъ селѣ Измайловѣ. Посрединѣ его стержня клеймо съ двуглавымъ орломъ означаетъ принадлежность его къ Царской церкви, или Царскій вкладъ.

ДРЕВНІЯ ВОЩАНИЦЫ.

(Рисунокъ Отд. I. № 72, 73.)

Въ Ризположенской церкви Московскако Кремля предъ мѣстными образами стоятъ четыре вощаницы, или тощія росписныя свѣчи на мѣдныхъ поддонахъ съ тремя левиками. Онѣ состоятъ изъ деревяннаго столба, вышиною въ 5 четвертей, обложеннаго воскомъ, по коему наведены мозаично восковыми красками травы и цвѣты въ родѣ энкаустики, извѣстной Грекамъ и Римлянамъ. Три вощаницы сохранены въ первоначальномъ своемъ видѣ, а четвертая, послѣ 1812 года, возобновлена по образцу первыхъ. Сверху надъ ними утверждены мѣдные шандалы, какихъ прежде не было; ибо свѣчи вставлялись въ средину вощаницы. По крайнему ободу идетъ вязью надпись, которая показываетъ намъ время устроенія сихъ узорочныхъ свѣчь въ Патріаршество Іосифа, правительствовавшаго съ 1642 по 1652 годъ, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о существованіи тогда при этой церкви Патріаршаго двора. Передаемъ надписи съ двухъ свѣчь, кромѣ третьей, гдѣ слова, большею частію, изгладились или обломались, и кромѣ четвертой, на коей вновь изображены онѣ согласно съ первыми.

1) Лѣта ҂зрна поставлена сїя свѣща предъ образомъ Пресвятыя Богородицы Ризъ Положенїя, повеленїемъ Великаго Господина Святѣйшаго Іосифа Патрїарха Московскаго и всея Русїи въ церкви Ризположенїя, что на Патрїаршемъ дворѣ.

2) Лѣта ҂зрнг Октябрѧ въ є҃ день повелѣніемъ Великого Господина Святѣйшаго Іосифа Патріарха Московского и всеа Руси въ церкви Пречистые Богородицы Ризположеніе, что на его Государя Патріарше дворѣ, предъ мѣстной образъ Пресвятые Богородицы Одегитріе поставлена сія свѣща.

Представляя здѣсь памятникъ церковнаго благолѣпія изъ XVII вѣка, нельзя оставить безъ замѣчанія, что прежде не въ одной Ризположенской Патріаршей церкви, но и въ соборахъ и церквахъ, кромѣ подсвѣшниковъ и лампадъ, находились такія вощаницы, у образовъ, на поклонѣ въ алтарномъ иконостасѣ, и назывались *поставными, тощими, мѣстными*, а выносныя свѣчи *ослопными*. Подобно какъ у Грековъ православныхъ, у Русскихъ нерѣдко бывали вощаницы и лампады обѣтными и неугасимыми, (1) кои горѣли предъ образами, или св. мощами день и ночь; въ срединѣ ихъ вкладывалась свѣча, которую и зажигали. Такія вощаницы ставили Великіе Князья предъ чудотворными иконами и раками угодниковъ Божіихъ, но и предъ гробами родительскими. Иногда всѣмъ Новгородомъ и Псковомъ сооружаема была, по обѣщанію, неугасимая свѣча въ Софійской или Троицкой соборы. Такъ Великій Князь Василій въ 1509 году устроилъ предъ Св. Троицею въ Псковъ, а предъ Софіею Премудростію Божіею свѣщи неугасимыя. (2) Царь Іоаннъ IV въ 1569 году прислалъ въ Новгородъ къ мощамъ св. Никиты Епископа Новгородскаго мѣстную свѣчу, которая поставлена была на каменномъ бѣломъ стулѣ. Лѣтописи наши нерѣдко упоминаютъ о чудесномъ самовозгораніи свѣчей въ церквахъ. Св. Алексій Митрополитъ взялъ съ собою въ Орду для исцѣленія Тайдулы свѣщу отъ вощаницы, затеплившейся въ Успенскомъ соборѣ.

Предъ гробами отеческими Великіе и Удѣльные Князья ставили неугасимыя свѣчи съ тѣмъ, какъ они оговариваются въ духовныхъ своихъ грамотахъ, чтобы «не перестала память родителей и свѣча бы ихъ не угасла.» (3) Загасить свѣчу надъ гробомъ, по объясненію Арцыбышева, значило тоже что шевелить костями. (4) Но также послѣ отпѣванія, загасить и положить свѣчу на гробъ усопшаго, знаменовало вѣчное забвеніе всякой вражды. Ближайшій примѣръ тому встрѣчаемъ въ новомъ Іерусалимѣ, гдѣ

(1) *κανδήλα ἄσβεστος*, неугасимое, *ἀκοίμητος*, неусыпающее. *Sniceri* Thesaurus eccl. II. p. 32.
(2) *Карамз.* И. Г. Р. VII. пр. 383.
(3) Собран. Госуд. грам. I. гр. 1353 г.
(4) Повѣствованіе о Россіи. I. стр. 161, пр. 454.

при передѣлкѣ пола, на гробницѣ Никона Патріарха найдены положенныя восковыя зеленыя свѣчи, какія Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь устроилъ для его отпѣванія. Поставленіе свѣчи у гроба родительскаго почиталось дѣломъ столь важнымъ и священнымъ, что сынъ Даніила Галицкаго присылалъ 1294 г. къ умиравшему Князю Волынскому Владиміру Перемышльскаго Святителя Мемнона выпросить у него Брестъ « на свѣчу для гроба Даніилова. » (5) Кромѣ того, при свадебныхъ обрядахъ Государей, сверхъ обручальныхъ, употреблялись, свадебныя вощаницы, похожія на Ризположенскія мѣстныя; на нихъ были обручи большіе, широкіе, края чеканные, обои золоченые. Такъ на свадьбѣ Царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіею Стрѣшневою, Государева свѣча была въ три пуда, а Государынина въ два. (6)

Таково назначеніе давали свѣчамъ въ отечественной Церкви, гдѣ онѣ, составляя необходимую принадлежность при Богослуженіи, имѣютъ духовное, символическое знаменованіе.

(5) *Карамз.* И. Г. Р. IV, 148.

(6) Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1616 году, Февр. 5 и пр. М. 1810 г. въ 4.

СТАРИННЫЙ ФОНАРЬ.

(Рисунокъ Отд. I. № 74.)

Этотъ выносный фонарь принадлежитъ Воскресенскому монастырю, что называется Новый Іерусалимъ; онъ устроенъ изъ дерева, обложеннаго вычурными орнаментами изъ мѣди и бляшками изъ олова. Ему дано подобіе церкви съ шатровыми верхами, у коихъ недостаетъ только крестовъ. Вмѣсто стеколъ, вставлена слюда. Затѣйливость и красивость въ цѣломъ и частяхъ свидѣтельствуютъ объ искусствѣ и тщательности художника. По видимому, этотъ выносный фонарь относится ко времени основателя Новаго Іерусалима, Патріарха Никона.

Самое названіе, какъ и утварь заимствованы изъ обрядника Византійской Церкви; потому что *φανάρη* значитъ свѣтецъ, фонарь. (1) Такіе церковные фонари въ крестныхъ хожденіяхъ носили предъ св. иконами, или предъ св. дарами, когда ихъ препровождали изъ церкви въ домъ къ опасно больнымъ. Они изображены на старинныхъ св. иконахъ и встрѣчаются въ церковныхъ описяхъ, такъ на пр: въ описи Московъ. Успенскаго собора 1628 года: «фонарь слюденъ круглой.» Изъ его устава видно, что при Патріархахъ употреблялись въ крестныхъ хожденіяхъ фонари: *большой, средній и малый.* (2) Огромный фонарь, съ двуглавымъ орломъ, донынѣ обыкновенно носятъ въ крестныхъ ходахъ Московскихъ.

(1) *Ducangii* Glossar. mediæ et inf. Graecitatis.

(2) Древняя Росс. Вивліоѳика, X, 165, 166 и 285.

ЧАША ВРЕМЕНЪ ЦАРЯ ІОАННА IV,

ШАНДАЛЪ ВРЕМЕНЪ ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА И СТАРИННОЕ КАДИЛО.

(Рисунокъ Отд. I. № 75.)

Сіи церковныя утвари, разныхъ вѣковъ и разнаго стиля, хранятся въ Архіерейской ризницѣ, въ Смоленскѣ.

Чаша серебряная, по видимому, водосвятная; подпись кругомъ ея вѣнчика свидѣтельствуетъ, что утварь эта устроена при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ.

Шандалъ, или правильнѣе, выносный подсвѣчникъ, серебряной, отличается красивостью рисунка и чистотою работы, не позднѣе XVII вѣка. Перехваты и вычурные его кронштеты вызолочены.

Мѣдное кадило замѣчательно какъ древностью своей, такъ и необыкновенною формою; сквозная крышка его похожа на шатровый верхъ церкви.

БИЛО, РИПИДА И КРЕСТИКИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 76.)

Мы уже представили здѣсь нѣсколько достопамятныхъ древностей изъ ризницы Новгородскаго Софійскаго собора; теперь еще обратимъ вниманіе на хранящіяся въ ней вещи, кои изображены на эстампѣ подъ N 76: древнюю рипиду, крестики и било.

1) Рипида (отъ *ῥιπίδιον*, опахало, вѣеръ) имѣетъ верхъ серебряный, образующій четырьмя клеймами крестъ, рукоятіе деревянное, обтянутое краснымъ сукномъ. Чинъ литургіи намъ указываетъ ея употребленіе, которое, по сказанію св. Іакова Апостола у Климента VIII, 12, въ священнодѣйствіи было древнее. Въ первенствующей Церкви рипиды устроиваемы были изъ павлиныхъ перьевъ, или тонкихъ пергаминныхъ кожицъ. Первоначальнымъ ихъ назначеніемъ было отгонять воздушныхъ насѣкомыхъ, чтобы онѣ не могли коснуться святаго хлѣба, или впасть въ раствореніе чаши; потомъ рипидамъ дано высшее, духовное знаменованіе и подобіе шестокрылатыхъ Херувимовъ, какіе вѣроятно изображены были и въ клеймахъ Новгородской рипиды, представляя присутствіе небесныхъ духовъ при совершеніи таинства. (1)

2) Крестики тѣльные, или тѣльники, яшмовые, оправленные въ серебро позолоченное и украшенные самоцвѣтными камнями. Подобные нерѣдко

(1) Историч. догмат. и таинств. изъясненіе на Литургію *И. Дмитревскаго*, изд. нов. М. 1818, въ 4.

попадаются въ числѣ привѣсокъ на образахъ, въ соборныхъ и монастырскихъ ризницахъ и въ собраніяхъ древностей у любителей.

3) Мѣдная чаша на поддонѣ съ неснятою по краямъ надписью, хотя и названа на эстампѣ *биломъ* или *кандіею;* но било собственно есть деревянная доска, или полоса желѣза, въ которую ударяли колотушкою въ тѣхъ обителяхъ, гдѣ не было колоколовъ, какъ напр. въ Палестинѣ: оно называется у Греческихъ монаховъ (*σημαντήριον*, или *σημάντρον*, pulsus lignorum) (2) Чтожъ касается до изображенной здѣсь чаши, то она ничто иное, какъ настоятельская трапезная, въ которую Игуменъ или Архимандритъ ударялъ за братскою трапезою, когда слѣдовало перемѣнять, или снимать кушанье. Для такого употребленія, какъ видно изъ Мстиславовой грамоты Юрьеву монастырю, Всеволодъ далъ ему серебряное блюдо: « Велѣлъ іесмь бити въ « ніе на обѣдѣ, коли игуменъ обѣдаіетъ. » Еще въ древнѣйшія времена монашества былъ извѣстенъ обычай ударять въ чашу или звонить въ колокольчикъ за столомъ для перемѣны кушанья, чтобы не нарушить безмолвія въ монашескихъ общежитіяхъ; объ немъ упоминаетъ Кассіанъ, писатель V вѣка, въ книгѣ своей: de institutis coenobiorum, IV, 17. (3)

(2) Handbuch der christlichen Archæologie von D. S. C. *Augusti*, III. B. Leipz. 1837, in-8.
(3) Труды и Записки Общества Ист. и Древн. Росс. III. 1.

ЕВАНГЕЛІЕ, ПИСАННОЕ АЛЕКСОЮ ВЪ XII ВѢКѢ.

(Рисунокъ Отд. I. № 77.)

Славянское сіе Евангеліе въ десть, XII вѣка, харатейное, по древности своей, второе послѣ Остромирова списка, составляетъ одно изъ палеографическихъ сокровищь Московскаго Архангельскаго собора; оно, какъ значится въ послѣсловіи, писано въ 1125 году Алексою Лазаревымъ, сыномъ пресвитера, для Новгородскаго Князя Мстислава Владимировича, внука Всеволода, отъ котораго дошла до насъ грамота Юрьеву монастырю. Миніатюры, писанныя корпусными красками, во многомъ сходны съ Остромировымъ спискомъ, какъ напр: по изображенію тельца съ хартіею, который является Евангелисту съ высоты, усѣянной звѣздами и по надписи: симъ образомъ тельчемъ Дх҃ъ Ст҃ый ꙗвися Лꙋцѣ. Въ послѣсловіи сказано « и҆ возивъ Цр҃ю городꙋ и҆ оучинихъ химипетъ. » Послѣднее слово, остававшееся доселѣ неизъясненнымъ, (1) весьма вѣроятно происходитъ отъ *χαμεπετέω*, преклоняюсь до земли, и значитъ поклоненіе.

Рукопись эта, драгоцѣнная въ палеографическомъ отношеніи, не менѣе важна и въ художническомъ, по своему окладу древней, можетъ быть, современной ей работы. Доски Евангелія покрыты съ лица золотою сканью съ 12 мусійными клеймами, на коихъ изображены разные Святые и съ

(1) Списокъ Русскимъ памятникамъ *П. Кеппена*, М. 1822, стр. 32. — Труды Общества Исторіи и Древн. Росс. ч. III, к. 1. Примѣч. на грамоту В. К. Мстислава Влад. *Митрополита Евгенія*.

серединкомъ, на коемъ наведенъ мусіею ликъ Спасителя, окруженнаго четырьмя Евангелистами, двумя Архангелами и двумя Серафимами. Подписи Греческія и Славянскія. Окладъ убранъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Судя по его древности и стилю, можно предполагать, что списатель, во время пребыванія своего въ Константинополѣ, украсилъ трудъ свой Греческимъ дѣломъ, на иждивеніе Князя Мстислава, котораго онъ называетъ *своимъ царемъ*. Титулъ этотъ, по замѣчанію Кеппена, здѣсь встрѣчается въ первый разъ при имени Князей, которые иногда величаемы были Каганами. Извѣстно, что удѣльный Князь Мстиславъ послѣ 1125 г. вступилъ на Великокняжескій Кіевскій престолъ, или, какъ онъ говоритъ самъ въ грамотѣ своей: « дьржа Роускоу землю въ своіе княженіе. »

НАПРЕСТОЛЬНОЕ ЕВАНГЕЛІЕ НАЧАЛА XIV ВѢКА.

(Рисунокъ Отд. I. № 78.)

Харатейное Евангеліе съ Апостоломъ, хранящееся въ ризницѣ Троицко-Сергіевой лавры, какъ памятникъ палеографіи и торевтики XIV вѣка, драгоцѣнно пятивѣковою древностью и достопамятно вѣнценоснымъ его вкладчикомъ, современникомъ Преподобному Сергію. Оно писано на пергаментѣ въ десть, въ два столбца, четкимъ уставомъ; дневныя чтенія изъ Евангелистовъ и Апостоловъ расположены по церковному порядку. Доски его обложены басменнымъ вызолоченымъ серебромъ, на коемъ выбиты разныя изображенія распятаго І. Христа (І͞ис Хрс҃ъ Ц͞рь С͞лвы), Божіей Матери (Бл҃ Мр͞и), Іоанна Богослова (Ѳ͞гл ІѠ) и Евангелистовъ. На окладѣ передней доски наведена черныю слѣдующая надпись: «въ лѣто ҂ѕѡ͞нѕ мѣсяца Декабря осьмый на десять день, на память с͞тго м͞чнк Савастіана, создано бысть Е͞ѵагл҃ье се благовѣрнымъ Княземъ Великимъ Сїмеономъ Іѡановичемъ.» Слова сіи указываютъ, безъ сомнѣнія, на украшеніе Евангелія; рукопись же могла быть и древнѣе.

Подобные памятники благочестія почти всегда были въ связи съ какими нибудь важными происшествіями. Сынъ и преемникъ Калиты, Симеонъ возвратился изъ Орды 1344 года, Октября 26, «пожалованный «Богомъ и Царемъ.» Предполагаютъ, что это Евангеліе устроено Симеономъ въ благодарность Господу за благополучное совершеніе опаснаго путешествія. (1)

(1) Историч. описаніе Святотроицкія Сергіевы лавры. М. 1843, стр, 37. *Арцыбышева* повѣствованіе о Россіи, II.

Такое соображеніе можетъ быть правдоподобнымъ; но вмѣсто 5508 лѣтъ отъ С. М., слѣдовало бы вычитать 5509 л.; ибо мѣсяцъ сооруженія былъ Декабрь. Въ такомъ случаѣ выйдетъ 1343 годъ, когда В. К. Симеонъ съ Митрополитомъ Ѳеогностомъ ѣздилъ въ Орду къ Хану Джанибеку. Въ 1346 или 47 г. Симеонъ, по призыву Новгородскаго Владыки Василія и по благословенію Митрополита Ѳеогноста, «сѣде на столѣ своемъ» въ Великомъ Новгородѣ. (2) Вскорѣ появился въ землѣ Русской «моръ золъ,» извѣстный подъ именемъ черной смерти, отъ коей суждено кончить жизнь Великому Князю въ 1353 году. Такія событія, важныя въ государственной жизни, давали поводъ къ сооруженію церквей и св. утварей, какъ благодарственныхъ или умилостивительныхъ жертвъ.

Тогда Сергій подвизался въ пустынномъ уединеніи, а братъ его Стефанъ былъ игуменомъ Московскаго Богоявленскаго монастыря и духовникомъ Великаго Князя Симеона Іоанновича. Изъ чего слѣдуетъ, что устроеніе этого напрестольнаго Евангелія въ Москвѣ современно основанію Троицко-Сергіевой обители. Но какъ изъ надписи не видно, чтобы оно предназначено было для сей обители: то, можетъ статься, послѣ дано вкладомъ на поминовеніе соорудителя и скрыто было во время нашествія Эдигея, предавшаго огню Троицкій монастырь, въ 1408 г.

(2) *Новгородская* I и II *лѣтопись* въ Полномъ собраніи Русскихъ лѣтописей, I.

НАПРЕСТОЛЬНОЕ ЕВАНГЕЛІЕ КОНЦА XIV ВѢКА.

(Рисунокъ Отд. I. № 79, 80, 81.)

Харатейное сіе Евангеліе въ десть, писанное уставомъ, переплетено въ бархатъ; верхняя доска его обложена вызолоченнымъ серебромъ со сканью, по краямъ закраи изъ того же металла съ финифтяными изображеніями святыхъ Ефрема, Саввы, Евѳимія, Николая Еписк. Мирликійскаго, трехъ вселенскихъ Святителей, изъ Московскихъ одного Петра, изъ Ростовскихъ Леонтія и Преподобнаго Сергія. По краямъ лицевой доски вырѣзана слѣдующая надпись: «в лѣт. ҂ѕ҃ц (1392) Март. индикта ла҃, оковано быс Еѵагліе се при Великомъ Князѣ Василии Дмитріевичѣ всеа Ру(си) и Пресвещ҃нѣм Кипріан Митрополитѣ Кіевскомъ всеа Ру(си) повеленьем ра(ба) Бж҃а Феодора Андрѣевича.» Послѣднее имя встрѣчается намъ 1371 и 1389 г. между послухами духовнаго завѣщанія Великаго Князя Димитрія Іоанновича. (1) На первомъ листѣ Евангелія читаемъ собственноручную подпись Митрополита Платона: «Сіе Евангеліе дано отъ Великаго Князя Василія Димит-«ріевича, подписалъ смиренный Платонъ, Митрополитъ Московскій и Архи-«мандритъ Троицы Сергіевой лавры, 1798 года.» (2) Но изъ первой надписи не видно, чтобы оно дано было въ Сергіеву обитель самимъ Великимъ Княземъ, а только въ его княженіе устроено повелѣніемъ Ѳеодо-

(1) Собр. госуд. грам. I, стр. 92 и грам. 1271 г. стр. 61.
(2) Троицко-Сергіева лавра, соч. И. С. 1842, въ 12.

ра Андрѣевича, который былъ Московскій бояринъ и, вѣроятно, братъ бояръ, свидѣтельствовавшихъ духовную Великокняжескую, Александра и другаго Ѳеодора Александровичей.

Хотя надпись ета прямо указываетъ намъ на 1392 годъ устроенія оклада на Евангеліе; но сему противорѣчитъ изображеніе на немъ Препод. Сергія, который преставился въ томъ же самомъ году, а св. мощи его открыты и прославлены въ 1425 году. Изъ этого можно съ вѣроятностью заключать, что при позднѣйшемъ возобновленіи и украшеніи оклада, присоединенъ образъ Преподобнаго основателя Троицкой лавры.

ЦАРСКОЕ НАПРЕСТОЛЬНОЕ ЕВАНГЕЛІЕ 1693 ГОДА.

(Рисунокъ Отд. I. № 82, 83, 84.)

Драгоцѣннѣйшее по матеріаламъ, великолѣпнѣйшее по украшеніямъ, прекрасное по художеству, сіе Евангеліе, единственное въ своемъ родѣ, вышиною 1 аршинъ съ $\frac{1}{4}$, шириною 11 вершковъ. Оно напечатано на большой Александрійской бумагѣ Евангельскими буквами, въ Москвѣ 1689 года. Заставки въ заглавіяхъ замѣняются миніатюрами, писанными искусною кистью, каймы по листамъ кругомъ разцвѣчены красками съ золотомъ. Изображенія четырехъ Евангелистовъ отличаются правильностію и твердостію рисунка, блескомъ колорита. Такъ какъ въ числѣ Царскихъ иконописцевъ находились тогда Русскіе и чужестранные живописцы: то съ достовѣрностію можно полагать, что сіи миніатюры ихъ произведеніе.

Но окладъ несравненно превосходитъ богатствомъ и великолѣпіемъ драгоцѣнныхъ украшеній роскошную печать св. книги; съ обѣихъ сторонъ онъ золотой. По верхней его доскѣ наложены короны, цвѣты, травы и узоры изъ алмазовъ, изумрудовъ и яхонтовъ съ финифтью, между коими на семи большихъ изумрудахъ вырѣзаны обронною работой лики Господа Вседержителя, Богоматери, Предтечи и четырехъ Евангелистовъ. Вся поверхность лицевой доски столь роскошно усѣяна драгоцѣнными камнями, что они сливаются какъ бы въ одну массу. На обратной доскѣ наведены финифтью по золоту лики разныхъ Святыхъ.

По краямъ оклада вырѣзана слѣд. надпись:

«Во славу Всетворца Господа Бга и въ честь Пречистыя Дѣвы Богородицы Маріи, Благочестивѣйшіе Великіе Государи Цари и Великія Князи Іоаннъ Алексѣевичь и Петръ Алексѣевичь всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцы и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичи и дѣдичи и наслѣдники и государи и обладатели и повелители въ 12 лѣто царства ихъ, и мати ихъ, благочестивая Великая Государыня, благовѣрная Царица и Великая Княгиня Наталія Кириловна въ Богожеланномъ своимъ царскимъ усердіи, изволиша сіе святое Евангеліе Іисусъ Христово напечатанное устроити изряднымъ художествомъ и украсити отъ своихъ царскихъ сокровищъ превеликимъ иждивеніемъ, златомъ и драгимъ каменіемъ, при благороднѣйшемъ Великомъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Алексѣи Петровичѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, на 4 году возраста его, и устроя повелѣша оное отдать въ великую соборную Церковь Успенія Пресвятыя Богоматери, при Великомъ Господинѣ Святѣйшемъ Киръ Адріанѣ, Архіепископѣ Московскомъ и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріархѣ, въ царствующемъ, великомъ и преславномъ градѣ Москвѣ, міроданія 7202, отъ воплощенія же Бога слова Іисусъ Христа 1693 года, мѣсяца Декемврія въ 25 день.»

Время устроенія сего напрестольнаго Евангелія совпадаетъ съ путешествіемъ юнаго Петра въ Архангельскъ, куда не хотѣла отпускать заботливая мать его, для перваго морскаго путешествія. Вѣроятно, это было обѣтнымъ ея приношеніемъ Дому Пресвятой Богородицы о сохраненіи сына ея. Въ царствованіе Екатерины II Евангеліе это было возобновлено украшеніями и въ такомъ видѣ сохранилось до нашихъ временъ, какъ священный и драгоцѣнный памятникъ Царскаго благочестія. Въ храмовой праздникъ и въ день коронованія Государей Россійскихъ оно выносится двумя діаконами на маломъ выходѣ.

МИТРЫ ІОВА И НИКОНА,

ПАТРІАРХОВЪ ВСЕЯ РОССІИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 85, 90.)

Въ Московской Патріаршей ризницѣ, митры перваго и шестаго Патріарховъ Всероссійскихъ Іова и Никона, напоминая намъ лица, замѣчательныя въ Исторіи Іерархіи и Государства и отчасти сходныя своимъ жребіемъ, въ тоже время обращаютъ вниманіе на происхожденіе, первоначальное знаменованіе и введеніе сего главнаго іерархическаго отличія.

Митра есть слово Греческое *μίτρα*, означающее головную повязку, увясло, наглавіе, кидаръ, тоже что *τιάρα*, какая извѣстна была у Фригійцевъ и другихъ восточныхъ народовъ. (1) Такъ какъ она составляла отличительное украшеніе вообще Іудейскихъ первосвященниковъ, а со времени Давида и Царей, (2) то въ подражаніе первымъ Архипастыри Христіанской Церкви усвоили себѣ подобное наглавіе. У первосвященниковъ на златой дщицѣ, украшавшей чело кидара, изображены были слова: *святыня Господня*, (3) замѣненныя на митрѣ Архіерейской ликами Спасителя, Богоматери и другихъ Святыхъ. (4) Въ вѣкъ І. Христа, по свидѣтельству Іосифа Флавія, жрецы изъ

(1) *I. Iani* Archæologia biblica. Viennæ, 1814, in-8.
(2) II *Царствъ* XII, 30.
(3) Начертаніе церковно-библейской Исторіи, Митрополита *Филарета*, Спб. 1827, въ 8.
(4) Разсужденіе о началѣ, возможности и знаменованіи церковныхъ облаченіи, соч. *К. Китовича*. Спб. 1804. въ 4.

племени Маккавеевъ, бывшее вмѣстѣ и Царями, къ митрѣ присоединили тройную корону. И такъ, по первоначальному происхожденію, митра составляла главную утварь Царей и первосвященниковъ, какъ символъ помазанія и власти. Церковь Христіанская, нерѣдко обращающая внѣшнее, вещественное въ символы духовнаго, сообщила митрѣ высокое значеніе *славы Господа и власти*, данной отъ него служителямъ святилища, (5) посему-то Евсевій называетъ ее *вѣнцемъ славы*. (6) Вселенскій Святитель Іоаннъ Златоустъ въ похвалѣ Евангелію внушаетъ рукополагаемому Епископу, что «*принятіе* вѣнца (*τιάρας*) знаменуетъ Евангеліе, что хотя онъ всѣмъ глава «и надъ всѣми имѣетъ державу, но и самъ состоитъ подъ закономъ.»

Первое употребленіе митръ святительскихъ встрѣчается намъ въ первенствующей Церкви. По свидѣтельству Епифанія и Евсевія, Апостолы св. Іаковъ, братъ Господень и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, въ знакъ духовнаго помазанія, носили на своемъ наглавіи *дщицу злату*. Это подтверждается дѣяніями Константинопольскаго собора, въ IX вѣкѣ, противъ Фотія, гдѣ между прочимъ сказано, что Патріархъ Іерусалимскій Ѳеодосій послалъ въ даръ къ Цареградскому Патріарху Игнатію съ подиромъ и параманкомъ *митру* (*μίτρα*) св. Іакова, брата Господня. (7) Этотъ же самый Ѳеодосій утверждаетъ, что предмѣстники его, Патріархи и онъ самъ, возлагали себѣ на главу митру, когда имъ надлежало входить въ святилище для богослуженія. По примѣру св. Апостоловъ, и Вселенскіе Святители украшались кидаромъ; ибо св. Григорій Назіанзинъ называетъ *кидаромъ* (*κίδαρις*) то наглавіе или увясло, которое онъ носилъ; впрочемъ онъ не изъяснилъ намъ, какую оно имѣло фигуру и употреблялось ли прочими Епископами. Въ нашихъ отечественныхъ лѣтописяхъ упомянуто *о шапкѣ Іоанна Златоуста*, привезенной въ Москву 1558 года Юрьевскимъ Архимандритомъ. (8) До раздѣленія Церкви на Восточную и Западную и въ послѣдствіи, извѣстно было въ Римско-Католической Іерархіи употребленіе митръ, которыя, до Ліонскаго собора въ 1249 году, служили отличіемъ для кардиналовъ. Во времена же Патріарха Валсамона, въ XII вѣкѣ, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, одинъ только Патріархъ Александрійскій надѣвалъ на себя митру въ слу-

(5) *Исход*. XXVIII, 36 и 40. *Премудр Солом*. XVIII, 24
(6) *Eusebii* Historia eccles. X, c. 4.
(7) Euchologion, s. rituale graecorum, opera *Iac. Goar*, ed. II, Venetiis, 1730, in-f. p. 315.
(8) *Карамз*. И. Г. Р. VIII, пр. 587

женіи. Причиною сему онъ полагаетъ то, что, когда св. Кириллъ, Патріархъ Александрійскій предсѣдательствовалъ на III Вселенскомъ Соборѣ за Целестина Римскаго Патріарха, тогда возложилъ на главу свою золотую митру, какую носили Римскіе Патріархи по праву, данному св. Сильвестру Константиномъ Великимъ. (9) Но видно, что постоянное употребленіе митры въ то время еще не было узаконено; ибо, по словамъ Вальсамона незадолго до него, даже одинъ хартофилаксъ Константинопольской церкви надѣвалъ митру въ служеніи и въ торжественныхъ шествіяхъ.

По сказанію великаго логоѳета Епифанія, (10) Императоръ Василій Младшій, современникъ Владиміра I, царствовавшій въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка, возложилъ царскую діадиму на Патріарха Іерусалимскаго Ѳеофила, за примиреніе съ Цареградскимъ Патріархомъ. Вѣроятно, по примѣру его, Царь Алексій Михайловичь пожаловалъ корону Патріарху Никону. Въ XV вѣкѣ, какъ свидѣтельствуетъ Симеонъ Ѳессалонійскій, не только Патріархъ Александрійскій, но и многіе другіе носили уже митры, основываясь на древнемъ, еще ветхозаконномъ преданіи. Когда же съ паденіемъ восточной Имперіи, Церковь утратила много велелѣпія своихъ обрядовъ и утварей, тогда, вѣроятно, прекратилось употребленіе митръ Епископами; ибо Русскіе наши путешественники въ Іерусалимъ Арсеній Сухановъ (11) около половины XVII вѣка и Василій Барскій въ 1727 году (12) согласно свидѣтельствуютъ что, кромѣ Іерусалимскаго Патріарха, никто изъ тамошнихъ Епископовъ не возлагалъ на себя митры при священнослуженіи.

Между тѣмъ какъ на Христіанскомъ востокѣ, подъ владычествомъ Латиновъ и Магометанъ, внѣшнія отличія сана Іерархическаго подверглись измѣненію, Россійская Церковь и подъ ярмомъ Монгольскимъ удержала ихъ ненарушимо, въ такомъ видѣ, въ какомъ они приняты были отъ Византійской Церкви.

Въ числѣ святительскихъ отличій и митра издревле въ отечествѣ нашемъ служила украшеніемъ не только Епископовъ, но даже и нѣкоторыхъ Архимандритовъ, какъ видно изъ соборнаго свитка, напечатаннаго при Іоаки–

(9) Разсужденіе о началѣ, важности и знаменованіи церковныхъ облаченій. Спб. 1804, въ 4.
(10) *Epiphanii* adversus haereticos, t. I l. IX. ed. Coloniæ. 1682, f.
(11) Проскинитарій, или поклонникъ, въ рукоп.
(12) *Василія Григоровича Барскаго* путешествіе къ Святымъ мѣстамъ. Спб. 1778, стр. 225.

мовскомъ служебникѣ 1668 г., также изъ дѣяній Московскаго собора, бывшаго при Патріархѣ Іоасафѣ 1675 года. Но предоставленіе сего отличія зависѣло отъ соизволенія Царя и Святителя, а послѣ уже введено въ общее употребленіе у всѣхъ Россійскихъ Архіереевъ и Архимандритовъ. (13)

Какъ Царская корона, или вѣнецъ, такъ равно и Архіерейская митра нерѣдко назывались *шапками*. Но первоначально между *митрою* и *шапкою* полагалось то различіе, что первая была съ образами и украшала Архіереевъ, а послѣдняя только съ перекрестьемъ и носима была Архимандритами; въ послѣдствіи названія сіи были смѣшаны. Святительскія митры, жалованныя Царями подъ именемъ коронъ, имѣютъ вокругъ шапки зубчатый вѣнецъ, или обручъ; одна изъ таковыхъ коронъ называлась *большою*, а другая *меньшою*. Митры Патріаршія и Митрополичьи различались отъ Епископскихъ и Архимандричьихъ не столько формою, сколько украшеніями и матеріаломъ. Такъ напр. въ великіе праздники на служеніи Патріарху предоставлена уставомъ митра съ крестомъ и короною, Митрополитамъ шапка золотая, или серебряная позолоченая, Архіепископамъ и Епископамъ шапка сереброкованая. (14)

Чтожъ касается до изображенныхъ здѣсь митръ перваго и шестаго Патріарховъ Московскихъ, въ концѣ XVI и въ половинѣ XVII вѣка, то онѣ разнятся какъ своею формою, такъ равно и убранствомъ. Первая сходствуетъ съ древними митрами Митрополитовъ и Епископовъ, въ какихъ они обыкновенно изображаются на старинныхъ иконахъ. Она имѣетъ видъ низменной шапочки съ опушкою или околышемъ изъ горностаеваго мѣха; сдѣлана изъ лазоревой камки, шитой волоченымъ золотомъ. На маковицѣ ея, вмѣсто креста, какой осѣняетъ другія Патріаршія митры, вышитъ и обнизанъ мѣлкимъ жемчугомъ образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, вокругъ коего слѣдующія слова: «Все оупованіе мое к Тебѣ возлагаю, Мати «Божїя, Ты мя сохрани подъ кровомъ Твоимъ!» На челѣ изображенъ Деисусъ, по сторонамъ св. Апостолы Петръ и Павелъ и другіе Святые, которыхъ имена трудно разобрать. Надъ околышемъ кругомъ идетъ надпись, низанная жемчугомъ: «Призри съ небесе, Боже, и виждь и посѣти «виноградъ сей, его же насади десница Твоя!» На серебряномъ плащѣ

(13) Разсужденіе о началѣ, важности и знаменованіи церков. облаченій. Спб. 1804, въ 4.
(14) Исторія Росс. Іерархіи. I и II.

вырѣзано: «лѣта ҂зрді Сентѧбрѧ въ аі день сдѣлана сїѧ шапка повелѣнїемъ Свѧтѣйшаго Їева Патрїарха Московскаго и всеѧ Росїи.»

Въ духовной грамотѣ своей Іовъ, 1597 г. упоминаетъ, что онъ «устроилъ на свои келейныя, заздравныя и заупокойныя милостинныя деньги «въ домъ Пресвятыя Богородицы *шапки*, саки и пр.» (15) Присланная же Іову отъ Цареградскаго Патріарха митра, слывущая короною Палеолога, вдвое выше описанной нами шапки, конусообразная съ перекрестьемъ на тульѣ и съ осмиконечнымъ крестомъ на верху.

Никонова митра, названная въ описи *большою короною*, отличается отъ первой величиною, искусствомъ работы, роскошью и узорочностью украшеніи, тѣмъ велелѣпіемъ, какое сей Патріархъ старался придать Святительскому сану. По серебряной вызолоченой доскѣ ея, надъ обручемъ въ коронкахъ размѣщены изображенія Спасителя и XII Апостоловъ, какія украшали корону Царицы Ирины, супруги Ѳеодора I (16); надъ ними въ четырехъ клеймахъ накладныя съ финифтью иконы Богоматери и Гавріила Архангела благовѣствующаго, потомъ тезоименитыхъ Царю Алексію Михайловичу и Царицѣ Маріи Ильиничнѣ св. Алексія Божія человѣка и Маріи Египтяныни. Съ верху митры спущено перекрестье, состоящее изъ разныхъ драгоцѣнныхъ каменьевъ и обнизанное кафимскимъ жемчугомъ; на маковицѣ ея возвышается четвероконечный крестъ изъ Греческихъ алмазовъ; при подножіи его двойная осмиугольная звѣзда — символъ надежды. (17) На обручѣ, обнимающемъ, вмѣсто мѣховой опушки, края, или рога митры, въ гнѣздахъ и репьяхъ вставлены изумруды, лалы и яхонты, кои представляютъ въ ней *вѣнецъ отъ каменій драгихъ*. Святолѣпная утварь сія запечатлѣна слѣдующею лѣтописью въ звѣздѣ: «Въ царство благочестивѣйшаго Великаго Госѹдарѧ Царѧ и Великаго Кнѧзѧ Алексїѧ Михайловича всеѧ великїѧ и малыѧ Росїи Самодержца, дѹховнаго пастырства при Великомъ Господинѣ, Архїепископѣ царствѹющаго града Москвы и всеѧ великїѧ и малыѧ Росїи Свѧтейшемъ Патрїарсѣ Никонѣ, въ вѣчнѹю памѧть Боѧрина Никиты Івановича Романова ҂зхне г. Їюнїа а день.» Какъ святительская утварь сія, такъ равно и надпись напоминаютъ намъ блестящую эпоху славы и могущества Никона, когда Самодержецъ, при-

(15) Древняя Росс. Вивліоѳика, IV, 123.
(16) *Карамз.* И. Г. Р. X, пр. 217.
(17) *Andreæ Alcati* emblemata cum commentariis. Patavii, 1661, in-4.

знательный за его подвиги ко благу Церкви и государства, за спасеніе своего семейства отъ моровой язвы, именовалъ его своимъ другомъ и далъ ему титло *Великаго Государя*. Но Никонъ, отрекавшійся отъ сего высокаго титла, названъ въ надписи на сей митрѣ *Великимъ Господиномъ*, а на другой митрѣ Греческой: *κύριος, κύριος*, что значитъ и Господинъ и Государь. Кромѣ благоволенія и признательности Царя къ Патріарху, этотъ даръ свидѣтельствуетъ о благоговѣніи его къ памяти дяди своего, боярина и дворецкаго Никиты Ивановича Романова, погребеннаго 1655 года, Декабря 11, (18) въ Новоспасскомъ монастырѣ, этомъ родовомъ кладбищѣ рода Романовыхъ, гдѣ Никонъ до Патріаршества своего былъ Архимандритомъ. Здѣсь нельзя не замѣтить, что какъ на этой коронѣ, такъ и на Греческой митрѣ Никона, годъ изображенъ Арабскими цыфрами не отъ сотворенія міра, но отъ Рождества Христова, что̀ служитъ доказательствомъ употребленія Арабскихъ цыфръ и лѣтосчисленія отъ Р. Х. еще до Петра I. Если же принять числовый знакъ 1 за церковный, а не Арабскій, то судьба это число мѣсяца обрекла Никону концемъ его Патріаршескаго служенія; извѣстно, что онъ, спустя послѣ того три года, добровольно оставилъ Святительскій престолъ 10 Іюня. (19)

(18) Выходы Государей Царей и Великихъ Князей съ 1632 по 1682 годъ, изд. *П. Строева*. М. 1844, въ 4.

(19) Акты Археографической Експедиціи. IV, 149.

ПАТРІАРШАЯ МИТРА.

(Рисунокъ Отд. I. № 86.)

Митра сія, по преданію, Патріарха Іоакима, болѣе походитъ на Царскую корону, чѣмъ на Святительскую шапку; въ описи Патріаршей ризницы она названа *среднею*. На ней нѣтъ образовъ и надписей, кои опредѣляли бы ея значеніе и время устроенія; но она замѣчательна богатствомъ и великолѣпіемъ украшеній, искусствомъ Царскихъ ювелировъ XVII вѣка.

Золотое ея перекрестье, или запона, наложенная на червчатый бархатъ, блистаетъ драгоцѣнными каменьями и жемчугами. Вокругъ митры надъ нижнимъ вѣнцемъ одиннадцать золотыхъ коронокъ съ лалами, изумрудами, яхонтами и алмазами. Между перекрестьемъ наложены репьи, или розетки изъ драгоцѣнныхъ камней; вдоль простираются пряди бурмицкаго жемчуга. Верхъ увѣнчанъ алмазнымъ четвероконечнымъ крестомъ.

Вѣсу въ этой митрѣ 4 фунта и 69 золот.

МИТРА НИКОНА ПАТРІАРХА.

(Рисунокъ Отд. I. № 87.)

Эта митра, названная въ описи *большею*, одна изъ драгоцѣннѣйшихъ по богатству украшеній и по искусству работы. Какъ и въ предыдущей, золотая ея запона, усѣянная лалами, червчатыми и лазоревыми яхонтами, изумрудами и алмазами, образуетъ четвероконечный крестъ, соединенный вверху съ многоугольною звѣздой въ запонѣ, а къ низу съ вѣнцомъ изъ крупныхъ драгоцѣнныхъ камней между двумя прядями жемчуга. Звѣзда служитъ подножіемъ четвероконечному кресту изъ алмазовъ и яхонтовъ; другой алмазный крестъ утвержденъ на передней сторонѣ митры. Между перекрестьемъ, обнизаннымъ прядями окатистаго жемчуга, вставлены четыре клейма съ финифтяными изображеніями Евангелистовъ съ крупными изумрудами. Подъ клеймами на финифтяныхъ плащахъ читаете слѣдующую надпись:

Здѣлана сія святительская шапка Великому Господину Святѣйшему Никону Патріарху Московскому и всея Русіи лѣта ҂зр҃ѯ, Октября въ к҃ день повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича и его благовѣрныя Царицы и Великія Княгини Маріи Ильиничны.

Хотя въ надписи и означенъ 1651 годъ; но въ описи Патріаршей ризницы правильнѣе 1653 г.; ибо Никонъ облеченъ саномъ Патріарха 1652 г. Іюля 25.

Въ 1775 году Святительская митра сія передѣлана, по желанію Свѣтлѣйшаго Князя Потемкина, когда онъ, оставивъ дворъ, учился церковному уставу въ Александро-Невской лаврѣ и носилъ монашескую одежду. (1) Преданіе говоритъ, что Потемкинъ примѣривалъ эту митру, будетъ ли она ему въ пору.

Вѣсомъ утварь эта 6 фунтовъ $6\frac{1}{2}$ золотниковъ.

(1) Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, сост. *Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ*, ч. IV.

МИТРА,

ПОЖАЛОВАННАЯ ЦАРЕМЪ АЛЕКСІЕМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ НИКОНУ ПАТРІАРХУ.

(Рисунокъ Отд. I. № 88.)

Эта драгоцѣнная утварь, подобно предъидущей, есть памятникъ особеннаго благоволенія Царя Алексія Михайловича къ Никону Патріарху, котораго онъ называлъ своимъ другомъ.

Формою своей она болѣе походитъ на древнія митры, чѣмъ другія Патріаршія митры и короны. Основа ея алтабасная. Перекрестье ея и вѣнецъ состоятъ изъ крупнаго жемчугу, между коимъ вставлены репьи изъ драгоцѣнныхъ камней и на передней сторонѣ камей изъ лазореваго яхонта съ изображеніемъ Воскресенія Христова. Верхъ ея осѣненъ осмиконечнымъ крестомъ. Между перекрестьемъ вставлены четыре клейма финифтяныя съ изображеніемъ четырехъ Евангелистовъ. При подножіи ихъ наведена финифтью слѣд. надпись: Здѣлана сія святительская шапка великому Господину Святѣйшему Никону Патріарху Московскому и всея Русіи, лѣта ҂зр҃ѯ҃а, марта к҃и, повелѣніемъ Великаго Г҃дря и Великаго Кн҃зя Алексія Михайловича всея Русіи и его благовѣрной Ц҃рцы и Великой Кн҃гни Маріи Ильиничны.

ГРЕЧЕСКАЯ МИТРА.

(Рисунокъ. Отд. I. № 89.)

Въ описи Патріаршей ризницы она названа *меньшею*, также извѣстна подъ именемъ *Цареградской* и болѣе походитъ на Царскую корону, чѣмъ на святительскую митру. На золотой алтабасъ этой митры наложена золотая прорѣзная запона, усѣянная драгоцѣнными каменьями и украшенная финифтяными травами и цвѣтами; между ими размѣщены золотыя съ чернью пунки. На запонѣ изображенъ Спаситель; по сторонамъ чеканные золотые образа четырехъ Евангелистовъ. Подъ осмиконечнымъ крестомъ золотая чашка съ чернью, коею наведены поясныя изображенія трехъ Московскихъ Святителей и ὁ ἅγιος Βασίλειος Καισαρείας. Кромѣ послѣднихъ словъ, нѣтъ никакихъ признаковъ Греческаго дѣла; да и Греческія слова могли быть списаны Московскимъ художникомъ съ Греческаго образа. Соединеніе же трехъ мѣстныхъ Святителей ясно показываетъ, что митра сія устроена между учрежденіемъ праздника ихъ при Іовѣ Патріархѣ и принесеніемъ въ Москву мощей св. Филиппа Митрополита при Іосифѣ Патріархѣ. По видимому, она была передѣлана, какъ и показываютъ ея орнаменты, относящіеся не къ одному времени и не къ одному стилю.

Вѣсу въ ней 3 фунта и 26 золотниковъ.

МИТРА,

ПРИСЛАННАЯ ИЗЪ ГРЕЦІИ КЪ ПАТРІАРХУ НИКОНУ.

(Рисунокъ Отд. I. № 91.)

Митра эта, названная въ описи *короною,* по преданію, прислана къ Никону изъ Греціи, гдѣ уже извѣстно было имя и вліяніе на дѣла Московскаго Первосвятителя. Форма ея соотвѣтствуетъ этому названію, а богатство разнообразныхъ узорочій ея назначенію въ Патріаршемъ служеніи, ознаменованномъ торжественностью и великолѣпіемъ.

Основу митры составляетъ серебряная вызолоченая доска, на коей положено перекрестье, запоны и репьи изъ разныхъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуговъ. На верхушкѣ двѣ осміугольныя звѣзды, вставленныя одна въ другую, служатъ подножіемъ четвероконечному кресту изъ червчатыхъ яхонтовъ и изумрудовъ. Вокругъ звѣздъ на финифтяномъ ободкѣ изображена слѣдующая надпись изъ Псалма XX, 4: « *ἔθηκας ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ στέφανον ἐκ λίθου τιμίου. Ζωὴν ἠτήσατό σε, καὶ ἔδωκας αὐτῷ μακρότητα ἡμερῶν. Τοῦ μακαριωτάτου Πατριάρχου τῆς μεγάλης πόλεως Μοσχοβίας καὶ πάσης Ρωσίας κυρίου κυρίου Νίκωνος σημημαιω, (σημεῖον?)* т. е. « Положилъ « еси на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна. Живота просилъ есть, у тебе и « далъ еси ему въ долготу дній. Блаженнѣйшаго Патріарха великаго града « Москвы и всея Россіи, Господина Никона знаменіе, 1653. »

Хотя образа на митрѣ Греческаго дѣла и письмена на нихъ Греческія; но изъ самой надписи не видно, что корона ета прислана изъ Греціи Ни-

кону Патріарху, вскорѣ по вступленіи его на святительской престолъ. Вѣроятнѣе, она доставлена отъ вселенскихъ Патріарховъ одному изъ предшественниковъ Никона, а имъ она только украшена драгоцѣнными камнями и Греческою надписью; потому что онъ и другія древнѣйшія утвари своихъ предшественниковъ запечатлѣлъ своимъ именемъ.

Между перекрестьемъ, на четырехъ золотыхъ плащахъ, или клеймахъ, вычеканены и наведены чернью Св. Евангелисты съ Греческими надписаніями ихъ именъ и зачала Евангелій у каждаго. Надъ нижнимъ вѣнцомъ возвышаются двѣнадцать городковъ, или репьевъ изъ жемчуговъ, изумрудовъ и яхонтовъ, представляющихъ подобіе криновъ и числомъ своимъ намѣкающихъ на XII Апостоловъ. Вѣсомъ ета митра 5 фунтовъ. Сходная съ нею и, какъ вѣроятно, по образцу ея сдѣланная, также кованая митра есть даръ Патріарху отъ Царя Алексія Михаиловича и Царицы Маріи Ильиничны, какъ показываютъ самыя надписи на ней и финифтяные образа Св. Алексія Божіяго человѣка и Маріи Египетской, имъ тезоименитыхъ. Съ того времени распространились митры златокованныя, которыя замѣнили прежнія мягкія; онѣ жалуемы были, какъ особыя преимущества, Архіереямъ и даже Архимандритамъ.

ПАТРІАРШІЕ КЛОБУКИ.

(Рисунокъ Отд. I. № 92, 93.)

Патріаршіе клобуки, здѣсь изображенные, даютъ намъ поводъ коснуться вообще значенія и употребленія клобуковъ, преимущественно бѣлыхъ, нѣкогда составлявшихъ предметъ состязаній на соборахъ Россійской Церкви и посему относящихся какъ къ Исторіи, такъ равно и Археологіи.

Собственно *клобукъ,* на новогреческомъ *καβούκη* есть покрывало изъ шерстяной, или шелковой ткани, носимое монахами сверхъ каптыря, или камилавки; въ таинственномъ смыслѣ онъ означаетъ *шлемъ спасенія.* (1) Изъ отечественной исторіи открывается намъ, что въ древности на Руси отъ употребленія клобуковъ или черныхъ шапокъ заимствовали свое названіе народы Черкасскаго племени, *Черные клобуки* и что не только Великіе и удѣльные Князья, но и слуги Княжескіе носили на головѣ клобуки; (2) потомъ даже при крещеніи на младенцевъ, какъ видно изъ древняго Требника, надѣвали клобучки, или куколи, родъ шапочекъ. (3) Чтожъ касается до монашескаго наглавія, то нерѣдко подъ словомъ *клобукъ* разумѣютъ и покрываемую имъ

(1) Новая Скрыжаль, соч. *Преосв. Веніамина*, изд. 4. М. 1816, въ 4.
(2) *Карамз.* И. Г. Р. 1, пр. 90, 457, 11, 71, 152, пр. 353.
(3) Молитвенникъ или Требникъ изъ Греч. языка на Словенской преведенный изслѣдованнымъ изъ друкарнѣ Пана Ѳ. Ю. Балабаба, Стратинское выданье, року 1606, въ 4.

камилавку; даже въ среднемъ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ *καμίλαβα*, camilabo, значитъ покрывало на камилавкѣ святительской, спущенное крылами, или космами, на обѣ стороны, тоже что клобукъ. Шапочка сія, или скуфья *καμελαύκιον*, по мнѣнію Кедрина, Леона Аллація и Гоара, происходитъ отъ *κάμηλος* верблюдъ и *αὐχὴν*, выя и тѣсный входъ, потому что у Восточныхъ иноковъ для защищенія головы отъ солнечнаго зноя, она дѣлалась изъ верблюжей шерсти съ покрываломъ, или клобукомъ, коего заднимъ концемъ образуется горбъ, что подало поводъ другимъ производить слово сіе отъ *καῦμα*, зной, варъ и *ἐλάυνω*, укрощаю, слѣд. шапка, защищающая отъ жара. (4) И такъ наглавію сему, сперва принятому необходимостью, въ послѣдствіи придано символическое значеніе, наконецъ оно обращено въ знакъ отличія.

Въ порядкѣ іерархескомъ Россійской Церкви издревле клобуки Митрополичьи и даже Епископскіе отличались иногда бѣлымъ цвѣтомъ отъ черныхъ клобуковъ монашескихъ; но такое отличіе не было въ ней повсемѣстнымъ и постояннымъ, какъ видимъ въ восточныхъ церквахъ православнаго исповѣданія. Въ Александрійской Церкви, при торжественныхъ случаяхъ, и скитскіе старцы облекались въ бѣлую одежду.

По сомнительному сказанію Русскаго толмача Димитрія, бывшаго въ Римѣ въ началѣ XVI вѣка, бѣлый клобукъ первоначально былъ дарованъ въ IV вѣкѣ по Р. X. Константиномъ Великимъ Римскому Патріарху Сильвестру; въ XIV вѣкѣ изъ Рима перенесенъ въ Царьградъ, откуда Патріархъ Филоѳей, рукоположившій Св. Алексѣя Митрополита, прислалъ въ даръ Новогородскому Архіепископу Василію бѣлый клобукъ, хранящійся въ ризницѣ Софійскаго Новгородскаго Собора. Такое іерархеское отличіе присвоили себѣ и преемники его, въ томъ числѣ Геннадій, къ которому писалъ сказаніе изъ Рима Димитрій толмачь. Но Московскій соборъ 1666 года призналъ это сказаніе лживымъ и неправымъ, «еже писа отъ вѣтра главы своея.»

Митрополитъ Платонъ, основываясь на томъ, что гораздо прежде Василія Новгородскаго, первый Епископъ Ростовскій Леонтій носилъ бѣлый клобукъ, съ вѣроятностію полагаетъ, что обыкновеніе сіе заимствовано не изъ Новгорода; но существовало прежде отъ самаго начала Христіанства

(4) *Ducangii* Glossarium ad scriptt. mediæ et infimæ graecitatis, 2 t. Lugduni, 1688, f.

въ Россіи. (5) Обращаясь къ исторіи Константинопольской Церкви, откуда вѣра христіанская пересаждена въ Россію, мы находимъ тамъ образцы бѣлому клобуку, коего Димитрій Толмачь отъискивалъ въ Римѣ, именно: Іоаннъ Кантакузинъ, при описаніи вѣнчанія на Царство Іоанна Палеолога, замѣчаетъ, «что на главѣ у Патріарха было бѣлое покрывало, украшен-«ное золотомъ и съ изображеніемъ Спасителя, Богоматери и Предтечи «(ἐπὶ τῆς κεφαλῆς), какое обыкновенно нашивали прежніе Патріархи изъ бѣлаго Духовенства» (6). Послѣ того какъ у Грековъ оставленъ былъ обычай производить Патріарховъ и Митрополитовъ не изъ монашества: то и вышелъ изъ употребленія бѣлый клобукъ, замѣненный чернымъ, какой донынѣ у нихъ носятъ Патріархи и Митрополиты. Вѣроятно, на такомъ основаніи Цареградскій Патріархъ даровалъ бѣлый клобукъ Новгородскому Архіепископу Василію, избранному и хиротонисанному въ 1331 году изъ приходскихъ священниковъ Козмодемьяновской церкви въ Новгородѣ.

Сверхъ того, о древнѣйшемъ употребленіи бѣлаго клобука Россійскими Архипастырями, представляютъ намъ различныя мнѣнія два Московскіе собора 1564 и 1666 годовъ. На первомъ, бывшемъ послѣ смерти Всероссійскаго Митрополита Макарія, прежде Архіепископа Новгородскаго, въ присутствіи Царя Іоанна Васильевича, разсуждаемо было: «почему Митро-«политъ Всероссійскій носитъ черный клобукъ, тогда какъ прежніе Русскіе «первопрестольницы Петръ и Алексій, Іоаннъ Архіепископъ Новгородскій, «Леонтій, Игнатій и Исаія Ростовскіе Святители носили бѣлые клобуки и «теперь Пименъ Архіепископъ Новгородскій, подобно предшественникамъ «своимъ, употребляетъ такой же клобукъ?» Въ подтвержденіе сего приведены соборною грамотой и образа Первосвятителей Московскихъ и Владыкъ Ростовскихъ и потомъ сказано, что «въ писаніи не обрѣли, чего для «бѣлые клобуки оставлены Всероссійскими Митрополитами. (7) Но спустя послѣ того столѣтіе, Московскій соборъ подъ предсѣдательствомъ Восточныхъ Патріарховъ Паисія и Макарія, вопреки первому, объявилъ въ статьѣ объ иконописцахъ, подписанной по арабски однимъ Антіохійскимъ Патріархомъ, что «неправедно иконописцы пишутъ Св. Петра, Алексія и Іону,

(5) *М. Платона* Краткая Церковная Росс. Исторія. М. 1805, ч. I, стр 239 и 40.
(6) Historiarum Ioannis Cantacuzeni ex imperatoris. III, c. 36.
(7) Соборная грамота о бѣломъ клобукѣ въ 1 т. Актовъ историческихъ, изд. Археограф. Коммисіею. Спб. 1841, въ 4.

« Московскихъ Чудотворцевъ въ бѣлыхъ клобукахъ, зане они клобуки бѣ-
« лые не носиша и ниже бысть еще въ Россійскихъ странахъ при нихъ
« сей обычай и ниже Кипріанъ и Фотій Митрополиты и прочіи, которіи
« поставлени быша во Царьградѣ во Архіерейство, носиша бѣлыя клобуки. »
Съ Василія, «Архіепископа Новгородскаго, продолжаетъ дѣяніе соборное, начали Новгородскіе Іерархи носить бѣлые клобуки, кои, послѣ Геннадія, приняли и Московскіе Митрополиты. (8) По видимому, дѣяніе собора 1564 года, неизвѣстно было собору 1666 года и свидѣтельства лѣтописей, изъ коихъ Никоновская и Русскій Временникъ подтверждаютъ, что « бѣлые клобуки изначала носили въ Россіи Митрополиты и Епископы » Этому доказательство представляетъ памятникъ XI вѣка Святославовъ сборникъ, гдѣ на миніатюрѣ изображены Святители не въ черныхъ клобукахъ, но въ бѣловидныхъ. Сверхъ того, лѣтописецъ указываетъ намъ на Митяя, нареченнаго преемникомъ Св. Алексія Митрополита, что онъ самовольно возложилъ на себя бѣлый клобукъ, потомъ упоминаетъ о Св. Кипріанѣ, пріявшемъ такой клобукъ, наконецъ о Митрополитѣ Пименѣ, съ котораго снятъ былъ бѣлый клобукъ, по повелѣнію В. К. Димитрія Донскаго. (9) Такіе факты опровергаютъ слова соборной грамоты: « ниже бысть еще въ Россійскихъ
« странахъ сей обычай и что предъ Геннадіемъ Архіепископомъ Новгород-
« скимъ никто отъ Архіерей нигдѣ носи бѣлый клобукъ, точію единъ Ген-
« надій. » Присутствовавшіе на соборѣ Восточные Патріархи и духовныя особы изъ Бѣлорусцевъ, не зная, по видимому, Русской Исторіи и Русскихъ древнихъ обычаевъ, судили объ этомъ по обычаю своей страны, который распространили и на Русское Духовенство.

Между тѣмъ, опровергнувъ неосновательное сказаніе Димитрія Толмача, они не отвергли « нѣкотораго древняго обычая въ Великороссійскомъ Госу-
« дарствѣ, » по коему дозволили Митрополитамъ носить бѣлый клобукъ. Объ этомъ древнемъ обычаѣ, какъ увидимъ далѣе, упоминаетъ дѣяніе Московскаго собора 1675 г.

Какъ бы то ни было, но и въ Россіи XVI вѣка, не повсемѣстно и безразлично было употребленіе сего Святительскаго отличія, основанное на древнемъ отечественномъ обычаѣ. Такъ при поставленіи Митрополита Іоа-

(8) Никон. Лѣтопись, IV, 231.
(9) *Карамз.* И. Г. Р. IV, 273, пр. 360. V, 57, 61, пр 60, 232.

сафа 1539 г. упомянутъ просто *клобукъ;* а 1564 г. въ чинѣ хиротонисанія Аѳанасія, бывшаго дотолѣ протопопомъ Благовѣщенскаго собора и духовникомъ Царя Іоанна Васильевича, сказано о возложеніи *бѣлаго клобука.* (10) Хотя въ 1564 году «Царь со всѣмъ освященнымъ соборомъ уложили и «укрѣпили, что отъ сего времени Митрополитамъ Русскимъ учинить древ«нюю почесть носить имъ клобуки бѣлые съ рясами и Херувимами;» но въ чинѣ поставленія Митрополита 1581 года значится, что ношеніе бѣлаго или чернаго клобука зависѣло отъ соизволенія Государя — «како Царь повелитъ.» (11)

Съ учрежденіемъ же Патріаршества въ Москвѣ, 1589 года, постоянно узаконено Святителямъ употребленіе бѣлаго клобука; одинъ только Никонъ, по примѣру восточныхъ Патріарховъ, иногда носилъ черный клобукъ, какой донынѣ хранится въ ризницѣ Воскресенскаго, что новый Іерусалимъ, монастыря.

Въ Патріаршей ризницѣ находится 24 бѣлыхъ клобука, кои въ старой описи называются Митрополичьими и Патріаршими; всѣ они изъ шелковой ткани, низменные, съ полусферическимъ каптыремъ, съ малыми воскриліями или рясами, и только на одномъ изъ нихъ вышитъ Серафимъ, какъ увидимъ далѣе.

Отличіемъ Патріаршихъ клобуковъ отъ Митрополичьихъ были нашитыя на нихъ изображенія Деисуса и Херувимовъ, также водруженный на маковицѣ ихъ крестъ. Хотя М. Евгеній утверждаетъ, будто до Никона Патріарха клобуки были безъ св. иконъ и безъ воскрилій, съ какими носили ихъ Новгородскіе Архіепископы; (12) однако на клобукѣ Патріарха Филарета видимъ и св. иконы и воскрилія. Покрывало сіе обыкновенно было или чешуйчатое камчатное, или вязеное изъ шелка; оно украшалось жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями; образа на немъ были шитые шелкомъ или наведенные чернью на серебряныхъ и золотыхъ дробницахъ, или плащахъ. По назначенію своему и времени употребленія, клобуки были *большаго наряда*, какіе надѣвались въ большіе праздники, *средняго* и *меньшаго наряда*, *рядовые* или повседневные; (13) потомъ теплые изъ лисьихъ черевъ,

(10) Акты Археографической Експедиціи. I, и въ Актахъ историческихъ, I, N 173, Соборная грамота о бѣломъ клобукѣ.

(11) Собраніе Госуд. грам. II, 69.

(12) Историч. разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. М. 1808, въ 4.

(13) Книга: Списокъ съ переписной Патріаршей домовой казны, 7166 г. N 543.

покрытые бѣлымъ бархатомъ. Каптырь или камплавка была низменная, полусферическая, похожая на скуфью. Съ Никонова времени замѣтно болѣе великолѣпія и знаменательныхъ украшеній, какія онъ любилъ придавать своему сану; тогда вошли въ употребленіе Греческіе такъ называемые рогатые клобуки. На соборѣ 1675 года опредѣляется это Святительское отличіе слѣдующимъ образомъ: Патріархъ имѣетъ въ ношеніи на великіе праздники клобукъ бѣлый, « на немъ водруженъ крестъ вверху, въ концахъ же образы чудотворцевъ об- « низанные. Въ прочіе дни на клобукахъ Серафимы и кресты обнизаны « напреди имущіе. Патріаршій камплавъ имѣти, аще и бѣловидѣнъ изъ « яковы либо вещи, по обычаю нашея Всероссійскія страны, точію со на- « швеніемъ Херувима, паче же приискреннѣ имѣти нашвенъ образъ кре- « ста. » (14) Изъ числа клобуковъ большаго наряда изображены здѣсь два, замѣчательные по богатству украшеній и по принадлежности ихъ знаменитымъ въ отечественной исторіи Святителямъ; одинъ, по описи Патріарха Филарета Никитича, другой Патріарха Никона, которые имѣли титло *Великихъ Государей.* Лица одного писаны съ стариннаго портрета въ Теремномъ дворцѣ, а другаго съ современнаго Никону Патріарху портрета въ Воскресенскомъ, что новый Іерусалимъ, монастырѣ. Первый вязеный изъ крученаго шелка, съ Херувимомъ на главѣ, вышизаннымъ изъ жемчуга; на рясахъ или воскриліяхъ восемь золотыхъ дробницъ, или плащей, на коихъ наведены черню лики св. Николая, трехъ Вселенскихъ, трехъ Московскихъ и трехъ Ростовскихъ Святителей, на заднемъ крылѣ дробница изображаетъ св. Варлаама, Новгородскаго чудотворца. На маковицѣ клобука нѣтъ креста, какой водруженъ на клобукѣ Никона. На семъ клобукѣ камчатномъ, вмѣсто Херувима въ главѣ, вышитъ шелками и обнизанъ жемчугомъ Деисусъ, а на воскриліяхъ три Вселенскихъ и четыре Московскихъ Святителя, въ томъ числѣ и св. Филиппъ Митрополитъ, наконецъ св. Алексій Божій человѣкъ, тезоименитый Царю Алексію Михайловичу. Края воскрилій обсажены неграненными изумрудами, яхонтами и крупнымъ жемчугомъ. Хотя на сихъ Патріаршихъ наглавіяхъ нѣтъ лѣтописи, кромѣ надписанія на ликахъ Святыхъ, но сіи самые лики замѣняютъ ее. На клобукѣ Филарета Ростовскіе Святители напоминаютъ, что прежде онъ былъ Ростовскимъ Митрополитомъ; на Никоновомъ ликъ св. Филиппа знаменуетъ

(14) Древн. Росс. Вивліоѳика. XVI, 308.

присоединеніе сего Іерарха Патріархомъ къ собору Московскихъ Святителей, а изображеніе св. Алексія Божія человѣка указываетъ на дружественныя отношенія Царя къ Патріарху, котораго онъ называлъ въ грамотахъ своихъ «избраннымъ и крѣпкостоятельнымъ пастыремъ, возлюбленнымъ «любимцемъ и содружебникомъ своимъ.» (15)

(15) Акты Археографической Экспедиціи, IV, N 57.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ СЪ СВОИМЪ КЛИРОМЪ.

(Рисунокъ Отд. I. № 94.)

Это изображеніе, въ старинныхъ рамахъ, писанное на холстѣ, вышиною около трехъ, а шириною около двухъ аршинъ, занимаетъ мѣсто на хорахъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, или новомъ Іерусалимѣ. На немъ представленъ во всемъ святолѣпномъ величіи своего сана, на горнемъ или Святительскомъ мѣстѣ, знаменитый Патріархъ Никонъ, основатель этого монастыря, какъ значится и въ надписи: свтѣйшаго Никона Патріарха Московскаго и всея Росіи. Надъ головою его видѣнъ на стѣнѣ образъ Богоматери; Патріарху предстоитъ клиръ его. Всѣ они въ полномъ облаченіи, какъ должно быть въ соборной службѣ. На Патріархѣ тотъ же самый омофоръ и таже митра, какія хранятся въ Патріаршей ризницѣ; на персяхъ у него панагія и крестъ. Въ лѣвой рукѣ у него посохъ съ рогами; правая положена на раскрытую книгу, которую держитъ предъ нимъ юный поддьякъ Германъ. Ему предстоятъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ его сослужебники: Архимандритъ Воскресенскаго монастыря Герасимъ въ фелоніи и митрѣ, потомъ духовный отецъ его, Іеромонахъ Леонидъ, Іеромонахъ Іовъ, Архидіаконъ Евфимій, Діаконъ Іосія, поддьяконъ Иліодоръ и наконецъ поддьякъ Серафимъ, держащій въ рукахъ Патріаршія четки и очки. Какъ всѣ сіи лица изъ монашествующихъ, то можно съ достовѣрностію полагать, что живописецъ изобразилъ святительское служеніе, или пропо-

вѣданіе Слова Божія въ монастырѣ Воскресенскомъ. По своему значенію въ первенствующей и отечественныхъ Церквахъ, замѣчателенъ для насъ въ Патріаршемъ клирѣ Архидіаконъ, какъ первенствующій надъ діаконами. Онъ въ монашескомъ клобукѣ, потому что въ Архидіаконы при Патріархахъ, Митрополитахъ и Архіепископахъ поставлялись изъ монашествующихъ. Чинъ этотъ существовалъ въ Россійской Церкви до изданія Духовныхъ штатовъ 1764 года. (1) Наконецъ этотъ самый отрокъ, поддьякъ Серафимъ сопровождалъ Патріарха на соборъ, созванный въ Чудовѣ монастырѣ для низложенія этого Святителя, и тамъ, не смотря на препятствія, предстоялъ ему съ крестомъ.

По содержанію своему и времени, это изображеніе важно не только въ художественномъ, но и въ историческомъ отношеніи, потому что представляетъ намъ не только черты и облаченіе великаго дѣятеля въ отечественной Церкви, но и его клиръ — его сотрудниковъ, сострадальцевъ. (2)

Въ правильныхъ и вмѣстѣ рѣзкихъ чертахъ Патріарха выражается какое то самосознаніе ума, пылкость и стойкость характера, крѣпость воли; не смотря на то, что переступилъ за полвѣка своей жизни, онъ еще сохранилъ бодрость и свѣжесть силъ тѣлесныхъ; умное и одушевленное его лице составляетъ рѣзкую противоположность съ окружающими его лицами. Достойное быть на первомъ планѣ, оно выражаетъ готовность на молитву и подвигъ. По сходству его съ изображеніемъ подъ N 92 и съ другими, можно заключать, что онъ списанъ здѣсь съ натуры. Въ окружающихъ его лицахъ выражено различіе характеровъ, возрастовъ, націй и положеній. Возмите напр. лице духовника Патріаршаго: оно являетъ маститаго старца, опытнаго въ монашеской жизни, украшеннаго сѣдинами, благоразуміемъ и смиреніемъ. Ему противоположны лица Архидіакона и Діаконовъ полныя силы, юныя, свѣжія; мужественныя ихъ черты обѣщаютъ мужественный басистый голосъ, для котораго они избирались Патріархомъ, любителемъ святолѣпности церковнаго служенія. Подобно какъ у другихъ сослужебниковъ, во взорахъ его выражается вниманіе къ словамъ Святителя; между тѣмъ какъ глаза двухъ юныхъ поддіаконовъ устремлены на Патріарха, въ ожиданіи мановенія его — одинъ, чтобы пере-

(1) Историческое разсужденіе о чинахъ Греко-Россійской Церкви, чит. въ собр. Александроневской Академіи Кандидатомъ Богословіи Д. *Малиновскимъ*. Спб. 1805, въ 4.

(2) Начертаніе жизни и дѣяній Никона П. М. соч. *Архимандрита Аполлоса*. М, 1846, въ 8.

вернуть листъ въ книгѣ, другой, чтобы подать ему очки и четки. Судя по лицеочертанію, нѣкоторые изъ клириковъ Никона похожи на Грековъ, Евреевъ, Молдаванъ. И дѣйствительно, окружая себя иностранцами, для перевода и сличенія книгъ съ Греческаго и Латинскаго языковъ, любознательный Архипастырь нерѣдко самъ съ ними занимался. Нѣкоторые изъ этихъ сотрудниковъ и собесѣдниковъ раздѣляли съ нимъ опалу и заточеніе.

Въ сочиненіи картины, художникъ, вѣрный приличію и чинности, пожертвовалъ мѣстности законными условіями перспективы. Стѣсняясь размѣщеніемъ лицъ, онъ принужденъ былъ смѣшать вторый планъ съ третьимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и пропорціи головъ, для того, чтобы выказать въ своемъ свѣтѣ всѣ лица, имѣвшія свое значеніе въ клирѣ Патріаршемъ. Еслибъ поставить ихъ по обѣ стороны Патріарха: то однѣ заслонили бы другихъ. Всѣ же на одной сторонѣ, въ одинъ рядъ, не могли бы размѣститься; для сего онъ поставилъ ихъ въ два ряда; однихъ надъ другими, такъ какъ поступаютъ зоографы въ многолюдныхъ иконахъ. Кромѣ этого, въ картинѣ недостаетъ еще перспективнаго воздуха. Но головы нарисованы правильно и отчетливо, лицамъ дано соотвѣтственное ихъ характеру выраженіе.

Въ цѣломъ замѣтно согласіе и теплота колорита, такъ что это произведеніе можно признать однимъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ портретной живописи XVII столѣтія въ Россіи. Разительную съ нимъ противоположность по стилю и нѣкоторое сходство въ чертахъ лица представляетъ изображеніе Никона на иконѣ св. Царей Константина и Елены, стоящей на Голгоѳѣ въ Воскресенскомъ монастырѣ, Патріархъ съ Царемъ и Царицею въ моленіи припадаетъ къ подножію креста. Тамъ видѣнъ живописецъ—художникъ, здѣсь иконописецъ — подражатель.

По выраженію, картина сія болѣе принадлежитъ къ Фламандской, или Голландской, чѣмъ къ Италіянской или Фряжской школамъ. Послѣдователи первой находились въ числѣ Царскихъ и даже Патріаршихъ зоографовъ, которые при Государевомъ и Святительскомъ дворахъ составляли родъ Академіи художествъ. Между ними были и чужестранные живописцы: изъ Австріи Данило Вухтеръ и Иванъ Детерсъ, изъ Швеціи Дерсонъ, или Детерсонъ, изъ Англіи Иванъ Инглесъ, изъ Польши Станиславъ Лопуцкій, Василій Познанскій и пр. Они перенесли къ намъ стиль школы, тогда господствовавшей въ Европѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ истинное понятіе о портретной живописи. Не показываетъ ли даже самое названіе портретовъ *иконами*, (εἰκῶνος) *подобіями*, (ὁμιοώματα) потомъ

парсунами, персонами, (personæ, personne) *лицами,*—что портретное искусство сперва заимствовано Русскими отъ Грековъ, потомъ отъ Италіанцевъ и Нѣмцевъ. Хотя опыты въ немъ извѣстны были Русскимъ еще въ Кіевѣ при В. К. Святославѣ Ярославичѣ (3) и въ Москвѣ при Іоаннѣ III; но въ XVII вѣкѣ оно стало болѣе распространяться, когда художники начали изучать красоту внѣшнихъ линій и вносить въ искусство личность и народность. Тогда, кромѣ св. иконъ, Царскія и Святительскія палаты, боярскіе хоромы и свѣтлицы украшались портретами Государей и Іерарховъ. По свидѣтельству Рейтенфельса, 1670 года: « нѣкоторымъ особамъ позволялось имѣть « въ своемъ домѣ портретъ Царя, въ знакъ особенной милости. » (4) Въ Титулярникѣ 1672 года, помѣщены портреты Царей Михаила и Алексія, Царевича Алексія Алексіевича и Никона Патріарха. Въ переписной книгѣ Оружейной Палаты 1687 года значатся : « Парсуна Великаго Государя Царя « Михаила Θеодоровича на дскѣ длиною 1 аршинъ 10 вершковъ, шириною « 1 аршинъ $1\frac{1}{2}$ вершка ; Парсуна Великаго Государя Царя Алексія Михай- « ловича писана по полотну, длиною 3 аршина съ 2 вершки, шириною 2 « аршина 1 вершокъ. » (5) Хотя портреты Патріарховъ не ставились надъ гробницами ихъ въ Успенскомъ соборѣ, подобно какъ Царскіе въ Архангельскомъ ; но они сохранялись въ Чудовѣ монастырѣ и въ Патріаршей ризницѣ. Когда въ 1632 г. скончался св. Діонисій, Архимандритъ Сергіевой лавры : тогда, по сказанію его жизнеописателя, собрались къ его гробу многіе изографы списывать его лице. (6)

Употребляя науки и художества для своихъ цѣлей, дальновидный Никонъ воспользовался и портретною живописью, чтобы сохранить изображеніе свое и своихъ любимцевъ и сослужебниковъ въ созданномъ имъ новомъ Іерусалимѣ, гдѣ онъ назначилъ себѣ могилу на мѣстѣ погребенія Царя-священника Мельхиседека въ древнемъ Іерусалимѣ.

Къ сожалѣнію, на самой картинѣ, по всей вѣроятности, современной Никону Патріарху, не нашли мы ни имени художника, ни году ея писанія.

(3) Въ Святославовомъ Сборникѣ 1072 г. миніатюрныя изображенія на пергаментѣ Княжескаго семейства.

(4) Очерки *К. Тромонина*, № 22, ст. о изображеніяхъ Царей Михаила Θеодоровича и Алексія Михайловича, соч. *И. Снегирева.*

(5) Журн. Минист. Нар. Просв. Іюль, 1830 года.

(6) Житіе Препод. Діонисія, Архимандрита Троицко-Сергіева монастыря.

Принимая въ соображеніе самую надпись, гдѣ этотъ Святитель названъ только *Патріархомъ Московскимъ* и *всея Россіи*, можно бы предполагать, что изображеніе Никона писано до 1655 г., когда ему, за спасеніе Царскаго семейства отъ моровой язвы, дано Царемъ титло *Великаго Государя*, которое онъ неохотно принялъ. Но если предположить мѣстность въ Воскресенскомъ монастырѣ, коего строеніе начато въ 1656 году: то надобно отнести эту картину къ годинѣ испытанія Никона, когда ему поставили въ вину невольное присвоеніе титла Великаго Государя и когда этотъ вольный изгнанникъ, отрясши прахъ отъ ногъ своихъ въ воротахъ кремлевскихъ, *связанный духомъ,* отошелъ въ свой новый Іерусалимъ. Послѣднее подтверждаетъ изображенный на картинѣ Воскресенскій Архимандритъ Герасимъ, который вступилъ 1658 г. въ управленіе монастыремъ послѣ Стефана, построившаго тамъ первую деревянную церковь въ честь Воскресенія Христова. (7)

Это изображеніе стояло прежде въ соборѣ Воскресенскаго монастыря надъ Патріаршимъ мѣстомъ. Но Императоръ Павелъ I, поклонившійся здѣсь Никону, замѣтивъ, что оно портится отъ сырости, велѣлъ наклеить его на доску и помѣстить на хорахъ у придѣла въ честь Тихвинскія Богоматери, гдѣ находится и донынѣ.

(7) Исторія Росс. Іерархіи. II, 350.

ПАТРІАРШАЯ ХОДИЛЬНАЯ ОДЕЖДА.

(Рисунокъ Отд. I. № 95, 103.)

Вмѣстѣ съ церковными облаченіями Святителей въ Московской Патріаршей ризницѣ уцѣлѣла и повседневная, ходильная ихъ одежда, или ряски, по коимъ можно судить о покроѣ платья, о ростѣ и станѣ Патріарховъ. Такія четыре ряски, однѣ изъ двоеморхаго, а другія изъ гладкаго бархата, вишневаго и таусиннаго цвѣта, подложенныя тафтою и дорогами т. е. шелковою полосатою тканью. Двѣ изъ нихъ, приписанныя Патріарху Никону, длиною 2 арш., съ широкими рукавами; а прочія двѣ длиною 1 арш. 14 вершк., съ узкими рукавами. Первыя застегиваются шелковыми пуговицами отъ шеи по грудь, а другія во всю длину разрѣзныхъ полъ. Шею обхватываетъ въ родѣ воротничка узкій ожерелокъ изъ бархата.

На заглавномъ листѣ книги Шведскаго посла Петрея, бывшаго въ Москвѣ при Самозванцахъ, находимъ изображеніе Московскаго Патріарха въ ряскѣ, сходной съ вышеописанными. (1) Какъ первый Патріархъ Іовъ тогда сосланъ былъ въ заточеніе: то, вѣроятно, у Петрея представленъ лжепатріархъ Игнатій въ его обычномъ костюмѣ. Въ такихъ же рясахъ, застегнутыхъ пуговицами съ верху до низу, изображены Архіереи на картинахъ коронаціи Царя Михаила Өеодоровича.

Изъ жизни Никона видимъ, что Царь Алексій Михайловичь пожаловалъ Святителю изъ своей Царевой ризницы множество священныхъ и *вишь-*

(1) Historie und Bericht von dem Grossfürstenthum Muschkowy.

нихъ одеждъ; посему вѣроятно, и описанныя нами рясы были ничто иное, какъ Царскіе становые кафтаны, обращенные въ рясы. (2) Такіе же кафтаны или платна и кабаты иногда употребляемы были на сакосы.

При сравненіи Патріаршихъ рясокъ съ верхнею ходильною одеждою Цареградскихъ Патріарховъ (3) и съ сутанами (sottana) Римскихъ Папъ, Кардиналовъ и Прелатовъ, (4) открывается разительное сходство, которое намѣкаетъ намъ о первоначальномъ единообразіи въ облаченіяхъ Восточной и Западной Церквахъ.

Но какъ сіи ходильныя одежды Московскихъ Патріарховъ не составляютъ еще всего ихъ наряда (костюма), то, для дополненія его, мы заимствуемъ свѣдѣніе изъ грамотъ, кроильныхъ книгъ и описей Патріаршей домовой казны. Изъ тѣхъ и другихъ видно, что одежда ихъ была *употребительная при священнослуженіи,* и *вившняя, повседневная, ходильная* и *ѣздовая*, или *походная*. Не касаясь здѣсь первой, осмотримъ послѣднюю, которая намъ показываетъ внутренній бытъ и образъ жизни Святителей.

Монашеская ходильная одежда Русскихъ, заимствованная отъ Грековъ, сначала не разнилась покроемъ и цвѣтомъ у чернецовъ, властей и Архіереевъ; она была нижняя и верхняя, какъ-то: власяницы, или свиты, рясы и мантіи, по большей части, короткія, и клобуки съ каптыремъ или кукули. Въ Печерскомъ Патерикѣ одежда иноческая, соотвѣтствующая обѣту вольной нищеты, называется *чернеческими рубами*. Въ уставной грамотѣ Суздальскаго Архіепископа Діонисія, 1382 года, даже воспрещено монахамъ носить нѣмецкія сукна и шубы бараньи съ пухомъ. (5) Нѣкоторыя неважныя въ ней измѣненія произошли отъ ея приспособленія къ климату и образу жизни; посему въ Россіи и различалось монашеское одѣяніе, одно по *Греческому*, а другое по *Русскому обычаямъ*, какъ видно изъ дѣяній Московскаго собора 1666 и 67 годовъ, гдѣ сказано: «одѣяніе монахомъ по «Греческому обычаю благословися; укоряющіе таковое священства изверг«аются.» Іерархи и власти, возвышаясь надъ рядовыми чернецами, отли-

(2) Исторія о всехвальномъ и достоблаженномъ Святѣйшемъ Никонѣ Патріархѣ, рукоп. устас. въ 4, N 174, въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

(3) Costumes de la cour de Rome. 1845, in-8.

(4) см. Изображеніе Константинопольскаго Патріарха въ D. I. Heineccii Abbildung der alter u. neuen griechischen Kirche. Leipz. 1711, in-4.

(5) Акты Археограф. Експедиціи. I, N 5.

чались не столько покроемъ, цвѣтомъ, сколько богатствомъ и великолѣпіемъ *внѣшней* ходильной своей одежды, такъ равно отличіями сана. По свидѣтельству Гваньини, писателя XVI вѣка, « платье у Епископовъ было чер« ное, подобно прочимъ монахамъ, иногда шелковое. » (6) Но въ послѣдствіи они стали употреблять и цвѣтное изъ разныхъ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей, каковы: бархаты гладкіе, золотые, двоеморхіе, камки кизилбашскія, объяри, тафты, дороги, сукна нѣмецкія и троицкія. Первый Патріархъ Московскій въ духовной грамотѣ своей, 1597 г., упоминаетъ о *манатьяхъ, шубахъ* и *рясахъ*, сдѣланныхъ имъ на свой домашній обиходъ. (7) Въ описи домовой казны Патріарха Филарета Никитича, 1630 года, находимъ *шубы нарядныя* и *санныя*, крытыя атласомъ и барбейракомъ багровымъ, *ряски* холодныя и теплыя изъ бархата багроваго и тауспиннаго, черныя барбейраковыя, подложенныя тафтою. (8) Сверхъ рясъ, при выходахъ надѣвались Святителями *манатьи*, или мантіи съ источниками, скрижалями и поматами изъ бархата и другихъ шелковыхъ тканей; повседневныя изъ нихъ въ древности были короткія, по колѣна, а праздничныя длинныя. Перемонатка возлагалась сверхъ рясы на персяхъ. Кромѣ рядоваго ходильнаго платья, какъ значится въ описи, было у Патріарховъ особенное ѣздовое или дорожное, къ коему принадлежатъ *мятли* и *кошули*, помѣщенныя въ описи 7138 года. Первыя такъ описаны: « мятель, сукно темно« синее, подложенъ киндякомъ зеленымъ, пугвицы шелкъ черенъ, » а другія: « кошуля, тафта двоеличная, шелкъ вишневъ, да зеленъ, исподъ черева песцовые бѣльи. »

Мятель, вѣроятно, отъ Нѣмецк. Mantel, составляла родъ верхней одежды, или епанчи, какую издревле нашивали не только Князья, но и слуги княжескіе. (9) Чтожъ касается до *кошули*, то въ Польскомъ языкѣ встрѣчается сходное съ нею koszula, рубаха; но, по ближайшему объясненію Словаря Россійской Академіи, кошуля есть нижняя мужская и женская одежда, по большей части, подбитая какимъ либо мѣхомъ, на подобіе полукафтанья или полушубка. Хранящееся въ Патріаршей ризницѣ портище

(6) De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione. B. D. 1582, in-4.
(7) Древн. Росс. Вивліоѳика. VI, 133.
(8) Опись Патріаршимъ келейнымъ вещамъ 7138 г, N 11, въ Госуд. Архивѣ и опись Патріаршей казны 7159 г, связка 209 въ Придв. Архивѣ
(9) *Карамз.* И. Г. Р. II, пр. 353.

изъ Турецкаго золотнаго атласа по зеленой землѣ, подложенное осиновымъ киндякомъ и подпушенное брусничною камкою, составляетъ спаленное платье, въ родѣ халата. Изъ головныхъ покрововъ въ описи 1630 г. упомянуты: *шапочки* холодныя изъ камки; *клобуки теплые* изъ лисьихъ черевъ, покрытые бѣлымъ рытымъ бархатомъ; *треухъ* соболій подъ объярьми гвоздичными; шляпа перекрестки черны, подложена бархатомъ чернымъ; шляпа Цареградская бархатъ черенъ, подложена камкою лазоревою. Въ Патріаршей ризницѣ уцѣлѣла Патріаршая шляпа изъ лебединаго пуха, присланная изъ Китая; она круглая съ широкими полями; на полусферической ея тульѣ былъ нашитъ изъ позументовъ крестъ, споротый въ 1812 г. Французами. Подобныя шляпы (*καπάσια*) носили Цареградскіе Патріархи сверхъ камилавки. (10)

Мѣсто рolдуговъ, или перчатокъ, замѣняли *рукавки* холодные и теплые; первые были изъ вязенаго шелка, а другіе песцовые. Обувь Патріаршую составляли *сапоги*, *калиги* или *сандаліи*. Въ рукахъ Патріархъ носилъ *лѣствицу*, родъ четокъ, съ лапостками. Жезлы и посохи у него были одни воскресные, другіе панихидные и вседневные.

Какъ въ Царскомъ, (11) такъ и въ Патріаршемъ гардеробѣ встрѣчается исподнее платье: въ описи домовой казны Патріарха Филарета Никитича значится: «*штаны*, тафта лазорева, на бѣлыхъ черевахъ.» Наконецъ въ той же описи находимъ свѣденіе о *постелѣ* Патріаршей; ее составлялъ: «войлочекъ обшитъ сафьяномъ лазоревымъ, да шуба одѣвальная баранья.»

Какъ за домовою бѣлою казной Патріарха были особые смотрители, такъ равно строеньемъ ея занимались скатертники, свиточники и портные, которые входили въ составъ Патріаршаго Двора.

(10) D. S. M. Heineccii Abbildung der alten und neuen griechischen Kirche. Leipz. 1711, in-4.
(11) Выходы Государей Царей Михаила, Алексія и Ѳеодора. изд. *П. Строева*. М. 1844, въ 4.

ДРЕВНѢЙШІЯ ОБЛАЧЕНІЯ

НОВГОРОДСКИХЪ СВЯТИТЕЛЕЙ.

(Рисунокъ Отд. I. № 96, 97, 98, 99, 100.)

Ризница Новгородскаго Софійскаго собора украшается драгоцѣнными, по древности, нетлѣнію и святынѣ, облаченіями и утварями Новгородскихъ Святителей Никиты и Моисея. Св. мощи одного опочиваютъ на вскрытіи въ этомъ соборѣ съ 1107 г., а другаго въ Сковородскомъ монастырѣ съ 1329 года.

Св. Никита, постриженикъ Кіевопечерскаго монастыря, подвижникъ, затворникъ и чудотворецъ, по смерти Новгородскаго Епископа св. Германа, избранъ и поставленъ былъ на святительскій престолъ въ Новгородѣ, 1096 или 97 году; преставился 1107 года, Января 31.

При открытіи св. мощей его, въ 1550 году, найдено на немъ облаченіе, сохранившееся нетлѣннымъ въ могилѣ, гдѣ оно лежало 450 лѣтъ. Все облаченіе состоитъ изъ фелони, эпитрахили, поручей, палицы, штофныхъ коричневаго цвѣта, гаруснаго пояса, омофора изъ бѣлаго люстрина, изъ синей гродетуровой шапочки, опушенной горностаевымъ мѣхомъ; на ней вышиты золотомъ кресты и Серафимы съ словами: «Серафимъ.» Такая шапочка служила митрою. Къ этой Епископской утвари XI вѣка принадлежитъ Архіерейскій посохъ, о коемъ ниже будетъ сказано, и желѣзныя вериги, вѣсомъ въ 20 фунтовъ, найденныя на мощахъ Іерарха. Въ день открытія нетлѣнныхъ его останковъ принесена была Новгородцами ко гро-

бу его желѣзная лампада, хранящаяся въ ризницѣ, съ круговою прорѣзною надписью: Свѣча Великаго Новгорода всѣхъ православныхъ хрестьянъ, поставлена ноколю чудотворцу Никитѣ въ лѣто ҂зѯѕ, Апрѣля въ л҃ день, при Архіепископѣ Пименѣ.»

Бѣлый клобукъ знаменитаго Архіепископа Новгородскаго Василія представляетъ намъ не только памятникъ церковной древности, возводимый безъотчетнымъ преданіемъ ко временамъ Константина Великаго, но и предметъ притязаній Владыкъ Новгородскихъ на первенство и преній на помѣстныхъ соборахъ. Въ 1352 году наглавіе сіе прислано Цареградскимъ Патріархомъ Филоѳеемъ первому Василію, возведенному на степень Архіепископа изъ бѣлыхъ священниковъ. (1) Василіевъ клобукъ, вязаный изъ бѣлаго крученаго шелку, состоитъ изъ каптыря, или полусферической шапочки, съ длинными отвѣсами, украшенъ крупнымъ жемчугомъ и яхонтами. Долго подобное отличіе было принадлежностью однихъ Владыкъ Новгородскихъ, потомъ присвоено себѣ Всероссійскими Митрополитами и Патріархами. (2)

Святитель Моисей, предъ блаженною кончиною своей, 1329 года, удалившійся въ основанную имъ Сковородскую обитель, оставилъ въ Софійской сокровищницѣ памятники своего служенія и подвижничества: стяжанное имъ Евангеліе, (3) свои желѣзныя вериги и омофоръ, изображенный на рисункѣ N 97. Св. этотъ парамникъ изъ дымчатой шелковой матеріи съ четвероконечными крестами и вышитыми на краяхъ словами: «Моисея Архіепископа, молитвами Святыя Софіи.» (4)

(1) Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. М. 1808, въ 4.

(2) см. ст. о клобукахъ.

(3) Списокъ Русскимъ памятникамъ, *П. Кеппена*. М. 1832, въ 8.

(4) Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора въ Новгород. Губ. Вѣдом. 1838 г, N 9. Историческое описаніе святыни Новгородской. Спб. 1848, въ 8.

РИЗА ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ И ЕГО ЛОЖКА.

(Рисунокъ Отд. I. № 101.)

Священническая риза, или *фелонь* св. основателя Троицко-Сергіевой лавры представляетъ въ ризницѣ разительную противоположность своею простотой и скудостію съ драгоцѣннѣйшими облаченіями, кои блестятъ золотомъ и драгоцѣнными камнями. Она сшита изъ грубой ткани, болѣе похожей на крашенину, чѣмъ на бумажную ткань темноорѣховаго цвѣта, съ оплечьемъ изъ такой же матеріи синеватаго цвѣта. Спереди три серебряныя вызолоченыя пуговки, на кои во время священнодѣйствія поднимали петли подола фелони; назади подъ оплечьемъ нашиты маленькіи крестикъ и звѣздица или кустодія, знаменующая камень гробный, на коемъ сидѣлъ Ангелъ по Воскресеніи Христовомъ. Риза сія подбита, въ послѣдствіи, шелковою матеріей. Въ ней 1797 г. Апрѣля 23, Митрополитъ Платонъ встрѣтилъ Императора Павла I, прибывшаго въ Троицкую лавру, послѣ своей коронаціи, на поклоненіе св. мощамъ Преподобнаго Сергія; въ ней онъ служивалъ въ день его праздника, какъ преемникъ его настоятельства. При освященіи двухвѣковой деревянной церкви, строенія св. Архимандрита Діонисія, перенесенной изъ села Подсосенья на Корбуху, знаменитый витія Церкви, Митрополитъ Филаретъ 1844 г. Сентября 28 священнодѣйствовалъ въ ризѣ Преподобн. Сергія.

Къ описанію Сергіевой фелони за нужное почитаемъ прибавить, что въ настоящее время сія св. одежда получила измѣненный видъ, потому что передняя часть ея, для удобства въ служеніи, постепенно была укорачи-

ваема, такъ что теперь она покрываетъ половину стана. Въ восточной православной Церкви Фелоній, или *фелонь* (*φελόνιον* и *φαιλόνιον*) употреблялась, какъ древняя Форма и собственно означала верхнюю длинную и широкую одежду, отъ *φαίνεται*, покрываетъ и *ὅλος*, весь т. е. одежда, покрывающая все тѣло. Въ прежнія времена ее носили и Архіереи при священнослуженіи. Скрижаль, гл. 28, даетъ ей знаменованіе той хламиды червленной, коею Христосъ облеченъ былъ Іудеями во время своего страданія. По толкованію Симеона Сол. «Фелонь означаетъ высшую и свыше подаваемую силу и осіяніе духа, свѣтлость первѣйшихъ горнихъ Чиновъ.» Такою свѣтлостію свыше озаренъ былъ Преподобный Сергій, удостоенный сослуженія Ангеловъ.

Здѣсь на рисункѣ соединенъ съ памятникомъ церковной скудости и остатокъ келейной простоты—деревянная столовая ложка Преподобнаго Сергія, какъ кажется, изъ дикой яблони. Она хранится въ шкаФѣ при св. его мощахъ вмѣстѣ съ монашескою его мантіей, парамандомъ, поручами и домашнею утварью.

НОЖЪ, НОЖНЫ СЪ КОШЕЛЬКОМЪ

И СТАРИННАЯ ДЕРЕВЯННАЯ ЧАША ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 102.)

Ножикъ съ черенкомъ изъ дерева, по видимому, яблоннаго и съ костяною оправой на концѣ; суконныя ножны его показываютъ, что св. старецъ носилъ его съ собою въ дорогѣ при поясѣ, что и донынѣ дѣлаютъ поселяне. Но *прославится ли сѣкира безъ сѣкущаго ею?* (1) Сей великій подвижникъ, соединяя трудъ съ молитвою, плотничалъ топоромъ, чтобы выработать себѣ кусокъ черстваго хлѣба у собрата; вѣроятно, и ножъ свой употреблялъ онъ не только на раздѣленіе своего хлѣба нищимъ, но и на вырѣзываніе ложекъ и другой столовой утвари, и тѣмъ самымъ подалъ примѣръ трудолюбія, какому слѣдовали старцы Троицкіе. Въ 1619 г. они поднесли деревянныя братины, ставки и ковши своего издѣлія Патріарху Цареградскому Ѳеофану, а въ 1676 г. Патріархамъ Александрійскому Паисію и Антіохійскому Макарію, посѣтившимъ святую обитель Преп. Сергія. Подобныя утвари посылали они Царямъ и Царицамъ. Монастырское издѣліе, перешедшее въ посадъ дало начало промышленности деревянною посудой, которую покупали богомольцы. Изъ столовой утвари особенно тамъ славились каповыя ложки и чашки, кои вырѣзывались изъ березовой болоны, или выплывка.

Къ такимъ келейнымъ издѣліямъ принадлежитъ изображенный здѣсь деревянный ставецъ или чашка, похожая на братину; за трапезой у всякаго старца былъ свой ставецъ: *что старецъ, то ставецъ.*

(1) *Исаія Прор.* X, 15.

Въ одной изъ проповѣдей своихъ Митрополитъ Платонъ, обращаясь къ симъ памятникамъ св. Сергія, говоритъ: «сіи ризы, въ коихъ онъ священнодѣйствовалъ, сія лжица, сей ножичекъ, послужившіе его потребамъ «тѣлеснымъ, сей посошокъ, подкрѣплявшій его старость и слабость, по «наружности своей, ничего не имѣютъ драгоцѣннаго, или лестнаго; но, «по внутренности, всякихъ бисеровъ и многоцѣнныхъ камней драгоцѣннѣе: — они освящены его потомъ и озлащены его добродѣтелей подвигами. А потому они, яко одушевленныя, всѣ громогласно вопіютъ: Христіане! не въ златѣ и сребрѣ, но въ добродѣтели и благочестіи поставляйте свое богатство.» (2)

(2) Поучительныя слова Митрополита Платона, XVI, 140 и 146.

КЛОБУКЪ, ТРОСТЬ, ЧЕТКИ, ШЛЯПА, САПОГЪ, САНДАЛІИ И БРУСОКЪ

НИКОНА ПАТРІАРХА.

(Рисунокъ Отд. I. № 103.)

Это памятники труженической, келейной жизни Патріарха Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, или Новомъ Іерусалимѣ, гдѣ онъ съ иноками ходилъ на службу въ церковь, а съ работниками дѣлилъ труды при сооруженіи дивнаго храма въ честь Воскресенія Христова, по образцу Іерусалимскаго.

Въ монастырской церкви онъ украшалъ себя уже не бѣлымъ, но чернымъ клобукомъ, какой изображенъ на рисункѣ. Клобукъ этотъ разнится отъ обыкновеннаго монашескаго только вышитымъ на его челѣ Херувимомъ. На работу онъ ходилъ въ пуховой шляпѣ; на ней уже нѣтъ такого креста, какой нашитъ на Патріаршей шляпѣ, хранящейся въ Патріаршей ризницѣ. Четки его костяныя съ шелковою кистью. Трость его не съ рогами, или перечиною и не съ яблоками, или шипками, но съ набалдашникомъ, составляла для него не отличіе сана, но опору въ ходьбѣ. Кожаный сапогъ съ желѣзной подковкой показываетъ намъ форму обуви, мѣру его ноги, такъ какъ и кожаныя сандаліи, или босовики, съ желѣзными подковками. Наконецъ брусокъ, въ серебряной оправѣ съ драгоцѣнными каменьями, свидѣтельствуетъ, что руки Никона, воздѣваемыя на молитву и благословленія, не чужды были работы.

АРХІЕРЕЙСКІЙ ПОСОХЪ И ЦАРСКАЯ ЧАРОЧКА.

(Рисунокъ Отд. I. № 104.)

Ризница Смоленскаго Успенскаго собора хранитъ въ себѣ два памятника усердія Царей Михаила Ѳеодоровича и Алексія Михайловича: Архіерейскій посохъ и ковшичекъ для вливанія теплоты. Одинъ окованъ серебромъ съ чеканными вызолоченными яблоками и съ крестомъ на верху перечины. Другой серебряный, съ надписью, означающею имя вѣнценоснаго вкладчика; на днѣ его вырѣзанъ двуглавый орелъ съ двумя коронами на головахъ, а на другой сторонѣ слова: *вес м золотниковъ*.

ПОСОХЪ СВ. ЕПИСКОПА НИКИТЫ И СВЯТИТЕЛЬСКАЯ ПАНАГІЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 105.)

Въ числѣ священныхъ древностей и драгоцѣнностей, ризница Новгородскаго Софійскаго собора заключаетъ въ себѣ Архіерейскій посохъ Новгородскаго Святителя Никиты, преставившагося 1107 или 108 года, а по Слѣдованной Псалтири, 1101 года. По видимому, въ ознаменованіе Животорящей Троицы, этотъ посохъ составленъ изъ трехъ жимолостныхъ тросточекъ съ костяными рѣзными яблоками или шипками; рога, или поперечины его, и подъ ними первое поле, обложены моржовой костью, по коей вырѣзаны разные Святые. Изображенія нѣкоторыхъ изъ нихъ выпали; но изъ надписей видно, что на поперечинѣ были лики Спасителя съ Богоматерію и Предтечей, Архангеловъ Гавріила и Михаила, Апостоловъ Петра и Павла, Вселенскихъ Святителей, далѣе на первомъ полѣ Московскаго Святителя Петра и Ростовскаго Леонтія, благовѣрныхъ Князей, Владиміра перваго въ зубчатой коронѣ, Бориса и Глѣба, въ княжескихъ шапкахъ, съ крестами въ рукахъ, Препод. Ѳеодосія и Антонія Печерскихъ, Сергія Радонежскаго, св. Евѳимія, св. Онуфрія и Макарія Египетскаго и пр. Выборъ Святыхъ для изображенія на св. утваряхъ, какъ мы не однократно замѣчали выше, бывалъ не случайный, но съ какою нибудь мыслію. Удивительно, что между ими нѣтъ Святаго, тезоименитаго Святителю Никитѣ.

Обронная рѣзьба, стилемъ своимъ сходствуя съ подобными произведеніями ваянія, чеканнаго и литейнаго художества въ XV и XVI вѣкахъ, свидѣтельствуетъ, что рѣзьба на кости издревле была любимымъ и обычнымъ занятіемъ въ Русскомъ народѣ. Въ Новгородѣ же она могла процвѣтать еще и по тому, что промышленность доставляла ему изъ Архангельска моржовую кость для издѣлій.

Согласно съ мѣстнымъ преданіемъ и церковною описью, этотъ посохъ относится къ XI столѣтію. Но преданію и описи противорѣчатъ изображенія на посохѣ Святителя Московскаго Петра и Преподобнаго Сергія, которые принадлежатъ къ XIV вѣку. Празднованіе же памяти ихъ установлено отечественною Церковью еще того позднѣе, такъ что въ Святцахъ XVI вѣка они еще именуются *новоявленными чудотворцами.*

Если жъ принять, что самый жезлъ, т. е. однѣ три тросточки, дѣйствительно принадлежалъ Святителю Никитѣ, а украшенъ рѣзьбою на кости въ послѣдствіи, то тѣмъ можно примирить несогласіе, сблизивъ въ этомъ памятникѣ вѣкъ Московскихъ Святителей съ временемъ Новгородскаго Владыки. Желательно бы еще знать, когда и кѣмъ украшенъ этотъ Святительскій жезлъ? За недостаткомъ положительныхъ данныхъ, надобно прибѣгнуть къ вѣроятностямъ, какія представляетъ изображеніе св. Евфимія и св. Макарія рядомъ съ св. Онуфріемъ, между тѣмъ какъ послѣдній обыкновенно изображается на иконахъ и празднуется Церковію вмѣстѣ съ св. Петромъ Аѳонскимъ. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія были въ Великомъ Новгородѣ два духовные Владыки, ревнители церковнаго благолѣпія и покровители художествъ: Архіепископы Евфимій II, правившій паствою съ 1429 по 1458 годъ, и Макарій, съ 1526 по 1540 годъ, потомъ Митрополитъ Всероссійскій, наименованный отъ современниковъ *чуднымъ, предивнымъ* и *святымъ;* памятниками его любви къ знанію и искусству остались великія Четьи-Минеи, Степенныя книги и св. иконы, имъ изображенныя или поправленныя. Статься можетъ, что тотъ или другой, украсивъ рѣзьбою на кости пастырскій жезлъ своего святаго предшественника, ознаменовалъ память свою изображеніемъ на немъ тезоименитыхъ себѣ св. Евфимія Великаго и Макарія Египетскаго. Такъ не рѣдко вкладчики, строители и художники на св. утваряхъ, иконахъ и другихъ памятникахъ, посвященныхъ Церкви, вмѣсто своего имени, выставляли тезоименитыхъ себѣ Святыхъ, какъ своихъ предстателей.

Наконецъ, принимая въ соображеніе внѣшнюю форму, знаменованіе и употребленіе посоховъ, кстати замѣтимъ, что такій посохъ, жезлъ, (*δικανίκιον*) иногда называемый *патерицею*, составлялъ знаменіе и отличіе Святителей, какъ пастырей словеснаго стада Христова. Въ древности онъ имѣлъ подобіе буквы Т, такъ какъ и Новгородскій св. Никиты, (1) иногда съ крестомъ, не рѣдко полумѣсяцъ, то вверхъ, то внизъ обращенный. По объясненію Симеона Θессалоникійскаго, de sacram: « Посохъ имѣетъ по« перечину, загнутую назадъ наподобіе острога, чтобы прогонять ожесто« ченныхъ и зловредныхъ и наконецъ, чтобы знаменовать крестъ Христовъ.» Съ Никона Патріарха появляются жезлы съ двумя зміями на поперечинѣ, напоминающіе намъ превращеніе жезла Моисеева въ змію. Какъ издревле такое изображеніе было символомъ мира, посему и присвоено Архипастырями, благовѣстниками мира. Пастырская утварь сія называется « жезломъ « правленія и утвержденія. » Иногда поперечина его украшается изображеніемъ распустившихся цвѣтовъ въ память того, что Аароново Архіерейство утвердилось жезлопрозябеніемъ. (2) При хиротонисаніи Митрополитовъ онъ вручаемъ былъ имъ Великими Князьями и Царями, какъ напр. при поставленіи Всероссійскаго Митрополита Іоасафа 1539 г. « и подалъ « Князь Великій Святителю жезлъ въ десную руку съ слѣд. словами: « Все« святая и Живоначальная Троица, дарующія тебѣ сей Святительскій пре« столъ великіа Митрополіа всеа Русьскіа земля, да наставитъ и укрѣпитъ « святительство твое, во еже сохранити и соблюсти нашу вѣру всего пра« вославнаго Христіанства неподвижно и безмятежно и все еже о Христѣ « порученное тебѣ стадо упасти и направити на путь истинный во много« лѣтствѣ и здравіи твоемъ. » (3) При этомъ обыкновенно вручаемъ былъ жезлъ Первосвятителя Московскаго Петра, донынѣ хранящійся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Первому Патріарху Московскому Іову на поставленіи также Царь Θеодоръ Іоанновичь подалъ этотъ жезлъ, своими руками возложилъ на него драгоцѣнный крестъ съ животворящимъ древомъ, бархатную мантію и бѣлый клобукъ. (4) Но при поставленіи Патріаршескомъ Филарета Никитича, 1619 г. уже Іерусалимскій Патріархъ Θеофанъ

(1) *Goar*, Euchologion, s. rituale graecorum.
(2) Жезлъ, Москва. 1666, въ л.
(3) Акты Археограф. Экспедиціи. I, N 184.
(4) *Карамз.* И. Г. Р. X, 121.

вручилъ ему посохъ великаго чудотворца Петра Митрополита, а Царь далъ ему панагію злату, украшену драгимъ каменіемъ и бисеромъ, мантію бархатну со источники и клобукъ бѣлъ шелковый. (5)

Неизвѣстно, какому лицу и времени принадлежала изображенная здѣсь старинная Святительская панагія, украшенная финифтяными узорами и драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Этотъ ненадписанный памятникъ также находится въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора.

(5) Древняя Россійск. Вивліоѳика. VI, 156.

ЯНТАРНЫЙ ПОСОХЪ

ПАТРІАРХА ФИЛАРЕТА НИКИТИЧА.

(Рисунокъ Отд. I. № 106.)

Между Великокняжескими и Царскими посохами въ Оружейной Палатѣ находится янтарный посохъ Патріарха Филарета Никитича, присланный къ нему въ 1632 году Курляндскимъ Герцогомъ Іаковомъ. Этотъ знакъ уваженія Герцога къ Патріарху относится къ тому времени, когда Курляндія вошла въ сношенія съ Россіею. Послѣ кончины Патріарха Филарета, посохъ этотъ поступилъ въ число Царскихъ сокровищь.

Посохъ этотъ, составленный изъ янтарныхъ штучекъ, украшенъ искусною рѣзьбою въ Нѣмецкомъ вкусѣ.

ПАРАМАНДЪ,

ПОЯСЪ И ЧАШЕЧКИ,

НАЙДЕННЫЯ ВЪ ГРОБѢ ВЪ ЦЕРКВИ СПАСА НА БОРУ.

(Рисунокъ Отд. I. № 107.)

Въ притворѣ Кремлевской дворцовой церкви Спасъ на Бору, гдѣ съ XIV по XV вѣкъ былъ монастырь, открыты въ 1836 г. при передѣлкѣ стѣнокъ, подъ каменнымъ помостомъ два каменные гроба, покрытые такою же плитою; одинъ у южной, другой у сѣверной стѣны со входа. Въ первомъ найдено еще неистлѣвшее тѣло въ широкомъ шелковомъ платьѣ съ широкими рукавами, палеваго цвѣта; голова его, сохранившая кожу и волосы, покрыта шелковымъ убрусомъ. Въ ногахъ у него лежала берцовая кость и чашечка глиняная, муравленая. Въ другомъ гробѣ открытъ полуистлѣвшій оставъ, судя по краткости бедренныхъ костей и тазовому выгибу позвоночнаго столба, женскій. Кости сохранили свое естественное положеніе до того, что руки остались сложенными, только голова, отдѣлившаяся отъ туловища, лежала поодаль, вѣроятно, отъ того, что истлѣло изголовье, на коемъ она покоилась. На груди у него былъ кожаный парамандъ, съ ремешками; чресла его обнималъ такой же поясъ. Въ ногахъ лежала глиняная чашечка, какъ и у другаго, муравленая, и остатки кожаныхъ сандалій.

Безъ сомнѣнія, тѣла сіи погребены тогда, когда еще Спасопреображенскій Княжескій монастырь служилъ усыпальницею не только своихъ настоятелей и монаховъ, но, какъ увидимъ далѣе, Князей и Княгинь, ко-

гда они въ немъ принимали предсмертное постриженіе, а нѣкоторые изъ нихъ проводили здѣсь остатокъ жизни въ келейномъ уединеніи.

Каменные гробы окладомъ своимъ похожи на открытые въ Кіевѣ, старой Рязани и другихъ мѣстахъ Россіи. Подобно Египетскимъ, они обхватываютъ голову, туловище и ноги человѣка, какъ бы влагалища. Впрочемъ окладъ, или форма гробовъ былъ въ древней Руси не всегда одинаковъ; потому что находили каменные гробы, высѣченные изъ цѣльнаго бѣлаго камня, на подобіе ящика, или трапеціи, какъ напр. гробъ В. К. Андрея Боголюбскаго во Владимирѣ. По указанію лѣтописей, въ каменныя раки не рѣдко вкладывались деревянные гробы, или *колоды, ковчеги, корсты, буды.* (1) Случалось, что въ гробъ отца клали дѣтей. Тѣло Владимира Васильковича философа, 1287 г. «положиша въ отнѣ гробѣ.» (2) Хотя, по принятому обычаю, въ древности у Русскихъ погребали усопшихъ въ самый день ихъ кончины, до захожденія солнца: [« то бо послѣднее солнце « видятъ до общаго Воскресенія; »] но, если не готова была каменная рака, то погребеніе отлагали до другаго дни, какъ то случилось-было съ тѣломъ Князя Давида Святославича. (3) Такой гробъ замазывали. (4) Надъ могилами Князей и Княгинь въ церквахъ обыкновенно ставили каменныя гробницы, или надгробницы съ покровами и выносными образами, предъ коими горѣла неугасимая свѣча, чтобы « память родителей не угасала.» (5) Это называлось, говоритъ лѣтопись, « послѣднюю службу сотворить родителямъ «своимъ.» Поминовеніе считалось священною обязанностью въ день кончины и тезоименитства усопшихъ, и въ родительскія субботы. Тогда ставили на гробъ ихъ кутью, служили панихиды и заупокойныя обѣдни; со дворца давали на братію колачи, рыбу и квасы—и у Спаса на Бору, гдѣ Іоаннъ Калита кормилъ и одѣвалъ убогихъ, раздавали нищимъ милостыню по душѣ поминаемыхъ—и въ притворѣ храма надъ Княжескими гробами или въ боковой трапезѣ творилось заупокойное учрежденіе для иноковъ. Гробы родительскіе для дѣтей были жертвенниками обѣтовъ; *у отия гроба* они заключали союзы, *утверждались между собою* клятвою, какъ будто предъ живымъ *послухомъ;* на сырной недѣлѣ

(1) *Карамз.* И. Г. Р. III, пр. 23. Евхологіωнъ, албо молитвословъ, или Требникъ, напеч. въ Кіевѣ Митрополитомъ Петромъ Могилою. 1646 г. въ десть.
(2) *Ипатьевская лѣтоп.* подъ 1285 годомъ.
(3) *Карамз.* И. Г. Р. IV, пр. 265.
(4) тамъ же И. Г. Р. II, пр. 228.
(5) см. ст. о вощаницахъ.

и отправляясь въ походъ, они приходили прощаться, въ первый день Пасхи—христосоваться. Такова была святыня гробовъ родительскихъ, ввѣренная не внутренности храма Преображенскаго, гдѣ опочиваютъ св. мощи Святителя Пермскаго Стефана, но притвору его. Издревле, притворъ церковный, какъ въ Царьградѣ, такъ и на Руси служилъ усыпальницею Княжеской; потому что на Востокѣ, отъ первыхъ вѣковъ, не дозволялось никого погребать во внутренности храма. Св. Іоаннъ Златоустъ свидѣтельствуетъ намъ, что « сынъ « Константина Великаго вмѣнилъ за особенную честь, что отца его похо- « ронили при входѣ въ храмъ. Что дверники въ Царскомъ дворцѣ, говоритъ « онъ, то Цари во гробѣ у храма. » На такомъ основаніи, притворъ Преображенской церкви опредѣленъ былъ для погребенія Московскихъ Князей и Княгинь, которыхъ гробы лежатъ въ землѣ подъ каменнымъ помостомъ. Но надъ ними давно уже нѣтъ надгробницъ. Вѣроятно, онѣ разрушены, или самые гробы опущены въ землю тогда, когда Поляки, занимавшіе Кремль около 19 мѣсяцевъ, по словамъ Аврамія Палицына, искали въ могилахъ сокровищь.

Къ сожалѣнію, на самыхъ гробахъ и на утваряхъ нѣтъ надписанія именъ, кои могли бы для насъ разоблачить тайну могилы. Древніе Сѵнодики, куда вносились для поминовенія имена здѣсь погребенныхъ, истлѣли въ пожарахъ. Однѣ безгласныя кости, одни безъименные знаки ихъ сана не скажутъ намъ, кому и когда они принадлежали. Но, къ счастію, лѣтописи сохранили намъ имена Великихъ Князей и Княгинь, погребенныхъ въ притворѣ этого храма. Въ 1393 году, здѣсь положенъ юный сынъ В. К. Димитрія Донскаго Іоаннъ, въ иночествѣ, Іоасафъ подлѣ гроба бабы своей, Княгини Александры Княжь Ивановны, вдовы В. К. Іоанна Іоанновича, скончавшейся 1364 года. Здѣсь гробы Великой Княгини, инокини Елены, ум. 1332 г. первой супруги В. К. Симеона гордаго, Маріи, и второй его супруги Анастасіи Литовской, ум. 1345 г. В. К. Марія, разведенная съ супругомъ своимъ, принявъ ангельскій образъ съ именемъ Ѳеотиніи, пребывала въ этомъ монастырѣ до блаженной кончины своей, которая постигла ее, спустя 46 лѣтъ послѣ супруга ея. Тѣло ея положено въ монастырѣ у Спаса на Москвѣ 1399 г. Марта 31; но, 1473 г. вѣроятно, при возобновленіи церкви, « обрѣтена въ тѣлѣ невврежена ни чѣмъ, только ряса истлѣла. » (6) Великій Князь Іоаннъ III, призвавъ благочестивую Игуменью Алексѣевскую Уліану, повелѣлъ ей облечь мощи прабабки своей « во всѣ новыя ризы монашескія. »

(6) Софійскій временникъ. I, 423. II, 140,

И такъ, если это не останки юнаго инока Іоасафа, сына Донскаго, то должны быть мощи Ѳеотиніи, сохранившія на себѣ невредимо священные знаки иноческаго сана,—парамандъ и поясъ, такъ равно свидѣтельство елеосвященія—скудельный сосудецъ.

По своему отношенію къ церковной Археологіи, сіи древнія св. утвари заслуживаютъ особенное вниманіе.

Извѣстно, что парамандъ, *παραμάνδυ*, или *аналавъ*, возлагается при постриженіи въ монашество; обыкновенно, его прикрѣпляютъ крестообразно шнуромъ между раменами. Симъ священнымъ убрусомъ закрывали лице усопшему иноку. У Гоара такъ описанъ сей знакъ монашескаго образа: «парамандъ «есть четвероконечный лоскутъ, длиною въ одну пядень, который посред- «ствомъ длинныхъ шнуровъ прикрѣпляется къ рукамъ и плечамъ. На немъ «обыкновенно изображаются знаменія страстей Спасителя, крестъ большой «съ четырьмя меньшими по сторонамъ и съ словами: IC XP NK, т. е. Іисусъ «Христосъ побѣдилъ.» Таковы параманды, донынѣ употребляемые иноками и устроиваемые обыкновенно изъ бумажной, шерстяной или шелковой ткани. Но изображенный на эстампѣ парамандъ, какъ мы замѣтили, кожаный, хорошо сохранившійся, длиною $4\frac{3}{4}$, а шириною 3 вершка. Изъ кожи они дѣлались согласно съ толкованіемъ Симеона Ѳессалонійскаго, который говоритъ: что «Аналавъ изъ кожъ животныхъ за мірскихъ умерщвленіе, отъ раменъ спреди «крестовидно и созади знаменіе креста имущій, паче же самый изобразующій «крестъ.» (8) Вмѣсто креста, вытиснутые XII господскихъ праздниковъ съ надписями представлены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Благовѣщенье, Преображенье, Рожьтво Хс҃во, Распятье Хс҃во, Встрѣтенье Хс҃во, Вскресенье Хс҃во, Крещенье Хс҃во, Вꙁнесенье Гн҃е, Вскресенье Лꙁрво, Шс҃твие Дх҃а ст҃го, Вхдъ въ Іерслмъ, Успенье ст҃ Бц҃і.

Замѣчательно, что въ числѣ праздниковъ, здѣсь изображенныхъ, находятся такіе, какіе не вошли въ составъ господскихъ, донынѣ принимаемыхъ Православною Россійскою Церковію, напр: Распятіе Господне и Лазарево Воскресеніе; за то нѣтъ такихъ, какіе теперь причислены къ двунадесятымъ напр. Воздвиженіе честнаго креста, Введеніе и Рождество Богородицы. Это показываетъ, что въ XIV вѣкѣ отечественная Церковь наша принимала тѣ же господскіе праздники, какіе показаны у Никифора Каллиста, жив-

(7) Euchologion, s, rituale Græcorum, auct. I. *Goar.*
(8) Новая Скрижаль, изд. 4, Москва, 1816, въ 4.

шаго въ томъ же вѣкѣ. Онъ излагаетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Благовѣщеніе, Рождество Христово, Срѣтеніе, Богоявленіе, Преображеніе, Лазарево Воскресеніе, Входъ во Іерусалимъ, Распятіе, Воскресеніе, Вознесеніе, Сошествіе Св. Духа и Успеніе Пресв. Богородицы. (9) Съ росписаніемъ праздниковъ у Каллиста согласно изображеніе ихъ на парамандѣ, найденномъ въ гробѣ у Спаса на Бору.

На кожаномъ поясѣ вытиснуты тѣ же праздники, что и на парамандѣ. Напоминая иноку поясъ *усменный* Предтечи, по словамъ св. Германа, онъ знаменуетъ умерщвленіе плоти и возобновленіе духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ готовность на всякое доброе дѣло.

Кромѣ вещества и значенія этой утвари, замѣчателенъ въ ней способъ тисненія. На ней вытиснуты выпукло изображенія и надписи посредствомъ мѣдной доски, на коей онѣ вырѣзаны были вглубь. Такое дѣло походитъ на печатаніе неподвижными буквами; отъ него сдѣланъ переходъ къ оттискамъ гравированныхъ досокъ и къ печатанію подвижными буквами. Въ дѣлахъ о пожарѣ Московскомъ 1737 г. упомянута «старая доска мѣд- «ная, что печатаютъ кожи.»

Не оставимъ безъ вниманія и двухъ скудельныхъ сосудовъ, лежавшихъ въ гробахъ. Они не одинакой величины и сдѣланы искусно изъ глины, муравленые; одинъ грановитый, желтоватаго цвѣта, другой гладкой, зеленоватой. Значеніе ихъ такое же въ чинѣ отпѣванія, какое у Грековъ *κανδῆλα τοῦ εὐχελαίου*. (10) Послѣ отпѣванія усопшаго, наполнивъ ихъ оставшимся отъ елеосвященія масломъ съ краснымъ виномъ, изливали его на покойника, а самый сосудецъ клали ему во гробъ.

Описанныя нами утвари осматривалъ Государь Императоръ Николай I, столь внимательный и благоговѣйный къ отечественной древности и святынѣ. Найденныя въ гробахъ бывшимъ придворнымъ Протоіереемъ, а нынѣ Протопресвитеромъ У. С. Василіемъ Иван. Платоновымъ, онѣ хранятся въ алтарѣ у Спаса на Бору.

Наконецъ нельзя не пожелать, чтобы на стѣнахъ притвора выставлены были доски, съ именами погребенныхъ здѣсь Князей и Княгинь.

(9) Дни богослуженія Православной Греко-Россійской Церкви. Спб. 1837, въ 8.
(10) Handbuch der christl. Archæologie, von D. *Augusti*, III, 554.

ПАНАГІЯ ПАТРІАРХА ІОАСАФА.

(Рисунокъ Отд. I. № 108.)

Между Великокняжескими и Царскими регаліями въ Оружейной Палатѣ находится и Патріаршая панагія, прекрасная по работѣ и драгоцѣнная по матеріаламъ. Лицевую ея сторону украшаетъ оправленный въ золото камей изъ большаго хризопраза, на коемъ вырѣзанъ образъ Успенія Богоматери, храмовой Патріархіи. Греческая надпись: *ἡ κοίμησις τῆς ὑπεραγίας Θκοῦ*, (1) обнаруживаетъ Греческое издѣліе, которое Московскимъ художникомъ вставлено въ панагію, украшено драгоцѣнными камнями и финифтью, ознаменовано Русскими надписями. Съ обратной стороны открывается половинка, на коей наведены чернью слѣд. надписи, крестообразно размѣщенныя: и мощи святаго мученика Евстаѳия, Плакиды, святаго мученика Меркурія, Преподобнаго Александра Свирскаго, Великомученика Пантелеймона. « Въ срединѣ читаете: Лѣта ҂зрод повелѣнїемъ Великаго Гсп҃дна Свѧтѣйшаго Їоасафа Патрїарха Московскаго ї всеа Росиї здѣлана сїѧ панагѣѧ. » Годъ (1671) показываетъ, что она принадлежала седьмому Патріарху Московскому Іоасафу II, хиротонисанному изъ Архимандритовъ Троицко-Сергіевы лавры 1667 года, Декабря 29 и скончавшемуся 1672 года, Февраля 17. Неизвѣстно только, по какому случаю, этотъ знакъ Святительства поступилъ въ Оружейную Палату, вмѣсто Патріаршей ризницы.

(1) т. е. Успенія Пресвятыя Богородицы.

ПАНАГИИ ПАТРІАРШІЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 109, 111.)

Патріаршія панагіи напоминаютъ намъ знаки Святительскаго отличія; по первоначальному своему происхожденію и употребленію, онѣ совершенно имѣли различное знаменованіе и назначеніе. Начало панагіи относится къ Апостольскимъ временамъ. Древнее преданіе, какъ отголосокъ первенствующей Церкви, сообщаетъ намъ слѣдующее: «по вознесеніи I. Христа, Апостолы всегда оставляли за трапезою незанятое мѣсто въ память небеснаго своего Учителя, который въ Св. Писаніи именуется *хлѣбомъ животнымъ*, (1) и на убрусцѣ выше трапезы полагали хлѣбецъ, » иже хотяше «Спасъ снѣсти, егда плотію пребываше.» (2) Предъ окончаніемъ трапезы, они съ благодареніемъ Богу возносили этотъ хлѣбъ, называвшійся *частію Господней*, и славили великое имя Пресвятыя Троицы. Когда же въ Гевсиманіи, по успеніи Богоматери, необрѣтенной во гробѣ, они, по обыкновенію, вознесли съ славословіемъ Пресвятыя Троицы, *часть хлѣба, отложеннаго для Господа*, въ это самое время внезапно явилась на воздухѣ Божія Матерь въ сонмѣ Ангеловъ и привѣтствовала ихъ словами: «радуй-«тесь! Я съ вами есмь во вся дни!» Обрадованные Апостолы единогласно воскликнули: «Пресвятая Богородица, помогай намъ!» (3) Такое от-

(1) *Исходъ*. XVI, 15. *Іоанна Еванг.* VI, 35.

(2) Повѣсть о воздвиженіи Пречистыя Богородицы хлѣба въ полномъ собраніи твореній Максима Грека списокъ съ списка 1765 г. въ л. въ библіот. *И. Н. Царскаго*. N 244.

(3) Чинъ о панагіи, бываемый въ обителяхъ по вся дни. См. *Слѣдов. Псалтырь.* Euchologion. sive rituale Græcorum, opera *Iac. Goar,* ed. II, Venetii, 1730, f.

радное видѣніе и воззваніе послужили для нихъ свидѣтельствомъ о возстаніи изъ гроба и вознесеніи на небо Богоматери, съ тѣмъ вмѣстѣ освященіемъ трапезнаго ихъ воспоминанія. Завѣтное преданіе объ этомъ было основаніемъ къ учрежденію въ нѣкоторыхъ Греческихъ лаврахъ, особливо въ Аѳонской горѣ, а наконецъ, по примѣру ихъ, и въ нашихъ отечественныхъ монастыряхъ, священнаго, знаменательнаго обряда—возношенія за трапезою благословеннаго хлѣба въ честь Богоматери. Отъ Пресвятаго ея имени хлѣбъ сей именовался *панагіею* т. е. пресвятою, а складной ковчежецъ, куда онъ влагался, *παναγιάριον*. Въ послѣдствіи названіе содержимаго дано содержащему, и въ общемъ употребленіи *панагія* принимаема была, вмѣсто панагіара, на коемъ изображался ликъ Богоматери и св. Троицы. Чинъ панагіи обыкновенно совершается въ концѣ трапезы, болѣе въ праздники. По данному знаку колоколомъ или биломъ, всѣ встаютъ и, по молитвословіи, возносятъ сію панагію съ возглашеніемъ: «Пресвятая Богороди-«ца, помогай намъ!» потомъ раздробивъ этотъ хлѣбъ, раздѣляютъ его присутствующимъ. За тѣмъ иногда предлагалась такъ называемая *чаша Богородичная*, или *Пречистыя*. Для сего употребляемы были: чаши, братины, красовули и фіалы, а изъ напитковъ: медъ или красное виноградное вино, растворенное водою.

Впрочемъ не только за монастырскими трапезами, но и за столами Византійскихъ Императоровъ отправлялся чинъ панагіи, какъ видѣли выше изъ приведеннаго сказанія Георгія Кодина, Византійскаго писателя XV в. Комментаторъ его присовокупляетъ, что обрядъ этотъ также совершался народомъ въ церквахъ и домахъ.

По примѣру Византійскаго двора, завѣтный этотъ обрядъ, какъ выше замѣчено, совершался при торжественныхъ столахъ у Московскихъ Государей и Патріарховъ. Такъ за Царскими столами въ золотой Палатѣ 1619 и 1642 годовъ, по случаю поставленія Патріаршаго, Святитель «дѣйствовалъ надъ Богородичнымъ хлѣбомъ.» На праздничные, родильные и именинные столы у Государя, Патріархъ шелъ въ предпесеніи св. иконъ и панагіара; но промежду Патріаршества не износили панагіара. (5) Чинъ панагіи совершаемъ былъ за Патріаршими столами въ праздникъ Пасхи, въ память Первосвятителя Петра, въ памятъ Митрополитовъ и Патріарховъ Московскихъ, въ день Успенія Богоматери, когда

(4) *G. Codini* de offic. Constant. VII, 23.
(5) Древн. Росс. Вивліоѳика. XV, 187.

Царь приглашаемъ былъ Святителемъ « хлѣба кушать въ дому Пречистыя Богородицы, » т. е. въ Патріаршей столовой палатѣ. За такими столами предлагались чаши съ возношеніемъ имени: *чаша Петра Митрополита*, какъ первопрестольника, *чаша Царская* и *Патріаршая.* Два столовые панагіара или панагіи, теперь хранятся въ Московской Патріаршей ризницѣ; одна изъ нихъ значится въ описи 1658 года: « панагеа серебряная, походная на « чѣмъ вынимаютъ хлѣбъ богородиченъ. » (6) Находящійся въ Новогородскомъ Софійскомъ соборѣ серебряный панагіаръ, 1436 года, названъ въ церковной описи *панагіею артосною.* (7) Какимъ же образомъ сія трапезная утварь обратилась въ знакъ Іераршескаго сана, Митрополитъ Гавріилъ Петровъ такъ объясняетъ: « Какъ настоятели обителей возлагали на себя за трапезою ковчежецъ съ богородичнымъ хлѣбомъ; то, по примѣру сихъ панагіаріевъ, Патріархи и Архіереи стали носить на себѣ иконы тѣхъ Святыхъ, во имя которыхъ освящены престольные ихъ храмы; тѣмъ болѣе, что къ присвоенію себѣ панагіи Архіереями служило основаніемъ и то, что они были вмѣстѣ настоятелями монастыря въ своей Епархіи.» (8) Такія наперсныя иконы Епископовъ въ Греческихъ чиновникахъ названы общимъ именемъ *ἐγκόλπια*, *нанѣдрениками*, а въ Россіи особенно *иконами воротными*, *вратными*, т. е. наперсными и *панагіями.* При поставленіи Митрополита Всероссійскаго, икона вратная золотая возлагалась на него первенствующимъ Архіереемъ, (9) а при поставленіи перваго Патріарха Московскаго, Царь, по свидѣтельству Арсенія Елассонскаго, собственными руками возложилъ на него панагію съ золотою цѣпочкой (elegantissimum encolpion ex aureo pendens funiculo), какъ подтверждаетъ и самая надпись на этой панагіи, хранящейся въ Московской Патріаршей ризницѣ.

Анастасій въ комментаріяхъ на дѣянія VIII собора говоритъ, что « крестъ съ честнымъ (pretioso) древомъ, или съ мощами Святыхъ, носимый на груди, называется *енколпіемъ*, или нанѣдреникомъ. « Въ дѣяніяхъ Святыхъ при св. Папѣ Львѣ III упомянуто о золотомъ нанѣдреникѣ, коего одна сторона изъ кристалла, а на другой литое изображеніе. Крестъ наперсный

(6) Списокъ съ переписной Патріаршей домовой казны, 7166 г. N 543:

(7) см. выше стр 84—86, Артосная панагія въ Спискѣ Русскимъ памятникамъ, *П. Кеппена*, М. 1822, въ 8.

(8) О служеніи и чиноположеніяхъ Православ. Греко-Росс. Церкви, М. 1792. Ср. Разсужденіе о началѣ, важности и знаменованіи церковныхъ облаченій *(М. Евгенія)*, Спб. 1804. въ 4.

(9) Акты Археограф. Експедиціи, I.

завѣщанный св. Петромъ Митрополитомъ Іоанну Калитѣ и возлагавшійся на Государей Россійскихъ при вступленіи ихъ на престолъ, не представляетъ ли доказательства, что первосвятители тогда носили на себѣ крестъ.

До Московскаго собора 1675 года и по его опредѣленію, Архіепископы и Епископы въ своихъ Епархіяхъ могли надѣвать на себя при служеніи крестъ, или панагію; однимъ только Патріархамъ, или Митрополитамъ предоставлялось право носить на себѣ крестъ и панагію. Но въ послѣдствіи Патріархи Московскіе стали возлагать на себя по двѣ панагіи съ крестомъ. (10)

Такимъ образомъ панагія получила особенное назначеніе въ порядкѣ Іерархическомъ, какъ Архіерейское отличіе, которое потомъ предоставлено было даже Архимандритамъ нѣкоторыхъ ставропигіальныхъ монастырей. Соотвѣтствуя Судному Слову ветхозавѣтной Церкви, она замѣнила наперсное украшеніе, которое состояло изъ убруса съ XII самоцвѣтными каменьями различнаго рода и съ именами XII колѣнъ Израильскихъ. (11) Нѣкоторыя изъ Патріаршихъ панагій, большею частію, состоятъ изъ камней, украшавшихъ Слово Судное, каковы были: сардій, топазій, смарагдъ, анѳраксъ, сапфиръ, іасписъ, лигирій, ахатъ, амеѳистъ, хрисолиѳъ, вириллій и онихій. (12) Подобно какъ Слово Судное, выражающее *истину* и *явленіе*, служило Первосвященнику орудіемъ отвѣтовъ вопрошающимъ о волѣ Божіей: (12) такъ, вѣроятно, и панагія, при избраніи Всероссійскихъ Митрополитовъ и Патріарховъ, назначалась вмѣстилищемъ жребіевъ. Тогда заключивъ въ нее три жребія, ставили ее въ кіотѣ на пеленѣ предъ чудотворною иконой Владимірскія Богоматери въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ молебна, вынявъ одинъ жребій, представляли его Царю. (13) На это употреблялась складная панагія древнихъ Святителей.

Въ панагіяхъ Архіерейскихъ заключались мощи Святыхъ, иногда часть древа Господня и даже онѣ служили дароносицей, или хранилищемъ св. Таинъ. Изъ Твореній Св. Отцевъ и житія Благовѣрнаго Князя Михаила Черниговскаго видно, что въ напутствіе отправлявшимся въ дальное и опасное странствованіе вручаемы были запасные дары, (14) кои, вѣроятно,

(10) Исторія Росс. Іерархіи, I.

(11) Начертаніе Церковно-библейской Исторіи. *М. Филарета*. изд. 4. Спб. 1827, въ 8. *I. Iahni* Archæologia biblica, Viennæ. 1814, въ 4.

(12) *Исхода* XXVIII, 18 и 19.

(13) Древн. Росс. Вивліоѳика, VI, 234—240.

(14) Св. Василія Великаго письмо 289 къ Кесарію и Амвросія Медіол. и Софійск. Врем. I, 294.

заключались въ складныхъ панагіяхъ. (15) Подобную сему путевую панагію Патріарха Никона можно видѣть въ ризницѣ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря.

Въ описяхъ Патріаршей казны панагіи раздѣляются на *столовыя, походныя, путныя* и *вратныя*, или наперсныя; (16) первыя составляли складни, или панагіары, на одной половинѣ ихъ изображалась Пресвятая Троица, а на другой Воплощеніе, или такъ называемое Знаменіе Пресвятой Богородицы, вѣроятно, потому, какъ говоритъ Симеонъ Солунскій, что « чрезъ божественное Рожество мы Троицу познахомъ; » вторыя были глухія съ изображеніемъ то Преображенія Господня, то Благовѣщенія и Успенія Богоматери и другихъ Святыхъ; на панагіи, присвоиваемой св. Петру Митрополиту, видѣнъ ликъ св. Пророка Даніила.

Наконецъ панагіею называемы были и малые образа съ мощами и безъ мощей, коими замѣнялись тѣльные кресты и привѣшивались къ мѣстнымъ и домовымъ иконамъ. Патріархъ Іеремія поднесъ Царю Θеодору Іоанновичу панагію золотую съ мощами, а въ ней крестъ отъ животворящаго древа и кровь Христова, да часть ризы Господней и пр. а Царицѣ Иринѣ панагею золоту, а въ ней камень, а на камнѣ образъ св. Марины. (17)

Приложенная здѣсь панагія, золотая, по описи казны Патріаршей, принадлежала Патріарху Филарету Никитичу. На вставленномъ въ срединѣ ея четырехслойномъ агатѣ, или такъ называемомъ перелифти, вырѣзанъ рельефомъ образъ Божіей Матери Воплощеніе. Пресвятая Дѣва, стоящая, съ Превѣчнымъ младенцемъ на лонѣ ея. Вокругъ образа обнизано въ двѣ пряди жемчугомъ, въ возглавіи крупный яхонтъ; на обратной сторонѣ по золоту вырѣзано Богоявленіе Господне. Хотя изъ описи келейной казны Патріарха Филарета видно, что двѣ панагіи съ каменьями привезены ему Турскимъ посломъ Θомою Кантакузинымъ; но работа описываемой нами, отчетливая, искусная, по видимому, дѣло не Греческое, а Московское, какое нерѣдко выходило изъ рукъ мастеровъ Царскаго и Патріаршаго двора.

(15) О возношеніи панагіи, егда хощетъ кто на куплю отыти, въ Стратинскомъ Молитвенникѣ или Требникѣ, изъ друкарни Пана Θ. Ю. Балабана, 1606, въ 4.

(16) Книга списокъ съ переписной Патріаршей казны, 7166 г. N 543.

(17) *Карамз* И. Г. Р. X, пр. 198.

ПАНАГІЯ ВЪ АРХІЕРЕЙСКОЙ РИЗНИЦѢ

ВЛАДИМИРСКАГО РОЖЕСТВЕНА МОНАСТЫРЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 110.)

Среди св. утварей, изъ разныхъ вѣковъ, въ Архіерейской ризницѣ Владимирскаго Рожествена монастыря находимъ Святительскую серебряную, вызолоченную панагію XVII вѣка. Она достопамятна, сколько богатствомъ украшеній, столько же искусствомъ работы. Въ срединѣ ея вставленъ камей изъ оникса мутно-лиловаго цвѣта съ зеленоватыми полосками, изображающій Спасителя; вокругъ его въ клеймахъ лики XII Апостоловъ, въ томъ числѣ четырехъ Евангелистовъ подъ видомъ Ангела, Орла, Льва и Тельца. На возглавіи вычеканенъ образъ Спаса Нерукотвореннаго. Какъ вокругъ камея, такъ и ободка насажены въ гнѣздахъ виниcы, хризопразы, изумруды и жемчужины. На обратной сторонѣ, вокругъ креста идетъ въ четыре ряда слѣдующая надпись, которая указываетъ намъ не только годъ, но и соорудителя этой утвари. Мы ее предложимъ здѣсь по снимку Г. Солнцева: « лѣта ҂зрлд, Ноябрѧ въ кѕ день, при дєржавѣ благовѣрнаго Цря і великаго Кнѧзѧ Михаила Ѳедоровича всеѧ Русіи и при Стѣйшемъ Патріархѣ Филаретѣ Никитіче Московскомъ і всеа Русіи по повелѣнію ихъ Гдрскаго богомольца Верейскаго Митрополита Аверкіѧ. » Панагія сія относится къ тому времени, когда Владиміръ съ Лухомъ и Гороховцемъ были городами Патріаршей области. (1) Въ 1624 г. Архіепископомъ Суздальскимъ и Тарусскимъ въ исторіи Іерархіи показанъ Іосифъ, а преемни-

(1) Собраніе Госуд. грамотъ. III, 231

комъ его съ 1634 г. Серапіонъ. Остается между правленіемъ того и другаго десятилѣтіе, никѣмъ не занятое. (2) Чтожъ касается до Митрополита *Верейскаго* Аверкія, то Епархіей его была или *Верія* въ области Константинопольскаго Патріарха, или Сирскій Алепо, въ древности называвшійся *Веріей* и въ послѣдствіи принадлежавшій къ Цареградскому Патріархату. Такъ въ числѣ Митрополитовъ Восточной Церкви, подписавшихъ грамоту на поставленіе перваго Московскаго Патріарха Іова, находился *Варійскій* Митрополитъ Акакій. (3) По этому предполагать можно, что пріѣхавшій изъ Веріи Митрополитъ Аверкій, въ царствованіе Михаила Θеодоровича, устроилъ сію панагію отъ щедротъ Царскихъ и Патріаршихъ. Статься можетъ, что Митрополиту Верійскому Аверкію предоставлена была Патріархомъ Филаретомъ въ управленіе Суздальская Епархія между 1624 и 1634 годами. Примѣръ тому былъ въ 1589 г., когда Владиміръ предлагали въ управленіе Цареградскому Патріарху Іереміи. (4) Ежели это такъ, то панагія оставлена Аверкіемъ на память въ ризницѣ Рожествена монастыря, гдѣ Владимірскіе Іерархи издревле имѣютъ свое мѣстопребываніе.

(2) Исторія Росс. Іерархіи, I.
(3) Древняя Росс. Вивліоѳика. XVI, 129.
(4) *Карамз.* И. Г. Р. X, 119.

ЧЕТКИ, КРЕСЛА И СТОЛЪ

НИКОНА ПАТРІАРХА.

(Рисунокъ Отд. I. № 112.)

Въ пустынѣ, устроенной Никономъ Патріархомъ при Воскресенскомъ монастырѣ, Новомъ Іерусалимѣ, хранится памятникъ его смиренія въ напасти и простоты его келейнаго быта: кресла и осмигранный столъ съ выдвижными ящиками изъ сосноваго дерева; однѣ раскрашенныя по левкасу, а другой некрашеный. По видимому, этотъ столъ былъ писменный и вмѣстѣ трапезный. Вмѣстѣ съ церковными облаченіями и домашнею одеждою въ ризницѣ находятся его четки, выточенныя изъ кости, съ шелковою кистью.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

ДРЕВНОСТИ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,

ИЗДАННЫЯ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ДРЕВНОСТИ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,

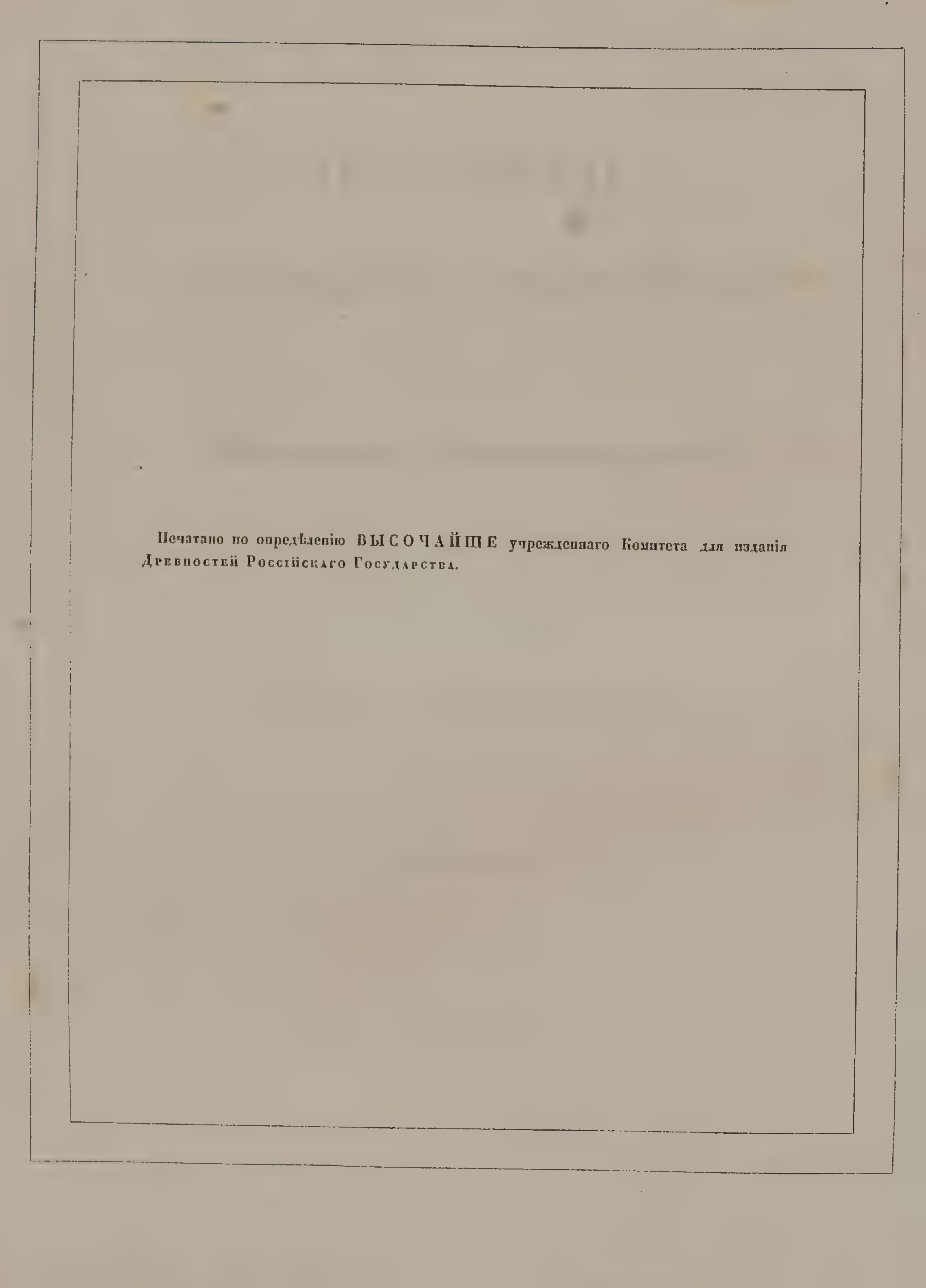
ИЗДАННЫЯ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ДРЕВНІЙ ЧИНЪ ЦАРСКІЙ, ЦАРСКІЯ УТВАРИ И ОДЕЖДЫ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СЕМЕНА.
1851.



Печатано по опредѣленію ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета для изданія Древностей Россійскаго Государства.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

ДЕРЖАВЫ.

СВ. БАРМЫ ИЛИ ДІАДИМЫ.

СКИПЕТРЫ.

ЦАРСКІЯ МѢСТА.

ВВЕДЕНІЕ

КЪ

ОПИСАНІЮ ДРЕВНЯГО ЧИНА ЦАРСКАГО,

ЦАРСКИХЪ УТВАРЕЙ И ОДЕЖДЫ.

Чинъ, или санъ значитъ собственно достоинство, а вмѣстѣ и *обрядъ*, *облаченіе* во всѣ признаки достоинства.

Съ чиномъ, или обрядомъ поставленія на царство нераздѣленъ и *чинъ царскій*, или царскія утвари и одежды.

Обрядъ поставленія на Царство помазаніемъ относится еще къ Ветхозавѣтной Церкви; но имѣетъ ли онъ начало съ прочими уставами священныхъ тайнодѣйствій въ Новозавѣтной Церкви, опредѣлить невозможно. По сказанію лѣтописи, взятому вѣроятно изъ Византійскихъ писателей, упомянуто, что «тому же Св. Селивестру (папѣ) Великій Царь Константинъ повелѣніе царское даде, да неподвижимы будутъ чины церковные и стяжатся послѣдними Цари и протчими владѣтели, аще и *саны* царскіе даде, еже есть посохъ златъ и вѣнецъ (1) и *фригонъ,* рекше св. бармы и прочая.»

Опредѣлительное сказаніе о поставленіи на царство муропомазаніемъ относится къ VI вѣку, какъ видно изъ письма Патріарха Іоанна къ Папѣ Ормизду, въ 518 году: «Я приклонилъ рогъ благодати надъ главой Юсти-

(1) Les premiers empereurs romains ne portaient point le diadême; Constantin le Grand fut le premier qui s'en para; il l'enrichit même de pierreries, de perles et d'autres ornemens. Millin. Dict. des Beaux-Arts.

на, дабы излить на священную главу обильное милосердіе Божіе, и всѣ въ то время громогласно прославили имя Божіе: Святъ, Святъ, Святъ (*αγιος*) (1).

Хотя въ Книгахъ Царствъ, при описаніи мvропомазанія Царей Израильскихъ, собственно о вѣнчаніи не упоминается; но какъ Саулъ, такъ и прочіе Цари, носили вѣнцы и на плечахъ нарамники, или бармы: «и взявъ вѣнецъ Царскій, иже бѣ на главѣ его (Саула) и нарамницу его.»

Изъ Римскихъ Императоровъ, первый принявшій восточную царскую одежду, былъ Антонинъ. Геродіанъ пишетъ, что «вступивъ на престолъ, въ 217 году, по Р. Х., онъ облачился въ великолѣпную одежду изъ золота и пурпура, съ запястьями, ожерельями, и короной, въ видѣ *тіары,* украшенной перлами и драгоцѣнными камнями. Это облаченіе *походило на одежду священства Финикіи* и *занимало нѣчто изъ великолѣпія Македонской одежды.* Онъ презиралъ облаченіе Римлянъ и Грековъ, которое было льняное, а не изъ шелковыхъ тканей.»

Великолѣпная Македонская одежда, какъ извѣстно, принята Александромъ Великимъ въ подражаніе облаченію Персидскихъ царей, которое состояло изъ діадимы и пурпуровой длинной одежды, и употреблялось и преемниками его царства (2). Она же, судя по верхней одеждѣ называемой *далматикой* и по сходству названій головныхъ покрововъ съ Персидскими, принята и Греческими Императорами (3).

По Алкуину, духовному писателю VIII вѣка, далматику (4), въ Римѣ ввелъ въ храмовое облаченіе Папа Св. Сильвестръ, современный Констан-

(1) «И взявъ Садокъ Іерей рогъ съ елеемъ отъ скиніи и помазавъ Соломона и вострубилъ трубою рожаною и возгласили вси люди: да здравствуетъ царь Соломонъ.» Кн. Царствъ.

(2) Въ Персіи Александръ Великій принялъ обычай царей Персидскихъ и началъ носить діадиму (дигимъ), которою до того времени не украшались еще Македонскіе Цари, и длинныя одежды изъ пурпура.» Юстинъ. Кн. XII. Глав. III.

(3) ديهيم — *дигимъ* — діадима — царская повязка, украшенная драгоцѣнными каменьями.— قدر — *кедръ, кидаръ,* cidaris, тіара. «Царская шапка, называемая Персами кидарь, обвита была синимъ полотномъ съ бѣлыми полосами (увясломъ). Квинтъ Курцій.» ميزر — мизръ, мизеръ, митра.

(4) Причину названія Далматской одежды вмѣсто Македонской составляетъ то, что во время Константина великаго Македонія была подъ владычествомъ Римлянъ; а Далмація заключая въ себѣ прибрежную часть Македоніи, сохраняла исконные обычаи и управлялась своими королями.

тину великому; и слѣдовательно упомянутое нами преданіе, объ установленіи сановъ царскихъ и храмовыхъ Императоромъ Константиномъ Великимъ, согласно съ преданіями Запада.

Мы не имѣемъ ни какихъ преданій объ обрядахъ вступленія на престолъ первыхъ Русскихъ Великихъ Князей, до принятія христіанской религіи. Съ призваніемъ Рюрика на великокняженіе, казалось бы долженъ былъ войдти вмѣстѣ съ нимъ и Норманскій обычай народнаго избранія на *Боргаръ-Тингъ,* или городскомъ Сеймѣ; но лѣтопись не упоминаетъ объ избраніяхъ. Княженіе переходитъ наслѣдственно: Рюрикъ, умирая, передаетъ княженье свое Олегу «*отъ рода ему сущу,* вдавъ ему на руцѣ сынъ свой Игоря, бѣ бо малъ вельми.» Вѣчевыя избранія проявлялись и въ Новгородѣ и въ Кіевѣ, въ то время, когда нарушалось право наслѣдія; но во всякомъ случаѣ крестоцѣлованіе возстановляло его: «Володимерцы цѣловавше крестъ къ Князю Всеволоду Георгіевичу и на дѣтехъ его.»

По водвореніи христіанства въ Россіи, обрядъ *посада*, или посаженія на княженіе, означалъ то же что *поставленіе на княженіе*. Въ лѣтописяхъ упоминается о крестоцѣлованіи или присягѣ, и о возшествіи на престолъ краткими словами: «сѣде на княженіи, на столѣ дѣднѣ и отнѣ» — «посади на княженіе»; но при этомъ часто упоминается мѣсяцъ и число, что опредѣляетъ торжественность событія, тѣмъ болѣе что посадъ совершался въ храмѣ и безъ сомнѣнія сообразно уже обряду Восточной церкви. «Ярополка Князя въ Володимерѣ на столѣ посадиша *въ Святой Богородицѣ,* весь *порядъ* положивше.»

Чтобъ дать понятіе о вѣнчаніи Греческихъ Императоровъ, изложимъ «*дѣйство какъ вѣнчанъ бысть Царь Мануилъ Греческій на царство*» описанное въ XIV столѣтіи, Русскимъ богомольцемъ очевидцемъ, который во время бытности своей въ Константинополѣ, присутствовалъ при этомъ торжествѣ, 1391 года, Февраля 11 дня.

«Поставленіе его на Царство происходило слѣдующимъ образомъ: въ ночь было бденіе всенощное въ великой Патріаршей церкви Св. Софіи Премудрости Божіей; когда же насталъ день, мы пришли туда; намъ

дозволили присутствовать при санѣ и чинѣ поставленія. Сошлось многое множество народа; мужескій полъ внутри Св. церкви Софіи; а женскій полъ на полатахъ за шелковыми запавѣсями, невидимъ ни кѣмъ. Пѣвцы были украшены чудно: на нихъ были камчатныя и шелковыя ризы на подобіе священныхъ стихарей, широкихъ и длинныхъ, съ широкими и долгими рукавами; наплечники, украшенные золотомъ, бисеромъ и кружевомъ; на головахъ ихъ оскрыльцы (шапки) острые съ золотомъ, бисеромъ и кружевомъ. Старѣйшина ихъ былъ мужъ дивный и красивый, убѣленный сѣдинами. Тутъ были Римляне отъ Рима и *отъ Испаніи Нѣмцы,* и Ѳрязи отъ Галаты, а иные Цареградскіе, иные Зеновицы (Генуэзцы) иные, Веницы (Венеціане), а иные Угры и ихъ чинъ (одѣяніе народное) было чудно; и стояли они въ два *лика* (ряда) и каждый имѣлъ при себѣ знамя своей земли; иные одѣты были въ багряный бархатъ, другіе въ вишневый, въ темносиній, въ черный; всѣ же старческимъ чиномъ (орденомъ?) преукрашены; и каждый ликъ имѣлъ свое знаменіе: у иныхъ на персяхъ жемчужный, у другихъ золотой обручь; у третьихъ цѣпь золотая на шеѣ и персяхъ и т. д.

« Подъ полатами на правой сторонѣ чертоговъ (амвона) 12 ступеней шириною въ двѣ сажени, покрытыхъ червленымъ червцомъ (пурпуровымъ сукномъ) стояли два золотыхъ стола (трона).

« Въ ту ночь Царь Мануилъ былъ на полатахъ, и когда насталъ первый часъ дня, сошелъ съ полатъ, и вошелъ во святую церковь передними великими дверьми, называемыми царскими.

« Въ это время пѣвчіе возгласили чудную пѣснь, и было шествіе Царя тихо и кротко, отъ переднихъ вратъ до чертога. По обѣ стороны Царя шли 12 оруженосцевъ, а предъ нимъ два стяжка, изъ черныхъ власъ, древцо красное; ризы и шапки ихъ были также красные; а предъ ними шли *подвойскіе,* съ посохами, окованными серебромъ и золотомъ, и усаженными по концамъ жемчугомъ.

« Приблизившись къ чертогу и войдя въ оный (подъ балдахинъ?) Царь облекся въ кесарскую багряницу и діадиму, и возложилъ на главу вѣнецъ

съ столпчиками; потомъ вышелъ изъ чертога, взошелъ на верхъ; и привели Царицу и возсѣли оба на златыхъ столахъ.

« Началась божественная литургія, и когда слѣдовало быть выходу, два великихъ архидіякона, приблизились къ Царю, и сотворили малый поклонъ. Царь возсталъ и шествовалъ къ алтарю; стяжки шли предъ нимъ, а оруженосцы по обѣ стороны. При входѣ въ алтарь стяжки и оруженосцы встали по обѣ стороны дверей царскихъ; а Царя облекли въ священный Ѳилонецъ, малый, багряный, до пояса. Послѣ чего Царь слѣдовалъ на выходъ, держа въ рукахъ свѣчу, Патріархъ же Антоній, стоялъ на своемъ мѣстѣ среди церкви, и при выходѣ взошелъ на священный амвонъ, и Царь съ нимъ. И принесли къ Патріарху Царскій вѣнецъ подъ покровомъ на блюдѣ, а такимъ же образомъ и Царицынъ. И благословясь у Патріарха, два великихъ архидіакона пошли по Царицу; приблизившись къ ней сотворили малый поклонъ. Царица шествовала къ амвону. И положилъ Пресвященный Патріархъ крестъ на Царя и далъ ему крестъ въ руку, и взявъ кесарскій вѣнецъ, благословилъ имъ Царя и возложилъ на главу его, а другой вѣнецъ далъ ему въ руки, и повелъ для возложенія на Царицу. Царь нисшелъ долу съ амвона, помавая рукою и вѣнцемъ къ Патріарху (испрашивая благословенія). И Патріархъ, стоя на амвонѣ, благословилъ рукою своею Царя и Царицу. Сотворивъ поклонъ къ Патріарху, они шествовали на свои мѣста и возсѣли на златыхъ престолахъ. Патріархъ же вошелъ въ святой алтарь царскими дверьми; и когда запѣли Херувимскую пѣснь, два великихъ архидіакона подошли къ Царю и сотворили поклонъ. Тогда Царь всталъ и благоговѣйно шелъ въ алтарь, гдѣ облачили его въ священный ѳилонецъ, и въ переносѣ предъ святыми царскими дверями, онъ предшествовалъ, держа въ рукахъ возженную свѣчу; по немъ слѣдовалъ священный великій соборъ, съ великою красотою, честію и славою священною и божественною. Шествіе со Святыми дарами продолжалось во время всей Херувимской пѣсни, предивно и умильно воспѣваемой. По пренесеніи во Святый алтарь священныхъ и божественныхъ даровъ, Царь кадилъ около священнаго престола, и остался въ алтарѣ до Святаго Причащенія, и когда настало

Св. Причащеніе, два великихъ архидіакона подошли къ Царицѣ и сотворили малый поклонъ, и когда Царица сошла съ престола долу, стоящій вокругъ народъ, бросился и разодралъ опону (покровъ) чертожную на части, сколько каждый могъ себѣ захватить. Царица благоговѣйно и умиленно вошла южными вратами въ крыло алтаря и пріобщилась Св. Таинъ. Царь же отъ Патріарха съ священствомъ, причастился у Престола Христова. Когда Царь изшелъ изъ алтаря, Патріархъ слѣдовалъ къ своему святительскому мѣсту и возсѣлъ на него. Къ нему подошелъ Царь въ кесарской багряницѣ и діадимѣ, и Патріархъ благословилъ его и Царицу, и далъ ему завѣтъ Православія, соблюдать непоколебимо свои Царскія и не претворять древнія уставы, не посягать на чуждое, но стяжать Страхъ Божій и смертную память, и прочее, какъ въ уставѣ ихъ заключается. По окончаніи словъ Патріаршихъ, никто не приступалъ къ Царю приносить поздравленіе, ни князи, ни бояре, ни воины; но приступили *мраморщицы* и гробоздатели, принесли образцы различнаго мрамора и камней, и вопрошая, которыхъ изберетъ держава его на гробницу себѣ, говорили: сей человѣкъ смертенъ и тлѣненъ въ этомъ изчезаемомъ и скорогибнущемъ бѣдномъ житіи, и потому долженъ имѣть душевное попеченіе о благочестивомъ строѣ царства; на сколько великъ и силенъ онъ, на столько долженъ смирять себя; ибо сильному сильнѣйшее и наказаніе....

По произнесеніи сего, какъ писано въ тамошнемъ уставѣ, шли предъ Императора Князи, Стратилаты, священные чины, воины и всѣ вельможи и по обычаю ихъ, принесли ему поздравленіе. Послѣ чего Царь благословился у Патріарха и шествовалъ благоговѣйно изъ Храма, подобно великому священноначальнику, и осыпали его ставратами (1), кто только могъ и успѣвалъ захватить горсть ихъ.»

Священный обрядъ мνропомазанія и вѣнчанія на царство, перешелъ вмѣстѣ съ другими таинствами и обрядами Грековосточной Церкви, въ

(1) Монета, крестовики.

Церковь Русскую; но съ исключеніемъ изъ существеннаго обряда нѣкоторыхъ обычаевъ, напримѣръ обычая строителей памятниковъ (monumentorum ædificatores) подходить къ Вѣнчаемому на царство, съ предложеніемъ избранія мрамора себѣ на памятникъ.

Существующій «чинъ поставленія на великокняженіе» по которому вѣнчались Русскіе Великіе Князи и Цари составленъ, безъ сомнѣнія, съ устава Греческаго; онъ писанъ до Патріарховъ; но въ какое время именно — неизвѣстно. Соображая однакоже, что это есть чинъ вѣнчанія не собственно вступающаго на престолъ Великаго Князя, а сына, благословляемаго Великимъ Княземъ отцомъ на наслѣдіе престола при жизни, можно отнести его ко времени Іоанна III-го, тѣмъ болѣе что находящееся въ лѣтописи описаніе вѣнчанія Димитрія Іоанновича, составляетъ сокращеніе этого чина, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слово въ слово (1).

При распространеніи христіанской религіи въ Европѣ, Цари, принимавшіе Евангельское ученіе, при крещеніи поставлялись на царство по установленному обряду Церкви, и облекались въ вѣнецъ и освященныя царскія одежды, которыя при этомъ случаѣ всегда присылались въ даръ, въ восточной церкви отъ Императора Греческаго, а въ западной отъ Папы. Эти регаліи, собственно *первовѣнчанныхъ,* повсюду свято хранились и хранятся (2); Государи, вступающіе на Престолъ, облекаются въ нихъ при коронаціяхъ, въ знаменіе наслѣдія освященнаго сана.

(1) Послѣ Іоанна III, не было примѣра вѣнчанія сыновей при жизни.

(2) Во Франціи наслѣдственныя регаліи хранились сначала во дворцѣ, но со времени Св. Людовика въ Аббатствѣ Св. Діонисія. Западные Императоры вѣнчались на царство золотою наслѣдственной короной Карла Великаго, дарованной ему Папой Львомъ III, вмѣстѣ съ мечемъ Св. Петра; но Карлъ II, Императоръ и Король Франціи, послѣдовалъ восточному обычаю, и вмѣсто Римской тоги, облекся въ Далматику и діадиму: Carolus Calvus Imperator post adeptum Imperium ultra se elatus, consuetudinis Francorum vilipedens, Graecas glorias et insolitos habitus adfectabat, et Talari Dalmatica indutus, et de super baltheo accinctus pendente usque ad pedes, capite vero involuto velamine serico, et diademate superimposito, procedebat» — Sigibertus ad. an. DCCCLXXXVI — Pauli Hachenbergi «Germania media.» 403. Первая наслѣдственная корона Венгріи, дарована Греческимъ Императоромъ Гейзѣ, принявшему христіанскую религію по восточному исповѣданію; но сынъ его Стефанъ I-й, уклонившійся къ Римскому исповѣданію, вѣнчался регаліями, дарованными Папой Сильвестромъ II-мъ. Однакоже по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей сохраняется первая корона. Раичь. Ист. Слав. нар. т. I. глава XVIII.

Россія также имѣетъ *наслѣдственный царскій санъ;* но онъ приписывается, въ чинахъ поставленія на царство, Владиміру Мономаху. Не имѣя положительныхъ доказательствъ, которыя бы нарушили сказаніе, хотя и заключающее въ себѣ несообразность во времяни присылки регалій Владиміру Мономаху въ даръ отъ Константина Мономаха, мы должны однакоже упомянуть, что право первовѣнчаннаго принадлежитъ равноапостольному Великому Князю Владиміру I-му.

Владиміръ Великій, принявъ Св. крещеніе отъ Грековъ, и сверхъ того бракосочетаясь съ Греческой Царевной Анной, не могъ быть исключеніемъ изъ существовавшаго уже повсемѣстно въ нѣдрахъ христіанской Церкви обряда: вѣнчать, при крещеніи царей, принимавшихъ Евангельское ученіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ долженъ былъ получить въ даръ отъ Греческаго Императора Царскій санъ, какъ посвященіе въ поборники и заступники Восточной Церкви, къ которой пріобщался. Въ знаменованіе этого посвященія въ предводительство крестныхъ силъ даровался и мечь, который въ Римской Церкви назывался мечемъ Св. Петра (1). Въ примѣръ обычнаго и неизбѣжнаго условія вѣнчанія при крещеніи и присылки облаченія Царскаго, то есть воинственнаго, можно привести Стефана Короля Сербскаго, который былъ мvропомазанъ и вѣнчанъ короною, присланною отъ Греческаго Императора въ 1221 году (2); а въ Западной Церкви Далматскаго Короля Будиміра, принявшаго въ 756 году христіанскую религію отъ Римлянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ *посвященнаго и коронованнаго по обычаю римскому* (3).

(1) Это облаченіе собственно и составляетъ Государственное *всеоружіе* — мечь и щитъ. Папы даровали сверхъ того *десницу правды* и *шпоры.*

(2) Sawa begab sich nun nach seinem Erzbischöflichen Sitz Schidscha, berief nach einiger Zeit eine grosse Landes-und-Kirchen-Versammlung, führte seinen Bruder zum Altar, salbte ihn mit heil. Oehl, zog ihn in Purpur an, setzte eine *vom Kaiser mitgebrachte* Krone auf sein Haupt, gab ihm in seine Hände ein Scepter und ein Schwerdt, und schrie 3 mahl: Lange Iahre dem zuerst gekrönten (perwowentschani kral) König und *Selbstbeherscher* von Servien, Stephan!»

Gesch. v. Serwien und Bossnien. Ioh Christ. von Engel.

(3) Кой (Папа) съ Кириломъ посла три верстна Кардинала, т. е. мудраго Гонорія и два друга, да га утверди въ закону Божьему, и да га по обычаю римскому *посвѣте* и *окруне.*

(Razgovor ugodni naroda Slovinskoga).

Въ грамотѣ Константинопольскаго Патріарха Іосафа и вселенскаго собора о признаніи Іоанна IV за Царя и верховнаго поборника и защитника Восточной Церкви, родъ Іоанна производится отъ приснопамятной Царицы и Владычицы Госпожи Анны, *сестры Самодержца и Царя Багрянороднаго Мономаха,* а Царское достоинство отъ вѣнчаннаго на Царство благочестивѣйшаго В. К. Владимира, которому Царь Константинъ даровалъ царскій вѣнецъ, діадиму и иныя царскія знаменія (1).

Эти слова Грамоты, какъ въ ней упомянуто, основаны *на преданіи не только многихъ достойно вѣрныхъ мужей, но и на показаніяхъ лѣтописцевъ.* Такимъ образомъ, названіе Мономаха, приписываемое Константину X, брату Царицы Анны супруги Владимира Великаго, ввело въ недоумѣніе на счетъ времени присылки регалій.

Въ лѣтописи упоминается, что Владимиръ Великій, принявшій Св. крещеніе въ Корсуни, вывезъ оттуда иконы, сосуды церковные, книги и ризы; но существовало преданіе, что и царскій санъ, вѣнецъ, св. бармы и златая цѣпь, также привезены Владимиромъ изъ Херсониса; но въ этомъ сказаніи иностранныхъ писателей вывозъ регалій приписанъ Владимиру Мономаху (2).

Соотвѣтственно повсемѣстному обычаю хранить въ наслѣдіе регаліи первовѣнчанныхъ Государей, животворящій крестъ, съ златою цѣпью, св. бармы, царскій златой вѣнецъ и при нихъ сердоликовая крабійца (сосудъ, вѣроятно для причастія) присланныя въ даръ отъ Императора Константина Мономаха, свято хранились въ наслѣдіи Великихъ Князей Русскихъ, и приняли названіе *Мономаховыхъ.* Во всѣхъ духовныхъ Великихъ Князей, начиная съ граматы Іоанна Калиты (1328 года) *златая шапка,* животворящій

(1) Ист. Гос. Рос. т. VIII. прим. 163. Грамата Іосафа хранится между Греческими дѣлами въ архивѣ Иностр. Дѣлъ. подъ № 1 листъ 175.

(2) Писатели XVI и XVII вѣка, Стриковскій, Антоній Герера и Шведъ Петрей, упоминаютъ объ этомъ съ несообразностями историческими и хронологическими: Стриковскій пишетъ, что Владимиръ Мономахъ, покоривъ Кафу и побѣдивъ въ единоборствѣ Воеводу Генуезскаго, снялъ съ него золотую цѣпь, которая и хранится въ сокровищницѣ Великихъ Князей подъ названіемъ *Бармъ.* Антоній Герера (XVI стол.) также пишетъ, что Владимиръ пріобрѣлъ митру, ожерелье и скипетръ побѣдой Кафинскаго Консула. Петрей, Шведскій писатель, бывшій въ Россіи и издавшій Московскую Хронику въ 1620 году, также *слышалъ отъ Русскихъ,* что Царская одежда Мономаха привезена этимъ Великимъ Княземъ изъ Кафы, гдѣ онъ воевалъ съ *Татарами.*

крестъ, хрещатая цѣпь, бармы и вмѣстѣ съ ними сердоничная крабійца, передаются наслѣдственно старшимъ сынамъ.

Сохранность сердоничной крабійцы, постоянно упоминаемой въ духовныхъ, при благословеніи Царскимъ чиномъ, составляетъ несомнѣнное доказательство, что при раззореніи столицы Владимира, регаліи были спасены отъ Татаръ, вывезены заблаговременно или скрыты въ Владимирскомъ *печерпемъ градѣ* (1), подобно какъ въ Суздалѣ, *страсти Господа « зазданы въ стѣнѣ и сокровены быша нѣколико лѣтъ »* отъ нашествія Тохтамыша.

Въ бытность Польскихъ и Литовскихъ войскъ въ Москвѣ, въ 1610—1612 годахъ, утвари Царскаго чина, какъ видно изъ описей (2) всего выданнаго изъ казны на содержаніе войскъ, — также были неприкосновенны и сохранны (3).

Чинъ поставленія на царство, установленный въ Греціи, въ главныхъ своихъ основахъ былъ неизмѣненъ при всѣхъ вѣнчаніяхъ Императоровъ; сообразно ему, какъ священному таинодѣйствію, принятому Русской церковію на равнѣ съ прочими таинствами и обрядами, находившіеся въ началѣ въ Россіи Греческіе Митрополиты, безъ сомнѣнія, и вѣнчали Великихъ Князей.

Обычай благословенія на царство старшихъ сыновей, духовными завѣщаніями, *при себѣ и послѣ себя* заключается въ чинѣ поставленія, въ образцѣ рѣчи поставляемаго Великаго Князя къ Митрополиту:

«Отче преосвященный Митрополите! Божіимъ изволеніемъ, отъ нашихъ прародителей Великихъ Князей Старина наша то и до сихъ мѣстъ, отцы наши Великіе Князи первымъ сынамъ своимъ давали великое княжество, и отецъ мой Князь Великій (имя рекъ) всея Россіи при себѣ еще и послѣ себя, благословилъ великимъ княженіемъ Володимерскимъ и Новогородскимъ

(1) Ист. Гос. Рос. т. 3. прим. 364. по Пушк. Лѣт.

(2) Хранящихся въ Арх. Оруж. Палаты.

(3) См. Записки Маскѣвича (Сказ. Современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ), и статью г. Вельтмана «О сохранности утварей Царскаго Чина во время бытности Польскихъ и Литовскихъ войскъ въ Москвѣ, въ 1610—1612 г.» Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. годъ третій № 5 1848.

и Московскимъ и всея Россіи, и велѣлъ стати на великое княженіе и *помазатися* и вѣнчатися тѣмъ царскимъ вѣнцемъ и нарещися Великимъ Княземъ *Боговѣнчаннымъ Царемъ, по древнему нашему Царскому чину;* да *о томъ отецъ мой, Князь Великій и въ духовной написалъ.*»

Царскія вѣнчанія Великихъ Русскихъ Князей, относясь къ обрядамъ Церкви, не описывались лѣтописцами, и сверхъ того во время владычества Монголовъ они не имѣли особенной торжественности (1); но во время Іоанна, при дворѣ котораго сосредоточились остатки падшей Греціи и воспоминаніе Византійскаго Императорскаго великолѣпія, безъ сомнѣнія обрядъ вѣнчанія Димитрія Іоанновича былъ торжественнѣе прежнихъ обрядовъ, и могъ казаться чѣмъ-то новымъ, невиданнымъ на Руси. Съ этого же времени образовались придворные чины, по примѣру двора Греческой Имперіи, а вмѣстѣ съ ними установилась и дворцовая лѣтопись — книги Царскихъ выходовъ, книги столовыя, книги дворцовыхъ приказовъ, книги разрядовъ или распредѣленія чиновъ при торжественныхъ событіяхъ двора и въ войскѣ. Это и могло быть причиною, что лѣтопись (2) сохранила чинъ вѣнчанія на царство внука Іоаннова Димитрія.

Этотъ чинъ совершенно сообразенъ существующему образцу чина и поставленія на великокняженіе и чинамъ поставленія на царство послѣдующихъ Царей. Въ этомъ случаѣ онъ есть письменный первообразъ торжества мѵропомазанія и вѣнчанія на царство, и мы излагаемъ его въ очеркѣ.

«Въ ту же зиму, (1498 года) Февраля 4 дня, въ недѣлю (въ воскресенье) Князь Великій Иванъ Васильевичь благословилъ и *посадилъ* на Великое

(1) Но поставленіе на княженіе во всякомъ случаѣ было событіемъ торжественнымъ, даже при Монголахъ, если къ этому случаю пріѣзжали послы отъ Хановъ съ грамотами. «Се пріѣхаша послы отъ Менгутемера Царя, сожать Ярослава, съ грамотою, Ченгу и Баиши.» Надпись на оборотѣ грамоты Новгородской 1263 года, къ В. К. Ярославу Ярославичу Тверскому.

(2) По Никон. списку. Этотъ чинъ, однакоже кажется внесенъ въ позднѣйшую лѣтопись сокращенно съ чина поставленія на Велико-княженіе, въ слѣдствіе словъ прочихъ лѣтописей: «Тоя же зимы, Февраля въ 4-й день, въ недѣлю о Мытаре, Князь Великій Иванъ Васильевичь всея Руссіи, по благословенію преосвященнаго Симона Митрополита всея Руссіи и всего освященнаго собора, благословилъ и посадилъ на великое Княженіе Владимирское и Московское и всея Руссіи внука своего Князя Димитрія Ивановича. Бысть же посаженіе его въ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, *якожъ и нынѣ обычай есть поставленія на Великое Княженіе.*»

Княженіе Владимирское и Московское и всея Руссіи внука своего Князя Димитрія Ивановича; а *посаженіе* его было въ церкви Пречистыя въ Москвѣ, по благословенію Симона Митрополита всея Россіи и Архіепископа Тихона Ростовскаго и Епископовъ Ниѳонта Суздальскаго, Василія Тверскаго, Протасія Казанскаго, Аврамія Коломенскаго, Еѵѳимія Сарскаго и всего освященнаго собора.

« Среди церкви изготовлено было мѣсто большое, на которомъ ставятъ Святителей, и на томъ мѣстѣ три стула Великому Князю Івану, да внуку его Димитрію, да Митрополиту. Когда приспѣло время и облеклись Митрополитъ и Архіепископы и Игумены и весь соборъ въ священныя ризы, посреди церкви поставили налой и положили на него шапку Мономахову и бармы. Когда же вошелъ въ церковь Князь Великій съ внукомъ, Митрополитъ со всѣмъ соборомъ началъ молебенъ Пречистой Богородицѣ и Св. Чудотворцу Петру. Послѣ *достойно есть* и трисвятаго и послѣ тропарей, Митрополитъ и Великій Князь возсѣли на своихъ мѣстахъ, а внукъ сталъ предъ ними у мѣста, на высокой ступени, но не всходя на мѣсто, — Князь Великій Іванъ изрекъ:

« Отче Митрополитъ! Божіимъ изволеніемъ отъ нашихъ прародителей Великихъ Князей старина наша то и до сѣхъ мѣстъ, отцы наши Великіе Князи *сынамъ своимъ первымъ* давали Великое Княжество, и я сына своего перваго Івана при себѣ жъ благословилъ Великимъ Княжествомъ. Божія такъ воля сталась, сына моего Івана не стало въ живыхъ, *а у него остался сынъ первой* Дмитрій, и я его нынѣ благословляю при себѣ и послѣ себя Великимъ Княжествомъ Володимирскимъ и Московскимъ и Новгородскимъ, и ты бы его, отче, на Великое Княжество благословилъ.»

Послѣ рѣчи Великаго Князя, Митрополитъ велѣлъ внуку его вступить на мѣсто и вставъ, благословилъ его крестомъ, и на преклоненную главу его положилъ руку свою и изрекъ молитву во всеуслышаніе:

« Господи Боже нашъ, Царь Царствующимъ и Господь Господствующимъ, иже Самуиломъ Пророкомъ избравъ раба своего Давыда и помазавъ того въ Царя надъ людьми своими Израиля, Святый! нынѣ услыши молитву нашу не-

достойныхъ, и вниждь отъ святаго жилища твоего, и вѣрнаго ти раба Димитрія еже благословилъ еси воздвигнути Царя въ языцѣ твоемъ святомъ, его же стяжалъ еси честною кровію единороднаго ти сына, помазати сподоби елеомъ возрадованія, одѣи того силою свыше, положи на главѣ его вѣнецъ отъ камени честна, даруй тому долготу дни, дайже въ десницу его скипетръ царствія, посади его на престолѣ правды, огради того всеоружествомъ Святаго ти Духа, утверди того мышцу, покори ему вся варварскія языки, всѣй въ сердце его страхъ твой и еже къ послушнымъ милостивое; соблюди того въ непорочной вѣрѣ, покажи того опасна хранителя Святыя твоея Соборныя Церкви велѣнія ихъ, да судя люди Твоя правдою и нищихъ твоихъ, судомъ спасетъ сыны умогихъ и наслѣдникъ будетъ небеснаго ти царствія.»

Послѣ молитвы, Митрополитъ велѣлъ принести къ себѣ съ налоя бармы двумъ архимандритамъ, и взявъ ихъ подалъ Великому Князю и знаменалъ внука крестомъ; а Великій Князь возложилъ на него бармы. Въ это время Митрополитъ произносилъ тихо молитву: «Господи Вседержителю и Царю вѣковъ иже земный человѣкъ Тобою Царемъ сотворенный поклонилъ главу тебѣ поклонитися, Владыкѣ всѣхъ! и пр.

Послѣ сего Митрополитъ велѣлъ принести къ себѣ шапку съ налоя двумъ Архимандритамъ, подалъ ее Великому Князю, знаменалъ внука крестомъ, произнося: во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Князь Великій возложилъ шапку на Димитрія, а Митрополитъ благословилъ его. По эктеніи, прочтеніи псалма «Помилуй мя Боже» и, по обычаю, молитвы Пресвятой Богородицѣ, Митрополитъ и Князь возсѣли на свои мѣста. Возшедъ на амвонъ, архидіаконъ возгласилъ многолѣтіе Великому Князю Іоанну и потомъ Великому Князю Димитрію.

По многолѣтіи Митрополитъ, Архіепископъ и Епископы и весь Соборъ, вставъ, поклонилися и поздравили обоихъ Великихъ Князей.

Митрополитъ произнесъ: Божіею милостію, радуйся и здравствуй Православный Царь Іоанне Великій Князь, всея Руссіи Самодержецъ, и съ своимъ внукомъ съ Великимъ Княземъ Дмитріемъ Івановичемъ всея Русіи на

многа лѣта. Потомъ обратился къ Великому Князю Димитрію: Божіею милостію здравствуй Господине и сыну Князь Великій Димитрій Івановичь всея Русіи и (съ) своимъ Государемъ и Дѣдомъ, съ Великимъ Княземъ Іваномъ Васильевичемъ всея Русіи Самодержцемъ на многи лѣта.

Потомъ дѣти Великаго Князя поклонились и поздравили обоихъ Великихъ Князей; а потомъ Бояре и всѣ люди.

За симъ слѣдовало поученіе Митрополита новопоставляемому Великому Князю и речь Великаго Князя внуку. Послѣ чего Митрополитъ и Великій Князь сошли съ мѣстъ своихъ. Митрополитъ совершилъ отпустъ молебну, и началъ совершеніе литургіи, по окончаніи которой, Великій Князь шествовалъ къ себѣ, а Великій Князь Димитрій въ шапкѣ и бармахъ, сопровождаемый дѣтьми Великаго Князя и всѣми боярами, при выходѣ изъ храма Пречистой, былъ осыпаемъ золотыми и серебряными деньгами. «Осыпалъ его трижды сынъ Великаго Князя Юрій, передъ Пречистой, передъ Архангеломъ и передъ Благовѣщеніемъ.»

Этотъ обрядъ поставленія на царство наслѣдника при жизни составлялъ, должно полагать, только собственно благословеніе Митрополита и вѣнчаніе, но не помазаніе на царство, которое совершалось при полномъ наслѣдіи власти самодержавія и *въ совершеннолѣтіе*, какъ видно изъ вѣнчанія на царство Іоанна IV, въ 1533 году, когда Митрополитъ благословилъ трехлѣтняго державнаго младенца на Великое Княженіе отца его; и въ 1547 году, когда передъ женидьбой вступившаго въ совершеннолѣтіе Іоанна совершенъ былъ обрядъ вѣнчанія, сопровождаемый помазаніемъ, какъ утвержденіемъ печатію Св. Духа (1).

(1) Нѣкоторые изъ Русскихъ историковъ недоумѣвали о значеніи этого вторичнаго вѣнчанія и полагали, что оно было совершено собственно для принятія званія *Царя*, какъ будто особеннаго высшаго чина.

ДРЕВНОСТИ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ДРЕВНІЙ ЧИНЪ ЦАРСКІЙ, ЦАРСКІЯ УТВАРИ И ОДЕЖДЫ.

ВѢНЦЫ,

КОРОНЫ И ЦАРСКІЯ ШАПКИ.

Первоначальное употребленіе вѣнцовъ принадлежитъ Религіи, обоготворявшей свѣтила неба и силы природы. Изображая божествъ, какъ истоковъ свѣта и жизни, древніе украшали лики ихъ лучезарными вѣнцами или лаврами, миртами, колосьями, оливами и иными знаменованіями величія, силы и вліянія ихъ. Металлы и драгоцѣнные камни, по роду, блеску и цвѣту, въ свою очередь проявляли въ украшеніяхъ божествъ достоинства и свойства ихъ. *Золотой вѣнецъ* былъ *митра* (1) *тресвѣтлое солнце,* вѣнецъ *года,* заключавшій въ сферѣ своей всѣхъ прочихъ зодіакальныхъ свѣтилъ.

Цари Востока, величаемые сынами солнца, носили митру; этотъ трехвѣнечный и крытый съ верху головной покровъ, принятъ былъ, какъ мы упомянули выше, Александромъ Великимъ, въ числѣ прочаго облаченія Царей Парсійскихъ. Вѣнецъ искони знаменовалъ уже освященное право на владычество. Во время коронованія Птоломея Филадельфа, торжественный выносъ, состоялъ изъ 3200 вѣнцовъ подвластныхъ Египту городовъ и областей. Это право было родовое, мѣстное. Вѣнецъ каждой области принадлежалъ божеству покровительствующему, котораго значеніе

(1) मित्र — митра — солнце — *тресвѣтлое:* म — Брама — Вишну — Сива — свѣтъ, त्रि — *три,* троякій.

въ общей іерархіи покровительствующихъ божествъ, опредѣляло *мѣсто* владѣтелю области въ гражданскомъ составѣ царства на условіяхъ родоначалія.

Римъ первый положилъ основаніе устройству гражданскаго міра на чиноначаліи и, въ подражаніе іерархіи силъ духовныхъ, далъ вѣнцамъ значеніе степеней достоинствъ гражданскихъ. Отсюда средніе вѣка наслѣдовали различіе по формѣ и украшенію коронъ — Имперіи какъ царства царствъ, Королевства — какъ единаго царства; княжества — какъ наслѣдственнаго удѣла царства; графства — какъ дарованной области, воеводства — какъ ввѣренной въ управленіе, и боярства — какъ помѣстнаго владѣнія.

Золотая крытая корона, украшенная драгоцѣнными камнями, сохранила значеніе верховнаго Кесарскаго или Царскаго сана. « Императоры Германіи, говоритъ Мартенъ, вѣнчались серебряной короной Германіи, въ Ахенѣ, желѣзной короной Ломбардіи, въ Моденѣ, и *золотой Императорской* въ Римѣ.

НАСЛѢДСТВЕННЫЙ ГОСУДАРЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ЦАРСКІЙ ЗОЛОТОЙ ВѢНЕЦЪ,

НАЗЫВАЕМЫЙ

ШАПКОЙ МОНОМАХА.

(Рисун. Отд. II. № 1, 2.)

Наслѣдственный вѣнецъ Россіи есть *златой вѣнецъ*, Царскій, или Кесарскій. Подъ этимъ названіемъ онъ упоминается во всѣхъ сохранившихся духовныхъ граматахъ Великихъ Князей, которые благословляли старшихъ своихъ сыновей животворящимъ Крестомъ, *златой шапкой*, бармами, хрещатой цѣпью и *сердоничной крабицей*.

Первое упоминаніе о Царской златой шапкѣ, подъ названіемъ *Мономаховой*, мы встрѣчаемъ въ Никоновской лѣтописи, XVII столѣтія, при описаніи поставленія (въ 1498 году) Димитрія Іоанновича, внука Великаго Князя Іоанна III, на великокняженіе: « *возложиша на него бармы Мономаховы и шапку.* » Но главной основой этому названію служитъ сказаніе: « *о поставленіи Великихъ Князей Россійскихъ на Великое Княженіе Святыми бармами и Царскимъ вѣнцемъ, откуда бѣ и како начаша ставитися.* »

Это сказаніе, въ которомъ, должно замѣтить, не упоминается о Московскомъ великокняженіи, введено въ Чиновникъ поставленія на великокняженіе, писанный еще до Патріарховъ, въ грамоту избранія Царя Михаила Θеодоровича, въ чины и поставленіе на царство Царей: Алек-

сѣя Михайловича, Θеодора Алексѣевича, и въ вѣнчаніе на царство Царей Іоанна и Петра. Повсюду, исключая грамоты избранія на царство Царя Бориса Θеодоровича Годунова (1), повторяется сказаніе о несовременномъ Владиміру Всеволодовичу походѣ во Фракію, совершенномъ Владиміромъ Ярославичемъ, и о присылкѣ регалій отъ Константина Мономаха.

Хотя титло *Равноапостольнаго* было нераздѣльно *съ первовѣнчаннымъ,* и наслѣдственный Царскій вѣнецъ долженъ бы былъ называться вѣнцомъ Владиміра Святаго; но потому ли, что онъ сохранился въ родѣ Мономаховомъ, или дѣйствительно присланъ Владиміру Мономаху Императоромъ Алексѣемъ Комнено, какъ упоминаетъ Синопсисъ, названіе *шапки Мономаховой* стало обычно ему и въ старинныхъ описяхъ царской казны.

Въ Росписи Государева большаго наряда, *писанной съ прежнихъ росписей,* въ 1642 году, по указу Царя Михаила Θеодоровича принять завѣдываніе Государевыми большими нарядами Боярину Θеодору Ивановичу Шереметеву, о шапкѣ Мономаховой сказано: «Шапка Мономахова золота̀ сканная съ каменьемъ и зерны, пушена соболемъ, подложена отласомъ червчатымъ.»

Въ составленной по указу Государя Царя и В. К. Петра Алексѣевича, въ 1696 году Февраля 6-го числа, описи казны блаженной памяти Царя Іоанна Алексѣевича, постельникомъ Алексѣемъ Михайловичемъ Татищевымъ и стряпчимъ съ ключемъ Леонтіемъ Богдановичемъ Плоховымъ, описаніе шапки Мономаховой слѣдующее:

«Шапка Царская золота̀ сканная Мономахова, на ней крестъ золотъ гладкій, на немъ по концамъ и въ исподи четыре зерна гурмыцкихъ, да въ ней каменья въ золотыхъ гнѣздехъ, надъ яблокомъ яхонтъ желтъ, яхонтъ лазоревъ, лалъ, промежъ ими три зерна гурмыцкихъ, да на ней четыре изумруда, два лала, двѣ коры яхонтовыя въ золотыхъ гнѣздахъ, двадцать пять зеренъ гурмыцкихъ на золотыхъ спняхъ, околъ соболій, подложена отласомъ червчатымъ, влагалище деревянное оклеено бархателью травчатою, закладки и крючки серебряны.»

(1) Въ граматѣ избранія на царство Царя Бориса Θеодоровича Годунова, о присылкѣ регалій Владиміру Мономаху, не упоминается; но, какъ родоначальникомъ, такъ и первымъ Самодержцемъ означенъ Благовѣрный В. К. Владиміръ Кіевскій, *крестивый землю нашу Русскую Святымъ крещеніемъ,* отъ него же Владиміра, великіи христіанстіи поборники, благовѣрніи Цари и Великіе Князи Рустіи по *Царскимъ степенемъ* произшедше изыдоша даже и до сего времени.»

Это описаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ современному состоянію вѣнца и его украшеній.

Тулья вѣнца составлена изъ *осьми* продолговатыхъ треугольныхъ, скан-ныхъ золотыхъ дощечекъ, соединенныхъ острыми концами подъ золотымъ яблокомъ, надъ которымъ золотой гладкій крестъ съ крупными жемчужи-нами на оконечностяхъ и въ подножіи.

На яблокѣ въ гнѣздахъ со спнями три крупныхъ камня: яхонтъ лазо-ревый, яхонтъ желтый и лалъ; между камнями въ гнѣздахъ же со спнями три крупныхъ жемчужины.

На каждой изъ осьми дощечекъ составляющихъ тулью, по крупному камню, изъ числа которыхъ два яхонта червчатыхъ, четыре изумруда и два лала. Камни обставлены жемчужинами въ видѣ треугольниковъ; на семи дощечкахъ по три жемчужины, на осьмой четыре. Опушка шапки соболья.

ШАПКА КАЗАНСКАЯ

ЗОЛОТАЯ СКАННАЯ СЪ ЧЕРНЬЮ.

(Рисун. Отд. II. № 3, 4.)

Казанское царство составляло до нашествія Монголовъ собственно *Волжскую Болгарію,* которая, по восточнымъ писателямъ, населена была Славянскими племенами. Городъ *Болгаръ,* по Русскимъ лѣтописямъ *Великій градъ,* былъ цвѣтущимъ средоточіемъ торговли Сѣвера Европы съ Востокомъ.

Въ IX-мъ столѣтіи, когда новое царство—Русь, возникала изъ совокупленія Славянскихъ племенъ, Волга образовала изъ себя естественный предѣлъ между движеніемъ духовныхъ побѣдъ христіанства, со стороны юга и запада, и знаменъ Магомета отъ востока. Волжскіе Болгары подпали подъ иго Исламизма.

Великій Князь Святославъ, казалось, имѣлъ намѣреніе соединить всѣ Славянскіе племена подъ одну державу. Съ этой цѣлью покорены имъ Болгарія и Хозарія; но преждевременная смерть рушила его великій замыселъ.

Побѣды Святослава въ Болгаріи за Волгой повторяются сыномъ его Владиміромъ въ 985 году, Андреемъ Георгіевичемъ въ 1164 г. и Всеволодомъ Георгіевичемъ въ 1183 году; но неприносятъ особенной пользы. Наконецъ сынъ В. К. Димитрія Донскаго, Василій въ 1376 году побѣждаетъ Болгарскихъ владѣтелей и беретъ съ нихъ дань. Въ 1399 году, Василій Димитріе-

вичь посылаетъ въ Болгарію брата своего Юрья съ сильнымъ войскомъ, покорлетъ *Великій градъ*, Жукотинъ, Казань и Кременчугъ, и съ этого времени принимаетъ названіе *Завоевателя Болгаріи*.

Усилія Казанскихъ хановъ сохранить независимость отъ Россіи, окончательно рушены Іоанномъ III. Покоривъ Казань, онъ посылаетъ туда Ханомъ Магметъ-Амина, который и былъ присяжникомъ Руси; а самъ Іоаннъ сталъ именоваться *Государемъ Болгаріи*.

Когда Іоаннъ IV, покорилъ окончательно Казань и водрузилъ посреди ея собственною рукою крестъ спасенія, Едигеръ Ханъ Казанскій пожелалъ принять Св. крещеніе. Въ 1553 году совершилось это торжество на берегу Москвы рѣки въ присутствіи Государя. Митрополитъ былъ воспріемникомъ. Эдигеръ, названный Симеономъ, въ тоже время одаренъ былъ Іоанномъ саномъ Царя Казанскаго.

Въ описи 1642 года (1), составленной по указу Царя и В. К. Михаила Θеодоровича, описаніе Казанской шапки слѣдующее:

« Шапка Казанская золотая съ чернью, городы прорѣзные золоты, въ ней каменье лалы и бирюзы и зерна гурмицкіе въ гнѣздехъ; на верху на спнѣ камень лалъ, подъ каменемъ и поверхъ каменя два зерна гурмицкихъ большіе; пушена соболемъ, подложена атласомъ червчатымъ.

« Влагалище бархатъ черпъ, внутри бархатъ черленъ, петли и ручки серебряны белы.

« Изъ тоѣ шапки лалъ снятъ и положенъ на новую шапку, которая дѣлана при Ефиме Телепневѣ въ 1627 году, а вто мѣсто положенъ тумпазъ желтъ. »

Въ описи царской казны 1682 года (2):

« *Шапка золотая сканная счернью Казанскаго Царя Симеона,* на ней на верху яхонтъ желтъ; на верху и на исподи яхонта, два зерна гурмицкихъ, вней тритцать три лала, осмнатцать бирюзъ да двенадцать бирюзокъ маленькихъ, двенадцать зеренъ половинчатыхъ, влагалище деревяное оклеено сверху бархатомъ зеленымъ изнутри тафтою червчатою. »

Въ описи 1702 года означена оцѣнка:

« *Шапка золотая сканнаго дѣла Царя Казанскаго.*

« На верху той шапки яхонтъ желтой на спнѣ золотомъ, цѣна сто рублевъ.

(1) Архив. Оруж. Палаты. № 681.
(2) Арх. Ор. Пал. № 140.

« Два зерна жемчужныхъ, десять рублевъ.

« На верхнемъ яблокѣ двенадцать яхонтовыхъ искоръ красныхъ, цѣна по десяти алтынъ камень, и того три рубля двадцать алтынъ.

« Дватцать бирюзъ, цѣна рубль.

« На всей шапкѣ четырнадцать лаловъ, по четыре рубли камень и того пятдесятъ шесть рублевъ.

« Осминатцать бирюзъ, цѣна всѣмъ три рубли.

« Двенадцать зеренъ жемчюжныхъ половинчетого бурмицкого, двенадцать рублевъ.

« Вѣсомъ та шапка золото съ каменьемъ и жемчюгомъ и съ серебромъ четыре фунта семдесятъ шесть золотниковъ.

« Золота положено на примѣръ четыре фунта, а золотниками и́метца триста восемдесятъ четыре золотника по рублю по десяти алтынъ золотникъ, и того четыре ста девяносто девять рублевъ шесть алтынъ четыре деньги.

« Всего той шапкѣ цѣна: *шесть сотъ восмьдесятъ четыре рубли дватцать алтынъ.*

« Верхъ сдѣланъ серебряный на шапку Царскую, вѣсу въ немъ серебра фунтъ тритцать одинъ золотникъ, цѣна по два алтына по четыре деньги золотникъ, и того десять рублевъ, пять алтынъ, двѣ деньги.

ШАПКА ЦАРСКАЯ ЗОЛОТАЯ

ПЕРВАГО НАРЯДА

ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

(Рисун. Отд. II. № 5, 6.)

Эта шапка въ старинныхъ описяхъ Большой Казны и въ Царскихъ Выходахъ упоминается преимущественно подъ названіемъ: «*шапка что дѣлана въ приказѣ у думнаго дьяка Ефима Телепнева;*» иногда: «*шапка фряская, что дѣлана въ приказѣ у Ефима Телепнева*» и «*шапка Царская золотая перваго наряда.*»

Первоначально на ней «на верху на коронѣ былъ *лалъ великъ,* что снятъ съ Казанской шапки, надъ лаломъ крестъ золотъ въ немъ 23 алмаза да 3 зерна бурмицкихъ.»

Судя по сохранившимся духовнымъ Великихъ Князей до Царя Іоанна Васильевича IV, въ Большой казнѣ не было другой торжественной Царской шапки, кромѣ *золотой,* или такъ называемой Мономаховой.

При Царѣ Иванѣ Васильевичѣ IV, сдѣлана была шапка для Казанскаго Царя Эдигера, въ св. крещеніи Симеона, которая, по смерти его, и поступила въ Казну.

Маржеретъ, бывшій въ 1611 году при Димитріѣ Самозванцѣ, сопровождалъ его для осмотра Большой Царской Казны и видѣлъ въ кладовыхъ

пять коронъ, изъ коихъ одна была *старинная Великокняжеская* (Мономахова), три Царскихъ, и одна недоконченная работой корона, дѣланная для Марины Мнишекъ.

Маскѣвичь, видѣвшій также Царскую Большую Казну, въ 1611 году, пишетъ, что двѣ изъ числа бывшихъ въ ней Царскихъ коронъ, и именно принадлежавшая *Годунову,* и *не совсѣмъ оконченная* работою, принадлежавшая *Димитрію мужу Мнишковны,* выданы были Думными боярами, въ залогъ уплаты жалованья Польскимъ и Литовскимъ войскамъ Эти двѣ короны были вывезены изъ Россіи и въ послѣдствіи, какъ упоминаетъ Маскѣвичь, разломаны и подѣлены (1).

Въ Казнѣ слѣдовательно оставались: шапка Мономахова, шапка Казанская и Вѣнецъ, присланный Вселенскимъ Патріархомъ Іереміей и освященнымъ соборомъ Царю Ѳеодору Іоанновичу (2).

Въ 1642 году, Царь и В. К. Михаилъ Ѳеодоровичь указалъ: *« свой большой Государевъ нарядъ* вѣдать Бояриму Ѳедору Ивановичу Шереметеву. » При этомъ случаѣ составлена *роспись, слово въ слово съ прежней.*

Въ этой книгѣ, хранящейся въ архивѣ Оружейной Палаты (3), изчислены слѣдующія Царскія шапки:

1. « *Шапка Мономахова,* золота сканная съ каменьи и зерны, пушена соболемъ. »
2. « Вѣнецъ золотъ с каменьемъ с олмазы и яхонты червчатыми и лазоревыми и съ лалы и съ изумруды и съ зерны гурмицкими. » На немъ былъ крестъ

(1) При этомъ послѣднемъ упоминаніи Маскѣвичь называетъ одну *Ѳеодоровой* (вѣроятно Ѳеодора Годунова), а другую Димитріевой.

(2) При утвержденіи Московской Патріархіи, въ 1591 году, Вселенскій Патріархъ Іеремія и Освященный соборъ всего Греческаго духовенства, прислалъ Царю Ѳеодору Іоанновичу съ митрополитомъ Терновскимъ Діонисіемъ *«Вѣнецъ Царскій золотъ съ каменьемъ и съ жемчюги»* Царицѣ Иринѣ Ѳеодоровнѣ также «Вѣнецъ Царскій золотъ съ каменьемъ и съ жемчюги.» Эта присылка, безъ сомнѣнія, знаменовала признаніе Царя Ѳеодора Іоанновича главою Восточной Имперіи. Вѣнецъ существовалъ еще при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и украшенія его подробно изчислены въ описи 1682 года. Въ описной книгѣ 1699 года (Арх. Ор. Пал. № 212 глава 7) упоминается о *коронникѣ* съ короной (женской); по исчисленнымъ и оцѣненнымъ ея украшеніямъ въ 3719 рублей, видно, что она была съ 8-ю городами, съ золотыми запонами (нѣкоторыя въ видѣ коронокъ) подвѣсками, подвизями и косичками *Греческаго дѣла,* украшенными алмазами и жемчюгомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это была корона присланная Вселенскимъ Патріархомъ Царицѣ Иринѣ Ѳеодоровнѣ.

(3) За № 681-мъ.

съ 24 алмазами. Въ городкахъ и рѣпьяхъ нижняго вѣнца и въ дугахъ *средней коруны* и малой *коруны* — 561 алмазъ, 148 бурм. зеренъ, 19 лаловъ, 72 изумруда большихъ и малыхъ, и 161 яхонтъ.

3. «Шапка Казанская золота съ чернью, городы прорѣзные золоты, въ ней каменья лалы и бирюзы и зерна гурмыцкія.»

4. «*Шапка съ пелепелы*, по цкѣ золотой низана женчюгомъ, въ рѣпьяхъ камышки яхонты лазоревы и лалики; на верху яблоко золото, на яблокѣ въ гнѣздахъ три камени: яхонтъ лазоревъ, да лалъ, да изумрудъ, да три зерна гурмышскихъ на спнѣхъ; на верху на яблокѣ на спнѣ камень яхонтъ червчатъ, на немъ на верху два зерна гурмышскіе. Пушена соболемъ.» По выходной книгѣ 1643 года: «*шапка съ пелепелы*, что дѣлана въ приказѣ у окольничаго Василья Ивановича Стрешнева.

5. «Шапка, что дѣлана въ приказѣ у золотово дѣла въ 1627 году при думномъ дьякѣ при *Ефимѣ Телепневѣ*. «Она также *съ корунами*, какъ и вѣнецъ, почему и называлась иногда въ Выходахъ *фряской*. Вотъ описаніе ея 1628 года:

«Въ нижней корунѣ поставлено: яхонтъ лазоревъ великъ четвероуголенъ; два яхонта лазоревыхъ, одинъ осмиуголенъ, а другой четвероуголенъ; два яхонта лазоревыхъ четвероугольны, одинъ продолговатъ; 12 яхонтиковъ лазоревыхъ же не великихъ, одиннадцать осмоугольны, а *другонатцатой* четвероуголенъ; пять лаловъ большихъ четвероугольныхъ; три лала осмоугольны; 6 яхонтиковъ червчатыхъ невеликихъ; 6 изумрудовъ не малы четвероугольны, одинъ продолговатъ; 11 изумрудцовъ невеликихъ. Да въ ту же коруну поставлено 24 алмаза. Въ верхней коруне поставлено: яхонтъ червчатъ четвероуголенъ; 18 яхонтиковъ червчатыхъ; 20 изумрудовъ, одиннадцать о шти углахъ; два лала одинъ осмоуголенъ, а другой четвероуголенъ; 4 яхонта лазоревыхъ, три осмоугольны, а четвертой четвероуголенъ. Да въ ту же верхнюю коруну поставлено 21 алмазъ. Да на верху на корунѣ поставленъ *лалъ великъ, что снятъ съ Государевы Казанскіе шапки.* Да въ тужъ Государеву верхнюю коруну поставлено по верхъ большово лала на закрѣпкѣ зерно гурмыцкое велико. Да подъ ламомъ въ исподи въ пятѣ на спнѣ зерно гурмыцкое не мало, плосковато. Да въ верхнююжъ и въ нижнюю коруну на городкахъ и межъ каменья поставлено въ гнѣздѣхъ и въ репьяхъ 60 зеренъ гурмышскихъ большихъ и середнихъ и невеликихъ.»

Въ книгѣ записной большому наряду и взносу онаго въ хоромы (1) упомянуто о вѣсѣ всѣхъ этихъ шапокъ:

«Того же дни (Іюня 16, 1641 г.), по Государеву Цареву и В. К. Михаила Θеодоровича всея Русіи указу Бояринъ Князь Иванъ Борисовичь Черкаской привѣшивалъ *Государева большого наряду шапки;* а по вѣсу въ нихъ:

«*Въ Манамахове шапкѣ* вѣсу два фунта двадцать золотниковъ, безъ соболя.

«*Въ Вѣнцѣ* одиннадцать фунтовъ семдесятъ четыре золотника.

«*Въ Казанской шапкѣ* вѣсу четыре фунта семдесятъ восмь золотниковъ безъ соболя.

«Въ шапкѣ, что дѣлана при дьякѣ при Ефимѣ Телепневѣ, вѣсу четыре фунта шестьдесятъ шесть золотниковъ, безъ соболя.

«Въ новой шапкѣ, что дѣлана при окольничемъ при Василіе Ивановиче Стрешневѣ, вѣсу четыре фунта одиннадцать золотниковъ съ соболемъ.»

По Выходнымъ книгамъ, 1679 года, Марта 30, впервый разъ упоминается на Царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ «*шапка Царская алмазная, съ лаломъ, новая.*»

По описи 1682 года, въ Царской казнѣ Царя и В. К. Θеодора Алексѣевича исчислены слѣдующія короны:

1. «*Вѣнецъ Царскій золотъ съ запоны* и проч.» Это тотъ же, который упоминается въ описи Большой Казны при Михаилѣ Θеодоровичѣ; но «съ сего вѣнца изъ подъ креста сняты 1682 года Іюня 20-го бурмицкія зерны на крестъ *на Мономахову шапку для Царя Петра Алексѣевича.*

2. «Шапка Царская золотая.» Запаны съ коронами и съ финифтью украшены алмазами гранеными. Въ ней подъ крестомъ лалъ великъ (10 золотн.) и 467 алмазовъ кромѣ искръ алмазныхъ. Въ 1684 году съ этой шапки сняты всѣ украшенія на новую *алтабасную* шапку для Царя Іоанна Алексѣевича, и на *новую* шапку для Царя Петра Алексѣевича. Это вышеупомянутая *алмазная шапка* Царя Θеодора Алексѣевича.

3. «Шапка Царская золотая перваго наряда, *дѣло дьяка Ефима Телепнева;* на ней крестъ золотъ, въ немъ двадцать три алмаза (24-го недостаетъ) да три зерна гурмыцкихъ; подъ *нимъ лалъ великъ;* по ней травы прорѣзныя,

(1) Въ Арх. Ор. Палаты, подъ № 785.

съ финифты; въ ней 45 алмазовъ, 11 лаловъ въ золотыхъ гнѣздахъ, да 25 яхонтовъ червчатыхъ въ гнѣздахъ, 21 яхонтъ лазоревый, 22 изумруда; 15 искорокъ изумрудныхъ; 51 зерно гурмыцкое; околъ соболей. — *1687 года съ сей шапки крестъ золотъ съ алмазы, подъ нимъ лалъ снятъ на шапку алмазную новаго дѣла Государя Царя и В. К. Іоанна Алексѣевича.*»

Сравнительно съ описью 1642, въ которой помѣщена (листъ 72 на оборотѣ) выписка 1628 года, когда поступила эта шапка въ Большую Казну, разницы никакой нѣтъ.

4. «Шапка Царская золотая сканная Мономахова.»
5. «Шапка золотая сканная съ чернью Казанскаго Царя Симеона.»
6. «Шапка Царская низана жемчугомъ по золотой цкѣ золотыми пелепелы.

Эта шапка, дѣланная въ приказѣ у окольничаго Василья Ивановича Стрешнева, здѣсь описана подробнѣе: «на ней на верху лалъ на спнѣ золотомъ закрѣпленъ двема зерны гурмыцкими; да въ гнѣздахъ лалъ, яхонтъ лазоревъ, изумрудъ, да три зерна гурмыцкихъ, на спияхъ; на ней же 61 репей низаны жемчугомъ, а въ нихъ по яхонту лазоревому, да по шти лаликовъ, и тово 366 лаликовъ; околъ соболей, подложено атласомъ червчатымъ. Влагалище деревяное, оклеено бархатомъ чернымъ съ круживы золотыми, петли и крючки серебреные. Взята съ Казанскаго двора во 1676-мъ. 1688 года Апрѣля 3 съ сей шапки камень лалъ съ двемя зерны гурмыцкими снявъ отнесъ въ хоромы къ Великой Государынѣ Царицѣ и В. К. Наталіи Кириловнѣ, стольникъ Гаврила Ивановичь Головкинъ.»

Кромѣ этихъ шапокъ большаго наряда, какъ видно изъ Выходныхъ книгъ, до Царей и Великихъ Князей Іоанна и Петра Алексѣевичей, другихъ не было.

Послѣ этого времени въ описяхъ о вѣнцѣ Θеодора Іоанновича и шапкѣ съ пелепелы уже не упоминается: онѣ, по выраженію описей, были *роспорчены;* нѣкоторыя украшенія ихъ употребились на новыя *алмазныя шапки* для Іоанна и Петра Алексѣевичей, и на *алтабасную шапку.* Шапка же Михаила Θеодоровича, дѣланная въ 1627 году при думномъ дьякѣ Телепневѣ, въ замѣнъ тяжелаго *вѣнца* и по образцу его, съ коронами *фряжскими,* сохранилась до сего времяни въ первобытномъ ея видѣ; но *лалъ великій* и надъ нимъ алмазный крестъ, употребленные на алмазную шапку

Царя Іоанна Алексѣевича, замѣнены огромнымъ изумрудомъ. Въ ней теперь 56 бурмицкихъ зеренъ, одинъ огромный сафиръ алмазной грани, 12 среднихъ лазоревыхъ яхонтовъ, 12 малыхъ, 17 изумрудовъ среднихъ и малыхъ, 37 лаловъ большихъ и малыхъ, 35 алмазовъ и 22 мѣста пустыхъ.

Въ каталогѣ 1776—7—8-го, эта шапка въ первый разъ названа *Астраханскою,* съ ошибочнымъ примѣчаніемъ, что Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь повелѣлъ сдѣлать се въ ознаменованіе покоренія въ 7062 году царства Астраханскаго и Тмутаракани.

ШАПКА АЛТАБАСНАЯ

ТРЕТЬЯГО НАРЯДА

ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ІОАННА АЛЕКСѢЕВИЧА.

(Рисун. Отд. II. № 7, 8.)

Шапка *алтабасная* т. е. золотой ткани, построена въ 1684 году. Всѣ украшающія ея запоны сняты съ алмазной шапки Царя Ѳеодора Алексѣевича (1). По *описной книгѣ 1689 года* она описана слѣдующимъ образомъ:

« Шапка третьего наряду, запаны и дуги нашиты по алтабасу. Нижней вѣнецъ запаны яхонты червчатые; въ томъ же вѣнцѣ напреди двѣ запаны, а въ нихъ по алмазу. Въ дугахъ двадцать запанъ, а въ нихъ по алмазу; да промежъ дугъ четыре запаны; въ первой запанѣ два яхонта червчеты, два алмаза, два изумруда, да пять зеренъ гурмицкихъ, на спняхъ. Въ другой въ срединѣ изумрудъ, по сторонамъ два алмаза, три яхонта червчетыхъ, три зерна гурмыцкихъ на спняхъ. Въ третей въ срединѣ яхонтъ лазоревой, по сторонамъ два алмаза, три яхонта червчатыхъ, три зерна гурмыцкихъ на спняхъ. На четвертой въ срединѣ изумрудъ, по сторонамъ два алмаза, три яхонта червчатыхъ, три зерна гурмыцкихъ на спняхъ. На верху яблоко золотое, на немъ десять яхонтовъ червчатыхъ, десять изу-

(1) Опись Большой Казны 1682 года. Л. 20.

мрудовъ. На яблокѣ крестъ золотой съ яхонты, да три зерна гурмыцкихъ. Подъ крестомъ изумрудъ сквозной. »

Въ настоящемъ состояніи Алтабасной шапки недостаетъ противъ этого описанія двухъ бурмицкихъ зеренъ на первой запонѣ, и бывшаго подъ крестомъ *сквознаго изумруда*, который, безъ сомнѣнія, снятъ на шапку перваго наряда.

Въ описи 1702 года, оцѣнка алтабасной шапки 909 рублей.

ШАПКА МОНОМАХОВА

ВТОРАГО НАРЯДА, СДѢЛАННАЯ ДЛЯ КОРОНОВАНІЯ

ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

(Рисун. Отд. II. № 9, 10.)

Въ описи 1689 года: «Шапка втораго наряда, здѣлана съ образца Мономаховы шапки; на ней по цкѣ серебряной золоченой каменья въ гнѣздахъ; одинъ яхонтъ лазоревой, три изумруда, да три лала; да въ гнѣздѣ камня нѣтъ. Двадцать пять зеренъ гурмыцкихъ на спняхъ. На верху яблоко, на яблокѣ въ гнѣздахъ золотыхъ лалъ да яхонтъ лазоревой, да изумрудъ; три зерна гурмыцкихъ въ гнѣздахъ; на яблокѣ крестъ золотой; на немъ четыре зерна гурмыцкихъ. Та шапка съ околомъ собольимъ.»

По описи 1682 года, упомянуто, что въ 1682 году, Іюня 20, бурмицкіе зерны изъ подъ креста *Царскаго золотаго вѣнца* сняты, на крестъ на Мономахову шапку Царя и В. К. Петра Алексѣевича. Въ описи 1702 года помѣщена оцѣнка этой шапки:

«Втораго наряду, шапка Царская Мономахова, цка золотая глаткая, на ней крестъ золотой, на крестѣ по краямъ четыре зерна бурмицкіе, — цѣна сто рублевъ.

«Подъ крестомъ три камня въ золотыхъ гнѣздахъ яхонтъ лазоревъ, да лалъ водокшанской, изумрудъ, да три зерна бурмицкіе половинчатые,—цѣна всему семдесятъ рублевъ.

« Да на той же шапкѣ каменья въ гнѣздахъ золотыхъ, яхонтъ лазоревой, два лала водокшанскихъ, корка яхонтовая красная, да три изумруда, двадцать пять зеренъ бурмицкихъ малыхъ на спняхъ золотыхъ, — цѣна всему сто сорокъ рублевъ. Золота въ той шапкѣ съ каменьемъ вѣсу фунтъ тридцать золотниковъ. Изъ того числа выложено на каменья и на воскъ десять золотниковъ, — цѣна тому золоту сто сорокъ рублевъ.

« Всего на вышеписанной шапкѣ каменью и зернамъ и золоту цѣна четыреста пятдесятъ рублевъ.

АЛМАЗНАЯ ШАПКА,

или

ШАПКА ПЕРВАГО НАРЯДА

ЦАРЯ И В. К. ІОАННА АЛЕКСѢЕВИЧА.

(Рисун. Отд. II. № 11.)

По отмѣткѣ въ описи 1682 года, эта алмазная шапка заключающая въ себѣ болѣе 900 камней, дѣлана въ 1687 году, для Царя Іоанна Алексѣевича. По описи 1696 года:

« Шапка Царская, на ней крестъ золотъ съ алмазы. По концамъ у того креста въ подвѣскахъ три алмазы гранены, подъ крестомъ лалъ великъ; кругомъ лала три о́гиби, золотыхъ же съ алмазы. Подъ лаломъ и подъ огибами яблоко золото прорѣзное съ алмазы гранены. Напереди запона золота съ алмазы продолговата, въ ней въ срединѣ алмазъ великъ граненъ. По сторонамъ той за́поны по орлу золоту съ алмазы съ коронами; въ нихъ подъ коронами по подвѣскѣ алмазной въ гнѣздахъ, въ одномъ орлѣ въ ногѣ алмаза нѣтъ. Промежъ орловъ по сторонамъ той же запоны двѣ запонки крылья золоты съ алмазы. Въ низу той запоны по алмазу въ золотыхъ гнѣздахъ съ *финифтью зеленою Греческаго дѣла.* Промежъ тѣми алмазы алмазецъ въ золотѣ; подъ круглыми запонки подлѣ орловъ внизу по четыре алмазца въ золотѣ косичками *Греческаго дѣла.* По сторонамъ орловъ подъ крылами по запонкѣ четвероугольной прорѣзной съ финифтью; въ нихъ по алмазу. По сторонамъ орловъ по пяти звенъ, запоны золоты

прорѣзныя съ алмазы Греческаго дѣла. Позади два звена петлицы золоты съ алмазы гранены, въ среднихъ по алмазу велику гранену. Внизу той петлицы два алмазца въ золотѣ косичками. Межъ запонъ и орловъ четырнадцать древокъ золоты въ нихъ по алмазу гранену да по двѣ искры алмазныхъ. Въ другомъ поясу, напереди и посторонамъ, четыре запоны круглы съ короны золоты съ алмазы, въ среднихъ по алмазу велику гранену; подъ ними по двѣ запонки золоты косичками Греческаго дѣла; въ нихъ въ двухъ по шти, въ двухъ по пяти алмазцовъ. Межъ тѣми запоны восмь запонокъ репьями золоты съ алмазы Греческаго дѣла. Подъ тѣми запонки внизу четыре запонки крылы золоты съ алмазы. По сторонамъ тѣхъ запонокъ восмь алмазовъ въ гнѣздахъ золотыхъ косичками Греческаго дѣла. Около яблока четыре запонки круглыхъ золоты съ алмазы, да шесть алмазовъ граненыхъ въ золотыхъ гнѣздахъ; да два алмаза въ золотыхъ гнѣздахъ Греческаго дѣла. Кругомъ короны, что надъ переднею запоною четыре алмазца гранены, въ золотыхъ гнѣздахъ съ финифтью, да промежъ запонъ двадцать алмазцовъ въ золотѣ Греческаго дѣла. Цка серебрена золочена. Околъ соболей, тулья лисья, черевья чернобурыхъ лисицъ.»

На эту шапку «крестъ золотъ съ алмазы подъ нимъ лалъ» снятъ съ шапки перваго наряда дѣла дьяка Ефима Телепнева (Рис. № 5); а всѣ алмазныя запоны Греческаго дѣла, безъ сомнѣнія, сняты съ Вѣнца.

Въ описи 1702 года (1) въ подробной оцѣнкѣ камней украшающихъ эту шапку, лалъ находящійся подъ крестомъ оцѣненъ въ 300 рублей; а «всего на вышеписанной шапкѣ запономъ золотымъ и каменьемъ цѣна *пятнадцать тысячь двѣсти одинадцать рублей.*»

(1) Арх. Ор. Пал. № 163.

АЛМАЗНАЯ ШАПКА

или

«ШАПКА ЦАРСКАГО ПЕРВАГО НАРЯДУ»

ЦАРЯ И В. К. ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

(Рисун. Отд. II. № 12, 13, 14.)

Въ описи 1702 года исчислены украшенія ея и цѣнность драгоцѣнныхъ камней :

« А на ней крестъ золотой, въ серединѣ алмазъ большой да шестнадцать алмазовъ среднихъ. Да по концамъ три алмаза круглыхъ граненыхъ висячихъ, — цѣна всему *семь сотъ* рублевъ.

« Подъ крестомъ камень *лалъ* большой водокшанской въ ободу золотомъ съ алмазцы, — цѣна пять *пять тысячь рублевъ*.

« Подъ тѣмъ камнемъ яблоко золотое съ алмазы счетомъ восемьдесятъ алмазовъ и въ томъ числѣ одинъ средней большой,—цѣна всему семь сотъ рублевъ.

« На переди два орла съ коронами золотые съ алмазы счетомъ сто пятьдесятъ три алмаза, да въ тѣхъ же орлахъ трехъ алмазовъ нѣтъ,—цѣна тѣмъ всѣмъ орламъ семь сотъ рублевъ.

« Межъ тѣми орлами напереди петлица золотая въ ней пятьдесятъ семь алмазовъ, — цѣна четыреста двадцать рублевъ.

« Подлѣ вышеписанныхъ орловъ по обѣимъ сторонамъ по полупетличкѣ золотыя а въ нихъ счетомъ двадцать пять алмазовъ, — цѣна восемьдесятъ рублевъ.

« На правой сторонѣ у тѣхъ же вышеписанныхъ орловъ петлица золотая въ ней шестьдесятъ два алмаза, — цѣна триста пятьдесятъ рублевъ.

« Отъ орловъ вышеписанныхъ на лѣвой сторонѣ петлица золотая, а на ней пятьдесятъ восемь алмазовъ, — цѣна двѣсти пятьдесятъ рублевъ.

« Отъ тѣхъ же орловъ позади вышеписанныхъ петлицъ двѣ запоны круглыя золотыя съ короны а въ нихъ шестьдесятъ девять алмазовъ, — цѣна восемьсотъ рублевъ.

« Промежъ тѣми двемя запоны петличка золотая съ короною, а въ ней сорокъ алмазовъ, — цѣна сто восемьдесятъ рублевъ.

« А межъ вышеписанными орлами и петлицами осмнадцать запонъ золотыхъ, а въ нихъ сто шестьдесятъ два алмаза, — цѣна двѣсти пятьдесятъ рублевъ.

« На низу за вѣнцомъ на четырехъ сторонахъ четыре запоны косыя не велики золотыя а въ нихъ тридцать шесть алмазовъ, — цѣна сто рублевъ.

« Межь запонъ на той же шапкѣ двенадцать алмазовъ въ гнѣздахъ золотыхъ, — цѣна тысяча рублевъ.

« На той же шапкѣ вѣнецъ золотой съ каменьи, съ алмазы а въ немъ напереди запона золотая Нѣмецкаго дѣла, въ той запонѣ болшихъ и среднихъ тридцать три алмаза, — цѣна двѣ тысячи пять сотъ рублевъ.

« На двухъ сторонахъ и назади три запаны болшіе и въ томъ числѣ въ задней запонѣ двадцать четыре алмаза болшихъ и среднихъ,—цѣна тысяча триста рублевъ.

« Въ двухъ запонахъ сторонпихъ тридцать шесть алмазовъ болшихъ среднихъ, — цѣна тысяча рублевъ.

« Межъ болшими запоны шеснадцать запанъ золотыхъ коронками, а въ нихъ девяносто шесть алмазовъ болшихъ и малыхъ, — цѣна восемь сотъ рублевъ.

« На томъ же вѣнцѣ восемь изумрудовъ, да четыре лала болшихъ на спняхъ серебряныхъ, — цѣна восемь сотъ рублевъ.

« Всего на вышеписанной шапкѣ по цѣнѣ каменья и запонъ *шестнадцать тысячь девять сотъ тридцать рублевъ*.

«Да на той же шапкѣ въ запонахъ въ восьми гнѣздахъ осми алмазовъ нѣтъ.»

Въ описи 1745 года (1) слѣдующія измѣненія:

(1) Арх. Оруж. Пал. № 197.

« А на ней крестъ золотой, въ срединѣ алмазъ большой да 16 алмазовъ среднихъ, да по концамъ 3 алмаза круглыхъ граненыхъ висячихъ, — цѣна всему 700 руб.

« Подъ крестомъ *былъ* камень лалъ большой водокшанской, въ ободу кругомъ золото, тридцать одинъ алмазъ мѣлкихъ, — цѣна пять тысячь рублевъ. *Вмѣсто онаго лала нынѣ камень шпинарь въ пять рублевъ,* а ободъ серебряной опаенъ золотомъ, на ободу 32 алмаза, и противъ прежней описи алмазъ прибылъ. *А прежней* лалъ оставленъ въ комнатѣ у Ея Императорскаго Величества; а тому указъ за рукою его превосходительства Господина Салтыкова, Генваря 4 дня, 1732 года. »

Далѣе исчисленіе драгоцѣнныхъ камней сходно, съ незначительной разницею противъ описи 1702 года.

Въ настоящемъ видѣ Алмазная шапка заключаетъ въ себѣ вышеупомянутый подъ алмазнымъ крестомъ спинарь, въ ободу въ серебряныхъ гнѣздахъ 32 алмазныя искры; вообще алмазовъ разной величины 817 и кромѣ того 4 лала и 8 изумрудовъ на спняхъ.

ШАПКА ДРЕВНЯЯ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ,

или

АРХІЕРЕЙСКАЯ НОВГОРОДСКАЯ.

(Рисун. Отд. II. № 15)

Въ ризницѣ Новогородскаго Софійскаго собора хранится изображенная на рисункѣ № 15, шапка, неопредѣленно называемая и Великокняжеской и Архіерейской. Тулья ея бархатная съ вышитымъ золотомъ Деисусомъ. На вершинѣ деревянная золоченая бляха съ изображеніемъ креста. Околъ шапки рѣзной деревянной съ золочеными лавровыми листьями, крытый горностаемъ. Надъ изображеніями Спасителя, Богоматери, Іоанна Предтечи, Архангеловъ Михаила и Гавріила, Херувимовъ и Серафимовъ, вышиты Славянскія надписанія образовъ.

ТАФЬЯ,

или

ШАПОЧКА ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА.

(Рисун. Отд. II. № 16.)

Тафья Св. Благовѣрнаго Царевича Димитрія хранится въ Архангельскомъ соборѣ. Въ описи собора сказано:

« Тафья суконная червчатая, на ней запона золотая, въ ней шесть яхонтовъ лазоревыхъ, да мѣсто порожнее. Цѣна каждому по 50 копѣекъ и того три рубли. »

« Около запоны семнадцать, да около тафьи шестдесятъ четыре, всего 81 зерно кафимское, цѣна имъ по 15 руб. золотникъ. »

« А въ описи 701 года написано: « ту де тафью, въ прошломъ 1700 году, Августа въ 20 день, принесъ въ соборъ Архангела Михаила стольникъ Алексѣй Ивановъ сынъ Нарышкинъ и отдалъ ключарю, сказалъ: « *тую де тафью въ соборную церьковь Архангела Божія Михаила изволилъ прислать съ нимъ Великій Государь, Царь и В. К. Петръ Алексѣевичь всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, для того что тафья благовѣрнаго Царевича Димитрія Іоанновича.* »

До поступленія въ Архангельскій соборъ, тафья Царевича Димитрія Іоанновича хранилась въ Мастерской Оружейной Палатѣ.

Въ *книгѣ описной 156 года* (1648) *всякому платью Царя Алексѣя Михаиловича и оставшемуся послѣ блаженной памяти Царя Михаила Өеодо-*

ровича (1), въ статьѣ *о тафьяхъ,* листъ 299, о тафьѣ Царевича упоминается слѣдующимъ образомъ :

« Тафья сукно червчато, подкладка тафта ценинна , обнизана жемчюгомъ рогатымъ в одно зерно , счетомъ шестьдесятъ четыре зерна, напереди запона с финифты , въ запонѣ семь камешковъ лазоревыхъ , около запоны семнадцать зеренъ жемчюгомъ рогатымъ ; принесъ Бояринъ Борисъ Ивановичь Морозовъ 1642 Іюля въ 11 день, а сказалъ : *Сей тафьи сукно Царевича Дмитрея Ивановича Углецкаго.* Принята по книгѣ у дьяка у Давыда Дерябина.

(2) Арх. Ор. Пал. № 134.

КОРОНА

ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ.

(Рисун. Отд. II. № 17, 18.)

Эта корона, какъ видно изъ описи 1745 года (1), поступила въ Оружейную Палату въ 1741 году:

«Въ 1741 году, Марта 14, по указу отъ бывшаго Генерала и Оберъ-Гофмейстера Графа Семена Андреевича Салтыкова, и по опредѣленію мастерской Оружейной Палаты, Апрѣля 8 числа принята во оную Палату отъ совѣтника Петра Головина, Императорская Всероссійская Корона, а по осмотру серебренаго ряду купецкими людьми, на оной коронѣ явилось разныхъ камней, а именно:»

Слѣдуетъ исчисленіе и оцѣнка заключающихся въ коронѣ 2379 алмазовъ, 20 лаловъ, 4 яхонтовъ, 4 шпинарей и 1 хрусталя смазня. Лалъ водокшанскій, находившійся на коронѣ, оцѣненъ въ 1000 рублей, а вся корона въ двадцать девять тысячь семь сотъ девяносто два рубли.

Въ каталогѣ составленномъ въ 1776, 1777 и 1778 году, слѣдующая отмѣтка: «корона Государыни Императрицы Анны Іоанновны, съ алмазы, дикштейны, съ розеты, и бриліанты, съ яхонты и съ лалы, вѣсомъ 5 ф. 5 зол.»

Въ настоящемъ видѣ корона заключаетъ въ себѣ 2536 алмазовъ, 4 яхонта, 17 лаловъ, 5 шпинарей, 1 шпинсъ и 1 хрусталь смазень; но главную дра-

(1) Арх. Оруж. Пал. № 197, листъ 175.

гоцѣнность ея составляетъ находящійся подъ алмазнымъ крестомъ огромный лалъ, купленный по указу Царя Алексѣя Михайловича, въ 1676 году, въ Пекинѣ, бывшимъ у китайскаго Богдыхана Камъ-хи посломъ Николаемъ Спафаріемъ.

Этотъ лалъ съ его ободомъ, заключающимъ въ себѣ 26 бриліантовъ и съ алмазнымъ крестомъ, былъ прежде на коронѣ Императора Петра II, поступившей, послѣ коронованія, въ 1728 году, по указу Императора въ Оружейную Палату, и въ послѣдствіи передѣланной. Въ описи 1725 года (1), лалъ оцѣненъ въ 60,000 рублей.

(1) Арх. Ор. Пал. № 189, листъ 141.

КОРОНА МАЛЬТІЙСКАЯ

ОРДЕНА СВ. ІОАННА ІЕРУСАЛИМСКАГО.

(Рисун. Отд. II. № 19.)

Первое сношеніе Россійскаго Императорскаго Двора съ орденомъ Св. Іоанна Іерусалимскаго было при Царѣ и В. К. Петрѣ Алексѣевичѣ. Въ 1697 году бояринъ Борисъ Петровичь Шереметевъ, по повелѣнію Государя, отправился на островъ Мальту съ грамотою къ Великому Магистру. Прибывъ туда въ слѣдующемъ году, Мая 2-го, Бояринъ Шереметевъ былъ принятъ съ величайшими почестями. Послѣ торжественныхъ встрѣчь и обѣда у Великаго Магистра, Бояринъ Шереметевъ былъ, по приглашенію Ордена, Мая 8, въ церкви Св. Іоанна Предтечи «въ которой того дня Грандъ Магистеръ и всѣ кавалеры слушали литургію и причащались. А стоялъ Грандъ Магистеръ въ той церкви на особливомъ устроенномъ мѣстѣ, подъ балдахиномъ; а Боярину сдѣлано было особенное же мѣсто по правую сторону Грандъ-Магистра, и обито было коврами, а подъ колѣни положены были двѣ подушки золотыя бархатныя. А братья Боярскіе стояли мало поодаль отъ всѣхъ кавалеровъ, и положены имъ были подушки бархатныя. По окончаніи литургіи, выносили съ процессіею и пѣньемъ руку Святаго Великаго Пророка Предтечи и Крестителя Господня Іоанна, и сподобилися всѣ ее цѣловать.... »

При отъѣздѣ съ острова Мальты Бояринъ Шереметевъ пожалованъ былъ Великимъ Магистромъ Кавалеромъ Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, получивъ при томъ бриліантовые знаки онаго и патентъ.

По вступленіи на Престолъ Императора Павла I, Орденъ обратился къ Его Величеству съ просьбою быть Протекторомъ Ордена въ смутныхъ обстоятельствахъ того времени. Государь Императоръ соблаговоливъ на это, заключилъ въ 1797 году конвенцію, по которой учреждено было въ С. Петербургѣ Пріорство Ордена. При этомъ случаѣ поднесенный Его Величеству знакъ ордена, крестъ, принадлежавшій одному изъ знаменитѣйшихъ Великихъ Магистровъ, когда Орденъ имѣлъ еще свое пребываніе на островѣ Родоссѣ (1), препровожденъ, по Высочайшей волѣ, для храненія въ Оружейную Палату, при слѣдующемъ отношеніи къ начальнику оной Д. Т. С. Кожину, отъ 14 Дек. 1797 года.

« Его Императорское Величество получивъ отъ Его Преимущества Великаго Магистра Мальтійскаго и всего тамошняго общества, при поднесеніи Его Величеству именованія Покровителя того ордена, крестъ, принадлежавшій одному изъ знаменитѣйшихъ его предмѣстниковъ, когда Орденъ сей имѣлъ еще пребываніе свое въ Родоссѣ, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ оный при семъ В. П. доставить для храненія въ мастерской Оружейной Палатѣ, съ прочими Государственными сокровищами. »

Въ слѣдующемъ году, Генералъ Бонапарте, по конвенціи съ Великимъ Магистромъ Гомпешемъ, занялъ островъ Мальту; Капитулъ пріорства С. Петербургскаго и всѣ кавалеры языковъ Мальтійскихъ, удалившіеся въ Россію, объявивъ конвенцію Гомпеша измѣнническою, просили Государя Императора Павла I-го принять на себя званіе Великаго Магистра Державнаго Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго; при чемъ представлены были Его Величеству Мальтійская корона, икона Святой Божіей Матери Іерусалимской и рука Св. Іоанна Крестителя, отобранные въ Тріестѣ отъ Гомпеша, который вмѣстѣ съ тѣмъ доставилъ Императору просьбу объ увольненіи его отъ должности.

Въ Капитулѣ Ордена были двѣ короны, изъ которыхъ одна, украшенная жемчугами, взята была Французами; а другая золотая, вывезенная бывшимъ В. М. Гомпешемъ, хранилась въ С. Петербургѣ.

Въ 1827 году она поступила для храненія въ Московскую Оружейную Палату.

(1) Вѣроятно В. М. Вилларету, со времени котораго учрежденъ девизъ ордена: F. C. R. T.— « Fortitudo ejus Rhodum tenuit. » т. е.: Его храбростію пріобрѣтенъ Родосъ.

ДЕРЖАВЫ.

ЯБЛОКО ВЕЛИКОДЕРЖАВНОЕ

или

«ДЕРЖАВА РОССІЙСКАГО ЦАРСТВІЯ.»

(Рисун. Отд. II. № 20, 21, 22.)

Держава, знаменованіе освященнаго крестнаго преобладанія надъ землею, въ поставленіяхъ на царство называется: «*Царскимъ златымъ державнымъ яблокомъ*, или *яблокомъ владомымъ*»; въ старыхъ описяхъ Царской Большой Казны: «*яблокомъ великодержавнымъ.*»

Идея всемірнаго религіознаго преобладанія принадлежитъ христіанству; а потому и символъ ея проявился во времена Августа и выразился въ Римѣ изображеніемъ *побѣды* на шарѣ, представляющемъ землю (1); но со времени водворенія христіанства въ Константинополѣ, *вседержавіе* ознаменовалось крестомъ, осѣняющимъ міръ.

До XI-го вѣка державы Греческихъ Императоровъ, были съ большимъ крестомъ, сходнымъ съ описываемой «Державой Россійскаго Царства» присланной изъ Греціи и носящей названіе «Мономаховой»; послѣ же XI-го столѣтія, какъ можно видѣть на монетахъ, державы имѣютъ подобіе съ изображенной за № 24, съ небольшимъ крестомъ.

Эта форма Русской Царской Державы, а равно Византійскія финифтяныя украшенія, которыя были въ послѣдствіи образцомъ для подобныхъ про-

(1) Съ надписью на монетахъ: Victoria Augusti, pax Augusti. S. C.

изведеній въ Венеціи, служатъ драгоцѣннымъ памятникомъ искуства X-го вѣка.

Яблоко великодержавное украшено пятидесятью осьмью алмазами Греческой грани, осмидесятью девятью яхонтами червчатыми, двадцатью тремя яхонтами лазоревыми, пятидесятью изумрудами и тридцатью семью жемчужинами, въ золотыхъ финифтяныхъ гнѣздахъ. Въ четырехъ треугольныхъ поляхъ яблока финифтяныя изображенія: 1) помазаніе Давида Пророкомъ Самуиломъ на Царство; 2) Побѣда надъ Голіаѳомъ; 3) Возвращеніе съ побѣды; 4) Гоненіе отъ Царя Саула.

Держава въ окружности 13 вершковъ, высота съ крестомъ $9\frac{1}{2}$ вершковъ. Около бляхъ со всѣхъ четырехъ сторонъ символическія изображенія орла, льва, грифа и единорога.

Въ описи 1642-го года, Большой Казны Царя и В. К. Михаила Ѳеодоровича:

« Яблоко золото чеканное съ финифты, на немъ крестъ — *Держава Россійскаго Царствія;* около яблока и креста каменья алмазы и яхонты червчатые и лазоревые и изумруды и зерны гурмышскія, фрязское дѣло. »

« РНА года (1643) маія 25, по Государеву Цареву и В. К. Михаила Ѳеодоровича всея Руссіи указу, по приказу боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, отнесено въ Приказъ золотово дѣла Государева большаго наряду *яблоко золотое чеканное* перекрѣпить каменье, которые шатаютца, да переправить на яблокахъ крестъ для тово, что шатаетца; а въ Приказѣ золотово дѣла въ яблокѣ каменья, которые шатались, перекрѣплены, и на яблокѣ крестъ переправленъ; перемѣнены подъ крестомъ надъ яблокомъ двѣ дужки золотые, а въ то мѣсто положены новые двѣ дужки золотые, вѣсу въ новыхъ дужкахъ четыре золотника, а въ старыхъ полтора золотника.

« Іюня въ 4 день изъ приказа золотово дѣла яблоко въ казну взято, а старые двѣ дужки золотые отданы въ приказъ золотово дѣла подъячему Богдану Силину; отнесъ дьякъ.

« А по осмотру Боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, да казначея Богдана Минича Дубровскаго, да дьяковъ Григорья Панкратьева, да Алмаза Иванова, — въ верху надъ яблокомъ въ крестѣ 18 алмазовъ не великихъ, 36 яхонтовъ червчатыхъ, не великихъ, 10 яхонтовъ лазоревыхъ, величиною середніе, 22 изумруда середнихъ и малыхъ, 21 зерно гурмицкое большихъ и середнихъ; на верхней половинѣ яблока подъ крестомъ 52 яхонта черв-

чатыхъ не великихъ, 32 алмаза не велики, 15 изумрудовъ среднихъ и малыхъ, 9 яхонтовъ лазоревыхъ середнихъ; 30 жемчюжинъ не великихъ. Въ нижней половинѣ яблока 8 алмазовъ не великихъ, 4 яхонта червчатыхъ, 4 яхонта лазоревыхъ, середнихъ, 16 изумрудовъ не велики. »

Опись эта соотвѣтствуетъ и настоящему состоянію державы, исключая, что въ крестѣ не достаетъ *трехъ* яхонтовъ не великихъ, двухъ изумрудовъ и четырнадцати зеренъ бурмицкихъ. Въ верхней половинѣ недостаетъ одного небольшаго алмаза, двухъ изумрудовъ и одной жемчужины.

Въ описи 1725 года (1) это яблоко оцѣнено въ 1630 рублей, за исключеніемъ недостающихъ противъ первой описи въ крестѣ двухъ яхонтовъ, двухъ изумрудовъ и шести бурмицкихъ зеренъ.

(1) Арх. Ор. Пал. № 189.

ЯБЛОКО ВЕЛИКОДЕРЖАВНОЕ,

ГРЕЧЕСКАГО ДѢЛА.

(Рисун. Отд. II. № 23, 24.)

По приходо-расходной книгѣ 1665 года и по алфавитной, эта держава золотая, украшенная зеленой ѳиниѳтью и драгоцѣнными камнями, привезена изъ Царяграда, въ 1662 году, Гречаниномъ Цареградцемъ Иваномъ Юрьевымъ, вмѣстѣ съ діадимой, дѣланной по заказу въ Цареградѣ « *противъ образца* діадимы благочестиваго Греческаго Царя Константина » (Мономаха):

« Яблоко золото съ коруною съ каменьемъ лалы и яхонты, которое привезъ въ 170 году великому Государю Гречанинъ Царегородецъ Иванъ Юрьевъ. Дано ему Гречанину Государева жалованья изъ Сибирскаго Приказу и иными товары, по меньшей оцѣнкѣ на 7917 рублей. »

Въ описи 1702 года описаніе и оцѣнка ему, слѣдующія :

« *Яблоко великодержавное, Греческаго дѣла, разборное золотое съ каменьемъ, на немъ крестъ.*

« Въ крестѣ въ срединѣ на одной сторонѣ алмазъ большой, около восьми алмазовъ малыхъ; по концамъ восьмъ яхонтовъ граненыхъ; на другой сторонѣ того жъ креста въ срединѣ яхонтъ красной граненой ; по концамъ

(1) Арх. Ор. Пал. № 220.

креста восьмь алмазовъ, четыре граненыхъ,—цѣна каменью, кромѣ золота, тысяча сто рублевъ.

« Подъ крестомъ на первой половинѣ съ короною девяносто два яхонта красные меньшіе по шти рублевъ камень; и того пять сотъ семьдесятъ шесть рублевъ.

« Четыре яхонта большіе красные-жъ по двадцать рублевъ камень, — и того восьмдесятъ рублевъ.

« Четыре яхонта лазоревые большіе граненые по пятидесяти рублевъ камень,—и того двѣсти рублевъ.

« Въ коронѣ осмнадцать алмазовъ большихъ по пятидесяти рублевъ камень,—и того девять сотъ рублевъ.

« Тридцать шесть алмазовъ среднихъ по двадцати рублевъ камень,—и того семь сотъ двадцать рублевъ.

« На среднемъ обручѣ сто тридцать шесть яхонтовыхъ искръ, по двадцати по три алтына по двѣ денги искра,—и того девяносто пять рублевъ, шесть алтынъ четыре деньги.

« Тридцать шесть алмазовъ, по штидесяти рублевъ камень, — и того двѣ тысячи сто шестьдесятъ рублевъ.

« На нижней половинѣ съ поддономъ восьмьдесятъ семь яхонтовъ красныхъ, по четыре рубли камень, — и того триста сорокъ восмь рублевъ.

« Четыре яхонта красныхъ большихъ по пятнадцати рублевъ камень, — и того шестьдесятъ рублевъ.

« Четыре яхонта лазоревыхъ, большихъ по тридцати рублевъ камень, — и того сто двадцать рублевъ.

« Пятьдесятъ два алмаза по тринадцати рублевъ алмазъ, — и того шесть сотъ семьдесятъ шесть рублевъ.

« Золота въ томъ во всемъ яблокѣ три фунта съ полфунтомъ, окромѣ каменья, а золотниками триста тридцать шесть золотниковъ по рублю золотникъ,—и того триста тридцать шесть рублевъ; а каменье положено, окромѣ золота, тридцать шесть золотниковъ.

« Всего всему яблоку цѣна *семь тысячъ триста пятьдесятъ три рубли шесть алтынъ, четыре денги.*

«Подъ яблоко великодержавное стоянецъ прорѣзной троеугольной высокой серебряной золоченой, вѣсу въ немъ двадцать фунтовъ семнадцать золотниковъ, по семи рублевъ по шти алтынъ по четыре деньги фунтъ, — итого сто сорокъ одинъ рубль девять алтынъ, одна денга.

Въ настоящемъ состояніи державы драгоцѣнныя ея украшенія вполнѣ соотвѣтствуютъ исчисленію 1702 года.

ДЕРЖАВА ЗОЛОТАЯ, МАЛАЯ.

(Рисун. Отд. II. № 25.)

Эта Держава поступила на сохраненіе въ Оружейную Палату въ 1728 году, при Указѣ Императора Петра II-го, отъ 30 Марта, на имя Д. С. С. Князя Василія Одоевскаго, по описи короновальныхъ вещей Его Величества, заключающей въ себѣ корону, по оцѣнкѣ въ 122,608 рублей, Державу, шпагу, трость, кавалерскую звѣзду, епанчи, петлицы и пряжки (1).

« *Держава золотая,* вѣсомъ золота сто десять золотниковъ; цѣна съ серебромъ двѣсти восемдесятъ рублевъ. »

Надъ золотымъ яблокомъ ея серебряный гладкій крестъ; по яблоку серебряные прорѣзные ободъ и поясъ. При ней имѣется серебряная золоченая рукоять.

Въ новѣйшихъ описяхъ эта Держава ошибочно приписана Царю Петру Алексѣевичу.

(1) Арх. Оруж. Палаты, Опись отпускнымъ вещамъ съ 1725 по 1728, № 189 листъ 141 и пр.

СВ. БАРМЫ или ДІАДИМЫ.

БАРМЫ, ГРЕЧЕСКАГО ДѢЛА.

(Рисун. Отд. II. № 26, 27, 28, 29.)

Въ сохранившихся духовныхъ грамотахъ Великихъ Князей, Св. Бармы передаются наслѣдственно вмѣстѣ съ *златою шапкою*. Въ преданіи о присылкѣ Царскаго чина Греческимъ Императоромъ Константиномъ, сказано: « *Ожерелье, сиречь Святыя Бармы,* яже на плещу свою возлагаше, »

Въ древнихъ описяхъ *Царской Большой Казны,* Св. Бармы названы *Діадимами.*

Изображенная на рисункѣ № 26 « Діадима Греческаго дѣла » состоитъ изъ семи золотыхъ, украшенныхъ финифтью, алмазами, яхонтами, сапфирами и изумрудами, запонъ, нашитыхъ на глазетъ.

Передняя, круглая запона, изображаетъ вѣнчаемую Пресвятую Богородицу съ младенцемъ Інсусомъ на рукахъ, у котораго на лонѣ отверстое Евангеліе. По ободу запоны 16 алмазовъ, вокругъ 8 отдѣльныхъ запонъ съ изображеніемъ солнца и луны, Херувимовъ и Серафимовъ.

Правая боковая большая запона, изображаетъ обрѣтеніе креста Царемъ Константиномъ и матерью его Еленой, съ Греческой надписью, и украшена синимъ яхонтомъ и 7-ю изумрудами большими, 48-ми алмазами и 88-ю яхонтами.

Лѣвая большая запона, украшенная такимъ же числомъ драгоцѣнныхъ камней, изображаетъ чудо, совершенное Св. Меркуріемъ надъ Іуліаномъ.— Надпись на Греческомъ языкѣ.

Четыре промежуточныя меньшаго размѣра запоны украшены, каждая 34 алмазами и 16-ю яхонтами: 1) изображаетъ сотвореніе міра; въ числѣ животныхъ грифъ и единорогъ. 2) Псалмопѣніе Царя Давида; вокругъ него ликъ съ трубами, бубнами, гуслями, литаврами, и струнными съ смычкомъ и безъ смычка инструментами. 3) Изображаетъ Царей, Апостоловъ и проповѣдниковъ. 4) Изображаетъ Церковь и нисходящаго Св. Духа на священнодѣйствующаго.

Въ описи Оружейной Палаты 1702 года описаніе и оцѣнка діадимы слѣдующія:

« Діодима Греческаго дѣла, съ правой стороны запона золотая въ финифтѣ сдѣлана мусіею церковь съ лицы святительскими въ моленіи; около того двадцать четыре алмаза по семи рублевъ камень,—и того сто шестьдесятъ восемь рублевъ. По краю десять алмазовъ по три рубли камень, — и того тридцать рублевъ.

« Шестнадцать яхонтовъ красныхъ по три рубли камень,—и того сорокъ восемь рублевъ.

« Всего въ той запонѣ каменья по цѣнѣ двѣсти сорокъ шесть рублевъ.

« Подлѣ той запоны другая запона сдѣлана въ финифтѣ мусіею, звѣри, птицы, древа; около того двадцать четыре алмаза, по семи рублевъ камень,— и того сто шестьдесятъ восемь рублевъ.

« По краямъ десять алмазовъ по три рубли камень, — и того тридцать рублевъ.

« Шестнадцать яхонтовъ красныхъ по три рубли камень,—и того сорокъ восемь рублевъ.

« Всего на той запонѣ каменья по цѣнѣ двѣсти сорокъ шесть рублевъ.

« Третья запона большая, въ ней средина сдѣлана мусіею чуда Святаго мученика Меркулія съ Василіемъ Великимъ надъ Іуліаномъ царемъ. Около того въ первомъ обручѣ восемь алмазовъ по десяти рублевъ камень, — и того восемьдесять рублевъ.

« Восемь яхонтовыхъ красныхъ по семи рублевъ камень, — и того пятьдесятъ шесть рублевъ.

«Въ травахъ межъ запонъ сорокъ алмазовъ по пяти рублевъ съ половиною камень, — итого двѣсти двадцать рублевъ.

«На той же запонѣ кругомъ восемь запанъ и въ томъ числѣ верхняя запона въ ней яхонтъ лазоревой большой половинчетой, —цѣна десять рублевъ.

«Въ семи запонахъ по изумруду большому по семи рублевъ камень, — и того сорокъ девять рублевъ.

«Около яхонта лазореваго и около изумрудовъ въ тѣхъ же запонахъ восьмьдесятъ яхонтовъ красныхъ, цѣна по два рубли,—и того сто шестьдесятъ рублевъ.

«Всего на той третьей запонѣ каменья по цѣнѣ пять сотъ семьдесятъ пять рублевъ.

«Четвертая запона сдѣланы мусіею лицы Царей и Архіереевъ и Пророкъ; около того двадцать четыре алмаза по семи рублевъ камень, — и того сто шестьдесятъ восемь рублевъ.

«Въ травахъ десять алмазовъ по три рубли камень, — и того тридцать рублевъ.

«Пятнадцать яхонтовъ красныхъ по пяти рублевъ камень, — и того семьдесять пять рублевъ.

«Всего на той запонѣ каменья цѣною двѣсти семьдесятъ три рубли.

«Пятая запона на зади, а въ ней въ срединѣ сдѣланъ мусіею образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы; около того шеснадцать алмазовъ по девяносто рублевъ камень,—и того тысяча четыреста сорокъ рублевъ.

«Шестая запона въ срединѣ изображеніе мусіею Царя Давыда съ лики и тимпаны; около того двадцать четыре алмаза по семи рублевъ камень,— и того сто шестьдесятъ восмь рублевъ.

«Десять алмазовъ въ травахъ по три рубли камень, — и того тридцать рублевъ.

«Шеснадцать яхонтовъ красныхъ по пяти рублевъ камень,—и того восьмдесять рублевъ.

«Всего на той запонѣ каменья цѣною двѣсти семьдесятъ восмь рублей.

«Седмая запона въ срединѣ изображеніе Царя Константина и матери его Елены; около того алмазъ и яхонты червчетые счетомъ и цѣною противъ третьей запоны, на которой изображеніе Меркулія мученика, —цѣна пять сотъ семьдесятъ пять рублевъ.

«Около запоны на которой изображено образъ Знаменія Богородицы восмь мѣстъ золотыя а на нихъ изображено мусіею шести лицъ Ангельскихъ да на двухъ мѣстехъ изображено солнце да мѣсяцъ.

«Во всей діадимѣ золота и каменья и отласу бѣлаго, на чемъ запоны росситы, вѣсу пять фунтовъ сорокъ шесть золотниковъ.

«Напримѣръ положено золота три фунта съ золотниками иметца двѣсти восмьдесятъ четыре золотника по рублю золотникъ. — Итого двѣсти восмьдесятъ четыре рубли.

«Всего на всей вышеписанной діадимѣ каменья и золота цѣною три тысячи девять сотъ семнадцать рублевъ.»

Эта діадима дѣлана по заказу въ Цареградѣ. По приходорасходной книгѣ 1665 года: «заплачено Гречанину Цареградцу Ивану Юрьеву 18,325 рублей, по оцѣнкѣ за привезенную имъ діадиму золоту съ каменьи съ алмазы, съ яхонты и изумруды, *дѣланую противъ образца діадимы благочестиваго Греческаго Царя Константина.*»

Въ Чиновникѣ поставленія на Великое Княженіе упоминается о діадимѣ, присланной Греческимъ Императоромъ Константиномъ слѣдующее: «потомъ (Митрополитъ) кадитъ крестообразно святый животворящій крестъ и Царскій санъ, поклоняется со всякимъ благочиніемъ, и цѣлуетъ *образъ Спасовъ и образъ Пречистыя Богородицы и животворящій крестъ и прочихъ Святыхъ на той бармѣ.*

Соотвѣтственная этому описанію діадима упоминается въ описи Большой Казны 150 года (1642):

«*Діадима большая*, низана жемчюгомъ по тауснному отласу съ каменьи и съ дробницами золотыми; въ ней каменья три изумруда большихъ въ гнѣздахъ золотыхъ; *запона* въ ней яхонтъ лазоревъ большой, да алмазъ большой, а около каменья искорки алмазные, да яхонтовые червчаты съ жемчюшки, да запана съ алмазы большими и смѣлкими. Запона, въ ней камень лалъ большой, около лала искорки алмазные и яхонтовые червчаты. Запона большая, въ ней пять алмазовъ. Двѣ запоны однимъ дѣломъ, въ нихъ лалы большіе, около искорки алмазны и яхонтовыя червчаты, и изумрудныя и жемчюшки; одна цѣла, другая попорчена, нѣтъ одново зерна. Двѣ запонки въ нихъ по алмазу да по четыре яхонтика червчатыхъ да по четыре зерна гурмыжскихъ. Запонка, въ ней алмазцы середніе и мелкіе;

пять запонокъ однимъ дѣломъ съ финифти, въ нихъ по яхонтику червчатому да по четыре жемчюшка.

Восмь дробницъ кпотцами золоты, на нихъ чеканные святые наведены финифты и въ томъ числѣ у одной дробницы около Спасова образа по краю искорки алмазные, а у Богородицы и у Предтечи искорки яхонтовые червчаты; а у пяти дробницъ по краю искорки яхонтовые червчаты да изумрудные черезъ камень, а въ вѣнцахъ искорки алмазные у всѣхъ; да у Спасова образа и у Пресвятые и у Предтечи по подольникомъ искорки олмазные; да у Спасоважъ образа въ гривны мѣсто три искорки алмазные; да у Богородицы вмѣсто звѣздъ три искорки алмазные, у Архангеловъ по перфирамъ искорки: у Михаила яхонтовые червчаты, а у Гавріила изумрудные; да девять дробницъ золотыхъ круглыхъ, на нихъ чеканные Святые и Херувими наведены финифтомъ разными цвѣты, и въ томъ числѣ около пяти дробницъ по краю искорки изумрудные а около четырехъ искорки яхонтовые черлены; а въ вѣнцахъ у всѣхъ алмазы. Въ серединѣ промежъ дробницъ и въ гнѣздехъ восмь алмазцевъ да въ гнѣздехъ же двадцать одинъ камень изумрудныхъ да семнадцать лаловъ въ гнѣздехъ, да шесть каменей яхонтовъ лазоревыхъ въ гнѣздехъ; а около дробницъ и запонъ обнизано жемчюгомъ гурмыжскимъ большимъ и середнимъ и мелкимъ; а окола жемчюгу обшивано копителью. У діадимыжъ по краю койма прорѣзная съ финифты на ней каменья въ гнѣздехъ двенатцать яхонтовъ лазоревыхъ двенадцать лаловъ двенадцать изумрудовъ да промежъ ихъ семдесятъ два зерна гурмыжскихъ на спнѣхъ а около діадимы подлѣ коймы по обѣ стороны две веревочки жемчюгъ зерна гурмыжскіе большіе, а около воротника койма прорѣзная съ финифты, на ней въ гнѣздехъ шесть каменей алмазныхъ да шесть каменей яхонтовъ червчатыхъ да двенадцать зеренъ гурмыжскихъ на спнѣхъ, а около коймы обнизано съ обѣ стороны зерны гурмыжскими невеликими. Подложена отласомъ червленымъ; да у діадимыжъ пять крюковъ золоты да двадцать пять колечекъ и пѣтель и снурочикъ шелкъ бѣлъ съ наконечникомъ золотымъ. »

ДРЕВНІЯ ШИТЫЯ БАРМЫ.

(Рисун. Отд. II. № 30, 31.)

По описи Большой Казны 150 года (1642), хранящіяся въ Оружейной Палатѣ шитые бармы были въ слѣдующемъ видѣ:

«Діадима шита по таусинному (темнофіолетовому) отласу Деисусъ и Святые и Херувимы; промежъ Деисуса и святыхъ кайма низана жемчюгомъ. Въ каймѣ двадцать двѣ дробницы, да двѣ половинчатые серебряны-золочены. Около жемчугу обшивано золотомъ пряденымъ; промежъ жемчюгу четырнадцать репейковъ серебряны золочены. У нее колечекъ и крючковъ и петель серебряныхъ бѣлыхъ двадцать три. У діадимы снурочикъ шолкъ бѣлъ съ наконечникомъ серебрянымъ бѣлымъ.

ДРЕВНІЯ ШИТЫЯ БАРМЫ.

(Рисун. Отд. II. № 32.)

Шитыя узорами по таусинному атласу, эти бармы также были украшены жемчугомъ. Вмѣсто запонъ въ нихъ восемь круглыхъ образковъ — Деисусъ, Евангелисты и Апостолы Петръ и Павелъ рисованные на пергаменѣ по золоту.

ДРЕВНІЯ ЗОЛОТЫЯ БАРМЫ,

УКРАШЕННЫЯ ДРАГОЦѢННЫМИ КАМНЯМИ И ФИНИФТЯНЫМИ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ.

(Рисун. Отд. II. № 33, 34, 35, 36, 37.)

Этотъ драгоцѣнный памятникъ глубокой древности, найденъ въ 1822 году, въ землѣ, близь села Старой Рязани, въ окопѣ или насыпи.

Вообще найденныя вещи изображенныя на пяти рисункахъ составляютъ часть полнаго Княжескаго наряда, въ которомъ былъ вѣроятно погребенъ по древнему обычаю, какой нибудь изъ Русскихъ Князей (1); а имянно: бармы, состоящія изъ 11 круглыхъ запонъ, образокъ, крестъ, пуговицы отъ кафтана, петлица, перстень, поручни, цѣпочка и множество серебряныхъ золоченыхъ чеканныхъ блестокъ различной формы, составлявшихъ нашивку на верхней одеждѣ.

Всѣ запоны изъ чистѣйшаго мягкаго золота безъ всякой примѣси; украшены узорами накладной скани на гладкія пластины, драгоцѣнными камнями въ природномъ ихъ видѣ, и уборкой мѣлкаго жемчюга, нанизаннаго на золотой проволокѣ. Работу и скань, сходную съ золотыми вещами, находимыми въ курганахъ Крымскихъ, должно отнести къ произведеніямъ

(1) По Ибн-Фосслану, Русскихъ Князей, при погребеніи, наряжали сверхъ нижняго платья въ сапоги, въ зипунъ, въ кафтанъ изъ золотой ткани съ золотыми пуговицами и въ шитую золотомъ остроконечную шапку, съ собольимъ околомъ. Ibn-Foszlan, v. c. м. Frähn. S. Petersb. 1823.

Греко-скиѳскаго искусства, и къ первымъ временамъ водворенія Христіанской религіи на Руси.

Изчислимъ подробно запоны бармъ:

На 1-й, лицевой (Рис. № 34), изображено мусіею съ золотой прорѣзкой распятіе Спасителя съ предстоящими у Креста Богоматеріею и Іоанномъ Предтечей. По обѣ стороны, вдоль Распятія отъ верху къ низу Греческая надпись ѳиниѳтью: *ιδοὺ ὁ υἱός σοῦ* — се сынъ твой; *ιδοὺ ἡ μητηρ σοῦ* — се мати твоя.

Надъ Крестомъ херувимы. По окраинѣ запоны былъ жемчугъ и между сканью 12 гнѣздъ для мѣлкихъ камней, изъ которыхъ сохранилось только четыре.

На этой запонѣ мусія, или мозаика и ѳиниѳть между золотыми очерками изображеній неподражаемаго достоинства, какое только сохранилось отъ древности. Лики и вообще тѣло сдѣланы изъ блѣдноватаго сквозящаго рубина, всѣ составныя части ѳиниѳти покрыты тонкимъ блестящимъ хрустальнымъ слоемъ.

На 2-й лицевой запонѣ, изображена ѳиниѳтяной мусіей Божія Матерь съ Греческой подписью: МР — ΘΥ. Образъ обнизанъ жемчугомъ, вокругъ по скани 9 рубиновъ, въ гнѣздахъ; по окраинѣ между нитью бывшаго жемчугу также 9 рубиновъ меньшей величины, изъ которыхъ четырехъ недостаетъ. Ликъ Божіей Матери и руки какъ и въ первой запонѣ рубиновыя.

На двухъ лицевыхъ же запонахъ изображены ѳиниѳтью лики: Великомученицы Варвары и мученицы Ирины, съ Греческими надписями по сторонамъ ликовъ съ верху внизъ; на первой подъ титломъ: *ὁ αγια*, и слова: *ВАР — ВАР*; на другой подъ титломъ: *ὁ αγια* и подпись: *ОР — ИNА*. Последняя подпись сдѣлана по Русскому произношенію.

На двухъ боковыхъ большихъ двойныхъ запонахъ, устроенныхъ съ пустотой внутри, вѣроятно для помѣщенія мощей, и украшенныхъ съ обѣихъ сторонъ драгоцѣнными большими камнями и обнизью жемчужной, наведены ѳиниѳтяной мусіей поясныя одинаковыя на обѣихъ запонахъ лики Святаго Царя или Князя въ царской шапкѣ, съ вѣнцомъ вокругъ головы, и съ крестомъ въ правой рукѣ; по обѣ стороны лика изображены крины. Лики обнизаны жемчугомъ и обложены шестью большими камнями, въ гнѣздахъ; съ другой стороны, въ срединѣ запонъ, большіе овальные кристаллы, обнизанные жемчугомъ; вокругъ, по скани, 9-ть большихъ камней въ гнѣз-

дахъ, изъ коихъ 3 яхонта красныхъ, 2 синихъ, 2 бѣлыхъ и изумрудъ. По окраинѣ также нити жемчуга.

При этихъ двухъ запонахъ двѣ четырехугольныя подвѣски, соотвѣтственныя по отдѣлкѣ пуговицамъ; въ нихъ со всѣхъ сторонъ финифтяные образки, изъ которыхъ сохранилось только два изображенія.

Въ трехъ заднихъ средней величины запонахъ, по срединѣ, большіе яхонты; вокругъ, въ три ряда, по 8-ми камней среднихъ и малыхъ красныхъ и синихъ яхонтовъ. Какъ средніе камни, такъ и окраины запонъ были низаны жемчугомъ, остатки котораго истлѣли отъ времени.

Двѣ меньшія запоны, имѣютъ точно такую же форму и украшенія. Образокъ — Пресвятая Богородица, также наведенный финифтью съ золотой прорѣзкой, и надписью: *МАРИА*, нѣсколько отличается работой.

Всѣ вообще запоны съ ушками, и потому онѣ были не нашивныя, а навѣсныя, нанизанныя на цѣпь, въ родѣ *золотой гривны.*

А. Н. Оленинъ, въ своемъ описаніи *Рязанскихъ древностей*, предполагаетъ, что лики святыхъ въ царской или княжеской одеждѣ, съ крестомъ въ рукахъ, на двухъ большихъ запонахъ изображаютъ *Св. мучениковъ Бориса и Глѣба.* Для сравненія означены (на Рис. изоб. 2) очерки Св. мучениковъ, взятые изъ «Проповѣдей слова Божаго, Лазаря Барановича» и изъ книги «Труды Праздничные» (1).

Это мнѣніе, по многимъ соображеніямъ, имѣетъ достовѣрность.

Изображенія Св. Князей на бармахъ Русское; такъ изображался Св. Владиміръ и Князья принявшіе мученическій вѣнецъ и ознаменовавшіе себя чудотвореніями.

Изображенія крина по сторонамъ ликовъ, встрѣчаются только на монетахъ Булгарскихъ и Сербскихъ. Не приписанъ ли этотъ знакъ Борису и Глѣбу, какъ рожденнымъ отъ супруги Владиміра родомъ Булгарыни, тѣмъ болѣе, что и имена ихъ Булгарскія (2).

(1) Кіевъ. 1674 и 1679 г.

(2) *Борисъ*, собственно Боричь — отъ Боріи. Глѣбъ, собственно *Лѣпъ* (лѣпый, прекрасный), сохранившееся въ женскомъ имени: *Лѣпава* или *Лѣпава*.

СКИПЕТРЫ,

ЦАРСКІЕ ЖЕЗЛЫ И ПОСОХИ.

Какъ вѣнецъ есть знаменіе освященной главы народа, Держава признакъ преобладанія землею, такъ царскій жезлъ или скипетръ (sceptrum regale) имѣетъ значеніе верховнаго начальствованія надъ силами царства. По Чиновнику поставленія на великое княженіе, при врученіи скипетра Митрополитъ произноситъ:

« О Боговѣнчанный Царю, Князь Великій, Самодержецъ, пріими отъ Бога вданное ти скиптро правити хоругви великаго Царства Россійскаго, блюди и храни его, елика твоя сила. »

Собственно жезлъ (1), со временъ первыхъ пастырей племенъ, означалъ уже старшинство и достоинство народоправителей. Въ послѣдствіи скипетръ былъ тѣмъ же признакомъ, но при торжественныхъ выходахъ и полномъ Царскомъ облаченіи. Кошихинъ, при описаніи должности Стряпчихъ, говоритъ: « чинъ ихъ таковъ: какъ Царю бываетъ выходъ въ церковь, или въ походъ, или въ полату, въ думу и для обѣдовъ, и въ то время несутъ передъ нимъ скипетръ, а въ церкви держатъ шапку и

(1) *Жезлъ* сходное съ арабскимъ: جزل джезлъ — костыль (hastile.) *Посохъ.* по персидски پاسو *пасу.*

платокъ, а въ походахъ возятъ панцырь, саблю и саадакъ (налушню и колчанъ.)»

При избраніи Михаила Θеодоровича на царство, отправленъ былъ къ нему въ Кострому при посольствѣ и *Царскій посохъ*. Въ подлинномъ донесеніи посольства сказано: «Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Θеодоровичъ всея Руссіи пожаловалъ прошеніе принялъ и Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Руссіи на Московскомъ и на всѣхъ великихъ Государствахъ Россійскаго Царствія, за многимъ моленіемъ и челобитьемъ, учинился въ Царскомъ нареченіи и *посохъ* и благословеніе отъ Преосвященнаго Θеодорита Архіепископа Рязанскаго и Муромскаго и отъ всего освященнаго собора приняти изволилъ.»

Авраамій Палицынъ, при описаніи избранія Михаила Θеодоровича на Царство, также упоминаетъ: «и въ тотъ часъ возложиша на Государя пречестный и животворящій крестъ, и *жезлъ Царскій* пріимъ въ руку свою, и сѣдѣ на стулѣ Царскомъ и нареченъ бысть Богомъ избранный благородный и благовѣрный Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Θеодоровичъ всея Руссіи Самодержецъ.»

Такимъ образомъ скипетръ, Царскій жезлъ и посохъ имѣли въ старину одно значеніе Царской власти, но употреблялись по различію нарядовъ. По выходнымъ книгамъ, при нарядѣ большой казны, во время пріема пословъ отъ державъ христіанскихъ, употреблялся скипетръ, иногда жезлъ Царскій или посохъ чеканный; при выходахъ же въ соборную церковь и на Іордань, при нарядѣ большой казны, употреблялся жезлъ; при обыкновенныхъ же выходахъ въ храмы, къ столу, или при пріемѣ властей и незначительныхъ пословъ, въ столовой или въ золотой палатѣ, употреблялись различные посохи: индѣйскій въ кости (1), индѣйскій съ каменьи, посохъ каповой, пироговый и комнатный (2).

Жезлы носили и Царицы. Вотъ описаніе жезла Царицы Евдокіи Лукъяновны, изъ описи ея казны (1629 — 1632): «Жезлъ, нѣмецкое дѣло, дерево черное гладкое, въ рукоять врѣзаны травы серебряны; межь ру-

(1) Въ описи 150 года (1642) года: Посохъ Индѣйскій на рогахъ кости рыбей зубъ. ҏн҃ года (1642) Марта кє҃ (25) симъ посохомъ Государь пожаловалъ сына своего Государя Царевича Князя Алексѣя Михайловича.»

(2) Въ описяхъ посохи Угрѣшскіе, Троицкіе, Кириловскіе.

кояди въ двухъ шурупехъ серебряныхъ золоченыхъ шурубцы костеные; въ шурупахъ составы ароматные, да тутъ же костяной ставикъ съ кровлею, а въ немъ зуботычки костяные, да въ томъ же жезлѣ трубка зрительная; поверхъ жезла и рукояди въ шурупѣ серебряны золочены часы солнечные съ маточникомъ, кровля серебряна золочена; на кровлѣ деретца левъ съ змѣею. Подковецъ у жезла серебрянъ золоченъ; а тотъ жезлъ взятъ Царицѣ въ хоромы, а изъ хоромъ выданъ въ казну.»

Этотъ жезлъ хранится въ Оружейной Палатѣ подъ № 241; но упоминаемыхъ солнечныхъ часовъ и зрительной трубы въ немъ уже нѣтъ.

СКИПЕТРЪ БОЛЬШАГО НАРЯДА.

(Рисун. Отд. II. № 38.)

Древній скипетръ большаго наряда, хранящійся въ Оружейной Палатѣ, въ описи Государева Большаго Наряда, составленной въ 1642 году по указу Царя и Великаго Князя Михаила Өеодоровича (1), описанъ слѣдующимъ образомъ:

« Скиөетръ золотъ чеканной с розными финифты и скаменьи, с алмазы и съ яхонты червчатыми и съ изумруды; на верху три орла пластаныхъ крылами вмѣстѣ, съ финифты; по верху орловъ корона, на коронѣ на спнѣ камень яхонтъ лазоревъ, на немъ зерно гурмышское. Съ скиөетра *снятъ яхонтъ лазоревъ, а въ то мѣсто положенъ изумрудъ.* »

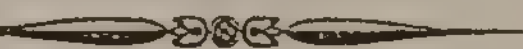
Послѣ замѣны лазореваго яхонта изумрудомъ, этотъ скипетръ большаго наряда, какъ видно изъ послѣдующихъ описей, сохранился въ томъ же видѣ по настоящее время. Объ немъ упоминается въ описи казны и Царскаго наряда Царя Іоанна Алексѣевича:

« Скипетръ золотъ с розными финифтьми, на немъ орелъ с короною, на коронѣ изумрудъ; сверху и на исподи того изумруда по зерну гурмыцкому; въ немъ двадцать алмазовъ, девять яхонтовъ червчетыхъ, три изумруда; одного алмаза нѣтъ; влагалище оклеено бархатомъ алымъ, посрединѣ атласомъ червчетымъ. »

(1) Въ Арх. Оруж. Палаты подъ № 681.

При общемъ царствованіи Царей и Великихъ Князей Іоанна и Петра Алексѣевичей, этотъ скипетръ принадлежалъ Іоанну; а для Царя Петра Алексѣевича сдѣланъ былъ сходный съ нимъ скипетръ, золотой съ цвѣтною финифтью и также украшенный изумрудомъ большимъ, на спнѣ, съ двумя бурмицкими зернами, тремя малыми изумрудами, двадцатью алмазами, и девятью яхонтами (1).

(1) Хранится въ Оружейной Палатѣ, по описи подъ № 20.



СКИПЕТРЪ ВТОРАГО НАРЯДА

ГРЕЧЕСКАГО ДѢЛА.

(Рисун. Отд. II. № 39, 40.)

Этотъ скипетръ одного и того же наряда и Греческаго дѣла съ діадимой и державой привезенными въ 1662 году къ Царю Алексѣю Михайловичу, Цареградцемъ Иваномъ Юрьевымъ и *дѣланными,* какъ сказано въ приходо-расходной книгѣ 1665 года (1), *противъ образца діадимы Благочестиваго Греческаго Царя Константина.»* Онъ сходенъ также по единству работы и украшеній съ *Властелинскимъ жезломъ* (Рис. № 41) и *Царскимъ саадакомъ* (налучіе и колчанъ) (Отд. II. № 125 и 126); но въ описяхъ *большой казны* до половины прошедшаго столѣтія не состоялъ, а хранился въ *Оружейной Большой Казенной Палатѣ Оружейной казны,* и слѣдовательно былъ скиптромъ походнымъ и употреблялся вмѣстѣ съ Царскимъ саадакомъ и конской сбруей при военномъ вооруженіи, какъ Царская булава, которой онъ имѣетъ и форму. Въ описи *Оружейной казны 1686 года,* онъ означенъ слѣдующимъ образомъ:

« Скипетръ золотой съ каменьемъ и съ финифты розными, прорѣзной, подзоръ серебреной гладкой. Среди *главы* корона; на главѣ крестъ; въ крестѣ, въ гнѣздахъ золотыхъ осмнадцать алмазовъ граненыхъ. У кре-

(1) Арх. Ор. Пал. № 220, листъ 46.

ста жъ, на спияхъ четыре изумруда граненыхъ; по обѣ стороны креста по орлу двоеглавому съ коронами съ финифты розными; на главѣ въ коронѣ шесть алмазовъ граненыхъ большихъ, да шесть яхонтовъ червчатыхъ большихъ же; да подъ короною повыше пояска и въ пояску двадцать четыре алмазовъ маленькихъ; въ главѣ и подъ главою въ яблокѣ и въ черепу двѣсте двадцать алмазовъ большихъ и малыхъ, да триста пятдесятъ четыре яхонта червчатыхъ большихъ и малыхъ да десять изумрудовъ. Въ концѣ черена яхонтъ червчатъ граненой. На черену въ двѣнадцати мѣстѣхъ дробницы золотые, на нихъ наведено чернью: Благовѣщеніе Пресвятые Богородицы; Рожество Христово; Богоявленіе; Срѣтеніе; Лазарево Воскресеніе; Преображеніе; Входъ во Іерусалимъ; Распятіе; Воскресеніе Христово; Егда увѣриша Ѳому; Вознесеніе Господне; Сшествіе Святаго Духа.»

«Влагалище деревянное, оболочено бархатомъ червчатымъ; голунъ серебряной; двѣ закладки серебряные съ крючки.»

«А по нынѣшней переписи ҂зрче (7195) 1687 года, и по осмотру тотъ скипетръ *противъ прежнихъ переписныхъ книгъ* сшелся. Цѣна тому скипетру по скаскѣ серебрянаго ряду цѣновщиковъ Анисимка Алмазникова съ товарищи—двѣ тысячи шесть сотъ рублевъ.»

Въ *Описяхъ Оружейной Казны*, составленныхъ по указамъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, въ 1701 и 1711 годахъ описаніе скипетра тоже слово въ слово.

На 12-ти золотыхъ дробницахъ наведены чернью, какъ упомянуто въ описаніи, важнѣйшія событія въ земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, съ слѣдующими подписями:

1. *Ο ΕΥΑΓΓΕΛΙΣΜΟΣ.* — Благовѣщеніе.

2. *ΔΟΞΑ ΕΝ ΥΨΙΣΤΙΟΣ ΘΕΩ, Η ΧΥ ΓΕΝΝΗΣΙΣ.* — Слава въ Вышнихъ Богу, — Рождество Христово.

Подъ этой надписью означенъ Арабскими цыфрами 1658 годъ, соотвѣтственный поднесенію Царю Алексѣю Михаиловичу Царскаго жезла (1), Царегородцемъ Иваномъ Анастаковымъ.

3. *Η ΥΠΑΠΑΝΤΗ.* — Срѣтеніе Господне.

4. *Η ΒΑΠΤΙΣΙΣ ΤΟΥ ΧΥ.* — Крещеніе или Богоявленіе.

(1) См. Описаніе Царскаго жезла. Рисун. 41-й.

5. *Η ΜΕΤΑΜΟΡΦΩΣΙΣ Χ̃Υ.* — Преображеніе.

6. *ΛΑΖΑΡΟΥ ΕΓΕΡΣΙΣ.* — Воскресеніе Лазаря.

7. *Η ΒΑΙΟΦΟΡΟΣ.* — Вшествіе во Іерусалимъ.

8. Надпись надъ распятіемъ: *I. N. R. I. Η ΣΤΑΥΡΩΣΙΣ Θ̃Υ ΤΟΝ Χ̃Υ. Μ̃Ρ. ΑΓΙΟΣ Ι̃Ω.* — І. Н. Ц. І. Распятіе Господа ІС. Христа. (Марія) Матерь. Святый Іоаннъ.

9. *Η ΑΝΑΣΤΑΣΙΣ.* — Воскресеніе Христово.

10. *Ι̃C. Χ̃C. Η ΨΥΛΑΦΗΣΙΣ ΤΟΥ ΘΩΜΑ.* — Осязаніе Θомы.

Подъ этой надписью Латинскія буквы: G. M.

11. *Η ΠΕΝΤΗΚΟΣΤΗ.* — Сошествіе Св. Духа.

12. *Η ΑΝΑΛΗΨΙΣ.* — Вознесеніе.

ЦАРСКІЙ ЖЕЗЛЪ И ПОСОХЪ.

(Рисун. Отд. II. № 41.)

Этотъ жезлъ Цареградской работы, однообразной съ діадимой и державой, привезенными Царю Алексѣю Михайловичу Гречаниномъ Царегородцемъ Иваномъ Юрьевымъ въ 1662 году.

Въ Алфавитномъ спискѣ о времени поступленія въ палату различной Царской утвари, съ 1614 по 1704 годъ, подъ буквою Ж означено:

«7166 (1658) года, Іюня въ 11 день былъ у Великаго Государя Царя и В. К. Алексѣя Михайловича на дворѣ въ золотой на пріѣздѣ Гречанинъ Царегородецъ Иванъ Анастаковъ, челомъ ударилъ — *Жезлъ оправленъ золотомъ* съ каменьи съ алмазы, изумруды и съ яхонты червчатыми. Цѣна 919.»

По описи Казны 1696 года (1):

«Жезлъ золотъ с розными финифты, *Греческой,* съ алмазы и съ изумруды, и съ искры яхонтовыми червчатыми. На верху крестъ золотъ съ алмазы. У него три зерна гурмицкихъ, да три изумруда, на спняхъ; одного изумруда нѣтъ. Ниже креста два изумруда на спняхъ. Въ немъ пяти камней нѣтъ.»

Тотъ же жезлъ въ описи 1702 года (2) означенъ съ оцѣнкой того времени:

(1) Арх. Ор. Палаты № 150, листъ 205.
(2) Арх. Ор. Палаты. № 163. Листъ 32-й.

«Жезлъ свертной золотой скамены съ яхонты и сызумруды, на немъ крестъ золотой, въ немъ на обѣихъ сторонахъ двадцат алмазовъ, въ томъ числѣ два большихъ по пяти рублевъ камень.

«Осмнадцать меньшихъ по два рубли камень и того сорокъ шесть рублевъ.

«Два изумруда на спняхъ два рубли.

«По концамъ три зерна персицкихъ по шести алтынъ по четыре деньги по щету.

«Подъ крестомъ верхъ жезла, на немъ сто пятьдесятъ шесть алмазовъ, цѣна по два рубли камень, и того триста двѣнадцать рублевъ.

«Восмьдесять шесть искръ яхонтовыхъ по шестнадцати алтынъ по четыре деньги искра, и того сорокъ три рубли.

«По концамъ два изумруда большихъ на спняхъ золотыхъ, пятнадцать рублевъ.

«Четыре изумруда вверху по сторонамъ по пяти рублевъ изумрудъ, и того двадцат рублевъ.

«Ниже тѣхъ изумрудовъ четыре жъ изумруда меньшихъ по два рубли изумрудъ, и того восмь рублевъ.

«На жезлѣ и на яблокахъ четыреста девяноста пять искръ яхонтовыхъ и изумрудныхъ, цѣна по шести алтынъ по четыре деньги искра, и того девяносто девять рублевъ.

«Всего тому жезлу цѣна пять сотъ тридцать девять рублевъ, двадцат алтынъ.

Въ «*Описи вещамъ Московской Оружейной Палаты*» составленной въ 1835 году, этотъ жезлъ внесенъ подъ названіемъ посоха (1):

«Посохъ золотый сверстный съ разноцвѣтною финифтью, богато украшенный алмазами, яхонтами, изумрудами и жемчужными зернами, съ золотымъ по верху крестомъ. На ономъ камней находится:

«Въ крестѣ двадцат алмазовъ, прикрѣпленныхъ по концамъ; жемчужныхъ зеренъ три, и на спняхъ три изумруда; — одно мѣсто порожнее.

«Въ яблоке подъ крестомъ, алмазовъ съ обѣихъ сторонъ сто пятьдесятъ восемь, изумрудовъ восемь, яхонтовъ красныхъ восемдесятъ шесть, и на верху два изумруда на спняхъ.

(1) Общ. № 231. № вещи 1-й.

«Въ двухъ яблокахъ, находящихся подъ лиліею и отдѣляющихъ трость отъ шестигранной рукояти: въ верхнемъ изъ оныхъ яхонтовъ тридцать три, изумрудовъ двѣнадцать, порожнихъ мѣстъ три; въ нижнемъ: яхонтовъ двадцать семь, изумрудовъ шестнадцать, порожнихъ мѣстъ два.

«Въ трости, состоящей изъ пяти свинчивающихся звенъ, находится: изумрудовъ двѣсти осмнадцать, яхонтовъ двѣсти двадцать три, порожнихъ мѣстъ три.

«Наконечникъ рѣзной, серебряный, вызолоченый.»

ЦАРСКІЕ ЖЕЗЛЫ И ПОСОХИ.

(Рисун. Отд. II. № 42.)

1. Изображенный на рисункѣ, хранящійся въ Оружейной Палатѣ посохъ, принадлежалъ Царю и В. К. Михаилу Θеодоровичу, какъ видно изъ Описи платью, 150 (1642) года (1):

« **посохъ серебренъ золоченъ чеканной**, на рогахъ по главѣ орловой въ коронахъ; на рогахъ же по сторонамъ четыре яхонта лазоревыхъ, да на верху два лала въ гнѣздахъ. Подковъ серебренъ золоченъ. »

Въ послѣдствіи, вѣроятно, при общемъ царствованіи Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, сдѣланъ былъ совершенно сходный съ этимъ посохъ.

Въ описи 1702 года (2) оба эти посоха оцѣнены:

« Посохъ серебреной чеканной, на верху на двухъ концахъ головы орловые; на немъ же на верху по концамъ два камня, одинъ корка яхонтовая красная, цѣна шестнадцать алтынъ четыре деньги, другой корка жъ лаловая, цѣна восмь алтынъ двѣ деньги. По сторонамъ четыре яхонта лазоревые, цѣна всѣмъ шесть рублевъ. Вѣсу въ томъ посохѣ во всемъ два фунта сорокъ пять золотниковъ. Напримѣръ серебра положено два фунта,

(1) Арх. О. П. № 681. листъ 36.
(2) Арх. О. П. № 212.

8*

а золотниками имѣется сто девяносто два золотника; цѣна въ золотѣ по четыре алтына по двѣ деньги золотникъ; и того четыре рубли тридцать два алтына.

« Всего вышеписанному посоху цѣна тридцать одинъ рубль двадцать три алтына четыре деньги. »

« Посохъ серебряной же чеканной, на верху на дву концахъ головы орловые; на немъ же на верху по концамъ лалъ да лаловая корка, цѣна имъ обѣимъ три рубли; по сторонамъ четыре яхонта лазоревые, цѣна имъ всѣмъ шесть рублевъ. Вѣсу въ томъ посохѣ два фунта двадцать семь золотниковъ. На примѣръ серебра положено фунтъ восмьдесятъ четыре золотника, а золотниками сто восмьдесятъ золотниковъ; цѣнили въ золотѣ золотникъ по четыре алтына по двѣ деньги, и того двадцать три рубли тринадцать алтынъ двѣ деньги.

« Всего тотъ посохъ цѣною тридцать два рубли, тринадцать алтынъ двѣ деньги.

2. **Жезлъ Царицы Евдокіи Лукьяновны.**

Въ описи ея казны 1629 — 1632 годовъ (1), онъ означенъ слѣдующимъ образомъ:

« Жезлъ немецкое дѣло, дерево черное гладкое, въ рукоядь врѣзаны травы серебряны; межь рукояди въ дву шурупехъ серебряныхъ золоченыхъ шурубцы костяные; въ шурубцахъ составы ароматные; да тутъ же костяной ставикъ съ кровлею, а въ немъ зуботычки костяные; да въ томъ же жезлѣ трубка зрительная; поверхъ жезла и рукояди въ шурупѣ серебреномъ золоченомъ часы солнечные съ маточникомъ, кровля серебрена золочена на кровлѣ деретца левъ съ змѣемъ. Подковецъ у жезла серебренъ золоченъ. И тотъ жезлъ взятъ къ Царицѣ въ хоромы, а изъ хоромъ выданъ въ казну. »

Въ « Переписной книгѣ 184 (1676) года (2) блаженной памяти Великія Государыни Царицы и Великія Княгини Маріи Ильиничны, казнѣ и платью »:

(1) Арх. О. П. № 670. листъ 25.
(2) Арх. О. П. № 146. листъ 18.

« Жезлъ нѣмецкое дѣло, дерево черное гладкое, въ рукоять врѣзываны травы соребряны межъ рукояти два шурупца серебряны золочены; въ томъ жезлѣ трубка зрительная; поверхъ жезла и рукояди въ шурупѣ серебряномъ золоченомъ часы солнечные съ маточникомъ, кровля серебряна золочена, на кровлѣ дерется левъ съ змѣемъ. Осонъ серебрянъ золоченъ; въ шурупахъ попорчено. Описной.

Въ настоящемъ видѣ ни зрительной трубки, ни часовъ солнечныхъ, ни наконечника не имѣется.

панный двадцатью и однимъ небольшими лаллами, безъ грани; сверхъ того три мѣста порожнихъ.

3. **Жезлъ «кость рыбей зубъ»** (1).

Въ описи большому наряду Государя Царя Михаила Өеодоровича (2):

« *Жезлъ кость рыбей зубъ*, въ немъ врѣзывано золото травами; на верху жезла три орла крылами вмѣсте; по верху орловъ корона съ финифты и съ алмазы и съ яхонтики червчатыми; поверхъ коронъ камень яхонтъ лазоревъ, на немъ зерно гурмышское; подъ орлами кругъ золотъ съ финифтомъ большимъ, подъ кругомъ въ гнѣздехъ два яхонта червчаты да два изумруда, у жезла подкосъ золотъ съ финифтью и съ чернью по выше подкова въ гнѣздехъ четыре алмаза. »

Въ описи 1702 года описаніе съ оцѣнкой этого жезла, слѣдующее:

« *Жезлъ костяной, бѣлой, рыбья кость,* насѣченъ золотомъ; на верхнемъ концѣ оправа золотая сь чернымъ и съ цвѣтнымъ финифтомъ. Въ той оправѣ два яхонта да два изумруда, цѣна имъ всѣмъ два рубли.

« Выше того три алмаза въ гнѣздахъ и въ травахъ, цѣна имъ шестьдесятъ алтынъ.

« Выше того орелъ троеглавой съ финифтомъ чернымъ и съ цвѣтнымъ, на томъ орлѣ въ травкахъ помѣстомъ двѣнадцать алмазовъ малыхъ по десяти алтынъ камень, и того три рубли двадцать алтынъ.

« На орлѣ корона, у той короны въ нижнемъ вѣнцѣ шесть искоръ яхонтовыхъ, цѣна рубль шестнадцать алтынъ четыре деньги.

« Надъ тѣмъ вѣнцемъ шесть алмазовъ въ гнѣздахъ, цѣна имъ двадцать алтынъ камень, итого три рубли двадцать алтынъ.

« Надъ короною въ травкахъ шесть алмазовъ маленькихъ по десяти алтынъ, итого шестьдесятъ алтынъ.

« На верху яхонтъ лазоревой на спнѣ золотомъ, цѣна ему двадцать рублевъ.

« Въ закрѣпе зерно бурмицкое, цѣна десять рублевъ.

« Утого жъ посоха нижней конецъ оправленъ золотомъ; въ наклаткахъ въ травкахъ три алмаза цѣною по шеснадцати алтынъ по четыре деньги камень, итого рубль шестнадцать алтынъ четыре деньги.

(1) Въ описи Ор. Пал. 1835 года: *посохъ* № 232 — 2.
(2) Арх. Ор. Пал. № 681 — 150 (1642) года.

ЦАРСКІЯ ЖЕЗЛЫ,

ПОСОХИ И ТРОСТИ.

(Рисун. Отд. II. № 43.)

1. **посохъ костяной** (1), рѣзной, сверстный изъ семи штукъ; на верху надъ шаромъ двуглавый орелъ; на составахъ вырѣзано шесть Царей Израильскихъ и двѣнадцать Апостоловъ. Рѣзьба соотвѣтствуетъ кресламъ изъ слоновой кости (Рис. № 84).

2. **тросточка**; по описи Оружейной Палаты: «Трость Царя Алексѣя Михайловича покрыта лаковою краскою и золотомъ; на верху оной обдѣланный клюкою красный сердоликъ съ гранеными рожками и золотымъ обручикомъ, покрытымъ зеленою финифтью; на сердоликѣ три золотыя запоны, въ которыхъ три изумруда; два изъ нихъ боковые, четвероугольные съ фацетами, а третій не граненый; внизу запоны наведено бѣлою финифтью; подъ обручикомъ красный круглый королекъ съ серебряною оправою; ниже королька круглая яшмовая съ золотою насѣчкою варворка, между коей въ золотыхъ гнѣздахъ посажено три лалловыя искры; ниже варворки въ золотомъ граненномъ обручикѣ находится въ два ряда двѣнадцать лалловыхъ искръ, и одно мѣсто порожнее; сверхъ того изумрудныхъ въ одинъ рядъ, шесть; подъ обручикомъ оправа, въ видѣ трубочки, рѣзная золотая. Наконечникъ на трости серебряный вызолоченный, осы-

(1) Въ описи Ор. Пал. 1835 года: *трость*, № 253 — 7.
(2) Томъ I. № 247 — 5.

«Золота на верху и внизу и въ насѣчкѣ въ посохѣ костяномъ напримѣръ положено шестьдесятъ золотниковъ по тридцати по шести алтынъ по четыре деньги золотникъ; итого шестьдесятъ шесть рублевъ.

«Посоху костяному цѣна пять рублевъ.

«Всего тому всему посоху цѣна сто шеснадцать рублевъ двадцать шесть алтынъ четыре деньги.

«Вѣсу во всемъ посохѣ четыре фунта шестьдесятъ золотниковъ.»

4. **посохъ индѣйскій**, волнистый, пожалованный Царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ Царевичу Князю Алексѣю Михаиловичу въ 1642 году, Августа 18-го. Этотъ посохъ съ двумя лазоревыми яхонтами на рогахъ украшенныхъ мѣлкими камнями и финифтью, въ описной книгѣ 150 (1642) года (1), означенъ слѣдующимъ образомъ:

«Посохъ дерево индѣйское рѣзное, рога по концамъ оправлены золотомъ съ финифты, по концамъ два каменья лазоревы гранены, около ихъ въ гнѣздехъ мѣлкіе каменье яхонты червчаты и изумрудцы; осонъ серебрянъ позолоченъ. Принятъ по книгѣ у подъячево Дмитрея Михайлова во р҃н (1642) году. И р҃н года Августа и҃і (18). Симъ посохомъ Государь пожаловалъ сына своего Государя Царевича Князя Алексѣя Михайловича. Приказалъ записать бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ.»

Въ описи 1702 года этотъ посохъ названъ *флемовальнымъ* (2):

«Посохъ флемовальной дерева Индѣйскаго эбанова; на верху по концамъ оправа золота, а на нихъ накладки золотыя съ искры яхонтовыми и изумрудными; въ серединѣ по *обѣимъ концамъ по лазоревому яхонту,* цѣною по десяти рублевъ камень, и того двадцать рублевъ; искрамъ мѣлкимъ въ гнѣздахъ, цѣна два рубля.

«На низу у конца оправа золотая съ финифтомъ цвѣтнымъ.

«Всего золота положено на примѣръ 12 золотниковъ, по рублю золотникъ, и того 12 рублевъ. Дереву цѣна два рубли.

«Всего тому посоху цѣна тридцать шесть рублевъ.

«Вѣсу въ томъ посохѣ во всемъ фунтъ тридцать шесть золотниковъ.»

Въ описи 1745 года:

(1) Арх. О. П. №. 130-й листъ 500.

(2) Flammes — въ архитектурѣ и рѣзьбѣ украшенія уподобляющіяся волнистому пламени.

«Посохъ флемовальной дерева Индѣйскаго эбановаго; на верху по концамъ оправа золотая; а на нихъ накладки золотыя съ искры яхонтовыми и изумрудными; въ серединѣ *по объимъ концамъ по лазоревому яхонту* цѣною по десяти рублевъ камень, и того двадцать рублевъ; искрамъ мѣлкимъ и каменью въ гнѣздахъ цѣна два рубли; а искръ сто пятдесятъ одна; порожнихъ девять мѣстъ.»

Это послѣднее описаніе соотвѣтствуетъ и настоящему состоянію посоха.

5. **трость единороговая.**

Такъ называемый единороговый рогъ, составляющій трость въ $1\frac{1}{2}$ арш. вышины, оправленъ серебрянымъ набалдашникомъ съ цѣпочкой; кругомъ кости два обода золотые съ орлами. По низу, въ двухъ мѣстахъ, оправа и наконечникъ серебряные.

По описи 1702 года (1): «Трость костяная бѣлая; на верху на концѣ оправлено серебромъ золоченымъ; у него жъ цѣпочка и кругомъ кости два обода золотые съ орлами, на нихъ въ четырехъ мѣстахъ, съ наконечникомъ, оправа серебряная. Цѣна всему пятнадцать рублевъ.»

Въ описи 1686 года (2) эта трость въ числѣ жезловъ; на цѣпочкѣ золотой орелъ былъ украшенъ драгоцѣнными каменьями:

«Костяной единороговой; сверху и снизу оправленъ серебромъ; у него на цѣпочкѣ орелъ золотъ двоеглавой, въ немъ въ срединѣ яхонтъ гранenъ лазоревъ, да два изумруда; въ крыльяхъ и въ хвостѣ тридцать семь яхонтовъ червчатыхъ, да четыре искры алмазныхъ.»

Въ этой же описи 1686 года упоминается о слѣдующей единороговой трости (3):

«Костяная единороговая, сверху оправлена серебромъ, на оправѣ подпись латынскіе слова; а по справкѣ съ Государственнымъ посольскимъ приказомъ, та кость рогъ единороговъ, *ласка* называема ⁝ на оправѣ подписано Греческимъ письмомъ, въ Лавинскомъ Тиревини бысть инороговъ гробъ (в пустоши глаголемой Канеи азъ обрѣтенъ) на той же ласке подписано Галанскимъ письмомъ ⁝ Азъ иже у Африкановъ родися в пусты—

(1) Арх. О. П. № 165-й
(2) Арх. О. П. № 140. листъ 229-й.
(3) Листъ 231-й.

нехъ, и воспитанъ на Канейскихъ горахъ; ныне по достоинству своему паче злата почитаюся, понежъ всякъ про меня сказываетъ, что отгоняю отраву и сотворю ее погибнути; азъ же единорогу на главѣ красота есмь и лютое оружіе, рогъ и надежда; чего ради Государь мой разсудихъ мене достойнаго въ злато поставити.»

НАПЕРСНЫЙ,

ЦАРСКАГО БОЛЬШАГО НАРЯДА,

КРЕСТЪ ЖИВОТВОРЯЩЕЕ ДРЕВО.

(Рисун. Отд. II. № 44.)

Изображенный здѣсь и хранящійся въ ризницѣ Благовѣщенскаго Собора (1), Царскій наперсный крестъ принадлежитъ къ наслѣдственному Царскому сану или облаченію, дарованному Греческимъ Императоромъ Константиномъ Великому Князю Владимиру: Въ «Росписи Государева Большаго наряда» составленной въ 1642 году *съ прежнихъ росписей слово въ слово,* при указѣ Царя Михаила Ѳеодоровича вѣдать Государевъ Большой нарядъ Боярину Ѳеодоровичу Шереметеву, — описаніе Животворящаго Креста слѣдующее (2):

«Крестъ животворящее древо, обложенъ золотомъ по сторонамъ сканью, въ кружечкахъ маленькихъ розные финифты, по верхъ креста обнизано жемчугомъ скатнымъ въ одну веревочку, да въ гнѣздахъ два алмазца, да въ верху у главы и по ручкамъ и сысподи шесть яхонтиковъ червленыхъ да шесть изумрудцовъ, да около креста на спнѣ семь зеренъ гурмышскихъ большихъ, а назади подпись, строка греческая, а другая строка русская:

(1) Вообще Большая Царская Казна и Царскій санъ большаго наряда хранились до семнадцатаго столѣтія на *Казенномъ дворѣ* въ *Казенной Палатѣ*, что возлѣ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

(2) Арх. Ор. Пал. № 681.

« Древо животворящее креста, на немъ же единородный сынъ Слово Божіе, нашего ради спасенія, распялся плотію. » А перевитъ крестъ серебромъ волоченымъ; а около креста икона обложена серебромъ чеканнымъ съ трубами; въ серединѣ, надъ крестомъ два архангела чеканные, да въ исподи у креста Благовѣрный Царь Константинъ и Царица Елена, а у нихъ въ вѣнцахъ и въ коронахъ два алмазца да по два яхонта..... »

Листа, на которомъ слѣдовало окончаніе въ полуистлѣвшей Росписи недостаетъ.

Въ описяхъ Большой Казны послѣдующихъ временъ объ этомъ наперсномъ крестѣ не упоминается; послѣ смерти Царя Михаила Θеодоровича, безсомнѣнія, онъ внесенъ на храненіе въ соборный храмъ Благовѣщенія, вмѣстѣ съ золотыми и серебряными ковчегами Святыхъ мощей, которыя также хранились въ Царской Казнѣ (1) и въ описяхъ собора не состояли (2).

Въ переписной книгѣ Благовѣщенскаго Собора, 1680 и 1681 года, наперсный крестъ описанъ слѣдующимъ образомъ:

« Крестъ золотъ сканной съ финифты, а въ немъ животворящее древо.

« У того креста на спняхъ золотыхъ во главѣ яхонтъ червчатъ да два алмаза четвероугольные небольшіе, да двѣ искорки — яхонтовая да изумрудная; въ срединѣ два яхонта червчатыхъ да четыре изумруда; внизу яхонтъ червчатъ, — всѣ небольшіе, да двѣ искорки — яхонтовая и изумрудная.

(1.) Маскѣвичь, видѣвшій Царскую Казну въ 1611 году, упоминаетъ и о ковчегахъ съ Св. мощами: «Тамъ (въ Царской Казнѣ) хранились всякія вещи, употребляемыя при коронаціи: Царскія одежды, утварь золотая и серебряная, множество золотой столовой посуды, не говоря о серебряной, драгоцѣнныя каменья, сверхъ того дорогіе столы, осыпанные каменьями стулья, золотые обои, шитые ковры, жемчугъ и многое тому подобное. Все это я видѣлъ собственными своими глазами. Не упоминаю о дорогихъ мѣхахъ, которые берегутъ единственно для Царя, не выпуская никуда за границу для продажи; не упоминаю о драгоцѣнныхъ ковчегахъ съ Св. мощами: они хранятся въ склепѣ, длиною около 5 саженъ, съ окнами въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ, и вложены въ шкапы столярной работы, занимающіе три стѣны отъ пола до потолка. Эти ковчеги золотые, длиною въ поллоктя, съ литерами на концѣ, означающими, чьи мощи въ себѣ заключаютъ. Среди склепа идутъ еще два шкапа съ подобными же золотыми ящиками по обѣимъ сторонамъ.»

(2) «Въ соборной же церкви Пресвятые Богородицы Благовѣщенія, въ олтарѣ, въ поставѣ деревянномъ, кресты и раки золотые и серебряные, въ которыхъ изъ тоѣ соборныя церкви въ соборную же въ большую церковь Успенія Пресвятыя Богородицы носятъ мощи Святыхъ в великій постъ, во святый великій пятокъ ко освященію святые воды и омыванія тѣхъ мощей А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ ρмв году (1634) тѣхъ крестовъ и ракъ не написано» За симъ слѣдуетъ описаніе золотаго сканнаго наперснаго креста съ животворящимъ древомъ. Опись 1680 и 1681 г. соборнымъ церквамъ Благовѣщенія, Архангела Гавріила и Св. Великомученика Георгія. Арх. Ор. Пал. № 119. листъ 67.

«По кресту обнизано зернами кафимскими по счету сто двадцать семь зеренъ.

«Около того креста въ окладѣ семь зеренъ гурмышскихъ большихъ на спняхъ золотыхъ.

«Позади креста цка кипарисная, на немъ вверху два ангела, въ срединѣ образы же розныхъ святыхъ; окладъ серебреной чеканной, коймa рѣзная.

«Внизу образы Благовѣрнаго Царя Костянтина и матери его Елены; въ вѣнцахъ въ гнѣздахъ четыре яхонтика четвероугольныхъ, да два лалика; около обнизано жемчугомъ кафимскимъ крупнымъ и мѣлкимъ.

«По полямъ семь плащей небольшихъ, на нихъ праздники господскіе рѣзные; между тѣхъ плащей въ гнѣздахъ четыре яхонта лазоревые, да четыре вписы; внизу креста панагея, окладъ и чепочка золотые; на нижней цкѣ подпись: «Въ *сей скрыжале святое каменье, въ верхней малѣйши камень глаголется марма, и иные каменья гроба Господня; тоѣ панагею носилъ святѣйшій Патріархъ Ѳеофанъ Іерусалимскій.* »

«Киотъ смощьми кипарисной оклеенъ бархатомъ зеленымъ, а въ срединѣ отласомъ зеленымъ.

«На киотѣ по угламъ обложено серебромъ сканнымъ сфинифтомъ.

«Вверху на плаще серебряномъ образы Пресвятые Богородицы и Архангеловъ и Предтечи и Апостоловъ рѣзные.

«По сторонамъ на дву плащахъ дву ангеловъ Уриила и Рафаила, да преподобные Параскевіи, да мученицы Гликеріи.

«Внизу у киота обложено серебромъ гладкимъ.

«У киота кровля кипарисная оклеена бархатомъ зеленымъ.

«На кровлѣ цка серебряная золочена, на ней Распятіе, Воскресеніе Христово — рѣзные.

«На той же цкѣ подпись рѣзная на плащѣ серебряномъ: «Въ *семъ киотѣ крестъ святаго и животворящаго древа, да мощи мученицы Гликеріи, да преподобные Параскевіи, да Матвѣя новомученнаго.* »

По имѣющейся теперь въ Благовѣщенскомъ Соборѣ описи и по надписи чернью на кіотѣ Животворящаго Креста, окладъ и украшеніе устроены Княземъ Іоанномъ Андреевичемъ Хворостининымъ въ 1605—1621 годахъ. Извлекаемъ описаніе:

«Крестъ Господень золотой сканной съ финифтью въ серебряной, золоченой чеканной доскѣ, въ длину 3 вершка съ четвертью, въ доскѣ $6\frac{1}{4}$ вершк. Въ немъ Животворящее древо, котораго внизу нѣсколько выкрошилось. На семъ Крестѣ въ возглавіи въ золотыхъ гнѣздахъ красный яхонтъ, цѣною 8 руб.; подъ нимъ изумрудъ и яхонтъ, каждый по 50 коп. и того 1 руб.

Два алмаза Греческой грани, цѣною каждый 15 руб. и того 30 руб.

По срединѣ два изумруда, цѣною каждый по 15 р. и того 30 руб.

Два красные яхонта и поконцамъ два изумруда, цѣною каждый по 1 р. и того 4 руб.

Внизу красный яхонтъ, цѣною 4 руб. Одинъ яхонтъ и изумрудъ, обѣимъ цѣна 1 р. Крестъ сей по краямъ обнизанъ жемчугомъ среднимъ, *оріенталь-нымъ,* счетомъ 123 зерна по 1 р. 25 к. за зерно и того на 153 р. 75 к.

Около сего Креста на золотыхъ спняхъ 7 большихъ бурмицкихъ зеренъ, изъ коихъ 4 цѣною по 75 р. а друг. 3 по 25 р. и того за сіи зерна 375 р.

Въ ономъ Крестѣ золота примѣрно полагая вѣсу 24 золот. по 12 р. за золотн. и того на 288 руб.

Кругомъ Креста по доскѣ обнизано крупнымъ кафимскимъ жемчугомъ, вѣсу коего примѣрно полагая 4 золотн. 100 р. за золотн. и того 400 руб.

На доскѣ сверху два Ангела, а Благовѣрныхъ Царей Константина и Елены, лицы и ризы серебряныя, чеканныя, золоченыя, выбивныя. Около главъ Царей въ серебряныхъ золоченыхъ гнѣздахъ два яхонта, по 10 р. за камень и того 20 руб.

Два гіацинта по 1 р. каждый и два алмаза Греческой грани по 7 руб. за камень, и того за гіацинты и алмазы 16 руб.

Около Ангеловъ и Благовѣрныхъ Царей обнизано крупнымъ кафимскимъ жемчугомъ, вѣсу коего примѣрно полагая 5 золотн. цѣна за каждый золотн. 75 руб. и того 375 руб.

Поля и трубы вокругъ ихъ серебряныя, чеканныя, рѣзныя, золоченыя. Серебра въ ономъ примѣрно полагая 100 золотн. по 80 к. золот. и того 80 р.

Съ одной стороны поле вокругъ обнизано мѣлкимъ жемчугомъ; противъ Ангеловъ съ обѣихъ сторонъ мѣлкаго жемчугу по вершку не имѣется. Внизу въ той же доскѣ панагія, на ней риза золотая, золота примѣрно полагая 4 золот. по 12 р. зол. и того 48 руб.

У ней нижняя доска золоченая съ надписью:

«Въ сей скрыжали святое каменіе, верхній малѣйшій камень *марма,* «иные каменья Гроба Господня, и тое панагію посилъ Святѣйшій Патріархъ «Ѳеофанъ Іерусалимскій.» Оная панагія обнизана мѣлкимъ жемчугомъ, коего съ двухъ сторонъ мѣрою на 1 вер. $\frac{5}{8}$ не имѣется. Жемчугу около поля и панагіи примѣрно полагается вѣсу $2\frac{1}{2}$ золот. по 30 р. золот. и того 75 р.

По полямъ 7 плащиковъ серебряныхъ, золоченыхъ, на нихъ Праздники Господскіе, рѣзные съ чернью. Межъ тѣхъ плащей въ серебряныхъ золоченыхъ гнѣздахъ 8 камней, 4 яхонта синихъ, мѣрою каждый въ длину $\frac{3}{8}$ вершка, въ ширину болѣе $\frac{1}{4}$ вер. изъ коихъ 2 цѣною по 50 р. а друг. 2 по 30 р. и того за всѣ 160 руб.

Четыре лала, изъ коихъ 2, мѣрою въ длину менѣе $\frac{3}{8}$ вер. въ ширину менѣе $\frac{1}{4}$ вер. 3, въ длину болѣе $\frac{1}{4}$ вер. въ ширину $\frac{1}{4}$ вер. 4, въ длину $\frac{1}{4}$ а въ ширину менѣе $\frac{1}{4}$ вер. цѣною каждый 40 р. и того за всѣ 60 руб. А всего за жемчугъ, золото, серебро и каменья 2228 р. 75 к.

Кіотъ сего креста деревянный, кипарисный, оклѣенъ зеленымъ бархатомъ, вѣтхій. На кіотѣ по угламъ обложено серебромъ сканнымъ съ финифтью. Въ верху на плащѣ серебряномъ образа Богоматери, Предтечи, Архангеловъ и Апостоловъ; а посторонамъ на двухъ плащахъ образа: Архангеловъ Уріила и Рафаила, Преподобныя Параскевы и мученицы Гликеріи, рѣзные золоченые.

Внизу обложено серебромъ гладкимъ коего въ загибахъ нѣсколько обломалось. У того же кіота задвижка кипарисная, оклѣена зеленымъ бархатомъ, а сверху положена серебр. золоченая доска, на ней Распятіе Господне, Воскресеніе Христово и Женъ мvроносицъ, — лицы и ризы рѣзныя. Внизу на той же доскѣ на серебряномъ плащѣ слѣдующая черневая надпись:

«Въ семъ кіотѣ Крестъ Святаго и Животворящаго древа, на немъ же «распяся Христосъ Богъ. А сей Святой Крестъ сотворенъ Животворящимъ, самосущнымъ древесе, и сіе Святое древо отъ того Креста, иже «бѣ прислано изъ Константинополя въ Кіевъ Великому Князю Владиміру «Мономаху, Константина Мономаха единогласно нареченнаго, шапку и «діадиму и сердоличную чарку, изъ нея же иногда веселяся Августъ Кесарь Римскій. Еще же и той Святый Крестъ прія отъ Митрополита Неофита Ефесскаго и Митулинскаго и Милитейскаго и проч. о семъ убо «свидѣтельствуетъ въ 8 главѣ Степенной книгѣ. Въ томъ кіотѣ скрыжальца «имуще камень Живоноснаго Гроба Господня и отваленный отъ Гроба,

« ихъ же Θеофанъ Патріархъ Іерусалимскій на своихъ персѣхъ носилъ; да « въ томъ же Кіотѣ мощи Мученицы Гликеріи, мощи Преподобныя Па- « раскевы во плоти. Украшеніе.... Князя Іоанна Андреевича Хворостинина. « Начатъ же бысть украшати дѣло сіе въ честь Господа нашего въ лѣто « 7113 (1605), а совершено бысть въ лѣто 7129 (1621). »

Въ томъ же кіотѣ мощи Преподобныя Параскевы *перстъ,* мученицы Гликеріи *кость,* и Матвія новомученика *перстъ.* Мощи Матвія и Параске- вы въ серебр. ковчегахъ съ крышками; мощи Матвія обнизаны среднимъ кафимскимъ жемчугомъ. Жемчугу на 7 руб.

На верху зерно бурмицкое, цѣною 25 р.

На кіотѣ серебра вѣсу, примѣрно полагая, 120 золотн. по 70 к. золот. и того 84 руб.

Всего за серебро съ жемчугомъ и съ бурмицкимъ зерномъ 116 рублей. »

НАПЕРСНЫЙ КРЕСТЪ

ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧА,

и

ПЕРЕВЯЗЬ

ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

(Рисун. Отд. II. № 45.)

Наперсный крестъ, во имя Св. Апостола Петра, хранящійся въ Оружейной Палатѣ принадлежалъ къ Царскому наряду Царя и В. К. Петра Алексѣевича. Въ описи 1727 года (1), онъ описанъ, въ числѣ Царскаго Его Величества наряда, слѣдующимъ образомъ:

« Крестъ золотой Царскаго наряду; а въ немъ восемь алмазовъ большихъ, въ томъ числѣ четыре алмаза разсыпная грань. Цѣна четыреста рублевъ.

« Четыре алмаза малыхъ. Цѣна шестнадцать рублевъ.

« Десять изумрудовъ. Цѣна пятдесятъ рублевъ.

« Въ томъ крестѣ и съ каменьемъ золота — вѣсу сорокъ два золотника. Цѣна сорокъ рублевъ.

« Всего на томъ крестѣ каменья и золота по цѣнѣ пять сотъ шесть рублевъ. »

(1) Арх. Ор. Пал. № 183, стр. 7.

По описи Оружейной Палаты: (1)

«Крестъ золотой, украшенный алмазами и травами изъ разноцвѣтной финифти. На верху креста образъ нерукотвореннаго спаса. Въ срединѣ десять изумрудовъ, изъ числа которымъ на одномъ вырѣзано Распятіе, на другомъ: «Царь Славы», на третьемъ: «*НИКА*» — вокругъ ихъ по одному крупному, по одному не большему алмазу; на оконечностяхъ креста четыре алмаза граненыхъ розсыпью. На другой сторонѣ креста образъ Св. Апостола Петра. Вѣсу въ крестѣ сорокъ два золотника.»

Перевязь царя Михаила Ѳеодоровича. Перевязями назывались золотыя, плоскокольчатыя или украшенныя финифтью и драгоцѣнными камнями, цѣпи, нашивавшіяся на атласъ. Хранящаяся въ Оружейной Палатѣ перевязь Царя Михаила Ѳеодоровича состоитъ изъ 89 плоскихъ золотыхъ колецъ, на которыхъ вырѣзано «именованіе блаженныя памяти Великаго Государя съ титлы» въ слѣдующемъ порядкѣ:

«1. Троице пресущественная 2. равнобожественная и равно- 3. честная и равносопрестольная 4. и равносовѣтная и равносильная 5. и равнодѣйственная 6. и равносущная 7. и соприсносущная. 8. и собезначальная. 9. и единоначальная. 10. и трисоставная. 11. и нераздѣльная 12. въ тріехъ составѣхъ 13. единаго божества 14. Царя царствующимъ 15. и Господа господствующимъ 16. иного не преодолѣ. 17. и всякія силы крѣпчайшаго. 18. Имъ Царіе царствуютъ 19. и велиціи величаются 20. Сего въ Троицѣ присно- 21. славимаго Бога нашего 22. недоумѣваемыми судьбами 23. и неизреченнымъ 24. премудрымъ Промысломъ 25. всяко зданіе отъ небытія 26. въ бытіе создается 27. и отъ несущихъ въ существо 28. приводится отъ рода въ родъ, 29. лѣтами считаются. 30. того и мы просимъ: направи насъ 31. на истинну Твою 32. Мы Великій Господарь 33. Царь и Великій Князь 34. Михаилъ Ѳеодоровичъ 35. Самодержецъ всея Русіи, 36. Московскій, Владимерскій, 37. Новогородской 38. Царь Казанскій 39. Царь Асторохапскій 40. Царь Сибирскій. 41. Господарь Псковскій. 42. Великій Князь Смоленскій. 43. Тверскій, Югорскій. 44. Вятскій, Пермскій. 45. Черниговскій, Болгарскій. 46. Господарь и великихъ иныхъ. 47. Князь

(1) 1835 года, стр. 109. — №№ 63 — 1.

Новагорода– 48. Низовскіе земли 49. Рязанскій, Ростовскій 50. Ярославскій, Бѣлоозерскій, 51. Удорскій, Лифляндскій 52. Обдорскій, Кондинскій, 53. и всея Сѣверныя страны 54. Повелитель и Господарь 55. Иверскія земли, 56. Карталинскихъ 57. и Грузинскихъ Царей, 58. и Кабардинскія– 59. земли, Черкаскихъ. 60. и Горскихъ Князей 61. и иныхъ многихъ Господарствъ 62. Господарь и обладатель. 63. Вѣнчанъ бысть Царскимъ 64. Вѣнцемъ и діадимою 65. на Владимерское 66. и на Московское 67. и на Новгородское 68. Господарство. 69. и на Казанское 70. и на Астраханское 71. и на Сибирское царство 72. и на всѣ великія и пресла- 73. вныя Государства 74. Россійскаго царствія. 75. Лѣта седмь тысящь 76. сто двадесять перваго году. 77. Божіе бо слово: азъ избрахъ тя Царя. 78. взя тя за десницу твою и устрою 79. Тебѣ обладати людьми моими 80. во вся дни живота твоего аще ходи- 81. ши по заповѣдемъ моимъ, твори- 82. ши волю мою; дамъ тебѣ сердце смы- 83. слено и мудрость и будеши яко 84. нѣсть былъ таковъ ни единъ въ царѣхъ 85. и по тебѣ не будетъ и аще твориши 86. судъ и правду посреди земля и слыши 87. воздыханіе и слезы сущихъ въ ско- 88. рбѣхъ и управленіе твориши имъ 89. вскорѣ и умножу лѣтъ живота твоего.»

Въ описи большому наряду Царя Михаила Өеодоровича (1), этотъ окладень означенъ слѣдующимъ образомъ:

«Окладень золотъ кольцами, по кольцамъ съ одну сторону рѣзана подпись Пресвятые Троицы, да полное имя Государя Царя и Великаго Князя Михаила Өеодоровича всея Руссіи. Вѣсу три гривенки двадцать девять золотниковъ. На немъ мешечикъ камка черлена на бумагѣ, подложенъ тафтою желтою.»

Подобная перевязь существовала также съ именемъ и титлами Царя Алексѣя Михайловича. Объ этомъ упоминается въ описи казны Өеодора Алексѣевича (2):

«Перевезь золотая колчата, въ ней по счету сто колецъ, на ней вырѣзано именованье блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца съ титлы; подложена атласомъ червчатымъ. И ҂рпд (1676) Іюня к

(1) Арх. Ор. Палаты. № 681, листъ 28.
(2) Арх. Ор. Палаты № 140, 1682 года, листъ 10.

(2) сія перевезь передѣлана блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Өеодору Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу къ его Великаго Государя Царскому вѣнцу; убавлено одиннадцать колецъ и тѣ убавочныя кольца положены въ шкатулу съ чепьми и перевезьми.

Въ выходной книгѣ Царя Алексѣя Михайловича, 1653 года, эта перевязь называется *крущатой* т. е. кружчатой или кольчатой (1), съ подписью: « въ сей перевязи Государь вѣнчался Царскимъ вѣнцемъ. »

(1) Выходы Царей и Великихъ Князей. Изданные П. Строевымъ. Стр. 287. На стр. 290 таже перевязь называется кольчатой.

НАПЕРСНЫЙ КРЕСТЪ

ЦАРЯ ѲЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА

и

«ЗОЛОТОЙ» ЖАЛОВАННЫЙ

КНЯЗЮ В. В. ГОЛИЦЫНУ.

(Рисун. Отд. II. № 46.)

Наперсный крестъ, изображенный на рисункѣ, принадлежалъ Царю Ѳеодору Алексѣевичу, тезоименитому Св. Ѳеодору Стратилату, во имя котораго онъ устроенъ. Въ описи казны 1682 года (1):

«Крестъ золотъ съ финифты и съ алмазы, въ главѣ образъ Воскресенія Христова, въ низу Распятіе Христово, на правой сторонѣ образъ Вечери тайныя, на лѣвой сторонѣ Положеніе Христово во гробъ; въ срединѣ алмазъ большой граненый мелкою гранью, около того алмаза четыре алмаза четвероугольные, а подъ тѣми алмазы въ срединѣ часть ризы Господни, а около того креста по обѣимъ сторонамъ вставлены малые алмазы. На другой сторонѣ въ срединѣ образъ святаго мученика Ѳеодора Стратилата, да въ томъ же крестѣ часть животворящаго древа креста Господня, да у того же креста чѣпь золотая звенчатая; обшито въ верху червчатымъ атласомъ. Дѣланъ тотъ крестъ при державѣ блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца.»

(1) Арх. О. П. № 140. листъ 10.

Съ лицевой стороны, средняя часть креста, подъ алмазами, вскрывается. Внутри, съ одной стороны, сверху изображено на финифти Благовѣщеніе, въ срединѣ Рождество Христово съ надписью и означеніемъ года *1662;* внизу Св. Крещеніе. На другой сторонѣ на зеленой финифти молитва: «Спаси Господи люди твоя и благослови достояніе Твое, побѣды Царю нашему на невѣрныя во Христа языки даруя и своя сохраняя крестомъ си люди.»

Подъ молитвой образъ Нерукотвореннаго Спаса; ниже онаго знаки Θ Θ Θ Θ.

Внутри этого створа безъ сомнѣнія и заключались нѣкогда, упоминаемыя: часть ризы Господней и часть животворящаго креста.

«золотой.» Въ старину награды за заслуги состояли изъ жалованныхъ отчинъ (1), золотныхъ бархатовъ, атласовъ и иныхъ тканей съ *сорокомъ* или двумя сороками соболей на шубу, золотыхъ или серебряныхъ золоченыхъ кубковъ, придачи помѣстныхъ окладовъ (2), и денегъ; но кромѣ того за военные подвиги жаловались, какъ знаки отличія, *золотые, полузолотые* и *золоченые* (монеты) съ изображеніемъ Царскимъ:

«А во 168 годѣхъ, Октября въ 14 день, отъ Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича посланъ былъ онъ (Князь Григорій Щербатовъ) въ Кіевъ къ Боярину и Воеводѣ къ Василью Борисовичу Шереметеву съ товарищи и ко всѣмъ ратнымъ людямъ за ихъ службу *съ милостивымъ словомъ и съ золотыми и золочеными*, которые *велѣно имъ роздать по данной ему росписи*» (3).

«73 (1565) года Сентября въ 14 день писалъ изъ Чернигова къ Государю (Царю Ивану Васильевичу) Князь Василей Прозоровской, да Ѳома Третьяковъ, приходили Литовскіе люди къ Чернигову, Павелъ Сапега, да Литовскіе Ротмисты, а съ ними многіе люди, и они Литовскихъ людей отъ города отбили и многихъ Литовскихъ людей побили и знамя Сапѣгино взяли, и посланъ къ нимъ *съ золотыми и съ рѣчью* Яковъ Шетневъ, а послано къ нимъ *по золотому*» (4).

(1) Имѣнье жалуемое въ *отчину* значило въ родовое наслѣдіе.
(2) *Помѣстные* оклады значили жалуемый годовой доходъ опредѣленнымъ количествомъ четвертей хлѣба и сѣнными покосами съ какого нибудь Царскаго имѣнія.
(3) Родословная Князей Щербатовыхъ. Древн. Вивліоѳика. т. 9. стр. 121.
(4) Разряды 1564 года. Вивл. т 13, стр. 356.

Золотой, изображенный на рисункѣ № 46, пожертвованъ въ Оружейную Палату, въ 1809 году, Д. Т. С. Графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, вмѣстѣ съ агатовымъ въ золотой оправѣ кубкомъ, украшеннымъ изумрудами и яхонтами. Этотъ кубокъ, со вложеннымъ въ него золотымъ, получилъ Дворовый Воевода и Государственныхъ и посольскихъ дѣлъ оберегатель Князь Василій Васильевичь Голицынъ, при отправленіи своемъ въ Крымскій походъ.

Золотой составляетъ золотую монету, въ ободкѣ украшенномъ яхонтами и изумрудами, съ одной стороны изображеніе Царей Петра и Іоанна Алексѣевичей и вокругъ надпись начальными буквами: «**Б**ожіею **М**илостію **В**еликіе **Г**осудари, **Ц**ари — **В. К.** **І**оаннъ **А**лексѣевичь, **П**етръ **А**лексѣевичь.» — Съ другой стороны изображеніе Царевны Софіи, съ подобною же надписью: «**В**еликая **Г**осударыня **Б**лаговѣрная **Ц**аревна, **В**еликая **К**няжна **С**офія **А**лексѣевна, — **В**сея **В**еликія и **М**алыя и **Б**ѣлыя **Р**оссіи **С**амодержцы.»

Для большаго объясненія *золотыхъ*, которые давались за отличія, выпишемъ изъ Росписи вещей отобранныхъ со дворовъ Князей Василья и Алексѣя Голицыныхъ, въ 1690 году, о золотыхъ жалованныхъ Князю Василью Васильевичу: (1)

«Да въ мастерской Полатѣ въ столпу Великихъ Государей указъ да подъ указомъ роспись за приписью Дьяка Василья Телицына ҂рч҃и (1690) году, а въ томъ указѣ и въ росписи написано:

«Во ҂рч҃и году, Октября въ 4 день, по указу Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцевъ, взято къ нимъ Великимъ Государемъ вверхъ Князь Васильева и сына Князь Алексѣева двора Голицыныхъ изописныхъ ихъ животовъ запоны золотые и золотые червонные и посуда золотая. А что чего взято и то писано ниже сего:

«Чепь золотая троесканная троегранная, а въ ней восмьдесятъ три звена сканныхъ сквозныхъ, вѣсу въ ней золота два фунта пятьдесятъ семь золотниковъ, Государева жалованья за Крымскую службу въ ҂рч҃з (1689) году. Къ той же чепи *золотой,* на немъ на одной сторонѣ начеканено двоеглавой орелъ въ правой ногѣ скипетръ, а въ лѣвой самодержавіе, въ срединѣ орла на конѣ всадникъ, а межъ орловыхъ дву главъ корона, округъ орла на

(1) Арх. Ор. Пал. Опись 1702 года, № 165, въ концѣ.

рѣзано : «Божіею Милостію Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ Петръ Алексѣевичъ и Великая Государыня Благовѣрная Царевна и Великая Княжна Софія Алексѣевна всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцы» а на другой сторонѣ золотова нарѣзано : «*пожаловали Князь Василья Голицына симъ золотымъ за его къ намъ Великимъ Государемъ многою службу, что будучи онъ въ нынѣшнемъ во ҁч҃з году съ нашими Великихъ Государей ратными людьми въ Крымскомъ походѣ Крымскаго Хана со многими ордами у Перекопи съ поля сбили и заперекопъ въ дальныя мѣста прогнали;*» а у золотова вверху шахматецъ сквозной, а въ шахматцѣ кольцо серебрянаго дроту. Въ золотомъ вѣсу восмьдесятъ три золотника. Всего въ чепи и въ золотомъ вѣсу золота три фунта сорокъ четыре золотника; на чепи и на золотомъ чехолъ бархотъ *мурамъ* зеленъ, кругомъ обшитъ круживцомъ золотнымъ съ городами, подложенъ тафтою алою; вѣсу триста тридцать шесть золотниковъ, за золотникъ по сороку по три алтына, итого четыреста тридцать шесть рублевъ двадцать шесть алтынъ, четыре деньги.»

«*Чепь золотая колчатая,* а на ней два золотыхъ. На большомъ золотомъ двѣ персоны Великихъ Государей, на другой сторонѣ Государыни Царевны Софіи Алексѣевны, кругомъ золотаго подпись Великихъ Государей именованіе; да на другой сторонѣ у чепи золотой же въ срединѣ орелъ двоеглавой, кругомъ золотаго и съ другой стороны подпись, а кругомъ золотаго въ гнѣздахъ серебряныхъ тридцать одинъ алмазъ. Вѣсу въ золотыхъ и въ чепи три фунта семнадцать золотниковъ. Вѣсу въ немъ и въ чепи триста золотниковъ, за золотникъ по сороку по три алтына, да за каменья тридцать рублевъ, всего четыреста десять рублевъ.»

НАПЕРСНЫЙ КРЕСТЪ

ЦАРИЦЫ ЕВДОКІИ ЛУКЬЯНОВНЫ.

(Рисун. Отд. II. № 47. изобр. 1.)

Наперсный крестъ съ рѣзнымъ распятіемъ Господнимъ на Сапфирѣ, хранящійся нынѣ въ Оружейной Палатѣ, по описи Патріаршей ризницы 1722 года, состоялъ въ числѣ Панагій :

« Втораянадесять панагія крестомъ, золотая, а въ ней камень яхонтъ лазоревъ крестомъ, а на немъ рѣзано Распятіе Господне; около, по краямъ, обнизано жемчугомъ въ одну прядь; во главѣ камышекъ лалъ, на закрѣпкахъ пять зеренъ гурмышскихъ; чепь серебряная; а по прежнимъ описнымъ книгамъ въ той панагіи написана чепь золотая звѣнчатая. »

Въ описи Оружейной Палаты 1835 года въ числѣ Царскихъ крестовъ: (1)

« Крестъ золотый съ финифтью; на немъ вырѣзано, на сапфирѣ, Распятіе Іисуса Христа ; украшенъ небольшимъ неграненымъ яхонтомъ, пятидесятью семью зернами кафимскаго жемчугу и пятью бурмицкими зернами ; одно мѣсто порожнее. Вѣсу въ крестѣ девятнадцать съ половиною золотниковъ. »

По описной книгѣ Мастерской Палаты Царицы Евдокіи Лукьяновны (2) этой панагіей она благословила дочь свою Царевну и Великую Княжну Ирину Михайловну *на родинахъ :*

(1) №№ 67 — 4.
(2) Арх. О. П. № 668. листъ 12.

« Царица и Великая Княгиня Евдокія Лукъяновна благословила дщерь свою Царевну и Великую Княжну Ирину Михайловну на родинахъ, снявъ съ своего маниста понагею золоту, а въ ней камень яхонтъ лазоревъ, на яхонтѣ рѣзанъ Спасовъ образъ Вседержителя обложенъ золотомъ съ каменьемъ и съ жемчюги, на гонтанѣ шолковомъ червчатомъ; у ней двѣ прониски корольковые. А какъ та понагѣя съ Царицина мониста снята и отдана Царевнѣ и отъ Царевны принесена въ Казну и то писано выше сего въ той статьѣ гдѣ та понагея на Царевнинѣ монистѣ была писана. »

Въ описи казны Царевны Ирины Михайловны, вмѣсто « благословила на родинахъ » сказано: « благословила на еѣ Государскіе крестины. »

ЦѢПЬ

ЗОЛОТАЯ, СКАННАЯ, БОЛЬШАГО НАРЯДА.

(Рисун. Отд. II. № 47. изобр. 2.)

Въ преданіи о присылкѣ Благовѣрному Великому Князю Владиміру Греческимъ Императоромъ Царскаго облаченія, упоминается и о золотой цѣпи для возложенія животворящаго креста: «Посылаетъ же ожерелье, спрѣчь Св. Бармы, яже на плещу свою возлагаше и *цѣпь отъ злата аравійскаго скованy.*»

Великій Князь Іоаннъ Іоанновичь, благословляя сына своего наслѣдственнымъ Царскимъ чиномъ, завѣщаетъ ему въ духовной своей: «*чепь золоту великую врану съ крестомъ золотымъ.*» Эта цѣпь, вѣроятно, и называлась въ послѣдствіи *хрестьчатой,* въ значеніи цѣпи, на которой возлагался животворящій крестъ, или въ значеніи *крущатой,* то есть состоящій изъ кружковъ, или плоскихъ колецъ, какъ называлась и перевязь Царя Алексѣя Михайловича съ подписью (1).

Кружчатая цѣпь съ чернью, изображенная на рисункѣ подъ № 5, хранится также въ Оружейной Палатѣ, и находится въ описи платью и казны мастерской палаты Царя Михаила Ѳеодоровича 138, 139, 140 и 150 годовъ (2):

«Чѣпь золота кольчата рѣзана съ чернью.»

(1) Стр. 75.
(2) Арх. Ор. Палаты № 128, листъ 237. № 130 листъ 638.

Изображенная же на рисункѣ № 47 сканная троегранная цѣпь, въ первый разъ упоминается въ описи 1663 — 1664 годовъ:

« Чѣпь золотая, звѣна на три грани сканные, а въ ней восемдесятъ звѣнъ и въ томъ числѣ *одно звѣно о двухъ граняхъ*, а третья грань отпала и положена тутъ; по вѣсу два фунта двадцать четыре золотника. »

По описи казны большие шкатулы 1647 года (1), подобная цѣпь поднесена Царевичу и Князю Алексѣю Михайловичу въ 1631 году Послами отъ Голландскихъ Штатовъ и отъ Князя Оранскаго Фридриха Генриха:

« Чепь золота а въ ней семьдесятъ девять звенъ, триграннiя прорѣзныя, вѣсомъ два фунта двадцать одинъ золотникъ, по ярлыку цѣна по рублю золотникъ, прислалъ ко Государю Царевичу ко князю Алексѣю Михайловичу Галанской владѣтель Индрикусъ Князь съ Послы своими с Олбертусомъ да съ Яганомъ во рлѳ҃ (1631) году; принесъ съ казеннаго двора въ Государеву мастерскую Полату Дьякъ Григорей Поикратьевъ во рнѳ҃ (1651) году апрѣля въ дı҃ (14) день. И того жъ году августа въ ла҃ (31) день сiя чепь отдана назадъ показанному вверху Дьяку Григорью Панкратьеву. Приказалъ записать Бояринъ Илья Даниловичъ Милославской. »

Число звѣнъ на цѣпяхъ иногда убавлялось въ соразмѣрность возложенiя на перси, и отъ того, какъ число звѣнъ, такъ и вѣсъ измѣнялись: Напримѣръ, при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ: « а у чепи убавлено длины четыре звѣнца, во рлє҃ (1627) году » (2).

Къ вѣнчанiю на Царство Царя Ѳеодора Алексѣевича убавлено съ троегранной звѣнчатой цѣпи тридцать звѣнъ (3).

По описи 184 (1676) года (4), въ казнѣ находилось « тридцать семь чѣпей золотыхъ, да *чѣпь жемчюжная, что съ ароматниками золотыми*, а по вѣсу въ нихъ золота, кромѣ жемчюгу, что на жемчюжной чѣпи, тридцать восмь фунтовъ безъ семнадцати золотниковъ. »

Первою цѣпью означена изображенная здѣсь согласно съ описью 1663 года:

(1) Арх. Ор. Палаты. № 685, листъ 259.
(2) Арх. Ор. Пал. Опись большаго наряда Государя Царя Михаила Ѳеодоровича. № 681 листъ 3.
(3) Арх. Ор. Пал. № 140, листъ 8.
(4) Арх. Ор. Пал. № 155, листъ 7.

« Чѣпь золотая звѣнчатая, звѣна на три грани скапные; а въ ней по счету восмьдесятъ звѣнъ, и въ томъ числѣ одно звѣно о двугранехъ, а третья грань отпала, и положена тутъ же, а у другова звѣна грань надломилась. По вѣсу два фунта двадцать четыре золотника. »

ПЕРЕВЯЗЬ ЯХОНТОВАЯ,

ЦАРЯ ѲЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

(Рисун. Отд. II. № 47. изобр. 3.)

При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ перевязи назывались еще *окладнями;* напримѣръ: «Окладень золотъ кольцами, по кольцамъ съ одну сторону рѣзана подпись Пресвятые Троицы, да полное имя Государя Царя и В. К. Михаила Ѳеодоровича. На ней мешечекъ камка черлена на бумагѣ, подложенъ тафтою желтою.»

На окладняхъ, или перевязяхъ носились въ такъ называемыхъ *фляшкахъ*, часы (1).

По Выходнымъ книгамъ, въ первый разъ упоминается о *перевязи яхонтовой* 1681 года, Января 6: «*Перевязь новая* золотая, съ яхонты червчатыми.»

Въ слѣдующемъ году, по смерти блаженной памяти Царя Ѳеодора Алексѣевича, эту перевязь велѣно подавать Государю Царю и В. К. Іоанну Алексѣевичу (2):

(1) Въ описи 1682 года, № 140, послѣ перевязей и цѣпей, слѣдуютъ *фляшки* (листъ 515); а потомъ часы:

«1. Серебряна, золочена съ розными финифты; посередь фляжки наведенъ орелъ бѣлымъ финифтомъ; *въ ней часы*, и т. д.

2. Фляшка золота съ чернью; на переди орелъ двоеглавой чеканнаго дѣла, назади орелъ двоеглавой съ чернью. Въ ней часы съ изумруды.

6. Фляшка хрустальная, оправлена золотомъ, съ яхонтики червчатыми и съ изумруды; на верху бирюза. Казны блаженные памяти великого Государя Царя и В. К. Алексѣя Михайловича.»

(2) Опись 1682 года. № 140, листъ 511.

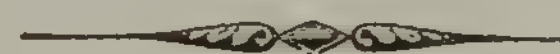
« Перевезь золотая съ розными финифты; въ ней въ срединѣ запана, въ запанѣ яхонтикъ червчатъ да двадцать четыре искры яхонтовыхъ, четыре зерна кафимскихъ; шеснадцать запанокъ, въ нихъ по яхонтику, да по четыре искры яхонтовыхъ червчатыхъ, по четыре зерна кафимскихъ; осмнадцать запанокъ узлами, въ нихъ по яхонтику, да по осьми искръ яхонтовыхъ червчатыхъ; подложены отласомъ червчатымъ. рч҃ (1682) года Іюня въ к҃д (24) день, сію перевезь велѣно подавать Великому Государю Царю и Великому Князю Іоанну Алексѣевичу къ Царскимъ платнамъ; да отъ той же перевези отнято три запанки, въ томъ числѣ двѣ съ зерны кафимскими, одна узломъ, и положены съ чепями. »

Въ описи казны, блаженной памяти Царя Іоанна Алексѣевича, составленной въ 1696 году (1):

« Перевязь золота, въ ней по щету семнадцать репьевъ золотыхъ съ финифтью, въ срединѣ по яхонту червчату, да по четыре зерна кафимскихъ, кругомъ искры яхонтовые червчаты. Въ томъ числѣ одинъ репей великъ; въ одномъ репьѣ въ срединѣ яхонта нѣтъ; да шестнадцать репьевъ золотыхъ съ финифтью въ срединѣ по яхонту червчату, кругомъ искры яхонтовыя червчаты. Розшита по червчату отласу. »

Въ настоящемъ состояніи эта перевязь, хранящаяся въ Оружейной Палатѣ подъ № 81 — 5, вполнѣ соотвѣтствуетъ описямъ 1682 и 1686 годовъ.

(1) Арх. О. П. № 150. листъ 5.



ЦѢПЬ ЗОЛОТАЯ

СЪ ФИНИФТЬЮ И ЖЕМЧУГОМЪ,

ЦАРЯ ѲЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

(Рисун. Отд. II. № 47. изобр. 4.)

Въ описи Казны Царя и В. К. Ѳеодора Алексѣевича (1) эта цѣпь помѣщена первою:

«Чѣпь золотая колчетая съ розными финифты и съ жемчуги; въ ней двѣнадцать звѣнъ четвероgranныхъ, да двѣнадцать звѣнъ продолговатыхъ обнизаны жемчугомъ мѣлкимъ. Вѣсу восемдесятъ одинъ золотникъ.»

Въ настоящемъ состояніи эта цѣпь заключаетъ въ себѣ семь сотъ тридцать зеренъ жемчугу и вѣситъ семдесятъ восемь золотниковъ (2).

(1) Арх. Ор. Пал. № 140, листъ 513.
(2) Опись Ор. Пал. 1835 года, листъ 124, № 80 — 4.

ЦАРСКІЯ ПЛАТНА

и

СТАНОВЫЕ КАФТАНЫ.

(Рисун. Отд. II. № 48, 49, 50, 51.)

Царскія платна, составляли торжественную верхнюю одежду, собственно порфиру. Они шились преимущественно изъ аксамиченаго бархата или аксамиченаго атласа, съ горностайнымъ исподомъ и собольей опушкой, — рукава короткіе и широкіе. При вѣнчаніяхъ на царство, платно, относясь къ облаченію въ чинъ Царскій, возлагалось въ храмѣ, на становой кафтанъ, въ которомъ вступалъ нововѣнчаемый.

Выпишемъ изъ Выходной книги облаченіе, въ которомъ вѣнчался на царство Царь Θеодоръ Алексѣевичь, Іюня 18 дня 1676 года:

«Шествуя изъ Грановитой Палаты въ соборную церковь на Царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ былъ *опашень* — обьярь по серебряной землѣ травы золотыя аксимичены, нашивка и кружево низано жемчугомъ въ одно зерно; пуговицы изумрудныя; *кафтанъ Царской становой*, камка Кизильбашская по серебряной землѣ травы золотыя, кружево низано жемчюгомъ по червчатому атласу, на рукавахъ нашито запястье низаное жемчюгомъ съ золотыми запанами и съ каменьями — съ алмазами, яхонтами и изумрудами; тесьма; *зипунъ* — тавта бѣлая, обнизь алтабасная золотная съ алмазными запонами; шапка горлатная съ колпакомъ перваго наряда. Посохъ Индѣйскій съ ка-

меньемъ; ожерелье пристяжное съ алмазами, перваго наряда. Штаны объярь по серебряной землѣ травы и рѣки золоты. Башмаки бархатъ червчатъ двоеморхъ, низаны жемчюгомъ съ запаны — съ алмазами съ яхонтами червчатыми и изумрудами.»

«А изъ Грановитой Полаты изволилъ Великій Государь итти въ соборную и апостольскую церковь Успенія Пресвятыя Богородицы; и пришедъ въ соборную церковь изволилъ цѣловать Святыя иконы, и былъ у животворящаго креста и у благословенія святѣйшаго Іоакима, Патріарха Московскаго и всея Русіи, и взошелъ на свое Государево уготованное мѣсто (на рундукъ, что поставленъ былъ среди соборной церкви), и *ему Великому Государю подалъ святѣйшій Іоакимъ, Патріархъ Московскій и всея Русіи, его Государево новое царское платно, бархатъ двоеморхъ по рудожелтой землѣ по травамъ низано жемчюгомъ въ одно зерно,* круживо нашито низано жемчюгомъ съ запаны золотыми съ каменьи, съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды (что снято съ платна, отласъ виницѣйской золотъ, брата его Государева, Великаго Государя Царевича и Великаго Князя Алексѣя Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи); діадима перваго наряду; *кафтанъ становой и зипунъ, подъ тѣмъ платномъ, были тѣже, въ чемъ Великій Государь изволилъ итти въ соборную и апостольскую церковь;* вѣнецъ царской золотъ съ алмазы и съ яхонты, съ изумруды и съ зерны гурмыцкими. Стряпни было: полотенцы, стулъ съ кистьми, подножіе бархатное холодное, кресла золотые съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды, съ Казенного Двора. А царское вѣнчаніе было по чиновнику изъ Посольскаго приказу.»

«А послѣ царского вѣнчанія изволилъ Великій Государь итти съ рундука на свое Государево Царское прежнее мѣсто, что у южныхъ дверей; и ему Великому Государю поданъ жезлъ Царской. А съ царскаго мѣста изволилъ Великій Государь итти въ придѣлъ Димитрія Селунскаго и изволилъ *низаное платно* перемѣнить, а вмѣсто того платна, подано ему Великому Государю *царское платно третьего наряду,* отласъ бѣлъ, по немъ шито золотомъ и серебромъ съ розными шолки (которымъ челомъ ударилъ ему Великому Государю бояринъ Князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Куракинъ), круживо низано жемчюгомъ по червчатому бархату; шапка Маномахова; а діадима и *кафтанъ становой* тѣ же, *что былъ подъ низанымъ платномъ.*»

Различіе между кафтаномъ и платномъ или большаго наряда опашнемъ (1), состояло въ томъ, что кафтанъ имѣлъ станъ, между тѣмъ какъ платно, какъ верхняя одежда, не имѣло его.

Изображенное на рисункѣ № 48 платно (въ подписи названо кафтаномъ) по описи 1648 года (2) принадлежало Царю Алексѣю Михаиловичу:

« Платно отласъ золотной по червчетой землѣ, оксамичено, петельчето, коруны и травы петельчаты золоты и серебрены; а тѣмъ отласомъ Государю челомъ ударилъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ въ нынѣшнемъ во рн҃ѕ году. Подкладка тафта червчата, подпушка фараузная, круживо большое низано жемчугомъ и съ каменьи и съ каптелью; а жемчугъ и каменье снято съ старого кружива, что было на шубѣ, а тою шубою покрытъ былъ гробъ блаженные памяти Государя Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича всеа Русіи; а та шуба изъ церкви Архангела Михаила; одиннадцать пугвицъ золоты, велики, прорезные, съ каменьи, сняты съ Государева платна перваго наряду — отласъ золотной по бѣлой землѣ травы велики золоты съ шейки съ лазоревыми да съ зелеными, скроено въ нынѣшнемъ во рн҃ѕ году, Марта въ к҃д день. И сіе платно отослано на казенной дворъ къ казначею и къ дьякамъ. »

Царскій гробъ, при выносѣ тѣла, покрывался собственно платномъ (3), а не шубою, какъ сказано въ описи 1648 года: объ этомъ покровѣ упоминается въ описи большаго наряда Государя Царя Михаила Феодоровича: « Платно, 2-го наряду, по серебреной по шитой землѣ аксамичено золотомъ.... » Въ прибавленномъ примѣчаніи сказано: « покрытъ тѣмъ платномъ гробъ блаженныя памяти Государя Царя и В. К. Михаила Феодоровича всея Русіи, какъ несли изъ хоромъ и въ церквѣ у Архангела Михаила. — А исподъ горностайной снесенъ въ казну того жъ числа. »

(1) Въ описи 156 (1648) года, подъ № 134, упомянуто объ единствѣ покроя платна и опашня: «Платно, а опашень тожъ, отласъ золотной земля серебрена, скроенъ во 156 году Марта 23-го изъ турскаго кафтана, взятъ изъ казны блаженные памяти Государя Царя и В. К. Михаила Феодоровича всея Русіи....» листъ 5.

(2) Арх. Ор. Пал. № 134, листъ 5, на оборотѣ.

(3) «А на выносѣ блаженныя памяти Великаго Государя Царя и В. К. Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, тѣло во гробу покрыто было его жъ Великаго Государя Царскимъ платномъ, бархатъ виницейскій золотой аксамиченъ, на немъ травы шелкъ червчатъ да зеленъ, круживо низано жемчугомъ, — безъ пугвицъ; а по верхъ платна покрыто было аксамитомъ по золотой землѣ петельчетымъ, по немъ коруны и травы золоты съ серебромъ.» Выходная книга 1676 года.

ВЕРХНІЙ

ХОЛОДНЫЙ ЦАРСКІЙ КАФТАНЪ,

БАЙБЕРЕКОВЫЙ (1) ГЛАДКІЙ.

(Рисун. Отд. II. № 52, 53, 54, 55.)

Въ описи «*Платью Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича*» (2), этотъ кафтанъ означенъ въ числѣ верхнихъ холодныхъ:

«Байберекъ маковой, круживо золото съ серебромъ, опушенъ собольми, подкладка камка ала.»

На немъ недостаетъ соболей опушки; но, при поступленіи платья *въ отставное,* украшенія перешивались на новое. Такъ на примѣръ съ подобнаго же кафтана рудожелтой объяри «подпушка съ подолу снята и подшита подъ объяриной алой кафтанъ.»

(1) Шелковая ткань затканная золотомъ и серебромъ, или гладкая. По описямъ Китайская и Турецкая. Арх. Оруж. Пал. *Алфавитъ,* подъ букв. Б. № 259. Опись 148 (1640) года, № 678: листъ 271: «Байбереку зеленово Турецково 18 арш. цѣна по 30 алтынъ аршинъ.»

(2) Арх. Ор. Пал. № 143, листъ 23.

УКРАШЕНІЯ ЦАРСКИХЪ ОДЕЖДЪ.

(Рисун. Отд. II. № 56, 57, 58.)

Украшенія Царскихъ одеждъ, кромѣ накладныхъ ожерельевъ, запястьевъ и проч., состояли изъ золотыхъ и серебряныхъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями кружевъ, нашивокъ, запонъ, запонокъ, узловъ, пуговицъ, ворворокъ, крючковъ, завязокъ и петель.

Кружева были: низаныя, плетеныя и цѣпковыя.

Низаныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, по бархату, принадлежали собственно царскимъ платнамъ; напримѣръ, въ описи 1682 года: (1)

« *Кружива низаные съ Царскихъ платенъ:*

— « По червчатому бархату низаны жемчугомъ мѣлкимъ; въ нихъ каменье — искры яхонтовые и изумрудные и бирюзы; а по осмотру, пять мѣстъ порозжихъ. Въ нихъ запоны косые. » и т. д.

Кружива съ становыхъ кафтановъ:

— « По червчатому отласу низаны жемчюгомъ, съ канителью и струнцаломъ » (2).

— По бѣлому отласу низаны жемчюгомъ мѣлкимъ съ канителью и струнцаломъ въ травахъ птицы сирины.

« *Кружива съ опашней:*

(1) Арх. Ор. Палаты. № 140, листъ 541 — 593 — 596.

(2) Вѣроятно, выбивными изъ серебряной фольги звѣздочками, цвѣтами, травами и проч. изображеніями.

— «Низано жемчюгомъ прорѣзное да пятнадцать гнѣздъ нашивки такой же.»

— «Низаны репейками струнцаломъ; пятнадцать гнѣздъ нашивки; варворки низаны жемчюгомъ» и проч.

« *Кружива плетеные :* »

— «Плетеного широкого золото съ серебромъ, шириною въ полпята вершка ($4\frac{1}{2}$ вер.) безъ городовъ, мѣрою одиннадцать аршинъ, вѣсомъ девять фунтовъ, 60 золотниковъ. Въ ҂зрче (1687) году сіе круживо нашито къ завѣсѣ отласъ алъ травы золотые, вмѣсто подзору, х кровати позолоченой Великаго Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Алексѣевича, въ хоромы.»

« *Кружива цѣпковые :* »

— «Золото съ серебромъ, съ зеленымъ да съ алымъ шолкомъ.

— «Серебряное волоченое, средина золотная пряденая съ репьями.

— «Волоченое золотное, основа шолкъ шемаханской и пр.»

нашивки : «Нашивка золотая съ краснымъ да съ зеленымъ финифтомъ двѣнадцать гнѣздъ, въ нихъ по десяти алмазовъ въ гнѣздѣхъ, итого сто двадцать алмазовъ да двѣнадцать пуговицъ золотыхъ, въ нихъ по семи алмазовъ; нашита на объяри золотной; да у той же нашивки кисти золоты пряденого золота, въ нихъ двадцать четыре лала. ҂зрч (1682) году Іюля ӷі (13) да Іюля въ кє (25) день, да Августа въ ӷі день, по указу Великихъ Государей изъ сей нашивки одиннадцать гнѣздъ отдано въ вѣнецъ межъ запанъ и въ убрусъ и въ ожерелье къ образу Пресвятые Богородицы Владимерскіе, что въ Большомъ Успенскомъ соборѣ. Приказалъ записать бояринъ Князь Петръ Ивановичъ Прозоровской.» (1)

— «Девять гнѣздъ, въ нихъ въ нашивкѣ по три репейка золоты, въ репейкахъ по яхонтику да по изумруду; кругъ каменья по четыре зерна кафимскихъ; репьи обнизаны жемчюгомъ, подложены отласомъ червчатымъ; а по осмотру осмнадцати зерень кафимскихъ да трехъ камневъ нѣтъ.»

— «Семнадцать гнѣздъ нашивки низано по червчатому отласу струнцаломъ, у ней пятнадцать кляпышей обнизаны струнцаломъ же.

— «Десять гнѣздъ дѣлано изъ волоченаго золота струнцаломъ репьями, въ репьяхъ и кругъ репьевъ вставлены зерна кафимскіе мѣстами.

(1) Арх. Ор. Пал. № 140. листъ 381.

— « Двѣнадцать гнѣздъ низано жемчюгомъ мѣстами струнцаломъ, въ ней цвѣтки шолковые зеленые и лазоревые.

— « Четырнадцать гнѣздъ низано жемчюгомъ, мѣстами струнцаломъ; въ ней цвѣтки шолковые зеленые и лазоревые.

— « Пятнадцать гнѣздъ, дѣлана изъ волоченого золота съ узлы и съ кистьми, пугвицы обнизаны жемчюгомъ витые Греческого дѣла, въ нихъ въ закрепкѣ яхонтъ червчатой. » (1)

запоны. Запоны нашивались на кафтаны, на діадимы и на шапки:

— « Запона золотая съ розными финифты, въ ней орелъ, у орла въ грудяхъ алмазъ великъ гранен, надъ орломъ въ коронѣ девятнадцать искръ алмазныхъ; въ крестѣ четыре алмазца, въ крыльяхъ сорокъ два алмазца; подъ ногами въ яблокѣ двѣнадцать искръ алмазныхъ; въ хвостѣ шесть искръ алмазныхъ; кругъ запоны, по сторонамъ, двадцать алмазцовъ граненыхъ. р҃ч (1682) Іюля въ к҃д день, сія запана на шапку, Великаго Государя Царя и Великого Князя Іоанна Алексѣевича, бархатъ двоеморхъ жаркой цвѣтъ, на переднюю прорѣху. »

— « Запана золотая, круглая, прорѣзная, въ ней въ срединѣ изумрудъ великъ четвероуголенъ граненъ, да по сторонамъ шестнадцать изумрудовъ въ золотыхъ гнѣздехъ. р҃ч (1682) Іюля въ г҃і день, по указу Великихъ Государей сія запана отдана въ Приказъ золотыхъ дѣлъ въ коруну къ образу Пресвятые Богородицы Владимерскіе, что въ большомъ Успенскомъ Соборѣ. » (2)

« Запана золотая съ кровелькою, на кровлѣ наведено розными финифты, съ низу вставлено алмазъ граненой, да по сторанамъ двѣнадцать алмазцевъ граненыхъ же, да шестьдесятъ искръ алмазныхъ граненыхъ же; *въ срединѣ запоны, за кровлею, персона Королевская.* (3)

— « Птица золотая въ ней въ зобу лалъ великъ продолговатъ, около восмь алмазцовъ; въ шеѣ двадцать искръ яхонтовыхъ червчатыхъ; въ головѣ и въ носу шесть искръ яхонтовыхъ червчатыхъ, да искра изумрудная; въ крыльяхъ

(1) Опись № 140, листъ 580.
(2) По описи подобныхъ запонъ на украшеніе образа Владимірской Божіей Матери, выдано, сверхъ упомянутой, двѣнадцать.
(3) Оп. Ор. Пал. № 140, листъ 375.

по алмазу, да потри искры яхонтовыхъ червчатыхъ, да по искрѣ изумрудной; подъ крыльями два зерна кафимскихъ; въ кохтяхъ у крыла по конецъ два зерна кафимскихъ на спияхъ; въ хвостѣ въ срединѣ яхонтъ червчатъ, да пять алмазовъ, да три яхонтика червчатыхъ, да четыре искры яхонтовыхъ червчатыхъ; у хвоста три зерна кафимскихъ; на спинѣ у птицы чепочка золотая.

запонки: (1)

— «Запанка золотая, съ розными финифты, узломъ, въ ней сорокъ семь алмазцовъ и искръ алмазныхъ граненыхъ. ҂рч (1682) года Іюня въ кд (24) день, сія запана нашита на шапку Великому Государю Царю и Великому Князю Іоанну Алексѣевичу, бархатъ алъ гладкой, на заднюю прореху.

— «Три запанки (2) золотыхъ круглыхъ съ бѣлымъ финифтомъ, въ нихъ по яхонту лазоревому осмероугольному, кругъ ихъ по шти искръ яхонтовыхъ червчатыхъ. ҂рч года Іюля въ ді (19) день, двѣ запанки отнесены въ хоромы Государыни Царевны и Великіе Княжны Татьяны Михайловны, приняла боярыня Княгиня Анна Андреевна Мещерская.»

узлы: (3)

— «Два узла низаны жемчугомъ съ каменьи, въ нихъ по двадцати изумрудовъ, по шти лаловъ; а по осмотру на одномъ узлу двух изумрудовъ нѣтъ. ҂рч года Августа въ г день, изъ сихъ узловъ камень тридцать восмь изумрудовъ да двѣнадцать лаловъ отданы въ Золотую полату къ образу Пресвятые Богородицы Владимерскіе что въ большомъ Успенскомъ Соборѣ.»

— «Два узла низаны жемчугомъ, въ нихъ двѣ запаны алмазныхъ въ золотыхъ гнѣздахъ; въ нихъ шесть алмазовъ да двѣ запаны въ золотыхъ же гнѣздехъ; въ нихъ по шти алмазцовъ да по коркѣ алмазной; въ гнѣздахъ же по десяти яхонтовъ червчатыхъ.»

пугвицы: (4)

— «Девять пугвицъ золоты, прорезные, розъемныхъ, съ алмазы и съ розными финифты; посреде ихъ обручики съ червчатыми яхонтики, съ

(1) Оп. Ор. Пал. № 140, листъ 350 на оборотѣ.
(2) Оп. Ор. Пал. № 140. листъ 354.
(3) Оп. Ор. Пал. № 140, листъ 385.
(4) Оп. Ор. Пал. № 140, листъ 429.

Царского платна; а по осмотру въ трехъ пугвицахъ нѣтъ по два яхонтика.»

— «Двѣнадцать пугвицъ золоты прорѣзные съ розными финифты, въ нихъ по два яхонтика червчатыхъ, по два изумрудца въ закрѣпкахъ, по зерну гурмыцкому. ҂рч года Іюня въ кд день сіе пугвицы нашиты Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцемъ на царскіе платна объярь серебрена мяхкая по ней травки золоты съ розными финифты.»

— «Двѣнадцать пугвицъ изумрудныхъ большихъ на золотыхъ спняхъ въ закрѣпкахъ по яхонту червчату. ҂рч года Іюня въ кд день сіе пугвицы нашиты Великимъ Государемъ на царскіе платна обьярь серебрена по ней коруны золоты съ низаными круживы.»

— «Шесть пугвицъ золоты съ розными финифты, велики; въ нихъ въ закрѣпкѣ по алмазу граненому, кругъ закрѣпки по осьми алмазовъ граненыхъ же, сняты съ платна, блаженные памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Ѳеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, отласъ виницѣйской по червчатой землѣ.»

петли: (1)

— «Четыре петли низаны жемчугомъ по бѣлому отласу; въ нихъ по счету триста шестьдесятъ зеренъ; положены въ коробочку.

— «Четыре петли низаны жемчугомъ, въ нихъ по счету двѣсти восмь зеренъ.

— «Три петли низаны жемчугомъ, въ нихъ по счету восмьдесятъ три зерна.

петли съ шапокъ: (2)

— «Четыре петли, въ нихъ по счету двѣсти восмь зеренъ. ҂рч года, сіе петли нашиты на шапку Великого Государя Царя и Великого Князя Іоанна Алексѣевича—бархатъ лимонной цвѣтъ.

— «Четыре петли, въ нихъ по счету двѣсти восмь зеренъ. ҂рч года Іюня въ.... день сіе петли нашиты на шапку — Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексѣевича — бархатъ лимонной цвѣтъ.

(1) Оп. Ор. Пал. № 140, листъ 453.
(2) Оп. Ор. Пал. № 140. листъ 457.

варворки: (1)

— «Пять сотъ семьдесятъ четыре низаны жемчугомъ съ канителью.

крюки: (2)

— «Крюки золоты съ розными финифты, въ нихъ сто четырнадцать алмазовъ граненыхъ, да четыре искры алмазныхъ же. ρ҃ı года Іюля въ г҃ı день, по указу Великихъ Государей, сіе крюки отданы въ Золотую Палату въ вѣнецъ къ образу Пресвятые Богородицы Владимерскіе, что въ Соборѣ Успенія Пресвятые Богородицы.»

— «Крюки золоты съ розными финифты въ нихъ сто восмьдесятъ четыре алмаза большихъ и малыхъ граненыхъ и искръ алмазныхъ. ρч҃ года Іюля въ г҃ı день, по указу Великихъ Государей, сихъ крюковъ два звена стороннихъ отдано въ приказъ золотыхъ дѣлъ въ вѣнецъ къ образу Пресвятые Богородицы Владимерскіе, что въ большомъ Успенскомъ Соборѣ.»

— «**петля** отъ крюка (3) золотая съ финифты, въ ней шесть искръ алмазныхъ да двадцать девять яхонтовъ червчатыхъ.»

— «**звѣно** золото отъ крюковъ, въ немъ двадцать алмазцовъ да два яхонта червчатыхъ.

— «**плащь** отъ крюка въ немъ двадцать восмь яхонтовъ да двѣнадцать искръ алмазныхъ...»

завязки ферезей: (4)

— «Пятеры золото съ серебромъ съ кистьми варворки, низаны жемчугомъ. ρч҃є года, Декабря въ к҃г день сіе завяски поданы...»

— «Трои золотные съ кистьми варворки низаны жемчугомъ.

— «Двои золотные съ кистьми безъ варворокъ.

образцы съ кафтановъ ѣздовыхъ: (5)

— «Восмь низаны жемчугомъ кафимскимъ, въ нихъ алмазы и искры яхонтовые червчатые.»

— «Восмь *единороговъ*, да *грифъ*, низаны жемчугомъ скатнымъ.»

— «Пять гнѣздъ шолкъ свѣтлозеленъ съ золотомъ съ кистьми, варворки канительные серебряные.»

(1) Оп. Ор. Пал. № 140, листъ 591. (2) листъ 339. (3) листъ 341. (4) листъ 585. (5) листъ 587 и 588.

ЦАРСКІЯ МѢСТА,

ПРЕСТОЛЫ И КРЕСЛА.

Въ древности Великокняжескіе престолы или троны назывались *столами,* и преимущественно *златыми* и *отними* (отеческими, наслѣдственными). При Царяхъ — *Царскими мѣстами,* а носимые въ походахъ и при выходахъ въ храмы, на мѣста смотровъ войскъ и пр. *креслами* (1) и *Царскими стульями.* (2)

(1) *Креслами,* вѣроятно, въ старину назывались складные стулья крестъ-на крестъ.

(2) По Санскр. स्थल (стъала) мѣсто, возвышеніе, вообще сѣдалище.

ЦАРСКОЕ МѢСТО

ЦАРЯ И В. К. МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА.

(Рисун. Отд. II. № 59, 60, 61.)

Въ описи казны Царя Михаила Ѳеодоровича, 1640 года, упоминается объ нихъ вкратцѣ:

«Мѣсто Царское обложено золотомъ съ каменемъ съ большимъ и съ малымъ и съ искрами и съ жемчуги съ большими; на немъ влагалище суконное, съ верху багрецъ, а съ низу на страфиль черленъ; у влагалища по краемъ снурокъ шолковъ черленъ; изъ мѣста изъ пяти гнѣздъ каменье большіе выняты и заверчены въ бумашку и привязаны къ тому мѣсту; а сказалъ дьякъ Гаврила Облезовъ, что тѣ каменья вынеты по Государеву имянному приказу для осмотру Государю.»

Въ описи 184 (1676) года изчислены еще болѣе недостающіе въ креслахъ драгоцѣнные камни, разтерянные въ походахъ:

«Кресла оправлены золотомъ съ каменьи съ бирюзы съ большими и съ малыми и съ лалами и съ бечетою; (2) а по осмотру на правой сторонѣ на нижнемъ перететивьѣ съ передчево конца золота и съ каменьемъ нѣтъ; да на той же ножкѣ съ боку золота съ каменьемъ же нѣтъ на той же ножкѣ съ зади золота съ каменьями жъ нѣтъ, да на перететивьѣ подъ подушкою съ стороны каменья нѣтъ большово; съ верху ручной помочи

(1) Оп. Ор. Пал. № 678, листъ 50 на оборотѣ.
(2) Оп. Ор. Пал. № 155, листъ 236.

задней стоячей столбикъ переломленъ и золотца поотодрано; да на томъ же столбикѣ на верху каменя или жемчугу нѣтъ; да на томъ же столбикѣ яблочко помято; да съ лѣвой стороны на нижнемъ перететивьѣ съ стороны дву каменей большихъ нѣтъ; да съ переди на концѣ каменя нѣтъ; да съ верху подушки съ стороны каменя жъ нѣтъ; да съ зади на стоячемъ столбикѣ съ стороны каменя нѣтъ да изнутри на томъ же стоячемъ столбикѣ подъ верхнимъ перететивьемъ каменя нѣтъ; да на томъ же столбикѣ на верху на яблочкѣ каменя нѣтъ или жемчюжного зерна; да съ переди на нижнемъ перететивьѣ каменя нѣтъ; да на стоячемъ столбикѣ съ лѣвой стороны дву каменей нѣтъ; да съ правой стороны на стоячемъ столбикѣ каменья нѣтъ.»

По описи 1663 — 1664 года, эти кресла *были въ походахъ:* «Другіе кресла скаменьи съ яхонты и съ изумруды съ червчатыми и лазоревыми и съ бирюзами, да назади два камня хрусталя большихъ и съ жемчюги, верхней правой столбикъ съ ручные помочи сломленъ, въ одной ножки золото ободрано и съ каменьи. Были въ походахъ.»

Въ сказаніи Петрея о коронованіи Марины Мнишекъ, упоминается объ этомъ Царскомъ мѣстѣ, какъ о присланномъ въ даръ отъ Персидскаго Шаха Царю Іоанну Васильевичу Грозному:

«Этотъ тронъ, на которомъ сіяло 600 алмазовъ, 600 рубиновъ, 600 сафировъ, 600 смарагдовъ и 600 бирюзъ, нѣкоторыя въ половину голубинаго яица, былъ подаренъ Персидскимъ шахомъ Іоанну Васильевичу Грозному.»

По описи Оружейной Палаты 1835 года, эти кресла, издавна поставляемыя во время коронованія Царицы, въ Успенскомъ соборѣ, заключаютъ въ себѣ на золотой основѣ, кромѣ упоминаемыхъ въ описи 1676 года недостающихъ камней: 1325 яхонтовъ, въ томъ числѣ нѣсколько лалловъ, 559 бирюзъ, большихъ жемчужинъ и раковинъ жемчужныхъ 16, сафировъ 28, аметистовъ 15, хризолитовъ и камней подъ хризолитъ 21, и нѣсколько поддѣльныхъ изумрудовъ.

КРЕСЛА АЛМАЗНЫЯ

ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(Рисун. Отд. II. № 62, 63, 64, 65, 66.)

Въ книгѣ Персидскихъ пріѣздовъ (подъ № 14) (1) упоминается, что «7168 (1660) года Великому Государю Царю Алексѣю Михайловичу челомъ ударилъ Кизилбашскаго шахова ближняго человѣка Ихто Модевлетевъ купчина Армянинъ Захарей Сарадаровъ, въ дарехъ: *Кресла оправлены золотомъ съ камени съ алмазы и съ яхонты и съ жемчюги, по оцѣнкѣ 22,591 руб. 20 алтынъ.*»

Въ вознагражденіе за эти кресла въ числѣ другихъ, поднесенныхъ Царю Алексѣю Михайловичу торговой компаніей Арменіи, даровъ, пожаловано Государемъ 4000 руб. сереб. и 19,000 р. мѣдью.

Въ описи 184 (1676) года (2) заключается подробное описаніе алмазныхъ креселъ:

« *Кресла большіе алмазные оправлены золотомъ съ камени* съ алмазы и съ яхонты и съ искры яхонтовыми; на верхней цкѣ изнутри сто двадцать каменей алмазовъ и въ томъ числѣ пятдесятъ восмь большихъ да шестьдесятъ два маленькихъ, да въ серединѣ лалъ подъ верхней цкою; на перететивѣ двадцать четыре камени алмазы, да двадцать три яхонта; на корунѣ

(1) Арх. Ор. Пал. Выписка изъ Арх. Иностр. Дѣлъ, Д. Ст. Сов. Собакина, 1763 года, о дарахъ присылавшихся Царямъ и Великимъ Князьямъ иностранными державами.

(2) Арх. Ор: Пал. № 155, листъ 233.

двадцать одинъ камень алмазовъ; да на перететивьѣ нижнемъ подъ коруною двадцать четыре алмаза да двадцать четыре яхонта; на корунѣ жъ три веревочки жемчугу счетомъ сто одно зерно у дву человѣкъ, которые коруну держатъ на нихъ по сороку по четыре зерна жемчугу, да подъ коруною письмо обнизано жемчюгомъ по счету двѣсти семнадцать зеренъ; да на нижномъ перететивьѣ, гдѣ живетъ подушка, подъ подушкою на задней цкѣ двадцать два камени алмаза да двѣнадцать камней яхонтовъ червчатыхъ.»

«Отъ подножія на переднихъ цкахъ по подушку сто двадцать четыре камени алмазовъ да семьдесятъ восмь яхонтовъ червчатыхъ.»

«На правой сторонѣ на стоячемъ столбикѣ отъ подножія до ручной помочи шестьдесятъ восмь каменей алмазовъ да сорокъ девять яхонтовъ червчатыхъ.»

«Да на нижнемъ перететивьѣ на правой же сторонѣ, гдѣ подушка лежитъ, четырнадцать алмазовъ да восмь яхонтовъ червчатыхъ.»

«На ручной помочи съ трехъ сторонъ сто двадцать шесть каменей алмазовъ да семьдесятъ девять яхонтовъ червчатыхъ.»

«Да на правой же сторонѣ на стоячемъ заднемъ столбикѣ съ дву сторонъ восмьдесятъ семь каменей алмазовъ да сорокъ три яхонта большихъ и малыхъ.»

«На лѣвой сторонѣ на стоячемъ столбикѣ отъ подножія до ручной помочи съ дву сторонъ шестьдесятъ восмь каменей алмазовъ въ гнѣздахъ да сорокъ девять яхонтовъ червчатыхъ въ гнѣздахъ же.»

«Да на нижнемъ перететивьѣ гдѣ подушка лежитъ четырнадцать каменей алмазовъ да восмь яхонтовъ червчатыхъ.»

«На ручной помочи съ трехъ сторонъ сто двадцать шесть каменей алмазовъ да семьдесятъ два камени яхонтовъ червчатыхъ.»

«Съ лѣвой же стороны на стоячемъ заднемъ столбикѣ съ дву сторонъ восмьдесятъ восмь каменей алмазовъ да сорокъ два яхонта большихъ и малыхъ.»

«А на тѣхъ на всѣхъ креслахъ на столбикахъ и на перетивьяхъ золото съ каменьемъ отъ дерева отстали и каменье въ гнѣздахъ шатаются.»

«Да на тѣхъ же креслахъ каменья нѣтъ: на лѣвой ручной помочи съ краю стороны камени нѣтъ большого алмаза съ гнѣздомъ, да трехъ каменей яхонтовъ съ гнѣзды нѣтъ, да дву каменей въ гнѣздахъ нѣтъ.»

« Да на передней цкѣ отъ подножія камени алмаза нѣтъ съ гнѣздомъ. »

« Да на правой ручной помочи съ стороны нѣтъ дву алмазовъ да четырехъ яхонтовъ. »

« Да на заднемъ стоячемъ столбикѣ большого камени алмаза нѣтъ съ гнѣздомъ. »

« Да на перететивьѣ подъ верхнею цкою повыше коруны въ гнѣздѣ нѣтъ алмаза. »

« Да съ тѣхъ же кресел выпало пять каменей яхонтовъ да алмазъ въ гнѣздахъ золотыхъ. »

« На креслехъ чахолъ обьярь по алой землѣ струя серебреная шолкъ бѣлъ да рудожолтъ на ней двадцать двѣ пугвицы серебреныхъ бѣлыхъ, подкладка киндякъ лазоревой подушка дороги жолтые.

« Другой чахолъ бархатъ черной подложенъ кумачемъ краснымъ подпушенъ дорогами жолтыми на немъ пришито двадцать двѣ пугвицы серебряны; великому Государю тѣми креслами челомъ ударилъ Кизылбашского Шахова ближнего человѣка и хтомодевлетовъ купчина Захарей, цѣна кресламъ и съ чехлами пятнадцать тысячь восмь сотъ восмьдесятъ одинъ рубль шесть алтынъ четыре деньги. »

Въ настоящемъ видѣ въ алмазныхъ креслахъ заключается 876 алмазовъ разной величины, лалъ, 1223 яхонта, бирюзовыя коймы и три нитки жемчугу низаннаго по бархату вокругъ слѣдующей надписи на спинкѣ: « Potentissimo et invictissimo Moscovitarum Imperatori Alexio, in terris feliciter regnanti, hic thronus, summa arte et industria fabrefactus, sit futuri in cœlis et perennis faustum felixque omen. Anno Domini 1659 » т. е. могущественнѣйшему и непобѣдимѣйшему Московіи Императору Алѣксію, на землѣ благополучно царствующему, сей престолъ великимъ искусствомъ содѣланный, да будетъ предзнаменованіемъ грядущаго въ небесахъ вѣчнаго блаженства. Лѣта Христова, 1659. »

На вершинѣ спинки, придѣланныя въ послѣдствіи литые изъ золота: по срединѣ двуглавый орелъ, на столбикахъ лики Апостола Петра и Николая Чудотворца.

Въ этихъ большихъ креслахъ Царь Алексѣй Михайловичь легчился (пускалъ кровь изу руки и рожечную кровь). Опишемъ обрядъ этотъ изъ выходныхъ книгъ:

« Маія въ 26 день (1662) Великій Государь легчился, билъ у руки жилу соколъ въ своихъ Государевыхъ хоромехъ, въ золотой. А на Государѣ было платья : ферези, отласъ бѣлъ, исподъ пупки собольи ; рука подвязана тафтою алою. Сидѣлъ Государь въ болшихъ крѣслахъ; (1) а въ золотой былъ нарядъ съ Казеннаго двора : на столѣ коверъ серебренъ по червчетой землѣ, полавошники золотные что съ разводами ; на конникахъ ковры золотные: на дву окнахъ ковры шитые золотные по бѣлому да по червчетому отласу, на третьемъ окнѣ коверъ Кизылбаской золотной. Да изъ Государевы Мастерскія полаты, изъ черной деревяной нѣмецкой шкатулы, поставлено было въ середнемъ окнѣ оптекарскихъ сосудовъ: лахань лосчета золочена; миса лосчета золочена съ двѣмя рукоятки; чарка круглая золочена съ двѣмя пелюздки ; чарка золочена съ одною пелюскою ; стоканъ на поддонѣ золоченъ; двѣ стопы круглыя невелики съ колцы, въ нихъ и кровелки золочено; двѣ коробочки, въ нихъ и на кровелкахъ золочено, на нихъ же травки рѣзныя; солоночка золочена съ солью; крушка съ носкомъ и съ рукояткою, въ ней вѣнецъ и поддонъ золоченъ, стояла съ уксусомъ ренскимъ (вынята была изъ шкатулы коженой черной); двѣ ложки золочены, стебли точеные костеные, одна съ дирки; тазы мовные серебрены. Да съ казенного жъ двора поставлены были : два кувшина болшихъ серебрены съ орлами, да кружка серебрена съ водою теплою ; а воду взносили съ Сытного дворца, изъ выемки, въ оловеникахъ. »

(1) При легченіи Маія 15, 1663; Іюня 3, 1664; Маія 10, 1665; Іюня 16, 1666; сказано: « въ большихъ крѣслахъ, что съ каменьи съ казеннаго двора. »

ЦАРСКОЕ МѢСТО

ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА IV.

(Рисун. Отд. II. № 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73.)

Изображенный на рисункѣ № 67 престолъ, называемый, по находящейся на немъ рѣзьбѣ, представляющей событія перваго Царскаго вѣнчанія, Мономаховымъ, составляетъ издавна царское мѣсто въ Соборномъ храмѣ Успенія Пресвятой Богородицы.

По слѣдующему сказанію одного рукописнаго Сборника XVI столѣтія (1) это Царское мѣсто устроено въ 1552 году, Сентября въ 1 день:

« Благоволеніемъ, иже Вездѣсущаго Бога въ Троицы славимаго, неизрѣченною силою вся содержащаго Содѣтеля Владыки всей твари, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ, иже неизрѣченнымъ Его Промысломъ, и Превеликою Его Благодатью, и превысокою Его мышцею и Вседержительною десницею Господа нашего Іисуса Христа, сице благоизволеніемъ совершенныя, въ Богоспасаемомъ православномъ и въ великомъ преименитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, во святѣй Соборней и Апостольстей церкви Пресвятыя Владычицы нашея Богородица и Присподѣвы Марія, честнаго и славнаго Ея Успенія, преславно вѣнчанъ бысть на Царство всея Руси, сія дрьжавы благочестивый и благовѣнчанный Царь и Государь благовѣрный Великій Князь Иванъ Васильевичъ, Владимерскій и

(1) Въ библіотекѣ М. П. Погодина. См. статью г. Забѣлина въ 11 номерѣ «Москвитянина» за 1850 годъ.

Московскій, и Ноугородцкій, и Псковскый, и Смоленскій, всея Русіи Самодержецъ, по закону совершеннаго Царьскаго поставленья и всесвященнаго мѵропомазаніемъ, на престолѣ древняго достоянія отеческаго благословенія и прародительскаго его наслѣдія, благословеніемъ и рукоположеніемъ первосвятителя Преосвященнаго Митрополита всея Руси киръ Макарія и всего, яже о немъ, пречестнаго и святаго и освященнаго Собора и препменитаго свѣтлаго Царскаго синклита; еже бысть въ лѣто 7055 Генваря 20; шестое надесять лѣто отъ рожества его. Якожъ свидѣтельствуетъ о немъ въ лѣтописаньѣ о царьскомъ ихъ поставленьѣ на златоукрашенныхъ в затворехъ мѣста сего. Сіе же Царьское мѣсто, еже есть престолъ устроенъ бысть въ лѣто 7060 (1551) мѣсяца Сентеврія въ 1 день; въ пятое лѣто державы Царства и Государства его.»

«Подъ мѣстомъ Царя и Государя и Великаго Князя звѣрь, а ему три имена: *лютой, левъ, скиментъ;* (1) второй звѣрь *уена* (гіэна), третій *орелъ,* четвертый *оскроганъ,* (2) пятый *оскроганъ* же.»

По этому описанію и по нѣкоторымъ слѣдамъ подъ грубой окраской престола видно, что онъ первоначально былъ раскрашенъ цвѣтными красками съ позолотой.

По вѣнцу престола вырѣзана надпись библейская, относящаяся къ Богоизбранному Царю: «Рече Господь: Азъ избрахъ тя въ Царя, взяхъ тя за десницу твою и устроихъ тебе обладати людьми Моими, во вся дни живота твоего. Аще ходиши по заповѣдемъ моимъ и твориши волю Мою дамъ тебѣ сердце смысленно и мудрость, и будеши яко не бы тако ни единъ въ царѣхъ, прежъ тебе и по тебѣ не будетъ. И аще твориши судъ и правду посредѣ земля, и слышиши воздыханіе и слезы сущихъ въ скорбѣхъ, и милость и управленіе твориши имъ вскорѣ, умножу лѣтъ живота твоего, и дамъ тебѣ одолѣніе на враги, и дамъ гоби (*обилія*) па земли, на умноженіе плодовъ земныхъ. Возставлю сѣмя твое, и устрою царство ваше и престолъ вашъ до вѣка. И буду вамъ во Отца и вы будете ми въ сыны. Къ симъ же еже и не просиши у Мене дамъ ти славу и богатство, и покорятся ти языці. Аще пріидетъ неправда ваша, накажу васъ, милости же Моея не отъиму отъ васъ.»

(1) *Скиментъ* значитъ молодой левъ, прозваніе племени Іудина.
(2) *Оскроганъ,* неизвѣстное названіе животнаго; но вѣроятно изображеніе четырехъ животныхъ подъ трономъ имѣетъ Апокалиптическое значеніе.

На дверцахъ престола, въ четырехъ клеймахъ помѣщено повѣствованіе о присылкѣ Царскаго чина Греческимъ Царемъ Константиномъ Мономахомъ Владиміру Мономаху.

Это повѣствованіе взято изъ сказанія «о поставленіи Великихъ Князей Россійскихъ на Великое Княженіе святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ, откуду бѣ и како начаша ставитися.»

На двухъ боковыхъ и на задней стѣнкѣ престола это сказаніе изображено въ рѣзныхъ по дереву двѣнадцати барельефахъ, съ надписями:

На первомъ барельефѣ (Рис. № 68 изоб. 1) Владиміръ Мономахъ посреди палатъ на престолѣ, въ шапкѣ великокняжеской, сверхъ кафтана платно, въ лѣвой рукѣ свертокъ. По лѣвую руку его отрокъ великокняжескій; по обѣ стороны престола на стульяхъ возсѣдаютъ Князья, за ними Бояре въ опашняхъ, у Бояръ подъ шапками татарскія тафьи или такьи.

Надъ изображеніемъ надпись: «Благовѣрный и Великій Князь Владиміръ Кіевскій Манамахъ совѣтъ творяше съ Князьми своими и съ бояры, повѣдая имъ храбрость прародителей своихъ, како имали дань съ Царя–града.»

На второмъ барельефѣ (рисун. № 68 изоб. 2) Великій Князь Владиміръ Мономахъ выѣзжаетъ изъ вратъ Кіевскихъ въ сопровожденіи бояръ къ войску и назначаетъ воеводу. Въ Кіевѣ видѣнъ пятиглавый храмъ; въ войскѣ хоругвь съ ликомъ Богоматери; всадники въ шлемахъ съ бармицами и мисюрками, въ латахъ и кольчугахъ; у нѣкоторыхъ сверхъ кольчугъ плащи.

Надпись: «Благовѣрный Князь Великій Владимеръ отбираетъ воеводы искусны и благоразсудны и поставляетъ чиноначальники, тысушники, сотники и пятдесятники, елика воинскому искусу подобаетъ.»

На третьемъ барельефѣ (рис. № 69 изоб. 1) изображены всадники войска Русскаго на походѣ въ Грецію. На воеводѣ шлемъ съ городами и съ еловцемъ; сверхъ латъ плащь, на шеѣ гривна златая, или какъ въ послѣдствіи называли *золотой*. При бедрѣ колчанъ стрѣлъ. Хоругвь съ ликомъ Божіей Матери, знамя съ крестомъ.»

Надпись: «Великого Князя Владимера войско ѣдутъ во области Фракійстіи.»

На четвертомъ барельефѣ (рис. № 69 изоб. 2) рать Владиміра, вооруженная копьями и стрѣлами передъ воротами Фракійскаго града. На го-

родской стѣнѣ вмѣсто войска изображена сказочная царевна съ своей наперсницей.

Надпись: «Великого Князя Владимера воеводы приступиша къ Фракійскому граду.»

На пятомъ барельефѣ, (рис. № 70 изоб. 1) на второмъ планѣ, сраженіе передъ градомъ; на первомъ, на возу, запряженномъ въ двѣ лошади, гусемъ, управляемыми возницей, сидящимъ верхомъ на коренной, везутъ добычу. Возъ сопровождаетъ всадникъ; за возомъ идутъ плѣнники съ связанными руками.

Надпись: «Великого Князя Владимера воеводы плениша веси Фракійскія.

На шестомъ барельефѣ (рис. № 70 изоб. 2) жители умоляютъ побѣдителей о пощадѣ, между тѣмъ какъ связанныхъ плѣнныхъ воиновъ ведутъ на арканѣ въ Россію.

Надпись составляетъ продолженіе надписи шестаго барельефа: «и возвратишася со многимъ богатствомъ.»

Седьмой барельефъ (рисун. № 71 изоб. 1) изображаетъ битву Греческой рати передъ неизвѣстнымъ градомъ. Надпись слѣдующая: «Тогда бѣ въ Цариградѣ благочестивый Царь Костянтинъ Манамахъ, въ то время брань имѣя съ Персы и съ Латыною.»

На осьмомъ барельефѣ (рисун. № 71 изоб. 2) изображенъ Константинъ Мономахъ, на тронѣ съ царскимъ посохомъ въ лѣвой рукѣ, въ шапкѣ, въ бармахъ и наперсномъ крестѣ; по обѣ стороны его возсѣдаетъ Совѣтъ духовенства и вельможъ.

Надпись: «Благовѣрный Царь Костянтинъ Манамахъ составляетъ совѣтъ мудрый Царскій и отряжаетъ послы своя къ Великому Князю Владимеру Всеволодичю въ Кіевъ Неофита Митрополита отъ Асіа Ефесскаго и съ нимъ два Епископа Мелетиніска и Митулинска и стратига Антіохійскаго, игумена іеросалимскаго Іеустафіа и иныхъ своихъ.»

Девятый барельефъ (рисун. № 72 изоб. 1) представляетъ ограды Византіи; посреди пятиглавый храмъ. На первомъ планѣ Императоръ Константинъ Мономахъ отпускаетъ Митрополита Неофита и пословъ съ Царскимъ чиномъ и дарами къ В. К. Владимиру Мономаху. На изображеніи онъ передаетъ Митрополиту Неофиту животворящій крестъ съ цѣпью.

Надпись : « Благовѣрный Царь Костянтинъ........ честные дары Митрополиту Неофиту и епископамъ и посланникамъ и отпусти изъ Царяграда въ Кіевъ къ Великому Князю Владимеру Всеволодичю.

На десятомъ барельефѣ (рисун. № 72 изоб. 2) изображены корабли плывущіе съ посольствомъ въ Кіевъ.

Надпись : « Отпущеннымъ же имъ бывшимъ Неофиту Митрополиту........ ины мно... посланники отъ Костянтина града........ пловуще къ Кіеву.

Одиннадцатый барельефъ (рисун. № 73 изоб. 1) изображаетъ внутренность Двора Великаго Князя. Владимиръ встрѣчаетъ посольство на сѣняхъ, Митрополитъ Неофитъ благословляетъ его животворящимъ крестомъ; эпископы подносятъ златую шапку и св. бармы; одинъ изъ пословъ подноситъ чару (сердоликовую крабійцу). Подлѣ Владимира отрокъ (рындъ) держитъ посохъ его и шапку.

Надпись : « придоша посланные отъ Царяграда во градъ Кіевъ ко Володимеру Всеволодичю и принесоша къ нему царскіи и ины многи дары и прошаху у него мира. »

Двѣнадцатый барельевъ (рисун. № 73 изоб. 2) изображаетъ вѣнчаніе Владимира Мономаха, передъ пятиглавымъ храмомъ; Митрополитъ Неофитъ возлагаетъ на него Царскій Санъ. По одну сторону чертога (возвышенія) духовенство Греческое и Руское, по другую отроки Княжескіе и Бояре.

Надпись : « Вѣнчанье Благовѣрнаго Великого Князя Владимера Всеволодича Манамаха святымъ Митрополитомъ Неофитомъ. »

ЦАРСКОЕ МѢСТО

ЦАРЯ БОРИСА ѲЕОДОРОВИЧА ГОДУНОВА.

(Рисун. Отд. II. № 74, 75, 76, 77.)

Царское мѣсто, по описямъ *Персидское*, прислано въ даръ Царю Борису Ѳеодоровичу, Шахъ-Аббасомъ, въ 1604 году; оно, окованное червонпымъ золотомъ и украшенное драгоцѣнными камнями, заключаетъ въ себѣ, кромѣ мѣлкихъ камней въ каймахъ 552 яхонтовъ, лаловъ и вписсъ, 825 бирюзъ, 177 жемчужинъ и 700 половинчатыхъ зеренъ жемчугу.

Въ дѣлахъ (1) Цесарскаго двора сказано: «прислалъ шахъ съ посломъ Лачинъ-бекомъ къ великому Государю нашему мѣсто Царское золото съ лалы и съ яхонты и съ инымъ дорогимъ каменьемъ *прежнихъ великихъ Государей Персицкихъ*.»

Въ описи 1642 года: (2) *Мѣсто Персидцкое*, оправлено золотомъ съ каменьи съ бирюзами и съ вписками и съ жемчюжки, подволочено бархатомъ цвѣтнымъ по серебряной землѣ внутри и съ исподи.»

«А изъ нево вынята при Государѣ бюрюза большая и отдана въ серебряной приказъ, да мѣлкихъ камышковъ и жемчюжковъ нѣтъ во многихъ мѣстахъ.»

(1) Арх. Иностр. дѣлъ.
(2) Арх. Ор. Пал. № 681, листъ 53.

Въ описи 1676 году: (1)

« Крѣсла оправлены золотомъ съ каменьемъ съ бирюзами и съ бечетами, и съ жемчюгами; спереди нѣтъ двухъ камней съ гнѣздами, с правую сторону нѣтъ четырехъ камней болшихъ; с лѣвую сторону нѣтъ трехъ камней болшихъ; сзади нѣтъ камня болшаго; да съ зади жъ золота съ жемчюгами и камушками нѣтъ, что было прибито по швомъ трехъ вершковъ скупо, да на тѣхъ же креслахъ жемчюшковъ половинчатыхъ многихъ нѣтъ. »

(2) Арх. Ор. Пал. № 155, листъ 237.

СЕРЕБРЯНЫЙ ЗОЛОЧЕНЫЙ

ДВОЙНОЙ ТРОНЪ.

(Рисун. Отд. II. № 78, 79, 80, 81, 82, 83.)

Къ общему царствованію Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей изготовленъ былъ въ нѣсколько дней второй *большой нарядъ Царскаго чина,* и всѣ относящіяся къ оному Царскія утвари. Но въ короткое время отъ избранія Царевича Петра Алексѣевича на общее царствованіе съ братомъ, (1) не возможно бы было устроить вновь двойной престолъ; и потому, безъ сомнѣнія, хранящійся нынѣ въ Оружейной Палатѣ общій тронъ Царей Іоанна и Петра, передѣланъ изъ бывшаго при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ серебрянаго золоченаго трона, о которомъ упоминаетъ Олеарій, въ бытность свою въ Россіи, въ 1634 году:

« Мѣсто Великаго Князя (въ Золотой Палатѣ) было у противоположной входу стѣны; оно возвышалось на три ступени отъ пола, и имѣло съ четырехъ сторонъ серебряные золоченые столбцы, въ три дюйма ширины и полтора аршина вышины, на вершинѣ которыхъ были серебряные орлы. На подобныхъ же столбцахъ возвышался надъ трономъ и навѣсъ, съ четырмя башенками, на которыхъ также были серебряные орлы. Намъ сказали, что изготовляется другой тронъ, на который употреблено тысяча шестьсотъ маркъ серебра и сто двадцать унцій червоннаго золота, и ко-

(1) Избраніе рѣшилось 16 Маія; а вѣнчаніе обоихъ Царей совершено 25 Іюня 1682 года.

торый будетъ стоить двадцать пять тысячь червонцевъ. Рисунокъ для онаго дѣлалъ нѣмецъ, уроженецъ Нюренберга, по имени Исай Цинкграфъ.»

Этотъ тронъ поступилъ въ Оружейную Палату въ 1706 году, до котораго времяни находился въ Грановитой Палатѣ. Онъ весь чеканный изъ серебра съ прорѣзными украшеніями. Главныя символическія изображенія на немъ: орелъ, левъ, грифъ и единорогъ, которыя, вѣроятно, были приняты Іоанномъ III вмѣстѣ съ наслѣдіемъ герба Византійской Имперіи. Подобныя изображенія видны на державѣ присланной изъ Греціи (1); на налучіи и колчанѣ Царскаго *саадака большаго наряда*, совершенно сходнаго по работѣ съ державой; на тронѣ изъ слоновой кости, привезеннаго въ числѣ даровъ изъ Греціи, при сочетаніи бракомъ Іоанна III съ Софіею дочерью Ѳомы Палеолога, Порфирогенета и Деспота Аморейскаго и Ахайскаго. Тѣже изображенія замѣтны на нѣкоторыхъ частяхъ древняго зданія кремлевскаго Дворца, построеннаго Іоанномъ III, между барельефными изсѣченіями изъ камня.

На задней стѣнкѣ, или прислонѣ трона завѣса, шитая пряденымъ серебромъ и унизанная жемчугомъ. На ней, по срединѣ, двуглавый орелъ, а по коймамъ, между золотыми травами, двѣнадцать гербовъ царствъ и областей Россійскихъ. За завѣсой, съ лѣвой стороны прислона, находится отверстіе, въ родѣ слуховаго окна, за которымъ вѣроятно сидѣлъ наставникъ десятилѣтняго Царя Петра.

По обѣ стороны трона прорѣзные, серебряные стоянцы, для постановленія державъ (рисун. № 82).

Противъ трона три прорѣзные серебряные золоченые столбца, съ серебряными двуглавыми орлами на вершинѣ, сходные съ описываемыми Олеаріемъ.

(1) Рис. Отд. II № 20, 21, 22. Въ описаніи стр. 32.
(2) Рис. Отд. III. № 123, 124.

КРЕСЛА

РѢЗНЫЯ ИЗЪ СЛОНОВОЙ КОСТИ.

(Рисун. Отд. II. № 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100.)

По преданію, эти кресла привезены въ числѣ даровъ изъ Греціи при бракосочетаніи В. К. Іоанна III съ Царевной Софіей Палеологъ.

Въ описи казны Государева большаго наряда, (1) онѣ помѣщены въ числѣ Царскихъ стульевъ, которые хранились на Казенномъ дворѣ и отпускались въ числѣ стряпни при выходахъ въ храмы, на Іордань и проч.

« Стулъ большой костяной рѣзной яблока серебрены прорѣзные черезъ грань золочены; подъ стуломъ шесть левиковъ мѣдяныхъ золочены; верхъ отласъ турецкой по серебряной землѣ золото въ цвѣтахъ шолкъ зеленъ, подложенъ бархатомъ червчетымъ гладкимъ; тесьмы въ четырехъ мѣстехъ шолковы; шесть кистей шолкъ червчатъ съ золотомъ, ворворки низаны по камкѣ таусинной жемчюгомъ; кость попорчена во многихъ мѣстехъ и въ рм҃ году взятъ тотъ стулъ въ мастерскую, а изъ мастерскіе отнесенъ во Оружейный приказъ. »

Послѣ упоминаемой отдачи въ Мастерскую палату, вѣроятно, для исправленія, и потомъ въ Оружейный приказъ, костяныя кресла съ 1642

(1) Арх. Ор. Пал. № 681, 1642 года, листъ 54.

года и находились тамъ, какъ видно изъ описей Оружейной Большой Палаты Оружейной казны, 1687 года (1), 1701 (2) и 1711 (3):

«Кресла костеные рѣзные, на нихъ вырѣзано орлы двоеглавые съ корунами и люди и звѣри и птицы и травы; подушка бархатная и назади обита бархатомъ червчетымъ; около подушки и назади обито бахрамою золотною; на подношкахъ двѣ скобы желѣзные золочены; подъ мѣстомъ шесть яблочковъ желѣзные жъ посеребрены.

«А по нынѣшней переписи р҃ че года и по осмотру, тѣ кресла противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись; на правой сторонѣ яблоко попорчено: половина ево шшибено. Цѣна по скаскѣ Оружейной Полаты костеново и рѣзново дѣла мастеровъ Петрушки да Семки Шешиныхъ двѣ тысячи пять сотъ рублевъ, *а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тѣ кресла написаны по другой переписи.*»

Изъ сравненія описаній видно, что находившіяся подъ креслами левики замѣнены посеребреными желѣзными яблоками, и вѣроятно, были употреблены на ножки одного изъ стоянцевъ при серебряномъ тронѣ. Къ этому же времени должно приписать и замѣну попорченныхъ рѣзныхъ изображеній другими несоотвѣтственными по содержанію древнимъ; ибо, древнія рѣзныя изображенія представляли полное миѳологическое сказаніе о подвигахъ Орфея, изъ которыхъ сохранились только нѣкоторыя:

На рисункѣ № 89, Орфей, божественный пѣвецъ, какъ выражается Овидій, удалясь послѣ смерти Эвридики на гору Родопъ, привлекаетъ голосомъ своимъ и звуками лиры, животныхъ, камни и дерева.

Второе изображеніе на томъ же рисункѣ, представляетъ Орфея въ видѣ Царя Ѳракійскаго, когда онъ умоляетъ Гименея, привлеченнаго его плѣнительнымъ голосомъ и летѣвшаго надъ Ѳракійскою страною, присутствовать при его бракосочетаніи. По Овидію, Гименей былъ облеченъ въ ризу пламеннаго цвѣта, съ невозженнымъ свѣтильникомъ.

На третьемъ изображеніи рисунка № 90, Орфей поражаетъ дикихъ звѣрей, въ ознаменованіе, что онъ смягчилъ водворенной имъ въ Греціи религіей звѣрскіе нравы.

(1) Ар. Ор. Пал. на корешкѣ переплета 7195 года.
(2) Арх. Ор. Пал. № 164, листъ 26.
(3) Ар. Ор. Пал. № 168, листъ 364.

На рисункѣ № 94, Орфей, съ лирой въ рукахъ, вѣроятно, приходитъ въ Македонію, проповѣдуя цѣломудріе. Царь и народъ въ изумленіи; жены въ окнѣ скрываются съ ужасомъ.

На рисункѣ № 93, Орфея изгоняютъ, поражая копьемъ.

На рисункѣ № 92, Орфей держитъ въ рукѣ змѣю, вѣроятно въ значеніи, что проповѣдывая вѣрованіе въ Озириса и Изиду, онъ заговаривалъ страсти и изцѣлялъ отъ нихъ.

Прочія изображенія замѣнили, какъ кажется, недостающія сказанія объ Орфеѣ и принадлежали позднѣйшему времени: на примѣръ на изображеніяхъ рисунка № 99 представлены сраженія, лица въ Германскихъ костюмахъ, на оградахъ осажденнаго города пушки. На рисункѣ № 90, видна также пушка.

На спинкѣ креселъ двуглавый орелъ, посреди шестіугольника въ рѣзныхъ цвѣтами коймахъ, съ боку на оконечностяхъ ручекъ также орлы. На нѣкоторыхъ коймахъ, вмѣсто узорной рѣзьбы, представлена охота. На нижнихъ дощечькахъ миѳологическія изображенія Леды, Сатурна пожирающаго дѣтей, купидоновъ, ѣдущихъ на дельфинахъ и проч.

ЦАРСКОЕ МѢСТО СЪ ШАТРОМЪ,

ВЪ БЛАГОВѢЩЕНСКОМЪ СОБОРѢ.

(Рис. Отд. II. № 101.)

По Переписной книгѣ Соборной церкви Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, 1680 и 1681 годовъ, (1) это мѣсто названо: Царя Θеодора Алексѣевича. Помѣщаемъ описаніе, въ какомъ видѣ оно было въ то время:

«Въ Соборной же церкве Пресвятые Богородицы Благовѣщенія на правой сторонѣ, у столпа, Великого Государя Царя и Великого Князя Θеодора Алексѣевича всея великіе и малые и Бѣлые Россіи Самодержца *мѣсто съ шатромъ*.

«На шатрѣ надъ входомъ въ верху образъ Пресвятые и живоначальные Троицы.

«По сторонамъ святыхъ страстотерпцевъ Благовѣрныхъ Князей Бориса и Глѣба.

«На томъ же Царскомъ мѣстѣ въ верху образъ Пресвятые Богородицы Благовѣщенія.

«Окладъ и вѣнцы серебряные чеканные, оплечья сканные съ финифты позолочены.

«Въ вѣнцахъ четыре лалика, да двѣ бирюски; на окладѣ по полямъ писаны Святые.

(1) Арх. Ор. Пал. № 119, листъ м҃д и м҃е (44 и 45).

« Подписи серебряные позолочены съ черню.

« Въ Царскомъ мѣстѣ въ кіотѣ деревянномъ писаномъ Деисусъ, а въ немъ девять образовъ листовые оклады и вѣнцы серебряны рѣзные позолочены съ черню.

« Подписи на осмнадцати плащахъ серебряныхъ золоченыхъ.

« Около того Царскаго мѣста и въ серединѣ оклеено отласомъ червчатымъ, по немъ травы золотные.

« У того же мѣста на переди два столбца мѣдные литые съ яблоки, а на нихъ два орла мѣдные литые.

« И на нихъ на задней сторонѣ шатеръ древянъ, писанъ золотомъ съ искрами.

« На шатрѣ орелъ двоеглавой мѣдной золоченъ.

« Мѣсто покрыто сукномъ червчатымъ, подножіе обито сукномъ такимъ же. »

Со времени нашествія Французовъ въ 1812 году, въ немъ недостаетъ упоминаемаго въ описаніи образа Благовѣщенія, кіота съ девятью образами листовыми въ окладахъ и вѣнцахъ серебряныхъ рѣзныхъ золоченыхъ съ черню, и осмнадцати серебряныхъ золоченыхъ плащей съ подписями.

Въ дворцовую домовую церковь Благовѣщенія Цари выходили запросто, безъ стряпни, ни креселъ ни стульевъ за ними не выносилось, и слѣдовательно они стояли на Царскомъ своемъ мѣстѣ смиренными богомольцами.

Въ Выходной книгѣ Царя Михаила Өеодоровича, 1640 года, Марта 25, сказано: « А стряпни у Благовѣщенія за Государемъ не бываетъ. »

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

ДРЕВНОСТИ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,

ИЗДАННЫЯ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ДРЕВНОСТИ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ДРЕВНОСТИ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,

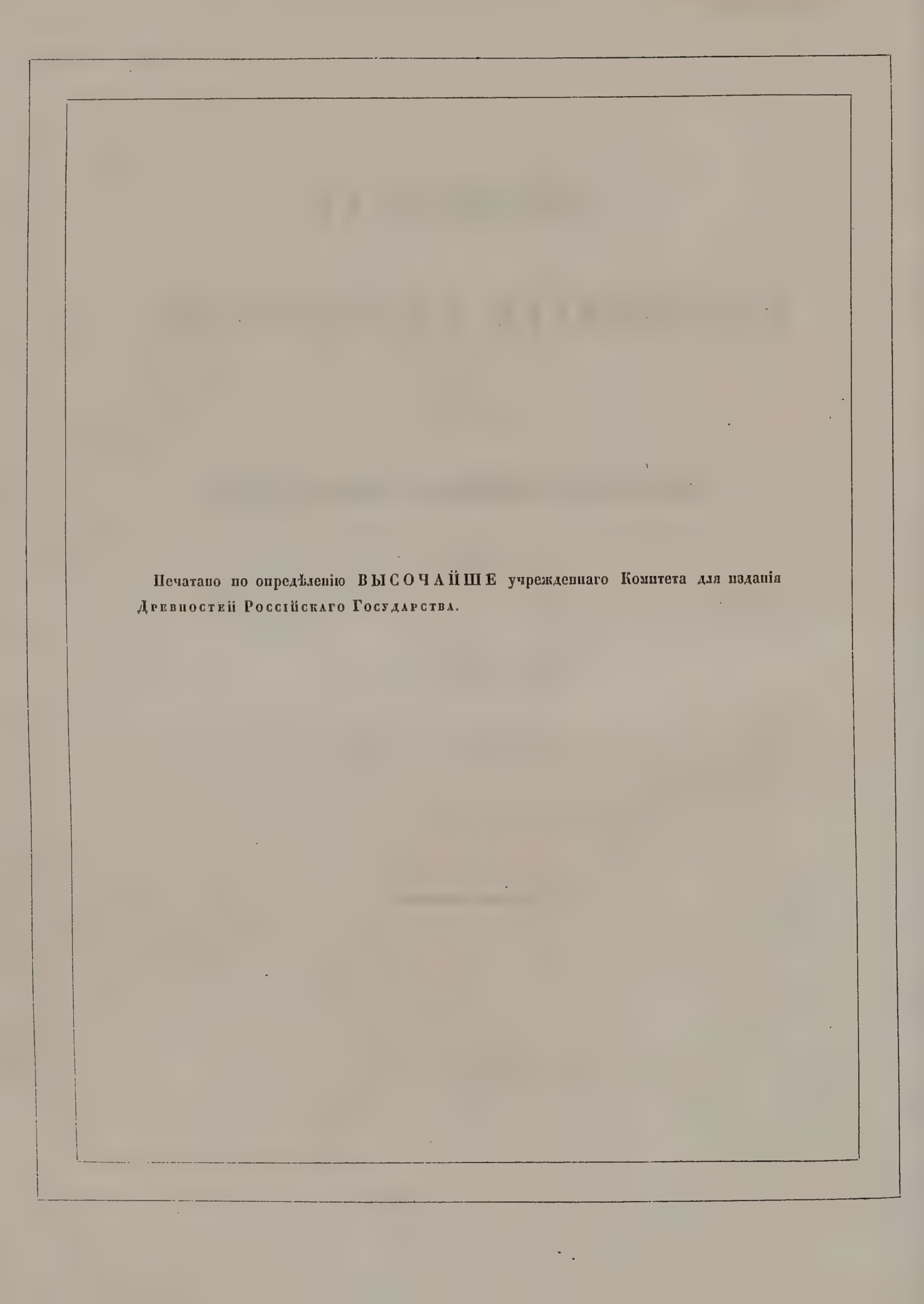
ИЗДАННЫЯ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

БРОНЯ, ОРУЖІЕ, КАРЕТЫ И КОНСКАЯ СБРУЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СЕМЕНА.
1853.



Печатано по опредѣленію ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета для изданія Древностей Россійскаго Государства.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ОТДѢЛЕНІЯ.

БРОНЯ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

ЩИТЫ И БУЛАВЫ.

САБЛИ, МЕЧИ, ПАЛАШИ, ПИЩАЛИ, КОПЬЯ, САААДАКИ И ПР.

КОНЮШЕННАЯ КАЗНА, КОРЕТЫ И КОНСКАЯ ЗБРУЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

Любознательные и ученые люди, особенно военнаго званія, знакомы уже съ главнѣйшими предметами III отдѣленія Древностей Россійскаго Государства, изъ превосходнаго и отчетливаго «*Историческаго описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ*,» составленнаго также по мысли и Высочайшей волѣ Государя Императора. Первая часть этого сочиненія посвящена собственно древнему вооруженію. Ученый сочинитель описанія А. В. Висковатовъ, извлекъ и сообразилъ все замѣчательное изъ всѣхъ хранилищь древностей, въ томъ числѣ и Оружейной Палаты, составляющей, по преимуществу, сокровищницу отечественныхъ памятниковъ. Намъ остается изложить подробности на счетъ каждаго предмета отдѣльно взятаго и пополнивъ собственными изслѣдованіями, представить извлеченія изъ старинныхъ описей Царской Оружейной казны.

Россія неистощимо богата памятниками своей старины. Обнять однимъ сочиненіемъ все это богатство не возможно; но по III-му отдѣленію Древностей Россійскаго Государства, заключающему въ себѣ болѣе 200 изображеній старинной брони и оружія, можно составить уже полное понятіе о древнемъ Великокняжескомъ вооруженіи и о вооруженіи Русскихъ витязей.

Съ самаго сочетанія Русскихъ племенъ въ единство Великокняженія, битвы съ Хазарами, Греками, Печенѣгами, Половцами, съ Ляхами, Уграми, Литвой и Нѣмцами и наконецъ съ Монголами, представляютъ въ Русской Исторіи непрерывный рядъ военныхъ подвиговъ. Во всѣ эти времена Русь межевалась и пахалась внутренними борьбами за наслѣдіе удѣловъ, и это поле не отдыхало ни одного года въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій; повсюду, по выраженію древняго великаго Русскаго пѣснопѣвца, снопы стлали головами, молотили цѣпами харалужными, на токъ животъ клали и вѣяли душу отъ тѣла.

Кромѣ постоянной необходимости быть на готовѣ къ бою, строить города (укрѣпленія) остроги, тверди и станы по цѣпи границъ владѣній, сама природа Славенорусскихъ племенъ была всегда исполнена бодрости и мужества; во время празднествъ народными играми былъ бой, города, гарцованье на коняхъ, и борьба, напоминающая атлетовъ, столь обычная по сіе время въ Болгаріи. « Сѣдлай, брате, свои борзыя комони, говоритъ Всеволодъ, (1) а мои ти Куряне свѣдоми къмети, (2) подъ трубами повиты, подъ шеломы взлелѣяны, конецъ копья вскормлены (3), пути ихъ вѣдоми, *яругы* (яры, ущелья,) имъ знаеми, луци у нихъ напряжены, тули оттворени, сабли изострени, сами скачють, аки сѣрыи волци въ полѣ, ищучи себѣ чти (чести) а Князю славы. » Въ этихъ словахъ, составляющихъ народное повѣрье, высказывается воинственное воспитаніе Руссовъ.

Въ древней Руси и во время Христіанства, совершался надъ младенцемъ мужескаго пола, на третьемъ году, воинственный обрядъ *пострига;* при чемъ младенца препоясывали мечемъ, возлагали на него колчанъ стрѣлъ и са-

---

(1) Въ словѣ о полку Игоревѣ.

(2) *Кметъ* — старѣйшина; въ Чешскомъ значитъ: senior, optimatus; совѣтникъ; соотвѣтственно comes, comte. Также значитъ наѣздникъ.

(3) Замѣчательно, что у Ерсовъ, которыхъ древнія собственныя имена, по большей части, сходны съ Славянскими, существовалъ обычай: первую пищу младенцу сыну влагать въ уста отцовскимъ оружіемъ, съ молитвой, чтобы онъ жилъ и положилъ жизнь на полѣ славы.

жали на коня. Лѣтописи наши упоминаютъ о подобныхъ постригахъ Великокняжескихъ дѣтей: «Того же лѣта 6699 (1191) быша *постриги* у Всеволода сыну его Георгію (родившемуся въ 1189 году), въ градѣ Суздалѣ; *того же дня и на конь всадиша и* (его).» Этотъ обрядъ, кажется, сохраненъ Славяно-Русскими племенами въ числѣ многихъ другихъ обрядовъ первобытной ихъ родины. (1)

Ученіе боевому строю, употреблялось въ древней Руси уже при Святославѣ: Неожиданно приступившіе къ Преславу Греки, застали Русскія войска, на равнинѣ подъ городомъ, «учащимися военнымъ пріемамъ.»

Въ рѣшительныя минуты Великіе Князья составляли военный совѣтъ. Левъ Дьяконъ, описывая осаду Доростола, говоритъ:

«Съ наступленіемъ дня Святославъ составилъ совѣтъ изъ знатнѣйшихъ мужей, который на ихъ языкѣ *коментомъ* (кметованье) называется.» (2)

Въ сраженіяхъ наблюдался строй и боевой порядокъ: «Володимиръ же *изряди* вои своя и повелѣ приступити къ граду (Корсуню).»—«Ярославъ же (въ 1036 году) выступи изъ града и *исполчи* дружину, и постави Варязи (наемную пѣхоту) посреди, на правой сторонѣ Кіяне, а на лѣвомъ крылѣ Новгородцы, и сташа предъ градомъ.»

Между построеніями полковъ высылались стрѣльцы: «Мстиславъ же стояше у Липецъ (1177) и стрѣльцомъ стрѣляющимся межи (между) полкома, пойдоша къ собѣ (другъ на друга) на *грунахъ* (3) обои.»

Во время войны строились полевыя укрѣпленія:

---

(1) «Обрядъ постริга, долженъ быть исполненъ въ первый или третій годъ, согласно уставу закона.Ману. «Кн. 2 гл. 35. При этихъ постригахъ обрѣзывались волосы на головѣ, и оставлялся на макушкѣ только чупъ, или хохолъ.

(2) *Τότε δὲ ἤδη διανιχούσης ἡμέρας βουλὴν ὁ Σφενδοσθλάβος τῶν ἀρίστων ἐκάθιζεν, ἣν καὶ κομέντον τῇ σφετέρῳ διαλέκτῳ φασίν.*»

(3) *Грунь* — скорая ходьба.

«Они (Суздальцы въ 1149 году) противу сташа Новгородцевъ, начаша *городъ* (укрѣпленіе) чинити.»

«И устроиша *острогъ* около города. Нов. лѣт. подъ 1169 г.

«Ту бо бяху вышли Суздальцы полкомъ и угошили около себя *твердь* и не съмѣша дати полку (сраженія).» Нов. л. 1180 г.

Знаками отличія были *гривны*, или золотыя ожерелья.

«Бѣ отрокъ сей родомъ Угринъ, именемъ Георгій, его же любляше Борисъ, бѣ бо возложилъ на него *гривну велику злату, въ ней же предстояше ему*. Избиша же отроки многи Борисовы, Георгіевы же не могущи борзо *сняти гривны* съ шіи, отсѣкоша главу его.»

Ношеніе поручей и серегъ, какъ знаковъ достоинства, также есть слѣдъ древнѣйшаго обычая. Великій Князь Святославъ носилъ золотую сергу, украшенную двумя жемчужинами и яхонтомъ.

Въ духовной своей грамотѣ, В. К. Иванъ Ивановичъ 1359 года, завѣщаетъ старшему сыну Димитрію въ числѣ Великокняжескаго чина: бармъ, золотой шапки, золотой цѣпи, золотой сабли, «*сергу золоту съ жемчугомъ;* сыну Ивану также» *сергу съ жемчугомъ*» что ми далъ братъ мой Князь Великій Семенъ.»

Сохраняя первобытное вѣрованіе и обычаи, почти до принятія христіанской религіи, Русь и въ Европѣ, безъ сомнѣнія, сражалась тѣмъ же оружіемъ, какимъ вооружилъ ее Сканда—божество войны и побѣды. Эта броня и оружіе состояли изъ кольчуги, шлема, щита, копья, рогатины, сѣкиры, меча, лука и стрѣлъ. (1)

(1) Константинъ Порфирогенетъ (de Adm. Imp.) пишетъ, что Руссы, часто просили такъ называемаго *Υγρὸν πῦρ* (текучаго огня) и потребныхъ къ оному трубъ; но имъ отказывали въ этомъ, увѣряя, что искусство дѣлать этотъ огонь показано Константину Великому свыше, съ тѣмъ чтобъ его употребляли только христіане. Однако же одинъ Греческій подкупленный полководецъ открылъ нѣкогда эту тайну одному языческому народу и за то былъ пораженъ небеснымъ огнемъ.» Левъ Дьяконъ называетъ *Υγρὸν πῦρ*—текучій огонь, Мидійскимъ.

Надъ этимъ оружіемъ Руссы произносили свои клятвы и обѣты. Напримѣръ, посланные (1) отъ Великаго Князя Игоря, Князей, Бояръ и Русскихъ людей въ Грецію, клялись — крещеные Богомъ вседержителемъ, «да прiимутъ месть въ сей вѣкъ и въ будущій»; а некрещеные: «да не имутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими, и отъ стрѣлъ и отъ инаго оружія своего, да будутъ раби въ сіи вѣкъ и въ будущій.»

При клятвѣ Руссы «полагали щиты своя и мечи наги и *обручи своя* и прочая оружія.»

Золотые *обручи* составляли *обручіе*, *обрученіе*, или *обреченіе*, на службу; вмѣсто обручей въ другомъ мѣстѣ договора поставлено *золото*: «и покладоша оружія своя и щиты и золото, и ходи Игорь ротѣ (обѣту).»

Золото обручей имѣло смыслъ при клятвѣ: «да будемъ золоти (желты) яко золото, и своимъ оружіемъ да иссѣчени будемъ.»

При мирныхъ сношеніяхъ обычай посылать въ даръ оружіе существовалъ также искони. Печенѣжскій Князь Претичу, воеводѣ Святослава «по-

---

Въ словѣ о полку Игоревѣ упоминается, что Карны и Жля, при набѣгахъ на Русскую землю «*Смагу мычючи въ пламянѣ розѣ*» — разметывая смрадъ изъ пламеннаго рога.

Сколько можно понять изъ слѣдующаго сказанія (Новг. лѣт.) о взятіи Константинополя Фрягами, въ 1204 году, *Υγρὸν πῦρ*, употреблявшійся преимущественно на корабляхъ, былъ ничто иное, какъ брандеры, *πυρφόροι τριήρεις*, которые были употреблены и противъ Руссовъ, когда Игорь подступилъ къ Константинополю, и противъ Святослава, на Дунаѣ.

«*И на ночь* (Русь) влѣзоша въ лодьи и отбѣгоша; Ѳеофанъ же усрѣте я въ *олядехъ со огнемъ*, и пущати нача трубами огнь на лодьи Русскія»

При нашествіи Фряговъ, Греки *также ночью*, *по вѣтру*, пустиша *корабли съ огнемъ*, но неудачно; ибо Фряги были предувѣдомлены объ этомъ намѣреніи: «*яко же и преже бяхуть* Грецы пустили на не 10 кораблевъ съ огнемъ на Фрягъ, извременивше погоды вѣтра, на Василевъ день, полунощи.»

(1) Въ старину для переговоровъ торговыхъ преимущественно посылались гости или купцы; это сословіе въ первоначальной Руси было чисто Готское, и потому неудивительно, что въ договорахъ встрѣчаются по большой части имена Скандинавскія.

далъ въ даръ коня, саблю и стрѣлы; Претичь въ замѣнъ подарилъ ему: броню, щитъ и мечь.»

Обычай рѣшать сраженіе борьбой атлетовъ, встрѣчается въ лѣтописяхъ: въ 993 году, боецъ Владимира великаго, вооруженный, боролся съ Печенѣжскимъ великаномъ и сдавилъ его въ рукахъ до смерти.» (1)

— И рече Редедя, Князь Косожскій: «что ради губиве дружину межи себя? Снидевась сами бороти, да аще одолѣеши ты, то возмешь имѣніе мое и жену и дѣти, и землю мою; аще ль азъ одолѣю, то возьму твое все.» И рече Мстиславъ: «тако будь.» И рече Редедя ко Мстиславу: «не оружьемъ ся біеве, но борьбою.» Призвавъ на помощь Святую Богородицу, Мстиславъ ударилъ Редедю о землю «и вонзе ножъ, и зарѣза Редедю.»

При употребленіи оружія, неизбѣжно было и производство онаго. Оружейное мастерство и велось издавна въ Россіи. Выработка стали и булата, нарѣзка, насѣчка и наводъ золотомъ и чернью по желѣзу, также были извѣстны даже въ удѣлахъ, чему служитъ доказательствомъ» рогатина булатъ красной, тулья обложена серебромъ золоченымъ, рѣзаны травы и люди и птицы, на тулеѣ на краю двѣ строки подпись (2) В. К. Бориса Александровича (Тверскаго).» (Отд. III № 117).

Шлемъ (рис. отд. III № 4), на Норманское дѣло, съ чеканнымъ на серебрѣ изображеніемъ Архангела Михаила и Славянскою надписью: «Великыи Архистратиже Господень Михаиле помози рабу своему Θеодору» (В. К. Ярославу Всеволодовичу), служитъ образцомъ Русской, вѣроятно, Новгородской работы 12-го столѣтія.

---

(1) «Володимирь же той нощи повелѣ ся облещи въ оружіе.»

(2) Подпись на оружіяхъ была въ употребленіи у Индѣйцевъ, напр.: «стрѣла побѣдоноснаго Айю, сына Урвази и Пururавы.»

Изъ слова о полку Игоревѣ видно, что Половцы носили шлемы *Аварскіе;* это такъ называемыя шапки Эрихонскія.

Въ отличіе отъ шлемовъ Русскихъ пѣвецъ упоминаетъ, что Романъ Галицкій и Мстиславъ Луцкій носили *шлемы Латинскіе* и подъ ними желѣзные *папорзи* (латы, нагрудники).

Въ отличіе отъ Русскихъ шлемовъ и мечей, пѣвецъ упоминаетъ *о Литовскихъ:* «Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи *шеломы Литовскыя;* притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ черлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ *Литовскыми мечи.*»

Въ пѣсни о полку Игоревѣ не упоминается однакоже Персидское слово *пулатъ* — پولاد булатъ; но вмѣсто его Джагатайское или Половецкое того времени *харалугъ* قرالوق — *каралукъ* — сталь: «гремляше о шеломы мечи *харалужными*»—«трещать копія *харалужная*»—«Ваю (ваши) храбрая сердца въ жестоцемъ *харалузѣ скована, а въ буести закалена*»—«молотятъ чепи (цѣпы) харалужными» т. е. мечами. «Святославъ грозный, великый, Кыевскій, грозою бяше, притрепалъ своими сильными пълкы и харалужными мечи, наступи на землю Половечьскую.»

Стрѣлы же и сабли названы *калеными:* «головы Половечьскыя поскепани *саблями калеными*» — «съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя» — «аки тури ранены саблями калеными.»

Облаченные въ желѣзную броню полки Ярослава Галицкаго называются *желѣзными полками;* желѣзными полками названы также и великіе полки Половецкіе.

Восточная любовь къ великолѣпію оружія была въ обычаѣ и у Руссовъ: шлемы были золотые или золоченые; описывая Всеволода, пѣвецъ Игоря говоритъ: «златымъ шеломомъ посвѣчивая» — «ты буй Рюриче и Давиде не ваю ли злаченая шелома по крови плаваша?» — «Кое (гдѣ) ваши (Ольговичей) златыи шеломы и *сулицы ляцкыи* и щиты?»

И вообще булатное Русское оружіе, подобно Азіатскому, украшалось золотой насѣчкой и вставными драгоцѣнными камнями.

Подразумѣвая броню, какъ боевое облаченіе воина, она была различнаго рода, и по этому различію измѣнялись и названія ея. Московская Царская Оружейная казна, нынѣ Оружейная Палата, и Царскосельская Оружейная (1) Государя Императора, суть единственныя хранилища, гдѣ можно видѣть безъ исключенія всѣ образцы древнѣйшихъ доспѣховъ Азіи и Европы: Индѣйскихъ, Китайскихъ, Персидскихъ, Монгольскихъ, Арабскихъ, Греческихъ, Римскихъ, Норманскихъ, Германскихъ среднихъ временъ и Русскихъ съ основанія царства.

Всѣ формы кольчужной брони съ коническими шлемами, бармицами, наручами и поножіями, имѣли начало свое въ Индіи. Оружейники Дели по сіе время славятся производствомъ превосходнаго булата и доспѣховъ вообще. Всѣ эти формы перешли въ Персію и къ Арабамъ.

Въ Европѣ кольчужная броня принадлежитъ преимущественно Славяно-руссамъ. Конница Сарматовъ т. е. Славянъ, на изображеніяхъ Трояновой колонны, была въ кольчугахъ и шлемахъ; пѣшіе же воины (земщина) въ свитахъ съ палицами и косарями въ рукахъ, напоминая выраженіе слова о полку Игоревѣ: «*тіи бо безъ щитовъ съ засапожникы кликомъ пълки побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу;*» или Новгородцевъ въ бою Мстислава съ Ярославомъ: *Княже не хочемъ измерѣти на коникъ; но яко отчи наши билися на кулачскѣ пѣши,*» и соскочивъ съ коней, сбросивъ обувь и одежду, ринулись въ бой.

---

(1) Это драгоцѣнное собраніе древней Азіатской и Европейской брони и оружія, срисовано членомъ С. Петербургской Академіи Художествъ Рокштулемъ и издано подъ заглавіемъ: «Musée des armes rares, anciennes et orientales de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies.»

Въ битвѣ подъ Доростоломъ, въ 971 году, В. К. Святославъ былъ въ кольчугѣ, которая и спасла его отъ удара Анемаса тѣлохранителя Цимисхія. По сказанію Льва, Калойскаго Дьякона: «*ἐπήρκεσε γὰρ ὁ ἁλυσιδωτὸς χιτὼν καὶ τὸ σάκος.*» «его защитили отъ удара кольчужный хитонъ и щитъ.»

Къ кольчужной восточной бронѣ принадлежатъ: *бахтерцы, байданы, полубайданы, колонтари* и *юшманы* — составленные изъ колецъ съ вплетенными рядами булатныхъ, насѣченныхъ золотомъ, пластинокъ, и надѣвавшіяся сверхъ полукафтанья или зипуна.

Римское всеоружіе (panoplia) или броню — cataphracta, lorica hamata, (1) thorax (2) (cuirasse), составляли *латы,* (3) то есть кожаные или ременные нагрудники, на которыхъ нашивались *латунныя* бляхи, чешуей или рядами.

Греческая, Византійская броня, *πανσιδήριον* — всеоружіе, *панцырь,* не отличалась отъ Римской; но, по сближенію съ Азіей, принимала и восточныя формы. Русскія *зерцала,* происходя по названію, можетъ быть, отъ восточнаго слова *зерхъ, зирэхъ* (4) (броня, кольчуга) болѣе сходны съ латами, имѣвшими всегда подбой. Тоже самое должно сказать и о панцырѣ, который состоялъ изъ двухъ кожаныхъ или бархатныхъ половинъ — нагрудника и наспинника, съ нашивными кольцами, набивными гвоздями или бляхами.

Въ Царской Оружейной казнѣ были слѣдующіе панцыри:

— Пансырь узловатой, старый.

---

(1) Lorum — по Гот. lledr, läder — кожа.

(2) *Θώραξ* — кожа.

(3) По Чешски lata, plata, zaplata значитъ lacinia — лата, заплата, латанье; latat — латать. *Лата* значитъ также *рѣшетина.*

(4) «И показывалъ (Шахъ-Аббасъ послу В. К. Θеодора Іоанновича, Князю Андрею Звѣнигородскому) шеломы и шапки и *зерцалы* булатныя, навожены золотомъ, *пансыри,* и говоривъ: «то дѣлаютъ въ нашемъ Государствѣ, а *булатъ хорошій красной выходитъ къ намъ изъ Индѣйскаго Государства, а пансыри добрые изъ Черкасъ*» и пожаловалъ Князю Андрею *зерцало.*»

— Пансырь, по ерлыку, Великаго Государя Царя и В. К. Ивана Васильевича; на груди съ обѣ стороны по десяти колецъ съ подписью.

— Пансырь, по ерлыку, написанъ Бориса Ѳедоровича.

— Пансырь хрещатой, три мишени (1) мѣдные, посеребрены.

— Пансырь Черкасской; на немъ шесть мишеней мѣдныхъ, посеребрены.

— Пансырь вострогвоздь.

— Пять пансырей коропчетыхъ.

— 16 пансырей Нѣмецкихъ.

Пансырями Черкасскими назывались, безъ сомнѣнія, кольчуги, нашитыя на бархатъ или ткань съ прорѣзами по сторонамъ, чему служитъ доказательствомъ пансырь, присланный въ даръ Царю Алексѣю Михайловичу, отъ Александра Царя Имеретинскаго (рис. № 58).

При Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ IV, производство брони и оружія въ Москвѣ было обширно. Всѣ покорившіеся Князья и Мурзы юртъ и улусовъ Нагайскихъ, снабжались Московскою бронею. Въ безчисленныхъ грамотахъ ихъ къ Бѣлому Царю, они безпрестанно просили о присылкѣ *сабель*, что рубятъ желѣзо, *панцырей золоченыхъ, шлемовъ*, сѣделъ съ золотомъ, тегиляевъ (подлатниковъ) золотнаго бархата и пр. (2)

---

(1) Мишенью, или круглой бляхой, задѣлывались прострѣлы кольчугъ.

(2) «Да прислалъ бы еси, что въ рати самому мнѣ вздѣвать пансырь доброй съ наручи и съ наколѣнки и съ руковицами, и съ тегилемъ, и съ шеломомъ, и съ саблею.»

Грам 1564 г. Паг. Кн. Исмаила.

«Саблю добру, да доспѣхъ доброй, да шеломъ золотомъ наведенъ, да сѣдло золотомъ писано.»

Грам. 1550 г. Юнусъ-Мурзы.

«Да что мнѣ самому вздѣвать тягиляй бархатъ золотной, да пансырь *Меделенской* добрыйі, да саблю золотомъ наведену, да сѣдло съ золотомъ, да шеломъ бы доброй пожаловалъ еси.»

Гр. 1564 г. Паг Урусъ-Мирзы.

Прим.; Пансырь Меделенской, т. е. дѣланный вѣроятно по образцу Медіоланскому. Миланъ, въ XIV вѣкѣ, славился уже производствомъ оружія. Генрихъ IV, Король Англійскій, выписывалъ изъ Ломбардіи Миланскую броню и оружейниковъ. Froissart. t. I. p. 507.

Въ Оружейной казнѣ существовала Китайская и Монгольская Калмыцкая броня подъ названіемъ *куякъ;* она была въ родѣ кафтановъ или состояла изъ полостей, прикрывающихъ грудь, спину и плеча, и соединяющихся застежками и пуговицами; кромѣ того, изъ двухъ передниковъ, прикрывающихъ ноги. Ватныя полости заключали внутри желѣзныя пластинки, укрѣпленныя гвоздями. У Китайцевъ это собственно броня конницы. Между верхней тканью, испещренной драконами, облаками, горами и травами, и подбоемъ, на ватѣ, заключается у нихъ, по положенію, сто сорокъ желѣзныхъ пластинокъ, или листовъ, разной величины, и 1500 мѣдныхъ гвоздей, которыми укрѣпляются пластинки въ ватѣ.

По описи временъ Царя Михаила Ѳеодоровича, всѣ куяки съ куяшными шлемами (1) присылались въ даръ отъ Алтына Царя и Тунгусскихъ владѣтелей.

По описи 1687 года ихъ было очень много, и упоминается, что всѣ они *дѣланы по кафтанному.* Нѣкоторые были съ бляхами мѣдными и серебряными, на которыхъ была изображена личина львова. (2)

Монгольское названіе *куякъ* извѣстно было и народу; но понятіе о доспѣхахъ, какъ видно изъ пѣсенъ, было не ясное. Въ пѣсни Михайло Козарянинъ, на однихъ и тѣхъ же плечахъ и куякъ и панцырь и кольчуга:

« Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ
Куякъ и панцырь, — чиста сéребра,

---

(1) Шапки Монгольскія, или Калмыцкія. Рис. № 26, 27.

(2) «Куякъ на червчатомъ бархатѣ гвозди серебряные, набиты въ шахматъ »

— «Нагрудникъ куяшной мѣдной, набиранъ на ременье въ чешую, около ево по краямъ, оправа серебряная, чеканная звѣнами, набирано на ременьехъ въ тридцати въ семи мѣстехъ, да посреди оправа личина львова серебряная жъ чеканная, другая личина львова серебряная; подложено камкою двоеличною; нагрудникъ подложенъ камкою зеленою, на бумагѣ.»

— «Три куяка дощатыхъ желѣзныхъ, набиты на зеленомъ бархатѣ, гвозди мѣдные, репейчатые; дѣланы по кафтанному.»

2*

А кольчуга на немъ красна золота.
А куяку и панцырю цѣна на сто тысячей,
А кольчугѣ цѣна сорокъ тысячей.»

Къ числу панцырей должно отнести и *байдану*, которая дѣлалась изъ такъ называемыхъ по стариннымъ описямъ *сѣченыхъ колецъ*, т. е. выбитыхъ изъ листоваго желѣза и нашитыхъ на подбой. Должно полагать, что именно этотъ родъ брони, подобіе кольчугъ восточныхъ, и составлялъ по преимуществу les cottes de mailles на Западѣ, до крестовыхъ походовъ. (1) По стариннымъ описямъ Оружейной казны только кольчуги съ сѣчеными кольцами называются Нѣмецкими. (2)

Этотъ родъ Германской брони изображенъ и на извѣстномъ коврѣ, приписываемомъ трудамъ Матильды, супруги Вильгельма завоевателя. Кольчуги воиновъ въ видѣ куртокъ и штановъ, обшитыхъ металлическими кружками, на головахъ шлемы съ носами. (3)

Что *Байдана* составляла родъ кафтана, съ нашивными плоскими кольцами и бляхами, то подтверждаетъ *байдана Мисюрская* (Египетская, Каирская) упоминаемая въ описи казны Бориса Годунова: «Бадана Мисюрская с сеченымъ кольцомъ и мишенью, безъ ожерелья; воротъ и рукава и по подолу опушена въ три ряда мѣдью золочено.»

---

(1) «Le haubert à mailles de fer n'était pas encore connu en Europe, et nous en avons une autre preuve dans un passage de Guillaume de Poitiers. Cet historien dit que, lorsque Guillaume le Conquérant s'armait pour la bataille de Hastings, il mit par mégarde son haubert à l'envers. Ces paroles indiquent clairement qu'il parlait d'un vêtement d'étoffe ou de peau, sur lequel les anneaux ou les plaques de métal étaient cousus ou attachés d'une manière quelconque»

Le Moyen Age et la Renaissance, Armurerie.

Это подтверждается и значеніемъ слова cotte de mailles: cotte (по Слав. кос, по Русски коць, кожухъ); maille знач.: кружечикъ, мелкая монета, и вообще все выбитое молотомъ — maillet. Изъ Готич. названія брони Halsberga, образовалось Франкское Haubergeon, Haubert.

(2) «20 кольчугъ съ сеченымъ кольцомъ, Немецкихъ.» Опись, 1589 года, пожиткамъ Бориса Ѳеодоровича Годунова.

(3) См. рис. № 4.

Полубайданы, упоминаемыя въ описяхъ, вѣроятно были безъ полъ.

Собственно къ бронѣ принадлежатъ также шлемы и щиты.

На колоннѣ Траяновой, Сарматы въ кольчугахъ и въ остроконечныхъ шлемахъ, совершенно сходныхъ съ шлемами, изображаемыми на древнихъ рисункахъ, представляющихъ Русскихъ воиновъ, напримѣръ, въ такъ называемомъ Святославовомъ сборникѣ; а также сходныхъ съ гладкими и ложчатыми шлемами Московской работы (рис. № 9, 22, 24.).

Броня и шлемы упоминаются въ Краледворской рукописи у южныхъ Славянъ:

— « Тварды *очелъ* (сталь, булатъ) на могучихъ персехъ. »
— Радостно сня свой щитъ черпъ,
Двузубу, и сня со щитемъ и млатъ
И не проникавый шлемъ. »

Въ словѣ о полку Игоревѣ, о шлемахъ не иначе пишется, какъ *златые* или *золоченые* шлемы. Дѣйствительно, какъ видно изъ древнихъ описей Оружейной казны, почти всѣ Русскаго производства булатные и стальные шлемы наводились золотомъ, или были съ золотой насѣчкой; напримѣръ: « три шолома наводныхъ (т. е. золотомъ); а у одного вѣнецъ серебряной золоченъ съ чернью. »

Въ трубку, на вершинѣ шлемовъ, вставлялись *еловцы* (1) — знаки, составлявшіе вѣроятно различіе полковъ, и *перья,* признакъ воеводъ, предводителей. Эти перья обдѣлывались въ золото и украшались жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. (Отд. III. стр. 9).

Шлемъ, какъ древнѣйшее и обычное общеславянское названіе головнаго доспѣха, имѣетъ, по описямъ Царской Оружейной казны, свои подраздѣле-

---

(1) *Еловецъ* или *словь.* Въ описи пожитковъ Бор. Ѳеод. Годунова, упоминается послѣ перьевъ строусовыхъ разныхъ цвѣтовъ « *словь* тафта червчата, кругомъ бахрама шолкъ лазоревъ съ золотомъ. »

нія. Собственно *шлемъ* относится къ кольчужной бронѣ, имѣетъ форму конуса съ выпуклостью и вооруженъ бармицей, или кольчужной подвѣской.

Шишакъ, есть преимущественно Польское названіе шлемовъ латныхъ, Латинскихъ, съ наушниками и затылками.

Шапками Ерихонскими назывались Азіатскіе шлемы, вооруженные, вмѣсто кольчужной бармицы, также наушниками и затылкомъ.

Мисюрки и *шапки мисюрскіе*,—отъ Араб. *михферъ*, Перс. *мизер*—шлемъ,—въ видѣ череповъ, къ которымъ прицѣплялась кольчужная бармица. Мисюрки иногда надѣвались на голову подъ Ерихонскія шапки. Этимъ можетъ объясниться сказаніе Гваньини, что «*Русскіе подъ часъ надѣвали двойные шишаки.*»

Шапками Нѣмецкими и *желѣзными колпаками* назывались разныя формы кирасныхъ шлемовъ. Колмыцкими шапками — шлемы Монгольской или Китайской формы.

Щиты у Славянъ и Руссовъ была булатные, деревянные и коженые, преимущественно круглые, выпуклые, восточной формы:

По Кралодворской рукописи, на поединкѣ у Залабскаго Князя, щиты поединщиковъ были черные желѣзные, или коженые съ желѣзнымъ наверпьемъ и плащами.

« Оба добыста ту мечи,
Разъ по разу въ чарны щиты;
И искры вспарху з чарну щиты. »

По Ибнъ Фосслану, Руссы, пріѣзжавшіе на Волгу, для мѣны мѣховъ и челяди (преимущественно полоненыхъ женщинъ), при обрядѣ сожиганія одного изъ умершихъ своихъ начальниковъ, *ударяли съ щиты, чтобъ не было слышно воплей* женщинъ, вызвавшихся на сожженіе вмѣстѣ съ покойникомъ. Слѣдовательно щиты Руссовъ были желѣзные.

Приписать опредѣлительный цвѣтъ Русскимъ щитамъ, червленый или красный, невозможно; не смотря на выраженіе пѣсни о полку Игоревѣ, гдѣ

щитъ не иначе упоминается, какъ съ своимъ прилагательнымъ *черленый*. Это обычное прилагательное принадлежитъ собственно щиту, а не Русскимъ, точно также какъ стрѣламъ неизбѣжно прилагательное *каленыя* (1), мечамъ— *булатные*, или *харалужные*. Подбой у щитовъ Азіатскихъ вообще и у щитовъ Русскихъ, булатныхъ, камышевыхъ, коженыхъ и деревянныхъ, почти всегда былъ красный бархатный, камковый, или кумачный. Бахрама у богатыхъ щитовъ также преимущественно бывала «шелкъ червчетый съ золотомъ.» Деревянные и коженые щиты обтягивались червчатымъ бархатомъ или камкой, поверхъ коихъ накладывались булатныя изукрашенныя или простыя навершья, плащи, репьи, мишени и гнѣзда съ драгоцѣнными камнями.

Кромѣ щитовъ обыкновенныхъ у Славяно-Руссовъ были *павезы*. (2) Эти огромные щиты, прикрывавшіе всего воина, употреблялись во время приступа къ городскимъ стѣнамъ, и при защитѣ укрѣпленій.

Когда войска Цимисхія прошли тайно чрезъ ущелья Гема или Балкана въ Булгарію и внезапно окружили Преславъ, тогда отрядъ Руссовъ, въ 8500 человѣкъ, оставленный Святославомъ для защиты города, учился на равнинахъ военному строю. По Льву Дьякону этотъ отрядъ состоялъ весь изъ пѣхоты (3) и былъ вооруженъ *крѣпкими и длинными до самыхъ ногъ щитами.*

Тарчь, изображенный на рисункахъ № 62 и 63, составляющій небольшой щитъ, придѣланный къ наручу (brassard) со шпагой, принадлежитъ къ латному Германскому вооруженію.

---

(1) Въ словѣ о полку Игоревѣ: «а храбріи Русицы преградиша (поля) *чърлеными щиты.*»— Лисицы брешуть на *чърленыя щиты.* «Съ вечера до свѣта летятъ *стрѣлы каленыя.*—» Въ Кралодв. рукоп.: «Wznide sikot (шикотъ) kalenich strsiel strasni» и пр.

(2) По Чешски paweza, по Гальски pavois, по Итал pavése.

(3) Войско Святослава въ это время было раздѣлено по покореннымъ городамъ Булгаріи, и разумѣется, что городовые т. е. крѣпостные стрѣльцы, или гарнизоны, состояли изъ пѣхоты, тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ сказаній, рать Святослава, привезенная въ Булгарію на корабляхъ, состояла преимущественно изъ пѣшихъ воиновъ.

Названіе *тарчь*, происходящее вѣроятно отъ Арабскаго *тарс*—щитъ, существуетъ во всѣхъ Европейскихъ языкахъ: tartche, targa, targe, target, въ значеніи: *родъ щита*, и кажется, родственно съ thorax.

Какъ въ отношеніи брони, легкой и красивой, такъ и въ отношеніи оружія, Руссы предпочитали восточное, свойственное явному мужеству. По повѣрью, они выѣзжали въ полѣ *силы извѣдать, оружье измѣрить*, и кажется хранили въ преданіи законъ: «и въ битвѣ съ непріятелемъ, воинъ не долженъ употреблять вѣроломнаго оружія: ни стрѣлъ зазубренныхъ, ни стрѣлъ ядовитыхъ, ни стрѣлъ огнеметныхъ.» (1) Въ древности обычнымъ, нехитрымъ оружіемъ Руссовъ были простыя стрѣлы, мечи и копья.

По народнымъ сказаніямъ лукъ и стрѣлы у Витязей были слѣдующія:

« Вынимал онъ изъ налушна свой тугой лукъ, (2)
Изъ колчана калену стрѣлу,
А цѣна тому луку три тысячи,
Полосы лука булатныя,
А жилы слоны сохатныя,
А рога красна золота (3),
А тетивочка шелковая.... »

« Стрѣлы колоты изъ трости дерева (4)
Строганы въ Новѣ-городѣ,

---

(1)Ману. кн VII. § 90.

(2) Въ описяхъ царской Оружейной казны и описи Годунова, луки *Московскаго дѣла*, упоминаемые мастера: Савинъ и Шпагинъ.

(3) Луки дѣйствительно нарѣзывались или наводились золотомъ и тетива была шелковая: «лукъ Савина дѣла Деревягина, кибить писана по красной землѣ золотомъ, рѣзныя травы, кости буйволовыя.»

(4) Въ описяхъ упоминаются *стрѣльные мастера*, стрѣлы Индѣйскаго дерева, тростяныя, камышевыя, кипарисныя, кедровыя, чипрасовыя, березовыя; перья бѣлохвосцевыя (орлово

Клеены клеемъ осетра рыбы,
Перены перьицемъ сиза орла,
Въ ушахъ поставлено по тирону,
По камено, по дорогу самоцвѣтному.»

Въ описяхъ кромѣ обыкновенныхъ стрѣлъ, упоминаются: *северги, срезни, тамары* и *свищи.* Это стрѣлы охотничьи. Въ описаніи онѣ сходны между собою; вмѣсто копьеца у нихъ *накосточки,* иногда серебряныя. золоченыя и рѣзныя. (1)

Кромѣ мечей булатныхъ, въ разсказахъ упоминаются Русскіе мечи *кладенцы.* Названіе *кладенецъ* есть Славянское kladnice, то чѣмъ колютъ и рубятъ, соотвѣтственное Латинскому gladium, gladius.

Сабли Московскаго производства различались по образцамъ, съ которыхъ дѣлались, или выковывались; и потому въ описяхъ упоминаются: сабли на Черкаское дѣло, на Угорское дѣло, на Турское дѣло, на Литовское дѣло; на Угорскій выковъ, на Кизыльбашской выковъ, на Нѣмецкій выковъ. «Булатъ красной, выковъ на Литовское дѣло, долики на Угорскій выковъ.»

«Двѣ полосы стальныя Московское дѣло, на Литовскій выковъ, зубатыя, въ три долы на обѣихъ сторонахъ.»

Въ числѣ прочихъ выкововъ, былъ и собственно Московскій:

«Полосы *булатъ синей Московскій выковъ.*»

Въ числѣ саблей была «сабля булатъ красной *Египетское дѣло.*» По описи 1687 года «взялъ ее въ свои хоромы Царь Петръ Алексѣевичь.»

белохвость) беркутовыя, орловыя, лебяжьи, павлиныя. Въ ушкахъ дѣйствительно вставлялись драгоцѣнные камни:

«Двадцать стрѣлъ чипрасовыхъ, ушки рыбей зубъ (у иныхъ слоновые), въ ушкахъ по два камешка бирюзъ.» — Стрѣла тростяная, ушки рыбей зубъ, а въ ушкѣ въ гнѣздѣхъ въ серебреныхъ вставлено *три камешка червчатыхъ; перье краснаго орла,* перевито золотомъ пряденымъ; желѣзцо на три грани, навожены травы золотомъ»

(1) Описаніе *Тамары,* на стр. 121-й. *Свищи* упомянуты только въ заглавіи описи 1687 года. Въ описи упоминается также *Калмыцкія стрѣлы «съ двойными копьи» и съ широкими.*

Замѣчательнѣйшія изъ хранящихся въ Оружейной Палатѣ булатныя съ золотой насѣчкой сабли: одна подъ названіемъ *тесакъ*, дѣланная въ Оружейномъ приказѣ для Царя Михаила Θеодоровича, (рис. № 116.) и другая съ надписью « сабля Князя Александра Ивановича Лобанова-Ростовскаго. »

За саблями и мечами, въ описяхъ слѣдуютъ *палаши* — Германскія spatha, (1) и *кончары* — Персидскіе *коддарэх*, или Турецкіе *ханджары*, особенные большіе мечи, въ родѣ палашей.

Копья имѣли также свои подраздѣленія. Широкія, плоскія, съ короткимъ ратовищемъ, назывались *рогатинами;* метательныя копья — сулицами. По описи 1687 года: « сулица булатъ красной, скепище древо Нѣмецкое черное; на концѣ трубка съ яблокомъ серебряная, травы рѣзныя, въ перевивъ золочены; кисть золотая. »

Кромѣ этихъ оружій, употреблялись въ родѣ широкихъ топоровъ (hasta) или сѣкиръ, такъ называемые бердыши.

У Чеховъ и Венгровъ Bard и Bart называется *косарь*, большой ножъ, сдѣланный изъ косы. Изъ этого земледѣльческаго орудія, насаженнаго на ратовище, образовалось бардище и бердышъ. У Готовъ bart и bardisan — сѣкира. У Римлянъ бердышъ принялъ названіе lunata securis и hasta falcata, отъ falx, въ Ит. falce, во Фр. faux — коса.

У Франковъ бердышъ, bardis(an) принялъ названіе partisane и pertuisane. Это было преимущественно оружіе наемныхъ тѣлохранителей.

Южные и Западные Витязи вооружались *млатомъ;* въ Россіи у богатырей упоминается *тяжкая палица*, мѣдная, литая. Но это не собственно оружіе, а знаки военачалія: млатъ тоже, что *клевецъ* (4) или *чеканъ*, по

---

(1) На сѣверѣ, въ древности, производствомъ мечей особенно славился Славянскій городъ Любекъ. Любекскіе мечи извѣстны были и во Франціи, и назывались тамъ espadon, принявъ это названіе отъ Гот. Spatha.

(2) Въ описи Бор. Θеод. Годунова:

« Клевецъ Турской съ обушкомъ, топорицо крашено; на концѣхъ топорища кости » Назв. клевецъ сближ. съ Лат. clava.

Персид. *чакушъ, палица*, на Чешскомъ тоже что *буздованъ* (Тур. буздыганъ), булава, (1) пернатъ, шестоперъ (по Перс. *шишпар*).

Желѣзная палица или булава (masse d'armes) и у Грековъ замѣняла часто оружіе : (2)

Изъ осадныхъ орудій каменоброcцы употреблялись въ древности и Руссами, (3) и назывались *пороками* или *пращами*. (4)

Русь или Руссы, составляя первоначально ратное сословіе и дружину Великокняжескую, были собственно конница; пѣхота же всегда образовалась изъ земщины, наборомъ и наймомъ. Наемные Варяги, какъ моряки, по преимуществу составляли корабельную и строевую пѣхоту. Какъ строевое войско, въ битвахъ, они всегда занимали центръ : « Ярославъ же исполчи дружину и постави *Варяги посреди*, на правой сторонѣ Кіяне, а на лѣвомъ крылѣ Новогородцы. » Изъ наборныхъ и наемныхъ воиновъ учреждалось въ необходимыхъ случаяхъ и постоянное войско ; такъ напримѣръ : В. К. Ольга, возвратясь изъ Древлянской земли къ Кіеву и *пристроя вои на прокъ*.

Великія Князья имѣли у себя запасы оружія, которое и выдавалось на случай войны : въ 1067 году во время набѣга Половцевъ, Кіевляне обратились къ князьямъ : « вдай, Княже, оружья и кони, еще бьемся съ ними. »

При войскахъ изкони были знамена; но слово *знамя* является уже въ позднѣйшее время. Въ старину обычное слово было *стягъ*. На стягахъ изображалось знаменіе покровительствующаго божества области, города, или полка. По стягу совершалось движеніе войска. Около Великокняжескаго, или *вели-*

---

(1) По описи Гор. Ѳеод. Годунова булава съ каменнымъ обухомъ называется *брусомъ* : « Брусъ асписовъ, топорищо желѣзно коволочено береста жолта. »

(2) « *Πλείστους τῶν δυσμενῶν σιδηρᾷ κορύνῃ ἀπέκτεινεν* » — Поражалъ непріятелей желѣзной булавой Leo. Diac. L. IX. II.

(3) Святославъ употреблялъ ихъ въ Болгаріи. См. Льва Діакона.

(4) *Пращь*, или праща (fronde) орудіе, бросающее камни ; по Сербски прача ; по Чешски prak, по Польски proca.

каго стяга сосредоточивались удѣльныя силы. Знакъ къ движенью подавался рогами, трубами и бубнами; (1) побѣда звенѣла въ щиты.

Кромѣ стяговъ, въ древности у Славянъ были знамена подъ названіемъ *хоругвей* и *прапоровъ*. Первыя изкони были мѣстными, сборными или приходскими знаменіями. (2)

Въ Клародворской рукописи въ пѣсни Ольдрихъ и Болеславъ: «*хоругви* ту сбори (приходскія общины) на мостъ вразя (водрузили.)»

Въ пѣсни Ярославъ: «къ Оломцу *хоругви* ихъ вѣютъ.»

Въ словѣ о полку Игоревѣ: «Чърленъ стягъ, бѣла *хоруговь,* чърлена чолка.»

Прапоромъ у Славянорусcовъ называлось родовое или гербовое знамя, и флагъ, выставлявшійся на зданіяхъ.

Въ древней пѣсни о битвѣ Чеховъ съ Поляками, въ началѣ XI столѣтія, Князь Чешскій схватываетъ самъ *прапоръ* и несется на непріятелей. (3)

Въ описяхъ Царской Оружейной казны упоминаются слѣдующіе прапоры:

Гербовой боярина Никиты Ивановича Романова: «прапоръ, средина тафта бѣлая, вшитъ грифъ тафта желтая съ мечемъ, въ лѣвой лапѣ держитъ клеймо (щитъ); по выше клейма писанъ орликъ черной; опушка вшита въ червчатую тафту, тафта желтая; откоски обьярь черная писаны главы львовы золотомъ и серебромъ, опушки тафта розныхъ цвѣтовъ, гротикъ желѣзной, прорѣзанъ; древко по бѣлой землѣ писано розными красками. По ерлыку написано: прапоръ боярина Никиты Ивановича Романова.»

---

(1) «Удариху рано бубны громны,
Выразиху звуки трубы гласны» Крал. Рук.
Бубны назывались также котлами: «Hlahol trub i kotlow.»

(2) Zbor, *зборъ*, по Чешски и вообще по Славянски, значитъ собраніе, приходское, сеймовое, приходскую братскую общину.

(3) Ai ta kniez wzie prapor w mocnu ruku;
Za mnu, za mnu chrabro na Polani!

Прапоры царствъ и областей Русскихъ:

— Прапоръ съ изображеніемъ «змѣя съ короною и крылами» съ подписью: «Царь Осороханскій.»

— Прапоръ съ изображеніемъ «барса» и подписью: «Государь Псковскій.»

— Прапоръ изоб. «престолъ съ коруною, на корунѣ крестъ» съ подписью: «Тверскій.»

Прапоръ, изоб. «медвѣдь на сереб. столѣ, подпись: «Пермскій.»

— Прапоры теремные и башенные:

«Четыре прапора писаны золотомъ по бѣлому желѣзу, что бываютъ на теремахъ и на крыльцы, на шетрахъ.» (1)

Русскія знамена съ откосами и особенно *косынею* (2) (треугольникомъ) есть древнѣйшая форма знаменъ, на которыхъ изображалось божество побѣды съ его знаменованіями, множествомъ головъ и рукъ, вооруженныхъ всѣми родами оружій; подобное знамя найдено въ Ретрѣ, городѣ Прибалтійскихъ Руссовъ.

Заключая введеніе о Русской древней брони и оружіи, мы должны сказать нѣсколько словъ о конюшенной Царской казнѣ и въ особенности о старинныхъ поѣздахъ:

Въ древности обычная ѣзда была верховая. Убранство коня соотвѣтствовало убранству и достоинству ѣздока. Лучшими конями въ X столѣтіи считались Чешскіе и Угорскіе. (3) Воза, возки и повозки употреблялись для переѣзда, и для перевоза тяжестей.

---

(1) Опись 1687 г. листъ 181.

(2) «А се знамя (шитое золотомъ и серебромъ по алой тафтѣ, съ изоб. Архангела Михаила и Царя Давыда, побѣдившаго Голіафа) здѣлано *косынею.* Длина по верхней каймѣ 2 арш. безъ 1 верш.; по нижней 2 арш.; шириной 1 ар. ½ вер. бахрама золото съ шелкомъ зеленымъ Вѣтхо:» Опись 1687 г. листъ 554.

(3) «Изъ Чехъ и изо Угръ сребро и *кони.*» — Названіе *Угорскій конь* сохранилось въ выраженіи *ухорскій конь*

рыдваны, колымаги, каптаны, и телѣги (решетчатыя, крытыя кожей телятинною, и циновками, употреблявшіяся для перевоза вещей.)

Въ каретахъ и возкахъ Царскихъ и Боярскихъ были всегда два образа или два креста, иногда съ мощами:

«Корета рѣзная золоченая, а въ ней два образа: образъ всемилостиваго Спаса, другой Знаменіе Пресвятой Богородицы.»

«Корета и въ ней два образа: образъ Пресвятыя Богородицы, другой Іоанна Предтечи, писаны по золоту красками.... Взята та корета послѣ Бояриня Князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго, въ 1681 году.»

Въ указѣ Царя Θеодора Алексѣевича, въ 1682 году, было повелѣно слѣдующее распредѣленіе экипажей по званіямъ:

«Съ сего времени, впредь, Боярамъ и окольничамъ и думнымъ людемъ ѣздить въ городъ, или кто куда похочетъ, въ лѣтнее время въ коретахъ, а въ зимнее въ саняхъ на двухъ лошадяхъ; Боярамъ же въ праздничные дни ѣздить въ коретахъ и саняхъ на четырехъ лошадяхъ, а гдѣ имъ доведется быть на сговорахъ и на свадьбахъ, и имъ ѣздить и на шести лошадяхъ. Спальникамъ же и стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ ѣздить въ зимнее время въ саняхъ на одной лошади, а въ лѣтнее верьхами.»

А. Вельтманъ.

Въ Псковѣ и Новгородѣ, крытыя повозки назывались *болками.* Это названіе сохранилось и понынѣ въ Астраханской и Иркутской губерніяхъ.

Въ описаніи пріѣзда Царевны Софіи въ 1473 году, прибывъ въ Псковъ на насадѣхъ (большія лодки, крытые суда) она пересѣла въ *возъ:*

«И Царевна вшедши *въ возъ* и пріѣхавши въ домъ Живоначальныя Троицы....» — и тако вшедши въ *возъ* и поѣде съ великою честію изъ Пскова; а посадники Псковскіе и Бояре проводиша ея до Стараго Вознесенія и сѣде въ *болкахъ* и поѣде къ рубежу (Новгор. волости.)

Кромѣ *воза*, въ лѣтописяхъ и древнихъ сказаніяхъ упоминается о колахъ, (1) колесницахъ, телѣгахъ и саняхъ:

«И повелѣ (В. К. Владиміръ I.) пристроити *кола*, и вскладъ хлѣбы и мясо и рыбы и овощи разноличніи и медъ въ бочкахъ и въ другихъ квасъ, возити по городу, вопрошающе: гдѣ больніи и нищіи и не могущи ходити?»

«И вложиша (Кн. Бориса) на *кола*, и повезоша.»

Телѣга есть общеславянское названіе одноконнаго воза, съ оглоблями, а не съ дышломъ.

Въ Словѣ о Полку Игоревѣ: «кричать (Половецкія) телѣгы полунощи, рци лебеди распущени.» т. е.: скрипятъ телѣги въ полночь, уподобляясь крику разлетѣвшихся лебедей.

Сани, зимній возъ, упоминаются въ X столѣтіи: «и сани ея (В. К. Ольги) стоять въ Псковѣ и досего дни.»

По описямъ Царской конюшенной казны, были въ старину слѣдующія экипажи: кореты большія, и маленькія, полукоретья (между ними «потѣшныя, и на двy колесахъ»), коляски, сани — выходныя и полевыя, возки,

---

(1) *Коло* соб. знач. колесо; отсюда различныя названія: *колышка* — телѣга на двухъ колесахъ; *колымага*, по Чешски *kolimaha* — крытый возъ; *коляска* (въ Ирк. губ знач.: вообще телѣга); по Чешски *kolesa* — зн. коляска.

ДРЕВНОСТИ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

БРОНЯ, ОРУЖІЕ, КАРЕТЫ И КОНСКАЯ СБРУЯ.

ЗНАМЯ

СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ БЛАГОВѢРНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА КІЕВСКАГО.

(Рисун. Отд. III. № 1, 2.)

Это знамя доставлено изъ Польши сыномъ Сенатора Ѳ. П. Ключарева, который посвятилъ его въ соборъ Св. Андрея Первозваннаго, въ селѣ Грузинѣ, близь Новгорода (1).

На рисункѣ оно представлено въ одну треть. На пробѣленной ткани (миткалѣ), на немъ изображенъ красками, золотомъ и серебромъ, въ Греческомъ стилѣ, съ надписью, *Благовѣрный Великій Князь Владимиръ* и *Вои.* Одно и тоже изображеніе по обѣ стороны, что очень часто встрѣчается на старинныхъ знаменахъ, какъ видно изъ описей оныхъ: «того жъ знамени на другой сторонѣ написано такъ же, какъ и на первой сторонѣ» (2).

Съ одной стороны (рисун. 1–й) Великій Князь Владимиръ 1–й написанъ въ вѣнцѣ Святыхъ сверхъ златой царской шапки Византійской формы; въ правой рукѣ зубчатая булава, знакъ военачалія, въ лѣвой кованая золотая узда, которою онъ правитъ коня. Сверхъ зипуна изъ узорчатаго зеленаго аксамита золотая броня, съ оплечіями и наручами; сверхъ брони платно безъ рукавовъ изъ червчатаго аксамита; на ногахъ золотые сапоги. Сѣдло съ стременами.

(1) См. Записки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, часть II стр. 167.
(2) Описная книга Царской Оружейной казны 1687 года.

На другой сторонѣ изображеніе Владиміра тоже, съ тою разницею, что Царская шапка болѣе похожа на великокняжескую, и въ правой рукѣ булава съ круглымъ шаромъ.

Позади Владиміра конные воины въ шлемахъ; трое передяихъ везутъ хоругвь съ изображеніемъ креста, и два знамя съ откосами.

Передъ Владиміромъ врата, надъ которыми видѣнъ крестъ *съ копіемъ и съ тростію,* какъ изображался оный на знаменахъ, представляющихъ явленіе креста на небесахъ Константину великому (1).

Предъ вратами воевода, приподнявъ надъ головою шлемъ, встрѣчаетъ Владиміра или принимаетъ его приказанія; позади встрѣчающаго два юныхъ воина.

Это изображеніе ясно напоминаетъ Св. Владиміра, водворяющаго св. крестъ надъ градами русскими.

Г. Писаревъ, помѣстившій въ Трудахъ общества Исторіи и Древностей Россійскихъ свѣденіе о хоругви Св. Владиміра, предполагаетъ, что встрѣчаетъ Владиміра братъ его Святополкъ, а за нимъ Борисъ и Глѣбъ. Святополка трудно присоединить къ изображенному событію; но Святые Борисъ и Глѣбъ дѣйствительно изображались на знаменахъ вмѣстѣ съ Св. Владиміромъ.

По описи 1687 года, листъ 554 — 555, въ Царской Оружейной казнѣ было:

«Знамя, на немъ шито: великій Князь Владимеръ да Благовѣрный Князь Борисъ и Глѣбъ шиты на коняхъ.»

Въ описи упомянуто, что «въ 1678 году, по именному великаго Государя указу къ сему знамени вмѣсто старой цѣпинной и трехъ лопастей, сдѣлано и опушено вновь тафтою желтою. Да сдѣланы два хвоста бѣлые, третей хвостъ въ серединѣ сдѣланъ желтой тафты; а у желтова хвоста сдѣлана опушка бѣлая, шириною въ вершокъ; а въ длину сдѣланы хвосты четырехъ аршинъ и писаны на хвостахъ и по каймамъ золотомъ и серебромъ звѣзды

(1) «Знамя, на немъ писано по *миткалямъ* видѣніе Царя Костянтина. Во облацы написанъ Спасовъ образъ, да въ томъ же облацы крестъ Господень. Царь Костянтинъ на конѣ съ воинствомъ.... Въ той же срединѣ подписано:» и явися Благовѣрному Царю Константину на небеси крестъ Господень и бысть гласъ изъ облака, глаголя: Константине, Константине, симъ побѣждай враги своя борящіятися. «Да у той подписи крестъ съ копіемъ и съ тростію.» Опись 1687 года, листъ 609.»

вновь. И въ томъ году было на встрѣчѣ противъ польскихъ пословъ. На середнемъ хвостѣ писано золотомъ солнце съ сіяніемъ, и *здѣлано прапоромъ.* »

Не смотря на это, утвердительно признать за Князей Бориса и Глѣба двухъ воиновъ близь вратъ на знамени Владимира великаго невозможно; въ 1072 году вскрыты уже мощи страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, причтенныхъ Церковію къ лику Святыхъ, и въ иконописи они изображались не иначе, какъ въ вѣнцѣ Святыхъ.

ЗНАМЯ

КНЯЗЯ ДИМИТРІЯ МИХАЙЛОВИЧА ПОЖАРСКАГО.

(Рисун. Отд. III. № 3.)

Изображенное, ветхое, шелковой ткани знамя Князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, послѣ освобожденія имъ Москвы отъ Поляковъ и Литвы, хранилось въ принадлежавшемъ ему селѣ Пурихъ Нижегородской Губерніи, а въ 1827 году поступило въ Оружейную Палату. На немъ изображенъ съ одной стороны Господь Вседержитель, съ другой Архангелъ Михаилъ и стоящій передъ нимъ на колѣнахъ и изувающій сапогъ Іисусъ Навинъ. Вокругъ знамени съ одной стороны слѣдующая надпись:

«Съ вышнихъ призирая, убогія пріемля, посѣти насъ озлобленныя грѣхи, Владыко всемилостиве; молитвами Богородицы даруй душамъ нашимъ велію милость; всякія скверны, всемилостиве Спасе, азъ быхъ дѣлатель, и въ отчаяніи въ ровъ впадся, но стеню отъ сердца и вопію къ Тебѣ, Слове, ускори щедрый, потщися на помощь нашу яко милостивъ.»

На другой сторонѣ вокругъ Архангела слѣдующая надпись:

«Бысть егда бяше Іисусу у Ерихона и возрѣ очима своими, видя человѣка стояща предъ нимъ и мечь обнаженъ въ руцѣ его, и приступивъ къ нему и рече: нашъ ли еси, или отъ сопостатъ нашихъ? онъ же рече ему: азъ Архистратигъ силы Господня, нынѣ пріидохъ семо. И паде Іисусъ поклонился лицемъ своимъ на землю и рече ему: Владыко, что повелѣваеши Твоему рабу? И рече Архистратигъ Господень ко Іисусу: изуй сапогъ твой съ ногу твоею, мѣсто бо на немъ же стоиши ты, свято есть. И сотвори Іисусъ тако.»

ШЛЕМЪ И КОЛЬЧУГА

В. К. ЯРОСЛАВА (ВЪ СВ. КР. ѲЕОДОРА) ВСЕВОЛОДОВИЧА.

(Рисун. Отд. III. № 4.)

Этотъ желѣзный шлемъ обложенъ чеканными серебряными золочеными бляхами, на которыхъ спереди изображенъ Архангелъ Михаилъ съ скипетромъ (посохомъ) и державой въ рукахъ; вокругъ него надпись изъ черни: *Великыи архистратиже Го(сподень) Михаиле, помози рабу своему Ѳеодору.»* На подвершьѣ шишака лики: Спасителя съ надписью: Іс. Хр.; Агі (агіос) Ѳеодоръ; Агі Геѡргъ; Агі Василі. По вѣнцу на продольной бляхѣ въ фигурахъ изображены орлы, соколы, и крылатые звѣри, совершенно сходные съ изображенными на древнихъ шитыхъ обояхъ, представляющихъ походъ Гаральда, посланнаго Едуардомъ Королемъ Англіи къ Вильгельму Герцогу Норманскому съ завѣщаніемъ Престола Англіи (1).

Этотъ шлемъ найденъ, въ 1808 году, вмѣстѣ съ кольчугой (рис. лит. В) во Владимирской губерніи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Юрьева-Польскаго, въ лѣсу, подъ пнемъ дерева. По формѣ своей, по съѣденному ржавчиной желѣзу и по скипѣвшейся кольчугѣ, его должно было отнести къ давнимъ временамъ. Въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ I-й, повелѣлъ бывшему въ то время Президенту Академіи Художествъ Оленину изслѣдовать: кому бы могъ принадлежать этотъ древній шлемъ. Г. Оленинъ, соображая мѣстность, гдѣ найденъ оный, съ историческими преданіями о бит-

(1) Monfaucon: les Monumens de la Monarchie Française, t. I. page 371.

вахъ, объяснилъ, что на томъ самомъ мѣстѣ въ 1216 году была Липецкая битва, за наслѣдіе Владимирскаго Великокняженія, между сыновьями В. К. Всеволода Константиномъ и Георгіемъ; за перваго стоялъ Мстиславъ удалый, за втораго Ярославъ (въ Св. крещеніи Ѳеодоръ) Всеволодовичь. Мстиславъ одолѣлъ, Ярославъ и Георгій бѣжали съ сраженія, сбросивъ съ себя все вооруженіе. Соображая надпись вокругъ гербоваго изображенія Архангела Михаила съ событіемъ 1216 года, нельзя усумниться, что шлемъ принадлежалъ Князю Ѳеодору Всеволодовичу. Это заключеніе можно подтвердить еще тѣмъ, что шлемъ по формѣ своей и по украшеніямъ его вышеупомянутою чеканью Норманскаго вкуса, вѣроятно, дѣланъ былъ въ Новгородѣ, во время Ярославова тамъ княженія.

Въ дополненіе должно замѣтить, что кольчуга была свернута и въ этомъ положеніи скипѣлась отъ ржавчины, спрятанная подъ дерево во время бѣгства Ярослава, когда Мстиславъ, двинувшійся отъ Переяславля, обошелъ полки его и ударивъ въ тылъ, разбилъ и принудилъ бѣжать въ Переяславль чрезъ дебрь, раздѣлявшую сражавшихся.

ШЛЕМЪ

СВ. БЛАГОВѢРНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

(Рисун. Отд. III. № 5, 6, 7, 8.)

Изображенный на означенныхъ рисункахъ шлемъ, или шапка Ерихонская, принадлежалъ по преданію Св. Благовѣрному В. К. Александру Ярославичу Невскому. Хотя въ прилагаемомъ извлеченіи изъ описи 1687 года Царской Оружейной Казны, онъ означенъ: « Микитина дѣла Давыдова », но этому Московскому оружейному мастеру временъ Царя Михаила Ѳеодоровича принадлежатъ, придѣланныя къ шлему восточной работы, украшенія драгоцѣнными камнями и финифтяное изображеніе Архангела Михаила надъ задвижкой спереди, называемой въ описяхъ *прорѣзнымъ носомъ*.

Шлемъ кованъ изъ краснаго желѣза, съ наушками и бармицей, состоящей изъ семи щитковъ, богато насѣченъ золотомъ. Въ вѣнцѣ, въ насѣчкахъ травъ, стихъ изъ Корана: *помощь отъ Бога, близкая побѣда, возвѣсти благовѣрнымъ*. Посреди шлема съ трехъ сторонъ насѣчены золотомъ короны съ крестами.

Судя по стихамъ изъ Корана и формѣ короны, шлемъ кованъ въ Азіи, для какого нибудь изъ христіанскихъ владѣтелей. Если предположить, что названіе *Ерихонскій* произошло отъ *Юргенскій,* то есть Грузинскій, то безъ всякаго сомнѣнія, шлемъ дѣланъ для одного изъ Царей Грузіи. Если же названіе *Ерихонскій* не ошибочно, то можно думать, что шлемъ кованъ въ Палестинѣ во время Крестовыхъ походовъ: форма короны соотвѣтствуетъ вполнѣ этой эпохѣ.

Въ переписной книгѣ Царской Оружейной казны 1687 года, листъ 460 и 461, шлемъ описанъ слѣдующимъ образомъ:

«Шапка Ерихонская краснаго желѣза Микитина дѣла Давыдова; вѣнецъ и на верху вѣнца другой вѣнецъ и подвершье и полка и затылокъ наведено золотомъ, травы, да посреди шапки короны наведены золотомъ же, да въ полкѣ и въ вѣнцѣ шесть гвоздиковъ репчатыхъ серебрены золочены, да семь гвоздиковъ серебреныхъ же горощетыхъ золочены; затылокъ прикрѣпленъ на трехъ цѣпочкахъ серебреныхъ золоченыхъ, въ нихъ шесть гвоздей серебреныхъ золоченыхъ, да въ ушахъ и въ затылкѣ двѣнадцать гвоздиковъ горощетыхъ; у шапки исподней вѣнецъ золотъ, въ немъ по скаскѣ и по щету золотого дѣла мастера Ивана Маркова, сорокъ три яхонта червчатыхъ да восемьдесятъ два алмазца въ золотыхъ гнѣздехъ сфиифты, одна искорка выпала и лежитъ съ носомъ въ бумашкѣ; да въ шапкѣ и въ полкѣ въ золотыхъ гнѣздехъ сфиифты два яхонта червчатыхъ да десять алмазовъ; подвершье золотое сфиифты розными, въ немъ, въ золотыхъ же гнѣздахъ с фииифты, четыре алмаза; уши прорѣзные наведены золотомъ, опушка золотая, вопушкѣ шестьдесятъ одинъ яхонтъ червчатыхъ, да на наушкѣ жемчюгу семьдесятъ четыре зерна бурмицкихъ да четыре алмаза въ золотыхъ гнѣздехъ, да три запаны с фииифты, въ нихъ три изумруда большихъ, около ихъ по двѣнадцати искорокъ яхонтовыхъ червчатыхъ; въ другомъ ухѣ, вопушкѣ, въ золотыхъ гнѣздехъ пятьдесятъ семь яхонтовъ червчатыхъ, да на наушкѣ жемчюгу семьдесятъ шесть зеренъ бурмицкихъ, четыре алмаза въ золотыхъ гнѣздехъ, три запаны въ нихъ по изумруду большому, около одной запаны десять искоръ яхонтовыхъ червчатыхъ; у нижней запоны въ дву концахъ по изумруду; носъ съ лица наведенъ золотомъ травы, исподъ золоченъ гладью, на верху накладная золотая, а на ней ангелъ хранитель чеканной с фииифты; въ верху надъ ангеломъ алмазъ въ золотомъ гнѣздѣ с фииифты; по сторонамъ въ золотыхъ же гнѣздехъ въ верху два яхонта червчатыхъ да въ исподи два изумрудца; на носу въ подножіихъ у ангела съ сторонъ закрѣплены два зерна бурмицкіе большіе, промежъ ими въ гнѣздехъ золотыхъ два яхонта червчатыхъ, промежъ яхонтовъ алмазъ граненой; двои лопасти однѣ червчатые другіе желтые атласные.»

«А по нынѣшней переписи ҂ро҃е (1687) году и по осмотру, та шапка противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлась, въ ней тулья отласъ желтой,

стеганъ на бумагѣ. Цѣна той шапкѣ тысеча сто семьдесятъ пять рублевъ, а въ прежней описной книгѣ написана шестая. »

Въ вершинѣ шлемовъ вставлялись еловцы или маленькіе значки, а также перья, которыя при торжественныхъ случаяхъ были обдѣлываемы прядями жемчужными, снопами золотой проволоки, съ насаженными драгоцѣнными камнями. Прилагаемъ описаніе шеломнаго пера изъ описной книги большой шкатулы Царя Михаила Ѳеодоровича, 1642 — 43 — 44 года: (1)

« Перо, что бываетъ въ шелому, обдѣлано золотомъ. Въ немъ вставливаны лалики и бирюски; къ верху шесть прядей жемчужныхъ на проволокахъ, да шесть полосокъ золоты съ искорки съ лаловыми и бирюзными; съ верху въ закрѣпкахъ шесть лаликовъ да шесть зеренъ жемчужныхъ; цѣна двадцать пять рублевъ. Принято по книгамъ у подъячева у Дмитрея Михайлова во рн҃ (1642) году, а откуда взято и въ которомъ году, того въ книгахъ не написано. »

(1) Арх. Ор. Пал. № 682.

ШЛЕМЪ

ЦАРЕВИЧА ІОАННА ІОАННОВИЧА, СЫНА ІОАННА IV.

(Рисун. Отд. III. № 9.)

Этотъ маленькій шлемъ, дѣланный для малолѣтнаго Царевича Іоанна Іоанновича, есть образецъ собственно Русскихъ шлемовъ, съ еловцами, которые можно видѣть на всѣхъ древнихъ рисункахъ, изображающихъ Рускихъ воиновъ; къ этому шлему прицѣплялась кольчужная бармица полостью, прикрывающею плеча.

Въ описи Царской Оружейной казны 1687 года, этотъ шлемъ означенъ вторымъ, на оборотѣ 468 листа:

«Шоломъ желѣзной стальной, вѣнецъ наведенъ золотомъ, по нарѣзкѣ по мишенямъ слова наведены золотомъ, подпись дѣлана, по повелѣнію Блаженные памяти Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи, сыну его Благовѣрному Царевичу Ивану Ивановичю; межъ мишеней четыре круги наведены золотомъ по нарѣзкѣ, въ нихъ два орлика, да по два левика, подвершецъ наведенъ золотомъ травы чеадайскіе.»

Подпись по опушкѣ шлема, наведенная золотомъ, слѣдующая:

«Повелѣніемъ Благовѣрнаго и христолюбиваго Царя Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца, сдѣланъ шеломъ сей благородному сыну его Царевичу Ивану Ивановичу, въ четвертое лѣто отъ рожденія его, въ преименитомъ и царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7065 (1557) Іюня въ 8 день.»

ЕРИХОНСКАЯ ШАПКА

ВЫВОЗУ БОЯРИНА АФАНАСІЯ ПРОНЧИЩЕВА.

(Рисун. Отд. III. № 10, 11.)

Примѣчаніе: Прежціе ерлыки, бывшіе на Ерихонскихъ шапкахъ Князя Ѳ. И. Мстиславскаго, Боярина Прончищева и *Алексѣя Михайловича* Львова, вѣроятно были перемѣшаны; а потому и на рисункахъ подписи, по повѣркѣ съ описными книгами 1687 и 1701 годовъ, оказались ошибочны: Ерихонская шапка вывозу Прончищева названа шапкой Князя Ѳ. И. Мстиславскаго, а шапка Мстиславскаго шлемомъ Царя Алексѣя Михайловича.

Изображенная на рисункахъ 10 и 11–мъ Ерихонская шапка, по описи Оружейной Палаты 1835 года, означена подъ № 6-мъ; она изъ краснаго булата, отъ вѣнца до вершины отерта продольными плоскими гранями, поперегъ которыхъ сдѣланы три узкіе пояска въ видѣ обручиковъ: одинъ въ верху вѣнца, другой посрединѣ тульца, третій раздѣляетъ на двѣ части тулью между граненой, украшающей верхъ шишечки и средняго ободка. Верхушка и края вѣнца, также мѣстами щитокъ, наушни и затылокъ, состоящій изъ одной пластины, наведены золотомъ. На верхушкѣ носа и посрединѣ вѣнца золотая подпись, состоящая изъ арабскихъ буквъ. На тульѣ и щиткѣ гвоздей серебряныхъ съ рубчатыми головками десять, да малыхъ горошчатыхъ сорокъ два; по наушнямъ и затылку гвоздей съ дорожчатыми головками десять, горошчатыхъ золоченыхъ и не золоченыхъ двѣсти сорокъ два. Затылокъ состоитъ изъ одной выгнутой

пластины, прикрѣпленной тремя серебряными цѣпочками. Вся шапка подбита краснымъ, стеганымъ на хлопчатой бумагѣ, атласомъ. При ней для подвязки четыре лопасти атласныхъ же, изъ нихъ двѣ красныя и двѣ желтыя.

По переписнымъ книгамъ 1687 и 1701 года (1), описаніе ея слѣдующее:

«Шапка Ериховская булатъ красной, отерта на грани, вѣнецъ по нарѣзкѣ наведенъ золотомъ, межъ наводки слова Арабскіе, и по верхъ вѣнца мишенцы да четыре мишени большихъ; подвершье и яблочко, уши и полка и затылокъ наведены золотомъ, промежъ наводъ слова Арабскіе, да на ушахъ сто сорокъ гвоздей горощетыхъ, да въ полкѣ и въ вѣнцѣ и въ ушахъ въ закрѣпкѣ двадцать гвоздей репчетыхъ, да на вѣнцѣ и на полкѣ и на затылкѣ и на ушахъ дорога серебряная золочена, а въ ней въ закрѣпкѣ тридцать гвоздиковъ маленькихъ горощетыхъ; опушка у дороги и около вѣнца и полки и затылка и ушей сканная, у затылка три чепи серебреные золочены, носъ прорѣзной наведенъ золотомъ травы, подложены отласъ червчатъ, да по двѣ завязки отласъ червчатъ жолтъ. А въ прежнихъ переписныхъ книгахъ подъ тою статьею написано по сказкѣ мастеровъ: та шапка *Афанасьевскаго вывозу Прончищева.*»

«А по нынѣшней переписи ҂рчє (1687) году и по осмотру та шапка противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлась; цѣна той шапкѣ триста пятьдесятъ рублевъ; а въ прежней описной книгѣ написана четвертая.»

(1) Арх. О. П. Переписная книга 1687 года листъ 461-й на оборотѣ. Опись оружейнымъ вещамъ 1701 года (№ 164) листъ 229, на оборотѣ.

ШАПКА ЕРИХОНСКАЯ

КНЯЗЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА ЛЬВОВА.

(Рисун. Отд. III. № 12, 13.)

Булатный шлемъ, хранящійся въ Оружейной Палатѣ подъ № 5, по описи 1687 года, составленной по «прежнимъ переписнымъ книгамъ» означенъ «Князя Алексѣя Михайловича Львова» окольничаго при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Подвершье, вѣнецъ, щитокъ, носъ, бармица и наушки насѣчены золотомъ въ узоръ съ арабскими рѣченіями изъ Корана, сходными съ изображенными на шлемѣ благовѣрнаго В. К. Александра Невскаго.

Въ описи 1687 года, листъ 462 — 463, онъ означенъ 4-мъ и описанъ слѣдующимъ образомъ:

«Шапки Ерихонская з долами, булатъ красной, вѣнецъ и въ вѣнцѣ въ наводѣ слова Арабскіе, по верху вѣнца каима и подъ верхнимъ вѣнцемъ каима жъ и надъ каймою подвершье наведено золотомъ, да на верху яблоко золочено гладью; дорога на затылкѣ и на ушкахъ и на полкѣ круглая гладкая золотая; на ушкахъ сто шестьдесятъ гвоздей горощетыхъ да десять репейчатыхъ серебреныхъ золоченыхъ; на вѣнцѣ и на полкѣ въ закрѣпкѣ десять гвоздей репейчатыхъ; уши и затылокъ и полка наведены золотомъ, промежъ наводу слова Арабскіе; у затылка три чепи серебреные съ пробоицы золочены; носъ прорѣзной наведенъ золотомъ травы; подложено отласомъ червчатымъ да по двѣ завязки отласъ желтъ да червчатъ. Въ

прежнихъ переписныхъ книгахъ подъ тою статьею написано, по сказкѣ мастеровъ: *та шапка Князя Алексѣевская Михайловича Львова.* »

«А по нынѣшней переписи ҂ачпе (1687) года и по осмотру, та шапка противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлась; цѣна той шапкѣ триста рублей; а въ прежней описной книгѣ написана третья. »

ШАПКА ЕРИХОНСКАЯ

«КУЧЮМОВСКАЯ.»

(Рисун. Отд. III. № 14.)

Этой Ерихонской шапкой, какъ видно изъ переписной книги 1687 года, ударилъ челомъ Царю Алексѣю Михайловичу, Бояринъ и Дворецкій Борисъ Петровичь Шереметевъ. По той же переписной книгѣ она называется *Кучумовской,* и судя по этому сказанію, если принадлежала не собственно Сибирскому владѣтелю (Салтану) Кучюму, то, можетъ быть, племяннику, а по Строгоновской лѣтописи, сыну его Маметкулу, взятому въ 1582 году въ плѣнъ и служившему въ послѣдствіи въ Русскихъ ополченіяхъ.

Эта Ерихонская шапка (въ описи Ор. П. № 3.) краснаго булата, насѣчена по вѣнцу и по тульѣ въ узоръ золотыми травами; внизу по вѣнцу опушка изъ чеканеннаго золота, въ которой вставлены смазни, или стекла съ подкладкой. Верхъ шапки украшенъ золотою съ небольшимъ яблокомъ трубкою, покрытою разноцвѣтною финифтью. Носъ и наушни булатные съ насѣчкою; тылъ булатный же, состоящій изъ одной пластинки безъ насѣчки; на шапкѣ въ вѣнцѣ противъ наушней находятся въ золотыхъ гнѣздахъ два небольшіе лала. Въ опушкѣ красныхъ смазней шесть, и одинъ синій, да пустыхъ мѣстъ десять. Въ слухахъ, въ каждомъ по одному лалу; на тѣхъ же наушняхъ по краю искръ бирюзовыхъ и лаловыхъ по десяти; пустыхъ мѣстъ шесть; на носу въ верху одно бурмитское зерно. Вся шапка подбита краснымъ атласомъ на хлопчатой бумагѣ.

Въ переписной книгѣ Царской оружейной казны, 1687 года:

« Шапка Ерихонская булатъ красной, по булату вѣнецъ и ушки наведены травы по нарѣзкѣ золотой, у каймы подъ вѣнцомъ опушка золотая чеканная, въ опушкѣ въ вѣнцѣ восмь камешковъ червчатыхъ, да восмь лазоревыхъ смазней, да въ вѣнцѣ надъ ушьми по лалику; уши прорезные, на ушкахъ на прорѣзкѣ по лалу; опушка около ушей серебреная, въ опушкѣ въ обѣихъ ушахъ по шти бирюзокъ до по шти искорокъ яхонтовыхъ и лаликовыхъ; въ ушахъ же по колечку привязному золотому; у затылка кайма, около наведены сусальнымъ золотомъ; у затылкажъ три чепи серебреные золоченые; въ затылкахъ же по краямъ семь гвоздей серебреныхъ золоченыхъ окрепочныхъ, чѣмъ окреплена подкладка; на носу наведены травы чеадайскіе по нарѣзкѣ золотомъ, на верху зерно бурмицкое; подвершье травы мелкіе чеадайскіе наведены золотомъ по нарѣзкѣ; городокъ золотой наведенъ финифты розными на фряское дѣло; подкладка отласъ червчатъ; завязки у тое шапки отласъ желтой; на затылкѣ бывало золочено сусальнымъ золотомъ; въ золотомъ вѣнцѣ шесть мѣстъ порозшихъ выпалыхъ камышковъ; въ прежнихъ переписныхъ книгахъ подъ тою статьею написано по сказкѣ мастеровъ: « бывала та шапка Кучюмовская, ударилъ челомъ Государю Борисъ Петровичъ Шереметевъ.»

« А по нынѣшней переписи рч҃є (1687) году и по осмотру, та шапка противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлась, завязокъ нѣтъ, цѣна двести двадцать рублевъ; а въ прежней описной книгѣ написана вторая. »

ЕРИХОНСКАЯ ШАПКА

КНЯЗЯ Ѳ. И. МСТИСЛАВСКАГО.

(Рисун. Отд. III. № 15, 16.)

При описаніи шапки вывоза Б. Афанасія Прончищева, № 10 и 11, мы объяснили причину ошибочной подписи, сдѣланной на рисункахъ Ерихонскихъ шапокъ *Алексѣя Михайловича* Львова, Прончищева и Мстиславскаго. Шлемъ, изображенный на рисункахъ № 16 и 17, подписанный : Царя Алексѣя Михайловича , принадлежалъ , какъ оказалось теперь , по разсмотрѣніи старинныхъ описей 1687 и 1701 годовъ , Боярину Князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому.

Въ описной книгѣ Государевой Оружейной казны 1687 года, онъ означенъ въ числѣ Ерихонскихъ шапокъ 3-мъ :

« Шапка Ерихонская булатъ красной, наведена по нарѣзкѣ золотомъ, носъ и уши прорѣзные; вѣнецъ и кайма по верхъ вѣнца и затылокъ и полка наведены золотомъ же, въ ушахъ въ закрѣпкѣ девяносто шесть гнѣздъ серебреныхъ горощетыхъ, да въ вѣнцѣ и въ полкѣ и въ ушахъ двадцать гвоздей серебреныхъ золоченыхъ, репчатыхъ; верхъ и яблочка и плащи чеканные золотые съ каменемъ, каменье бирюзъ и виписокъ пятьдесятъ восмь; около шапки и полки и затылка и ушей дорога серебреная позолочена; по верхнимъ плащамъ кайма наведена по нарѣзкѣ золотомъ ; на носу въ гнѣздехъ камень яхонтъ лазоревъ съ дирою; на носу жъ на спнѣ въ закрѣпкѣ два зерна бурмицкихъ, подложены отласомъ червчатымъ ; на ушахъ по двѣ за-

вязки отласныхъ по червчатой, да по жолтой; у затылка три цепочки серебряныхъ золочены; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ подъ тою статьею написано по сказкѣ мастеровъ: «*та шапка бывала Князя Ѳедора Ивановича* Мстиславскаго.»

«А по нынѣшней переписи ρчє году и по осмотру, та шапка противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлась; чехолъ суконной красной; по осмотру, на затылкѣ у чепочки гвоздика нѣтъ. Цѣна той шапкѣ триста тридцать рублевъ, а въ прежней описной книгѣ написана первою.»

ШАПКА

«ЧЕКАННАЯ, ЗОЛОЧЕНАЯ, ЦЕСАРСКОЕ ДѢЛО.»

(Рисун. Отд. III. № 17, 18.)

Хранящійся въ Оружейной Палатѣ желѣзный шлемъ подъ № 48, въ описныхъ книгахъ 1687 и 1701 годовъ, подъ заглавіемъ «*шапки Нѣмецкіе и Калмыцкіе*» помѣщенъ первымъ.

«Шапка чеканная, золочена, Цесарское дѣло; въ ней два клейма большихъ, въ нихъ люди; въ одномъ клеймѣ человѣкъ бьетъ змѣя; по выше клеемъ по орлу двоеглавому, въ нихъ по человѣку на конѣ; межъ клеемъ по личинѣ; пониже клеемъ четыре льва; и люди и орлы и личины и львы и змѣйки и травки золочены. А по нынѣшней переписи ҂рч҃е году и по осмотру, та шапка противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлась; цѣна сто рублей.»

На этомъ стальномъ золоченомъ шлемѣ превосходнаго чекана, современнаго искуству Бенвенуто Челлини, на двухъ большихъ клеймахъ изображенъ Геркулесъ, поражающій Лернскую Гидру и задушающій въ борьбѣ великана Анѳея.

На вычеканенномъ гербѣ Русскомъ въ вершинѣ шишака, надъ коронованными главами орловъ изображенъ крестъ. Это гербъ царства Московскаго во время Патріаршества, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, и слѣдовательно

работа шлема относится къ этому времени. По выпискѣ изъ посольскихъ книгъ 1591 года, Польскій Король Сигизмундъ III-й прислалъ Царю въ числѣ прочихъ даровъ, поднесенныхъ Павломъ Сапегой, «*шеломъ золотенъ.*» Въ этомъ дарѣ можно признать изображенный на рисункѣ желѣзный золоченый шлемъ, цесарскаго дѣла.

ЖЕЛѢЗНЫЙ ШИШАКЪ СЪ ДЕИСУСОМЪ.

(Рисун. Отд. III. № 19.)

Въ описи Оружейной Палаты этотъ шишакъ, подъ № 4-мъ, названъ Греческимъ. Онъ желѣзный съ серебряной насѣчкой и позолотой; по вѣнцу изображенія съ Греческими надписями: Вседержителя, Богородицы, Іоанна Крестителя, двухъ Ангеловъ Хранителей, двухъ Херувимовъ и двухъ Евангелистовъ, посреди которыхъ ликъ Св. Николая Чудотворца. Въ описной книгѣ 1687 года онъ внесенъ между Ерихонскими шапками:

«Шапка з Дѣисусомъ желѣзная, травы мѣлкіе наведены золотомъ и серебромъ. Ветха, не вооружена.

«По нынѣшней переписи рч҃е году и по осмотру, та шапка противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлась. Цѣна шестьдесятъ рублевъ; а въ прежней описной книгѣ написана пятая.»

ШЛЕМЫ ЛИТОВСКІЕ И ЛИВОНСКІЕ.

(Рисун. Отд. III. № 20.)

Изображенные на рисункѣ верхній и нижній шлемы или по описямъ *шапки кирасные*, принадлежали къ кирасному или полному облаченію въ желѣзо; первая съ золоченымъ рѣшетчатымъ забраломъ, опускаемымъ изъ нутри, вторая съ глухимъ наружнымъ.

Средній шлемъ, есть собственно желѣзная шапка съ полями, употреблявшаяся при латахъ, — желѣзныхъ нагрудникахъ съ полами и безъ полъ.

Верхній шлемъ, по описи 1687 года (1) относится къ однимъ изъ трехъ слѣдующихъ кирасныхъ латъ:

« Трои латы кирасные, малеваные, съ шапками и нарамками и съ полами и съ рукавицами, и въ томъ числѣ у однѣхъ латъ одна лѣвая рукавица, у одной гвоздье къ опушкѣ желѣзное гладкое серебряно; у третьихъ мѣдное; у однѣхъ латъ шапка съ рѣшеткою; у двоихъ у шапокъ носы, одинъ золоченъ, другой серебрянъ; на шеяхъ у двухъ шапокъ репьи желѣзные серебряны, на вертлюгахъ гвоздья желѣзные серебряны; пряжки у нарамковъ и у поясовъ желѣзные серебряны; раменье обшито кindякомъ краснымъ; рукавицы подложены краснымъ же киндякомъ; на зади у дву шапокъ трубки желѣзные серебряны; у третьихъ латъ шапка подложена камкою желтою; на зади трубка мѣдная золочена, пристежи набираны на желтой камкѣ, звѣзды мѣдные золочены, крючки желѣзные золочены; у нарамковъ пристежи ременье красное, пряжки мѣдные двойные золочены; рукавица подложена кожею бѣлою.»

(1) Лисгъ 495.

«А по нынѣшней переписи ρчє году и по осмотру, тѣ латы противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись; у одного правой рукавицы нѣтъ; цѣна по осмидесять рублевъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написаны первыми на десять.»

Кирасные шлемы, а равно и кирасы у насъ не употреблялись; хотя въ описяхъ находятся поступившіе въ казну въ числѣ пожитковъ *кирисы* Боярина Никиты Ивановича Романова и Князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго (1). Безъ сомнѣнія, эти рыцарскія латы хранились у нихъ, какъ трофеи воинъ съ Ливонцами. Что же касается до желѣзныхъ шляпъ съ полями, то онѣ при латахъ и безъ латъ носились нѣмецкими полками, какъ конными, такъ и пѣшими, учрежденными при Царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія: Въ 1631 году Голландскіе послы поднесли въ даръ «двѣ латы полные, каковы носятъ конные люди, которые ѣздятъ съ пищальми» т. е. драгуны.

(1) Описная книга 1687 года, листъ 494 и 495.

ШИШАКЪ СЪ ЛИЧИНОЮ.

(Рисун. Отд. III. № 21.)

Въ описной книгѣ 1687 года, между изчисленными латами, находятся нѣсколько *шапокъ съ личинами,* какъ принадлежность латнаго облаченія.

« Шапка желѣзная съ личиною (1), а шапка и личина золочена, попорчена; цѣна восмь рублевъ. »

« Шапка желѣзная латная (2) съ личиною, да наплечье; а та шапка и личина и наплечье золочены; цѣна пять рублевъ. »

Нынѣ, въ Оружейной Палатѣ хранятся три желѣзныхъ личины, или маски.

Означенный на рисункѣ кольчужный шишакъ, (по описи Оружейной Палаты № 7-й) съ золотой наводкой, заключаетъ въ кругѣ подъ шишкою Арабскую, а не Монгольскую надпись.

(1) Листъ 482, на оборотѣ.
(2) Листъ 485, на оборотѣ.

ШЛЕМЫ ЧЕКАННЫЕ.

(Рисун. Отд. III. № 22, 24.)

Означенные на рисункахъ: № 22, изображеніе 1-е и № 24 — изобр. 4, въ описи Оруж. Палат. отмѣчены въ числѣ шишаковъ — № 9 и 10; но по формѣ навершья, устроеннаго для вставки еловца или пера (1), это собственно шлемы, какъ оные и названы въ описной книгѣ Царской Оружейной казны 1687 года. Чеканный осмью гранями, съ полукружіями и клинцами надъ вѣнцемъ, записанъ первымъ. Онъ былъ золоченъ и вооруженъ наушниками и затылкомъ, какъ упомянуто, изъ нѣмецкаго желѣза. Въ *прежнихъ* книгахъ, считался пятымъ; а изображенный на рисункахъ № 24, четвертымъ:

— «Шоломъ чеканной граненой; по вѣнцу сплошь по половинѣ круга; по выше круговъ, на граняхъ, по клинцу; черезъ кругъ и черезъ клинецъ и черезъ грань золочено; ветчанъ; наушки и затылокъ нѣмецкого желѣза, покрыты зеленымъ бархатомъ; завязки отласъ червчатъ.»

«А по нынѣшней переписи ҂ѧ҃ѕ (1687) году, и по осмотру, тотъ шоломъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшелся; завязокъ нѣтъ; цѣна шестьдесятъ рублевъ, а въ прежней описной книгѣ написанъ *пятой*».

— «Шоломъ ветчанъ, по чекану золоченъ; семь гвоздей серебряныхъ репейчатыхъ; наушки и затылокъ нѣмецкаго желѣза, покрыты бархатомъ червчетымъ; завязки отласъ червчетъ.»

(1) См. описаніе шлема В. К. Александра Невскаго.

«А по нынѣшней переписи рче году и по осмотру, тотъ шоломъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся; цѣна тридцать рублевъ, а въ прежней описной книгѣ написанъ четвертой же».

Изображенная на рисункѣ № 22 подъ чеканнымъ шлемомъ ложчатая латная шапка есть собственно латный шишакъ, которому соотвѣтствуетъ въ описи 1687 года № 4: «шишакъ лощатой, наушки прорѣзные, затылокъ дощатой, желѣзный, гвоздье мѣдные, носа нѣтъ, огипца попорчена».

ШИШАКИ.

(Рисун. Отд. III. № 23 (изобр. 4.), 25, 29, 30.)

Хотя шишакъ и означаетъ тоже, что шлемъ; но по описямъ шишаками назывались у насъ преимущественно шлемы въ видѣ череповъ или опрокинутыхъ чашъ, у которыхъ въ навершье была шишечька съ ушкомъ, или колечко для укрѣпленія кисти или хвоста; а иногда сзади трубка (1). Для перьевъ или гребней, (рисунокъ 29 изоб. 1) какъ у шапокъ латныхъ (2). Такимъ образомъ, соображаясь съ описями, шишакъ получилъ названіе отъ шишки на навершьѣ.

Шишакъ на рисункѣ № 23 изобр. 4-е, по описной книгѣ 1687 года работы Московскаго мастера Микиты Давыдова; затылокъ замѣненъ въ немъ не соотвѣтственнымъ:

«Шишакъ Московской Микитина дѣла Давыдова, въ вѣнцѣ и въ подвершье врѣзывано золото травы чеадайскіе; да межъ вѣнца и подвершья восмь мишеней врѣзывано золото; уши рѣзаны травы чеадайскіе; по доскамъ на затылкѣ врѣзывано золото жъ мишенми; въ шишакѣ и на ушахъ въ закрѣпкѣ тридцать гвоздей репейчатыхъ серебреные золоченые; носъ прорѣзной позолоченъ сплошь. Подложенъ отласомъ червчатымъ.»

(1) «Одинъ шишакъ цѣльной кованой, задка и наушника и *трубки* нѣтъ.» Опись 1687 года; листъ 473, на оборотѣ.

(2) Шишечка или пробой кольцомъ на шишакахъ видны на всѣхъ древнихъ изображеніяхъ Римскихъ воиновъ.

А по нынѣшней переписи ҂рче году и по осмотру, тотъ шишакъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся; завязки отласъ желтой; цѣна двѣсти рублевъ. »

Булатный шишакъ, изображенный на рисункѣ № 25, украшенный золотыми мишенями съ яхонтами и бирюзами вполнѣ соотвѣтствуетъ богатымъ наручамъ (опись Ор. П. № 78), купленнымъ у Княгини Мстиславской, вѣроятно по смерти ея мужа Князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго (1).

Къ этому шишаку также прикрѣплены не соотвѣтственныя ему наушки и бармица, которыхъ недоставало уже при составленіи описи 1687 года:

« Шишакъ не вооруженъ булатной, въ вѣнцѣ врѣзывано золото слова Арабскія, въ немъ шесть мишеней золотыхъ; въ мишеняхъ по искрѣ червчатой да по двѣ бирюзы; на верху плащь золотой съ кольцомъ золотымъ, на плащѣ три яхонта червчатыхъ да три бирюзы въ гнѣздахъ; около плаща вѣнчикъ золотой сканной, въ немъ въ гнѣздахъ бирюзы и искры яхонтовы; по сторонамъ шесть плащей большихъ и малыхъ съ каменьемъ с яхонты и бирюзы, да мѣсто плащевое порожжее; межъ плащей врѣзывано золото. »

« А по нынѣшней переписи ҂рче (1687) году и по осмотру, тотъ шишакъ съ прежними книгами сшолся, цѣна ему сто пятнадцать рублевъ, а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написанъ шестымъ. »

По описной книгѣ 1687 года, считалось 3276 старыхъ шишаковъ, которые вѣроятно составляли вооруженіе Нѣмецкихъ полковъ; подробное описаніе ихъ не помѣщено, но образцами могутъ служить изобр. 1-е на рисункѣ № 24 и нижнее на рисункѣ № 26; на первомъ накладной мѣдный двухглавый орелъ укрѣпленъ спереди на тульѣ; на второмъ на щиткѣ, защищающемъ носъ.

(1) Опись 1687 года, листъ 525, на оборотѣ.

МОНГОЛЬСКІЯ ШАПКИ.

(Рисун. Отд. III. № 26, 27.)

Желѣзные Монгольскіе шлемы, называемые въ старинныхъ описяхъ Калмыцкими, по формѣ своей совершенно сходны съ Китайскими, принадлежащими къ *куяшной* бронѣ Китайской конницы. Всѣ бывшіе въ Оружейной казнѣ и частію сохранившіеся донынѣ Монгольскіе шлемы присылались въ дань Царямъ отъ Монгольскихъ, Тунгузскихъ и прочихъ владѣтелей, вмѣстѣ съ куяками, или Монгольскими панцырями.

Шлемъ рисунокъ № 26, въ описи Ор. П. записанный въ числѣ шишаковъ № 45, присланъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу въ дань отъ *Лабы Тунгузской земли Данимена Герланзу*, въ 1636 году:

«Шеломъ, на верху, напереди, рѣзаны слова; задъ и стороны доски покрыты бархатомъ цвѣтнымъ, травы шелкъ червчатъ, да зеленъ, да желтъ; цѣна пять рублевъ. Прислалъ Государю дани Лаба, во ҂рмд (1636) году.» (1)

Объ этой желѣзной шапкѣ упоминается въ описи 1687 года, листъ 467:

«Шапка желѣзная Калмыцкая, гладкая съ долы, на верху трубочка. Прислана въ Оружейной приказъ съ Казеннаго двора. Цѣна двадцать пять алтынъ; завязки шелкъ желтой. — А по нынѣшней переписи ҂рче году и по осмотру, та шапка противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлась. Ушки и затылокъ *куяшные*, покрыты бархатомъ цвѣтнымъ. *Поверхъ шапки*

(1) Арх. Ор. П. № 678 — Опись казны Царя Михаила Ѳеодоровича и Царевича Алексѣя Михайловича, находившейся на Казенномъ дворѣ. Листъ 395.

подъ трубкою и на полкѣ слова Колмыцкіе. А по нынѣшней оцѣнкѣ, полтора рубли »

Вмѣсте съ этимъ шлемомъ присланъ былъ отъ Лабы: «Куякъ съ рукавы, у него жъ пять щитовъ съ пугвицы, на петляхъ. Куякъ и щиты прикрыты бархатомъ плохимъ цвѣтнымъ, травы розныхъ цвѣтовъ. Прислалъ къ Государю дани Лаба въ ρλїд (1636) году, цѣна тридцать рублевъ.»

КУЯШНЫЯ ШАПКИ.

(Рисун. Отд. III. № 31.)

Въ введеніи къ описанію предметовъ III Отдѣленія, мы объяснили о существовавшихъ въ Оружейной казнѣ *куяковъ*, или Монгольскихъ ватныхъ панцырей, состоящихъ изъ желѣзныхъ пластинокъ, укрѣпленныхъ гвоздиками въ ватѣ между верхней шелковой или суконной покрышкой и подкладкой. Собственно куяковъ не сохранилось ни одного; но сохранились три стеганыя на ватѣ шапки, Азіатской работы, заключающія внутри куяшныя желѣзныя пластинки. Спереди къ нимъ пришиты, такъ называемые носы въ видѣ опускныхъ желѣзныхъ задвижекъ, грубой работы; но эти шапки не могутъ включиться въ образцы древней Русской брони; въ описи Оружейной Палаты, они въ числѣ шишаковъ (№ 82) и названы *стегаными*. Въ старинныхъ описяхъ объ нихъ не упоминается, если не отнести ихъ къ шишакамъ калмыцкимъ, спивнымъ, крытымъ бархатомъ червчатымъ, зеленымъ и проч. (1).

(1) Описная книга 1687 года, листъ 473, на оборотѣ.

МИСЮРКИ,

или

ШАПКИ МИСЮРСКІЯ.

(Рисун. Отд. III. № 32, 33, 34.)

Мисюркой называется вообще шлемъ, имѣющій преимущественно видъ черепа, вооруженный не затылкомъ и наушниками, но *бармицей* или кольчужною полостью, прикрѣпленною къ вѣнцу, падающей на плеча и запахивающейся, во время битвы, передъ лицомъ. Можно было бы предполагать, что слово мисюрка, происходитъ отъ Персидскаго слова میزر *мизер;* (1) но кромѣ *шапокъ мисюрскихъ,* существовали и *камки мисюрскія,* (2) т. е. Каирскія или вообще Египетскія. Каиръ, дѣйствительно, во время преобладанія Мавровъ, процвѣталъ торговлею и различными издѣліями, и древнѣйшая часть его называлась *Мисръ,* вѣроятно, со времени Птоломеевъ, въ значеніи митра, митрополія — глава градовъ.

Мы уже упомянули что шлемы въ видѣ череповъ, съ кольцами или шишкой на вершинѣ, вооруженные затылкомъ, носомъ и наушниками, назывались шишаками, и потому на рисункахъ 24, 25, 26 и 27, изображенные шишаки, ошибочно названы мисюрками.

(1) Тоже что Араб. مغفر — *михферъ* — означающее митру, головной покровъ съ оплечіемъ, и вообще шлемъ.

(2) Духов. Грам. Князя М. А. Верейскаго: «Шуба камка Мисюрская.» — «Сголовье камка Мисюрская ззолотомъ.» Прод. Древ. Рос. Вивліоѳики, часть IV, стр. 105 и 107.

Мисюрка, Рис. № 32, въ описи Оруж. П. № 3: «желѣзная, раздѣленная поясками на 12 частей; на навершье круглая мѣдная, нарѣзанная цвѣтами накладка съ свинцевымъ репейкомъ и мѣднымъ колечкомъ; бармица изъ плоскихъ колецъ.»

Мисюрка, Рис. № 33, въ описи Ор. П. подъ № 19: «желѣзная, долы вытерты вкось ложками, по вѣнцу серебряный, золоченый поясокъ, украшенный бирюзой (17 мѣстъ порожнихъ); наверша нѣтъ; бармица изъ мѣлкихъ колецъ. Весьма вѣтха.»

Въ Оружейной Палатѣ хранится нынѣ 27 мисюрокъ; по описи 1687 года, ихъ было въ Оружейной казнѣ 26:

— «Мисюрка стальная, черепъ покрытъ серебромъ, травы чеканены вызолочены, кольцо и пробой серебряной; цѣна семь рублевъ.»

— «Шапка мисюрка *Черкаская*, наведена золотомъ и серебромъ; около верха слова Арабскіе; по выше вѣнца четыре клейма; межъ клеемъ слова Арабскіе жъ; репей и кольцо съ пробоемъ серебрены; цѣна пять рублевъ.»

— «Шапка мисюрская, черепъ стальной, наведенъ серебромъ волоченымъ золоченымъ, кругомъ по вѣнцу слова Арабскіе; повыше вѣнца слова жъ Арабскіе, межъ ими три мишенцы; на верху репей да кольцо съ пробоемъ серебрены; бармица желѣзная, подзоръ мѣдной.»

«А по нынѣшней переписи р҃ч҃е (1687) году, и по осмотру, та шапка сошлась; цѣна ей четыре рубли; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ, та шапка написана третья.»

— «Двадцать одна шапка мисюрскихъ, черепы желѣзны, розныхъ дѣлъ, въ томъ числѣ на одномъ черепу три плаща мѣдныхъ.»

«А по нынѣшней переписи р҃ч҃е году, и по осмотру, тѣ шапки противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись; цѣна имъ тринадцати, по рублю за шапку, пять шапокъ по полтинѣ, три по десяти алтынъ; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ, тѣ шапки написаны во второй статьѣ.»

Примѣч. На рисункѣ № 34, помѣщено вмѣстѣ съ мисюркою изображеніе древняго двухконечнаго замѣчательнаго меча; описаніе его отнесется къ отдѣлу мечей.

ПРИЛБИЦЫ.

(Рисун. Отд. III. № 26 (изобр. 2), 35.)

Прилбицей западные Славяне называли вообще шлемъ (1). Въ старинныхъ описяхъ Оружейной казны этого названія нѣтъ. Судя же по описи Оружейной Палаты, 1835 года, гдѣ означены двѣ *прилбицы,* видно, что это были шишаки, вооруженные затылкомъ, наушнями и сверхъ того кольчужною бармицей:

1) «Прилбица желѣзная, гладкая, съ козырькомъ и однимъ наушнемъ, раздѣлена на четыре ровныя части двѣнадцатью ложками, между которыми вырѣзаны узоры; на верху оной шишечка съ четырьмя скважинами; по вѣнцу, отъ бывшаго панцыря съ чешуею, осталась одна половина.»

2) «Прилбица желѣзная, гладкая, съ двумя наушниками; по вѣнцу, привѣшенный чешуйчатый панцырь во многихъ мѣстахъ порванъ.»

(1) По Чешски *Prilbice* — cassis, galea.

ЛАТЫ.

(Рисун. Отд. III. № 36.)

Мы упомянули уже, при Описаніи латныхъ шлемовъ (Рис. № 20), что Нѣмецкіе полки, учрежденные при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, носили желѣзные нагрудники и желѣзныя шапки. Одежда ихъ была совершенно сходна съ Европейскою строевой военной одеждой того времени, напримѣръ швейцаръ, составлявшихъ при дворахъ охранную стражу, мушкетеровъ Франціи при Генрихахъ III и IV, и проч. Къ исходу XVII столѣтія, этотъ остатокъ рыцарскихъ временъ, хранился уже въ числѣ рухляди. По описной книгѣ 1687 года, кромѣ множества старыхъ латъ, находившихся въ Оружейной палатѣ, «на дворѣ Боярина Никиты Ивановича Романова,» считалось 1556 досокъ латныхъ, 695 полъ латныхъ, 638 ошейниковъ латныхъ. Полныхъ же латъ или такъ называемыхъ въ описи *кирисъ* съ желѣзными кирасными шапками, нарамками, наколѣнниками, рукавицами и сапогами съ острожками (шпорами), въ казнѣ было не болѣе десяти, и въ томъ числѣ, поступившія послѣ Боярина Никиты Ивановича Романова, и взятыя изъ *животовъ* боярина Князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго. (1)

Въ описной книгѣ 1687 года, листъ 474, записаны первыми: «Латы Брусицкіе, молеваны, Аглинскіе, съ полами и съ наколѣнками и съ зарукавьемъ; по краямъ доски золоченые, росчеканены, травки Нѣмецкіе; въ закрѣпкахъ гвоздье желѣзные золочены; на грудной доскѣ въ мишени орелъ

(1) Описная книга 1687 года, листы 494 и 496.

двоеглавой съ коруны и съ крестомъ золоченъ; застешки бархатъ червчатъ, шитъ пряденымъ золотомъ; звѣздки подложены бархатомъ червчатымъ. Попорченъ гораздо и ржавъ.»

«А по нынѣшней переписи ҂рчє (1687) году и по осмотру, тѣ латы противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись; подъ передомъ бархата нѣтъ; цѣна двѣсти рублевъ, а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написаны первые жъ.»

Тамъ же исчислены латы *мерекляныя,* (1) *Брусицкія, вороненыя, рѣзныя, Московскія, Нѣмецкія, травчетыя рѣзныя, личныя, крашеныя празеленью, латы малеваныя крестовыя,* и *латы маленькія,* которыя хранятся въ Оружейной Палатѣ на двухъ дѣтскихъ фигурахъ.

Въ описи казны Бориса Годунова, 1598 года: «латы Литовскіе на ремени.»

Въ царствованіи Михаила Ѳеодоровича, Голландскіе Штаты нѣсколько разъ присылали въ даръ, между прочимъ и латы:

«7122 года, Августа въ 26 день, отъ Голландскихъ Штатовъ прислано въ дарехъ съ Государевы послы — «латы и шапочка съ наружи стальные, на нихъ чеканены люди на коняхъ.»

Въ 1631 году, Декабря 14, отъ Голландскихъ Штатовъ и отъ Князя Оранскаго Фридерика Генриха, поданы между прочими подарками Государю:

«Двѣ латы полные, каковы носятъ конные люди.»

«Двѣ латы полные жъ, что носятъ конные жъ люди, которые ѣздятъ съ пищальми.»

НАЛАТНИКИ И ПОДЛАТНИКИ.

Въ описной книгѣ 150 года, (2) платью Царя Михаила Ѳеодоровича, находятся налатники и подлатники:

— «*Налатникъ* по отласу по червчетому шитъ золотомъ волоченымъ и пряденымъ, подпушка отласъ желтъ, подклатка тафта лазорева; принятъ по книгамъ у подьячего у Дмитрея Михайлова во рн (1642) году и р҃ѯв (1652)

(1) «Латы Московскіе мерекляные, Микитина, дѣла Давыдова, на доскахъ нарѣзаны травы и люди на коняхъ и звѣри.»

(2) Арх. Ор. П. № 130, листы 606 и 608.

года, Февраля въ кн҃ (28) день; сѣ три налатника всѣ взяты къ Государю въ Грановитую Полату, а изъ Полаты взяты въ походъ.»

— «Налатникъ бархатъ червчетъ, кружива плетеное золото съ серебромъ, нашивка и кисти золото пряденое; пугвицы низаны жемчугомъ, подпушка камка желта; подклатка дороги лазоревы. Принятъ по книгамъ у подъячево у Дмитрея Михайлова во рн҃ (1642) году.»

— «Налатникъ, по серебреной землѣ по шитой, аксамичено золотомъ и бархачено розными шелки; не сшитъ; принятъ по книгамъ у подъячево у Дмитрея Михайлова во рн҃ году.»

«*Подлатникъ* отласъ червчетъ, подпушка камка желтая, подкладка въ узоръ ценинная; принятъ по книгамъ у подъячево у Дмитрея Михайлова во рн҃ году.»

— «Подлатникъ обьярь червчета, подпушка тафта желта; подклатка киндякъ лазоревъ; принятъ по книгамъ у подъячего у Дмитрея Михайлова во рн҃ году.»

— «Подлатникъ обьярь червчета, подпушка желта, подклатка киндякъ ценинной; принятъ по книгамъ у подъячего у Дмитрея Михайлова во рн҃ году и рѯв (1652) года, Февраля въ кн҃ (28) день, взятъ къ Государю въ Грановитую Полату а изъ Полаты взятъ въ походъ.»

ЛАТЫ-БАХТЕРЦЫ.

(Рисун. Отд. III. № 37.)

Бахтерецъ есть Азіатскія богатырскія латы, состоящія изъ двухъ половинъ, застегивающихся на плечахъ и съ боковъ. Бахтерецъ имѣетъ совершенное сходство съ зерцаломъ (рисунки № 43 — 52), съ тою только разницею что его нагрудникъ и наспинникъ составлены изъ рядовъ желѣзныхъ пластинокъ на кольцахъ, и не имѣютъ зерцальныхъ щитковъ.

Бахтерецъ, изображенный на рисункѣ № 37, по описи Ор. Пал. № 1, означенъ въ описной книгѣ 1687 года, листъ 511, Кононова дѣла, цѣною въ тысячу рублей:

«Бахтерецъ Кононова дѣла, стальной, наведенъ черезъ рядъ золотомъ, опушка и пряжи и запряжники желѣзные золочены, наконешники серебреные рѣзные золочены.»

«А по нынѣшней переписи рҁе҃ (1687) году и по осмотру, тотъ бахтерецъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся; чушка суконная червчетая; опушка прорѣзная золоченая и во шти мѣстехъ опушки нѣтъ; да того жъ бахтерца оторвано двадцат четыре доски съ наводомъ, двадцат достокъ безъ наводу; у осми наконешниковъ тесма шолкъ зеленъ съ золотомъ; цѣна тысяча рублевъ.»

Бахтерцы имѣли, какъ видно изъ описи, рукава: «Восмь рукавовъ бахтерцовыхъ стальные, немного поржавили; цѣна два рубля.» — Эти рукава,

слѣдовательно, были отдѣльны и накладывались, прикрѣпляясь къ оплечіямъ бахтерца.

По описной книгѣ 1687 года, въ мастерской палатѣ, дѣлался для Царя Михаила Ѳеодоровича новый бахтерецъ; но былъ не доконченъ:

«Въ дѣлѣ у доштѣшного мастера у Ѳедора Костентинова Государю бахтерецъ новой зачатъ дѣлать во ҏна҃ (1643) году при Бояринѣ при Князѣ Борисѣ Александровичѣ Репнинѣ и сдѣлано по ҏнв҃ году четыре реда и во ҏнв҃ году, по Государеву указу тотъ бахтырецъ велѣно наводить золотомъ; мишенки и одинъ рядъ въ четырехъ мѣстехъ золочено.»

«А по нынѣшней переписи ҏче҃ года и по осмотру, тотъ бахтерецъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся не в оддѣлкѣ; цѣна сто рублевъ.»

Въ описи казны Бориса Годунова, 1589 года, упоминается также о бахтерцѣ «Борисова плеча Ѳедоровича, по подолу въ двѣ доски золочены.»

Примѣч. На рисункахъ № 39, 48, 41, 32 изображены не бахтерцы, а юшманы.

БАЙДАНА

и

КАБАТЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА (1).

(Рисун. Отд. III. № 38.)

Подъ названіемъ *Байданы,* въ Оружейной Палатѣ хранится изображенная на рисункѣ кольчуга съ плоскими кольцами, на которыхъ выбиты слова: «съ нами Богъ, никто же на ны.» (2)

Въ описной книгѣ 1687 года упоминается объ одной только байданѣ:

«Байдана желѣзная, *на концахъ* (но не на кольцахъ), слова чеканены; три мишени мѣдныя посеребрены. А по нынѣшней переписи ҂ρчє году и по осмотру, та байдана противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлась; а по осмотру, двѣ мишени мѣдные полужены, а не посеребрены. Цѣна сто рублевъ.»

Въ описи 1701 года, листъ 253-й:

«Байдана желѣзная, на *концахъ* слова чеканены; мишени мѣдныя посеребрены.»

Въ описи 1746 года (3), вмѣсто *на концахъ* исправлено: *на кольцахъ.*

По описямъ 1687 и 1701 годовъ существовала въ Оружейной Палатѣ и *полубайдана:*

(1) Изображеніе и описаніе кабата должно относиться къ IV Отдѣленію, заключающему въ себѣ описаніе древнихъ одеждъ.

(2) Кольцы согнуты изъ желѣзныхъ полосокъ, на которыхъ были выбиты означенныя слова.

(3) Арх. Ор. П. № 200, листъ 411.

«*Полубойдаянъ*, на ней три мишени посеребрены.»

По описи 1746 года, полубайданы уже нѣтъ. О байданѣ и полубайданѣ упоминается также въ переписной книгѣ пожиткамъ Бориса Θеодоровича Годунова, 1589 года:

«Бадана мисюрская с сеченымъ кольцомъ, с мишенью, безъ ожерелья; воротъ и рукава и по подолу пушена въ три ряда мѣдью золочено(й).» (1)

Въ числѣ доспѣховъ кольчатыхъ, передъ кольчугами и пансырями:

«*Полубоданье.*»

КАБАТЪ

ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Одежда Далматская, названная Латинами talaris dalmatica, была собственно кабатъ, обычное названіе кафтана у западныхъ и южныхъ Славянъ. (2)

Въ описной книгѣ, 150 (1642) года, одежды Царя Михаила Θеодоровича, кабаты въ числѣ теплыхъ зипуновъ:

— «Кабатъ (3) камка зелена, клинчата на черевахъ лисьихъ, нашивка на кизильбашское дѣло. Скроенъ во ρмӏд (1641) году.»

— «Два спорка кабатные отласные; одинъ отласъ зеленъ, да отласъ таусиненъ. Сѣ спорки оба отставлены и проданы во ρнв (1644) году.

По кроильнымъ книгамъ: Окт. 13 1638 года, скроенъ Государю Царевичу Князю Алексѣю Михайловичу *Кабатъ* отласъ червчатъ; длина кабату 1 арш. 6 верш.; ширина въ плечахъ $\frac{1}{2}$ арш.; рукавамъ длина $\frac{3}{4}$ арш. Исподъ подложенъ пупки собольи, опушка камка свѣтлозелена мелкотрава, нашивка серебряная съ кистьми, пуговки низаны жемчугомъ мелкимъ; дѣланъ въ мастерской палатѣ.»

(1) Листъ 168.

(2) *Кабатъ*, по Чешски и по Польски значитъ тоже, что кафтанъ, кунтушъ, zubbon — зипунъ: kabat kratki — kaftan; uherski kabat — doloman (отъ Латинскаго названія dalmatica). Kabat dluhi — tunica, toga (Слав. чюга), saga, sagum; Венг. Köntös, кунтушъ; zubony — зипунъ. Slovar Slovensky - Cesko - Latinsko - Nemecko - Uherski. Auct. Ant. Bernolak. — Gregorii Chapii Thesaurus Polono-Latino-Græcus. 1643. Böhmisch-Deutsch - Lateinisches Wörterbuch. v. Georg Palkowitsch.

(3) Арх. Ор. II. № 130; листы 281 и 282.

Изображенный на рисункѣ кабатъ Царя Алексѣя Михайловича, упомянутъ въ описи его платья (1):

« Кабатъ отласъ червчетъ, шитъ волоченымъ золотомъ; подкладка тафта желта. »

Судя по сохранившемуся кабату, покрой этой одежды отличался отъ обыкновеннаго кафтана застегивающимися разрѣзами на сторонахъ, какъ у стихаря и далматики.

Кабаты были также и съ ожерельями:

« Кабатъ съ ожерельемъ, шитъ золотомъ и серебромъ съ канителью и звѣздками по гвоздичному сукну, подложенъ бархатомъ алымъ. »

(1) Арх. Ор. П. № 150: «Опись вещамъ и платью послѣ смерти В. К. Іоанна Алексѣевича» листъ 121.

ЮШМАНЫ.

(Рисун. Отд. III. № 39, 40, 41, 42, 61.)

Юшманомъ называется кольчуга съ разрѣзомъ съ переди, застегивающаяся крючками, или пряжками. Нагрудье и спина юшмана вооружены, какъ у бахтерца рядами желѣзныхъ дощечекъ, связанныхъ кольцами.

Юшманъ, изображенный на рисункѣ № 61 въ старинныхъ описяхъ отмѣчался первымъ и носилъ названіе: «*юшманъ Государева Стараго Двора*» (1):

«Юшманъ Государева Старова Двора стальной, наведенъ золотомъ, по доскамъ слова и травы Арапскіе.»

«А по нынѣшней переписи ҂рчє (1687) году и по осмотру, тотъ юшманъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся; чемоданъ суконной червчетой; цѣна шесть сотъ рублевъ, а въ прежнихъ описныхъ книгахъ написанъ тотъ юшманъ первымъ же.»

Юшманъ, названный ошибочно на рисункахъ № 41 и 42 бахтерцемъ, по описи Ор. II. подъ № 2, принадлежалъ *Бояриму Никитѣ Ивановичу Романову*: (2)

«Юшманъ Московское дѣло стальной, а на немъ рѣзаны травы, и позолочены и промежъ золота наведено серебромъ; безъ пуговицъ.»

«А по нынѣшней переписи ҂рчє года и по осмотру, тотъ юшманъ, противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся; съ досокъ золото и серебро сошло;

(1) Переписная книга Оружейной казны 1687 года, листъ 509.
(2) Переписная книга Оружейной казны 1687 года, листъ 509—510.

чемоданъ сафьянной желтой. Подложенъ сукномъ краснымъ; цѣна пять сотъ рублевъ, а въ прежнихъ описныхъ книгахъ тотъ юшманъ написанъ вторымъ же.»

Юшманъ, рисунокъ № 39 и 40, также ошибочно названный бахтерцемъ, означенъ въ переписной книгѣ слѣдующимъ образомъ:

«Юшманъ, доски бывали наводные серебромъ, на грудяхъ застешки, на обѣихъ сторонахъ четыре крюка, да четыре петли серебреные золоченые; пониже ихъ, на доскахъ, на лѣвой сторонѣ, четыре плашки съ пряжками серебреные жъ золочены, спенки желѣзные; противъ пряжекъ, на другой сторонѣ, пять застежекъ, тесма, шолкъ лазоревъ червчатъ, прикрѣпленъ къ доскамъ съ репьями гвоздьемъ горощатымъ серебреные; въ девяти мѣстехъ репьи серебреные жъ золочены, у застежекъ по обѣ стороны наконешники гладкіе серебреные жъ золоченые.»

«А по нынѣшней переписи рчє года и по осмотру, тотъ юшманъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся, чемоданъ сафьянной желтой, подложенъ сукномъ краснымъ; цѣна пятьдесятъ рублевъ, а въ прежнихъ описныхъ книгахъ написанъ тотъ юшманъ третьимъ.»

ЗЕРЦАЛА.

ЗЕРЦАЛО

ЦАРЯ МИХАИЛА ӨЕОДОРОВИЧА.

(Рисун. Отд. III. № 43.)

Эта Царская броня, превосходной работы, изъ полированной стали съ золотой насѣчькой, состоитъ, какъ вообще латы, изъ нагрудника и наспинника, составленныхъ изъ тридцати двухъ щитковъ ложчатыхъ черезъ мѣсто, соединенныхъ между собою ремнями и подложенныхъ алымъ стеганымъ на хлопчатой бумагѣ атласомъ. На нагрудникѣ и на задней половинѣ зерцала, въ круглыхъ щитахъ изображенъ финифтью двуглавый орелъ съ гербомъ Московскимъ. По окружности гербовыхъ щитовъ, на переднемъ насѣченъ золотомъ титулъ Царскій: «Божіею милостію, Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Өеодоровичъ, всея Россіи Самодержецъ, Владимирскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій и Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вяцкій, Болгарскій.» На заднемъ: «И иныхъ Государь и Великій Князь Новагорода, Низовскіе земли, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Лифляндскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны Повелитель и Государь и всея Пермскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ, Царь Кабардинскіе земли, Черкесскихъ и Горскихъ Князь и иныхъ многихъ государствъ Обладатель. По-

велѣніемъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи, сдѣланы сіи зерцала въ четвертое лѣто государства его, по приказу крайчего Михаила Михаиловича Салтыкова, дѣлалъ мастеръ Коноваловъ, а вытравливалъ и золотилъ нѣмчинъ Андрей Тирманъ, лѣта 7124 (1616) Іюля въ 29 день.»

Обѣ половины зерцала застегиваются серебряными золочеными пряжками и золотыми тесемчатыми застежками, съ серебряными золочеными наконечниками.

Въ описной книгѣ Царской Оружейной казны, 1687 года, листъ 498, зерцало Царя Михаила Ѳеодоровича означено первымъ:

«Зерцала Коноваловское дѣло, стальные золочены черезъ грань, гвоздья серебреные, прибивана бахрама; пряжи желѣзные золоченые, наконешники серебреные рѣзные золочены, опушка бахрама шолкъ червчатой съ золотомъ, подкладка отласъ червчатъ.»

«А по переписи ρч҃ году и по осмотру, тѣ зерцала лощатые, черезъ мѣсто травы золочены, на передней и на задней доскахъ по орлу двоеглавому съ корунами; на передней доскѣ подписьименованіе Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси, а на задней доскѣ подпись мастеровъ Нѣмчина Андрея Тирманова да Дмитрея Коновалова; сдѣланы во ρк҃д году, Іюня въ к҃д день; подложены отласомъ червчатымъ; кругомъ бахрама по алому отласу, золото съ серебромъ, тесьма шолкъ красной золотой съ серебромъ; нагалище суконная красная.»

«А по нынѣшней переписи ρч҃є году и по осмотру, то зерцало противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись, наконешника нѣтъ; цѣна тысяча пять сотъ рублевъ, а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано второе.»

ЗЕРЦАЛО СЪ ДОЛАМИ.

(Рисун. Отд. III. № 45.)

На рисункѣ подпись: «Царя Алексѣя Михайловича»; но собственно Царское зерцало, изображено на рисункахъ 47, 48, 49, 50, 51 и 52. Зерцало же съ долами, отмѣчено въ переписной книгѣ Царской Оружейной казны 1687 года, (1) слѣдующимъ образомъ:

«Зерцало желѣзные съ долами, черезъ долъ золочено и черезъ долъ помалевано, на нихъ посреди орлы мѣдные, литые золоченые; вооружены на кольцахъ желѣзныхъ, бахрама шолкъ былъ красной, пряшки мѣдные; подложены зерцала дорогами красными.»

«А по нынѣшней переписи рчє году и по осмотру, то зерцало противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлось, во многихъ мѣстехъ попорчены; цѣна двѣсти рублевъ, а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано десятое.»

(1) Листъ 500.

ЗЕРЦАЛО ДОЩАТОЕ.

(Рисун. Отд. III. № 46.)

По описи Оружейной Палаты № 5; въ переписной книгѣ Оружейной казны 1687 года, оно описано слѣдующимъ образомъ: (1)

«Зерцало воронепые, дощатые, на передней доскѣ въ кругу орелъ двоеглавой съ коруною, наведенъ золотомъ, около орла репей о осми граняхъ, въ репью наведено серебромъ; около репья восмь крушковъ наведены золотомъ и серебромъ; по выше круга доска; на груди наведено золотомъ и серебромъ; два круга, осередь ихъ третей кружекъ маленькой; у переднихъ зерцалъ шесть пряжекъ желѣзныхъ золоченыхъ; на заднихъ доскахъ на кругу кайма, наведено золоченымъ серебромъ съ мишеньми, въ серединѣ мишень около мишени четыре круга наведено золоченымъ и бѣлымъ серебромъ; на спинѣ три доски наводныхъ, откоски и травы; гвоздье мѣдное лужено, тесма розныхъ шелковъ, шесть наконешниковъ желѣзные золочены; зерцала подложены киндякомъ червчатымъ.»

«А по нынѣшней переписи ру҃е года и по осмотру, то зерцало противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлось, цѣна сто пятьдесятъ рублевъ, а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано двадцать второе.»

(1) Листъ 501.

ЗЕРЦАЛО

ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(Рисун. Отд. III. № 47, 48, 49, 50, 51, 52.)

Зерцало Царя Алексѣя Михайловича сдѣлано въ 1670 году, по образцу зерцала Царя Михаила Θеодоровича, съ подобною же надписью вокругъ герба, но съ разницею въ титулѣ Царскомъ. На переднемъ щиткѣ надпись: «Божіею Милостію Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ отчичь и дѣдичь Наслѣдникъ, Государь и Обладатель.» На заднемъ «Сдѣланы сіи зерцала повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, при бояринѣ и оружничемъ при Богданѣ Матвѣевичѣ Хитровѣ съ товарищи, въ лѣто 7178 (1670) Марта въ 4 день.»

КОЛЬЧУГА

БОЯРИНА КНЯЗЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА ШУЙСКАГО.

(Рисун. Отд. III. № 55.)

Въ числѣ многихъ древнихъ кольчугъ, въ Оружейной Палатѣ сохранилась кольчуга Боярина Князя Петра Ивановича Шуйскаго, славнаго Воеводы при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ IV, извѣстнаго покоренiемъ Дерпта, въ 1558 году, въ войнѣ съ Ливонiею. Онъ взялъ приступомъ этотъ древнiй Русскiй городъ, построенный В. К. Ярославомъ (въ св. кр. Юрьемъ), въ 1030 году, послѣ покоренiя отложившейся Чуди, и названный по его имени Юрьевымъ.

Въ описной книгѣ Оружейной казны, составленной при повѣркѣ казны въ 1687 году, изображенная кольчуга означена первой:

«Кольчуга, на ней мишень мѣдная, подпись Боярина Князя Петра Ивановича Шуйского.»

«А по переписи ҁч҃ (1682) года, и по осмотру, той кольчуги противъ прежнихъ переписныхъ книгъ въ Оружейной Палатѣ у переписки не объявилось.»

«А по нынѣшней переписи ҁч҃є (1687) года, и по осмотру, та кольчуга въ Оружейной Палатѣ объявилась. Цѣна тридцать рублевъ; а въ прежней переписной книгѣ написано вторая.»

На кольчугѣ Князя П. И. Шуйскаго, кромѣ мѣдной мишени съ подписью, еще двѣ мишени: одна — кружокъ мѣдный у праваго плеча; другая — свинцовая запайка съ клеймомъ на груди.

Эти мишени — мѣдные, золоченые или серебреные кружки на кольчугахъ, составляли закрѣпки пробитыхъ, или прострѣленныхъ мѣстъ (1). На кольчугѣ Князя П. И. Шуйскаго, мишенью съ его именемъ прикрыли вѣроятно въ память, мѣсто, надъ самымъ сердцемъ, въ которое онъ былъ смертельно раненъ въ битвѣ подъ Оршею, въ 1564 году.

(1) Эти знаки ранъ, мишени (отъ Перс. нишанъ — цѣль, мѣта), были въ употребленіи и въ Азіи. Въ Оружейной Палатѣ, по описи 1687 года, была кольчуга съ тремя мишенями; одна изъ мишеней, на подолѣ кольчуги, также была литая, «а въ ней слова Арабскіе.»

НАРУЧИ

СЪ КОЛЬЧУЖНЫМИ РУКАВИЦАМИ; ЗАРУКАВЬЯ, БУТУРЛЫКИ ИЛИ ПОНОЖИ.

(Рисун. Отд. III. № 53, 54, 55, 56, 57.)

Наручи съ кольчужными рукавицами и поножи относились преимущественно къ зерцальному и бахтерцовому вооруженію. Верхній черепъ наручей, защищающій руку отъ кисти до локтя, соединялся съ нижнимъ, называющимся *черевцомъ,* посредствомъ колецъ или петель; обѣ половины застегивались на рукѣ пряжками. Соотвѣтственно зерцаламъ, наручи часто были обиты по закраинамъ золотой, серебряной или шелковой бахромкой. Когда наручи были подложены какой–нибудь шелковой подкладкой и имѣли при себѣ рукавицы, тогда они назывались вооруженными.

Въ числѣ осьмидесяти девяти наручей, хранящихся въ Оружейной Палатѣ, первое мѣсто занимаютъ, по старинымъ описнымъ книгамъ, булатныя, наведенныя золотомъ и украшенныя драгоцѣнными камнями, наручи (1) Князя Өедора Ивановича Мстиславскаго, Боярина и Воеводы при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ IV: «Наручи булатъ красной; въ одной наручи врѣзывано семь плащей золотыхъ чеканныхъ, съ гнѣзды золотыми и съ каменьемъ, да двадцать пять плащей половинчатыхъ чеканныхъ съ каменьемъ; промежь плащей врѣзывано двадцать восмь цвѣтковъ съ гнѣзды золотыми

(1) Въ описи 1835 года, они описаны подъ № 78, подъ названіемъ Персидскихъ.

и съ каменьемъ, да по булату травы мелкіе врѣзывано золото; около наручей каймы съ каменьемъ, промежъ двухъ каемъ шесть плащей золотыхъ чеканныхъ; у наручей у черевца пять чепей золотыхъ съ каменьемъ, три пряжи пристежные, да два запряжника золотые жъ литые рѣзные съ чернью; а каменья большаго и мелкаго триста девяносто девять каменьевъ яхонтиковъ червчатыхъ и лаликовъ и виписокъ и бирюзъ; да въ другой наручи врѣзывано семь плащей золотыхъ чеканныхъ, да девятнадцать плащей половинчатыхъ золотыхъ съ каменьемъ, да промежъ плащей врѣзано тридцать четыре цвѣтка золотыхъ съ каменьемъ; а по булату, промежъ плащей и цвѣтковъ, врѣзывано травы мелкіе золотые; промежъ каемъ врѣзано съ одново плащики золотые *кубцомъ*, (1) пять чепей золотыхъ съ каменьемъ, три наконешника золотыхъ; а каменья большаго и мелкаго яхонтиковъ червчатыхъ и изумрудцовъ и лаловъ и виписокъ и бирюзъ триста тридцать два каменя; пряжи и наконешники золотые гладкіе, вмѣсто запряжниковъ прикрѣплены пряжки съ запонками — двадцать четыре запанки, въ нихъ каменья въ большенкихъ запанкахъ по пяти изумрудцовъ, да по яхонтику червчатому; въ другихъ запонкахъ маленькихъ по пяти яхонтиковъ червчатыхъ да по изумрудцу; двѣ пряжки маленькихъ серебреные, тридцать мѣстъ порозжихъ выпалыхъ камешковъ, да двѣнадцать мѣстъ съ гнѣзды выпалые жъ. Обѣ наручи порчены; *рукавицы съ кольцы, отласъ серебреной по червчатой землѣ, подложены отласомъ червчатымъ, опушены голунчикомъ серебренымъ* (рис. № 56). Въ прежнихъ переписныхъ книгахъ подъ тою статьею написано по сказкѣ мастеровыхъ людей: «*взяты тѣ наручи боярина у Князя Өедоровой Княгини Ивановича Мстиславскаго въ цѣну.*» Пряжки одной нѣтъ.»

«А по нынѣшней переписи ҂рч҃е (1687) года, и по осмотру, тѣ наручи противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись. У одной наручи четыре чепочки подложены серебромъ, да у рукавицы у одной голунчика нѣтъ. По оцѣнкѣ ствольного дѣла мастеровъ Афонасья Вяткина съ товарыщи, да золотого дѣла мастера Михайлы Васильева съ товарыщи, да серебреного ряду цѣновщиковъ Анисима Алмазникова съ товарыщи, *цѣна семь сотъ пятьдесятъ рублевъ;* а въ прежнихъ описныхъ книгахъ написаны первыми жъ.»

(1) Кубецъ — кубарь. Въ твер. губ. См. Опытъ Обл. Великор. Словаря.

Наручи, изображенные на рисункѣ № 57, по описной книгѣ 1687 года въ числѣ слѣдующихъ:

— « Семеры наручи желѣзные, воронены, гладкіе; въ томъ числѣ одни съ долами; каймы по мѣстамъ и долики наведены золотомъ и сербромъ; въ томъ числѣ одни наведены серебромъ. *У троихъ наручей по орлу двоеглавому;* пряжи и запряжники и наконешники желѣзные, застежки коженые; въ томъ числѣ у троихъ тесьма шолкъ червчатъ; *вмѣсто колецъ прикрѣпки желѣзные.* »

Для образца вполнѣ вооруженныхъ наручей приведемъ въ примѣръ:

— « Наручи булатные кизыльбашское дѣло, долы вытираны въ шахматы, въ долахъ мишени, и около наручей каймы наведены слова Арапскіе; пряшки и петли желѣзные, подложены трипомъ червчатымъ; *у нихъ же рукавицы шиты золотомъ и шолки розными кизыльбашское жъ дѣло, а въ нихъ зашиты кольца.* »

— « Наручи желѣзные съ долами, гвозди золочены и серебрены; по наручамъ помалевано; вооружены на кольцахъ желѣзныхъ; рукавицы кольца пансырные, подложены камкою жолтою; наручи подложены дорогами красными и тесма шолкъ бѣлъ да червчатъ, пряжки мѣдные, наконешниковъ нѣтъ. »

« А по нынѣшней переписи рч҃є года и по осмотру, тѣ наручи противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись; *съ бахрамою.* Цѣна имъ три рубли. »

Въ Оружейной Палатѣ по описи 1687 года, были *наручи большаго наряда:*

« Наручи булатные *большого наряду,* кольца серебреные; на наручахъ по четыре мишени и около наручей каемки, къ запястью травочки наведены золотомъ; пряжи и запряжники и наконешники серебреные золоченые съ чернью; тесма шолкъ червчатъ зеленъ съ золотомъ и съ серебромъ; тесма прикрѣплена гвозди серебреные репейчатые золочены; около наручей гвозди жъ горощатые серебреные. Наручи подложены отласомъ червчатымъ, четыре лопости тафта желтая. »

« А по нынѣшней переписи рч҃є года и по осмотру, тѣ наручи противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись; цѣна имъ восмьдесятъ рублевъ; а въ прежнихъ описныхъ книгахъ написаны седьмыми. »

ЗАРУКАВЬЯ.

Зарукавья собственно принадлежатъ къ куячному Китайскому и Монгольскому вооруженію. Они состояли изъ вшитыхъ или нашитыхъ на зарукавья пластинокъ желѣзныхъ и чашъ (вѣроятно при изгибѣ локтя) и были съ запястьями, застегивались пуговицами или пряжками.

По описямъ зарукавья присылались въ даръ отъ Калмыцкихъ и Монгольскихъ владѣтелей вмѣстѣ съ куяками:

— «Двое зарукавья полокоть Калмыцкое дѣло, чашки золочены, въ томъ числѣ одно зарукавье черезъ доску золочено, подложено обьерью червчатою; другіе подложены отласомъ червчатымъ *по кофтанному; пугвицы вшитые золото пряденое.*»

«А по нынѣшней переписи рчє года и по осмотру, тѣ зарукавья противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись; попорчены; у одново зарукавья черезъ доску золочено, *запястья нѣтъ;* а другова зарукавья запястья оторвано; цѣна тѣмъ зарукавьямъ тридцать рублевъ, а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написаны четвертыми.»

— «Двои зарукавья *Калмыцкіе;* чашки и среди зарукавья и запястья золочены, подложены отласомъ червчатымъ; чемоданцы сафьянные червчатые подложены сукномъ зеленымъ.»

— «*Зарукавье Мугальскіе* желѣзные, присланы съ Казенного двора; Государю челомъ ударилъ дани Лоба Данименъ Герълавзу во рмѕ (1638) году, цѣна пять рублевъ.» (1)

«А по переписи рч (1682) года и по осмотру тѣ зарукавья попорчены, *колпырей* (2) нѣтъ, на оплечьяхъ боровки прикрѣплены на мѣди, пряжки желѣзные.»

(1) Эти зарукавья присланы отъ владѣтеля Тунгузской земли Лобы Данимена Герланзу, Царю Михаилу Ѳеодоровичу, вмѣстѣ съ куякомъ: «куякъ съ рукавы, у него жъ пять щитовъ с пугвицы с ременными, на плечахъ двѣ дощечки долгіе на вертлужкахъ; прикрытъ отласомъ цвѣтнымъ, плохимъ; цѣна десять рублевъ. Прислалъ ко Государю дани Тунгузскіе земли Лоба Данименъ Герланзу во рмѕ (1638) году. Опись казны Ц. Михаила Ѳеодоровича.» Ар. О. П. № 678, листъ 394—395.

(2) Кавнерь — Смол. нар. воротникъ.

— «*Зарукавья стальные Калмыцкіе,* дощатые, присланы во Оружейной приказъ изъ Сибирскаго приказу во ҂ꙗ҃чз (1639) году, а въ памяти написано: «прислалъ ко Государю въ дарехъ изъ Калмыковъ Калтацай.»

— «Зарукавья таковы жъ, присланы съ Казенного двора съ куякомъ и съ шапкою, что подъ цвѣтнымъ бархатомъ; цѣна зарукавью три рубли.»

«А по переписи ҂рч҃ года и по осмотру, тѣ зарукавье попорчены, на оплечкахъ боровка и пряжки желѣзные, *съ калмырми* желѣзными.»

— «Зарукавья таковы жъ; присланы съ Казеннаго двора съ куякомъ, что подъ камкою Китайскою; попорчены; одинъ безъ *калмыря;* на оплечкахъ боровки; одинъ на мѣди другой на желѣзѣ же; присипяны, пряжки желѣзные.»

— «*Зарукавья Нѣмецкое,* кольца мелкіе, стычные; оплечья камка червчатая.»

БУТУРЛЫКИ ИЛИ ПОНОЖИ.

Поножи также принадлежали къ зерцальной и бахтерцовой брони; они состояли изъ трехъ желѣзныхъ череповъ, соединенныхъ кольцами и защищающихъ ногу отъ подъема до колѣна. Средній черепъ, съ низу длиннѣе прочихъ, прикрывалъ лодыжку ноги.

Поножи, изображенныя на рисункѣ № 53, Московской работы, мастера Григорья Вяткина:

«Бутурлыки косые долики, Григорьева дѣла Вяткина; черезъ долъ золочены, пряжи и запряжники и наконечники серебряные золочены, тесьма шолкъ червчатъ зеленъ съ золотомъ и серебромъ; гвозди серебряные репейчатые; кольца желѣзные; подложены отласомъ червчатымъ.» (1).

Бутурлыки, изображенные на рисункѣ № 54, съ Арабской надписью по доламъ и каймамъ средняго черепа, по описи 1687 года:

«Бутурлыки стальные съ долами, черезъ долъ и около бутурлыковъ коймы наведены золотомъ травы; кольца и пряжи желѣзные, наконечниковъ нѣтъ; тесьма шелкъ червчатъ зеленъ съ золотомъ и серебромъ, гвозди серебреные горощетые; подложены отласомъ червчатымъ.»

(1) Опись 1687 года, листъ 539.

ПАНЦЫРЬ,

ПРИСЛАННЫЙ ВЪ ДАРЪ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ, АЛЕКСАНДРОМЪ ЦАРЕМЪ ИМЕРЕТИНСКИМЪ.

(Рисун. Отд. III. № 58.)

Въ описи Оружейной Палаты, этотъ панцырь записанъ въ числѣ кольчугъ (№ 1); онъ составленъ изъ мѣлкихъ колецъ бѣлой мѣди, съ такимъ же воротомъ; на немъ нашито 47 мѣдныхъ золоченыхъ украшенныхъ разноцвѣтными искуственными камнями плащей; на правой сторонѣ одинъ плащь изображаетъ солнце, на лѣвой полумѣсяцъ. Три пары застежекъ также мѣдныя, украшенныя цвѣтными стеклами. Панцырь обшитъ малиновымъ бархатомъ съ шестью завязками изъ шелковой тесьмы.

По приходной книгѣ 167 (1659) года, (1) Января 16, этотъ панцырь привезенъ послами Имеретинскаго Царя Александра въ числѣ даровъ:

Панцырь серебренъ, а по осмотру мѣдной, посеребренъ, плащи мѣдныя, золочены, съ каменьи достаканы, да вписки; около опушка бархатомъ червчатымъ; подложенъ миткалями; цѣна двадцать рублевъ.»

(1) Арх. Ор. Пал. № 830.

ЩИТЫ И ТОРЧИ.

(Рисун. Отд. III. № 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74.)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЩИТЪ.

(Рисун. № 71).

Изображенный Государственный щитъ, принадлежитъ къ чину Царскому и выносится при торжественныхъ поставленіяхъ на царство. Онъ коженый, обтянутый алымъ бархатомъ. Посрединѣ, или вверху щита, круглый хрустальный плащь въ золотѣ, съ врѣзанными въ золотыхъ гнѣздахъ шестнадцатью яхонтиками. Вокругъ средняго плаща шесть подобныхъ же плащей (два изъ нихъ зеленаго хрусталя), но съ прорѣзами съ боку, для вставки гнѣздъ съ драгоцѣнными камнями, которыхъ однакоже недостаетъ. Эти плащи обставлены 14 золотыми гнѣздами, заключающими въ себѣ изумруды, яхонты и бирюзу, и осьмью яшмовыми, обдѣланными въ золото, косичками, въ которыхъ въ каждой по три яхонта. За ними слѣдуетъ рядъ, состоящій изъ двѣнадцати круглыхъ съ прорѣзами и золотой обдѣлкой яшмовыхъ плащей и двѣнадцати косичекъ, съ врѣзными въ золотыхъ гнѣздахъ яхонтами и бирюзами. За этимъ рядомъ слѣдуетъ рядъ меньшихъ яшмовыхъ плащей, также украшенныхъ золотой насѣчкой и яхонтами, и между ними двѣнадцать золотыхъ гнѣздъ съ тремя яхонтами и девятью бирюзами. По окраинѣ щита — шесть яшмовыхъ съ яхонтиками и золотой насѣчкой бляхъ, шесть круглыхъ яшмовыхъ, подобныхъ вышеупомянутымъ, плащей и двѣнадцать золотыхъ гнѣздъ съ яхонтами и бирюзой.

Въ поперечникѣ щита $13\frac{1}{2}$ вершковъ.

ЩИТЪ ЦАРЕГРАДСКАГО ДѢЛА,

УКРАШЕННЫЙ ВОЛОЧЕНЫМЪ ЗОЛОТОМЪ, СЕРЕБРОМЪ, КАМЕНЬЯМИ И ЖЕМЧУГОМЪ (1).

(Рисун. № 64).

Щитъ, изображенный на рисункѣ № 64, есть одинъ изъ двухъ совершенно одинакихъ, хранящихся въ Оружейной Палатѣ подъ №№ 4 и 5. Въ описи 1687 года, они внесены вторымъ и третьимъ:

«(Г). Щитъ, шитъ волоченымъ золотомъ серебромъ; по мѣстамъ шиты травки серебромъ; навершье у щита и по щиту шесть мишеней большихъ да шесть мишеней половинчатыхъ, промежъ мишеней звѣнца косые и повыше вѣнца травочки и вѣнецъ серебреные золочены, рѣзные; въ навершье у щита въ верху плащь круглой яшмовой большой, да пониже его три плаща поменьши круглые жъ яшмовые; въ нихъ по низаному репью, да въ трехъ большихъ мишеняхъ три плаща побольши тѣхъ круглые яшмовые жъ, въ нихъ по низаному репью, да въ трехъ половинчатыхъ мишеняхъ три плаща четвероугольные яшмовые жъ; да среди щита во шти мѣстехъ по яшмовому плащу продолговаты; во всѣ яшмовые плащики врѣзываны золото съ гнѣздами, въ гнѣздахъ по щоту золотого дѣла мастера Ивана Мяхкова семьдесятъ шесть искорокъ яхонтовыхъ червчатыхъ, да пятнадцать изумрудныхъ; въ томъ числѣ въ верхнемъ плащѣ изумрудъ граненой, четыре мѣста порозжихъ двѣнадцать бирюзокъ; навершье жъ въ трехъ большихъ шаломчатыхъ гнѣздехъ, да въ трехъ мишеняхъ большихъ, да въ трехъ половинчатыхъ въ большихъ же шеломчатыхъ гнѣздехъ—семьдесятъ двѣ искорки яхонтовыхъ червчатыхъ, да девять бирюзокъ, да въ навершье жъ и около щита въ вѣнцѣ и по щиту въ большихъ и половинчатыхъ мишеняхъ и въ вѣнцахъ и въ травочкахъ въ гнѣздехъ въ большихъ и малыхъ тысеча триста семьдесятъ четыре бирюзы большихъ и малыхъ; подложенъ и подушечка бархатъ червчатъ, около подушечки десять колецъ серебреныхъ съ пробойцы и съ репейками; привяска у подушки и вооруда шолкъ лазоревъ столбецъ. По ярлыку написано: «великому Государю челомъ ударилъ Греченинъ Царегородецъ Иванъ Матвѣевъ, во ҏн҃и (1650) году. Цѣна пятьдесятъ рублевъ.»

(1) На рисункѣ ошибочно означено *эмалью*.

«А по нынѣшней переписи ҏче̃ѕ года и по осмотру, тотъ щитъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся; цѣна тому щиту триста рублевъ, а въ прежней описной книгѣ написанъ седьмой.»

ЩИТЪ ЦАРЕГРАДСКАГО ДѢЛА,

ШИТЫЙ ПО АЛОМУ БАРХАТУ ВОЛОЧЕНЫМЪ ЗОЛОТОМЪ И УКРАШЕННЫЙ КАМЕНЬЯМИ.

(Рисун. № 65.)

Это также одинъ изъ двухъ совершенно одинаковыхъ щитовъ, хранящихся въ Оружейной Палатѣ подъ №№ 6 и 7.

Въ описи 1687 года, листъ 191, они описаны слѣдующимъ образомъ:

«Два щита шиты по алому бархату волоченымъ золотомъ; на верху по большому плащу серебреному, въ нихъ по четыре яшмы круглыхъ насечены золотомъ; въ яшмахъ по пяти яхонтиковыхъ червчатыхъ, въ томъ числѣ въ дву яшмахъ по камешку нѣтъ, и гнѣзда нѣтъ; одна яшма переломлена; въ тѣхъ же яшмахъ по низоному репейку по семи зеренъ жемчужныхъ, да въ большихъ плащахъ по пяти каменевъ *забирзатовъ*, да около большихъ верхнихъ забирзатовъ по четыре травочки, въ нихъ по семи искорокъ, да по семи травочекъ маленькихъ, въ нихъ по три искорки яхонтовыхъ червчатыхъ, да по осми репьевъ серебреныхъ, въ нихъ по семи бирюзокъ; у одного въ двадцати четырехъ гнѣздахъ по бирюзкѣ, у другова въ двадцати жъ въ четырехъ гнѣздехъ по яхонтовой искоркѣ червчетыхъ; на щиту по осми плащей серебреныхъ золочены съ каменьемъ; выше и ниже плащей по два звенца косыхъ серебреные жъ съ каменьемъ; въ четырехъ плащахъ въ звенцахъ по двадцати по осми искорокъ яхонтовыхъ, да по четырнадцати бирюзокъ; въ другихъ четырехъ же плащахъ и въ звенцахъ по двадцати жъ по осми бирюзокъ, да по четырнадцати искорокъ яхонтовыхъ червчетыхъ; около щитовъ вѣнцы серебреные золоченые рѣзные; на вѣнцахъ чеканены травки по шти десять по одной травкѣ; въ нихъ въ

тридцати въ одной травкѣ у другова вѣнца въ тридцати травкахъ по три искорки яхонтовые червчатые въ травкѣ; да въ тридцати въ одной травкѣ, да въ тридцати жъ травкахъ по три бирюзки въ травкѣ; подложены и подушечка алой бархатъ; привязка и вооруда столбецъ шолкъ зеленъ; по десяти колецъ съ пробойцы и съ репейками мѣдные золочены, одно колечко вырвалось; щиты опушены одинъ голуномъ золотнымъ другой серебренымъ. По записной книгѣ написано: «великому Государю челомъ ударилъ Греченинъ Юрья Ивановъ во ρξн (1657) году. Цѣна по пятидесятъ рублевъ.»

«А по нынѣшней переписи ρчє года и по осмотру, тѣ щиты противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись; цѣна тѣмъ щитамъ по пятидесять рублевъ, а въ прежней описной книгѣ написаны во второй надесять статьѣ.»

ЩИТЫ ТРОСТНИКОВЫЕ,

ПРИСЛАННЫЕ ВЪ ДАРЪ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ ОТЪ ИМЕРЕТИНСКАГО ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА.

(Рисун. № 66, 67, 68.)

Въ 1658 году послы Имеретинскаго Царя Александра привезли Царю Алексѣю Михайловичу въ даръ два щита. Одинъ изъ этихъ щитовъ (рис. № 68) внесенъ въ опись 1687 года (1), съ означеніемъ этой присылки:

«Щитъ витой волоченымъ золотомъ съ розными шолки; на верху плащь булатной косые грани наведены золотомъ; межъ наводныхъ граней грани золотые съ каменьемъ; наверху плаща трубочка золотая съ бирюзками; на большомъ плащѣ въ золотыхъ граняхъ въ гнѣздахъ восмьдесять два камышка бирюзокъ и яхонтиковыхъ искорокъ, въ томъ числѣ сорокъ мѣстъ порозжихъ, а иные гнѣзда роз(ы)маны; десять репейковъ желѣзные золочены, въ нихъ прикрѣплены съ исподи десять колецъ; подложенъ и подушечка бархатъ червчатъ, привяска и вооруда столбецъ шолкъ зеленъ, кольца же-

(1) Листъ 190, на оборотѣ.

лѣзные. По записной книгѣ написано: «великому Государю челомъ ударили Мелетинскаго Александра Царя послы во ҂з҃ѯз (1659) году, цѣна три рубли.»

«А по нынѣшней переписи ҂рч҃е года, тотъ щитъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошолся, а по осмотру и съ прежними шестьдесятъ мѣстъ порозжихъ; цѣна тому щиту пятьдесятъ рублевъ, а въ прежней описной книгѣ написанъ первой надесять.»

Щитъ, изображенный на рисункахъ 66 и 67, внесенъ въ опись безъ означенія откуда поступилъ (1):

«Щитъ шитъ золотомъ и шолкомъ, на немъ мишень по булату насѣчено золотомъ и каменьемъ; въ гнѣздехъ бирюзы, десять лаликовъ, да изумрудецъ, да искорки лаловые, а въ иныхъ мѣстехъ и каменья нѣтъ, гнѣзда сломаны; подложенъ бархатомъ рудожолтымъ; десять колецъ мѣдныхъ; привяска тесма и снуры шолкъ зеленъ; на верху въ маковкѣ каменя нѣтъ, два мѣста порозжи и съ третьего мѣста въ серединѣ выломлено семдесятъ мѣстъ порозжихъ.»

«А по нынѣшней переписи ҂рч҃е года, противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошолся и по осмотру сверхъ прежнихъ два мѣста порозжихъ и съ гнѣздами нѣтъ; цѣна тому щиту пятьдесятъ рублевъ, а въ прежней описной книгѣ написанъ третей надесять.»

ЩИТЪ БУЛАТНЫЙ.

СЪ ЗОЛОТОЮ НАСѢЧКОЮ, УКРАШЕННЫЙ СКАНЬЮ И ДРАГОЦѢННЫМИ КАМНЯМИ.

(Рисун. № 69.)

Этотъ превосходной работы булатный щитъ, у котораго въ косыхъ граняхъ насѣчены золотомъ битва и охота, различные роды звѣрей, стрѣльцы и сокольники, въ старинныхъ описяхъ Оружейной казны вносился первымъ и цѣнился въ тысячу рублей. Люди изображены въ Персидской одеждѣ; но въ описныхъ книгахъ, о присылкѣ его въ даръ, не упоминается. На немъ

(1) Опис. книга 1687 года, листъ 192.

недостаетъ, около навершья, двухъ золотыхъ плащей, подобныхъ двумъ уцѣлѣвшимъ, изображеннымъ на щитѣ.

Въ описныхъ книгахъ 1687 и 1701 годовъ, онъ описанъ слѣдующимъ образомъ:

«Щитъ булатъ красной, грани круглыя, черезъ грань врѣзывано золото травы и звери; а въ нихъ шесть репьевъ золотыхъ сканныхъ съ каменьемъ и въ трехъ репьяхъ нѣтъ трехъ каменевъ; подвершье съ яблочкомъ золотое сканное, вѣнецъ золотъ сканной, поверхъ вѣнца золота вѣнецъ желѣзной золоченъ травы чаадайскіе на обрезъ, земля канфарена; окола щита бохрама шолкъ червчетъ съ серебромъ; съ испода прикрѣпка серебромъ кованымъ бѣлымъ съ гвоздми серебреными золочены горощатыми; двѣ пряжи золотые гладкіе привязошные съ цвѣтками; подложенъ, подушечка отласъ серебренъ; а на немъ по сторонамъ четыре клейма Нѣмецкихъ; у подушки привяска оболочена бархатомъ червчетымъ на кольцахъ мѣдныхъ; въ подвершьяхъ и въ яблокѣ и въ репьяхъ и въ вѣнцѣ тысеча четыре ста сорокъ восмь искорокъ мелкихъ лаликовъ и виписокъ и бирюзъ, да тридцать два зернышка жемчужныхъ.

«А по нынѣшней переписи р҃ч҃є года и по осмотру, тотъ щитъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся, четырехъ репьевъ, да яблока золотыхъ съ каменьи, да дву пряжекъ золотыхъ нѣтъ, въ репьяхъ и въ вѣнцѣ и въ поясу многихъ камешковъ нѣтъ, въ вѣнцѣ въ верху золото обломлено, опушки серебреные больши половины нѣтъ, бахрама попорчена; цѣна тому щиту по оцѣнкѣ стволного дѣла мастера Афанасья Вяткина съ товарыщи тысеча рублевъ, а въ прежней описной книгѣ написанъ первымъ же.»

ЩИТЪ БУЛАТНЫЙ ПЕРСИДСКІЙ.

(Рисун. № 70.)

Этотъ щитъ, по описной книгѣ 1687 года, вывезенъ изъ Персіи Васильемъ Коробьинымъ, бывшимъ въ царствованіе Царя Іоанна Васильевича Головою при украинскихъ Воеводствахъ, въ 1570, 71 и 72 годахъ (1):

(1) В. Коробьинъ вѣроятно былъ при посольствѣ Алексѣя Хозникова, въ 1569 году, къ шаху Тамасу.

«Щитъ Кизыльбашской, булатной, вѣнецъ серебренъ золоченъ съ каменьемъ съ лалики и съ бирюзками и съ финиски, въ порозжихъ мѣстехъ нѣтъ тридцать камушковъ; другой вѣнецъ желѣзной, травы чеадайскіе сечены золочены, подвершье серебреное позолочено, въ ней девять камышковъ да пять каменей бирюзъ на граняхъ; въ исподи шесть колецъ серебреныхъ позолочены съ пробои и съ плащи, чѣмъ бахрама привязана шолкъ съ золотомъ; подкладка отласъ червчатъ. Привезъ изъ Кизыльбаша Василей Коробьинъ, и по осмотру, въ томъ щиту дву репьевъ съ каменемъ, да въ репье камня, въ яблочкѣ пяти камневъ нѣтъ; въ вѣнцѣ шти десятъ дву камней нѣтъ; бахрама попорчена.»

«А по нынѣшней переписи ҏч҃е года и по осмотру, тотъ щитъ съ прежними переписными книгами сшолся; цѣна тому щиту двѣсте пять рублевъ, а въ прежней описной книгѣ написанъ вторымъ.»

ЩИТЪ ИЗЪ «ЙНОРОГОВОЙ» КОЖИ (1),

ПРИСЛАННЫЙ ВЪ ДАРЪ ОТЪ ИМЕРЕТИНСКАГО ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА.

(Рисун. № 72.)

Въ Персіи дѣлались щиты изъ кожи носорога; верхній, изъ изображенныхъ на рисункѣ № 72, есть одинъ изъ подобныхъ Персидскихъ щитовъ. На немъ двѣнадцать серебряныхъ репьевъ и едва замѣтныя, наведенныя золотомъ изображенія луны и солнца.

Въ описной книгѣ 1687 года, онъ вписанъ одиннадцатымъ:

«Щитъ кожа инороговая, на верху писанъ левъ золотомъ, да луна; на щиту двѣнадцать репьевъ серебреныхъ чешуйчатыхъ, въ нихъ прикрѣплены съ исподи кольца желѣзные, подушка бархатная зеленая изодралась; по записной книгѣ, написано великому Государю челомъ ударилъ Мелетинскаго Александра Царя послы.»

(1) Щиты изъ кожи, по сказанію историковъ, употреблялись искони въ Колхидѣ и Азіатской Ѳракіи.

«А по нынѣшней переписи рче года и по осмотру, тотъ щитъ противъ прежнихъ переписныхъ книхъ сшолся; цѣна тому щиту тридцать пять рублевъ; а въ прежней описной книгѣ написанъ десятой.»

Изображенные на рисункѣ № 72 нѣсколько простыхъ щитовъ, срисованы также изъ числа многихъ, хранящихся въ Оружейной Палатѣ.

ЩИТЪ ДЕРЕВЯННЫЙ,

КРЫТЫЙ АТЛАСОМЪ ЧЕРВЧАТЫМЪ, НАВЕРШЬЕ ЖЕЛѢЗНОЕ СЪ СЕРЕБРЯНОЙ НАСѢЧКОЙ ДВУГЛАВАГО ОРЛА.

(Рисун. № 73.)

Это одинъ изъ числа четырехъ щитовъ, бывшихъ въ Оружейной казнѣ и описанныхъ въ 1687 году слѣдующимъ образомъ (1):

«Четыре щита деревянные липовые, оклеены съ лица червчатымъ отласомъ, а внутри красными дорогами; съ лица голунъ серебренъ и въ томъ числѣ одинъ съ дорошками; да на дву навершье желѣзные, на нихъ по орлу двоеглавому, да по осми клеемъ розныхъ, да по двѣ каемки наведены серебромъ, да по двѣнадцати репьевъ мѣдныхъ репейчатыхъ; для привяски пряшки мѣдные; привяски подъ одною шолкъ красной а другіе нитеные. Въ одномъ подушка кумашная красная; на дву щитахъ репьи мѣдные жъ позолочены; на верху по репью большому, да на верху жъ по щиту по двадцати по одному репью; привяски пряшки мѣдные, тесмы цвѣтные шолковые; у одного подушка тафтяная красная.»

«А по нынѣшней переписи рче года, тѣ щиты съ прежними переписными книгами сошлись, а по осмотру у одного подушки нѣтъ; цѣна тѣмъ щитамъ съ желѣзными навершьи по пяти рублевъ, а съ мѣдными навершьи по четыре рубли щитъ; а въ прежней описной книгѣ написаны въ двадцатой статьѣ.

(1) Описная книга 1687 года, листъ 195.

ЩИТЪ «ИНРОГОВЫЙ»

ПРИСЛАННЫЙ ШАХЪ—АББАСОМЪ ЦАРЮ МИХАИЛУ ѲЕОДОРОВИЧУ.

(Рисун. № 74.)

Въ 1644 году, Декабря 29, посолъ Персидскаго шаха Аббаса II, Ага Ассанъ, представилъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу, въ числѣ многихъ другихъ даровъ — золотныхъ бархатовъ, камокъ, атласовъ, ковровъ и вьюковъ шелку:

«*Сѣдло* оправлено золотомъ съ каменьи съ яхонты и с лалы и съ изумруды.»

«*Муштукъ* съ наперстью, оправленъ золотомъ съ каменьи съ бирюзами.»

«*Щитъ* кожа инроговая, оправленъ золотомъ съ каменьи съ яхонты и съ изумруды и съ жемчугомъ; нагалище бархатъ золотной кизильбашской» (1).

Подробное описаніе этого щита помѣщено въ описной книгѣ 1687 года: «Щитъ кожа инроговая черная; на верху щита плащь круглой бирюза въ золотѣ, на немъ запона круглая золотая, въ запонѣ камень изумрудъ, да четыре зерна кафимскихъ бурмицкихъ, да четыре яхонтика, да шестнадцать искорокъ яхонтовыхъ же червчатыхъ, да тридцать двѣ бирюзки, да около бирюзнаго плаща семьдесятъ одно зерно жемчужныхъ, да три мѣста порозжихъ; да около того жъ плаща восмь репьевъ золотыхъ, въ томъ числѣ въ трехъ по пяти яхонтиковъ червчатыхъ, да по семи бирюзокъ маленькихъ, въ томъ числѣ мѣсто бирюзное порозжо; въ трехъ же репьяхъ по жемчужному зерну бурмицкому, кафимскому, да въ дву репьяхъ по изумруду; около зеренъ и изумрудцовъ по четыре яхонтика червчатыхъ, да по семи бирюзокъ маленькихъ; одиннадцать репьевъ золотыхъ прикрѣплены петли золотые жъ; около щита вѣнецъ золотой во многихъ мѣстехъ попорченъ, въ немъ жемчужныхъ двѣсти девяносто семь зеренъ, девять мѣстъ порозжихъ; подложенъ косматымъ шелкомъ, подъ петлеми кружечки золотые жъ; чемоданецъ бархатъ Персидской золотой, подложенъ дорогами

(1) Арх. О. II. Выписка изъ посольскихъ книгъ и столбцевъ, 1763 года.

двоелишными. Въ чемоданцѣ, въ бумагѣ, выполое жемчужное зернышко, да изумрудная искорка. По записнымъ книгамъ написано: «Великому Государю прислалъ въ дарехъ Кизыльбашской шахъ Оббасъ во рн҃в году; цѣна сто пятьдесятъ одинъ рубль двадцать алтынъ.»

«А по нынѣшней переписи рч҃е года и по осмотру, тотъ щитъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся, въ верху въ кругу и въ каймѣ двадцати одново жемчуга нѣтъ.»

ТАРЧЬ.

(Рисун. № 62 и 63.)

Это Арабское названіе коннаго щита, перешло безъ сомнѣнія отъ Мавровъ, вмѣстѣ съ употребленіемъ желѣзной брони, почти во всѣ Европейскіе языки; (1) но опредѣленнаго значенія, какого рода былъ щитъ подъ названіемъ *тарчь*, не сохранилось (2). Такимъ образомъ, находящійся въ Оружейной Палатѣ, изображенный на рисункахъ 62 и 63, есть единственный образецъ щита съ наручемъ и штыкомъ.

Въ статейныхъ книгахъ 1591 года упомянуто о присылкѣ *торчей,* вмѣсте съ осѣдланными жеребцами, отъ Польскаго Короля Сигизмунда:

«Въ 1591 году послы Польскаго Короля Сигизмунда ударили челомъ; между прочимъ: посолъ Станиславъ Родиминскій: «жеребецъ Турецкой темногнѣдъ съ сѣдломъ и со всѣмъ конскимъ нарядомъ; а на сѣдлѣ торчь въ ножнахъ, наконечникъ золоченъ.» — Станиславъ Кирвацкій: «жеребецъ сѣръ съ сѣдломъ турскимъ и со всѣмъ конскимъ прибором, а на сѣдлѣ торчь обдѣлана серебромъ.» Адамъ Суходольскій: «конь сѣръ съ сѣдломъ и со всѣмъ конскимъ нарядомъ; а на сѣдлѣ мечь обдѣланъ.»

(1) ترس — *тарс* — щитъ, по Анг. targe или target; по Франц. targe; по Итал. targa; по Нѣм. tartsche; по Польски tarcza — scutum equitum quod brevius est; *paweza* est scutum peditum longius. Greg. Cnapii Thesaurus polono-latino-græcus.

(2) На изображеніи Ричарда Бошанъ (Richard Beauchamp, gouverneur de Calais en 1439) въ полномъ вооруженіи, на лѣвой рукѣ подобіе тарча; но это наручь съ раструбомъ. Le Moyen âge et la renaissance: Modes et Coutumes pl. XVII.

Въ описной книгѣ 1687 года, листъ 497, *тарчь* помѣщенъ въ числѣ кираснаго вооруженія:

«Тарчь стальной личной съ лѣвою рукою, рука воронена съ шпагою; по щиту и на рукѣ дощечки и гвоздья желѣзные золочены репейчаты; бахрама около руки и тарча шолкъ лазоревъ съ червчатымъ; подложенъ отласомъ червчатымъ, снуры въ столбецъ и кисти шолкъ бѣлъ черпъ съ жолтымъ.»

«А по нынѣшней переписи р҃ч҃е года и по осмотру, тотъ тарчь противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся; цѣна пятнадцать рублевъ, а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ тотъ тарчь написанъ въ 62 главѣ.»

ЧЕКАНЫ.

(Рис. Отд. III № 75, 76.)

Чеканомъ называется молотъ — клевецъ, употреблявшійся въ старину, какъ оружіе противъ латъ и кольчугъ (1).

Въ опись 1687 года внесенъ только одинъ чеканъ Московскаго дѣла, изображенный на рисункѣ № 75 первымъ:

«Чеканъ Московскаго дѣла съ кинжаломъ; топорище по дереву оболочено бархатомъ червчатымъ, а на немъ двѣ трубки, да три плаща серебреные, рѣзные. Кинжала конецъ отломленъ.»

На обоймахъ по пояскамъ этого чекана замѣтна подпись: «Василья Ивановича....»

Чеканъ, изображенный на рисункѣ № 76, обтянутый чешуей, принадлежалъ, по имѣющейся около обушка подписи, Князю Ѳедору Андреевичу Телятевскому.

(1) По Чешски Čakan значитъ палица съ обухомъ; по Польски Czekan — молотъ, marteau d'armes. По Сербски *чекич* — молотъ; *чаканац* — косной молотокъ съ клевцомъ. Происх. отъ чѐкать, бить, стукать; чеканить, бить молотомъ.

ТОПОРЫ И ТОПОРКИ.

—

ПОСОЛЬСКІЕ ТОПОРЫ.

(Рисун. Отд. III № 76, 77.)

Посольскими топорами въ описяхъ назывались нарядные топоры съ гербами, которыми вооружены были два Рында (гридня), стоявшіе по сторонамъ престола Царскаго во время пріема пословъ.

Рисунокъ № 77 изображаетъ одинъ изъ четырехъ подобныхъ топоровъ, хранящихся въ Оружейной Палатѣ подъ № 3, 4, 5 и 6. По описямъ 1687 и 1701 годовъ они Московской работы:

«Четыре топоры Московское дѣло, стальные, наведены золотомъ травы розметные на обѣ стороны, въ травахъ по два льва, на сторонѣ въ серединѣ по кругу, въ кругахъ по орлу съ корунами; съ правой стороны въ орлѣ по человѣку на конѣ колотъ змію; а съ лѣвой стороны въ орлѣ по индроку (единорогу); наведены золотомъ, обухи наведены золотомъ же, на обухахъ по два яблока, одни прорѣзные, другіе грани косые, наведены золотомъ; топорища оправа серебреная, чеканная золочена; на концѣ въ емахъ хозы бѣлые серебреные, въ наконешникахъ по десяти бирюзъ а у другаго топора двѣ бирюзы попорчены.»

«А по нынѣшней переписи ρчє года и по осмотру, тѣ топоры противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись; въ дву топорахъ четырехъ бирюзъ нѣтъ, одна бирюза пополамъ переломлена, и половины нѣтъ. Цѣна тѣмъ топорамъ по семидесять рублевъ за топоръ.»

Эти четыре топора существовали уже при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; они упомянуты въ описи Большаго наряда, составленной въ 1642 году:

«Четыре топора, что бываютъ у Рындъ при послѣхъ; по топоромъ съ обѣ стороны въ кругахъ набито золотомъ по орлу пластаному; по топоромъ же около орловъ и по обухомъ набиваны травки золотомъ же; у топоровъ топорища оправлены серебромъ чеканнымъ золоченымъ; у топорищъ съ

оба конца по яблоку, въ нихъ каменья бирюзы попорчены а иные и выпадали.»

«У топоровъ влагалища деревяные оболочены кожею, а внутри сукномъ зеленымъ.»

Посольскій топоръ, изображенный на рисункѣ № 76, также одинъ изъ четырехъ находящихся въ Оружейной Палатѣ подъ № 7, 8, 9 и 10. Въ описяхъ 1687 года (1) они названы Турскими. На нихъ насѣченъ золотомъ гербъ Византійской Имперіи, и потому можно предполагать, что эти топоры, оружіе тѣлохранителей Греческихъ Императоровъ (πελεκοφόρος) присланы во время первыхъ сношеній съ Турціей, Султаномъ, изъ Константинопольской Оружейной:

«Два топора Турскіе, булатъ красной, каймы и обухи наведены золотомъ на обѣ стороны; подъ обухомъ по двѣ мишени на обѣ стороны; подъ мишеньми въ клеймахъ по орлу съ корунами; топорища худые серебряные бѣлые, да по два наконешника, да по двѣ обоймицы чеканные золочены.»

«А по нынѣшней переписи ҁчє года и по осмутру, тѣ топоры противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись. Цѣна тѣмъ топорамъ по сту по десяти рублевъ за топоръ.»

«Два топора Турскіе, булатъ красной, каймы и обухи наведены золотомъ на обѣ стороны; подъ обухи мишени и подъ мишеньми по клейму, въ клеймахъ по орлику съ коруны на обѣ жъ стороны наведены золотомъ; середи топоровъ репьи прорѣзаны; топорища худы серебряны бѣлые, по два наконешника, да по двѣ обоймицы чеканные золочены.»

«А по нынѣшней переписи ҁчє года и по осмотру, тѣ топоры противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись. Цѣна тѣмъ топорамъ по сту по десяти рублевъ за топоръ.»

ТОПОРОКЪ ПЕРСИДСКІЙ.

(Рисун. Отд. III № 79.)

Неизвѣстно когда присланный въ даръ изъ Персіи, этотъ булатный, съ золотой насѣчкой, обдѣланный въ золото и осыпанный драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ топорикъ, упоминается въ описи 1687 года:

(1) Листъ 133, на оборотѣ, и 134.

«Топорокъ Персицкой булатной, золото врѣзывано на обѣихъ сторонахъ и на обушкѣ мишени, а по верхъ обушка врѣзывано золотомъ же слова Арапскіе (1); а въ топорище по дереву оправа золотая, а въ золото врѣзывано каменье въ гнѣздехъ девяносто шесть яхонтовъ червчатыхъ, девяносто шесть изумрудовъ, сто семьдесятъ четыре жемчуга плоскихъ, да въ наконешникѣ въ исподи вставленъ въ золото въ гнѣздѣ въ серединѣ большой жемчугъ, да около того жемчугу десять яхонтовъ червчатыхъ, да въ топорищѣ жъ въ трехъ поясках въ золото врѣзывано сорокъ одна бирюска, да въ топорище жъ межъ яхонтовъ и изумрудовъ и жемчуговъ двѣсти четыре бирюзовыхъ искорокъ, да въ наконешникѣ подъ большими каменьи врѣзывано въ золото въ гнѣздехъ искорки яхонтовые и жемчужки и бирюзковые искорки сплошь.»

«А по прежней переписи рч҃ (1682) года и по осмотру, на томъ Персидскомъ топорищѣ обушекъ Персидскаго дѣла наведенъ золотомъ по Турски; на обушкѣ было въ двадцати въ трехъ золотыхъ мѣстехъ камышки и тѣ мѣста порозжи, четырехъ яхонтовъ большихъ, да четырехъ же жемчужинъ да бирюзки нѣтъ.»

«А по нынѣшней переписи рч҃е (1687) года и по осмотру, въ топорищѣ не объявилось и съ прежними трехъ изумрудовъ, да яхонта большихъ, да пяти жемчужинъ. Цѣна тому топору, по оцѣнкѣ серебрянаго ряду цѣновщиковъ Анисима Алмазникова съ товарыщи, пять сотъ шестьдесятъ семь рублевъ.»

(1) Золотая насѣчка въ узоръ принята за слова.

БУЛАВЫ,

ПЕРНАТЫ, ШЕСТОПЕРЫ, ИЛИ ВООБЩЕ БУЗДЫХАНЫ (1).

(Рисун. Отд. III. № 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86.)

Всѣ эти различныя названія собственно *палицъ* или жезловъ, съ такъ называемыми перьями, шарами, обушками, и клевцами, были въ древности повсемѣстными признаками военачалія.

Изъ числа многихъ булавъ, пернатовъ, и шестоперовъ, хранящихся въ Оружейной Палатѣ, замѣчательнѣйшія слѣдующія:

БУЛАВА ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

(Рис. 84.)

Голова или яблоко этой булавы изъ ограненаго лазурика (lapis lazuli), названнаго въ старинныхъ описяхъ *самфиромъ;* черенъ обтянутъ краснымъ бархатомъ, и обвитъ лентою изъ кованаго золоченаго серебра съ чернью, съ подобною же оправою оконечностей; подъ камнемъ на оправѣ надпись:

(1) Буздыханъ Турецкое названіе воеводскаго жезла بوزدغان. По Чешски Bozagan, Buzogan, и по Венгерски Buzgany, Buzogany — значитъ тоже что Čakan — палица, жезлъ.

«Божіею милостію мы Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичь всея Русіи Самодержецъ.»

Въ описи 1687 года:

«Булава *Самфирная,* граненая, черенъ поволоченъ бархатомъ червчатымъ, по бархату перевивъ серебряная золочена и чернью наведена черезъ грань; на трубкѣ подъ булавою написано Государево Царево и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи имя рѣзью черезъ грань; а другіе грани рѣзные золочены съ чернью, да трубки на верху въ исподи серебряные жъ рѣзные золочены черезъ грань съ чернью.»

«А по нынѣшней переписи ҏч҃є года и по осмотру, та булава противъ прежнихъ книгъ сошлась; цѣна той булавѣ пятьдесятъ пять рублевъ; а по прежней описной книгѣ та булава написана первою надесять.»

БУЛАВА МАЛЕНЬКАЯ, КОСТЯНАЯ СЪ ХРУСТАЛЬНЫМЪ ЯБЛОКОМЪ.

(Рисун. № 84, изобр. В)

Въ Оружейной Палатѣ хранится подъ № 33. Въ описи 1687 года (1), объ ней упомянуто слѣдующее:

«Да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ объявилась въ Оружейной Палатѣ булава малинькая, глава хрустальная четвероугольная рѣзная; цевье костяное, рѣзное; въ цевье врѣзаны стеклышки круглые; цѣна той булавѣ десять рублевъ.»

БУЛАВА БЛИЖНЯГО БОЯРИНА КНЯЗЯ В. В. ГОЛИЦЫНА.

(Рисун. № 85.)

Въ Оружейной Палатѣ подъ № 5, серебряная, золоченая. Въ вершинѣ яблока большой лалъ розоваго цвѣта, по сторонамъ четыре костяныя

(1) Листъ 112.

рѣзныя накладки въ видѣ полумѣсяцевъ; вокругъ нихъ, и по всей рукояти насажены бирюзы въ гнѣздахъ. На гладкой срединѣ рукояти вырѣзаны буквы: Б. Б. К. В. В. Г. — *т. е: Булава Бояр. Кн. Вас. Вас. Голицына.*

БУЛАВА ХРУСТАЛЬНАЯ.

(Рисун. № 86 лит. А).

Въ Оружейной Палатѣ подъ № 32; въ описной книгѣ 1687 года названа Турской:

«Булава хрустальная турская, черенъ обложенъ серебромъ съ финифты, скапной; подзоръ серебряной золоченой; на черену въ трехъ поясках камешки вииски червчетые.»

«А по нынѣшней переписи ρчѥ года и по осмотру, та булава противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлась; а по осмотру въ черену въ нижнемъ поясу дву виписъ нѣтъ; цѣна той булавѣ шестьдесятъ пять рублевъ, а въ прежней описной книгѣ написана седьмою.»

БУЛАВА БОЯРИНА КН. Б. М. ЛЫКОВА.

(Рисун. № 86 лит. Б)

Въ Описи Оружейной Палаты, подъ № 20. Эта булава серебряная позолоченая. Рѣзныя въ узоръ яблоко и черенъ украшены сто одной бирюзой въ гнѣздахъ. На обрѣзѣ черена вырѣзана подпись: Б҃· К· Б҃· М҃· Л҃.—*т. е: Бояр. Кн. Бориса Михайловича Лыкова.*

БУЛАВА БУЛАТНАЯ.

(Рисун. № 86, лит. В)

Въ Оружейной Палатѣ подъ № 36. Въ описной книгѣ 1687 года:

«Да сверхъ прежней описной книги булава булатная съ долами, долы съ путиками, черезъ долъ вырѣзывано золото травками; на главѣ яблочко наведено черезъ полоску золотомъ; подъ главою до пояска и ниже пояска врѣзывано золото травками; цевье съ долами, долы съ путиками; пониже цевья къ черену врѣзывано золото жъ, черенъ гладкой, по конецъ черена въ полъяблочка наведено было золотомъ же; цевье жъ тоще, въ немъ положено желѣзцо и гремитъ; цѣна той булавѣ шестьдесятъ рублевъ.»

Время поступленія этой булавы въ Оружейную казну неизвѣстно; но находившаяся въ казнѣ, совершенно сходная съ изображенной, была Московскаго дѣла при Оружничемъ Князѣ Борисѣ Александровичѣ Репнинѣ:

«Булава краснаго желѣза Дмитреева дѣла Рошка, дѣлана съ долы, черезъ долъ наведено золотомъ; черенъ оправленъ серебромъ бѣлымъ и золоченымъ; дѣлана при бояринѣ Князѣ Борисѣ Александровичѣ Репнинѣ.»

«А по нынѣшней переписи рчє года и по осмотру, та булава противъ прежнихъ книгъ сошлась, на ней рукоятка да двѣ обоимицы серебряны золочены; подъ булавою по пояску наведено волоченымъ золотомъ; цѣна той булавѣ тридцать пять рублевъ, а по нынѣшней описной книгѣ написано третьею надесять.»

ПЕРНАТЪ ИЛИ БУЗДЫХАНЪ

золотой, прорѣзной, украшенный яхонтами и изумрудами.

(Рисун. № 84, изобр. С.)

По описи 1687 года этотъ Буздыханъ поднесенъ Царю Алексѣю Михайловичу въ 1655 году Грекомъ Дмитріемъ Астафьевымъ:

«Быздыганъ перья прорѣзные золотые съ винивты, въ главѣ яхонтъ червчетъ большой граненой, подъ нимъ десять изумрудовъ; въ перье сто восмь яхонтовъ червчетыхъ да тридцать шесть изумрудовъ; черенъ прорѣзной золотъ попорченъ; исподняя трубка сходитъ; по ярлыку написанъ тотъ быздыганъ шестоперомъ; челомъ ударилъ Великому Государю тѣмъ быздыганомъ Греченинъ Дмитрей Остафьевъ во ҏѯг году Іюля въ кз день.»

«А по нынѣшней переписи ҏчє году и по осмотру, тотъ быздыганъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся; цѣна тому быздыгану шестьсотъ пятьдесятъ рублевъ, а по прежней описной книгѣ написанъ вторымъ.»

ПЕРНАТЪ

О ДЕВЯТИ ПЕРЬЯХЪ, УКРАШЕННЫЙ ДРАГОЦѢННЫМИ КАМНЯМИ.

(Рисун. № 79.)

Въ описи Оружейной Палаты № 3, серебряный съ позолотой. Девять прорѣзныхъ перьевъ обсажены снаружи бирюзой. Чеканеный черенъ въ узоръ по золоченому полю, серебряныя съ чернью обводы и въ нихъ золоченые цвѣты. По черену два пояска и верхняя и нижняя оконечности перната украшены бирюзой, яхонтами и изумрудами.

ПЕРНАТЪ КНЯЗЯ Ю. Н. БОРЯТИНСКАГО.

(Рисун. № 81.)

Въ описи Оружейной Палаты буздыханъ № 2, серебряный съ двѣнадцатью прорѣзными перьями, на рукояти по гранямъ нарѣзана подпись:

«167 (1659) года, Сентября въ 20 день. Буздыханъ Князя Юрія Микитича Борятинскаго, взятъ на бою подъ Васильковымъ, отъ Кіева полъ 30

верстъ, побивъ Наказнаго Гетмана войска Запорожскаго, Константина Выговскаго и Крымскаго Мурзукъ-Плана изъ Татаръ; а полковниковъ Ивана Сербина и Василья Выговскаго, и многихъ живыхъ побрали; а Государевыхъ людей не убито и въ полонъ не взято, ни человѣка.»

ПЕРНАТЪ СЕРЕБРЯНЫЙ.

(Рисун. № 85).

Въ описи Оружейной Палаты подъ № 6:

«Буздыханъ серебряный съ семью чеканенными золочеными перьями. Рукоять рѣзана узоромъ; надъ перьями ложчатое полуяблоко.»

ПЕРНАТЫ СТАЛЬНЫЕ.

(Рисун. № 80, 82.)

Въ описи Оружейной Палаты въ числѣ шестоперовъ:

«№ 10 — стальной объ осьми перьяхъ, изъ коихъ двухъ недостаетъ; полуяблоко на верху и перья украшены яхонтовыми искрами; черенъ деревянный, трубки насѣчены золотомъ.»

«№ 5: стальной съ осемью гладкими небольшими перьями и гладкимъ полуяблокомъ на верху; трубка рѣзана полосками прямо и вкось. Черенъ деревянный.»

ШЕСТОПЕРЪ

съ прорѣзными на перьяхъ орлами.

(Рисун. № 83.)

Въ описной книгѣ 1687 года (1), этотъ шестоперъ внесенъ пятымъ: «Шестоперъ, перье прорѣзное, прорѣзаны орлы; черезъ перо вызолочено и серебрено; на верху корона, на коронѣ четвероглавой орелъ вызолоченъ и высеребренъ; пріемъ вызолоченъ же и высеребренъ; на черену два яблочка круглые, да два яблочка на грани обтерты вызолочены; межъ яблокъ грани золочены и серебрены; нижное яблоко обтерто пуповиною на грани съ пуговкою, золочено, промѣжъ ими серебрено.»

ШЕСТОПЕРЪ, ПЕРЬЯ ПРОРѢЗНЫЕ.

(Рисун. № 81.)

Въ описи 1687 года, подъ названіемъ перната о шести перахъ: «Пернатъ о шти перахъ, на перьѣ прорѣзаны травы и поставлены въ лицѣ обручи вызолочены, привернуты щурупами, въ обручѣ по три щурупа желѣзные; на верху коруна съ яблокомъ прорѣзнымъ, вызолочены а на верху яблока малинькіе яблочки, желѣзные не золочены; подъ перьемъ яблоко съ порѣзкою; въ лицѣ подъ яблокомъ пріемъ мѣдной, прорѣзной, позолоченъ; посередь яблока и отъ яблока рукоятка граненая позолочена; повыше исподнева яблока спускъ мѣдной, прорѣзной позолоченъ и привернутъ однимъ щурупомъ; яблоко черезъ грань прорѣзано; подъ исподомъ яблока поставлено въ лицѣ съ пуговкою, пуговка сквозная.»

(1) Листъ 123.

ШЕСТОПЕРЫ ЖЕЛѢЗНЫЕ.

(Рисун. № 80, 82.)

Въ описи 1687 года изображенные три шестопера на рисун. № 80 и 82, помѣщены въ числѣ буздыхановъ :

« Четыре буздыгана желѣзные , перье и трубки наведены золотомъ и серебромъ травы и репейки ; черены оболочены у трехъ бархатомъ (1), въ томъ числѣ у двухъ алымъ , у третьева червчатымъ , у четвертова дерево голое. »

(1) Шестоперъ изображенный на рисункѣ 82 изобр. 3, обтянутъ полинявшимъ алымъ бархатомъ, на которомъ оттиснуты грани.

САБЛИ.

САБЛЯ ГРЕЧЕСКАЯ,

ПРИПИСЫВАЕМАЯ В. К. ВЛАДИМИРУ МОНОМАХУ.

(Рисун: Отд. III. № 87, 89.)

Эта сабля, хранящаяся въ Оружейной Палатѣ подъ № 2, булатная; на полосѣ съ одной стороны наведенъ золотомъ ликъ Богоматери съ предвѣчнымъ младенцемъ; въ десницѣ ея неувядаемый цвѣтъ, надъ которымъ изображенъ Святой Духъ въ видѣ голубя. Вокругъ лика херувимы и надъ Богоматерью Архангелы, вооруженные мечами, держатъ корону. Между ними въ гнѣздѣ небольшой яхонтъ; надъ ними ликъ солнца, покрывшій кругъ лунный, и разсѣяны звѣзды; внизу, какъ предъ образомъ, двѣ свѣчи, между которыми также въ золотомъ гнѣздѣ яхонтъ. Вдоль полосы, подлѣ тылья, врѣзано золотомъ:

« *ΠΑΝΑΓΙΑ ΘΕΟΤΟΚΕ ΒΟΗΘΗ ΤΟΝ ΔΟΥΛΟΝ ΣΟΥ ΕΤΟΣ ΑΠΟ Χ'Υ*. »

т. е.: « Пресвятая Богородица помози рабу твоему, въ лѣто по Христѣ. »

Эти слова ограничены двумя яхонтиками въ гнѣздахъ, и времени, въ которое именно лѣто по Христѣ не означено.

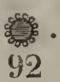
На другой сторонѣ полосы насѣченъ золотомъ въ клеймѣ Св. Георгій на конѣ, поражающій змія.

Рукоять этой сабли, огниво, на ножкахъ устье, наконечникъ и двѣ обоймы съ кольцами, золотыя украшенныя 522 алмазами и 165 яхонтами. Въ вершинѣ рукояти большой красный яхонтъ.

Ликъ Богоматери, съ принадлежностями его, изображенными на саблѣ Архангелами, небесными свѣтилами и свѣчами, соотвѣтствуетъ въ Греческой иконописи изображенію «*ροδον το ἀμάραντον*» — «цвѣтъ неувядаемый» (1).

Тоже самое изображеніе и съ тѣми же принадлежностями, на саблѣ, поднесенной Императору Павлу I, въ 1801 году, Г. Богдановичемъ (2) и на саблѣ, поступившей въ Оружейную Палату изъ С. Петербургской Рюсткамеры, въ 1810 году (3).

На первой изъ нихъ тоже изображеніе Богоматери, но съ надписью вдоль полосы: «*ΣΥ ΒΑΣΙΛΕΥ ΑΗΤΤΗΤΕ ΛΟΓΕ ΘΕΟΥ ΠΑΝΤΑΝΑΞ.*» т. е. Ты Царю непобѣдимый, Слово Божіе, Вседержитель. — На другой изображенія и надпись одни и тѣже съ описываемой саблей, съ тою разницею, что вмѣсто свѣчей въ подножіи лика, наведенъ золотомъ годъ, слѣдующимъ образомъ: 16

.

92

Изъ чего можно заключить, что эти три сабли, совершенно сходныя по выкову и по изображеніямъ, дѣланы въ эпоху возстанія Мореи, по вліянію такъ называвшагося священнаго союза противъ Турковъ (4), и завоеванія Мореи у Турковъ Венеціанами, подъ предводительствомъ Франческо Морозини Пелопонезскаго.

Къ этому же времени должно отнести и сабли, хранящіяся въ Оружейной Палатѣ подъ № 61 и 62, сходнаго выкова съ упоминаемыми, но съ надписями Латинскими: «IVDICA. DOMINE. NOCENTES. ME. EXPVGNA. IMPVGANTES. ME.» т. е. суди Господи обидящія мя, побори борющія мя.

На первой, Богоматерь посреди двуглаваго орла, на второй изображенъ крестъ съ надписью: «IC̃. XC̃ *NIKA.*»

(1) Бартольди въ путешествіи своемъ по Греціи въ 1803 и 1804 годахъ, въ бытность въ Аѳинахъ, упоминаетъ объ изображеніи Богоматери «*ροδον το ἀμάραντον*» съ приложеніемъ рисунка.

(2) Въ описи Ор. П. № 1.

(3) Въ описи Ор. П. № 64.

(4) Священный союзъ противъ Турковъ, заключенъ былъ въ 1684 году Папою Инокентіемъ XI, Германскимъ Императоромъ Леопольдомъ I, Яномъ III. Собіесскимъ и Венеціей.

САБЛЯ

КНЯЗЯ Ѳ. М. МСТИСЛАВСКАГО (1).

(Рисун. Отд. III. № 88, 89.)

Полоса булатная съ широкимъ доломъ; въ кругломъ клеймѣ Арабская надпись: «Работы Абдула Али, уроженца Кашемирскаго.» По обуху насѣчено золотомъ: «Сабля Княжъ Ѳедора Михайловича Мстиславскаго.»

Эта сабля поступила въ казну, вѣроятно, во время опалы Царя Ивана Васильевича на сына Князя Ѳедора Мстиславскаго Ивана, за его измѣну.

Въ описной книгѣ 1687 года, сабля Мстиславскаго внесена двадцать осьмой:

«Сабля булатъ красной, долъ кованой *ширинской;* а на ней мишень слова Арапскіе и каемка наведены по нарѣскѣ золотомъ, на обрѣзъ на тыльѣ подпись: «Сабля Князь Ѳедора Михайловича Мстиславского»; по обѣ стороны подписей и на черену травы наведены золотомъ по нарѣскѣ; на

(1) Бывшія въ Польшѣ притѣсненія исповѣдающихъ Греческій Законъ, принудили Князя Ѳедора Михайловича Мстиславскаго въ 1526 году, по примѣру многихъ вельможъ Польскихъ и Литовскихъ, оставить свое отечество и искать убѣжища въ Россіи. Въ 1529 году совершена запись поступленія его въ подданство Великаго Князя Василія Іоанновича «Се язъ Князь Ѳедоръ Михайловичь Мстиславскій, что еси билъ челомъ Государю своему, Великому Государю Василью, Божіею милостію Государю всея Русіи и Великому Князю, чтобы ты меня Государь пожаловалъ, велѣвъ себѣ служити; и Государь мой, Великій Государь Василей, Божіею милостію Государь всея Русіи и Великій Князь, меня Князя Ѳедора пожаловалъ, велѣвъ мнѣ себѣ служити, и пожаловалъ меня Государь, далъ за меня свою сестричну Княжну Настасью....» и т. д. Подлинная запись хранится въ Московскомъ Архивѣ Иностр. дѣлъ. Прод. Древ. Вивл часть V.

ножнахъ оправа серебреная рѣзная, съ огнивомъ и съ наболдашникомъ въ четырехъ мѣстехъ травы на обрѣзъ; поясъ тесма шолкъ червчатъ лазоревъ, зеленъ, вишневъ; темлякъ шолкъ червчатъ съ серебромъ; оправа на поясу серебреная вольяшная въ четырнадцати мѣстехъ; на ножнахъ хозъ черной.»

«А по нынѣшней переписи рч҃е года и по осмотру, та сабля противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлась.»

«Цѣна той сабли тридцать два рубли; а по прежней книгѣ описной, та сабля написана сорокъ девятая.»

САБЛЯ

КНЯЗЯ Д. М. ПОЖАРСКАГО,

и

САБЛЯ МИНИНА.

(Рисун. Отд. III. № 90.)

Эти двѣ сабли, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, поступили въ Оружейную Палату, въ 1830 году, изъ Святотроицкой Сергіевой Лавры, вмѣстѣ съ сѣдломъ Князя Пожарскаго и бердышами, кольчугами и ружьями защитниковъ Лавры, во время осады Польскими войсками подъ предводительствомъ Гетмана Сапеги, въ 1608 году.

«Сабля Князя Пожарскаго, полоса булатная, Азіатскаго выкова. Рукоять, огниво и на ножнахъ устье и наконечникъ и пять обоймъ по зеленому хзу, серебряныя золоченыя; при саблѣ поясъ изъ разноцвѣтнаго шелку съ серебромъ. Задней части огнива и украшенія на верху рукояти недостаетъ.»

«Сабля гражданина Минина, полоса булатная, Азіатскаго выкова; рукоять костяная, огниво серебряное; ножны изъ чернаго хза съ двумя серебряными же обоймами. Поясъ — гайтанъ шелковый. Наконечника недостаетъ.»

САБЛЯ

МОСКОВСКАГО ДѢЛА, УКРАШЕННАЯ ФИНИФТЬЮ.

(Рисун. Отд. III. № 91.)

Въ описи Оружейной Палаты подъ № 15: «Московской работы, полоса булатная, по обуху наведенъ узоръ золотомъ; рукоять, огниво и ножны изъ чернаго хза, въ оправѣ серебряной вызолоченой, съ разноцвѣтною финифтью.»

САБЛЯ

НА УГОРСКІЙ ВЫКОВЪ МОСКОВСКАГО ДѢЛА.

(Рисун. Отд. III. № 92.)

По описи 1687 года, листъ 51:

«Сабля полоса на Угорской выковъ, Московское дѣло; на полосѣ долики мелкіе, голомя ножны поволочены гзомъ чернымъ, оправа на ножнахъ и набалдашникъ и огниво серебреныя рѣзныя золоченыя съ чернью, въ пятнадцати мѣстехъ травы врѣзаны на обрѣзъ; поясъ тесма шолкъ червчатъ зеленъ съ золотомъ и съ серебромъ; оправа на поясу серебреная золоченая семнадцать мѣстъ; темлякъ и кисть шолкъ червчетъ съ золотомъ, варворка обнизана жемчугомъ.»

«А по нынѣшней переписи ҏчѕ҃ года и по осмотру, та сабля противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлась.»

«Цѣна той сабли пятьдесятъ одинъ рубль, а по прежней описной книгѣ та сабля написана тридцать пятая.»

ПАЛАШИ.

(Рисун. Отд. III. № 93, 94, 95, 96, 97.)

ПАЛАШЪ РУССКАГО ДѢЛА.

По описной книгѣ 1687 года и прежнихъ годовъ, палашъ, изображенный на рисункѣ № 93 (1), (изобр. 1) обдѣланный въ золото и украшенный алмазами, Русскаго дѣла:

«Полашъ полоса стальная гладкая, Рускова дѣла; отъ крыжа голомя золочено съ обѣ стороны сплошь; ножны покрыты отласомъ цвѣтнымъ, на ножнахъ оправа золотая рѣзная съ алмазы, огниво оправано золотомъ; на черену жъ межъ огнива и наболдашника четыре плащика маленькихъ золотые жъ рѣзные безъ каменья; въ огнивѣ жъ и въ наболдашникѣ и въ дву обоймицахъ и въ наконечникѣ по счету двѣсте три алмазца и искорокъ алмазныхъ же, въ томъ числѣ въ концѣ и въ наболдашникѣ алмазъ граненой не малъ, да въ обоймицѣ мѣсто порозже, да два кольца золотыхъ; поясъ столпчатой шолкъ алой.»

«А по нынѣшней переписи ҏч҃е года съ прежними переписными книгами тотъ полашъ сошолся; цѣна тому полашу по скаскѣ серебренаго ряду цѣновщиковъ Анисима Алмазникова съ товарищи, пять сотъ девяносто два рубли.»

«А въ прежней описной книгѣ тотъ полашъ написанъ пятымъ надесять.»

(1) Въ Ор. П. подъ № 4.

ПАЛАШЪ,

присланный царю Михаилу Феодоровичу отъ Молдавскаго господаря Василия, въ 1641 году.

(Рисун. № 93 изобр. Б)

Въ Оружейной Палатѣ подъ № 1, въ описи 1687 года подъ № 4:

« Полашъ полоса булатная съ одну сторону рѣшетка и мишень и каймы, а съ другую сторону въ кругу слова Арабскіе наведены золотомъ; ножны, бархатъ червчетъ, переломлены; оправа серебреная золочена съ яшмы и съ искорки яхонтовыми и съ бирюзы. Присланъ во Оружейной приказъ по памяти съ Казеннаго двора во рмд году, а въ памяти написано: « къ Государю прислалъ въ дарехъ Молдавскіе земли владѣтель Василей съ посланникомъ своимъ съ Остафьемъ Мытникомъ во рмд году,» и тѣ ножны подѣланы; поясъ тесма шолкъ червчетъ, у оправы на ножнахъ четыре кольца. »

« А по нынѣшней переписи рче году и по осмотру, тотъ полашъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся и по прежнимъ переписнымъ книгамъ рч году написано: пояса нѣтъ, на черену и въ крыжу головы змѣины, да на крыжу жъ и въ черену и въ ножнахъ осмнадцать яшмъ, яшмы насѣчены золотомъ, въ нихъ осмнадцать искорокъ яхонтовыхъ и тѣ мѣста всѣ порозжи; а по нынѣшнему осмотру и съ прежними штидесять одной искорки нѣтъ, да шти бирюзъ; цѣна сто пятнадцать рублевъ, а въ прежней переписной книгѣ написанъ вторымъ; яшма въ крыжу и подъ крыжемъ на устье большая яшма, розбиты. »

ПАЛАШИ МОСКОВСКАГО ДѢЛА.

(Рис. 94.)

По описной книгѣ 1687 года, два стальные палаша, изображенные на рис. 94, Московскаго дѣла:

Первый — ножны алаго бархата, внесенъ 11: « Полашъ полоса стальная Московского дѣла; отъ крыжа по обѣ стороны золочено; крыжъ и черенъ

серебреные травчатые; устье, пять бранцаръ, наконешникъ—травы чеканные золочены; на черену жъ и на крыжѣ и на устьѣ и на бранцарахъ и на наконешникѣ сто двѣнадцать бирюзъ; ножны покрыты бархатомъ алымъ; поясъ тесма шолкавая цвѣтная.»

«А по нынѣшней переписи рчє года, тотъ полашъ съ прежними переписными книгами сшолся, а по осмотру и по прежнимъ переписнымъ и по нынѣшнимъ книгамъ четырнадцать бирюзъ, да въ наболдашникѣ бирюзы жъ и колецъ нѣтъ. Цѣна пятьдесятъ два рубли; а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написанъ десятымъ.»

Второй — ножны червчатаго бархата, внесенъ въ опись 12-мъ: «Полашъ полоса стальная Московскаго дѣла, отъ крыжа по обѣ стороны золочено; черенъ и крыжъ и устье, пять обоймицъ, наконешникъ серебреные золочены; на черену жъ и на крыжу и на устье и на обоймицахъ и на наконешникахъ въ гнѣздахъ семнадцать бирюзъ, въ нихъ врѣзывано золото съ искры яхонтовыми, по счету пятнадцать искорокъ, да три мѣста порозжи, у одной обоймицы и гнѣзда золото и искры выпадали; около тѣхъ гнѣздъ шестьдесятъ одна бирюза, кольцо у боймицы серебреное золочено, а у другова кольца нѣтъ отломлено; ножны покрыты бархатомъ червчетымъ, безъ пояса.

«А по нынѣшней переписи рчє года, тотъ полашъ съ прежними переписными книгами сшолся, по нынѣшней переписи объявился; тесьма шолкъ цвѣтной; цѣна сорокъ пять рублевъ, а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написанъ третьимъ надесять.»

ПАЛАШЪ

РУКОЯТЬ «КОСТЬ РЫБЬЯ.»

(Рис. № 95, изобр. 1.)

Въ Оружейной Палатѣ, подъ № 7-мъ. Въ описи 1687 года, подъ № 5: «Полашъ полоса стальная, отъ крыжа по обѣ стороны долъ, отъ долу съ обѣ стороны ребро, да отъ крыжа по обѣ стороны голомя золочено; на пра-

вой сторонѣ два репейка, ножны оболчены бархатомъ алымъ; на ножнахъ оправа, крыжъ, двѣ обоймицы, наконешникъ — золотые, въ нихъ съ обѣ стороны врѣзываны бирюзы; черенъ кость рыбья, плашками; а въ нихъ врѣзывано золото съ бирюзами гнѣздами, на сторонѣ по семи гнѣздъ и съ обѣихъ сторонъ изошти мѣстъ золото выпало; на черену межъ плашекъ спаено золотомъ въ скань; у обоймицы скобка золотая отломлена, а вмѣсто скобки положено кольцо серебреное позолочено; поясъ тесьма шолкъ цвѣтной безъ оправы.»

«А по нынѣшней переписи рч҃е года, съ прежними переписными книгами тотъ палашъ сшолся; цѣна тому полашу сто сорокъ семь рублевъ.»

«А по прежней описной книгѣ, тотъ полашъ написанъ шестымъ надесять.»

ПАЛАШЪ,

УКРАШЕННЫЙ ЯХОНТАМИ И БИРЮЗАМИ.

(Рисун. № 96, изобр. 1.)

Этотъ богатый палашъ, хранящійся въ Оружейной Палатѣ подъ № 16, неизвѣстно когда и отъ куда поступилъ въ оную; но судя по Турецкой отдѣлкѣ и сходству рукояти съ присланнымъ палашемъ отъ Молдавскаго Господаря Василія (рис. 93), должно полагать что оный присланъ въ даръ при сношеніяхъ съ Молдавіей при Іоаннѣ IV. Въ статейныхъ книгахъ посольствъ Турецкихъ и Волошскихъ, упоминается, что въ 1680 году присланный къ Государю Царю Ѳеодору Алексѣевичу отъ Волоскаго Государя *Юдуки* Волошанинъ Юрья Павловъ, будучи на аудіенціи, подалъ Государю, между прочими дарами: «*Палашъ, оправленой серебромъ съ каменьемъ.*» Но описываемый палашъ, по описи 1687 года, существовалъ уже въ *прежнихъ* описныхъ книгахъ:

«Полашъ стальной, на полосѣ отъ огнива по обѣ стороны вытерта голомя доликомъ, около долика на правой сторонѣ половина клеемца; ножны хозъ

серебренъ золоченъ рѣзной; пять обоймицъ, черенъ и огнива серебреные золочены рѣзные; въ черену и въ огнивѣ сплошь по всѣмъ ножнамъ въ гнѣздахъ и въ обоймицахъ сто тридцать одинъ яхонтиковъ червчатыхъ большихъ и малыхъ граненыхъ и гладкихъ; середи огнива яхонтъ червчатъ большой граненой, да бирюзъ сто пятьдесятъ двѣ бирюзы большихъ и малыхъ, да шесть изумрудцовъ; у черена въ звѣриныхъ головахъ по червчетому корольку, въ исподной губѣ колечко съ тремя чепочки, привяска столбецъ шолкъ лазоревъ, три ворворки шолковые цвѣтные.»

«А по нынѣшней переписи и по осмотру, тотъ полашъ *противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся;* по прежнимъ переписнымъ книгамъ, рч҃ году написано: въ оправѣ пятьдесятъ мѣстъ порозжихъ гдѣ было каменья, а по нынѣшней переписи и по осмотру и съ прежними сорока двухъ яхонтиковъ да двадцати четырехъ бирюзъ, да трехъ изумрудцовъ у крыжа нѣтъ, да у крыжа жъ голова звѣриная отломлена; цѣна сто девяносто два рубли, а въ прежней переписной книгѣ написанъ четвертымъ.»

ПАЛАШЪ,

УКРАШЕННЫЙ ЯШМОВЫМИ ПЛАЩАМИ И БИРЮЗОЙ.

(Рисун. № 96, изобр. 2.)

Въ описи Оружейной Палаты № 11, по сходству отдѣлки и рукояти съ змѣиными головами, также должно отнести къ присылкѣ отъ Господарей Молдавіи.

Въ описной книгѣ 1687 года, писанной съ прежнихъ книгъ, этотъ палашъ въ числѣ палашей въ серебряной оправѣ означенъ вторымъ:

«Полашъ булатной, наведенъ съ правые стороны золотомъ и серебромъ; черенъ и укружа змѣиные головы, въ черену у змѣиной головы мѣсто порозжо; оправа на ножнахъ серебреная рѣзная позолочена; въ крыжу и въ черену десять яшмъ, а въ нихъ врѣзывано золото съ искры яхонтовыми, по счету восмь искоръ, да пять мѣстъ порозжихъ; на устьѣ и на пяти

бранцарахъ и на накопешникѣ девять яшмъ, въ нихъ пятьдесятъ одна искра яхонтовые въ золотѣ, да четырнадцать мѣстъ порозжихъ, да въ черену жъ и въ крыжу и въ устьѣ и въ бранцарахъ и въ наконешникѣ восмьдесять семь бирюзъ, да мѣсто порозжо; поясъ тесма шолкъ цвѣтной безъ оправы; да въ дву бранцарахъ четыре кольца серебреные золочены, ножны покрыты бархатомъ алымъ.»

«А по нынѣшней переписи рчє года, тотъ палашъ сшолся и по прежнимъ переписнымъ книгамъ, рч҃ года, написано въ крыжу и въ черену восмь искорокъ, да пять мѣстъ порозжихъ; да въ десяти яшмахъ пятьдесятъ одна искра, да четырнадцать мѣстъ порозжихъ; а по нынѣшней переписи не объявилось въ крыжѣ, въ черену въ яшмахъ искры яхонтовой, да семь мѣстъ порозжихъ и съ прежними; да на устьѣ и въ бранцарахъ и въ наконешникѣ, въ яшмахъ дву искорокъ нѣтъ, да шеснадцать мѣстъ порозжихъ и съ прежними, да пояса нѣтъ; цѣна сто двадцать пять рублевъ, а въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написанъ шестымъ.»

ПАЛАШЪ,

БЫВШІЙ БОЯРИНА СЕМЕНА ВОЛЫНСКАГО.

(Рисун. № 97, изобр. 2.)

«Полашъ полоса стальная врѣзывано золото, травы черенъ яшмовой, ножны поволочены бархатомъ цвѣтнымъ; земля серебреная, оправа но ножнахъ золотая, въ черену и въ оправѣ врѣзывано золото жъ съ каменьи. Присланъ въ Оружейной приказъ изъ Посольскаго приказа во рнг (1645) году Декабря во к день; а въ памяти за приписью дьяка Степана Кудрявцова написано: купленъ у Семена Волынского, данъ сто рублевъ» (1).

«А по нынѣшней переписи рчє (1687) года и по осмотру, тотъ полашъ противъ прежнихъ книгъ сшолся, по обѣ стороны врѣзывано золото, черенъ

(1) Бояр. Семенъ Волынскій, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія.

яшмовой, оправа золотая; крыжъ, устье и наконешникъ, два бранцара, съ одной стороны въ золотѣ яшмы, а съ другой стороны съ чернью; въ черепу въ наконешникѣ яшмы по обѣ стороны; въ черепу жъ и въ оправѣ девяносто камешковъ и искорокъ яхонтовыхъ червчатыхъ и изумрудныхъ; въ наболдашникѣ изумрудъ граненой; по прежнимъ переписнымъ книгамъ четыре мѣста порозжихъ, поясу нѣтъ.»

«А по нынѣшней переписи ҏч҃е года и съ прежними десять мѣстъ порозжихъ.

«А по нынѣшней же оцѣнкѣ тому полашу цѣна сто шестьдесятъ рублевъ, а по прежней описной книгѣ написанъ тотъ полашъ первымъ.»

ПАЛАШЪ.

(Рисун. 97, изобр. 1.)

Въ описи 1687 года:

«Да сверхъ прежней описной книги: полашъ полоса булатная, на ней съ обѣ стороны по два дола, съ обѣ стороны два до конца, а два до ельмана съ опушкою; на правой сторонѣ мишень съ отметцы; ножны поволочены бархатомъ алымъ; оправа на немъ чернь, и крыжъ и устье двѣ обоймицы и кольцы и наконешникъ золотые; поясъ столпчатой шолкъ красной; цѣна тому полашу двѣсти тридцать рублевъ.»

КОНЧАРЫ.

(Рисун. Отд. III. № 98, 99, 100, 101, 103.)

КОНЧАРЪ,

ПОДНЕСЕННЫЙ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ ГРЕКОМЪ ДМИТРІЕМЪ АСТАФЬЕВЫМЪ.

(Рисун. № 98.)

Кончаръ есть слово соотвѣтственное Азіатскому *ханджаръ*, кинжалъ; по Чешски *concir* значитъ Fechtdegen, Rapier. Это старинная форма шпагъ, оружія, котораго тонкое острокопечіе могло проникать сквозь панцыри. По этому назначенію, Германскіе кончары носили названіе Pancerstecher.

Царегородецъ Грекъ Дмитрій Астафьевъ, пріѣзжавшій съ узорочными товарами въ 1654 и 1655 году, поднесъ Царю Алексѣю Михайловичу двѣ булатныхъ сабли и буздыханъ Цареградской работы, украшенные драгоцѣнными камнями. Подобные дары отъ торговыхъ людей, вознаграждались по оцѣнкѣ деньгами: какъ напримѣръ за Царское мѣсто поднесенное въ 1660 году шахскимъ ближнимъ человѣкомъ Ихто Модовлетовымъ и Армяниномъ Захаровымъ, пожаловано Государемъ въ вознагражденіе 4000 руб. сереб. и 19,500 р. мѣдью; за діадиму, привезенную Царегородцемъ Грекомъ Иваномъ Юрьевымъ 18,000 р.; за яблоко великодержавное, ему же 7917 рублей.

Въ 1657 году, Царегородецъ Дмитрій Астафьевъ привезъ кончаръ, изображенный на рисункѣ № 98, съ четырехграннымъ стальнымъ клинкомъ, съ золотымъ наводомъ, длиною отъ рукояти болѣе 1 $\frac{1}{2}$ аршина; рукоять и ножны въ серебряной золоченой оправѣ украшенной яшмами съ золотой насѣчкой, яхонтами и бирюзами.

Въ описи 1687 года, этотъ кончаръ внесенъ первымъ:

«Кончеръ полоса стальная, на полосѣ по обѣ стороны голомя; ножны хозъ съ золотомъ съ каменьемъ рѣзной; на ножнахъ двѣ обоймицы; на устьѣ плащь больщой яшмовой, да на ножнахъ четыре плаща четвероугольные, да на наконешникѣ два плаща долгихъ, да въ обоймицахъ и на ножнахъ четырнадцать плащиковъ круглыхъ яшмовыхъ же, въ нихъ врѣзывано золото съ гнѣздами, въ гнѣздехъ шестьдесятъ двѣ искорки яхонтовыхъ червчетыхъ, въ томъ числѣ пять мѣстъ порозжихъ, да въ обоймицахъ и на ножнахъ и въ наконешникѣ въ гнѣздехъ сто двадцать девять бирюзъ большихъ и малыхъ, да въ черену въ яблокѣ пять плащиковъ круглыхъ яшмовыхъ, въ нихъ врѣзывано золото въ гнѣздехъ по искоркѣ яхонтовыхъ червчетыхъ, да въ яблокѣ жъ и въ черену шестьдесятъ восмь бирюзъ большихъ и малыхъ; черенъ отломленъ, попорченъ гораздо, половина огнива нѣтъ, другая половина съ устья попорчена жъ гораздо; въ устьѣ и въ половинѣ огнива по круглому плащику яшмовыхъ, въ нихъ въ гнѣздехъ по искоркѣ червчетой, да восмь бирюзокъ. По записной книгѣ написано цѣна пятьдесятъ рублевъ; по ерлыку написано-жъ Великому Государю челомъ ударилъ Греченинъ Дмитрей Остафьевъ, во ҂зрѯє (1657) году.»

«А по прежнимъ переписнымъ книгамъ ҂зрч҃ года и поныпѣшнимъ ҂зрч҃є года, тотъ кончеръ сшолся и по осмотру на томъ кончерѣ хозъ серебренъ золоченъ, устье попорчено, круга и пояса нѣтъ, кольца желѣзные, да бирюзы, да четырнадцать искорокъ и съ прежними нѣтъ. Цѣна тому кончеру по скаскѣ серебряного ряду цѣновщиковъ Анисима Алмазникова съ товарищи сто пятьдесятъ пять рублевъ, а по прежней описной книгѣ тотъ кончеръ первымъ же.»

КОНЧАРЪ.

(Рисун. № 98, изобр. 2.)

Въ описи Оружейной Палаты № 4-й; въ описной книгѣ Оружейной казны 1687 года, названъ Нѣмецкаго дѣла, хотя отдѣлка его во многихъ отношеніяхъ сходна съ кончаромъ, привезеннымъ Грекомъ Астафьевымъ.

«Кончеръ Нѣмецкаго дѣла, голомяны травки съ обѣ стороны золочены; на ножнахъ хозъ серебряной золоченъ, чеканная съ обронными травки и мѣстами рѣзной; на немъ пять обоймицъ; на оправѣ и въ обоймицахъ сто сорокъ четыре бирюзы; крыжь и кругъ серебреные золочены, на нихъ тринадцать бирюзъ; черенъ и яблоко золочены витые, съ порескою, на нихъ пятьдесятъ пять бирюзъ, да мѣсто порожжо; поясъ шолкъ бѣлой съ рудожелтымъ столпчатой.»

«А по нынѣшней переписи ҂рч҃е года, тотъ кончеръ съ прежними переписными книгами сшолся; цѣна тому кончеру семьдесятъ рублевъ, а по прежней описной книгѣ тотъ кончеръ написанъ шестымъ.»

КОНЧАРЪ.

(Рисун. № 99.)

Въ описи Оружейной Палаты № 6-й; по описной книгѣ 1687 и прежнихъ годовъ:

«Кончеръ стальной; на ножнахъ оправа серебреная чеканная золочена; промежъ бренцара и наконешника и конецъ канфареной; на бренцарѣ и на наконешникѣ сорокъ пять бирюзъ, да три мѣста порозжи; наконешникъ переломленъ; на концѣ, по ниже пояска грушкою съ пуговкою, крыжь и кругъ серебреной; на крыжѣ травки чеканные, въ нихъ по обѣ стороны

на кругу тридцать одна бирюза, да три мѣста порозжихъ; черенъ конфареной серебреной; яблоко чеканное съ дорожники; на черену и въ яблокѣ тридцать двѣ бирюзы да мѣсто порозже.»

«А по нынѣшней переписи рче года, тотъ кончеръ съ прежними переписными книгами сшолся; а по осмотру наконешника и пояса нѣтъ, да на ножнахъ и съ прежними четырехъ бирюзъ, да въ черену бирюзы нѣтъ; цѣна тому кончеру пятьдесятъ рублевъ; а по прежней описной книгѣ тотъ кончеръ написанъ пятымъ же.»

КОНЧАРЫ.

(Рисун. № 100 и 103 — изобр. 2.)

По описной книгѣ 1687 года, кончаровъ, какъ сказано: «новаго дѣла, ножны крыты бархатомъ червчатымъ» въ Оружейной казнѣ было четыре:

«Четыре кончера стальные, *новаго дѣла,* голомя золочены съ обѣ стороны сплошь; оправа на ножнахъ по четыре бренцаря, по наконечнику, по устью съ порескою травчетые; ножны покрыты бархатомъ червчетымъ; у трехъ по четыре кольца, дву нѣтъ; у двухъ поясы тесма зеленая, у дву тесемъ нѣтъ; подъ черенами круги рѣзные, сквозные, золоченые; у трехъ яблоки рѣзные золочены. у четвертаго яблоко золочено жъ граненое; у наконешниковъ яблочки розныхъ дѣлъ; черены оболочены бархатомъ червчетымъ.»

«А по нынѣшней переписи рче года, тѣ кончары съ прежними переписными книгами сошлись, у одного кругъ попорченъ; цѣна тѣмъ кончарамъ по сороку рублевъ за кончаръ, а въ прежней описной книгѣ написаны въ седьмой статьѣ.»

Въ Оружейной Палатѣ эти кончары хранятся подъ № 7, 8, 9 и 10-мъ.

КОНЧАРЪ.

(Рисун. № 101).

Въ описи Оружейной Палаты № 2; въ описной книгѣ 1687 года, подъ тѣмъ же номеромъ:

«Кончеръ, на полосѣ съ обѣ стороны было золочено до половины; на ножнахъ оправа хозъ серебренъ золоченъ рѣзной, на немъ тринадцать яшмъ, а въ яшмахъ въ золотѣ шестьдесятъ двѣ искры яхонтовыхъ, да двадцать мѣстъ порозжихъ, сто шестнадцать бирюзъ, да два мѣста порозжихъ; на концѣ яблоко круглое витое; на ножнахъ пять обоймицъ, да четыре кольца; на верхнемъ устьѣ надъ крыжемъ въ кругу пять яшмъ, а въ нихъ одинадцать искоръ яхонтовыхъ въ золотѣ, да семь мѣстъ порозжихъ; да промежъ яшемъ три бирюзы, да мѣсто порозжо, да подъ крыжемъ надъ устьемъ и около яшмы три бирюзы, да на черену и въ верхнемъ яблокѣ большихъ и малыхъ пятьдесятъ бирюзъ, четыре мѣста порозжи.»

«А по нынѣшней переписи ҁчє года, тотъ кончеръ съ прежними переписными книгами сшолся, и по осмотру въ яшмахъ на ножнахъ и съ прежними двадцати семи искоръ нѣтъ; надъ крыжемъ въ яшмахъ осьми искоръ нѣтъ, да въ черену пяти бирюзъ нѣтъ; пояса нѣтъ, кольца желѣзные; цѣна тому кончеру сто пятьдесятъ рублевъ, а по прежней описной книгѣ написанъ четвертымъ.»

МЕЧИ.

(Рисун. Отд. III. № 34, 102.)

ЗУЛЬФАГАРЪ, ИЛИ ДВУХКОНЕЧНЫЙ МЕЧЬ.

Замѣчательнѣйшій изъ Азіатскихъ древнихъ мечей, хранящихся въ Оружейной Палатѣ, есть мечь, записанный въ числѣ палашей подъ № 32 и изображенный на рисункѣ 34-мъ (1). Этотъ мечь двухконечный, извѣстный у Магометанъ подъ названіемъ *Зульфагара,* завѣтнаго меча Али, полученнаго имъ въ наслѣдіе отъ Магомета. Гассанъ-Кази, Персидскій поэтъ, прославляя Али, говоритъ: «Нѣтъ храбраго кромѣ Али, нѣтъ меча, кромѣ Зульфагара, двухконѣчнаго меча героя Али.» (2)

Этотъ мечь поступилъ въ Оружейную Палату, въ 1810 году, въ числѣ другихъ оружій, изъ Рюсткамеры при Императорскомъ Кабинетѣ въ С. Петербургѣ.

Къ древней Азіатской булатной полосѣ этого меча придѣланъ серебряный Европейской работы эфесъ, съ вызолоченой бляхой, на которой изображена арматура среднихъ вѣковъ.

Съ одной стороны полосы насечена золотомъ на Арабскомъ языкѣ надпись:

«Нѣтъ силы и могущества безъ помощи Всевышняго. Нѣтъ побѣды безъ содѣйствія Зульфагара.»

(1) Находящаяся на немъ Арабская надпись, отъ эфеса вдоль полосы до дола, въ двѣ строки съ обѣихъ сторонъ, на рисункѣ не изображена.

(2) *Zulfagar* est le nom de l'épée d'Ali. Les mahometans disent, qu'elle s'ouvroit en deux au bout, comme une fourche. Voyages de Chardin en Perse. Tome III, page 64.

На другой сторонѣ надпись связными начертаніями изъ 48 Суры Корана: «Во имя Всемилосердаго, мы даровали тебѣ славную побѣду; да проститъ Богъ прегрѣшенія твои тайныя и явныя, да совершитъ надъ тобою милость, да ведетъ тебя путемъ правымъ. Да ниспослетъ помощь свою.... О Магометъ, возвести правовѣрнымъ, да познаютъ себя и увѣруютъ.... »

МЕЧЬ

БОЯРИНА МИХАИЛА БОРИСОВИЧА ШЕИНА.

Мечь, изображенный вторымъ на рисункѣ 102, поступилъ въ Оружейную Палату изъ Московскаго Колымажнаго двора, въ 1831 году. Въ описи онъ значился подъ названіемъ Шеинскаго, и принадлежалъ боярину Михаилу Борисовичу Шеину. Ноженъ нѣтъ, деревянная рукоять была обтянута, какъ замѣтно по остаткамъ, разноцвѣтною парчею.

МЕЧИ БОЛЬШІЕ.

Большихъ старинныхъ, Германскихъ мечей, подобныхъ изображеннымъ на 102 рисункѣ, гладкихъ и зубатыхъ, съ рукоятью для обхвата обѣими руками, въ Оружейной Палатѣ хранится 39-ть. Почти всѣ они были въ пожарѣ 1737 года, и потому безъ ноженъ и деревянныя рукояти придѣланы къ нимъ въ послѣдствіи. Для образца первобытнаго ихъ состоянія выпишемъ о нѣкоторыхъ изъ описной книги 1687 года:

«Одиннадцать мечей полосы стальные, въ томъ числѣ пять мечей зубатыхъ, шесть гладкихъ, отъ крыжа на полосахъ по обѣ стороны на голомяни по долику съ подписью, по обѣ стороны подписей травы, повыше травъ по орлу двоеглавому съ корунами; орлы и травы и подписи наведены

золотомъ; крыжи и поконецъ череновъ орлы головы съ корунами, на корунахъ по кресту мѣдные золочены и посеребрены; черены оболочены бархатомъ червчетымъ, перевиты голуномъ золотымъ, бахрамы у крыжей и поконецъ череновъ шолкъ червчетъ съ золотомъ; ножны оболочены бархатомъ червчатымъ, устье и наконешникъ желѣзные луженые.»

«А по нынѣшней переписи ρчє году и по осмотру, тѣ мечи противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись; зубатымъ мечамъ по двадцати по пяти рублевъ, гладкимъ по двадцати по два рубли; а въ прежней описной книгѣ тѣ мечи написаны четвертыми.»

—«Два меча полосы нѣмецкіе жъ зубатые, у одного на полосѣ съ обѣ стороны рѣзано травы и люди; крыжи желѣзные золочены, черены оболочены обьярь серебреная цвѣтная съ травы; на концахъ у череновъ у одного яблока нѣтъ, у другаго на корунное дѣло съ кровлею желѣзною, золочены; у крыжей и у яблокъ бахрама шолкъ червчатой съ золотомъ.»

«А по нынѣшней переписи ρчє году и по осмотру, тѣ мечи противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись, ножны ни чѣмъ не покрыты, въ томъ числѣ одному цѣна восмь рублевъ, другому пять рублевъ; а въ прежней описной книгѣ написанъ вторымъ.»

—«Мечь полоса стальная, крыжь и поконецъ черена яблоко желѣзное золочено; отъ крыжа на полосѣ съ обѣ стороны голомя золочено; ножны и черены оболочены кожею черною; устье и наконешникъ желѣзные золочены; *подушки* крыжа бархатные.»

—«Четыре меча полосы стальные розныхъ дѣлъ; крыжи и у череновъ наконешники желѣзные, у одного *подушка лосиная*, ножны бывали оболочены кожею черною.»

ПАНЦЕРШТЕХЕРЪ.

(Рисун. Отд. III. № 103, изобр. 1.)

Этотъ кончаръ поступилъ въ Оружейную Палату, подъ названіемъ панцерштехера, въ 1810 году, изъ Рюсткамеры при Императорскомъ Кабинетѣ въ С. Петербургѣ. Четырехгранный стальной клинокъ его, съ золотымъ наводомъ, сходенъ съ описанными кончарами; рукоять костяная, съ серебряной, наведенной золотомъ и чернью змѣиной головой; огниво, какъ у палашей, также съ змѣиными головками, на немъ шестнадцать бирюзъ; на ножнахъ, обтянутыхъ червчатымъ бархатомъ, устье, четыре обоймицы и наконечникъ серебряные съ позолотой и чернью, украшены сто сорока осьмью бирюзами, въ числѣ которыхъ пятнадцать мѣстъ порожнихъ.

КИНЖАЛЫ.

(Рисун. Отд. III. № 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110.)

КИНЖАЛЪ

КНЯЗЯ АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА.

Изображенный на рисункѣ 108-мъ замѣчательный кинжалъ, имѣющій форму ножа Малайскаго, называемаго *крисъ*, по надписи насѣченной золотомъ на тульѣ: «Князя Андрея Ивановича. Лѣта ҂ЗКА (1513).» принадлежалъ меньшому сыну Іоанна III-го, Андрею.

Находящаяся на кинжалѣ, насѣченная золотомъ по черни, Азіатская надпись, должна относиться къ какому нибудь роду письменъ Индустанскихъ: начертанія имѣютъ нѣкоторое сходство съ Тамульскими. Можно полагать, что это есть единственный уцѣлѣвшій памятникъ первыхъ сношеній Россіи съ Индіей, въ промежутокъ поѣздки въ Деканъ и Голконду Аѳанасія Никитина въ 1470 году и Индустанскаго посольства отъ Хана Бабура къ В. К. Василію Іоанновичу въ 1532 году.

Въ описной книгѣ 1687 года и въ прежнихъ описныхъ книгахъ Оружейной казны, кинжалъ Князя Андрея Ивановича есть единственное оружіе, записанное въ числѣ ножей подъ названіемъ *кинжала*:

«Кинжалъ стальной, по обѣимъ сторонамъ наведено золотомъ, подписано: «Князь Андрея Ивановича»; да на тыльѣ жъ наведено золотомъ травы;

черенъ бѣлой рыбей зубъ, *шаклъ* (1) серебреной съ черпью, ножны поволочены гзомъ чернымъ, на ножнахъ оправа желѣзная; темлякъ и поцепка у ноженъ шолкъ черной гвоздишной съ золотомъ.»

«А по нынѣшней переписи ρчє года и по осмотру, тотъ кинжалъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся; цѣна восмь рублевъ, а въ прежнѣй описной книгѣ написанъ первымъ.»

КИНЖАЛЪ,

ВЪ ЗОЛОТОЙ ОПРАВѢ, УКРАШЕННОЙ ДРАГОЦѢННЫМИ КАМНЯМИ.

Булатный кинжалъ, изображенный на рисункѣ № 104, поступилъ въ Оружейную Палату, въ 1810 году, изъ Рюсткамеры при Императорскомъ Кабинетѣ въ С. Петербургѣ. Золотая рукоять его и ножны заключаютъ въ себѣ большой яхонтъ въ вершинѣ, пятьдесятъ шесть большихъ и средней величины изумрудовъ, двѣсти девять яхонтовъ, тридцать четыре жемчужины, и сверхъ того обойма ноженъ и обводы узоровъ составлены изъ врѣзанной въ золото бирюзы.

КИНЖАЛЪ,

ВЪ ФИНИФТЯНОЙ ОПРАВѢ, УКРАШЕННОЙ АЛМАЗАМИ.

Булатный кинжалъ (рис. № 105), съ золотыми ножнами и рукоятью, украшенными финифтью, большимъ гранатомъ и шестидесятью пятью алма-

(2) Въ описи ножей *шлякъ*; такъ назывался ободокъ, или закрѣпка въ родѣ набалдашника на рукояти.

зами, поступилъ въ Оружейную Палату въ 1810 году, изъ Рюсткамеры при Императорскомъ Кабинетѣ въ С. Петербургѣ, съ отмѣткою: «взятъ въ сраженіи при Галацѣ у Сераскиръ-паши Ахмета Урфевалесы.»

КИНЖАЛЪ,

СЪ ЯШМОВОЮ РУКОЯТЬЮ, УКРАШЕННЫЙ ДРАГОЦѢННЫМИ КАМНЯМИ.

Кинжалъ, изображенный на рисункѣ 106-мъ, въ описи Оружейной Палаты подъ № 10-мъ:

«Кинжалъ булатный; рукоять, устье и наконечникъ жадовые, осыпаны алмазами, изумрудами и красными яхонтами; на рукояти двадцать шесть алмазовъ, пятнадцать изумрудовъ, шестьдесятъ шесть яхонтовъ и два мѣста порожнихъ; на устьѣ и наконечникѣ ноженъ, крытыхъ бархатомъ, шесть алмазовъ, двадцать одинъ изумрудъ и пятдесятъ яхонтовъ. Поступилъ въ Палату въ 1810 году.»

КИНЖАЛЪ,

ВЪ ФИНИФТЯНОЙ ОПРАВѢ, УКРАШЕННОЙ ИЗУМРУДАМИ.

Кинжалъ, изображенный на рисункѣ 107-мъ, хранится въ Оружейной Палатѣ подъ № 6-мъ:

«Кинжалъ клинокъ булатный, рукоять и ножны золотыя; на верху рукояти, украшенной цвѣтами изъ финифти, находится большой изумрудъ, по сторонамъ котораго два финифтяныхъ красныхъ репейка и цвѣты; на самой же рукояти, въ двухъ рядахъ, двадцать шесть изумрудовъ и шесть мѣстъ порожнихъ. Золотыя ножны чеканены въ узоръ; на нихъ недостаетъ устья.»

НОЖИ И ОХОТНИЧЬЯ ПЛЕТЬ.

Изображенные на рисункахъ № 109 и 110-мъ ножи, называемые въ старинныхъ описяхъ *подсаадачными*, поступили въ Оружейную Палату, въ 1810 году, изъ С. Петербургской Рюсткамеры при Императорскомъ Кабинетѣ.

Въ описи Конюшенной казны 1689 года и 1706, упоминается объ изображенной на рисункѣ 110-мъ охотничей плети:

«Плеть, у ней плетникъ мѣдной прорѣзной, на плетникѣ девять яблочекъ мѣдные жъ золочены; сверху вмѣсто кости трубка оправлена серебромъ золочена на чеканное дѣло; на немъ четыре виниски да три бирюзки; съ исподи у плетника оправлено серебромъ бѣлымъ, столбецъ серебро волоченое, безъ хвостовъ.»

ПИЩАЛИ.

ПИЩАЛЬ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(Рисун. Отд. III. № 111, 112.)

Пищаль, изображенная на рисункѣ № 111-й, Московскаго дѣла, мастера Оружейной Палаты Григорья Вяткина, внесена въ опись подъ названіемъ штуцера № $\frac{1}{7225}$. Она граненая во всю длину; по срединѣ ствола вырѣзана арматура, а на казенной части подпись: «лѣта 7162 (1654) года, мѣсяца Апрѣля 27, по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя всея Росіи Самодержца, сдѣлана сія пищаль въ Оружейной Палатѣ, дѣлалъ М. Г. В. (мастеръ Григорій Вяткинъ.)

Ложа пищали березовая, украшенная перломутровыми и костяными узорчатыми вставками. Въ прикладѣ задвижной ящичекъ.

Изъ числа многихъ старинныхъ пищалей Русскаго дѣла, находящихся въ Оружейной Палатѣ, на рисункѣ № 112 изображены самыя простыя, такъ называемыя разхожія, хранившіяся по описи 1687 года «у иноземца Андрея Артемьева въ верхней и нижней Палатѣ»; одна изъ нихъ *затинная*, которою стрѣляли изъ за тина или ограды, другая *завѣсная*, или *казачья*, закидывавшаяся на ремнѣ за спину.

БЕРЕНДЕЙКА СЪ ПОРОХОВНИЦЕЮ.

(Рисун. Отд. III. № 113.)

Названіе берендейки образовалось изъ слова *Bandelier* — мушкетная перевязь съ зарядами, натруской и мешечькомъ съ пулями и пыжами. Въ описяхъ снаряда Нѣмецкихъ мушкетерскихъ полковъ, берендейки и назывались *бенделерами.*

Въ Военномъ уставѣ, 1647 года, подъ заглавіемъ: «*ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей*», при описаніи вооруженія мушкетеровъ, упоминается о мушкетныхъ перевязяхъ, или банделерахъ: «.... перевязямъ доведется были на три или на четыре перста ширинoю, а на ней одиннадцать зарядцевъ....» Да у *бенделера, сирѣчь у перевяза,* быти коженому мѣшечку, во что пульки и сало и пыжи и иное издобіе, чѣмъ мушкетъ чистить, класти....»

Въ 95 главѣ описной книги 1687 года записано:

«Двадцать *банделеровъ* мушкетныхъ.»

«Да на дворѣ Боярина Никиты Ивановича Романова, сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ: «пятдесятъ ремней съ *банделеры,* цѣна по три алтына, по двѣ деньги, и того пять рублей.»

«Восмь сотъ *бенделеровъ* безъ ремней, *цѣна по три алтына по двѣ деньги за сто....*»

Изъ этого видно, что въ описи собственно бенделерами называются привѣшивающіяся на ремняхъ зарядныя деревянныя точеныя трубочки съ крышками, обтянутыя въ кожу. Тоже самое значеніе имѣютъ и берендейки.

(1) Кромѣ зарядной трубочки, берендейкой называлась родъ шапки. Хотя это слово возобновилось въ XVII столѣтіи, при учрежденіи наемныхъ войскъ, или Нѣмецкихъ полковъ, но ясно, что оно родственно съ названіемъ Берендичей или Берендеевъ, наемныхъ войскъ въ XII столѣтіи, которые можетъ быть носили извѣстное въ то время названіе Bandouliers — означающее живущихъ боевымъ промысломъ.

БЕРДЫШИ.

(Рисун. Отд. III. № 114.)

Бердышъ, по Польски bardycz и Bard, есть одно изъ древнѣйшихъ рукопашныхъ оружій, въ видѣ широкаго на длинномъ древкѣ топора, съ острыми рогами, какъ у луны; по этой причинѣ бердышъ и назывался у Римлянъ lunata securis; у Славянъ просто сѣкирой, у Готовъ Bart и Bardisan (1).

Бердыши, изображенные на рисункѣ № 114, хранятся въ Оружейной Палатѣ подъ № 243 и 244, и поступили въ оную въ 1786 году, Лейбъ-Гвардіи изъ Московскаго батальона.

(1) См. «Протазаны» № 119 и 120.

ДЖЕРИДЪ.

(Рисун. Отд. III. № 115.)

Джеридъ, есть Азіатское названіе метательныхъ копій, и употребляемыхъ въ боевой игрѣ жердей. (1)

Изображенный на рисункѣ джеридъ, поступилъ въ Оружейную Палату, въ 1810 году, изъ Рюсткамеры при Императорскомъ Кабинетѣ въ С. Петербургѣ, и внесенъ въ опись подъ № 3-мъ:

«Джидъ, (2) въ деревянномъ, обтянутомъ чернымъ хзомъ, влагалищѣ, съ чеканною серебряною мѣстами золоченою съ чернью оправою, заключающемъ въ себѣ: два стальныхъ трехгранныхъ метательныхъ копьеца, на деревянныхъ ратовищахъ, и саблю.»

(1) На Кавказѣ метательная въ игрѣ жердь, называется *джигидъ,* игра — *джигитовкой.*
(2) Джидъ — Scheide — колчанъ.

ТЕСАКЪ

ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

(Рисун. Отд. III. № 116.)

Эта, превосходной работы, булатная, прорѣзная, съ золотой насѣчкой сабля, или по Чешски *тесакъ*, дѣлана въ мастерской Оружейнаго Приказа сабельнымъ мастеромъ Ниломъ Просвитомъ, родомъ изъ Чеховъ, по повелѣнію Царя Михаила Ѳеодоровича и по приказу Оружничаго М. М. Салтыкова, въ 1617 году. Слѣдующая Русская надпись насѣчена золотомъ по обѣ стороны полосы Чешскими буквами съ прибавленіемъ въ нѣкоторыхъ словахъ Русской буквы в:

« Sy tesak sdeelan poweleniem Gossudara Tzaira i welikoвo Knesa Michaila Feodorowitcha vsea Rrusyi v paetoie leeto gossudarstwa ieвo, maesetza.... » — « Po prikasu kraitscheвo y oruschnitscheвo Michaila Michailowitscha Saltikowa; deelal master Nial Proswit. »

Въ описной книгѣ 1687 года: (1)

« Тесакъ, Московскаго дѣла, рѣзанъ напроемъ, рѣзь покрыта золотомъ да серебромъ, в долу слова и голомя по обѣ стороны наведены золотомъ, а наголомяны по обѣ стороны наведены по два долика; ножны поволочены бархатомъ зеленымъ; оправа на ножнахъ серебреная прорѣзная золочена в осми мѣстехъ; поясъ тесма шолкъ зеленъ съ золотомъ; оправа на поясу

(1) Листъ 72, на оборотѣ.

серебреная, прорѣзная, золочена въ двадцати мѣстехъ; у него жъ темлякъ и кисть шолкъ зеленой съ золотомъ, ворворка (1) золотная.»

«А по нынѣшней переписи рче году и по осмотру, тотъ тесакъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся; цѣна пятьдесятъ рублевъ.»

(1) Чашечка, въ которой скрѣплена кисть, или головка кисти.

РОГАТИНЫ,

КОПЬЯ, АЛЕБАРДЫ И ПРОТАЗАНЫ.

(Рисун. Отд. III. № 117, 118, 119, 120, 121.)

РОГАТИНА

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА ТВЕРСКАГО.

Рогатиной называлось плоское копье, на скепищѣ, или короткомъ ратовищѣ, къ которому придѣлывались иногда такъ называемые сучки (см. рис. 121), вѣроятно для упора руки. Рогатица была оружіе собственно пѣшихъ воиновъ.

Рогатина, изображенная на рисункѣ 117, съ подписью В. К. Бориса Александровича Тверскаго, въ описи 1687 года третья; но въ прежнихъ описяхъ вносилась первою, и была безъ скепища и вооруды:

«Рогатина булатъ красной, тулея обложена серебромъ рѣзнымъ золоченымъ—рѣзаны травы и люди и птицы; на тулеѣ на краю двѣ строки подпись: *Рогатина Великаго Князя Бориса Александровича.*»

«А по нынѣшней переписи р҃ч҃е года, по осмотру, та рогатина противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлась; цѣна сорокъ рублевъ, а въ прежней описной книгѣ написана первою.»

Чтобъ дать понятіе о скепищѣ, сучкахъ и вооруде рогатинъ, выпишемъ изъ описной книги 1687 года двѣ первыя рогатины:

— «Рогатина булатная, прорѣзная, яблочко наведено золотомъ, подъ яблочкомъ долики, по тулеѣ путики золочены, искепище кость бѣлая чешуйчатая, на искепищѣ яблочко съ трубкою, *три сучка* серебряные золочены, ушки шиты волоченымъ золотомъ и серебромъ по алому гзу; кляпъ серебряной, вооруда тесма шолкъ зеленой съ золотомъ.»

«А по нынѣшней переписи ρчѯ года, и по осмотру, та рогатина противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлась; цѣна шестьдесятъ рублевъ, а въ прежней описной книгѣ написана пятая.»

— «Рогатина булатная прорѣзная, въ прорѣзи катаются два зерна бурмицкіе (1), тулея стерта на грани, промежъ граней путики золочены, на кольцѣ травочки наведены золотомъ, поверхъ тулеи яблочко и повыше яблочка наведено золотомъ же.»

«А по нынѣшней переписи и по осмотру та рогатина противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлась, искепище костеное слоновое бѣлое рѣзное воловатое; тесма шолкъ червчатъ съ серебромъ, ушки шиты по зеленому отласу пряденымъ золотомъ; кляпъ серебряной, *три сучка* серебряные золочены, яблочко серебреное жъ золочено; цѣна шестьдесятъ рублевъ, а въ прежней описной книгѣ написана шестая.»

Кромѣ боевыхъ рогатинъ въ Оружейной казнѣ были и охотничьи рогатины, съ которыми ходили на медвѣдей: (2)

«Четыре рогатины стальные, Московское дѣло, медвѣжьихъ.»

«А по нынѣшней переписи ρчѯ года, и по осмотру, тѣ рогатины противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись; цѣна имъ по полтинѣ, а въ прежней описной книгѣ написаны во второй статьѣ.»

Въ переписной книгѣ пожитковъ Бориса Ѳеодоровича Годунова, упоминаются рогатины Англійскія и Нѣмецкія, которыя есть собственно алебарды или протазаны, и въ числѣ ихъ Московская съ подписью на тульѣ: «Бориса Ѳедоровича» (3):

(1) Сходно съ рогатиной, изображенной на рисункѣ № 121, названной копьемъ.
(2) Рогатины медвѣжьи, которыя употребляются и по нынѣ, имѣютъ у тульи отроги.
(3) Листъ 160.

— « Рогатина Англійская, по скепищу 4 прута желѣзныхъ, гвоздье медяно. »

— « Рогатина Нѣмецкая, наразкосъ наведена золотомъ, у ней кисть шолкъ червчатъ съ золотомъ, скепищо деревяное чорно тощо жолобчато. »

— « Рогатина Нѣмецкая, травы рѣзаны на проемъ и золочена, у ней кисть шолкъ червчатъ съ золотомъ, скепищо деревяное чорно тощое грановито. »

— « Рогатина Московская, наведена золотомъ, на тульѣ подпись слова имя Бориса Ѳедоровича; скепищо язовое. »

Въ лѣтописяхъ подъ 1149 годомъ, когда Андрей Георгіевичъ, въ войнѣ противъ Изяслава, осадилъ Луцкъ и бросился по греблѣ къ стѣнамъ города, « единъ же отъ Нѣмчинъ хотѣ просунути *рогатиною,* но Богъ соблюде и. »

Изъ этихъ словъ лѣтописи можно заключить, что въ старину, до употребленія иноземнаго названія, рогатинами назывались алебарды и протазаны, которыми вооружались наемные Норманны.

КОПЬЯ.

Простое копье вмѣсто скепища имѣло тонкое длинное древко, и отъ тулеи оконечность его была троегранная или четверогранная; острыя грани назывались перьями, тулея украшалась бахрамой, древко обвивалось голуномъ:

— « По прежнимъ переписнымъ книгамъ, р҃ч҃ (1682) года написано копье троегранное съ перьемъ, подъ перьемъ яблоко золочено, тулея осмигранная золочена и серебрена, черезъ грань повыше тулеи яблочко, около яблочка два пояска серебрены, подъ тулеею бахрама золота съ серебромъ, древко съ яблокомъ золочено, дерево черное, отъ бахрамъ по древку бахрама золото съ серебромъ, на древкѣ перевито голуномъ въ пяти мѣстехъ, по выше яблока оклеено тафтою алою, наконешникъ желѣзной. »

«А по нынѣшней переписи ρч҃е года, то копье съ прежними переписными книгами сошлось; цѣна тому копью пять рублей, а въ прежней описной книгѣ написано четвертое надесять.»

— «Копье четверогранное съ долами, *мерекляное*, тулея маленькая, поясокъ вытертъ, по выше пояска долики наведены золотомъ.»

«А по нынѣшней переписи, ρч҃е года, и по осмотру, то копье противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлось; цѣна два рубли съ полтиною, а въ прежней описной книгѣ написано седьмое.»

ГРОТИКИ ИЛИ ДРОТИКИ.

Знаменныя копьеца въ описяхъ Оружейной казны называются гротиками.

На рисункѣ 118-мъ изображенъ одинъ изъ дротиковъ, съ вензелемъ Шведскаго Короля Карла XII-го, съ знаменъ взятыхъ подъ Полтавою.

Знаменный дротикъ, съ прорѣзнымъ орломъ и крестомъ, изображенный на рисункѣ № 119-й, одинъ изъ числа многихъ, хранившихся въ Оружейной казнѣ:

«Одиннадцать гротиковъ желѣзныхъ золоченыхъ; на четырехъ вырѣзаны кресты съ орлами, а на семи кресты одни; цѣна имъ по рублю.»

ПРОТАЗАНЫ И АЛЕБАРДЫ.

Протазаны и алебарды составляли издавна вооруженіе придворной, почетной стражи. При Императорахъ Греческихъ подобными бердышами вооружены были наемные Варяги, Франки и Англы; въ средніе времена Швейцарцы. Въ Россіи почетной стражей при Великихъ Князьяхъ, кромѣ Меч-

ников, были *Дѣтески* или *Дѣтскій* (1), т. е. Боярскіе дѣти, называвшіяся въ послѣдствіи *Жильцами*. Вооруженіе Дѣтсковъ неизвѣстно, но вѣроятно бердышъ; вооруженіе же Жильцовъ, по разряднымъ книгамъ XVII столѣтія, носитъ уже иноземное названіе протазановъ и алебардъ.

Протазаны считались почетнѣе алебардъ. На рогатинахъ протазановъ были прорѣзные золоченые или насѣченные золотомъ орлы.

Изображенные на рисункахъ 119, 120 и 121-мъ, по описной книгѣ 1687 года, изъ числа протазановъ первой статьи:

«Двадцать четыре протазана съ орлами двоеглавными, прорѣзные съ корунами; орлы и тулеи золочены, въ томъ числѣ у тринадцати протазановъ деревья оболочены бархатомъ червчетымъ, перевиты кружівомъ золотымъ, кисти шолкъ червчетъ съ золотомъ; въ томъ числѣ у дву кисти золоты безъ шолку, на концахъ у деревъ исподніе копейца желѣзные золочены; у одиннадцати протазановъ деревья голые.»

«А по нынѣшней переписи ҂АХПЕ (1687) года и по осмотру, тѣ протазаны противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись; да по осмотру жъ у одного протазана у головы копейца нѣтъ; цѣна дву протазаномъ, которые съ золотыми кистьми по двадцати рублевъ; одиннадцати протазановъ, которые оболочены бархатомъ, цѣна по семнадцати рублевъ; а одиннадцати жъ протазаномъ, которыхъ деревья голые, цѣна по осми рублевъ.»

По описной книгѣ 1687 года, алебардъ сравнительно съ протазанами въ Оружейной казнѣ было мало, только семь:

«Пять алебардъ гладкихъ, деревья голые, исподніе копейца желѣзные.»

«А по нынѣшней переписи и по осмотру, тѣ *алебадры* противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошлись, и въ томъ числѣ у одного кисти розныхъ шолковъ, у другова пера нѣтъ, а по оцѣнкѣ ствольного дѣла мастера Афонасья Вяткина, цѣна тѣмъ алебадромъ по два рубли.»

«Да у иноземца у Андрея Артемьева въ Нижней полатѣ два алебарда невооружены.»

(1) По Сербски *Детичъ* значитъ воинъ, Held, vir fortis. Сер. Слов. Караджича.

ЖАГРА (1) ИЛИ ПАЛЬНИКЪ.

(Рисун. № 121.)

Жагра, или «*Пушкарскій пальникъ*» изображенный на рисункѣ 121, «желѣзный о пяти перьяхъ, въ видѣ орловъ, клювы устроены щипцами для укрѣпленія фитилей; на тулье четверогранное копье; древко крашеное, наконечникъ желѣзный.

(1) Жагра собственно значитъ трутъ, свѣтильня, фитиль. Област. слов.

САМОСТРѢЛЫ.

(Рисун. Отд. III. № 122.)

Въ числѣ осадныхъ орудій у древнихъ были *баллисты* и *аркубаллисты* (arcubalista), въ родѣ огромныхъ луковъ, укрѣпленныхъ въ дерево, которыми бросали камни, простыя желѣзныя стрѣлы, и какъ упоминаетъ Вегецій пылающія стрѣлы, обвиваемыя паклей напитанной масломъ и сѣрой. Эти стрѣлы преимущественно употреблялись въ морскихъ сраженіяхъ для сожженія кораблей, и безъ сомнѣнія онѣ же были употреблены Половецкимъ ханомъ Кончакомъ, въ 1185 году, при нашествіи его на Русь, при Ярославѣ Всеволодовичѣ:

«Пошелъ бяше треклятый Кончакъ на Русь похопься, яко плѣнити хотя грады Рускыа и пожещи огнемъ: бяше бо обрѣлъ мужа таковаго бесурменина, иже стрѣляше живымъ огнемъ. Бяху же у него и *луци тузи самострѣльнiи, одва 50 мужь можаша напрящи.*»

Въ началѣ XII столѣтія проявились во Франціи ручныя баллисты, подъ названіемъ арбалетовъ — arbalista или arcubalista, т. е. стрѣлометы, или такъ называемыя у насъ самострѣлы — стальные луки, вдѣланныя въ деревянный прикладъ. При самострѣлахъ былъ воротъ, для натягиванія тетивы, который и назывался *коловратомъ самострѣльнымъ;* стрѣлы были двугранные плоскіе, троегранныя и четверогранныя.

Въ числѣ стрѣлъ самострѣльныхъ въ описяхъ находятся *болты,* которыя, должно полагать употреблялись для охоты, на большихъ звѣрей и соотвѣт-

ствовали Сибирскимъ томарамъ, (1) или стрѣламъ съ тупыми концами, которыми бьютъ инородцы бѣлокъ, чтобъ неиспортить шкурки.

Въ Оружейной казнѣ, по описи 1687 года были слѣдующіе самострѣлы съ приборами: (2)

— «Самострѣлъ большой, Московское дѣло, прикладъ на обѣ стороны, станокъ яблоновой, врѣзываны раковины, около раковинъ розводъ мѣдной, мѣдь волочена, спускъ по пищальному.»

— «Самострѣлъ, Московское жъ дѣло, болтовой, станокъ кленовой, опушка кости лосиные рѣзаны, розводъ по сторонамъ кости мелкіе, промежъ костей розцвечено костьми зелѣзеными.»

«Самострѣлъ Псковское дѣло, станокъ кленовой, опушка кость буйволовая, верхнея грань кость лосиная, *полонце* въ четырехъ мѣстехъ съ перерывомъ, кости черные.»

«Да у иноземца у Андрея Артемьева въ Нижней Полатѣ самострѣлъ попорченъ, цѣнить немочно.»

КОЛОВРАТЫ САМОСТРѢЛЬНЫЕ:

«По прежнимъ переписнымъ книгамъ рч҃ (1682) года написано:»

«Четыре коловрата самострѣльныхъ.»

«А по нынѣшней переписи рч҃е года и по осмотру объявилось во Оружейной Полатѣ одинъ коловратъ да коловратной кожухъ; цѣна рубль.»

СТРѢЛЫ САМОСТРѢЛЬНЫЯ.

«Сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ прибыло вновь гнѣздо стрѣлъ, у одной желѣзцо четверогранное, а у другой желѣзца нѣтъ; цѣна шесть денегъ.»

ЖЕЛѢЗЦЫ.

«Три стрѣлы троегранные; цѣна по четыре деньги.»

«Стрѣла желѣзца двоегранное плоское; цѣна четыре деньги.»

(1) Въ описи 1687 года, листъ 185, въ числѣ стрѣлъ: «два гнѣзда *томариковъ* чипрасовыхъ; одно гнѣздо маленько, ушки и накосточки серебряные золочены, рѣзные, перье бѣлохвосцовое, подъ перьемъ и пониже перья, и по выше наконечниковъ перевито золотомъ.» — «Да сверхъ прежнихъ книгъ объявилось два *томара*, одинъ маленькой, ушки и накосточки рыбей зубъ, перье бѣлохвосцовое.»

(2) Листъ 459.

БОЛТЫ:

« Четырнадцать болтовъ самострѣльныхъ, въ томъ числѣ три болта съ костьми, да четыре болта безъ перьевъ; цѣна по двѣ деньги болту. »

Въ описи пожитковъ Бориса Феодоровича Годунова, 1589 года, также упоминается о самострѣлахъ съ коловратами и болтами:

« Самострѣлъ стальной, полоса зелена, соха желта съ костьми. »

« Самострѣлъ стальной полоса и соха. »

« Самострѣлишко стальное, безъ костей. »

« Коловоротъ. »

« Три болта. ».

САДАКИ,

или

НАЛУЧІЯ И КОЛЧАНЫ, СЪ ТАХТУЯМИ И ПОКРОВЦАМИ.

(Рисун. Отд. III. № 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131.)

Саадакомъ (1) назывался весь приборъ вооруженія лукомъ и стрѣлами. Саадаки возились во время походовъ за Царемъ, въ числѣ прочаго Царскаго вооруженія. Въ разрядахъ упоминаются рынды, слѣдующія за Царемъ: съ шеломомъ (1572 года), съ тремя нарядами саадаковъ, съ копьемъ, съ сулицею, съ рогатиною, съ пищалями и съ топорами: (2)

(1) На Джагатайскомъ Татарскомъ нарѣчіи: سداق — Садакъ.

(2) Въ разрядѣ 1559 года: «А съ Москвы съ Царемъ и Великимъ Княземъ будутъ Рынды:» съ *большимъ саадакомъ* Князь Иванъ Андреевичь Шуйской, а Поддатни Семейка Княжъ Ивановъ сынъ Вяземской, Иванъ Алексѣевъ сынъ Застолбскаго.

Съ писаннымъ саадакомъ Василей Ивановъ сынъ Умного, да Поддатни Аөоня Дмитріевъ сынъ Ржевской, да Захарка Глуховъ.

Съ нахтармяннымъ саадакомъ Михайла Долматовъ Карповъ, да Поддатни Иванъ Пелепелицынъ, да Никиөоръ Кочергинъ.

Прим.: По Описи 1687 года, листъ 151, *писанной* саадакъ былъ слѣдующій: «Писанъ золотомъ и серебромъ и розными красками по кожѣ; на лубьѣ орелъ двоеглавой, въ клеймѣ надъ нимъ венецъ; на колчанѣ печать Сибирская...»

Нахтермянной (бахтермянной, т. е. кожаной, мезрой на лицо) саадакъ хранится и понынѣ въ Оружейной Палатѣ.

ЦАРСКІЙ СААДАКЪ

БОЛЬШАГО И ПЕРВАГО НАРЯДА.

(№ 123.)

Подробное описаніе этого великолѣпнаго, золотаго, украшеннаго финифтью и драгоцѣнными камнями, саадака, помѣщено во второй статьѣ описи Царской Оружейной казны 1687 года, съ прежнихъ описныхъ книгъ, въ которыхъ онъ вносился первымъ:

«*Саадакъ большого наряду,* оправа золотая чеканная на прорѣзъ, на подзорѣ, съ финифты розными; подзоръ серебрянъ золоченъ; около налучи кайма канительная золотая; налучье, бендь, да два плаща большихъ, да четыре плаща меньшихъ съ финифты; въ бенди въ золотѣ въ гнѣздахъ врѣзывано каменье алмазы, въ срединѣ алмазъ большой гранёнъ, около ево восмь алмазовъ по менши, да около бенди тридцать одинъ алмазецъ малыхъ, да въ среднемъ въ большомъ плащѣ въ золотомъ *орелъ двоеглавой съ коруною,* въ серединѣ въ гнѣздехъ въ золотѣ камень лалъ, около плаща двадцат четыре яхонта червчетыхъ, да двадцать четыре изумрудовъ; на

Съ копьемъ Князь Андрей Княжъ Петровъ сынъ Телятевской, а Поддатни Петрокъ Сотницынъ, да Сенька Кочергинъ. *Съ копьемъ же* Князь Петръ Княжъ Ивановъ сынъ Горенскаго, да Поддатни Иванько Глуховъ, да Михалка Гундоровъ. *Съ рогатиною* Афонасей Өедоровъ сынъ Нагова, да Поддатни Өедька Свибловъ, да Андрюшка Жуковъ.

Въ разрядѣ 1563 года, Рынды: «*У большаго саадака* Князь Михайла Темрюковичь.

У большаго копья Князь Александръ Черкасской. *У другова саадака* Князь Борисъ Серебряной. *У другова копья* Князь Никита Оболенской. *У третьяго саадака* Князь Иванъ Лыковъ. *У рогатины* Князь Иванъ Мезецкой. *У пищалей* Князь Өедоръ Хворостининъ.

У большаго саадака Поддатни: Өедоръ Карамышевъ, Князь Иванъ Кривоборской, Иванъ Мильковъ.

Къ большому копью Поддатни: Иванъ Старого, Иванька Петровъ Леонтьевъ, Өедька Казариновъ.

Къ другому копью Поддатни: Митька Болобоновъ, Яковецъ Матвѣевъ сынъ Змѣевъ.

Къ другому саадаку Матвѣй да Гриша Курдюковы.

Къ меньшому саадаку Сенька да Ивашка Мишурины.

Къ рогатинѣ Ивашка Губинъ, Ивашка Рахманиновъ.

У пищалей Тимоха Мятлевъ, Юшка Соловцовъ.

У топоровъ Поддатни: Иванька Змѣевъ, Иванъ Растопчинъ, Иванька Карамышевъ, Баушъ Унковской»

другомъ плащѣ чеканенъ *человѣкъ на конѣ, копьемъ колетъ змію;* около плаща каменья въ золотѣ: двадцать шесть яхонтовъ червчетыхъ, да двадцать шесть изумрудовъ, да на меньшихъ плащахъ, въ первомъ плащѣ *орелъ одноглавой съ коруною,* на другомъ плащѣ *гривъ въ правомъ ногтѣ держитъ яблоко со крестомъ,* въ третьемъ плащѣ *звѣрь инрогъ въ переднихъ ногахъ держитъ скипетръ,* въ четвертомъ плащѣ *левъ, въ переднихъ ногахъ держитъ мечь;* да на на-лучѣ жъ въ оправѣ въ золото врѣзывано каменье: въ гнѣздахъ тридцать три алмаза, осмнадцать яхонтовъ большихъ лазоревыхъ, осмнадцать яхонтовъ червчетыхъ, четыре лалы, четырнадцать изумрудовъ большихъ, шестнадцать изумрудовъ малыхъ; назади лубья хозъ ернистой шитъ волоченымъ золотомъ; на колчанѣ двѣ бенди, да два плаща въ золотѣ врѣзывано каменье въ гнѣздехъ золотыхъ, въ дву бендяхъ въ серединахъ два алмаза большихъ граненыхъ, около нихъ по осьми алмазовъ граненыхъ же поменши, да около большой бенди тридцать одинъ алмазъ граненые жъ, да около меньшой бенди тридцать пять алмазовъ граненые жъ; въ большомъ плащѣ въ *серединѣ орелъ двоеглавой съ коруною,* въ орлѣ въ гнѣздѣ въ золотомъ яхонтъ червчатъ, около плаща девятнадцать яхонтовъ червчетыхъ, девятнадцать изумрудовъ, да въ меньшомъ въ *нижнемъ плащѣ инрогъ,* около плаща четырнадцать яхонтовъ червчатыхъ, четырнадцать изумрудовъ, да на колчанѣ жъ въ гнѣздехъ золотыхъ шестнадцать алмазовъ, тринадцать яхонтовъ лазоревыхъ большихъ, да семнадцать яхонтовъ червчетыхъ, пять изумрудовъ большихъ, двѣнадцать изумрудовъ поменьши; въ исподи колчана въ гнѣздехъ золотыхъ два алмаза граненыхъ, на срединѣ яхонтъ лазоревъ большой, два яхонта середнихъ граненыхъ лазоревыхъ, шесть яхонтовъ червчатыхъ граненыхъ, пять изумрудовъ; поясъ тесьма золото съ серебромъ, шолки розные, на поясу оправа золотая вольяшная съ финифты розными во штинадцати мѣстехъ; а въ оправѣ врѣзывано въ гнѣздехъ золотыхъ каменье: осмнадцать алмазовъ граненыхъ, двадцать четыре яхонта червчетыхъ, осмнадцать изумрудовъ.»

«А по прежней рч҃ (1682) года и нынѣшней рче҃ (1687) года переписи и по осмотру, на томъ саадакѣ, на налучѣ, яхонта червчетова, да дву изумрудовъ, да въ колчанѣ въ плащѣ изумрудца жъ нѣтъ, да въ поясу въ оправѣ дву яхонтовъ червчетыхъ, пяти изумрудовъ, всего десяти каменьевъ нѣтъ, и съ прежними переписными книгами тотъ саадакъ сшолся; цѣна

тому саадаку, каменью, и золоту, *и дѣлу* двѣ тысечи девять сотъ пять рублевъ, а попрежнимъ книгамъ, ρч҃ года, тотъ саадакъ написанъ первымъ.»

Означеніе цѣны за каменья, за золото и за *дѣло* т. е. за работу, можетъ служить доказательствомъ, что саадакъ дѣланъ въ Московской Мастерской палатѣ; особенно при сходствѣ финифтяныхъ украшеній съ шапкою перваго наряда Царя Михаила Ѳеодоровича «что дѣлана въ приказѣ у золотаго дѣла, въ 1627 году, при думномъ дьякѣ при Ефимѣ Телепневѣ». *Дѣло*, однако же, часто означало передѣлку и поправленіе по старымъ образцамъ. На саадакѣ, въ золотомъ чеканномъ плащѣ крытомъ финифтью, гербъ Византійскій; по сторонамъ его гербы четырехъ префектуръ, или воеводствъ, на которые была раздѣлена Имперія Константиномъ Великимъ; а именно на *Восточное*, заключавшее въ себѣ Фракію, Понтъ, Азію и Египетъ; *Иллирійское*, заключавшее въ себѣ всю Дакію, Паннонію, Норику, Мизію, Далматію, Македонію, Ѳессалію, Эпиръ, Ахаию и Критъ; *Италійское*, заключавшее Италію и Африканскія владѣнія; и наконецъ *Гальское*, заключавшее собственно Галлію, Германію, Британію и Испанію.

Символическихъ изображеній этихъ четырехъ префектуръ не сохранилось; но они были. Можно догадываться, что *левъ* означалъ префектуру Азійскую, или Восточную; *орелъ* Италійскую; *грифъ*, или *драконъ* Гальскую; а *единорогъ* (1) Иллирійскую, — преимущественно населенную Генетами того времени т. е. Славянскими племенами. (2)

На налучѣ, ниже герба, золотой плащь съ финифтянымъ изображеніемъ Царя на конѣ, поражающаго змія; это изображеніе «*Царь на конѣ колетъ змія*» встрѣчается на древнихъ знаменахъ, въ значеніи Царя Константина поражающаго воинство Максентіево. На колчанѣ повторяется гербъ Византійскій въ меньшемъ размѣрѣ; ниже герба плащь съ финифтянымъ изображеніемъ *единорога.*

Еслибъ саадакъ былъ дѣланъ при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, то, безъ сомнѣнія, на груди двоеглаваго орла была бы помѣщена печать Московская:

(1) Плиній въ Натур. Ист. пишетъ: «У Орсовъ, въ Индіи, водится также единорогъ, самый свирѣпый изъ звѣрей; станомъ онъ совершенно похожъ на коня, голова оленья, ноги похожи на слоновые, хвостъ какъ у Вепря. Во лбу у него рогъ длиною въ два локтя.»

Единорогъ часто упоминается въ Священномъ Писаніи:.. «Господь Богъ его (Іакова) съ нимъ, слава Царская на немъ. Богъ изведый его изъ Египта, яко же слава *единорога* въ немъ.» Кн. Числъ гл. 23. ст. 22. «Возлюбленный, яко сынъ *единорожь.*» Псал. 28. и проч.

(2) Восточное названіе Индѣйцовъ — *Гунудъ*, Греки преобразовали въ *Генетъ*.

Св. Георгій, поражающій змія; ибо гербъ Всероссійскій изображался не иначе до Царя Михаила Ѳеодоровича. (1) Такъ изображенъ гербъ двуглаваго орла съ Московскою печатью и на двухъ половинахъ зерцала Царя Михаила Ѳеодоровича, которое дѣлано въ 1616–мъ году. На посольскихъ или рындовыхъ топорахъ, Московскаго дѣла, съ одной стороны изображенъ въ орлѣ единорогъ, который употреблялся на печати Царя Ивана Васильевича, (2) какъ будто въ ознаменованіе преобладанія всею областію Восточной Церкви Византійскаго царства Константина Великаго; (3) съ другой стороны въ орлѣ гербъ Московскій.

Такимъ образомъ должно предположить, что золотой саадакъ большаго и перваго наряда, при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ только передѣланъ или переправленъ и пополненъ драгоцѣнными камнями на мѣсто выпавшихъ, точно также какъ Держава Россійскаго Царствія, на которой тѣже изображенія орла, льва, грифа и единорога, была въ 1643 году отнесена въ приказъ золотого дѣла, для поправки; при чемъ *перекрѣплены* каменья, *переправленъ* крестъ и *перемѣнены* за ветхостію двѣ золотыя дужки подъ крестомъ. (4)

САДАКЪ

ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Изображенный на рисункахъ 125 и 126, саадакъ Цареградскаго дѣла, совершенно сходнаго съ бармами, скипетромъ и державой, *дѣланными*, какъ сказано въ приходорасходной книгѣ 1665 года (5) *противъ образца діадимы*

(1) У меня есть нѣсколько помѣстныхъ грамотъ Царей: Василія Ивановича, Михаила Ѳеоровича, Алексѣя Михайловича и Іоанна и Петра; на всѣхъ этихъ грамотахъ черныя восковыя печати съ одинакимъ изображеніемъ двуглаваго орла съ Московскимъ гербомъ на груди.

(2) На хранящихся въ Оружейной Палатѣ ковшахъ Царя Ивана Васильевича и Бориса Ѳеодоровича Годунова, двуглавые коронованные орлы безъ третей, осѣняющей ихъ, короны и безъ герба Московскаго.

(3) Составлявшей префектуру Иллирійскую.

(4) См. Отд. II. Державы. стр. 32.

(5) См. Отд. II. Бармы Греч. дѣла, стр. 41. — Скипетръ втораго наряда, стр. 53.

Благочестиваго Греческаго Царя Константина. На налучѣ, въ ободу короны, надъ орломъ, означенъ 1656 годъ, соотвѣтственный времени привоза, Царегородцами Иваномъ Юрьевымъ и Дмитріемъ Астафьевымъ, вещей, относящихся къ Царскому чину и вооруженію. (1)

На налучѣ, вокругъ орла, слѣдующая надпись на Греческомъ языкѣ: «Царю Христе Вседержителю, подаждь съ небеси православнѣйшему Царю благодать и побѣды на земли, съ оружіемъ симъ на пораженіе враговъ исходящему, дабы побѣдоноснымъ возвратиться со славою, *какъ нѣкогда великому Царю Константину,* такъ и нынѣ Князю Алексію, подаждь крестомъ побѣды надъ сопротивными, исходящему, Спасителю мой, съ оружіемъ премногимъ.»

Надпись на колчанѣ: «Крестоносному (Алексію Князю) Христе Спаситель помоги, несущему лукъ и быстрыя стрѣлы побѣды надъ непріятелемъ.»

Изъ этой надписи видно, что саадакъ также заказанъ былъ по образцу налучія и колчана Константина Великаго.

Въ описной книгѣ Царской Оружейной казны, этотъ саадакъ записанъ слѣдующимъ образомъ:

«Саадакъ большаго наряду, оправа золотая прорѣзная съ каменьемъ и съ финифты розными, подзоръ алтабасъ серебрянъ; около налуча и колчана и поперегъ колчана коіма золотая съ гнѣздами, въ гнѣздахъ четыреста тридцать яхонтовъ червчетыхъ; среди налуча кругъ большой, среди круга другой кругъ поменьши съ подписью; середи меньшова круга орелъ двоеглавой съ короною наведенъ финивтомъ, около орла въ меньшомъ кругу въ гнѣздахъ сорокъ восмь алмазовъ большихъ и малыхъ, да въ большомъ кругу сорокъ восмь яхонтовъ большихъ и малыхъ; по верхъ круга коруна, въ корунѣ сорокъ пять алмазовъ, да двадцать три яхонта червчетыхъ; на налучѣ въ четырехъ мѣстехъ въ золотыхъ гнѣздахъ четыре изумруда большихъ, около ихъ и по всему налучу и въ бенди въ гнѣздахъ же сто восмьдесятъ алмазовъ большихъ и малыхъ, да четыреста шестьдесятъ пять яхонтовъ червчетыхъ граненыхъ и неграненыхъ большихъ и малыхъ; среди колчана кругъ съ подписью, въ немъ орелъ двоеглавной съ коруною наведенъ финивты; около орла сорокъ четыре алмаза большихъ и малыхъ; повыше круга коруна, въ корунѣ шесть алмазовъ да десять яхонтовъ червчетыхъ,

(1) См. Отд. III. Кончары, стр. 94.

въ томъ числѣ одинъ граненой; на колчанѣ жъ въ большомъ золотомъ плащѣ изумрудъ большой, около ево и по всему колчану и бенди въ гнѣздахъ золотыхъ восмьдесятъ три алмаза, да сто шестьдесятъ яхонтовъ червчетыхъ большихъ и малыхъ; три чепи золотые плетеные, у нихъ по концамъ шесть трубочекъ золотые жъ рѣзные съ кольцы, привязаны за два кольца съ пробойцы, подъ пробойцами по плащику рѣзные жъ, посреди чепей передвигаетца тройная пронизочка съ финивты; въ исподи колчана на донцѣ золото рѣзаны травки; около налуча и колчана по краемъ оботкано волоченымъ золотомъ, подложено алтабасомъ серебрянымъ, травы золотые; поясъ и помочь тесма шолкъ бѣлъ съ серебромъ *Турское дѣло;* оправа на поясу и на помочи золотая съ каменьи и съ финифты прорѣзная, звенцами, наборная, тридцать мѣстъ, да на помочи поменши тѣхъ шесть мѣстъ пряжа наконешникъ въ звенахъ; на поясу и на помочи въ гнѣздахъ золотыхъ тридцать шесть изумрудовъ, да сто двадцать яхонтовъ червчетыхъ; звенца на поясу въ трехъ мѣстехъ попорчены. Подложенъ сафьяномъ червчетымъ; всего въ налучѣ и въ колчанѣ и на поясу по сказкѣ и по счету золотого дѣла мастера Михайла Насыхина, алмазовъ и яхонтовъ и изумрудовъ большихъ и малыхъ тысеча семь сотъ три каменій, и по осмотру, ҁч҃ (1682) года, на колчанѣ къ донцу большова яхонта нѣтъ; на колчанѣ жъ и на лубьѣ десяти яхонтовъ жъ нѣтъ.»

«А по нынѣшней переписи и по осмотру ҁч҃е (1687) года, тотъ саадакъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся, и сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ одного яхонтика нѣтъ; а цѣна тому саадаку, по скаскѣ Золотые полаты мастеровъ иноземцовъ Юрьи Нерлита, съ товарыщи, да серебрянаго ряду цѣновщиковъ Анисима Алмазника съ товарыщи, *шесть тысячь шесть сотъ шестьдесятъ рублевъ,* а по прежнимъ переписнымъ книгамъ, тотъ саадакъ написанъ *пятымъ.*»

САДАКЪ

ХОЗЪ ЕРИННОЙ, ОБДѢЛАННЫЙ ВЪ ЗОЛОТО СЪ ЧЕРНЬЮ.

Этотъ саадакъ (рис. № 127 и 128) изъ набивной кожи яриннаго цвѣта, украшенъ золотыми рѣзными плащами съ чернью, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ драгоцѣнными камнями.

На среднемъ большомъ плащѣ налуча, по выраженію описей: «Печать Царства Московскаго» двуглавый орелъ съ Московскимъ гербомъ на груди. На колчанѣ такая же печать въ меньшемъ размѣрѣ и сверхъ того, ниже герба плащь, на которомъ вырѣзанъ грифъ съ короною на главѣ.

Описаніе этого саадака, въ описной книгѣ 1687 года, слѣдующее:

«Саадакъ большаго жъ наряду, хозъ еринной, оправа золотая рѣзная съ чернью; въ налучѣ бендь (1) и въ ней въ гнѣздѣ въ золотѣ камень алмазъ граненой, да изумрудъ граненой въ гнѣздѣ жъ золотомъ, двадцать семь яхонтовъ червчатыхъ малыхъ, а около налучи кайма тридцать пять плащей золотыхъ, въ нихъ рѣзаны клейма съ чернью, а межъ плащами тридцать четыре репья съ чернью, одинъ репей попорченъ; въ оправѣ на налучѣ два наугольника золоты рѣзные съ чернью, а въ нихъ двѣ мишени большихъ рѣзаны съ чернью, да межъ наугольника въ верху половина клейма и мишени рѣзаны съ чернью, на серединѣ плащь большой, клеймо золото рѣзано съ чернью орелъ двоеглавой съ короною; середи орла сидитъ человѣкъ на конѣ колетъ змія; по сторонамъ по полуклейма съ мишеньми золоты рѣзаны съ чернью; въ другомъ плащѣ клеймо, въ немъ мишень въ золотѣ рѣзано съ чернью; въ исподнемъ плащѣ въ наконешникѣ клеймо, въ клеймѣ мишень большая въ золотѣ *спрартъзаны* съ чернью; въ колчанѣ оправы — двѣ бенди золоты рѣзаны съ чернью, а въ нихъ два алмаза въ гнѣздехъ золотыхъ гранены, да два изумруда, да около алмазовъ и изумрудовъ по двадцати по семи яхонтовъ червчетыхъ; на колчанѣ чепь золотая съ финивты розными, на чепи пять плащей золотыхъ съ финивты, въ нихъ

(1) *Бендью* назывались плащи, въ выдающихся окруженныхъ углахъ налуча и колчана, къ которымъ съ исподи прикрѣплялся поясъ саадашный.

врѣзывано каменье пять яхонтовъ червчатыхъ; на концахъ у чепи два репья, въ нихъ въ золотѣ врѣзывано два яхонта червчатыхъ въ гнѣздехъ, а около нихъ по девяти яхонтиковъ червчатыхъ; около колчана коима, въ ней пятнадцать плащей золотыхъ, а въ нихъ по мишенцѣ врѣзывано въ золото съ черныю, межъ ими семнадцать репьевъ золотыхъ съ черныю; вверху подъ чепью наугольникъ въ золотѣ врѣзано клеймо, въ клеймѣ мишень, въ верху жъ половина клейма, а въ немъ половина мишени въ золотѣ рѣзано съ черныю; да въ плащѣ большомъ въ клеймѣ орелъ двоеглавой на обрѣзъ съ коруною, а въ немъ сидитъ человѣкъ на конѣ колетъ змія, рѣзанъ съ черныю, а надъ клеймомъ плащикъ съ короною, около ево два репья золоты рѣзаны съ черныю; подъ тѣмъ плащемъ клеймо, въ немъ *гривъ* рѣзанъ въ золотѣ съ черныю, да на исподи плащь большой клеймо, а въ немъ мишень большая въ золотѣ рѣзано съ черныю; на исподи донцо шитое волоченымъ золотомъ, на зади сафьянъ червчатъ; помочь шолкъ червчатъ съ золотомъ; поясъ тесма шолки розные серебро съ золотомъ, на поясу оправа въ семнадцати мѣстехъ золото рѣзано съ черныю.»

«А по нынѣшней переписи ҁч҃е (1687) года и по осмотру, тотъ саадакъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сшолся; на налучѣ въ клеймѣ и въ колчанѣ плащей и репьевъ золотыхъ девяти мѣстъ нѣтъ, да на колчанѣ въ чепи дву яхонтиковъ нѣтъ, да сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ ҁч҃ (1682) года, по нынѣшней переписи въ налучѣ дву репьевъ, да яхонтика нѣтъ; цѣна тому саадаку каменью и золоту и дѣлу *семь сотъ пятьдесятъ рублевъ,* а по прежнимъ книгамъ ҁч҃ года, тотъ саадакъ написанъ вторымъ.»

САДАКЪ БАРХАТНЫЙ,

УКРАШЕННЫЙ СЕРЕБРЯНЫМИ СЪ ПОЗОЛОТОЙ ПЛАЩАМИ.

Саадакъ, изображенный на рисункѣ № 129-й, въ описи 1687 года не находится; въ описи же Оружейной Палаты подъ № 9-мъ; онъ зеленый бар-

хатный, подложенъ красною кожею, и украшенъ серебряными рѣзными съ позолотой плащами.

САДАКЪ

1608 года, Троицкаго Сергіева монастыря.

На рисункѣ 130-мъ изображены саадакъ, пистолетная чушка, *чесноковинка* (1) и пуля, хранящіяся, въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, въ память тщетной шестнадцати-мѣсячной осады монастыря Польскими и Литовскими войсками, въ 1608 и 1609 годахъ, подъ предводительствомъ Сапѣги и Лисовскаго.

ТОХТУИ САДАШНЫЕ.

(Рисун. № 131.)

Тохтуями назывались чехлы, въ которыхъ хранились богатые и большаго наряда саадаки. Тохтуи дѣлались изъ атласа, камки, кумача, изъ гза (тесненой крашеной кожи), и изъ сафьяна.

Изображенные на рисункѣ 131-мъ два тохтуя, хранящіеся въ Оружейной Палатѣ, соотвѣтственны слѣдующимъ въ описи 1687 года:

— «Тохтуй шитъ по бѣлому отласу канителью и розными шелками; кругъ и стрѣлка и ластка шиты по алому отласу; на кругу вышитъ орелъ двоеглавной, подложенъ отласомъ желтымъ; кругомъ обшитъ снуркомъ золотнымъ.»

«А по нынѣшней переписи ҂аҳѯз (1687) года, тотъ тохтуй съ прежними переписными книгами сшелся; цѣна шестнадцать рублевъ; а въ прежней описной книгѣ написанъ первойнадесять.»

(1) *Чесноковинка*,—названіе шострапа, отъ слова *чеснокъ*, означающаго корягу, или пень дерева съ обрубленными корнями.

— «Тохтуй отласъ красной, кругъ и стрѣлка и ластка обьярь серебреная цвѣтная; подложенъ отласомъ желтымъ; около тохтуя и круга и стрѣлки и ластки обшито снуркомъ серебренымъ.»

«А по нынѣшней переписи ρчє года, съ прежними книгами сошолся; цѣна три рубли съ полтиною, а въ прежней описной книгѣ написанъ пятой надесять.»

«ПОКРОВЦЫ НА ГОСУДАРЕВЫ САДАКИ.»

Кромѣ тохтуевъ, на Царскихъ саадакахъ были покровцы, которые вышивались золотомъ, серебромъ и шелками, по бархату, атласу и камкѣ, или шились изъ алтабасу и другихъ золотныхъ тканей; обшивались бахрамой съ кистями по концамъ.

Богатый саадашный покровецъ, которымъ завѣшена теперь стѣнка серебрянаго трона (Отд. II. рис. № 79), описанъ въ описной книгѣ 1687 года, слѣдующимъ образомъ:

«*Покровецъ большаго наряду,* шитъ по серебряной землѣ, по краямъ каймы и наугольники травы канительные, въ срединѣ клеймо большое обнизано кафимскимъ большимъ жемчугомъ, подлѣ жемчугу по обѣ стороны обвито волоченымъ золотомъ по конительному; въ клеймѣ межъ обнизей четыре репья низаные, въ срединѣ большаго клейма орелъ двоеглавной канительной съ тремя корунами, коруны низаные, по краямъ обведены канителью; среди орла клеемцо обнизное жъ по серебряной же землѣ, среди клеемца вышитъ *человѣкъ на конѣ копiемъ колетъ змiя;* по мѣстомъ въ клеемцѣ пять зеренъ, около всеѣ средины обнизано по обѣ стороны жемчугомъ, обшито волоченымъ золотомъ; въ семи мѣстехъ попорчено; опушка отласъ червчетъ, шито мѣстами травы конительные, обшиваны золотомъ, промежъ травъ въ двунадцати мѣстехъ нашиваны клейма обнизные, около жемчугу по обѣ стороны обедено канителью; въ клеймахъ земля серебряная, въ первомъ клеймѣ съ правою сторону въ срединѣ вышитъ *змѣй летучей съ коруною,* по выше змiя нашита подпись: *печать Казанская;* въ другомъ клеймѣ въ срединѣ мѣсто о четырехъ степеняхъ шито золотомъ, на мѣстѣ *посохъ* канительной, въ рошкахъ и въ исподи по зернышку жемчужному; по обѣ стороны мѣста

вышиты *два звѣря стоячіе* канителные, по ниже мѣста *двѣ рыбки,* по выше рыбокъ низано въ прутикъ, повыше мѣста нашита подпись: *печать Новгородская;* въ третьемъ клеймѣ въ серединѣ шита *коруна* канителью мѣстами низано, по ниже коруны вышита *сабля,* по выше коруны нашита подпись: *печать Астраханская;* въ четвертомъ клеймѣ, въ серединѣ мѣсто шито золотомъ и канителью, на мѣстѣ *коруна* шита канителью жъ, коруна и мѣсто по мѣстомъ низано; по выше мѣста нашита подпись: *печать Тверская;* въ пятомъ клеймѣ вышитъ звѣрь, по выше звѣря подпись: *печать Псковская;* въ шестомъ клеймѣ въ серединѣ нашито *древо* канителью, *съ обѣ стороны древа два звѣря стоячіе,* по выше древа подпись: *печать Сибирская;* отъ клейма обнизь въ дву мѣстехъ осыпалось; въ седьмомъ клеймѣ въ серединѣ нашитъ *звѣрь* канительной, по выше звѣря подпись: *печать Пермская;* въ осьмомъ клеймѣ въ серединѣ вышитъ *человѣкъ, въ рукѣ держитъ саблю,* по выше человѣка подпись: *печать Резанская;* въ девятомъ клеймѣ въ серединѣ нашитъ *звѣрь,* по выше звѣря подпись: *печать Болгарская;* въ десятомъ клеймѣ въ серединѣ нашитъ *лукъ съ рукою держитъ тетиву съ стрѣлою,* рука низана, по выше лука подпись: *печать Вяцкая;* въ одиннадцатомъ клеймѣ вышитъ *звѣрь съ рогами,* по выше звѣря подпись: *печать Ростовская;* въ другомъ надесять клеймѣ въ серединѣ шитъ *звѣрь съ рогами,* по выше звѣря подпись: *печать Нижегороцкая;* во шти клеймахъ, межъ обнизей, по четыре репейка низаные, около всее опушки по краю низано въ прутъ; около жемчугу по обѣ стороны обшито волоченымъ золотомъ; во многихъ мѣстехъ попорчено; бахрама и кисти золотые, ворворки низаные во рефитъ; покровецъ подложенъ камкою желтою, простинка на покровцѣ дорогильная желтая, на бумагѣ стеганая въ шахматъ.»

«А по нынѣшней переписи ҂рче (1687) года, (1) тотъ покровецъ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ сошолся; а по осмотру того покровца, у кистей ворворки, обшивные пряденымъ серебромъ, а необнизные; цѣна тому покровцу, по оцѣнкѣ вятошного ряду торговаго человѣка Микитки Харитонова съ товарыщи, *тысяча двѣсти рублевъ;* а въ прежней описной книгѣ написанъ первымъ же.»

(1) Листъ 160.

ТУЛУМБАСЪ И ВОЩАГА.

(Рисун. Отд. III. № 132.)

Употребленіе тулумбасовъ, въ родѣ небольшихъ литавръ, по описанію Рафаеля Барберини, въ 1563-мъ году, было слѣдующее:

«Когда выѣзжаетъ Государь на прогулку по городу, то часто видите его одѣтымъ просто, въ какомъ нибудь цвѣтномъ кафтанѣ безъ золота; онъ беретъ съ собою только нѣсколько слугъ пѣшихъ; а такъ какъ по всѣмъ улицамъ тамъ (въ Москвѣ) бываетъ множество народа, то иногда, находясь въ толпѣ, возитъ онъ съ собою у луки сѣдла небольшой барабанъ, въ родѣ того, какой имѣютъ у себя на лошади Мавры; и какъ ударитъ онъ по немъ рукояткой плети, кукую имѣютъ обыкновенно всѣ ѣздоки, народъ тотчасъ же раздается въ разныя стороны; впрочемъ такой инструментъ случалось мнѣ видѣть и у сыновей его, да и у другихъ знатнѣйшихъ бояръ.»

Въ описи казны Михаила Θеодоровича 1640 года, въ числѣ тулумбасовъ желѣзныхъ, мѣдныхъ и булатныхъ «два тулумбаса желѣзныхъ навожены золотомъ, по краямъ обведено тесьмою шолковою полосатою, привязки тесьма шолкова зелена, отъ сѣдла *подушка* бархатъ алой; Государю челомъ ударилъ Юргенской (Грузинской) Царевичь въ 1634 году.» — «*Тулумбасъ* мѣдной позолоченъ, края обложены бархатомъ чернымъ, покрытъ хозомъ черленымъ, опушка и травка хозъ объяринной. *Прислалъ въ даръ Государю Кизильбашской Шахъ Абасъ,* въ 1627 году.»

Тулумбасъ, хранящійся въ Оружейной Палатѣ, изображенный на рисункѣ № 132, соотвѣтственъ слѣдующему по описной книгѣ 1687 года:

«Тулумбасъ такой же, (1) на немъ орелъ, подъ верхомъ бархатъ червчатъ.»

«А по нынѣшней описи 1706 года, тотъ тулумбасъ сходенъ, а по осмотру, у того тулумбаса орелъ написанъ на верху на опойкѣ; цѣна тому Тулумбасу двадцать пять алтынъ.»

Богатые тулумбасы, по описи 1687 года, были серебряные, золоченые, украшенные драгоцѣнными камнями:

«Тулумбасъ серебряной, бѣлой, гладкой, на немъ шесть плащей серебряныхъ золочены, съ каменьемъ съ виниски и бирюзы; подъ верхомъ бархатъ зеленой, съ гвоздми серебряными. Вѣсу въ немъ четыре фунта съ полфунтомъ; цѣна тому тулумбасу по семи рублевъ за фунтъ, и того двадцать четыре рубли, шестнадцать алтынъ, четыре деньги.»

Плеточки, съ шариками на концѣ, которыми били по тулумбасу назывались *вощагами*. Въ описи 1687 года: «*шесть вощагъ*, что бьютъ по тулумбасу, оболочены бархатомъ червчатымъ.» — «Семь вощагъ, шиты золотомъ и серебромъ, черенья покрыты бархатомъ червчатымъ, у седьмой черенъ окрашенъ.»

(1) Предыдущей тулумбасъ въ описи: «мѣдной, золоченъ, на немъ плащики съ бирюзки и виниски.... А по осмотру у него гортокъ изломанъ.»

КОНЮШЕННАЯ КАЗНА.

СТАРИННЫЯ ЦАРСКІЯ КАРЕТЫ И ВОЗКИ.

(Рисун. Отд. III. № 133, 134.)

Карета, или вѣрнѣе колымага (1), изображенная на рисункахъ 133 и 134, въ описи Ор. Палаты подъ № 31-мъ «Англійская»; по описной книгѣ 1706 года «привезена изъ Англинской земли въ ҂рлг (1625) году, передѣлана на Москвѣ въ ҂рпѕ (1678) году.»

Первый экипажъ, подъ названіемъ кареты (carriage) былъ присланъ Царю Борису Годунову отъ Англійской Королевы Елисаветы (2). Хранящаяся въ Оружейной Палатѣ, описываемая здѣсь карета, соотвѣтствуетъ болѣе этой эпохѣ, нежели 1625 году, въ которомъ по посольскимъ книгамъ о присылкѣ кареты не упоминается. На задней части дрогъ изображенъ Россійскій гербъ безъ Московскаго герба, какъ онъ изображался еще при Царѣ Борисѣ. Московскій гербъ ниже, особенно. На задней части кареты вырѣзано рельефомъ сраженіе съ Турками; витязь въ золотой бронѣ и шлемѣ наѣзжаетъ съ копьемъ на Султана. Спереди кареты тотъ же витязь, въ коронѣ, на колесницѣ, торжественно шествуетъ съ побѣды. Передъ нимъ несутъ знамя съ изображеніемъ двуглаваго орла, котораго одна половина красная, другая бѣлая. Безъ сомнѣнія этотъ царственный витязь предста-

(1) У колымагъ небо было на столбцахъ, и вмѣсто дверецъ полы, или такъ называемыя фартуки.

(2) Опытъ повѣств. о древн. Русскихъ, ч. I, стр. 44.

вляетъ Бориса Годунова, котораго посольство къ Елисаветѣ имѣло цѣлію мысль его о новомъ союзѣ всѣхъ христіанскихъ державъ, для изгнанія Турокъ изъ Европы.

При частой переписи описей, ошибка легко могла вкрасться въ означеніи года буквами: ра҃ı съ буквой г҃ подъ титломъ (1603) принято за рл҃г (1625).

Въ описи конюшенной казны 1706 года, описаніе кареты слѣдующее:

«Корета большая, Аглинская, бархатная, червчатая, съ плащами серебреными; въ ней два креста серебряныхъ золоченыхъ съ мощьми; на коретѣ, по каймѣ, кругомъ всей кореты прибито двѣнадцать плащей серебряныхъ, большихъ, сквозныхъ; въ плащахъ чеканены орлы двоеглавые съ коронами, да птицы въ травахъ серебреные бѣлые пришиваны проволокою серебреные; на верху у каймы кругомъ всей кореты круживо золотое, по круживу прибивано гвоздье серебреное бѣлое большое, счетомъ сто тринадцать гвоздей, дву гвоздей нѣтъ; на правой сторонѣ два плаща испорчены и серебро выломлено. На лѣвой сторонѣ испорченъ плащь, да задней плащь попорченъ же, пришитъ проволокою мѣдною; кайма подложена бархатомъ червчетымъ виницейскимъ; въ коретѣ верхъ и передніе и задніе стѣны и подводные полы и столбцы и ящики обито, и одверье и отметные полы подложены бархатомъ червчатымъ и травчатымъ по золотной землѣ; по бархоту сверху прибиванъ голунъ серебряной съ гвоздьми маленькими золочеными мѣдными; верхъ на осьми столпцахъ деревянныхъ, на столпцахъ сверху и внизу звѣри и птицы рѣзные писаны золотомъ и красками; на столбцахъ по бархату прибиванъ голунъ серебряной съ гвоздьми серебряными бѣлыми, счетомъ на столбцахъ сто пятьдесятъ восмь гвоздей; въ коретѣ жъ кругомъ верху подзоръ серебряной чеканной сквозной, чеканены птицы въ травахъ, съ плащиками, прибиваны гвоздьми мѣдными, золочеными; подъ каймою прибито кругомъ всей кореты бахрама золотая длинная; въ верху въ коретѣ въ срединѣ *орелъ двоеглавой шитъ золотомъ да серебромъ волоченымъ, мѣстами низанъ жемчугомъ*, кругомъ бахрама золотная; кругомъ кореты подводные полы бархатные червчатые гладкіе и обламы обшиты тѣмъ же бархатомъ; на обламахъ, кругомъ кореты и кругомъ столпцевъ, прибита бахрама золотная; по выше прибитъ голунъ серебреной съ гвоздьми серебреными, счетомъ кругомъ всей кореты двѣсти восьмьдесятъ пять гвоздей; на полахъ завязки тканые серебромъ съ золо-

томъ, на нихъ наконешники серебреные; одверье съ лица обшито бархотомъ червчатымъ, на одверьяхъ отметные полы того жъ бархоту; на задней стѣнѣ по бархоту пришито десять плащей серебреныхъ, кругомъ полъ по краемъ обшито голуномъ серебренымъ гладкимъ; съ лица прибита бахрама золотная длинная съ гвоздьми большими гладкими серебреными бѣлыми, счетомъ пятьдесятъ два гвоздя; по сторонамъ на одверьяхъ и на отметныхъ полахъ прибито бахрама золотная длинная съ гвоздьми мѣдными золочеными; *а Государево мѣсто изъ той кореты поставлено въ большіе выходные сани;* противъ Государева мѣста *мѣсто боярское,* подушка бархотъ и бахрама тако жъ, что Государево мѣсто; *середнее мѣсто* обито бархатомъ червчатымъ гладкимъ; кругомъ прибиванъ голунъ серебреной съ гвоздьми мѣдными золочеными гладкими; въ коретѣ подъ ногами обито сукномъ червчатымъ, *съ лица у кореты по ящику рѣзаны на конягъ люди и звѣри и травы* и золочены и росписаваны розными красками; подъ абламами подставки желѣзные витые золоченые; передніе столпцы рѣзные золоченые, *на нихъ рѣзаны люди и золочены и росписаваны живописнымъ письмомъ;* на столпцахъ *стоятъ звѣри съ крыльемъ,* золоченые жъ; межъ столпцовъ роспоръ рѣзной золоченой, поверхъ роспора прибита доска рѣзная жъ золоченая и серебрена мѣстами, на ней прорѣзанъ кругъ, поверхъ круга маковица рѣзная золоченая; задніе столпцы рѣзные жъ, на нихъ *рѣзаны люди и золочены и прописаны живописнымъ письмомъ;* межъ столпцовъ роспоръ рѣзной золоченой, поверхъ прибита доска рѣзная жъ золоченая жъ, на *ней вырѣзанъ орелъ двоеглавой,* а по сторонамъ *рѣзаны люди;* поверхъ маковка рѣзная и вызолочена; на столпцахъ *левъ да инрогъ;* оттужины и подпоры желѣзные витые, золоченые; поясъ, на чемъ корета стоитъ, ременье обшиты бархатомъ червчатымъ, по нихъ нашиванъ голунъ серебряной; пряжи желѣзные рѣзные золоченые; колеса ободы окованы мѣдью, ступицы и спицы и ободы рѣзные и розцвѣчены розными красками; станъ и дышло и боронки крашеные сурикомъ; на коретѣ чехолъ суконной красной, подложенъ крашенинною красною. *Привезена та корета изъ Аглинской земли во* ҏлг (1625) году, *а передѣлана та корета на Москвѣ во* ҏпз (1678) году; а по описи прошлого ҏчз (1689) года, та корета *первая.*»

«А по переписи ҁ (7200) года, та корета съ прежнею переписною книгою ҏчз (1689) года сходна, а на каймѣ серебряной сверхъ прежней переписи попорчено въ трехъ мѣстехъ.»

«А по нынѣшней переписи ѱ҃ѕ (706) года, та корета съ прежнею переписною книгою с҃ (7200) года сходна, а по осмотру, у той кореты кругомъ всей кореты по каймѣ; на правой сторонѣ по срединѣ орла больши полумѣста серебра нѣтъ; на той же сторонѣ, на заднемъ наугольникѣ, около орла, серебро изломано, и серебра нѣтъ; на той же сторонѣ напреди около такова же орла серебро изломано, а много и нѣтъ; на лѣвой сторонѣ у передняго и задняго наугольниковъ во многихъ мѣстехъ около орловъ серебро попорчено и на лицо ево нѣтъ; назади отъ средняго орла серебряной травы нѣтъ, назади жъ у наугольнаго орла главъ серебряныхъ нѣтъ; напереди у середняго плаща отъ орла половины травы серебра отломлено и серебра нѣтъ, да венешняго одного гвоздя нѣтъ. Цѣна той вышеписанной коретѣ тысеча рублевъ.»

ВОЗКИ МАЛЕНЬКІЕ, ПОТѢШНЫЕ.

(Рисун. Отд. III. № 135, 136.)

Хранящіеся въ Оружейной Палатѣ, изображенные на рисункахъ два маленькіе возка, одинъ на колесахъ, другой на полозьяхъ, по переписнымъ книгамъ, назывались *потѣшными*, для катанья Царскихъ дѣтей. По преданію, эти два возка принадлежали Царевичу Петру Алексѣевичу. По описи 1706 года, они въ конюшенной казнѣ не состояли; но были вѣроятно въ комнатахъ, какъ, напримѣръ, упоминается о потѣшномъ возкѣ, внесенномъ въ комнаты при Царѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ: (1)

«Возокъ маленькой слюденой, потѣшной, верхъ на немъ писаны орлы и люди на коняхъ и пѣшіе и птицы; двѣри на обѣ стороны ростворные; въ немъ обито кожею золоченою съ травы; дву окончинъ нѣтъ, и въ немъ проломлено на верху, четыре маковицы сломлены; окорчье обшито сукномъ краснымъ, полозье крашены сурикомъ.»

«По переписи ҫ (200 т. е.: 1692) года, того возка нѣтъ; а по сказкѣ казначея Федора Селиверстова Дорофея Микулина, *тотъ де возокъ внесенъ въ верхъ въ комнату Великому Государю Царю и Великому Князю Іоанну Алексѣевичу* всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу.»

«А по нынѣшней переписи ѱз (707) года, того возка въ казнѣ не явилось же.»

Въ описи 706 года, упоминается также о возкѣ на колесахъ, Царевича Алексѣя Петровича: (2)

(1) Листъ 452, на оборотѣ.
(2) Листъ 456.

«Возокъ постельной, новой, на большой конюшнѣ великого Государя Царевича и Великого Князя Алексѣя Петровича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи; назади и напереди того возка орлы писаны золотомъ по голубой землѣ; по сторонѣ по два куба съ травами; верхъ обитъ кожею червчатою, а по кожѣ писаны травы розными красками; гвоздьми обитъ мѣдными пупчатыми, а каймы гвоздьми мелкими; *станъ и колеса крашены сурикомъ*, а въ немъ подбито въ верху стамедомъ алымъ съ голуномъ шолковымъ лазоревымъ, гвоздьми мѣдными, а стороны и двери обиты кожею червчатою.»

«А у нынѣшней переписи ѱз (1707) казначей Өедоръ Селиверстовъ сказалъ: тотъ де возокъ и по нынѣ на большой же конюшнѣ.»

КАРЕТА БАРХАТНАЯ.

(Рисун. Отд. III. № 137, 138.)

По преданію бывшаго Колымажнаго Двора, эта карета называлась *Патріаршею;* по описи 1706 года, она поступила въ конюшенную казну послѣ «Боярина Никиты Ивановича Романова» и слѣдовательно должна была принадлежать Патріарху Филарету Никитичу. Въ 1688 году она передѣлывалась для встрѣчи Грузинскаго Царя Темуруза (Теймуразъ) (1).

Описаніе этой кореты въ 1706 году, съ прежнихъ переписныхъ книгъ, слѣдующее: (2)

«Корета бархотная, съ голунами сверху и по сторонамъ и двери обиты бархатомъ червчатымъ гладкимъ; въ ней надъ Государевымъ мѣстомъ крестъ серебряной чеканной золоченой; надъ боярскимъ мѣстомъ крестъ серебряной рѣзной золоченой; по верху на коретѣ возлѣ каймы круживо кованое серебряное широкое; по коретѣ прибавано мѣсты голуномъ серебрянымъ; на коретѣ одиннадцать маковицъ желѣзныхъ золоченыхъ; по каймѣ сверху около кореты прибиваны гвозди мѣдные гладкіе золоченые, а подъ ними прибито бахрама золотная гвоздьми гладкими малыми золочеными; въ коретѣ и въ дверехъ восмь окончинъ слюденыхъ, станки писаны сусальнымъ золотомъ; въ дверехъ подъ окончинами двѣ подставки мѣдные золоченые на

(1) Въ запискѣ о пріѣздѣ Грузинскаго Царя въ 1658 году, сказано: «а какъ пришолъ Грузинскій Царь къ Земляному валу, и по указу Великаго Государя выслана была другая, *нарядная корета* съ возниками жъ (конями) Конюшеннаго приказу, съ дьякомъ съ Тимоѳеемъ Марковымъ. *Древ. Рос. Вивліоѳики,* часть VIII.

(2) Листъ 394 на оборотѣ.

тесьмахъ шолковыхъ; около окончинъ по дверямъ и подъ окончинами по коретѣ и по столпцамъ прибиванъ голунъ серебряной гвоздьми мѣдными золочеными; ниже окончинъ прибито гвоздочками маленькими, въ сереткахъ межъ голуна нашиваны репьи такимъ же голуномъ; промежъ репьевъ, по столбцамъ, набивано гвоздьемъ мѣднымъ золоченымъ; въ коретѣ въ верху и по столпцамъ и двери обиты бархотомъ золотнымъ репейчатымъ; промежъ золотныхъ репьевъ, репьи серебреные съ шолкомъ червчатымъ, да съ зеленымъ; въ верху въ срединѣ кругъ, около круга бахрама золото пряденое съ серебромъ; въ коретѣ жъ подъ верхомъ бахрама шолкъ зеленъ золотомъ по бархоту; верхъ и по сторонамъ прибиванъ голунъ серебреной гвоздьми мѣдными золочеными; на мѣстахъ подушка того жъ бархоту; у мѣстъ по краю бахрома золото пряденое; въ исподи у мѣста жъ обито кожею золотною; у дверей въ притворѣ по краемъ обито обьярью серебреною, по ней травки золотные шолки розныхъ цвѣтовъ; посторонними мѣсты въ исподи два тюшечка покрыты сукномъ червчатымъ; столпцы передніе и задніе деревянные резные золоченые золотомъ и серебромъ сусальнымъ; оттужины и подпоры и поясы, пряжи и петли желѣзные золоченые; напереди и назади кареты жъ межъ столпцовъ на впоркахъ прибито желѣзо прорѣзное, на немъ рѣзаны звѣри и травы, на обѣ стороны золочено сусальнымъ золотомъ, на столпцахъ четыре маковицы желѣзные золоченые; подъемные поясы обшиты бархотомъ, по нихъ голунъ серебряной; станъ и колеса обиты желѣзомъ, чехолъ суконной красной. *Взята та корета послѣ боярина Никиты Ивановича Романова во рѯд (1656) году, а передѣлана та корета, для встрѣчи Грузинскаго Царя Темуруза во рѯѕ (1658) году.»*

«А по переписи с (1692) года, та корета съ прежнею переписною книгою рчз (1689) года сходна.»

«А по нынѣшней переписи ѱз (707) года, та корета съ прежнею переписною книгою с (1692) года сходна, а по осмотру, у той кореты крестовъ серебряныхъ да двух тюшачковъ, покрытыхъ сукномъ, нѣтъ; цѣна той коретѣ сто семьдесятъ рублевъ.»

КОНСКАЯ СБРУЯ.

ЧАЛДАРЫ.

(Рисун. Отд. III. № 139, 140.)

Чалдаръ, по Турецки *джультаръ* — جولتار, отличался отъ обыкновеннаго чепрака, тѣмъ, что прикрывалъ полостями крупъ и грудь лошади. Въ Оружейной Палатѣ хранится 50 чалдаровъ парчевыхъ, алтабасныхъ, бархатныхъ — шитыхъ золотомъ и серебромъ, и украшенныхъ яхонтами, изумрудами, бирюзою и жемчугомъ.

На рисункѣ № 139, изображенъ чалдаръ кольчужный, въ описи Оружейной Палаты № 48:

«Чалдаръ съ нагрудникомъ, бархатный, малиновый, полинявшій; на полахъ вшиты стальныя полосы съ позолотою и черныо, соединенныя кольчатыми сѣтками и укрѣпленныя серебряными и золочеными репейчатыми гвоздиками.»

Чалдаръ, рис. № 140, по описи 706 года, листъ 278:

«Чалдаръ Турецкой розъемной, бархатъ черный, по немъ плащи серебряные прорѣзные, мѣстами золочены, съ гвозди горощатыми; на нихъ три плаща вверхъ опуповаты, витые, золочены.

КОНСКІЕ НАКОЛѢННИКИ.

(Рисун. Отд. III. № 141, 142.)

Въ числѣ конскихъ украшеній употреблялись наколѣнники, составленные изъ серебряныхъ и золотыхъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, бляхъ, соединенныхъ между собою петлями и обнимавшихъ ноги лошади ниже колѣна.

На рисункѣ № 41, верхній наколѣнникъ (Оп. Ор. П. № 5) составленъ изъ звѣньевъ, скрѣпленныхъ въ три ряда и нашитыхъ на малиновомъ бархатѣ. Нижній—серебряный рѣзной съ позолотой. Нижній наколѣнникъ, изображенный на рис. № 142-мъ, въ описи Ор. Палаты, подъ № 4-мъ:

«Наколѣнниковъ серебряныхъ бѣлыхъ съ рѣпьями пара; на нихъ мѣдныя золоченыя перья съ серебряными же рѣпьями, въ которыхъ, въ гнѣздахъ, бирюзы и окрашенные хрустали. Вѣсу: фунтъ, сорокъ восемь золотниковъ.»

УЗДЕНИЦЫ.

Къ числу множества старинныхъ богатыхъ уздъ и муштуковъ, которыя хранятся въ Оружейной Палатѣ, принадлежатъ и узденицы или конскія начельныя бляхи, съ цѣпочками, называвшіяся также решмами. Относясь

преимущественно къ великолѣпію убранства верховаго коня, золотыя и серебряныя узденицы украшались финифтью и драгоцѣнными камнями. Изъ 53 сохранившихся узденицъ, изображенныя на рисункѣ № 143-й, изъ простыхъ. Верхняя — серебряная золоченая, съ изображеніемъ по срединѣ двуглаваго орла, по сторонамъ льва и единорога, въ описи Оружейной Палаты, подъ № 42-мъ.

ПОВОДНЫЯ ЦѢПИ.

(Рисун. Отд. III. № 144, 145.)

При торжественныхъ случаяхъ поводныя конскія цѣпи были серебряныя, золоченыя, изукрашенныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. *Гремячія* цѣпи составлялись изъ бубенчиковъ, или прорѣзныхъ, какъ выражаются описи, яблоковъ:

« Чепи двои, яблока серебряные золоченые, прорѣзные, большіе — однѣ съ жемчуги, а другіе съ корольки; меньшіе яблока съ жемчуги. »

— « Чепи обнизные, витые, на яблокахъ изумруды. »

Цѣпи, изображенныя на рисункѣ № 144, въ описи 706 года:

« Двои чепи серебреные золочены, чеканные; въ сторонкахъ по семи звѣнъ, въ ошейкѣ по пяти звѣнъ съ орлами; на звѣнахъ и индроки и львы.

« По переписи рч҃з года, съ прежнею описною книгою, тѣ чепи сошлись; а по осмотру во многихъ мѣстехъ изломано, и подбиты мѣдью; вѣсу въ нихъ осмнадцать фунтовъ съ полуфунтомъ; въ другихъ вѣсу одиннадцать фунтовъ съ полуфунтомъ. »

« А по переписи с̃ (1692) года, тѣ чепи и вѣсъ съ прежнею переписною книгою рч҃з (1689) года сходны.

« А по нынѣшней переписи ѱ̃з (1707) года, тѣ двои чепи съ прежнею описью с̃ (1692) года сходны; а по осмотру у первыхъ чепей въ сторонахъ по семи звенъ, да по два орла въ шейкѣ, пять звенъ, да два орла;

у одной сторонки кольцо съ петлею, а на другомъ кольцѣ одна петля; у другой стороны по концамъ петель и колецъ нѣтъ; у ошейка по обѣимъ концамъ по петли, у другихъ чепей въ сторонкахъ по пяти звенъ, у одной стороны два орла, да одна петля, а кольца нѣтъ; а въ другой сторонѣ одинъ орелъ, а в ошейкѣ два звена, да орелъ, да пробой одинъ; а вѣсомъ тѣ обои чепи противъ описи ͞ѕ (1707) года сходны; цѣна по осми рублевъ фунтъ, и того двѣсти сорокъ рублевъ.»

СѢДЛО

«ЦАРЯ БОРИСА ГОДУНОВА.»

(Рисун. Отд. III. № 146.)

Изображенное на рисункѣ сѣдло, ошибочно названо Годуновскимъ. Это, такъ называемое *Кизылбашское*, въ описи Оружейной Палаты № 7-й; собственно же сѣдло Царя Бориса Годунова хранится подъ № 1-мъ. Въ Описной книгѣ конюшенной казны, 707 года, оно внесено 21-мъ:

« *Сѣдло Царя Бориса Годунова,* нарѣска и крыльца бархатъ червчатъ съ золотомъ и съ серебромъ, луки оправлены серебромъ золоченымъ съ финифты; въ передней и въ задней лукахъ два плаща прорѣзные, чеканные, съ кольцы; на известяхъ шесть плащей чеканные съ петли; у всѣхъ плащей личины и обоймицы рѣзаны фряскіе, на лукахъ двадцать восмь гвоздей съ личинки, подпруги и пуслища сыромятные обшиты бархатомъ червчатымъ; у подпругъ и у пристугъ наконешники серебряные золоченые, литые травы, на чеканное дѣло; тебеньки писаные; безъ стремянъ.

« По переписи рчз года, то сѣдло съ прежнею переписною книгою сошлось. »

« А по переписи с҃ (1692) года, то сѣдло съ прежнею переписною книгою рчз (1689) года сходно, а по осмотру трехъ гвоздей нѣтъ. »

« А по нынѣшней описи ѱз (707) года, съ прежнею описью с҃ (1692) года сходна, а по осмотру, у того сѣдла на заднихъ известяхъ двѣ скобы

желѣзные, опаены серебромъ, да у подпругъ три пряжи желѣзные опаеные серебромъ же.

«Цѣна тому сѣдлу тридцать рублевъ.»

Въ переписной книгѣ пожитковъ Бориса Феодоровича, 1589 года, сѣдло, записанное въ конюшенной рухляди подъ № 1, было съ подписью его имени, слѣдующее:

«Сѣдло полное ковано, въ серебрѣ, дѣло чеканено люди на конехъ, золочено; всѣ тебенки серебряны, кованы, дѣло чеканное; на тебенкѣ по в человѣка на конехъ; тебенки и люди золочены всѣ, а кони бѣлы; стремяна серебряны, около ихъ рѣзаны слова, *имя Бориса Федоровича*, да на нихъ мишени рѣзаны травы.»

СѢДЛО

КНЯЗЯ ДИМИТРІЯ МИХАЙЛОВИЧА ПОЖАРСКАГО.

(Рисун. Отд. III. № 147.)

Это сѣдло поступило въ Оружейную Палату, въ 1830 году, изъ Троицкой Сергіевой лавры, вмѣстѣ съ оружіемъ защитниковъ ея, въ 1608 году, противъ Поляковъ и Литвы.

Верхъ и полы сѣдла малиноваго бархата, обшитыя по краямъ желтою шелковою тесьмою, подложены голубою крашениною; при сѣдлѣ стремена желѣзныя, прорѣзныя.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ОТДѢЛЕНІЯ.